

И.А. ТОЛСТОКУЛАКОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЛАДИВОСТОК 2002

Министерство образования Российской Федерации
Дальневосточный государственный университет
Центр корееведческих исследований

И.А. Толстокулаков
ОЧЕРК
ИСТОРИИ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2002

ББК 63.3
Т 52

Издано при финансовой поддержке
Korea Foundation

Толстокулаков И.А.
Т 52 Очерк истории корейской культуры / Учеб. пособие. — Владивосток: Изд-во
Дальневосточного ун-та, 2002. — 238 с.
ISBN 5-7444-1323-5

В настоящем учебном пособии рассматривается процесс становления и развития богатой национальной культуры корейского народа, вскрываются её истоки, определяется близость к культурному комплексу дальневосточной цивилизации, анализируются особенности современной культуры Республики Корея и КНДР. Авторы предлагают широкий спектр мнений и оценок по заявленной проблеме, выделяют характер проявления общих закономерностей исторического развития и элементы национальной специфики, повлиявшие на становление культуры страны.

Пособие предназначено в первую очередь для студентов ДВГУ, специализирующихся на изучении истории и культуры Кореи и других дальневосточных стран. Издание адресуется также специалистам, интересующимся проблемами российского корееведения, и широкому кругу читателей.

Т 4402000000
180(03) - 2002

ББК 63.3

ISBN 5-7444-1323-5

© Толстокулаков И.А., 2002
© Издательство Дальневосточного
университета, 2002

Ministry of Education of Russian Federation
Far Eastern National University
Center for Korean Researches

I. Tolstokoulakov

STUDIES IN HISTORY OF KOREAN CULTURE

Vladivostok
Far Eastern National University Press
2002

COPYRIGHT ©: 2002 by Igor A. Tolstokoulakov

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system or transmitted in any form or by any means, electronic, electrostatic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without the prior permission in writing of the author.

Publication of this book became possible thanks to financial support of Korea Foundation

Tolstokoulakov I.A.

Studies in History of Korean Culture. – Vladivostok: FENU Press, 2002. – 238 p.

ISBN 5-7444-1323-5

This manual author considers process of development of rich national culture of Korean people, opens its sources and determines closeness to the cultural complex of Far Eastern civilization and features of modern culture of South and North Korea. The writer offers a wide spectrum of judgments and estimations on the announced problem, selects character of manifestation of common legitimacies of historical development and units of the national specificity that has influenced on Korean culture.

The manual is intended first of all for the FENU students, specializing on learning Korean history and culture or other Far Eastern countries. The issuing is addressed also to experts, interested by problems of Korean studies in Russia, and to wide circle of the readers.

ISBN 5-7444-1323-5

Printed in the Russian Federation

ПРЕДИСЛОВИЕ

Корея занимает небольшой полуостров на восточной окраине Азиатского континента, протянувшийся как своеобразный мостик в сторону Японского архипелага. Его очертания многим напоминают большой палец на руке человека. На незначительной по мировым масштабам площади (чуть более 222 тыс. кв. км) проживает почти 70 млн. человек. Корея – одна из немногих стран с практически однородным в национальном отношении населением. Такая исключительная однородность способствует сохранению многих национально-культурных и бытовых особенностей. Как и всякая другая восточная страна, Корея имеет собственное лицо, ярко выделяющееся даже на фоне общей дальневосточной культурной традиции. Неповторима и разнообразна ее природа, растительный и животный мир, богаты ресурсы, славится Корея удивительно радушными и трудолюбивыми людьми, не утратившими дружелюбия даже в беспрестанной борьбе за национальную независимость и выживание своей культуры и государственности. Видимо поэтому до наших дней дошли самобытные традиции корейцев, сохранили свою уникальность их язык, верования и обычаи. Для человека, впервые столкнувшегося с этим новым миром, характерно стремление сопоставить его с привычными и хорошо знакомыми представлениями, но сопоставления эти далеко не всегда возможны или даже уместны.

Корея является одним из древнейших очагов дальневосточной цивилизации, ее культура поражает своим разнообразием и самобытностью, в то же время многовековая история корейской нации представляет собой неотъемлемую часть всемирного процесса становления и развития мировой культурной сокровищницы. Многие характерные для сегодняшней Кореи особенности и черты своими корнями уходят в далекое прошлое, и чтобы понять их, необходимо заглянуть в историю самобытной корейской нации и ее культуры.

Природа не обделила страну благоприятными условиями. Сказочно красивы ее горы, которые выглядят как только что сошедшие с картин восточных живописцев. По ущельям и нешироким долинам сбегает ручьи и речки, выходящие на равнины широкими полноводными реками. Хрустально чистая вода стремительными водопадами низвергается со скальных выступов, бьется о камни, и в солнечные дни над водопадами всегда можно увидеть многоцветье радуги. Большую часть полуострова занимают покрытые лесами горы. Люди научились ценить великолепие и гармонию окружающей их природы. Живописные пейзажи и на протяжении веков вдохновляют творческие силы корейской нации.

Корейская природа так же коварна, как и благодатна. Муссонный климат в целом благоприятен для сельского хозяйства, но он оборачивается избыточным переувлажнением почвы в сезон дождей, паводками и наводнениями. Горы в своих недрах таят щедрые дары, но в то же время являются и самой главной проблемой Кореи. Испокоя веков, будучи аграрной нацией, корейцы всегда должны были компенсировать острую нехватку сельскохозяйственных угодий, чтобы жить в достатке им приходилось возделывать и делять каждый пригодный для пахоты клочок земли. Современное состояние корейской земли – это результат кропотливой землеустроительной работы многих и многих поколений, которые целенаправленно меняли облик своей родины, сопротивлялись природным стихиям, создали общенациональную ирригационную систему, с тем чтобы защитить посевы и морское побережье от наводнений, засухи, свирепых тайфунов.

Но не только природа на протяжении тысячелетий испытывала стойкость корейского народа. Прошлое страны насыщено драматическими и подчас трагическими событиями. Корея с ранних времен была объектом притязаний могущественных соседей, она подвергалась нашествиям древних китайцев, монгольских племен, неоднократно страдала от японских агрессоров. Становление корейской нации проходило в условиях постоянной угрозы вторжения, что также предопределило пути развития ее своеобразной культуры. От первобытных племен и через протогосударственную традицию Древнего Чосона, раннефеодальную междоусобицу Когурё, Пэкче и Силла корейцы пронесли идею национально-культурной общности и воплотили ее, создав в X в. государство Корё. К этому времени сформировалась и сама нация с определенной территорией, языковым и культурным единством. Следующим этапом государственного и культурного развития корейцев становится период Чосона (конец XIV – начало XX в.). Чтобы защититься от иностранных посягательств, власти Кореи в первой трети XVII в. избрали путь внешнеполитической изоляции, более двух столетий страна поддерживала дружественные связи лишь с Китайской империей, допуская торговлю с Японией. Однако это лишь замедлило колонизацию Кореи, могущественные западные державы уступили право поработить ее Японской империи. Первая половина XX в. – самый драматический этап национальной истории, связанный с колониальным владычеством японцев, но и после его крушения вплоть до наших дней многострадальный корейский народ не залечил своих ран. Противостояние

двух мировых систем раскололо нацию на два враждебных лагеря, лишь на рубеже нового тысячелетия наметилась реальная перспектива ее воссоединения.

В задачи данного пособия входит определение общих тенденций в развитии духовной культуры корейской нации на материале тех ее сфер, где они проявляются наиболее отчетливо: общественно-политическая мысль, научно-техническое знание, образование, зрелищное искусство, изобразительное искусство и архитектура, прикладные народные ремесла. Специфика раннего этапа развития корейской культуры потребовала от нас максимально сосредоточиться на материальной культуре древней Кореи, последующие этапы описаны преимущественно на основе культуры духовной. Такие базовые элементы материальной и бытовой культуры корейцев, как питание, жилье, одежда, кратко рассмотрены во введении, поскольку они в большем объеме изучаются в ходе курса этнографии страны.

Наша работа представляет собой попытку разобраться в многообразных и сложных процессах культурной жизни населения Корейского полуострова, она не нацелена на полный охват и последовательное освещение всех явлений культурной жизни страны, в изложении есть вынужденные пробелы, тем более что многие проблемы корейской культуры до сих пор требуют детального изучения и осмысления. Предпринятая нами попытка описать историю развития корейской культуры не претендует на всесторонний анализ, абсолютную истину и непогрешимость, это всего лишь начальный стимул, который мы хотели бы придать студентам и читателям для их дальнейшего самостоятельного поиска. Она проведена на основе подготовленного ранее лекционного курса «История культуры Кореи» для студентов Высшего колледжа корееведения ДВГУ. Данное пособие не могло бы быть написанным без привлечения материалов отечественных и зарубежных корееведов (список работ дан в конце «Очерка»). Особую благодарность автор выражает д.и.н. М.Н. Паку, д.и.н. М.В. Воробьеву, к.ф.н. Л.Р. Концевичу, канд. искусствоведения В.М. Маркову, к.и.н. А.Н. Ланькову, сотруднику Международного центра корееведения МГУ Т.М. Симбирцевой и многим другим знакомым и незнакомым коллегам. Большую роль при подготовке учебного пособия сыграли труды канд. искусствоведения, заслуженного работника культуры России О.Н. Глухаревой.

К сожалению, в зарубежной и отечественной литературе наблюдаются существенные расхождения в написании корейских имен собственных и географических названий, а также в датировках тех или иных событий истории Кореи, поэтому с целью систематизации информации мы опирались на трактовку «Большого толкового словаря национальной корейской культуры» (В 26 т., Сеул, 1991-97).

Будучи историком по образованию и роду профессиональной деятельности, автор рассматривает развитие корейской культуры на традиционном хронологическом фоне древней, средневековой, новой и новейшей истории. Он стремился дать анализ историко-культурного процесса в научно-популярной форме, доступной как студентам-корееведам, так и широкому кругу читателей, заинтересованных в изучении самобытной и богатой истории и культуры Кореи. Удачна ли наша попытка, судить читателям, мы же будем считать свою задачу выполненной, если это пособие займет место в корееведческих библиотеках и хоть как-то поможет решить проблему обеспечения студентов-кореевистов учебной литературой.

ВВЕДЕНИЕ

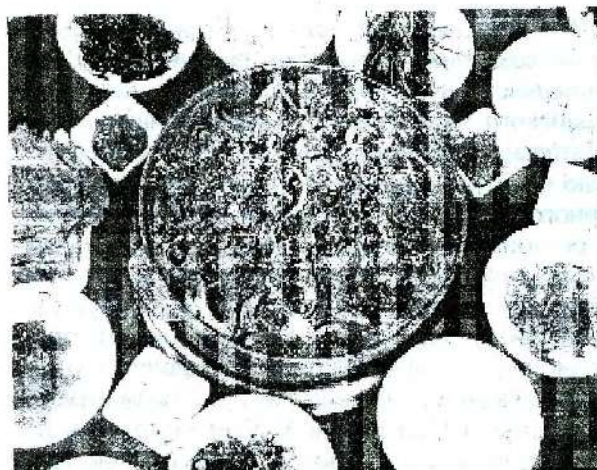

Рис. 0.1. Знаменитое корейское блюдо *пультюги*

Рис. 0.2. Праздничное одеяние чиновника и его супруги (период династии Ли)

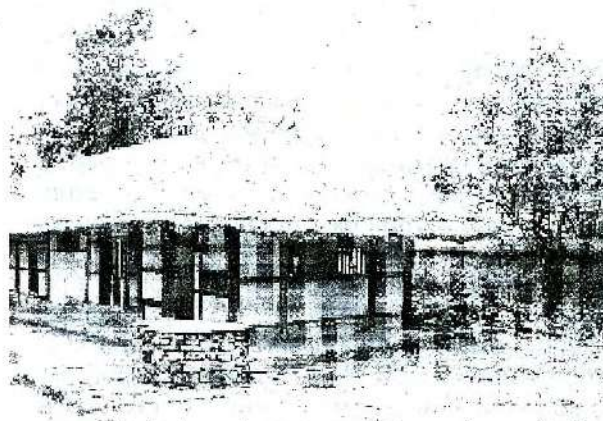

Рис. 0.3. Традиционное жильё в сельской местности

ВВЕДЕНИЕ

Вся многовековая история Кореи – это история создания и развития замечательной национальной культуры. Культурные ценности корейского народа имеют непреходящее самостоятельное значение, в то же время ошибочно было бы отрицать несомненную общность культурного комплекса всех стран дальневосточного региона. Материальная и духовная культура Кореи в своих общих основах возрастала на почве более древней китайской культурной традиции. Раскинувшиеся на огромном пространстве и различающиеся по размерам, географическим и климатическим условиям страны Восточной и Центральной Азии опирались на общие мировоззренческие и философские традиции, их народы стремились постичь окружающий мир в единстве и многообразии его природных особенностей. Здесь, на востоке Азии сложилось особое отношение к природе как к объекту особого типа созерцания, способствующего постижению человеком самого себя, обретению душевной гармонии и постижению законов бытия. Стремление к достижению гармоничной связи между природой и человеком способствовало становлению особого типа материальной культуры и привело к формированию своеобразного мифопоэтического и метафорического языка культуры художественной. Особенностью интеллектуального развития региона стало раннее, уже в первые века нашей эры, появление эстетики, литературы и изобразительного искусства. Центральное место в этом процессе по праву занимала ханьская культура Китая, в свою очередь государства Корейского полуострова играли важную роль в процессе передачи китайской традиции другим периферийным народам Маньчжурии и Южного Приморья, являлись своеобразным культурным мостиком между нею и Японией.

Исторические факты говорят о том, что при обладании редкостными качествами заимствования и восприятия культуры и искусства Китая и других народов, главным для корейцев оставалось не слепое подражание и копирование чужих достижений, но подлинное освоение этой культуры и ее обогащение своим национальным духом. Нам следует рассматривать способность корейского народа к восприятию духовных и материальных достижений соседних стран с точки зрения их готовности вбирать все лучшее, что накоплено общечеловеческой культурой, мировой цивилизацией в целом, и приумножать собственный опыт, обогащая сокровищницу своих национальных ценностей. События нового и новейшего этапов истории, когда на смену китайскому влиянию приходит европейская и американская культура, также свидетельствуют об этом.

Становление и развитие национальной культуры определяет судьбу любого общества. Ко-

рейская культура развивалась на периферии конфуцианского культурного комплекса, в ее основе лежит заимствованная из Китая культурная традиция. С XIX в. в стране ощущается влияние европейской культуры. Однако ошибочно полагать, что корейцы слепо копировали чужие достижения, их культура, несомненно, является самостоятельной и самобытной, культурные заимствования были обусловлены практическими потребностями и соответствовали национальным условиям, т. е. трансформировались и становились неотъемлемой составляющей собственно корейской культуры.

Полифункциональность термина «культура» вызывает к жизни множество его определений и концепций. Культура есть феномен слишком сложный, многосторонний и внутренне противоречивый, чтобы претендовать на его всестороннее освещение. В данном учебном пособии мы относимся к культуре как комплексу признаков, определяющих цивилизационные особенности того или иного, а в данном случае – корейского, этноса. Вообще, понятия «этнос», «цивилизация» и «культура» тесно взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. Мы обращаемся к корейской культуре как к особому типу творческой самореализации корейского этноса. История корейской культуры воспринимается нами через призму отношения к культуре как главному условию сохранения и развития общества и цивилизации. Под «историей корейской культуры» мы понимаем исторически сложившуюся на Корейском полуострове совокупность всех достижений материальной и духовной культуры, ее научный анализ и формирование собственных представлений о культурных ценностях корейского народа.

Особенность культурного комплекса Кореи заключается в сочетании исключительно национальных по своим истокам элементов с другими компонентами, перенесенными с азиатского и других континентов и принятыми или ассимилированными согласно вкусам корейцев, органично включенными в состав национальной культуры. Китайский культурный пласт получил особое распространение в правящей феодальной среде, именно она впитала многие элементы материальной и духовной культуры великого соседа, отталкивалась от его правовых и политических норм, способствовала распространению конфуцианства. Непререкаемый авторитет китайской культуры в правящей элите Кореи вызвал к жизни феномен двуязычия, знание китайской письменности и разговорного языка было необходимым условием для получения образования и поступления на ранжированную чиновничью службу. Подавляющее же большинство населения страны продолжало говорить по-корейски, что существенно затрудняло общение государства и его подданных, официальная информация доводилась до сведения народных масс в форме устного перево-

да. Иероглифическая письменность была не понятна простому люду, а передача корейской речи иероглифическим письмом затруднялась ввиду генетического несовпадения двух языков. Двуязычие затрудняло управление государством, делало элементарную грамотность недоступной народу. Эта проблема частично была решена лишь в первой половине XV в., с изобретением системы корейской графической письменности хангыль, в последствии развилась целый пласт литературы, написанной на нем.

Культура Кореи отличается не только богатством материальных и духовных ценностей, но и своей огромной жизнестойкостью, несмотря на бесчисленные войны, периоды внутренних мятежей и смут, разрушения, произведенные завоевателями, она не только не ослабевала, а, наоборот, всегда побеждала культуру захватчиков. Выживаемость исконно национальной традиции проявилась уже на раннем этапе формирования этнической и культурной общности корейцев, относящемся к периоду трех государств (Когурё, Пэкче, Силла) и первого в истории нации единого государства – Объединенного Силла. Воспринятые в это время из Китая письменность, правовые институты, основы материальной культуры феодализма оказали воздействие на государственное и социально-экономическое устройство корейского общества.

Основные элементы современной материальной и духовной культуры корейского народа уходят корнями в эпоху трех государств и Объединенного Силла, однако, окончательно они сложились лишь в период королевства Корё (918 – 1392 гг.). Этнокультурная среда вплоть до начала X в. сохраняла некоторую «размытость», консолидирующие факторы в общих пределах Корейского полуострова получили развитие лишь с заимствованием китайской письменности и утверждением буддизма в качестве официальной религии в Объединенном Силла, но процесс формирования территориальной этнической общности был нарушен в конце IX в. т.н. периодом «поздних трех государств». В начале X в. повторная консолидация корейского этноса усилия династии Ван окончательно устранили любые этнолифференцирующие факторы.

Духовность корейской нации формировалась под воздействием многочисленных факторов, но определяющую роль сыграли религиозные, философские и этические системы даосизма, буддизма и конфуцианства. Распространение идей даосизма об управляющих миром дуальных началах способствовало формированию корейской мифопоэтической традиции. В тоже время проникавшие в Корею в IV – VII вв. буддизм и этико-моральные принципы конфуцианства не могли окончательно уничтожить сложившихся до них местных философских систем и народных верований, характе-

ризовавшихся существованием собственного круга легенд и образов, традиций и правил. Более того, буддизм впитал религиозно-мифологическое наследие Кореи, гибко использовал ее традиционные художественные формы, даже облик некоторых божеств видоизменился в соответствии с местным этническим типом. Феномен адаптации буддизма и затем конфуцианства к корейским условиям был весьма характерен, особенно на ранней стадии знакомства корейского общества с этими учениями, но и на протяжении последующих веков корейские идеологи и мыслители связывали конфуцианскую и буддийскую тематику с насущными национальными проблемами.

Буддизм прочно укоренился в мировоззрении народных масс, он сумел сохранить свою популярность даже после отказа от него как официальной религии. Влияние буддизма сказалось на усилении центральной власти, поэтому он пользовался поддержкой государства. В VII – X вв. буддизм утверждается в качестве государственной религии и на многие века вперед определяет развитие художественных идеалов и изобразительного искусства Кореи. Буддизм ввиду своей пассивности и созерцательности далеко не полностью устраивал правящие круги Кореи, они нуждались в более активной и социально ориентированной системе. Адекватное для общественно-политических условий Дальнего Востока конфуцианство полностью отвечало латентным требованиям. Постепенное повышение влияния конфуцианства способствовало становлению сильной централизованной власти, поэтому эпоха зрелого средневековья совпадает с его доминирующим положением в корейском обществе и государстве. Заняв прочные позиции в Корею, конфуцианство обеспечивало связь между властью и народом. В этот период (первая половина XV в.) окончательно формируется конфуцианский культурный комплекс, влияние которого прослеживается не только в прошедших эпохах, но и в наши дни.

В отличие от духовной сферы материальная культура корейцев, и прежде всего свойственные нации тип жилья, одежда, пищевые привычки, в меньшей степени испытали воздействие китайской традиции. Примечателен тот факт, что, находясь в окружении народов, отводящих значительное место в повседневной жизни чайной церемонии и самому напитку, корейцы никогда не выращивали чай и не относились к нему с каким-либо трепетом. Более того, вплоть до последнего времени им вообще не свойственно было его употребление в быту, хотя говорить, что его там вовсе не пьют, было бы преувеличением.

Основные элементы материальной культуры корейского народа

В любой стране и в любую эпоху наиболее устойчивыми и консервативными элементами материальной культуры являются пищевые традиции. Корейцам немало пришлось пострадать от голода в прошлом, в Северной Корее эта проблема сохраняется и по сей день, поэтому они привыкли ценить любую пищу и пища для них имеет особое значение. Многие рецепты, кулинарные приемы и базовые традиции национальной корейской кухни в их современном виде сложились лишь к началу XVIII в. В целом она достаточно обильна и калорийна, но не способствует полноте, поскольку отдаст предпочтение не животным, а растительным жирам. Питание в большинстве корейских семей остается традиционным, вместе с тем в последние годы оно становится подверженным влиянию моды и иностранному культурному воздействию.

Как и другие дальневосточные народы, традиционный рацион корейцев основан на растительной пище и дарах моря. Рыба и морские продукты всегда играли особую роль в питании корейцев как источник животных белков и жиров, до недавнего времени, а для большинства населения КНДР и сейчас они оставались единственным подобным источником. Больше всего по душе корейцам минтай, сельдь, сайра, камбала, тунец, всевозможные моллюски, в том числе осьминоги и кальмары, любят они и краба.

Мясо всегда употреблялось в небольших количествах, а молочные продукты вообще отсутствовали. Из-за дефицита пастбищ и широкого использования крупного рогатого скота в качестве тягловой силы традиционная корейская кухня почти не знала мяса и молока. Лишь с 70-х годов мясомолочные продукты стали частью повседневного питания жителей Южной Кореи, в КНДР они по-прежнему являются принадлежностью праздничного стола. Предпочтение отдается свинине и блюдам из курицы, среди молочных продуктов – всевозможным йогуртам и сливочному маслу. Едят корейцы и яйца, куриные и перепелиные.

Все же базовый продукт питания корейцев – рис, из него готовят невероятное количество блюд, начиная с гарнира *пал* (отварной рис без специй) и заканчивая различными вариантами десерта (всевозможные рисовые лепешки *тток* и пирожки со сладкой начинкой). Другие злаки: кукуруза, ячмень, гречиха, пшеница – играют по отношению к рису подчиненную роль. Непременным элементом повседневного питания являются бобовые, преимущественно продукты из сои: соевый соус *канджань*, творожная масса *губу*, пророщенные семена и т. д., а также фасоль и горох. Обильно представлены в рационе корейцев и всевозможные

овощи, в том числе острые соления *кимчи*. Вообще народ любит острую, перченую кухню, этим он опять же существенно отличается от соседей. Перец является настолько неотъемлемой частью корейской кухни, что неспециалисту крайне трудно поверить, что острый красный перец появился на полуострове лишь на рубеже XVII – XVIII вв., т. е. сравнительно недавно. Приверженность корейцев к острой пище может быть объяснена исторической необходимостью сохранить овощи в зимний период.

Из овощей наиболее распространены дальневосточная листовая (пекинская) капуста, редька, именно из них приготавливают основные разновидности *кимчи*, ставшей международной «визитной карточкой» корейской кухни и испокон веку служившей одним из важнейших повседневных ее блюд. Морковь, огурцы, помидоры, всевозможная зелень широко применяются для повседневного питания. Лук, чеснок, грибы и папоротник, морские водоросли – щедро обогащают рацион корейцев. Непременной добавкой в овощные и мясные блюда служит кунжутное масло. Картофель используется достаточно широко, но не так, как в европейских странах. Помимо привычного для нас картофеля корейцам известен и его сладкий родственник – батат.

В корейской кухне крайне мало сладких блюд, они заменяются различными фруктами: яблоками, грушами, персиками, хурмой. Лакомятся здесь и мандаринами, абрикосами, корейскими дынями, клубникой. Это и есть типичный для корейского стола десерт, он может быть дополнен традиционными лакомствами, но на европейский вкус отнести их к десерту было бы не правильно.

Корейцы всегда восполняли недостаток белкового питания за счет морепродуктов, но им не было свойственно употреблять их в пищу без термической обработки, как это делают японцы. Корейская кухня занимает промежуточное положение между китайской, стремящейся изменить (если не извратить!) натуральный вкус продукта, и японской, максимально сохраняющей его. Вообще корейская кухня имеет мало общего с национальными кухнями двух соседних стран. В ней реже и умеренней, чем в Китае и странах ЮВА применяются различные приправы и пряности: лук, чеснок, красный и реже черный перец, изредка имбирь и корица – этим данный перечень ограничивается. И по отношению к алкогольным напиткам дальневосточные народы несколько отличны друг от друга. Корейцы всегда пили слабую рисовую водку *соджу*, похожую на японскую *сакэ*, но у них почти отсутствовала традиция подогревать ее. Крепкий алкоголь они всегда называли китайской водкой, подчеркивая его необычность для собственного вкуса. Что же касается церемонии питья, то здесь и корейцы, и японцы, а также с некоторыми оговорками китайцы про-

водили ее одинаково: с непременным участием женской прислуги *кисэн*, развлекавшей гостей интеллектуальными беседами, песнями и танцами.

В современных условиях национальные пищевые привычки нивелируются, свою нишу находят практически все известные в мире кухни и продукты. Долгие годы японской оккупации привели к тому, что корейцы воспринимают сырые морепродукты как нечто само собой разумеющееся. Влияние массовой культуры США и длительное присутствие американских войск на юге полуострова создали здесь целую индустрию классических европейских ресторанов и систему *fast food*. Определенную вестернизацию переживает и традиция потребления алкоголя, по вкусу корейцам пришлось пиво, появившееся здесь в 70-е годы XIX в., потребляется изрядное количество виски, бренди, ликеров и виноградных вин. На фоне продовольственного и стилового изобилия Южной Кореи северокорейская кухня сегодня выглядит крайне скудно и незатейливо, но и она сохраняет национальный колорит, до сих пор даже на юге вспоминают знаменитый суп из кровяных колбасок *сунгэ* и тушеную с женьшенем курицу – гордость кулинаров из окрестностей Пхеньяна.

Традиционный корейский костюм *ханбок* значительно отличается от японских и китайских аналогов, его внешний вид и внутренний образный посыл является ключом для понимания особенностей национальной корейской культуры. В одежде прослеживается стиль жизни и характер самого народа. При желании в национальном одеянии корейцев можно усмотреть влияние китайских и даже монгольских корней, но они настолько трансформировались под влиянием местных природно-климатических условий, социально-экономических и политических факторов, народных вкусов и предпочтений, что на сегодняшний день *ханбок* для корейца является таким же исключительным национальным символом корейца, как *кимоно* – для японца. Название «*ханбок*» собирательно, об этом свидетельствует само его смысловое значение «корейский костюм», его применяют по отношению и к мужскому, и к женскому одеянию. Под этим словом скрывается множество типов одежды, характерной для старой Кореи.

Основу *ханбок* составляет свободный распашной кафтан, открытый спереди и завязывающийся на *багт* с помощью широкой ленты – пояса *корым* на правую сторону вне зависимости от пола. *Корым* была не только функциональным элементом, но и играла роль декоративного украшения, отличаясь от одежды цветовой гаммой. Характерной для европейского костюма строгой дифференциации деталей одежды на мужские и женские (расположение застежек или наличие гульфика и ширинки) в *ханбоке* не наблюдается. В целом на Дальнем

Востоке различия в одежде всегда лежали в иной плоскости, определяя род занятий и социальное положение, указывая на принадлежность человека к той или иной религии и т. д.

В женском варианте *ханбок*, сложившийся во времена династии *Ли*, – это удлиненное платье с поднятой на уровень груди талией или же короткая расклешенная блузка *чогори* в сочетании с удлиненной юбкой *чхима*, имеющей завышенную талию, под ней для создания эффекта объемного силуэта носят несколько нижних юбок. *Чхима* подпоясывается высоко под грудью и спускается складками почти до пят. Под юбку или платье надевают короткие или удлиненные шаровары *коджанын* из хлопковой или хлопчатобумажной ткани, они служат как нижнее белье и дополняются нижней *чогори*. К кофте пришивается лента из яркой ткани в виде *багта*, служащая для фиксации одежды. Считается, что такой вид одежды скрывает недостатки женской фигуры, свойственные корейкам, и максимально высвечивает их достоинства, делая походку и движения женщин мягкими и грациозными, кроме того, в такой удлиненной, похожей на колокол юбке, корейка выглядит стройнее и выше. В КНДР можно увидеть весьма специфичный вариант платья, оно укорочено, и его длина поднимается чуть выше шиколотки. Большое внимание всегда уделяли прическе и украшающим ее головным шпилькам, многие из которых можно считать шедеврами прикладного искусства.

Мужской костюм отличается от женского тем, что вместо юбки *чхима* он включает широкие брюки *паджи*, кроме того, мужская кофта *чогори* существенно длиннее женской и достигает до пояса, по сути дела это – удлиненный кафтан. В качестве нижнего белья используют специальные варианты *чогори* и *паджи*. Дополнением служат жилетка *чокки* и короткий *пиляжак* *магоджа*. Непременной частью мужского костюма был головной убор, в зависимости от социального положения его изготавливали из конского волоса (традиционная шляпа *кат*), тонких бамбуковых планок, промасленной бумаги (*кальмо*) или рисовой соломки. Мужчины собирали волосы в тугий высокий узел и повязывали голову полоской ткани *мангон*, такой обычай до сих пор широко распространен в сельской местности. В ненастье и холодное время года поверх *ханбок* и мужчины, и женщины надевали плащ *турумаги* с прорезями вместо рукавов, у состоятельных людей он мог быть подбитым ватной подкладкой и украшен меховой оторочкой. На ноги надевались стеганые носки с подкладкой (*посон*), обувь не отличалась разнообразием – это матерчатые с вышивкой тапочки *ккотсин*, соломенные лапти *чипсин*, с начала XX в. распространяется каучуковая или резиновая обувь *комусин*.

По своему предназначению одежда делилась на три типа: повседневный (обычное бытовое

одевание), ритуальный (одежда праздничная и обрядовая) и специфический (военная форма и т.п.). Вся она строилась на традиционной для корейцев пятицветной палитре, включавшей красный, синий, желтый, зеленый и белый цвета. Праздничная одежда шилась из ярких тканей контрастных цветов, непривычная европейца красно-зелено-желтая гамма всегда радовала глаз корейца. Однако белый цвет был самым популярным, т. к. он символизировал скромность и чистоту душевных помыслов. Непременным дополнением к указанной цветовой гамме при проведении особо важных ритуалов была черная шляпа, как символ бесконечности мироздания. Белый цвет также был траурным, поэтому чисто белая одежда и в наши дни сохраняет такое значение.

С 80-х годов XIX в., и особенно с начала XX в. в Корее широко распространился европейский костюм *янбук* и европейская мода, поэтому ханбок приобрел еще более торжественный и сакральный смысл. В современной Корее повседневная одежда утратила специфические национальные черты, подавляющее большинство женщин и практически все мужчины предпочитают одежду европейского образца, ханбок встречается редко и играет роль праздничной или ритуальной одежды. Более того, в Южной Корее приверженность традиционному одеянию и его повседневное ношение имеет четкую религиозную или политическую окраску, указывает на крайне националистические пристрастия человека.

Дух нации материализуется в созданных ею архитектурных формах. Их основу составляет сложившийся на протяжении многих веков тип жилья. Традиционный корейский дом в корне отличается от жилища европейского типа, выглядит весьма своеобразно и на фоне жилья других дальневосточных народов. На его устройстве сказалась жизненная философия корейского народа, призывающая к созданию гармонии с окружающим миром. Устоявшаяся планировка типичного корейского дома *чип* сложилась в условиях недостатка свободного пространства, как в городе, так и в сельской местности. Он представлял собой прямоугольную постройку высотой 2 – 2,5 м при длине 6 – 8 и ширине 3 – 4 м. Стена не играла роли несущего элемента конструкции, каркас дома выполнялся из вертикальных деревянных стоек, пространство между которыми заполнялось соломой, прутьями, бамбуком и обмазывалось глиной. Крыша была либо двускатной (что удешевляло строительство), либо плоской в традиционном восточном стиле, покрывалась она в зависимости от достатка хозяина соломенными жгутами или керамической черепицей. Как бы низко ни спускалась крыша корейского жилища, она всегда смотрит в небо своими приподнятыми углами, формируя у домочадцев чувство уюта. В дом попадаешь через решетчатую

дверь и довольно высокий по нашим меркам порог.

Дом корейцев строго делится на две части – хозяйственную и жилую. Первая существенно заглублена в грунт: уровень пола кухни находился значительно ниже пола жилых комнат, и в кухню ведут вниз от порога несколько ступенек. Это делалось с целью обеспечить традиционную систему отопления *ондоль*. Из кухонной топки под полом жилых помещений проводили специальные каналы, с противоположной стороны они выводились в вытяжную трубу. Дым шел под полом как по дымоходу и отдавал помещению свое тепло. Рациональное использование системы *ондоль* сохраняется до сих пор не только при сооружении традиционного жилья, но и в массовом многоэтажном жилищном строительстве. В кухонном и прочих хозяйственных помещениях держали мелкую домашнюю живность, например кур, хранили съестные припасы. Большие керамические, а иногда металлические чаны вмещали запасы *кимчи* и прочих квашеных овощей, на стенах развешивались связки красного перца, чеснока и лука, различных трав, широко применяемых в корейской кухне. Здесь же хранились дрова и хворост для отопления, сейчас они заменены угольными брикетами.

Жилая часть дома отделена от кухни перегородкой и приподнята на 60 – 80 см. Под ней находится *ондоль*. При наличии желания и средств количество комнат можно было увеличить, но их планировка вдоль оси дома сохранялась. Каждая комната имела свой вход, а для женщин предназначалась особое помещение, примыкавшее к кухне. Двери и окна жилища оклеивали промасленной рисовой бумагой, они были резными и служили не только как источник света, но и для оживления внутреннего интерьера. Узорчатой бумагой оклеивали потолок в помещении, они послужили прототипом современных обоев. Стены жилья белили известью и украшали картинами и каллиграфией.

Зажиточные семьи не ограничивались одним домом *чип*, но создавали целое подворье, получившее название *ханок*. Оно представляло собой замкнутое глинобитной или выложенной из камня стеной пространство, в котором вокруг внутреннего двора располагались жилые и хозяйственные постройки, колодец. Главное строение имело П или Г-образную конфигурацию, ориентированную входом на юг, владелец *ханок* мог позволить себе дом с большим количеством комнат, до шести и более. Отдельные помещения полагались отцу, старшему сыну как главному наследнику и помощнику, в мужской половине находился и кабинет. Здесь жили, работали, принимали гостей. Женская половина дома включала комнаты матери, дочери или невестки, кухню и все подсобные помещения. Террасы *мару* выходили на цветник и не имели

стен, они в теплое время года служили для семейных торжеств.

Корейцы проводили четкую грань между внешним миром и своим жилищем, дом для них был свят и относился к семейной жизни. Внутри семьи господствовали принципы сурового домостроя, глава семьи и наследник являлись центром мироздания. Именно поэтому строительство жилья для корейцев всегда являлось священнодействием и сопровождалось многочисленными ритуалами. Сегодня предел мечтаний каждого горожанина иметь виллу в стиле ханок, но это чрезвычайно дорого в городской черте. В сельской местности проблема не столь остра, и здесь состоятельные люди строят жилье в национальном стиле, широко при этом используя нетрадиционные и современные строительные материалы, синтезируя комфортность западного образа жизни и национальные вкусы.

Современное состояние корейской культуры и общества, сегодняшние успехи и проблемы нации, перспективы дальнейшего ее развития можно понять только на основе изучения богатого прошлого Кореи и сопоставления полученных знаний с историей других стран и наций. Пройденный корейским народом многовековой путь четко делится на культурные эпохи, каждая из них тесно связана с социально-экономическими, политическими и другими

особенностями данного исторического периода и представляет собой определенный этап развития культуры страны.

В данном учебном пособии рассматриваются следующие периоды культурного развития Кореи:

- 1) ранняя культура Кореи (30-20 тыс. лет д.н.э. – начало X в.н.э.), включающая в себя протокорейскую (в период до формирования корейского этноса) культуру, период становления корейского этноса и его культуры в эпоху трех государств и раннефеодальную культуру Объединенного Силла;
- 2) феодальная культура государства Корё (X – XIV вв.);
- 3) феодальная культура королевства Чосон (XV – XVIII вв.);
- 4) позднефеодальная культуры Кореи в период новой истории (XIX – начало XX в.);
- 5) культура колониального периода (1910 – 1945 гг.);
- 6) современная культура КНДР и Республики Корея (после 1945 г.).

Эта хронология продиктовала и структуру учебного пособия, в целом соответствующую приведенной выше периодизацию процесса культурного развития Кореи.

РАННЯЯ КУЛЬТУРА КОРЕИ

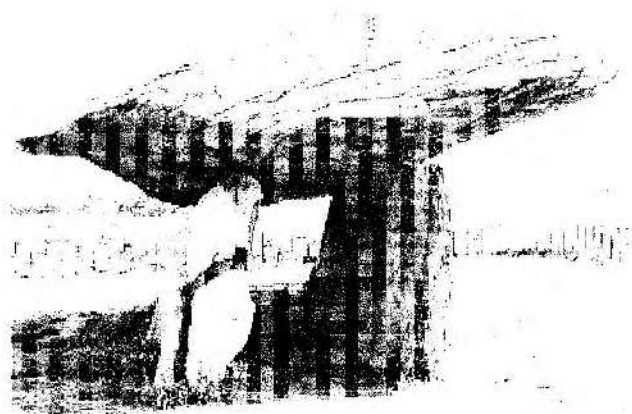

Рис. 1.1. Дольмен «северного типа» на о-ве Канхвадо (прим. XX в. до н. э.)

Рис. 1.2. Фреска с охотничьей сценой (Когурё Муёнчхон, конец IV – первая половина V вв.)

Рис. 1.3. Изваяние Будды из пещерного храма Соккурам (Объединенное Силла, VIII в.)

1. РАННЯЯ КУЛЬТУРА КОРЕИ

1.1. Культура первобытной Кореи

В своем историческом развитии Корея не миновала стадий палео- и неолита, бронзового и железного веков (или палеометалла), т. е. на полуострове имела место смена культурно-исторических эпох, характерных для человеческого общества. Протокорейцы обитали не только на полуострове, но и на обширных территориях Маньчжурии, Северо-Восточного Китая и Южного Приморья.

1.1.1. Палеолит

Корейский полуостров уже в глубокой древности был заселен людьми; первобытная культурная традиция прослеживается здесь с эпохи нижнего палеолита (600 – 500 тыс. лет назад). Материальные следы палеолитической стадии развития обнаружены в различных местностях, и это позволяет корейским ученым достаточно смело утверждать о том, что их страна является одним из древнейших очагов культуры человечества. В Корее открыто свыше 50 памятников древнего каменного века, но хорошо изученных – единицы, поэтому отсутствует система научной корреляции между ними, не сложилось четкой картины локальных культур. Археологические материалы свидетельствуют о следах человеческой деятельности в палеолите на большей части полуострова; каменная индустрия началась здесь еще на нижнепалеолитической стадии.

В эпоху древнего каменного века основной для населения Кореи являлась хозяйственная деятельность присваивающего типа: охота, рыболовство и собирательство. На более позднем этапе в рамках первобытного стада формируется матриархальная родовая община. Верхний палеолит ознаменован некоторым сдвигом в технологии обработки каменных орудий; они изготавливаются путем двустороннего скола и подвергаются грубой ретуши. Ближе к мезолиту появляются лук и стрелы, что послужило толчком для увеличения продуктивности основного вида производственной деятельности человека – охоты.

Нижнепалеолитические памятники Кореи, например стоянка Чонгхон (Кёнг), имеют некоторое сходство с древними памятниками Европы, Африки (артефакты олдовайского типа), Индии (культура Паджатаил) и Юго-Восточной Азии (период до культуры Шонви, ранняя стоянка До, СРВ). Культуры среднего палеолита: Кульпхо I (Северный Хамгён) и нижние слои Сокчанни (Южный Чхунчон) – практически аналогичны диницуйским находкам из Северо-Восточного Китая. Верхнепалеолитический материал Кульпхо II и Сокчанни типологически схож с памятниками российского Дальнего

Востока (Осиновка, Приморский край), Сибири, Монголии и Северного Китая (Чжоукундянь).

Большинство исследователей соглашаются с тем, что в эпоху палеолита Корейский полуостров был связующим звеном между материком и Японским архипелагом, а значит – посредником в распространении палеолитической культуры из Северной Азии на острова. Заселение Японии в период до неолитической культуры Дзёмон происходило через территорию Приморья и Кореи. Выявление генетической связи палеолита обширного региона Северной и Северо-Восточной Азии – важная задача дальнейших археологических исследований.

Серьезной проблемой остается существенный провал между нижним и верхним палеолитом: свидетельств среднепалеолитической эпохи крайне мало. Еще больше вопросов вызывает разрыв между концом палеолита (8 тыс. лет назад) и началом неолита (4 тыс. лет до н.э.). Таким образом, нарушается характерная для эпохи мезолита культурная преемственность древнего и нового каменного веков. Возможным объяснением данного мезолитического феномена является гипотеза об исчезновении (пока не объясненном) палеолитических жителей Корейского полуострова и появлении здесь совершенно нового населения на заре неолита.

С точки зрения официальной исторической науки КНДР, Корейский полуостров являлся «центром мировой цивилизации» еще во времена палеолита, более того, считается, что мировая культура сложилась здесь, в окрестностях Пхеньяна, а современные корейцы являются прямыми потомками палеолитического населения полуострова. Вопреки археологическим и этнографическим данным, свидетельствующим об отсутствии культурной преемственности корейского палеолита и неолита, а также о сложном происхождении корейского этноса на основе слияния алтайских и австронезийских компонентов с сильным китайским влиянием, северокорейские ученые настаивают на «изначальной гомогенной чистоте корейской нации, сложившейся в отдаленную палеолитическую эпоху». Иными словами, фальсифицируется начальная стадия развития корейского этноса и его культуры. К чести большинства их южных коллег, такая позиция вызывает острейшую критику в научных кругах Республики Корея.

1.1.2. Неолит

По окончании четвертичного оледенения на полуострове складывается близкая к современной естественно-географическая среда, благоприятная для проживания неолитического человека; через несколько тысяч лет, в начале или середине IV тыс. до н.э., с севера в Корею проникли носители неолитической культуры, ставшие основой для формирования протоко-

рейского этноса. Этногенез корейцев – одна из наиболее загадочных страниц ранней истории не только страны, но и всего региона Северо-Восточной Азии. Еще несколько десятилетий назад общепринятой была гипотеза о слиянии северного (туранского или тунгусо-алтайского) и южного (полинезийского или индо-малайского) компонентов, но результаты археологических исследований последних лет чрезвычайно запутали проблему. Первоначально отсчет этнической истории Кореи велся именно с неолита, теперь же начало этнорасовой истории отодвинуто вглубь палеолитической эпохи. Однако необходимый для обобщений и окончательных выводов палеоантропологический материал практически отсутствует, археологические сведения весьма ограничены. В дошедшей до нас мифологической системе появление корейской нации считается результатом влияния сверхъестественного и природного (не без вмешательства зверей) начал, ее действующие лица лишены расовых или этнических характеристик, известно лишь о северном происхождении Тангуна и о полинезийских корнях трех ханских племен (*самхан*).

Антропологический тип современных корейцев наиболее близок к северокитайскому, но в нем явно прослеживаются и признаки южноазиатских (в меньшей степени) и североазиатских (в большей степени) монголоидов. Признаки южных монголоидов в облике современных корейцев некоторыми исследователями трактуются как остаточное влияние позднепалеолитических обитателей Кореи. С неолитическим населением полуострова связываются элементы, характерные для северных монголоидов. На стадии нового каменного века начинается собственно этническая история корейцев, до неолита можно вести речь лишь о расовом этапе. Протокорейцы представлены человеком *ёнгокским* и человеком *мандалским* (по названию неолитических стоянок, на которых были обнаружены их останки). Их антропологический тип свидетельствует о смешении здесь восточных (близких к северным китайцам) и северных (тунгусские и маньчжурские этносы Алтая, Восточной Сибири и Дальнего Востока) монголоидов. Одним словом, по имеющимся в настоящее время сведениям, этническая история корейцев в каменном веке весьма неопределенна. Общепризнанным является участие в ней двух этнорасовых компонентов – северного и южного. Именно тунгусо-алтайский пласт заселяет Корейский полуостров с северного направления в IV тыс. до н.э. и поглощает возможно сохранившиеся здесь остатки позднепалеолитической культуры. Параллельно с этим юг полуострова в начале раннего неолита осваивает этническая общность тихоокеанских монголоидов (*полинезийцев* или *австронезийцев*). Обе миграционные волны носили пульсирующий характер, т. е. не были постоянно дей-

ствующим фактором, в силу этого не сохранилось их явно выраженной культурной традиции. В то же время в рамках северомонгольского компонента проходило главное развитие протокорейского этноса, с севера сюда пришла неолитическая материальная культура, южный же этнический элемент полностью не вытеснялся, он сохранился в мифологии, языке, обычаях и одежде. К концу неолита первобытное население Кореи в целом сформировалось.

Неолит длился в Корее примерно до рубежа II – I тыс. до н.э. Наиболее распространенными памятниками нового каменного века являются стоянки, относящиеся к «культуре раковинных куч», которые на протяжении сотен лет формировались вблизи человеческого жилья из выброшенных створок съеденных моллюсков. Обнаружено более ста таких стоянок по всей стране за исключением обширных внутренних горных районов. Южнокорейские археологи полагают, что в неолитической Корее проживало до 50 тыс. чел. Человек в это время переходит на оседлый образ жизни, строит землянки. На рубеже среднего и позднего неолита появляется новый тип поселений, т. н. стоянки на холмах, связанные с земледельческим трудом. Максимальное развитие получает матриархальный род, в среднем неолите осуществляется переход от групповой семьи к парной, начинается постепенное слияние нескольких близких родов в племенной коллектив.

В эпоху неолита человечество переживает первую техническую революцию, знаменующую собой переход к экономике производящего типа, само начало неолита определяется возникновением керамического производства. На неолитической стадии жители Кореи пользовались шлифованными каменными орудиями и гребенчатой (с узором в виде гребня или орнаментом «рыбьего скелета») керамикой. Распространение получили гончарное ремесло и прядение. Орнаментированная и разнообразная по форме керамика постепенно приобретает характер прикладного искусства. Среди неолитических памятников найдены кости одомашненных животных: собаки и свиней – следы первобытного животноводства, а также разнообразный охотничий и рыболовный инвентарь. Крупнейшим достижением последнего этапа неолитической культуры стало появление примитивных форм земледелия; население полуострова знакомится с ними примерно в период с 1800 – 1700 гг. до н.э. по 1000 г. до н.э. Орудия из рога и камня позволяли проводить мотыжную обработку земли, для измельчения собранных злаков применялись каменные зернотерки. Плуг с каменным лемехом использовался крайне редко. Лишь в период раннего металла (бронзы и архаичного железа) предки корейцев освоили культивирование риса, который впоследствии стал основной сельскохозяйственной культурой страны. Это стало возмож-

ны в связи с распространением плужной методики обработки почвы и использованием металлического лемеха.

Решение проблемы сопоставления корейского неолита с культурной традицией окружающего региона, с одной стороны, обеспечено большим археологическим материалом, но с другой, затрудняется множественностью гипотез и стремлением ученых разных стран отстаивать культурный приоритет своего народа. Особенно наглядно это проявляется в споре корейских и японских исследователей по поводу ранненеолитической догребенчатой керамики. Датировка догребенчатой керамики Собата (Япония, о-в Кюсю) из культурных слоев начального дзёмона IX тыс. до н.э. представляет ее древнейшей в мире и опережающей ранне-неолитическую керамику Кореи из Тонсамдонъ (Южный Кёнсан) на 4 тыс. лет. Такое решение проблемы делает японскую керамику древнейшей в мире и ставит под сомнение сам факт распространения неолитической культуры с материка на полуостров, а затем на острова.

Ранняя гребенчатая керамика среднего неолита Кореи (Тонсамдон III) прочно связывается с сибирским и северокайским влиянием (Маньчжурия и Шаньдун), в то же время ее японский аналог из раннего дзёмона Собата (середина IV тыс. до н.э.) старше, что дает возможность вести речь о встречном культурном потоке с Японских островов на материк. Поздний неолит полуострова синхронизируется с японским, а также обладает общими чертами с памятниками Южной Маньчжурии, Ляодуна и Приморья.

Распространение черной лощеной керамики из Китая через Маньчжурию в Корею и далее на Японский архипелаг привело к формированию здесь поздне-неолитической и энеолитической культуры *яй*, открывшей путь протояпонцам к палеометаллу. Оспорить факт корейского влияния на процесс формирования культуры *яй* достаточно сложно. В любом случае следует признать существование родственной культуры среднего и позднего неолита в огромном ареале Северо-Восточной и Северной Азии.

1.1.3. Палеометалл

Переход от культуры каменных орудий к раннему металлу, осуществленный на Корейском полуострове в I тыс. до н.э., также представляет собой белое пятно в истории страны. До сих пор нет единого мнения о путях и времени появления древней металлургии у корейцев, т. е. о становлении местной культуры палеометалла. Существуют взаимоисключающие крайние точки зрения: либо это культурное заимствование из Китая, либо местное формирование нескольких очагов палеометаллургии. Большинство исследователей датируют появление бронзы на полуострове серединой I тыс. до

н.э. либо рубежом II – I тыс. до н.э., но есть и авторы, углубляющие это событие до первой половины III тыс. до н.э. Бронзовый век здесь был достаточно скоротечен, закончился на рубеже III – II вв. до н.э. Его окончание наложило на появление раннего железа, поэтому часто ведут речь о периоде бронзы. Ему на смену приходит ранний железный век (вторая половина II в. до н.э. – II в. н.э.), хотя на северо-западе Кореи, т. е. в зоне культурного контакта с Китаем, первые следы железного века относятся примерно к IV в. до н.э.

Эпоха неолита и палеометалла в регионе Северо-Восточной Азии в целом характеризуется широким развитием процесса стихийной культуры, связанной с активными этномиграционными процессами. В период ранней бронзы связи полуострова с внешним миром становятся отчетливее и очевиднее, но вклад культур различных сопредельных и дальних регионов в развитие культуры бронзы Кореи оценивается исследователями по-разному. Многие из них сходятся во мнении, что корейская бронза может быть определена как ветвь северокайской или же скифо-сибирской, проникшей далеко на восток через Монголию. Бронзовые артефакты полуострова доказывают существование тесных связей корейской бронзы со скифо-сибирской культурой, но часть из них отмечена влиянием иньской традиции Китая. В свою очередь дольменная культура, речь о которой пойдет ниже, имеет еще более дальние корни, восходя к традиции Юго-Восточной Азии.

Важнейшие элементы бронзовой культуры Кореи были заимствованы японской культурой *Яй*, в том или ином виде на японской почве представлены дольмены, «каменные гробы», бронзовые зеркала и мечи, коммобразные украшения, гладкая и крашеная керамика. Точно установлено, что многие предметы были изготовлены на полуострове специально для отправки в Японию или корейскими мастерами, приглашенными японскими государями.

Культура Лолан. Почти все историки, за исключением северокайских, связывают появление железа у корейцев с китайским влиянием через т.н. культуру Лолан (кор. – Аннан), относящуюся ко II в. до н.э. – началу V в. н.э. Ее основали китайские переселенцы, направленные Ханьской империей для колонизации периферийных земель. Основные следы культуры Лолан концентрируются в районе современного Пхеньяна и в провинциях Северный и Южный Пхёнан. Трудно спорить с тем, что Лолан был важным хозяйственным, политическим и культурным центром – форпостом Китая, откуда осуществлялось значительное влияние на жителей Корейского полуострова. С этим категорически не согласны ученые КНДР, признающие сам факт существования железной

культуры Лолан, но ограничивающие степень ее влияния на корейские племена.

Появление железных орудий способствовало росту производительности труда, усилению военной мощи корейских племен и ускорению темпов общественного развития. Однако для материальной культуры ранней Кореи было характерно дальнейшее широкое применение каменных предметов даже на стадии палеометалла.

Ранний железный век дает нам возможность провести ряд культурных параллелей между памятниками раннего железа Корейского полуострова и прилегающих территорий, прежде всего Приморья (Кроуновская культура) и Маньчжурии (долина р. Сунгари). В этом своеобразном маньчжурском ареале наблюдается смешение культуры железа со скифско-сибирской бронзой. Характерная для него черная керамика и первые железные изделия были привнесены в Корею китайскими поселенцами, занимавшимися земледелием и торговлей. В свою очередь корейцы оказали мощное влияние на формирование курганной культуры Ямато (о-в Кюсю) в Японии. Южные племена полуострова кая со II в. до н.э. отправляли в Японию железо и металлические предметы, в том числе бронзовые зеркала, ткани и керамику. Местные палеометаллические артефакты и погребения имеют много общего с японскими аналогами.

Переход к раннему металлу ознаменовал усиление роли мужчины в материальном производстве и жизни первобытного рода, и постепенно в обществе формируется патриархальный уклад. Становление моногамной семьи во главе с мужчиной стимулирует процесс социальной и имущественной дифференциации рода, одновременно утрачивается равноправие общинников, характерное для матриархальной стадии. Основным производственным занятием становится стационарное плужное земледелие, сопровождаемое охотой, палеометаллургией, гончарным и ткацким ремеслами.

Вслед за этапом раннего железа наступает период культуры развитого железа в трех ранних государствах Корейского полуострова (начиная с III – IV вв. н.э.). Их возникновению предшествовал период формирования племенных союзов и первых догосударственных образований. В общем потоке исторического развития Кореи этот период выглядит переходным, но это не лишает его культурного своеобразия, поскольку он служил для генетической связи культур раннего и развитого железа, хронологически совпадая с рубежом новой эры и охватывая ее первые века. Один из компонентов периода, культура Лолан, уже был упомянут выше. Он играл важнейшую роль, формируя у соседних корейских племен не только материальную культуру железного века, но и определенные представления о политической и соци-

альной организации общества. Его воздействие стало благоприятным фоном для социальной и классовой дифференциации, означавшей начало крушения первобытнообщинных отношений, которое в конечном счете привело к возникновению системы политической организации общества и зарождению государственности.

Проблема Древнего Чосона. Первым в ряду политических объединений древних корейцев следует назвать Древний Чосон. Его своеобразный культурный комплекс при желании можно отслеживать с конца неолита, а в период палеометалла его существование бесспорно. По предположениям ученых, Древний Чосон занимал территорию Ляодунского полуострова, Ляоси, юго-восток Маньчжурии и незначительную северо-западную часть собственно Кореи, однако системное своеобразие древнеchosонской культуры заключается в ее синхронной связи с культурой Кореи и вторичной связи с культурой Китая. Датировки Древнего Чосона весьма условны, по легендарной версии, это период 2333 – 108 гг. до н.э.; из китайских летописей нам известна его политическая история с 1122 – 1121 гг. до н.э., когда вельможа одного из древних китайских царств Киджа (кит. – Цы Цзы), попав в немилость государя Чжоу, бежал из Китая и основал на северо-востоке новое царство Чосон. Эта версия в корне противоречит корейской мифологической линии, по которой основателем Древнего Чосона и прародителем всех корейцев является Тангун (см. раздел о мифологии).

Однозначного ответа о культурно-национальной принадлежности древнеchosонского комплекса нет по сей день, однако мировая научная общественность солидарна в неприятии северокорейской концепции. В ее рамках Древний Чосон преподносится как рабовладельческая монархия, основанная государем Тангуном в XXIV в. до н.э. С начала 90-х гг. в КНДР доказывают историческую реальность Тангуна, в 1993 г. под Пхеньяном была «обнаружена и восстановлена» его могила, северокорейские историки пришли к выводу о том, что именно здесь находилась столица Древнего Чосона, отсюда «легендарный Тангун управлял своим народом». Реально же следует воспринимать слово «тангун» как жреческий титул вождей протокорейских племен, обитавших в Маньчжурии с X в. до н.э. и находившихся на первобытнообщинной стадии развития. Рабовладение было знакомо им в качестве элемента патриархального экономического уклада, а государственность находилась на самом раннем этапе формирования. Умалчивают ученые КНДР и о сильнейшем китайском влиянии на культурный комплекс Древнего Чосона, китайцы представляются им лишь как внешние враги раннего корейского государства.

В качестве преемника и культурного наследника Древнего Чосона в Северной Корее на-

зывают государство Когурё, но такую преемственность доказать крайне сложно. На самом деле древнечосонская территория, в том числе и район современного Пхеньяна, на несколько столетий оказались включенными в состав пограничных владений Ханьской империи, т. е. китайских префектур, или округов, через которые осуществлялось давление на корейские племена и шло распространение китайской материальной культуры.

Включение Древнего Чосона в ареал распространения протокорейской культуры не вызывает сомнения у ученых КНДР и многих исследователей из Южной Кореи, в этом же русле рассматривают его советские и российские историки, однако для китайцев далеко не все столь однозначно. Традиционное китайское понимание миропорядка в Восточной Азии, основы которого сложились в эпоху древних царств и раннем средневековье, подразумевало культурное «окитаивание» периферийных с китаеццентристской точки зрения земель. Конфуцианские представления о семье трансформировались в особое отношение китайцев к окружавшим их государствам и народам, еще в древности разделенным на две категории — фань (внутренние или близкие вассалы) и шу (внешние или дальние вассалы). Предположительно занятые Древним Чосоном земли всегда находились в сфере действия фань. Кроме того, к этой категории причислялись пограничные с Китаем и не имевшие своей государственности первобытные племена, изредка имевшие контакты с китайскими чиновниками. Исходя из своих интересов, таким ближним «родственникам» Китай иногда оказывал практическую помощь, направляя туда своих резидентов. Именно в таком контексте китайские историки рассматривают акт Киджа по основанию Древнего Чосона. Корейские племена (кит. — дун-и или восточные варвары) всегда относились к сфере шу, занятые ими земли и основанные в дальнейшем государства, несмотря на режим вассальных отношений и частые вмешательства империи во внутренние и внешние дела, были практически независимыми.

Остаются до сих пор не решенными и важнейшие проблемы исторической географии и социально-экономической истории Древнего Чосона. Достаточно сказать, что науке не известны опорные, типичные памятники его культуры. Ряд исследователей увязывает их с долменами классического типа, древним жилищем квадратных очертаний, бронзовым инвентарем (пуговицы, зеркала с геометрическим орнаментом, пряжки с рельефом тигра или дракона, конской упряжи), наиболее архаичным железным оружием и земледельческим инвентарем. Однако аналогичные находки были обнаружены не только на отводимой Древнему Чосону территории, но и на большей части Корейского полуострова. Исключительно древнечосонской

принадлежностью признан лишь укороченный бронзовый меч или кинжал пипха, очертанием лезвия напоминающий скрипку. Китайские летописи донесли до нас куплет, пожалуй, самой архаичной песни «Конхуин», авторство которой приписывается древнечосонской женщине Ре Ок:

Не ходи за реку, любимый,
А ты уходишь упрямый.
Вот и утонул в реке.
Как я теперь проживу?

Эти слова очень напоминают содержание «Ариран», популярной в Корее народной песни.

Падение Древнего Чосона под ударами Ханьской империи в 108 г. до н.э. вызвало массовое переселение чосонцев на территорию полуострова. Они несли с собой культуру раннего железа, и именно это, по мнению северо-корейских историков, а не влияние Лолан способствовало его повсеместному утверждению в Корею.

Признать Древний Чосон государством было бы очень смело, но его можно оценить как первый в истории региона и корейского народа сначала военный, а затем политический союз родственных племен, на последней стадии которого возникают элементы государственности, формируются рабовладельческий и раннефеодальный уклады. Так же следует оценивать ранние образования Пуё, Чингук, Курё, которые трактуются северо-корейцами как рабовладельческие аристократические государства.

Вступление Кореи в эпоху металла сопровождается заметными изменениями в этническом составе. Тунгусы окончательно вытесняют иные этнические элементы на крайний юг полуострова и частично ассимилируют их. Формируются локальные этнические образования, на базе которых возникают отдельные племена: чосон, емэк, мэк, пуё, окчо, народы хан на юге (махан, чинхан, пёнхан). На рубеже новой эры и в ее первые века они занимали не только Корейский полуостров, но и сопредельную материковую территорию, имели различный уровень социально-экономического развития и находились на разных стадиях разложения первобытнообщинных отношений, классовой дифференциации и становления государственности. Наиболее развитые в культурном отношении племена становились центром притяжения племен отсталых, и в конечном счете вокруг них начался процесс утверждения государств Когурё, Пэкче и Силла. На смену многочисленным племенам и общинным объединениям пришли эти три государства, которые в V – VI вв. вступили в борьбу за гегемонию на полуострове.

1.1.4. Первобытная культура

Первобытная техника и наука. Корейцы очень рано овладели технологией обработки материалов, не требующей отвлеченного мышления и высокого уровня теоретических изысканий. Им были известны практически все приемы работы с камнем: твердым (гранит, кремний, обсидиан), мягким (сланец, песчаник, шифер) и полудрагоценным (яшма, жадеит). Причем неолитические технологии значительно превосходили технику палеолита. Палеолитический человек одновременно решал задачу добычи материала и изготовления орудия; вырубая камень в месторождении разведенной породы методом скола или оббивки, он получал почти готовое изделие, практически не требовавшее дальнейшей обработки. Целеустремленная деятельность первобытных людей позволила предкам корейцев освоить огонь еще на нижнепалеолитической стадии, создать ряд орудий для охоты и разделки зверя. В мезолите на помощь охотникам пришли лук и стрелы.

Неолитическое население шагнуло далеко вперед: добывая грубые каменные сколы, оно подвергало их ретуши и придавало орудиям нужный облик и форму. К концу неолита появились технологии пиления, сверления, шлифовки и полировки камня. Усложнилась форма орудий, они стали многопрофильными или, напротив, узко специализированными. Вершиной неолитической технологии стало производство каменных кинжалов, серпов и полудлинных ножей. Менее разнообразны, но достаточно трудны в изготовлении и применении изделия из кости и рога: жители полуострова овладели искусством создания сложных рыболовных крючков и гарпунов с боковыми шпорами.

Гончарное ремесло прошло путь от грубой толстостенной догребенчатой керамики до тонкостенной орнаментированной глиняной посуды с усложняющими производство дополнительными деталями: ручками, ушками, изогнутыми венчиками, подставками-поддонами и т. д. Более совершенная форма керамических предметов достигалась за счет использования примитивной поворотной площадки, появившейся на рубеже неолита и палеометалла, но в основном древние гончары работали методом налепа, использовали грубое, пористое тесто. Изготовители гребенчатой керамики научились добавлять слюду, асбест, что позволило увеличить прочность сосуда, обеспечить качественный обжиг и утончить стенки. Керамические изделия, украшенные рисунками гребенчатого типа в виде «рыбьего скелета», точечного и линейного характера, более сложными меандровыми и плетеночными росписями и накладным орнаментом, можно считать древнейшими произведениями корейского искусства. Остроногие и глубокие, с круглым или плоским дном, сосуды и вазы, чаши, круглые блюда и котлы отличаются богатством и правильностью форм

и разнообразием украшений. Мастера искусно сочетали рисунок с формой сосуда.

Поздненеолитический человек создал в Корее систему отопления *ондоль*, ее обнаружили на стоянке *Нампхадонь* (с. Ронам, Северный Пхёнан). Воздух проходил под полом жилья по каналам, выложенным мелкими камнями. Такая система помимо собственно строительных навыков предполагала наличие у человека примитивных познаний в области физики – относительно воздушной тяги, свойств теплого и остывшего воздуха.

Ранние металлические изделия в их самой архаичной форме, скорее всего, были привнесены на Корейский полуостров извне, это доказывается появлением литейных форм лишь в III в. до н.э. и широким применением наряду с бронзовыми изделиями каменного инвентаря. Формы для литья сначала изготавливались из мягкого песчаника, а примерно с I в. до н.э. распространились т. н. «восковые формы». Состав сплавов, применяемых в Корее, существенно разнился с китайской бронзой, корейский металл содержал больше свинца, но меньше олова; раньше китайцев корейцы научились добавлять в металл цинк. Они разработали технологию производства особого сплава, т. н. «белой бронзы» с повышенным содержанием олова и добавками мышьяка. Ее легко было плавить и обрабатывать, и из нее изготавливали художественные изделия. Из бронзы делали всевозможные инструменты, оружие и украшения: долота, тесла, ножи, мечи, наконечники стрел и копий, топоры-кельты и секиры, сосуды, колокольчики, бубенчики, другую конскую упряжь, ритуальные бронзовые зеркала, браслеты, шпильки и пр. Художественные произведения из бронзы немногочисленны, большинство предметов относятся к первым векам до н.э. Интерес представляет реалистично выполненная пряжка в виде фигуры лошади, отличающаяся мягкой пластичностью формы. Бронзовые сосуды строгие и простые, они лишены каких-либо украшений, главным образом это котлы и высокие вазы с петлеобразными боковыми ручками. Вершинами бронзового литья иковки считаются маньчжурские кинжалы *липха*, а также орнаментированные и шлифованные бронзовые зеркала.

В Корее самостоятельно возникла технология легирования металлов, на ее основе развилось латунное производство, т. е. сплав меди и олова. В силу своей прочности и ковкости латунь шла на производство оружия и, прежде всего, узких латунных кинжалов, которые оцениваются северокорейскими исследователями как чисто национальная модификация *пипха*. Все эти достижения относятся ко времени существования поздней бронзы и архаичного железа (300 г. до н.э. – конец I в. до н.э.).

Керамика периода бронзы становится еще прочнее за счет добавления в гончарное тесто

песка и совершенствования процедуры обжига в специально изобретенной в рамках бронзовой культуры гончарной печи. В отличие от обычного очага, которым пользовались неолитические мастера, в ней поддерживалась равномерная и более высокая температура. Керамика бронзового века *пхэньи* (в ряде отечественных работ *бэньи*), или волчко= вымеобразная, имела красную, желто-коричневую или темно-серую цветовую гамму, представляла собой более сложные по форме и украшению изделия. Орнамент на сосуды стали наносить с помощью деревянных или костяных штампов методом тиснения.

На позднем этапе бронзы появилось важное техническое новшество, совершившее очередной переворот в производственной сфере. Человек научился обеспечивать жесткое соединение оси с кругом (*мулле*), и в повседневную жизнь корейцев входят прялка, водяное колесо и гончарный круг. Изобретение последнего относят к I в. н.э., т. е. периоду раннего железа. С этого момента гончары получили возможность производить симметричные, разного объема и размера изделия с отсутствием характерных для технологии налета швов, возникает метод лошения – полного заглаживания поверхности сосуда. Керамическую посуду стали обрабатывать окисью железа или киноварью. Расширение технических возможностей сказалось на ассортименте продукции, в обиходе человека появляются различная хозяйственная утварь: от небольших кубков и чаш до огромных котлов для хранения зерна и сдвоенных погребальных урн, вмещавших тело покойника. На полуострове распространяется толстостенная серая и черная керамика с набивным орнаментом, ставшая предвестницей железного века. Украшением лошеной посуды становятся широкие красные полосы, служившие фоном для росписи в виде черных треугольников, расположенных в одну или несколько линий. Помимо геометрических, встречаются растительные мотивы: цветы с остроконечными лепестками, напоминающие лотос. К началу раннего железного века формы сосудов становятся более правильными и разнообразными, появляются изделия почти идеальной сферической формы, блюда на высоких подставках, удобные для трапезы сидящих на полу людей.

Переход от бронзового века к раннему железу на Корейском полуострове трудно различим, поскольку проявление самых архаичных изделий из железа наблюдается на фоне широкого применения бронзы. Собственная бронзовая технология древних корейцев послужила основой для овладения черной металлургией. Рудного материала для выплавки железа на полуострове было предостаточно, однако его качество (с точки зрения содержания железа и структуры) оставляло желать лучшего. Данная особенность оказывала противоречивое воз-

действие на развитие металлургии. С одной стороны, мягкость железистых песков, основного типа руды на Корейском полуострове, облегчала выплавку железа. С другой – предметы из него сохраняли это же свойство, что снижало их конкурентную способность по сравнению с бронзовыми и даже каменными изделиями. Прошло немало времени, пока корейцы научились выплавлять качественный металл, случилось это в окрестностях современного Пусана, где находится месторождение лучшей железной руды в Корее – *Кимхэ*. На этой основе появился целый ряд изделий: мечи, наконечники копий и стрел, земледельческий инвентарь (мотыги, заступы, серпы, лемеха), всевозможные ремесленные инструменты, транспортные приспособления и упряжь (большие колеса и спицы для них, удила, стремяна). К первым векам новой эры все эти предметы постепенно вытесняют свои бронзовые аналоги; только на этой стадии орудия труда из металла окончательно входят в быт, и камень исчезает из основной производственной сферы.

Ученые КНДР в конце 80-х гг. заявили о существовании технологии производства углеродистой стали на стоянке железного века *Нампхадонь*. Обнаруженный здесь топор они датировали IV – III вв. до н.э. Это не соответствует действительности, поскольку историки других стран, в том числе Южной Кореи, относят этот памятник к позднему этапу раннего железного века (II – III вв. н.э.), а уровень развития черной металлургии того времени не позволял производить столь качественную инструментальную сталь.

В раннем железном веке основные технические достижения предшествовавшего периода были сохранены и усовершенствованы, это сказалось и на производстве типичных для бронзы изделий из камня, глины и металла. Первобытные ювелиры научились сверлить твердые породы поделочного камня, овладели искусством огранки, вершиной их мастерства становятся каменные бусы и ожерелья. Появляется бронзовое литье сложного профиля с тонким литым орнаментом; для изготовления зеркал и курительниц стали применять разъемные литейные формы. Они дали мастерам возможность отливать идеальными круглыми или вытянутыми зеркалами, отличающиеся изящной формой, необычным декором в виде тонкого рельефного орнамента. Связующие добавки еще более увеличили вязкость теста, это позволило лепить фигурные изделия. Появились высокоэффективные печи с искусственной воздушной тягой, они обеспечивали равномерный обжиг при тысячеградусной температуре. В *Унги* (Северный Хамгён) найден образец первой расписной керамики – сосуд, украшенный живописным рядом в виде петлеобразных фигур. Совершенствуется технология, и появляются специальные устройства, в том числе универсальные, для полировки,

шлифования и сверления различных материалов.

Все эти новшества стали результатом научного поиска и осмысления первобытным человеком окружающей его природы. Естественно, научное мышление в древней Корее находилось в зародышевом состоянии. Понятийная система только начала формироваться, любые представления о мире, времени и пространстве, живой и неживой природе складывались в результате конкретных и непосредственных наблюдений и не выходили на уровень теоретического обобщения, а обслуживали практические потребности первобытного общества, не имея отраслевой ориентации.

Археологические материалы позволяют с определенной степенью уверенности предполагать, что на неолитической стадии население Кореи имело представление о сторонах света (ориентация входного устройства жилья и покойника в захоронениях), это означает, что велось наблюдение за движением светил, люди обладали понятием суточного цикла. Погребальный инвентарь, его состав и расположение подтверждают наличие определенной системы счета. Круглая и квадратная формы жилья, очертания керамических сосудов и нанесенный на них орнамент свидетельствуют о знании простых и объемных геометрических фигур и линий. Стремление разнообразить керамику, нанести на нее узоры, а также использование каменных украшений говорят о формировании определенных эстетических понятий и запросов.

Письменные китайские источники: «Исторические записки» / «Ши цзи» Сыма Цяня (I в. до н.э.), «История [Ранней] Хань» / «[Цянь] Хань шу» Бань Гу (I – II в. н.э.), «История Поздней Хань» / «Хоу Хань шу» Фань Е (начало V в. н.э.), раздел «Вэй чжи» из «Истории троецарствия» / «Сань го чжи» Чэнь Шоу (конец III в. н.э.) и др. – дают нам некоторое представление о научном знании древних корейцев в период бронзы и раннего железа. Все содержащиеся в них сведения были повторены и дополнены в более поздних корейских хрониках: «Исторические записки трех государств» / «Самгук саги» Ким Бусика (1145 г.) и «Предание о трех государствах» / «Самгук юса» Ирёна (вторая половина XIII в.). Особенно ценной является информация о формировании правовых представлений в обществе. Речь идет о восьми «запретительных статьях», действовавших в Древнем Чосоне. Нам не известно, были они оформлены в виде законов или же относились к нормам бытового права, но в любом случае упоминание о древнеchosонских «статьях» свидетельствует о становлении правовых институтов. Летописи китайских авторов утверждают, что протокорейцы в процессе развития земледелия вели астрономические и сезонно-климатические наблюдения. У них формировались архаичные натур-

философские представления, на базе которых укрепилось знание о лунном цикле, возможно, возник лунный календарь. Населявшие Корейский полуостров в начале новой эры племени имели представление о солнечном и лунном годах, гадали по созвездиям, приносили жертвы природным стихиям в соответствии с лунным календарем, выделяли такое природное явление, как солнечное затмение. На основе примитивных астрономических и метеорологических наблюдений формировались представления о неразрывной связи феноменов вселенной и земной жизни.

Первобытная архитектура. В первобытную эпоху строительство полностью определялось потребностью защитить себя от влияния внешней среды. Палеолитический человек вел преимущественно кочевой образ жизни и предпочитал обживать пещеры. Самые архаичные следы человеческого жилья на Корейском полуострове обнаружены в культурных слоях, относящихся к концу палеолита или же к мезолитической эпохе (стоянка Сокчанни-13). Здесь просматриваются очаг, опорные столбы, контуры ограждения и входного устройства.

Жилье нового каменного века обнаружено в пяти пунктах полуострова. Расположение жилищ и стоянок зависело от природных условий и связанного с ними хозяйственного уклада. К особому типу жилища эпохи неолита относятся пещерные стоянки Мисонни (Северный Пхёнан) и Кёдонь (Канвон, РК). Неолитическое население жило преимущественно по берегам рек и морей, в небольших стоянках, насчитывавших не более десяти наполовину углубленных в грунт землянок прямоугольной или округлой формы. Круглая форма землянки связывается с влиянием алтайских палеоазиатов ввиду ее сходства с ярангами оленеводческих племен. Землянки располагались внутри земляного вала или на ровной площадке, чуть возвышающейся над остальной поверхностью. Они возводились на естественном фундаменте (гранитной плите, песке или раковинной куче), который обмазывали плотным слоем глины. Глину применяли и для укрепления стен, пол землянки уходил в грунт на глубину от 0,3 до 1,2 м, но в среднем на 60 см. Диаметр круглой землянки составлял от 3,5 до 6 м. Максимальная площадь раскопанного жилья – 42 кв. м, минимальная – 9 кв. м. В центре жилища галькой был выложен очаг, вокруг которого или ближе к стенам находился ряд хозяйственных ям для мусора и бытовых отходов. Входное устройство всегда было ориентировано на юго-восток или юго-запад, что давало возможность дополнительного солнечного освещения и обогрева.

В бронзовом веке с развитием земледелия поселения существенно расширяются и переносятся на низкую холмистую местность поблизости от равнины, на которой располагались пахотные угодья общины. Человек благоустрои-

вает свое жилье, оно приобретает вид полуземлянки (полуназемное жилье), а в некоторых случаях вообще выходит на поверхность грунта. Главной формой жилья становится прямоугольная (изредка квадратная) полуземлянка различных размеров. Если в верхнем неолите ондоль является единичной находкой, то для бронзовой культуры он достаточно типичен. В раннем железном веке появляются крупные земледельческие городища, т. е. поселения, укрепленные палисадом или земляным валом. Жилище становится наземным и окончательно приобретает прямоугольную форму.

Специфичную форму первобытной архитектуры представляют собой погребальные сооружения. Указаний на погребение людей в эпоху палеолита в Корее не существует, но неолитическая и последующие стадии дают нам представление о развитии этого особого вида целенаправленной человеческой деятельности. В эпоху неолита преобладали индивидуальные погребальные сооружения в виде эллипсообразных ям, выкопанных в грунте или раковинной куче и выложенных камнями (т.н. каменный мешок). Их покрывали ветками деревьев и заваливали булыжником, а иногда прикрывали плоской каменной плитой. Уникальным является коллективное захоронение на стоянке Кёдонъ, здесь в могилу превращена одна из землянок. Три скелета уложены на полу в строгом порядке, как спицы в колесе и головой к стене с ориентацией на восток, запад и юг, сверху они покрыты слоем земли; оставлен в землянке и погребальный инвентарь. Объяснить кёдонский феномен не просто, возможно, все покойники погибли или умерли внезапно (эпидемия или вражеское нашествие), и сородичи не смогли захоронить их в привычном порядке.

В условиях культуры раннего металла погребальные сооружения значительно усложняются. Основными являются каменные ящики-гробы, т. е. погребальная камера теперь обкладывается не булыжником, а большими плоскими плитами. Над ними из грунта или камней делали насыпи, каменные получили название *кёльн*. В ряде районов Кореи встречается модифицированный вариант кёльна – *менгир*, или «стоячий камень». Это погребальное сооружение относится к категории мегалитов (сооружений из крупных каменных плит), поскольку высота возведенного над могилой камня достигала почти 3,5 м. Для мегалитических сооружений выбирались огромные каменные плиты плоских очертаний. Каменные ящики-гробы, кёльны и менгиры генетически связаны с бронзовой культурой материковой Азии.

Южное (островное) происхождение имеет еще один вариант мегалитических сооружений – *дольмен*. Над могилой устанавливались три огромных каменных плиты, две из них – в качестве подставки, а сверху на них укладывалась третья, самая большая и плоская, такой

тип дольменов встречается на севере Кореи, полуострове Ляодун и в Маньчжурии, поэтому его называют «северным». Южный тип дольмена проще: каменная глыба размещалась прямо на земле или на мелких камнях и плитах над захоронением; он представлен, преимущественно в провинциях Северный и Южный Кёнсан, Северная и Южная Чолла и островах южного побережья Кореи. Дольмены располагались большими группами (до ста сооружений) по берегам крупных рек.

На переходе от бронзы к раннему железу появляется керамический вариант ящика-гроба, когда тело покойного размещали в приставленных горлышками друг к другу глиняных урнах, имевших достаточные размеры, чтобы похоронить ребенка или подростка, реже – взрослого человека. В железном веке исчезают мегалиты, под влиянием китайской традиции появляются деревянные гробы, для размещения которых выкапывали элементарную земляную траншею (глубокая яма прямоугольных очертаний с укрепленными стенками). Представлены также такие погребальные сооружения, как каменная оградка (серия небольших плоских плит, стоящая воткнутой в землю и обрамляющая место захоронения) и каменный гроб (продолжение традиции бронзового века, но без укрепления стенок траншеи). Надземные сооружения исчезают, со всей очевидностью можно говорить об упрощении погребальных форм в эпоху железной культуры.

Религиозные представления и мифология. Конкретные формы верований древних корейцев выделяются с трудом и фрагментарно. Однако уже палеолит дает нам свидетельства об архаичных формах религиозного сознания. Переходные к мезолиту культурные слои Сокчанин открыли археологам древние рисунки на плоском галечнике, отдаленно напоминающие оленя, человека; геометрические фигуры – круги, дуги, трезубцы; некоторые из рисунков наносились повторно. Эти находки отражают самую раннюю форму религиозного сознания – *фетишизм* (культ предметов). Изготовление каменных орудий как основная форма производственной деятельности обусловила фетишизацию камня: обыкновенная галька становится первым фетишем, и на нее наносят изображения с магическим или сакральным смыслом. Отголоском фетишизации камня можно считать существующий в Корее до сих пор обычай откалывать нос у каменного изваяния Будды, толочь его в порошок и принимать с целью рождения сына. Сюда же можно отнести и сооруженные тысячами паломников и туристов нагромождения маленьких камешков у стен буддийских монастырей и других достопримечательных мест Кореи.

Религиозные представления древних обитателей Корейского полуострова могут быть определены как мифологические, т. к. характер-

ной особенностью психологического уклада первобытности является мифологическое восприятие окружающей природы, жизни и смерти. Изучение мифологических представлений корейцев обнаруживает феномен многослойности и отсутствие какой-либо господствующей модели, но это не исключает возможности преобладания на определенном историческом этапе того или иного мифологического сюжета или мотива. Помимо одушевления объектов живой и неживой природы (фетишизм, тотемизм) у протокорейцев получили развитие астральная (солнце и луна) и стихийная (вода, ветер) мифология, несколько позднее формируются мифология предков, в том числе прародителей, мифические представления о происхождении и развитии мира (космогония).

В Сокчани обнаружены также выполненные из камня изображения животных: собаки, кита, кабана, птицы с длинным клювом, черепахи. В связи с ранними религиозными представлениями верхнепалеолитического населения рассматриваются точечные изображения оленя и других животных, выполненные на скалах в местечке Пангудонь (Южный Кёнсан). Общеизвестно, что такого рода артефакты связаны с определенными религиозными представлениями людей, придававших изображениям животных магический смысл. Через первобытную магию человек реализовывал свое стремление достичь успеха в охоте или приумножить поголовье промыслового зверя. Магия выводит религиозные представления древних людей на новый уровень, она подразделяется на магию фетиша, имитативную магию, магию жеста, звука, слова и цвета. Целенаправленные манипуляции с галькой и особенно повторное нанесение рисунка, несомненно, можно считать признаком магии фетиша. К имитативной магии относятся наскальные изображения охоты и промысловых животных. Обряд завязывания бумажных и тканых лент на ветках священных деревьев, по-прежнему распространенный в Южной Корее, есть остаточное явление магического действия жеста, сопровождавшегося мольбой о счастье, благополучии, любви. Всемирно распространенное явление – магия звука – сохраняется в особой любви корейцев к барабанам, гонгам, колоколам. Она выражена в чрезмерно шумной и хаотичной, на взгляд европейца, игре национальных ансамблей самуль нори. Магией слова чрезвычайно широко пользовались и продолжают пользоваться корейские шаманы, ее можно отследить и на бытовом уровне (ритуальное сквернословие). Магия света – вера в очистительную силу огня, его способность отогнать злых духов, болезни, несчастья – воплощена во всевозможных свечах, курительных, фонариках, жаровнях, которые по сей день являются непременным атрибутом культовых действий и обыденной жизни в Корее. Особое пристрастие испытывают корейцы и к цветовой

цветовой гамме, привычное для них красно-желто-зеленое сочетание наделено особым, сакральным, смыслом.

С эволюцией общества трансформировалось и религиозное сознание, в условиях раннеродовых охотничьих общин формируется тотемизм, для которого характерен перенос кровнородственных отношений людей на неживую природу, установление их родства с тем или иным животным или растением. У корейцев, возможно, существовали культы медведя, тигра, ворона, собаки, сосны, чеснока, женьшеня. Свидетельством тотемизма могут служить отдельные находки мелких скульптурных изображений животных, преимущественно собаки и кабана, на неолитических памятниках.

Существование матриархата в новом каменном веке подтверждено несколькими женскими статуэтками, характерными для культа материнства.

Сам факт существования и усложнение в период неолита погребений и погребального обряда (ритуальный инвентарь и обереги, ориентация тела покойного по солнцу или сторонам света, надгробные сооружения) свидетельствуют о вере в загробный мир, злые силы, способные помешать умершему попасть туда, о выделении солнца как противоположности тьме и, наконец, о формировании культа предков.

В отличие от окружающих народов, в первую очередь японцев и китайцев, корейцы создали мифологию, которая больше связана с историей страны и сказочным миром, чем с божественным началом. В материалах, дошедших до нас через изустную традицию и летописные хроники, активно действуют первопредки и легендарные герои, а не божества. Реконструированные мифологические представления древних корейцев изобилуют бытовыми реалиями, фиксируют событийное время и пространство, представляют полусторические – полULEГЕНДАРНЫЕ персонажи.

Наиболее многочисленными являются архаичные мифы об основателях государств (конгуг синхва), это не что иное, как мифологизированные родовые предания о первопредках, отражающие пути миграции и взаимодействие различных родов и племен протокорейцев, одновременно они содержат многие космогонические и антропоморфные мотивы. Центральное место в этом разряде преданий принадлежит мифу об основателе Древнего Чосона Тангуне, который современными корейцами воспринимается как прародитель всей нации. Как и в других архаичных мифах, первопричина его рождения – солнечное божество, направившее сына на землю, где он встречается с медведицей и по ее просьбе помогает ей превратиться в женщину (не без помощи еще одного тотема – чеснока). После этого сын верховного небесного владыки сам становится человеком и женится на ней, в браке рождается

сын, названный Тангуном-Вангом. Став взрослым, Тангун основал Древний Чосон и несколько веков управлял им. Очевидно, что Тангун – мифический персонаж, наделенный чертами тотемного первопредка и героя неолитической эпохи, он вобрал в себя гармонию духа, человека и животного. Миф о нем, вероятно, зародился в недрах племени с теократической формой правления, считавшего медведя своим предком-тотемом. События архаичных мифов строго локализируются в земном пространстве и квазиисторическом времени, относящемся к легендарной истории Кореи, где традиционные датировки условны, например в случае с Тангуном датировка основания Древнего Чосона – 2333 г. до н.э.

Астральная и космогоническая мифологии дошли до нас лишь в устной традиции. Примечательно, что характерная для многих культур глобальная концепция происхождения мира из космического яйца у корейцев сужена до уровня антропоморфного предка: первопредки корейских племен Чумон, Пак Хёккосе (в его случае яйцо принесла священная белая лошадь), Ким Суро (золотое, круглое, как солнце, яйцо, спущенное на веревке с неба) – все они появились на свет из яйца чудесного происхождения. В одном из мифов в небесные светила: солнце, луну и звезды – превратились трое детей (соответственно, Хэсун, Тальсун, Пёльсун); спасаясь от тигра, они по веревке взобрались на небо. Горы, моря, реки и равнины в мифах созданы великанами. Холмы на о-ве Чеджудо образовались из пыли, упавшей с ног матушки Сонмундэ – хозяйки горы Халласан, служившей для великанши изголовьем. Встречаются и более экзотические варианты: гора Пэктусан получилась из экскрементов великана. Лунными и солнечными затмениями мы обязаны «огненным собакам», которых насылает на светила повелитель страны тьмы, но солнце слишком горячо, а луна холодна, поэтому собаки лишь покусали их, а обгрызенные куски не светятся, наступает затмение. Вползая и выползая из пещеры, огромный морской дракон вызывает приливы и отливы. Великан, подпирающий небо бронзовым столпом, переставляя его с плеча на плечо, сотрясает землю.

Стихийная мифология заполняет духами весь окружающий мир, в них отражены первобытные пантеистические верования. Вселенную заполняет сонм божеств и духов, над которыми стоит верховный небесный правитель – Ханьним, явно связанный с культом солнца. Созвездия, облака, дождь, ветер, гром и молния имели собственные воплощения в мире духов. Горы, реки, пещеры, скалы, животные и растения населялись духами *квисинами*; наиболее популярными и достаточно благосклонными к человеку были духи гор *сансин*, хозяином гор считался дух тигра *хосин*. Моря, реки, озера и даже колодцы заселены водными *мульквисинами*,

их иерархию возглавляли морские драконы пяти цветов *ёнван*. Множество мифических преданий посвящено духам больших старых деревьев, они помогали людям излечивать недуги и приносили счастье. Представлены в корейской мифологии и духи – стражи четырех (иногда пяти) сторон света *сасин*, духи домашние *касин*. Всевозможные злые духи, черти, приведения пришли в бытовые суеверия из особого раздела корейской мифологии – шаманской.

Слабость человека перед естественными стихиями обусловила возникновение различных обрядовых действий, по мере совершенствования общества они значительно усложнялись. Развитие аграрного труда и зависимость его результатов от природных условий вызвали появление земледельческого *солярного* культа. Его цель заключалась в том, чтобы стимулировать выпадение дождя, появление солнца, рост и созревание злаков. Земля отождествлялась с женским организмом (*материнский культ*), ее плодородие – с плодородием человеческого организма. Однако связанный с патриархальной стадией *фаллический культ плодородия* на Корейском полуострове практически не сложился, этим Корея существенно отличается от южного соседа – Японии. *Солярный культ* наряду с культом предков были свойственны протокорейцам на ранней ступени их существования. Почитание солнца, неба, прародителя нашли отражение в мифе о Тангуне, оно сохранялось на протяжении всей ранней истории Кореи.

На рубеже новой эры *когуреские* и *ханские* племена поклонялись духам солнца и луны, а жертвоприношения небу были характерны для всех древних корейцев. *Когурё* и *емэк* поклонялись медведю и его логову, отсюда берет начало традиция поклонения духу пещеры и горы, *восточные* — отдавали предпочтение тигру. Мир для древних корейцев был полностью одухотворенным, жизнь людей зависела от добрых и злых духов. Они же ведали природными явлениями и стихиями. Явления и объекты природы считались одухотворенными и священными, их влияние на судьбы людей можно было предугадать и предвосхитить. В этой ситуации особую роль в жизни человека стали играть жрецы, колдуны, шаманы и гадатели, способные не только предсказать, но и повлиять на события. Любая значимая личность наделялась сверхъестественными способностями, воплощавшими земное и мифическое начала (ср. антропоморфные мифы о происхождении прародителей). Неудивительно, что подобные существа отличались не только происхождением, но и антропоморфным обликом. Известны первобытные скульптуры с птичьей головой, сосуды с изображением женщины с головой курицы – именно так выглядела мифологическая прародительница *силланцев*. Процесс трансформации ранних верований развивался

параллельно с развитием общества в целом, на рубеже новой эры ведущими культами становятся культ неба и предков.

В русле с магией и мифологией развиваются примитивный танец и музыка, имевшие явно ритуальный характер. Отправление магических обрядов сопровождалось танцевальным и музыкальным действием. По мере развития эстетических запросов и представлений они усложняются, готовится почва для их трансформации в самостоятельный жанр искусства. До наших дней дошли упоминания о танцевальных номерах «Соколиная охота» (имитационная магия охоты) и «Танец тигра», исполнявшийся в звериной маске (тотемистическая магия).

Изобразительное и прикладное искусство. Предметы, несущие эстетическую нагрузку, встречаются уже в эпоху позднего палеолита – мезолита. Археологи обнаружили несколько фигурок человека и животных из камня и глины; важной находкой являются пангудонские наскальные рисунки. Стремление к украшению, по-видимому, было характерно для самых ранних культурных этапов, но скудность материала по корейскому палеолиту и невосприятие современным человеком архаичной эстетики не дают нам возможности детально рассмотреть проблему, поэтому обратимся сразу к новому каменному веку.

Неолитический период не оставил особенно заметных произведений искусства, до нас дошли единичные женские статуэтки из глины и камня, фигурки животных (собак и свиней). Все они носили вотивную (т. е. посвященную культу или божеству) и, вероятно, эстетическую нагрузку. Общее представление о развитии неолитического искусства можно получить, оценивая керамическую посуду как элемент не только материальной, но и художественной культуры. Форма, орнамент керамики, оформление изделий из кости и рога, украшения из кости, камня и раковин (ожерелья, подвески, браслеты, шпильки для волос) также свидетельствуют о росте эстетических запросов неолитических жителей полуострова. Особое внимание следует уделить представленному на керамических изделиях орнаменту в виде «ёлочки» (керамика «рыбьего скелета»), комбинации чёрточек, точек и зигзагов, усложненному ленточным, меандровым и плетеным узорами. В позднем неолите появляются лощеные сосуды, обработанные киноварью, на них по красному фону нанесены полосы черных треугольников или стилизованные изображения цветов. Кроме того, среди поздненеолитической керамики обнаружено несколько сосудов с фигурной раскраской.

Период палеометалла также небогат художественными артефактами. Важнейшим свидетельством развития изобразительного искусства в бронзовом веке является комплекс наскаль-

ных рисунков с изображением сцен охоты на морского зверя и нескольких наземных животных в Пангудонь и Чхонджонни (г. Ульджу, Южный Кёнсан); его можно трактовать как ритуальный или магический. Рисунками покрыта большая скала размерами 2 x 8 м, изображения двух десятков различных животных и нескольких человеческих фигур высечены на скальной поверхности, следы краски отсутствуют. Техника рисунка варьирует от силуэта к контуру. Точной датировки памятники не имеют, она определена в промежутке VII – II вв. до н.э.

Развитие собственных эстетических запросов и культурное влияние китайских и скифосибирских мотивов вызывают усиление тенденции к украшению. Художники по гончарным изделиям применяют тисненый штампованный узор, развивается расписной узор, представленный комбинациями колец на сосудах из Унги. Появляются предметы исключительно декоративного назначения, например каменные воспроизведения бронзовых кинжалов пипха, рукоятки которых оформлены условными фигурками птиц. Ранние формы бронзовых кинжалов, мечей и наконечников копий также оторваны от практического применения. В разделе о литье мы описывали тонкой выделки бронзовые зеркала и пряжки-украшения. В III – II вв. до н.э. появляются предметы, у которых украшательская функция главная (колокольчики, бубенцы, элементы конской упряжи, набалдашники на осеобразные предметы) или даже единственная (кольца, браслеты, бляшки). Назначение ряда изделий из бронзы до сих пор остается неизвестным.

Во II – I вв. до н.э. были изготовлены поясные бронзовые пряжки в виде лошади и тигра (Оынни, Северный Кёнсан), их скифосибирский сюжет имеет явно местное производство: фигуры животных непропорционально массивны. Две фигурки лошади украшают эфес меча I до н.э. – I в. н.э. из Яндонни (Южный Кёнсан). В письменных источниках, описывающих события раннего железного века, есть упоминания о семиугольных каменных вазах, ритуальных сосудах, производстве пятицветной шелковой ткани и изделий из камней-самоцветов, жемчужных ниток и т.д. Таким образом, в переходный период первых веков новой эры, когда на Корейском полуострове шел процесс оформления государственности, были заложены основные направления современного прикладного искусства. Материальная и художественная культура населявших ее племен получила дальнейшее развитие в эпоху трех государств и Объединенного Силла.

1.2. Культура трех государств

Конец раннего железного века (III вв. н.э.) – это укрепление раннефеодальной государственности в период трех государств Корейского

полуострова. Культурный комплекс Когурё, Пэкче и Силла основан на развитом железе. Письменные источники утверждают, что эти государства возникли в I в. до н.э., однако исторические данные свидетельствуют о том, что к I в. до н.э. относится лишь образование трех крупных племенных союзов, а процессы формирования государств в разных частях полуострова завершаются на протяжении III – VI вв. н.э.

На рубеже новой эры с процессом вызревания государственности тесно переплетается новый этап этнической истории корейцев. Взаимное притяжение родственных общин и племен содействовало формированию этнических общностей, привязанных к возникающим государственным образованиям: когурёсцев, пэкче и силланцев. Эти три этноса не следует воспринимать как самостоятельные народности или локальные варианты одной народности. Все они являлись компонентами довольно однородной этнической среды, сложившейся на полуострове задолго до периода трех государств. Их взаимная близость в скором времени стала основой окончательной гомогенизации в эпоху Объединенного Силла и быстрого оформления корейской народности на базе заимствованной танской культуры.

С образованием трех государств Корея вступила на новую стадию экономического, культурного и общественного развития. Одновременно с государственностью на полуострове начинается процесс синтеза культур Когурё, Пэкче и Силла. Это время зарождения письменности, появления первых литературных произведений, новых видов архитектуры и зарождения подлинного изобразительного искусства. Важнейшую роль в этих переменах сыграло упрочение всесторонних контактов с Китаем и усвоение различных сторон китайской культуры, сначала суйской, но особенно империи Тан. Танское влияние на многие века вперед определило экономическое, социальное и культурное развитие Кореи, послужив формированию в корейской среде родственного культурного комплекса. Сближение с Китаем стимулировало проникновение на полуостров буддизма, а чуть позднее – конфуцианства и даосизма. На этом этапе корейская культура уже проявляет способность адаптировать чужеземное влияние к местным условиям и служит проводником для проникновения континентальной культуры на Японские острова.

Распространение буддизма означало для Кореи не только восприятие новой религиозно-философской и нравственной системы; сама идея единой религии противостояла множественности древних корейских культов, помогала созданию государства с сильной централизованной властью. Буддизм интегрировал культурную традицию Самгук и служил нивелиру-

ющим фактором для ее локальных вариантов. Полнота восприятия буддийского культа и искусства не только сблизила Корею с Китаем, но и послужила ее превращению во второй по значению культурный центр Дальневосточного региона, длительное время служивший источником культурных заимствований для жителей древней Японии. Из Кореи на острова пришли иероглифическая письменность и классическая китайская литература, буддийский культ и конфуцианская доктрина, многие научные и технические достижения, но особенно интенсивное влияние корейского фактора испытала на себе сфера японской художественной культуры.

Переход к цивилизации в эпоху Самгук сопровождается окончательным оформлением государственности, становлением ее атрибутивных институтов и прежде всего четко организованного бюрократического аппарата. Под воздействием китайской традиции все три государства ввели систему ранжированного чиновничества. В Когурё насчитывалось 12 разрядов чиновников, в Пэкче и Силла – соответственно, 16 и 17. Однако еще сохранялись отголоски первобытной демократии: в Силла и Когурё высших сановников избирали на совете аристократов. В силланском государстве система чиновных рангов переплеталась с патриархальным аристократизмом, в этих условиях верховные должности в государстве могли занимать лишь лица, принадлежавшие к высшим аристократическим слоям – *сонголь* и *чинголь*. Из этой среды происходили первые правители Силла – *марилканы*, появившиеся во второй половине IV в.; их появление свидетельствует о перерастании политического союза племен в государственную организацию.

Интенсивность процесса заимствования, отбора и адаптации танской культуры Китая, и в то же время стремление сохранить собственную культурную традицию определяют историю корейской культуры в период трех государств и Объединенного Силла, когда складываются условия для становления и расцвета феодальной культуры Кореи в последующий средневековый период.

Политическая история периода трех государств (эпоха Самгук) чрезвычайно насыщена. Первоначально наиболее могущественное из них, Когурё, занимало северные земли полуострова до р. Ханган, юго-восток Маньчжурии и простиралось вплоть до Ляодуна. Оно окончательно утвердилось к середине III в. н.э. (по легендарной версии в 37 г. до н.э.) и просуществовало до 668 г. н.э.). Когурёсцы, возглавляемые королевским родом Ко, были очень воинственными, и лишь благодаря их героическому сопротивлению китайским династиям Суй (581 – 614 гг.) и Тан (618 – 907 гг.) не удалось покорить население Корейского полуострова.

Войны с могущественным южным соседом ослабили Когурё, и оно пало жертвой совместных походов силланцев и Танской империи, с этого момента корейцы окончательно утратили обширные земли на материке.

Юго-западную часть Кореи занимало государство Пэкче, сформировавшееся к последней четверти IV в. н.э. (по легендарной версии в 18 г. до н.э.) и просуществовавшее под управлением рода Пус до 660 г. н.э. Оно всегда было вынуждено лавировать между более сильными соседями, поочередно вступать в союз с ними, искать опору в Японии, но это не спасло Пэкче от агрессии из Силла. Постоянные войны с Когурё нанесли существенный урон Пэкче, и оно вынуждено было покориться захватчикам.

На юго-востоке Кореи процесс формирования государства Силла затянулся до середины VI в. н.э. (по летописной традиции – с 57 г. до н.э.), поскольку здесь за власть боролись представители трех могущественных кланов – Пак, Сон и Ким; они поочередно занимали пост правителя-марипкана. Лишь с начала V в. наступает период относительной стабилизации верховной власти, перешедшей в руки Кимов. Несмотря на длительный период стабилизации государственной власти, Силла оказалось сильнее других корейских государств и, вступив в союз с Танской империей, покорило их. С конца 60-х гг. VII в. и до 935 г. н.э. на территории Корейского полуострова существует Объединенное Силла – первое в истории корейского народа единое государство.

Для корейской историографии характерно выделение четвертого государства – Кая (Тэкая, Карак, Тэкарар, иногда – Кымгван), находившегося на юго-востоке полуострова, к западу от устья р. Нактонган, и очень близкого к культурному комплексу Силла. Летописная версия утверждает, что оно сложилось к 42 г. н.э. и просуществовало до 60-х гг. VI в. Советские и российские исследователи в большинстве своем отказываются признать государственный характер каяского общества. Они видят в Кая союз нескольких родственных пёнджинских племен, пытавшихся противостоять силланскому давлению на раннем этапе образования Силла. В противостоянии более могущественному соседу каяцы опирались на японские княжества, между ними сложились тесные культурные и политические отношения. Основные культурные характеристики Кая и Силла во многом совпадают, поэтому нам нет необходимости уделять Кая особого внимания.

Становление и развитие трех государств происходило на фоне разложения первобытнообщинного строя и формирования классового общества, раннефеодального по своей природе. Эти процессы протекали в условиях господства общинных отношений и общинной соб-

ственности на землю, поэтому в раннефеодальной Кореи сложился особый тип феодализма, основанный на принципе коллективного владения землей (принцип верховной собственности государства на землю) и продуктами ее эксплуатации (через систему земельных пожалований). Помимо общинной природы раннефеодальных отношений в Кореи, такая особенность имеет и объективные предпосылки. Эффективное ведение сельского хозяйства в условиях муссонного климата требовало создания и надлежащего содержания значительных ирригационных сооружений, а это было возможно лишь при условии регулярного труда больших коллективов людей: организовать и управлять такого рода производственным процессом могло лишь государство, «в награду» за это присвоившее себе право распоряжаться землей. Кроме того, корейцы не имели исторического опыта частной собственности, позволившего Европе шагнуть из рабовладельческого строя на этап феодализма, основанного на такой же частновладельческой системе.

Определение трех государств Корейского полуострова как раннефеодальных требует некоторой осторожности и взвешенного подхода. Когурё, Пэкче и Силла представляли собой аристократическую монархию с засильем милитаризованного чиновно-бюрократического аппарата, осуществлявшего налоговую эксплуатацию рядовых общинников. Но эта эксплуатация, несомненно, была феодальной, т. к. строилась на присвоенном государством праве распоряжаться общинной землей. Непосредственный переход от первобытнообщинного строя к феодализму осуществлялся в первые века новой эры в условиях активного взаимодействия Кореи с Китаем и усвоения его культуры, поэтому молодые корейские государства заимствовали сложившуюся там систему землепользования, основанную на государственной собственности на землю.

На такой социально-экономической базе шло развитие раннего феодализма и соответствующего типа культуры не только в период трех государств, но и в Объединенном Силла.

1.2.1. Общие черты материальной культуры Самгук

В отличие от раннего этапа истории Кореи, период Самгук можно изучать не только по данным археологических исследований, но и по письменным источникам, характеризующим события на полуострове с первых веков новой эры. Сочетание археологических и письменных материалов позволяет довольно подробно и точно реконструировать историю развития культуры Кореи и вести речь о таких ее разделах, которые на раннем этапе освещались фрагментарно из-за отрывочности и гипотетичности сведений.

Эпоха трех государств характеризуется появлением нового типа поселения: это были стационарные населенные пункты, значительные по размерам и числу жителей, отличавшиеся друг от друга величиной и предназначением. Существовали обычные поселки, огороженные частоколом и/или защитным валом, в них проживала основная часть населения. Сложились и поселения городского типа, они были обнесены каменной или глинобитной стеной, служившей достаточно массивным и надежным укрытием. Такой древний город первоначально был местом пребывания племенного вождя и его ближайшего окружения, затем он играл роль политического центра, из которого правитель осуществлял контроль над своими подданными и покоренными племенами. Впоследствии город становился королевской резиденцией и настоящей государственной столицей.

Такою судьбу пережил основанный в 198 г. н.э. город Хвандо (Тункоу) на среднем течении р. Амноккан, игравший роль центра политического притяжения когурёсцев. В качестве специальной резиденции государя здесь была построена крепость Куннэсон, куда ван перенесся в середине III в. н.э., до наших дней дошли стилобаты (каменные плиты под колоннами) ванского дворца и фрагменты крепостных стен. До 427 г. Куннэсон являлась столицей Когурё, но военно-политическая ситуация на западных и южных границах вынудила когурёсцев перенести ее в Пхеньян. Хвандо включал внутреннюю цитадель Куннэсон (букв.: «внутренняя государственная крепость/город»), служившую резиденцией вана; внешнее убежище на случай падения города; городские стены, защищавшие простых жителей от набегов врага; обширное кладбище с памятными стенами в честь чиновников и аристократов (например, знаменитая стела короля Квангэтхо-вана, 414 г.). Все это свидетельствует о долговременном существовании здесь административного и культурного центра.

Когурёская схема административного и культурного центра была повторена в Силла и Пэкче. На позднем этапе периода Самгук города трех государств умножились, разрослись, значительно усложнился их облик. Помимо столиц и военных крепостей, появляются города, лишенные стен и функционирующие исключительно как населенные пункты и локальные хозяйственные центры. Китайские летописцы свидетельствуют о существовании 50 таких пунктов только в силланском государстве. В трех государствах появляются т. н. «малые столицы», по-видимому, служившие на местах для облегчения управления из центра. Число городов и крепостей Кореи растет, летописи постоянно сообщают об их закладке, реконструкции или разрушении. Характерно неоднократное переименование населенных пунктов. Многие

древние столицы и «рядовые» города эпохи Самгук стали фундаментом для современных городов Кореи.

Погребальные сооружения трех государств также имеют генетическое сходство. Погребения рядовых когурёсцев, силланцев и жителей Пэкче отличаются скромной и не очень объемной могилой, покрытой каменной или каменно-земляной насыпью. В отличие от них погребения знати Когурё, Пэкче и Силла – в большинстве своем это огромные курганы, под которыми находятся сложенные из тщательно обработанных каменных плит или кирпичей погребальные камеры, оформленные цветными сюжетными фресками на потолке и стенах. Захоронения схожи двумя принципиальными деталями: более или менее роскошной погребальной камерой и монументальным поверхностным сооружением.

Для Когурё характерны ступенчатые каменные пирамиды-мавзолеи или сооружения в виде стола (отголосок культуры бронзового века), а также земляные сферические насыпи-курганы. Мавзолейный тип погребений (*сокчхунбул*) представлен крайне редко, в этом случае погребение осуществлялось в наземном варианте. Для покойника возводили ступенчатую пирамиду, тело покоилось в самом мавзолее, иногда на значительной высоте от уровня почвы. Под каменными надмогилами монументами или внутри них сооружалась одна просторная каменная погребальная камера.

Подземные гробницы (*понтхобун*) состояли из одной или нескольких погребальных камер, полу- или реже подземных. Под курганной насыпью могла находиться серия небольших каменных камер или одна яма. Сочетание нескольких погребальных помещений должно было символизировать дворцовые интерьеры того времени. Знать Пэкче и Силла хоронили под сферическими курганами обычно в одной камере из кирпича или камня (Пэкче), дерева или камня (Силла); крайне редко встречаются погребения с двумя и более камерами. Особенно для Пэкче и Когурё было сохранение ямного варианта кургана. В Пэкче знатного покойника могли поместить в глиняный гроб или урну для праха (после сожжения). Деревянная погребальная камера известна только у силланцев, они же создали и седловидный вариант курганной насыпи, встречающийся в случае спаренных погребений. Погребальные камеры во всех государствах полуострова могли иметь вход сверху (вертикальный тип) или сбоку через коридор (горизонтальный тип). Как видно, при совпадении общего принципа погребения знати, внутри единого типа существовали локальные варианты.

Примечательной особенностью когурёских курганов являются хорошо сохранившиеся настенные фрески, служащие современным ис-

следователям прекрасным материалом для реконструкции быта, хозяйства и социального уклада их создателей. Обобщая информацию, полученную на основе изучения погребальной стенописи, историки и этнографы сделали немало выводов о когурёской культуре, в целом о культуре всех трех государств, и в первую очередь о материальной и духовной культуре эпохи Самгук. В Пэкче фрески представлены реже и плохо сохранились, аналогичные находки в Силла единичны. Эпоха Самгук оставила нам более 50 курганов с настенной росписью. Датировка курганов Самгук весьма условна, установлен возраст нескольких погребений середины IV и начала V в. (Когурё), первой четверти VI в. (Пэкче), конца VI – начала VII в. (Силла).

Фрески дополняют и иллюстрируют сведения китайских летописей о внешности древних корейцев, их одежде и благосостоянии. Внешний облик жителей полуострова в эпоху Самгук полностью зависел от их общественного статуса. Социальная принадлежность отражалась как на характере одеяния (простолюдин надевал головной платок или грубый колпак, знать носила шляпы), так и на его материале и цвете. Простонародье довольствовалось холщовыми и шерстяными изделиями простых (белого, черного и серого) цветов, аристократия выбирала пестрый, яркий гардероб из шелка с меховыми вставками. В первой половине VI в. н.э. силланское государство узаконило такие различия, предписав различным социальным группам ношение соответствующего типа одежды: китайского (в повседневном и парадном варианте) для аристократии и «варварского», т. е. местного, предназначенного для рядовых людей. Знать украшала свою одежду золотом и серебром, носила шляпы с перьями и мехом. Мужчины одевались в кафтан с широкими рукавами, просторные брюки с поясом. Женщины носили распашные рубашки с юбкой или длинное платье. Материал и расцветка свидетельствовали о положении хозяина: белый или серый холст, черная шерсть, простой матерчатый пояс, черная кожаная обувь отличали простых людей; шелковая одежда различных цветов (в зависимости от ранга), кожаный или металлический пояс, цветные башмаки предназначались для социальной верхушки.

Другие артефакты Самгук: металл, украшения, керамика и т. п. – еще раз доказывают несомненную общность культуры Самгук, ее единую генетическую основу и этническую принадлежность. Однако в рамках общих базовых типов наблюдаются стилистические вариации, различная доля отдельных предметов в общем наборе находок, локальные художественные нюансы.

По-разному представлен в трех государствах металлический инвентарь. Изделий из металлов уцелело больше в курганах Силла, поскольку в погребениях силланцы устраивали для них тай-

ное хранилище. Железные изделия на всем полуострове характеризуются единством и универсальностью с точки зрения типа и назначения. Прежде всего, это оружие и воинская амуниция: различные копья, пики, стрелы (все три государства); короткие и длинные мечи (Когурё и Силла); алебарды и трезубцы (Силла); панцири, кольчуги, шлемы (Когурё и Силла); щиты (Когурё); элементы конской упряжи – основы седел, стремяна и удила (Когурё и Силла). Другая группа железных предметов – орудия труда: топоры-кельты, ножи (повсеместно); топоры, серпы, сверла (Пэкче и Силла); шипцы, ножницы, лопаты, мотыги, иглы, стамески (Силла); сохи, пилы (Пэкче). Из железа выполнялись и предметы иного назначения – в Когурё зеркала и жаровни, в Пэкче различные кольца и котлы, в Силла котлы и треного. Исключительной тонкостью литья славится когурёская жаровня (с. Рёнхо, Северный Пхённан). Повсеместно находят гвозди, скобы, служившие при строительстве и изготовлении деревянных гробов. Очевидно, что вооружения более широко представлены в Когурё и Силла, а производственные орудия – в Силла и Пэкче; таким образом, максимально и всесторонне железный инвентарь присутствует в силланской культуре.

На полуострове в эпоху Самгук остается и бронза, но сфера ее применения значительно сужается: бронзовые изделия вытесняются из производственной и военной области качественными железными предметами и сохраняют свое значение преимущественно в ритуальной сфере и в качестве украшений. В Когурё найдены лишь единицы мелких украшений из бронзы. Бронзовые артефакты Пэкче и Силла разнообразнее и многочисленнее. Для жителей Пэкче характерно изготовление и применение бронзовых корон, зеркал, поясов, посуды, шкапулок, бляшек, черпаков, ложек, шпилек, гвоздей, а от силланцев сохранились котлы, бубенцы, колокольчики, конусообразные подвески. Уникальным изделием является бронзовая лошадиная маска из Силла. О мастерстве бронзовых литейщиков Силла можно судить по огромной статуе Будды (храм Хванёнса, VI в.), на изготовление которого ушло два десятка тонн меди и несколько килограммов золота. Характерным был и отлив различных, в том числе массивных бронзовых колоколов, буддийских культовых предметов: статуэток будд, бодхисатв и т. д.

В период трех государств население полуострова освоило технологию обработки драгоценных металлов, существует достаточно обоснованное мнение о том, что в этом сказалось культурное влияние китайцев, первыми из дальневосточных народов высоко оценивших изделия из золота и серебра. Погребения Когурё, Пэкче и Силла в разных пропорциях содержат драгоценности. На общем фоне выде-

ляется силланская культура, найдены многочисленные и разнообразные экспонаты: золотые короны, серьги и полвески, пряжки и пояса, кольца и браслеты, сосуды, обнаружены подобные изделия из серебра, за исключением короны. Многие предметы являются великолепными произведениями древнего ювелирного искусства. Артефакты других государств скромнее и малочисленнее: золотые брошка и серьга, пуговицы, бубенцы (Когурё), золотые корона и цветок, подвеска, бусины, шпилька и нити (Пэкче). В Когурё серебряных изделий практически не найдено, в Пэкче представлены серебряный цветок (полный аналог золотого), ажурная пряжка, набалдашник и бусины. Ювелиры трех государств, особенно Силла и в меньшей степени Пэкче, освоили производство бусин из различных материалов (горного хрусталя, янтаря, нефрита и стекла), разного цвета и формы. Их продукция пользовалась широкой популярностью в соседних странах.

Керамика эпохи Самгук – это хорошо обожженная и изготовленная из качественного теста твердая посуда серо-зеленого цвета, ее появление относят к началу III в. н.э. Этот тип наиболее распространен в памятниках Силла, поэтому его часто называют керамикой «силланского обжига», имея в виду, что высокое качество изделия достигалось за счет обжига при температурном режиме свыше 1000°C. Сосуды «силланского обжига» имели разнообразную форму: известны округлодонные и плоскодонные вазы, обыкновенные и высокие кубки, низкие трехногие сосуды, всевозможные вазы, сосуды с носиками, различные подставки для посуды и других предметов. На некоторые изделия нанесен штампованный орнамент. В ограниченном количестве присутствует фарфоровидная керамика – предтеча настоящего фарфора. Все гончарные изделия Силла отличались виртуозностью исполнения и из ремесленной продукции превратились в произведения искусства. Художественные достоинства такой керамики будут рассмотрены в соответствующем разделе.

Во всех государствах широко использовали лакированные изделия, фигурные поделки из дерева. Когурёсцы занимались изготовлением кожаной обуви, шерстяной одежды и шелка, плетением и ткачеством на основе конопляного волокна, выделывали кожи и мех. В Пэкче и Силла ткали драгоценную парчу, знали несколько сортов шелка, умели качественно его окрашивать. На основе мегалитических сооружений дольменного типа, характерных для стадии палеометалла, жители трех государств перешли к монументальному строительству из огромных каменных блоков. Шедевры корейских камнетесов представлены на полуострове повсеместно.

В эпоху трех государств можно проследить технологические достижения не только по Корею в целом, но и по каждому из них в отдельности, появляется возможность относительно точной датировки конкретных достижений. Во всех частях полуострова население добывало медную и железную руду, серебро и золото, применяло свинец, олово, цинк и ртуть. Разработка металлов велась открытым способом и в рудниках. Когурёсцы освоили технику качественного пластичного бронзового литья, примером их мелкой пластики может служить статуэтка Будды, не содержащая воздушных пузырьков (539 г.). Применяя ртутную амальгаму и листовое золото, они покрывали изделия позолотой, обжигали их в печи и полировали. Когурёская бронзовая пластика в сочетании с позолотой являлась вершиной литейной технологии до- и раннефеодальной Кореи. Мастера Пэкче разработали технику отливки в восковых формах, она была успешно заимствована силланцами, научившимися изготавливать крупные бронзовые скульптуры по частям (голова, туловище, конечности), а затем соединять их. Примером может служить антропоморфно реалистичное изображение будды Майтрейи (около 600 г.). Силла захватило пальму первенства в ювелирных технологиях, ее искусные ремесленники демонстрировали удивительное разнообразие обработки и компоновки драгоценных камней и металлов.

Керамическое производство вышло за рамки гончарного ремесла, повсеместно развивается производство обожженного кирпича и черепицы, столь необходимых для строительных работ в городах и крепостях трех государств. Кирпичи делали прямоугольной и клиновидной формы (для арочных сводов). Помимо стандартной, мастера изготавливали фигурную и с литым изображением черепицу. Особенно славились ремесленники Пэкче, в их распоряжении были специальные печи, позволявшие создавать крупную облицовочную плитку и черепицу со сложными литыми изображениями.

Население полуострова стало применять новые технические устройства – ткацкий станок (при производстве парчовой ткани в Силла примерно с конца IV в.), гончарный круг с ножным приводом (в Силла с V в.), водяную мельницу (рубеж V – VI вв.). Изобретение ножного привода позволило создать станки для сверления отверстий, огранки и полировки камня. Важнейшим технологическим достижением следует признать появившееся сначала в Когурё, а затем распространившееся на весь полуостров и в Японию искусство выделки конопляной бумаги и приготовления туши.

Задачи военного и управленческого характера вызвали развитие транспортной техники и системы сообщений. Через горные перевалы строились дороги, обеспечивавшие связь внут-

при каждого из трех государств, между ними и с внешним миром. К концу V в. относится создание сети почтовых станций в Когурё. Для перемещения по суше использовали легкие лошадиные экипажи с кожаным верхом на двух высоких колесах или тяжелые повозки на воловьей тяге. Положение на полуострове стимулировало развитие морских путешествий, как каботажного характера, так и в Японию и Китай. Сохранился сосуд в виде лодки, относившийся к V – VI вв. и изображавший узкую у носа и широкую в середине лодку с длинным кормовым веслом. Китайцы описывают суда, прибывавшие с посольствами из Силла, как парусные двухмачтовые джонки, способные вместить до полутора сотен человек. Бывшие в союзе против Силла два других корейских государства в 642 г. выставили морской флот, сумевший рассеять врага и не допустить его объединения с китайцами. В середине V в. силланцы успешно воевали на море с японскими пиратами.

Власти трех государств заботились о развитии основы феодальной экономики – сельского хозяйства. «Самгук саги» свидетельствует о том, что еще в 41 г. до н.э. ван Силла совершил инспекционную поездку, проверяя состояние земледелия и шелководства. Столь ранняя дата вызывает сомнение, но опека правителей эпохи Самгук над аграрным сектором бесспорна. Государство контролировало агротехнику и сельскохозяйственное производство, это было типичным для раннефеодальной Кореи в целом. В ней с конца раннего железного века процветало поливное рисоводство, требовавшее развития ирригации. В 222 г. в Пэкче создано учреждение по контролю над состоянием плотин. Сохранились остатки плотины Кымджэ (Северная Чолла) протяженностью более 2 км. Указом силланского вана в 502 г. местным властям и населению предписано использовать при пахотных работах волов. Окончательное распространение плужного земледелия на воловьей тяге в сочетании с ирригационным строительством стало важнейшим событием в агротехнике трех государств. Важнейшей чертой сельскохозяйственного производства в условиях раннефеодальной Кореи явился полный контроль государства над земледельческой сферой.

Успешное развитие материальной культуры трех государств обеспечивалось совершенствованием знания и научных представлений в период Самгук, стимулом к которому явилось культурное влияние из Китая. Доступ к сокровищам культуры, науки и техники великой дальневосточной империи корейцам открыло принятие китайской письменности и основ образования.

1.2.2. Образование и наука

Важнейшим признаком окончательного выхода общества из периода варварства является

распространение письменности. Собственная система письма появилась у корейцев очень поздно, в первой половине XV в., но на заре культурной истории жители полуострова восприняли китайскую иероглифику. Это событие открыло путь к накоплению и систематизации духовных и научных знаний. Значительно расширились возможности личного обмена опытом, ведь письменность дает человеку возможность фиксировать и передавать последующим поколениям свои достижения.

Протокорейцы имели представления о китайской системе письма еще в рамках культуры Древнего Чосона и Лолана, однако нет никаких указаний на ее принятие и использование. Традиция связывает появление иероглифической письменности в Корее с первыми проповедниками, которые завезли китайские буддистские сутры в Когурё (372 г.) и Пэкче (384 г.). Центром распространения письменности стало первое в истории корейского народа учебное заведение «Тхэхак», созданное в Когурё в 372 г. В Силла буддисты проникли почти через полтора столетия, поэтому принято считать, что письменность здесь укрепились позже и не без посреднического влияния соседей по полуострову. Восприняв китайское письмо, корейцы сами стали просветителями, «поделившись» новшеством с Японией, в 405 г. туда отправились два ученых из Пэкче – А Джикки (А Джигильса*) и Ван Ин*, обучавшие местного престолонаследника. Перечисленные выше события, наряду с появлением первых эпиграфических памятников, содержащих иероглифические надписи, служат свидетельством активного распространения и повсеместного принятия китайского письменного языка государствами Корейского полуострова в период с третьей четверти IV в. по начало V в.

Получившие образование корейцы попытались приспособить китайское письмо для оформления корейских текстов, при этом иероглифы сохраняли свое смысловое значение, но фраза строилась в соответствии с принятым в корейском языке порядком слов. Однако существенные различия в морфологии и строе двух языков не позволили добиться какого-либо успеха. Плодотворными оказались усилия силланцев, которым в период конца IV – VII в. удалось создать систему фонетической транскрипции корейских слов с помощью иероглифов иду (или хянчхаль). Традиция приписывает авторство иду ученому Сольхону (655 – ? гг.), поставившему перед собой задачу осуществить перевод канонической китайской литературы на силланский язык. В VIII в. в условиях Объединенного Силла письменность иду распространилась повсеместно.

* Здесь и далее помечены исторические деятели даты, жизни которых неизвестны.

С эпохи Самгук на Корейском полуострове сохранились первые эпиграфические памятники: каменные стелы (би) и эпитафии на кирпиче, черепице, металлических скульптурах, каменных плитах и прочих предметах (мёджи). Такое разнообразие древних надписей свидетельствует о широком применении письма в государственной, духовной и светской жизни трех государств. Известно не менее десятка би или их крупных фрагментов, самая знаменитая и ранняя по происхождению – стела Квангэтхо-вана, имевшая высоту 6,34 м и содержавшая примерно 1800 иероглифических знаков (Когурё, 414 г.). На этой когурёской стеле текст выполнен на четырех сторонах преимущественно на китайском письменном языке, с некоторыми вкраплениями иду. Он содержит экскурс в легендарную историю государства Когурё и описание деяний вана, однако плохая сохранность текста и полное отсутствие пунктуации затрудняют его понимание. До недавнего времени памятник Квангэтхо-вану считался единственной уцелевшей стелой Когурё, но в 80-е гг. на самой южной окраине государства (современный г. Чхунчхон, Канвон, РК) был обнаружен фрагмент стелы Чансу-вана, относящийся к концу V в. Надписи на двух когурёских стелах сделаны в различных стилях: на памятнике Квангэтхо-вану – упрощенным «квадратным» письмом йесо, а на втором обелиске – техникой хэсо, т. е. его печатной модификацией. Применение различных стилевых вариантов иероглифического письма свидетельствует о появлении специфического направления корейского искусства – каллиграфии.

В Пэкче представлены фрагменты (постамент и навершие) стелы Мурён-вана (Кёнджу, Северный Кёнсан, 524 г.) и каменная колонна Сатхэкчилжок (Пуё, Южный Чхунчхон, 654 г.); надписи на них сделаны в элегантном стиле, «мягком» по сравнению с когурёскими. Остальные эпиграфические памятники – достояние Силла. Наиболее ранний из них относится к 524 г. и содержит текст указа вана из 399 знаков, который адресован новым подданным – когурёцам. Самыми известными силланскими стелами являются памятники Мунму-вану (681 г.) и четыре стелы в честь Чинхын-вана (540 – 575, иногда – 576 гг.), все они содержат иероглифические надписи в системе иду на силланском языке в каллиграфическом стиле хэсо, их расшифровка не завершена до сих пор.

Известны три эпитафии когурёского происхождения, высеченные на крупных каменных плитах, две из них довольно пространны, например надгробная мёджи из 800 знаков савоннику Пуё (Когурё, 491 г.) или эпитафия кургана Токхынни из 600 иероглифов (Когурё, 408 г.). Мёджи светского или религиозного назначения кратки (из нескольких десятков знаков) и немногочисленны. Это мечи из Пэкче с

дарственными эпитафиями или клеймом мастера, относящиеся к IV – V вв.; бронзовый сосуд для умывания с надписью о когурёском Квангэтхо-ване на дне (Силла, 415 г.). На относящихся к религиозному культу предметах встречаются записи молитв, они характерны для скульптурных триад Когурё и Пэкче конца V – VI в. Такого рода мелких находок достаточно много. Самая оригинальная мёджи религиозного назначения найдена в окрестностях Пхеньяна на развалинах крепости Тэсонсон и относится к V в., это золотые пластины с текстом буддийской сутры, состоящей из более чем тысячи иероглифов. Для хранения пластин предназначался специальный каменный ковчег, листы с сутрами в нем находились вместе с двумя позолоченными буддийскими статуэтками.

Распространению письменной традиции способствовало открытие первых учебных заведений и создание системы конфуцианского образования, наиболее выраженной в Когурё и позднем Силла. Когурёская молодежь из знатной среды с открытием высшей школы «Тхэхак» занималась изучением иероглифической письменности, китайского языка и конфуцианской доктрины. Знакомство с династийными хрониками, каноническим «Пятикнижием» и другой классикой открывало когурёцам литературу и философию, историю, право и военное дело Китая. С V в. вне столицы открывались школы кёдан для местной знати и простонародья с аналогичной программой обучения, но в них основной упор делался на изучение письменности и военного искусства. Во второй половине IV в. система образования сложилась и в Пэкче, но она строилась преимущественно на принципах индивидуального обучения: образованные конфуцианцы с докторской степенью пакса преподавали знати математику, право, основы конфуцианской философии и т. д.

Своеобразная система обучения сложилась в Силла, воспитание и развитие юношей здесь проводилось через молодежный союз Хваран («Цветущая юность»). Стремление служить интересам государства объединяло молодую знать в поисках идей самосовершенствования, корпоративизма, избранничества. Хваран был призван развивать способности и таланты юношей, воспитывать образованных, смелых и сильных духом и телом людей. С этой точки зрения уместны некоторые сопоставления системы хваран с ранним японским самурайством. Пять заповедей хваранов *пхунволь*, разработанных буддийским священником Вон Ваном (579 – 631 гг.), требовали от них верности государю, почтения к родителям, верности в дружбе, ответственности перед обществом, смелости и физической силы в сочетании со справедливостью и милосердием. Последняя заповедь запрещала лишать жизни любое живое существо без явной необходимости, очевидна ее непосредственная

связь с буддийской этикой. Подготовка хваранов сочетала просветительские, военно-воспитательные, морально-этические и религиозные (преимущественно буддийские) задачи. В 576 г. силланские власти взяли хваранов под свое покровительство и с этого времени активно использовали их на государственной службе. В VII в. насчитывалось несколько сотен таких групп. Пройдя хваранскую школу, молодые люди становились носителями идеи государственности и сыграли заметную роль в объединении Кореи под эгидой Силла, многие из них стали выдающимися государственными деятелями или учеными.

Распространение китайской письменной традиции и принципов образования открыло корейцам новую сферу культурной деятельности – научное знание конфуцианского толка и доселе неизвестные направления науки. Они усвоили китайские представления о двух вариантах построения Вселенной. По одному из них, мир – это расположенные на одной оси круглое небо и квадратная Земля в виде плоских параллельных фигур, по другому – небо в виде шляпы прикрывало Землю, имевшую форму перевернутого таза. Такая космогоническая система была популярна в научных кругах Кореи с рубежа IV – V вв.

Отталкиваясь от китайского учения о 28 созвездиях, корейские астрономы создали собственные представления о светилах и звездные карты. Наиболее ранние из них представлены в курганных захоронениях Когурё близ г. Тункоу – *Муёнхон* («Курган танцоров», вторая половина IV в.) и *Какчочхон* («Курган борцов»). На потолке погребальной камеры достаточно точно расположены рисунки нескольких звездных скоплений, линиями объединенных в созвездия. Вершиной астрономического знания когурёсцев является высеченная на камне карта звездного неба, представляющая почти полторы тысячи светил; ее создание относят к рубежу V – VI вв. Звездная карта была утрачена, но в 1395 г. обнаружилась ее бумажная копия: оттолкнувшись от когурёского научного памятника ученые династии Ли создали знаменитую «*Чхонсаннёнльчха пунъя чидо*» / «Астрономическую карту созвездий».

О регулярных наблюдениях за небом и светилами свидетельствуют археологические памятники: развалины астрономической башни с солнечными часами в Пэкче и обсерватория *Чхонсондэ* (построена в 632 – 647 гг.), древнейшая из сохранившихся до наших дней на Дальнем Востоке и расположенная в столице Силла *Кымсоне* (г. Кёнджу, Северный Кёнсан). Башня построена с соблюдением важных геометрических пропорций, имеет основанную на космогонических представлениях конфигурацию огромной бутыли. На верхней квадратной площадке, ориентированной по сторонам све-

та, велись визуальные наблюдения, можно было расположить астрономические инструменты. Выходившее на юг оконце площадью в 1 кв. м позволяло определять весеннее и осеннее равноденствие, а также зимнее и летнее солнцестояние. Эти операции служили для корректировки и проверки достоверности показаний календаря, они сопровождались использованием солнечных часов. Фрагмент таких часов сохранился с силланской эпохи (примерно VI – VII вв.), они являлись копией китайских аналогов. Но далеко не все можно было слепо копировать: полуостров располагался в иных широтах, поэтому корейцы на основе собственных наблюдений вносили в китайские атласы и календари собственные поправки.

Забота о надежности календаря – важнейшая задача древней астрономической деятельности. Когурёсцы перешли на солнечно-лунный китайский календарь в 624 г., Пэкче – в V в., а Силла – в 674 г., отказавшись от собственной календарной системы, созданной веком раньше. Принятия китайской системы летосчисления и календаря требовал режим вассальных отношений, поскольку ханыцы полагали наличие собственного календаря и карты признаком культурно-политической независимости. Силла числится среди вассалов Китая с VI – VII вв., оно первым заимствовало в Танской империи календарное летосчисление, 60-летний годичный и универсальный двенадцатиричный временной циклы, счет лет по девизам правления ванов.

В целом, календарные и астрономические наблюдения в Когурё, Пэкче и Силла были возведены в ранг государственной политики, это связано со многими научно-прикладными, хозяйственными, политико-культурными и, конечно же, сакральными их функциями. Бесспорность и незыблемость связи между небесами и жизнью на Земле, а также божественное происхождение власти и государя характерны для миропонимания древних корейцев. Астрономия давала возможность проследить и предугадать воздействие небесных феноменов на ситуацию в государстве, с этой точки зрения наибольший интерес вызывали солнечные и лунные затмения, движение пяти планет (Венеры, Юпитера, Меркурия, Марса и Сатурна), непредсказуемые явления: кометы, метеоры, звездные «дожди». Луна и Солнце персонифицировались в личности правителя; затмения и прочие события в небесах, особенно непредвиденные, воспринимались как неблагоприятная реакция небес на земные события. Избежать божественной немилости, предвосхитить ее можно было с помощью сакральных обрядов и церемоний, совершать которые следовало в надлежащее время, а это позволяли делать лишь астрономия и надежный календарь.

Наряду с астрономией развивались и метеорологические наблюдения, имевшие первостепенное значение для развития сельского хозяй-

ства. Астрономы обращали внимание не только на звездное небо, но и на смену сезонов, особенности погоды и климата, выделяли небесные осадки, которые могли быть свидетельством и благосклонности, и гнева небес. По понятным причинам очень пугал жителей полуострова град, он не только вредил посевам, но и вселял в души людей ужас перед наказанием за совершенные государем или его челядью «проступки». Особое развитие метеорологии наблюдалось в Пэкче, где с конца IV в. существовал штат чиновников *илыгванджа*, призванных следить за погодой, собирать и обобщать метеорологические сведения. Материалы обобщались и находили отражение в летописях, практических рекомендациях и наставлениях по ведению земледельческих работ.

Корейцы восприняли танскую установку о государственном значении истории и географии, причем последняя оценивалась ими в качестве не столько естественной, сколько общественной науки. Появление письменности стимулировало начало систематической записи событий. В Когурё уже к началу VI в. существовал официальный 119-томный сборник исторических документов и хроник «Юги» / «Памятные записки». Примерно к 600 г. преподаватель «Тхэхак» Ли Мунджин* отредактировал его и на этой основе составил 5-томную историю Когурё, получившую название «Синджип» / «Новое собрание [документов]». Оба сочинения носили явно выраженный исторический и летописный характер. В третьей четверти IV в. по поручению вана Кынчхого (346 – 375 гг.) ученый Ко Хын* написал «Соги» / «Исторические хроники», повествующие об истории Пэкче. Силланский ван Чинхын (534 – 576 гг.) создал группу ученых во главе с Ко Чхильбу (502 – 579 гг.) для составления «Жукса» / «Отечественной истории» (545 г.). К сожалению, эти исторические произведения не пережили раннего средневековья, но они послужили материалом для следующих поколений ученых: Ким Бусик (1075 – 1151 гг.), автор «Самгук саги», активно использовал сохранившиеся материалы в XII в.

Географические знания требовались, в первую очередь, для укрепления и усовершенствования системы управления государством. Результатом достижений в этой области (определение направления по сторонам горизонта; определение меры длины; отсчет расстояния от знаменательного географического пункта, например силланской Чхомсондэ) явилось составление первых карт страны. В IV в. прообраз географической карты появился на стенах когурёской гробницы (курган *Сынчон*, Северный Пхёнан, а по некоторым данным – окрестности г. Сунчхона, Южный Пхёнан), здесь был изображен Ляодунский полуостров с окрестностями, включая часть Кореи. Фреска гробницы Яксу (район г. Нампхо) изображала план кре-

пости. В 628 г. ван Когурё в знак вассалитета отослал в Китай «Понъёкто» / «Изображение границ [владений и пределов]», по общему признанию, первую в истории Кореи географическую карту отечества. Есть упоминания о ранних картах Пэкче («Тоджю» / «Собрание карт»), летописи свидетельствуют, что в 602 г. и в дальнейшем из Пэкче в Японию отправляли какие-то географические сочинения.

Исключительно прикладное значение имели другие научные дисциплины: математика, химия, физика. Математика применялась для обслуживания астрономии и строительных работ. Наибольшей популярностью в среде астрономов пользовался китайский трактат «О солнечных часах», в котором не только шла речь о правилах пользования и возможностях прибора, но описывались формулы для астрономических (высота Солнца над горизонтом) и геометрических (аналоги теоремы Пифагора и коэффициента длины окружности « \square ») вычислений. Циркуль, угломер и другие изобретения астрономов-математиков широко применялись в строительстве: при возведении фундамента сооружений и особенно в погребальной архитектуре. Математические приемы использовала картография. Расширились познания корейцев в области химии, об этом свидетельствует появление многоцветных стойких красок на ртутно-минеральной основе, именно их использовали авторы курганных фресок. Развитие физических представлений, несомненно, сказалось на описанных выше технологических новшествах.

Значительных успехов достигла эпоха Самгук в области врачевания различных болезней и создания отечественной фармакопеи. Когурё стало проводником пришедших из Китая познаний в области медицины. В 651 г. сюда прибыл китайский врач Чжи Цзун, он привез с собой лекарства и лечебники. Но еще раньше здесь в ходу были различные медицинские трактаты и даосские сочинения о методах терапии; развивали траволечение, иглоукалывание, лечение прижиганием и компрессами; издавна применялись женьшень и горячие источники. Опыт когурёской медицины был обобщен в сборнике «Носабан» / «Лечебные предписания» (начало V в.), когурёские врачи практиковали в Пэкче и Силла, славились далеко за пределами страны. В 414 г. в Японию из Силла был отправлен экземпляр «Носабан», в 459 г. уже из Пэкче туда отправился лекарь-когурёсец. В 553 – 554 гг. врач Ван Ю Рынхва* и травник Пан Генпхун* из Пэкче выехали в Японию. Существуют упоминания о послужившем становлению японской медицины «Пэкче синсю» / «Новый сборник Пэкче» или «Пэкче синчиппан» / «Новый сборник предписаний Пэкче». Ездили в Японию для лечения государя и врачи Силла (414 г.), силланцы же принимали японских

«стажеров» у себя, обучая иглоукалыванию и другим методам лечения, был составлен объемный труд «Посабан» / «Руководство по лечению». Книги «Носабан» и «Посабан» высоко ценились в Японии и даже в Китае, прародине восточной медицины. С конца VII в. в Силла действует специализированное медицинское училище.

Широкое распространение образования и науки в трех государствах опиралось на активное заимствование в Китае религиозных систем и философии буддизма, даосизма и конфуцианства.

1.2.3. Заимствование религиозно-философских систем и идеологии

Основанные на культах предков и неба местные верования эпохи Самгук способствовали тому, что в сознании древних корейцев сложилась цельная картина о мире, которая нашла отражение в погребальных сооружениях, олицетворявших сакральное единство природы и человека. Главная погребальная камера в кургане – это миниатюрное воспроизведение мира: на постаменте – земле – покоится умерший; вокруг него стены с фресками, «населенные» людьми, животными и материальными предметами; опорные столбы поддерживают верхнюю плиту, имитирующую небесный свод, часто на ней изображалось солнце или звездное небо. Ритуальный инвентарь погребений дополнял бытовую картину мира и делал ее еще более похожей на Вселенную в миниатюре.

Сложившееся в древности целостное восприятие мира облегчило процесс заимствования корейцами стройных религиозных систем и философии буддизма, даосизма и конфуцианства. Принятие буддизма в качестве официальной религии стало крупнейшим историческим событием в развитии религиозного сознания и корейской культуры в целом. Уже на раннем этапе заимствования буддизм в Корее укрепился в культовой сфере и в нише художественной культуры, в то время как идеология и философия, наука и образование строились преимущественно на конфуцианской основе. Такое уникальное сочетание буддийского культа и преобладания конфуцианства в общественно-политической и государственной сфере сохранялось на протяжении всего периода трех государств, Объединенного Силла и Корё, вплоть до превращения конфуцианства в государственный религиозный культ с установлением династии Ли на рубеже XIV – XV вв.

На первый взгляд, появление новых религиозных систем на полуострове выглядит как внешнее и случайное привнесение буддизма и конфуцианства на корейскую почву, на самом деле они распространяются на полуострове со второй половины IV в. не только при помощи китайских монахов, но и за счет сподвижничества

снова обращенных местных адептов. Таким образом, можно предположить, что знакомство корейцев с новой религией произошло раньше, чем это традиционно представляется на основе летописных материалов о буддийском миссионере из Северного Китая Сундо* (кит. – Шунь Дао, посетившем Корею в 372 г. Существуют упоминания о неких проповедниках Ториме, или Чидориме (кит. – Дао Лин, 314 – 366 гг.), бывшем в Корее как минимум шестью годами раньше Сундо, и Адо (357 – ? гг.), возможно, когурёсче, возвратившемся из Китая в 374 г.; очевидно, что его поездка должна была состояться раньше 372 г.

Так или иначе, в 372 г. в Когурё прибывает проповедник Сундо и привозит с собой буддийскую литературу и статуи. Его миссия увенчалась успехом: ван Сосурим (? – 384 гг.) радушно встретил гостя, приветствовал его миссионерские намерения, объявил о принятии буддийской веры в качестве государственной религии и даже согласился открыть в столице учебное заведение. Видимо, двор и знать Когурё уже имели представление о буддизме и были готовы к такому развитию событий. Однако правовое оформление буддизма как официальной когурёской религии состоялось лишь в 392 г. особым королевским указом. Первые буддийские храмы в Когурё воздвигнуты в 375 г., после указа короля храмовое строительство ускорилось, через год только в окрестностях Пхеньяна сооружено девять храмовых комплексов, наиболее прославились монастыри Чхонмунса и Ибулланса. V – VI вв. ознаменованы штудированием религиозных трактатов нескольких буддийских школ и проповедями в различных социальных слоях Когурё. Особым усердием прославился Сыннан (450 – 550 гг.), усвоивший в Китае буддийские учения махаяны и хинаяны; его личные симпатии были на стороне махаянской школы «трех сокровищ» (сам Будда, как источник учения; дхарма – проповедуемый им закон, сангха – община, распространяющая учение и закон Будды). Однако успех буддизма в Когурё оказался весьма скромным, находки буддийских изображений достаточно ограничены, встречаются свидетельства слабой осведомленности в иерархии божеств и иконографии, когда на изображение одного божества, нанесена молитва другому персонажу.

Проникновение буддизма в Пэкче связано с миссионерами из Южного Китая во главе с Маранантха* (кит. – Молоноту. В 384 г. они добились от вана Чхимню (384 г.) принятия новой религии. С 385 г. в специально основанном храме проповедник рукоположил десять новых священников. В V – VI вв. проповедь буддизма всемерно поощрялась, корейский монах Кёмик* выехал в Индию, изучал там санскрит и учение виная и через пять лет, в 529 г., вернулся до-

мой, привезя множество буддийских книг. Получив в свое распоряжение 28 помощников, он возглавил труд по переводу сутр на язык Пэкче, его усилиями здесь была создана секта виная (кор. – юль). Однако, преуспев по сравнению с Когурё, буддисты в Пэкче в середине VII в. утратили многие позиции, и начался их отток в Силла и Японию.

Упомянутый выше Адо пытался пропагандировать буддизм в Силла в третьей четверти IV в., но был оттуда изгнан. Провалом закончилась и миссия китайского проповедника Мухходжа* (иногда – Моходжа), приезжавшего в Силла из Когурё при ване Нульджи (417 – 458 гг.). Нормальные условия для буддистов были созданы лишь при ване Тосоне (479 – 500 гг.), а в 527 – 528 гг. силланские власти официально приняли новую религию при активном сподвижничестве монаха Вон Чхыка (613 – 696 гг.). Позднее принятие буддизма объясняется серьезным противодействием родовой знати из кланов Пак и Сон правителям Кимам. В этих условиях династия предпочла пойти на союз с буддийским духовенством, желая добиться от них «освящения» своей монополии на власть в Силла. Иерархия духовенства попала под контроль королей, а сам буддизм избежал такого слияния с местными культами, которое было характерно для Пэкче и Когурё. Проповедь буддизма стала служить монархии, поставившей целью объединить Корею под своей эгидой. Силланские короли начали принимать буддийские имена, иногда стричься в монахи. Они поощряли строительство храмов, отливку буддийских статуй. По заказу властей из Китая прибыл священник Мёнган с несколькими сотнями свитков сутр. В свою очередь, буддисты создали легенду о происхождении основателя династии от выходца из Индии, понятие «ван» стали отождествлять с понятием «будда».

Сначала проповедь буддизма в Силла находилась под сильным влиянием двух других корейских государств, но затем, по мере нарастания конфронтации с ними, силланцы обратились к «чистому источнику» в лице китайцев из Суй и Тан. Сотни буддистов обучались в Китае, многим удавалось совершить паломничество в Индию. Изобилие школ в Китае и Индии и возможность прямого с ними контакта привели к появлению в Силла на рубеже VI – VII вв. пяти буддийских сект махаянского направления: рационалистической школы хваом, выступавшей за участие буддистов в обыденной жизни и отстаивавшей идею избранности аристократии; мистической секты чинон, восходившей к индийскому тантризму и корейскому шаманизму; зинайской секты чхондэ и др. К VIII в. активное воздействие буддистов из Китая прекратилось.

Буддийская религия и идеология своеобразно трансформировались под влиянием многочисленных объективных и субъективных факто-

ров социально-политического, экономического, географического, этнического и культурного характера, действовавших на территории полуострова, однако и они, в свою очередь, оказали мощное влияние на дальнейшее формирование корейской цивилизации. Начиная со второй половины IV в., ход исторического развития Кореи стал в значительной степени определяться «врастанием» буддийского учения в корейскую почву. Синтез древних мифологических и религиозных представлений местного населения и пришедшего из Северного Китая буддизма влиял на формирование нового психотипа человека, характерного для раннефеодального классового общества. В результате многочисленных заимствований из Китая социально-политических и экономических институтов у корейцев сложился своеобразный поведенческий модус: с одной стороны, исчезли какие-либо предубеждения в отношении заимствования чужого опыта, а с другой – сохранилось бережное отношение к собственным традициям.

Следует принять во внимание, что в Корею проник китаезированный буддизм, а именно его разновидность, сформировавшаяся на севере Китая в IV – VI вв. Можно назвать две принципиальные особенности этого направления буддийского учения: на становление местной школы буддизма оказали существенное влияние небуддийские верования и шаманистические культы северокитайских народов; став государственной идеологией Китая, учение трансформировалось в крепкую религиозную организацию, зависевшую от императорского двора. Буддийская община освящала своим авторитетом все действия властей, а государь нередко провозглашался буддой или бодхисатвой. Культ будд и бодхисаттв занимал центральное место в северокитайском варианте учения, можно сказать, что культовая сторона в нем превалировала над доктринальной.

Базовые черты северокитайского буддизма стали доминировать и в Корею. Врастание буддизма в жизнь корейского общества и его сравнительно быстрое распространение в период становления раннефеодальных государств объясняется двумя причинами: во-первых, аристократическая верхушка нуждалась в общегосударственной идеологии; во-вторых, возникла потребность в буддизме как мировоззрении личности, выделившейся из родового коллектива. Одним из решающих факторов успеха буддизма в Корею было отсутствие здесь какой-либо конкурентоспособной идеологии. Несмотря на то, что корейцы познакомились с буддизмом примерно в то же время, что и с конфуцианством, последнее в силу экономического, социально-политического и культурного уровня развития страны не могло стать государственной идеологией. Местные верования, не удовлетворяя идеологические запросы мо-

лодого государства, безусловно, не могли оказать серьезного сопротивления буддизму. Напротив, буддизм, как глубоко систематизированная идеология, содействовал идейному укреплению центральной власти и объединению страны.

Корея, как и другие страны к северу от Индии, оказалась в сфере влияния буддистского направления махаяна (т. н. «большое колесо»), имевшего обширный пантеон божеств и идеализировавшего бодхисатв, прошедших сложный круг перевоплощений и достигших просветления, но отказавшихся от блаженства, с тем чтобы помочь другим людям. Человек способен и должен спасти себя от земной юдоли сам, но в этом трудном деле он может рассчитывать на помощь будд и бодхисатв. Универсальная идея освобождения, присущая махаяне, признавала возможность достичь состояния Будды за каждым верующим; воплотившие космические начала мира божества помогали найти путь к спасению от страданий.

Махаянский пантеон возглавлялся основателем учения Гаутамой, преобразившимся в блистательное божество будду Шакьямуни (кор. – Сокка[мони]). Изначально наиболее почитались в Корее воплощения Будды: Майтрейя (кор. – Мирьк), Авалокитешвара (кор. – Кваным), Амигасба (кор. – Амитхабуль, или Митха), Вайрочана (кор. – Пирочхана[буль]) и др., а также бодхисатвы Манджури (кор. – Манджу[посаль]) и Вималакирити (кор. – Юма[посаль]). К числу божеств, принятых корейцами, относятся небесные воеводы – стражи буддийской веры, четверо небесных владык сачхонван (преемники корейских духов – хранителей сторон света), грозные хранители небесных врат инван, владыка подземного царства Ёмна, эльфы якса, сладострастные соблазнительницы апсары. Так было положено начало формированию особой культовой мифологии корейского буддизма, в которую вошли переосмысленные божества и духи первобытной религии. Но Корея не ограничилась принятием буддийского иконостаса и его синтезом с местными верованиями. В Силла были созданы уникальные мифы и легенды буддийской направленности, существенно отличающиеся от китайских и индийских, в частности предания о волшебных чудесах Шакьямуни и его свиты. При желании в этом можно увидеть влияние еще одной новой для корейцев системы – даосизма.

Разнообразие божеств сближало буддизм с местными верованиями, поэтому на раннем этапе, в IV – VI вв., для Кореи было характерно почти фольклорное понимание буддизма, ее жители в первую очередь интересовались буддийской мифологией и трансформировали с ее помощью национальные сюжеты и персонажи. Более того, поскольку новая религия не боролась против местных культов и шаманских верований, не шла на конфронтацию с даосизмом

и конфуцианством, она органично и искусно вплелась в систему старых традиций. Первоначально буддизм воспринимался корейцами как система мудрых изречений, поскольку его религиозные тексты часто перемежались и изучались совместно с конфуцианскими.

Быстрому закреплению буддизма в Корее способствовала тактика китайских проповедников, которые утверждали, что буддийский канон не противоречит культу предков и местным верованиям в духов. Более того, они развили идею тесной связи буддизма и местных религий, которая впоследствии привела к синтезу канона буддийских и местных божеств на буддийской основе. Буддийская литургия – обилие новых обрядов, пышное убранство храмов и т. п. – весьма привлекала корейцев, нашла отклик в их эмоциональной сфере. Чувственный характер веры и обрядов, духовное воздействие на широкие массы привели к утверждению буддизма не только как государственной, но и по-настоящему народной религии. Аристократия трех государств разглядела все эти привлекательные стороны нового культа, ей импонировали призывы буддийского духовенства к смирению и недеянию, способные удержать народ в повиновении и обеспечить стабильность феодальной верхушки, поэтому буддизм стал пользоваться покровительством властей. Последовавшее затем активное насаждение буддизма в народе вытекало из желания властей гарантировать спокойствие государства и его правителей. Будда стал покровителем государства, в результате в официальной среде была потеряна изначальная цель религии – поиск пути к просветлению.

Народ тоже не совсем разобрался в учении Гаутамы, для этого ему не хватало культурного и образовательного уровня, элементарной грамотности. Простолюдины видели в буддизме своего рода магию, способную защитить от стихии, болезней, обеспечить поддержку божеств, а медитация, самосовершенствование и пр. отошли на второй план. Такая особенность буддизма в Корее, наряду с его уживчивостью по отношению к другим верованиям, сохраняется и по сей день.

Ряд исследователей утверждают, что большим по сравнению с буддизмом влиянием в Корее эпохи Самгук пользовался даосизм, однако прямых свидетельств и материальных доказательств этого у них нет. Когурёсцы познакомились с дао в V – VI вв., учение и соответствующую литературу сюда завезли проповедники-даосы из Китая. Особую поддержку когурёских властей даосизм получил в период борьбы против танской агрессии. В VII в. он даже потеснил буддийский культ Когурё, проник в Пэкче и стал достаточно популярным в Корее. Даосизм оставил ощутимый след в народном сознании и последующих литературных творениях. Мифология страны пополнилась даос-

скими небожителями сонин, небесными феями соннэ, рассказами и об утопических землях и чудодейственных снадобях (например, эликсире бессмертия пульсаяк). Материальными свидетельствами распространения даосской веры являются фрески нескольких курганов Когурё и знаменитая керамическая плитка из Пэкче, на которой изображены даосский отшельник и его хижина. На корейской почве даосизм был воспринят сначала шаманскими кругами, нашедшими родственное звучание в его мистике и отшельничестве, а затем – ранними адептами корейского дзэн-буддизма сонджон, привлеченными чувственной духовной пластикой дао и его тесной связью с природой. Влияние дао при желании можно усмотреть в воззрениях и достаточно аскетичной системе воспитания силланских хваранов.

С историей корейского буддизма непосредственно связано проникновение в страну конфуцианской доктрины. Распространение конфуцианских идей и произведений неотделимо от прихода буддийских миссионеров из Китая, начала обучения корейцев иероглифическому письму и их знакомства с китайскими книгами. Духовная жизнь населения полуострова уже носила некоторый «буддийский» налет, в такой же степени старые традиции (культ предков, обожествление правителя и т. п.) готовы были принять конфуцианское миропонимание. Обучение грамоте и письму по китайским книгам вынуждало буддийских миссионеров и их последователей разъяснять содержание текста, а значит – вести параллельное преподавание основ конфуцианства. Так состоялось первое знакомство древних корейцев с новой религиозно-философской системой.

В эпоху Самгук первобытный культ предков со временем трансформировался в идею о божественном происхождении власти и государя. Предки нынешних ванов объявлялись потомками всевышнего духа Неба, а их власть – не чем иным, как выражением небесной воли. Мифы об основателях рода были канонизированы в Когурё, Пэкче и Силла, поклонение им превратилось в общегосударственный культ, возникли соответствующие атрибуты – алтари, храмы, обряды. Высшими жрецами культа стали ваны, которые руководили жертвоприношениями предкам, основателям государства и различным стихиям. Идеология, освящавшая новоявленную государственную власть, с одобрением приняла конфуцианские догмы. Общественная верхушка трех государств остро почувствовала генетическое родство насаждаемых ими у себя дома систем и конфуцианства. Его учение о Небе как первопричине и распорядителе всего сущего, о государстве как единой большой семье, основанной на патриархальной традиции, о покорности младших старшим и сыновней преданности государю было созвучно настро-

ениям и миропониманию, а главное – целям, раннефеодальной знати.

Конфуцианский культ предков и героев древности «одарил» корейцев новым сонмом божеств (герои, древние и легендарные правители Китая, совершенномудрые личности во главе с самим Конфуцием), а также достойных подражанию почтительных сыновей, целомудренных жен, верных подданных и добродетельных государей. Теперь строили храмы и в честь их духов и заслуг, для них совершались обряды и жертвоприношения. Особенно популярными стали предания о героях китайского Троецарствия; военачальник Гуан Юй стал богом войны Гуан-ди. К нему примыкают Пань-гу (мифический первый человек на земле, так сказать, «конфуцианский» Адам) и легендарные государи Древнего Китая. В русле конфуцианской идеи происходит даже трансформация большинства корейских мифов об основателях древних государств: максимально уменьшается их анимистическая составляющая, и в то же время они наделяются конфуцианскими добродетелями.

Знатная молодежь стала получать конфуцианскую подготовку через систему открытых в трех государствах учебных заведений. «Тхэхак» в Когурё, наставничество конфуцианских ученых пакса в Пэкче, институт хваранов в Силла, появление конфуцианской традиции исторического летописания, развитие философии и других отраслей знания на – все это звенья одной цепи, которая в конечном счете привела к активному проникновению конфуцианских идей и их нарастающему влиянию на организацию государственных учреждений и развитие культуры трех государств.

1.2.4. Художественная культура эпохи Самгук

Развитие художественной культуры эпохи Самгук было подготовлено качественными сдвигами в развитии производительных сил и материальной культуры трех государств, рассмотренными в предыдущих разделах. Важным фактором, оказавшим влияние на раннефеодальную Корею, явилось мощное и длительное воздействие культуры и искусства Китая периода династий Суй и Тан. Распространение буддизма способствовало развитию специфического типа изобразительного и прикладного искусства, скульптуры, архитектуры и национальной литературы. Восприняв лучшие образцы художественной культуры Китая, корейцы творчески переосмыслили их и создали собственную самобытную традицию.

Строительство и архитектура. Период Самгук знаменовался становлением архитектурных традиций раннефеодальной Кореи, сочетавших в себе несколько направлений: городское строительство, светская (в том числе

дворцовая) и храмовая архитектура, монументальное погребальное и жилое строительство. Два последних направления можно считать продолжением культурной традиции эпохи палеометалла, светская и храмовая архитектура сложились на буддийской основе, фортификация и градостроительство максимально испытали влияние китайских представлений о функции города и крепости в жизни государства.

Дома простолюдинов сохраняли особенности предыдущего периода, они возводились на грунтовой площадке, служившей основанием для деревянной постройки. Жилье земляночного типа практически исчезло. В зависимости от достатка стены сооружения могли обрамляться колоннами на локальных каменных базах в виде мельничного круга, поддерживавшими черепичную крышу. Более скромные жилища были лишены колонн, крылись соломой и прочим дешевым материалом. Самые бедные семьи имели очень небольшие по площади однокомнатные, если не считать боковую кухню с топкой, хижины с травяной крышей. По сути дела, это были длинные, защищенные легкими деревянными стенами и крышей нары для сна, в зимнее время отапливаемые снизу ондолом.

Знать жила и несла службу в сооружениях дворцового типа, испытывавших влияние китайской традиции и относившихся к сфере дворцовой архитектуры. Буддизм принес в Корею новые архитектурные формы и технические решения, важнейшим из которых явилось сооружение каменного фундамента для здания, кроме того, примечательно появление крыши с изогнутой поверхностью и приподнятыми углами, без которых сегодня невозможно представить облик корейского города или деревни.

Археологические материалы по градостроительству Самгук весьма скупы и представлены каменными фундаментами или базами для колонн, фрагментами крепостных стен и черепицей, т. е. преимущественно отдельными деталями зданий дворцово-административного назначения. Сооружения светского характера: дворцы, здания учреждений и присутственных мест – до нас не дошли. О них можно судить по когурёским фрескам, планировке и оформлению гробниц, воспроизводивших облик дворцовых строений, и по письменным источникам, которые позволили реконструировать ранний облик дворцов знати. Это были большие, до 6–8 м длиной, павильонные сооружения, имевшие несколько этажей; строили их из дерева, крыли черепицей, окружали выложенной из камня стеной с тремя воротами, к зданию вела каменная лестница. Внутри огороженного стеной периметра могло находиться несколько павильонов, формирующих подворье. Его размеры и обустройство напрямую зависели от достатка и социального положения хозяев, но все усадьбы роднились типологическими особенностями, заключавшимися в легкости сооружения, нали-

чий колоннады, подпиравшей двух-трехъярусную черепичную крышу, оформление опоясывающей верандой и т. д. Примером могут служить остатки жилого или присутственного (точно не установлено) строения *Дундацзы* в древней столице Когурё Хвандо (современный Цзиань, КНР).

Высшая знать (представители королевской семьи, ведущие государственные сановники) жила в настоящих дворцовых комплексах. Типичным примером служит резиденция когурёских королей вблизи Пхеньяна – дворец *Анхаккун* (427 – 586 гг.), имевший почти квадратные очертания и значительную площадь – примерно 37,2 га. Его окружали внешний и внутренний рвы, крепостные стены каждая длиной 622 м; из четырех ворот внутрь дворца вели дороги, соединяющиеся в центре комплекса. До наших дней сохранились общие очертания Анхаккуна, указания на его стены, а также каменные фундаменты нескольких зданий и черепичные завалы над ними. Представлена чрезвычайно разнообразная черепица: от простой полудлиндрической без орнамента до высокохудожественной, украшенной специальными узорами с изображением маски демона (*квимён*) или цветка лотоса. Современная реконструкция дворцового ансамбля включает ворота, внешний (для аудиенций) и внутренний (покои королевы) павильоны, опочивальню вана. Все они объединены несколькими галереями, кроме этого, внутри квадрата находилось множество подсобных, в том числе хозяйственного назначения, помещений. Центральное здание высотой в три этажа имело размеры 87 x 27 м, каждая галерея состояла из пяти архитектурных корпусов.

Примером фортификационных сооружений служит крепость Тэсонсон на одноименной горе в черте современного Пхеньяна, сооруженная в начале V в.; в момент переноса сюда столицы Когурё она служила временным убежищем вана. Когурёсцы построили крепость таким образом, чтобы с трех сторон она была прикрыта реками, водная защита отсутствовала только с севера. Тэсонсон является классическим примером, т. н. «полнолуной» крепости (*манвольсон*), для которой характерно округлое или овальное очертание. Остатки стен всех фортификационных сооружений Когурё показывают, что их верхняя часть имела зубчатую кромку и была укреплена каменной кладкой. Общий периметр двойных стен Тэсонсон составлял 7214 м, площадь крепости – не менее 2 кв. км. До XX в. дошли фрагменты шестидесяти пяти настенных башен, главных и нескольких малых ворот, ряда строений, но бомбардировки Пхеньяна авиацией США в 50-е гг. привели к их полному уничтожению, впоследствии власти КНДР реконструировали крепость. Имеются на полуострове и образцы крепостей план-

вольсон, или «полудунных», конфигурация которых близка к половине лунного диска.

И когурёсцы, и силланцы с целью экономии сил и материальных средств предпочитали строить крепости на равнинах, перегораживая земляным валом излучину реки. Такого рода укрепления в Силла датируются началом II в. На более поздних этапах жители горных районов Когурё научились возводить мощные горные крепости, используя сухую кладку из огромных каменных блоков, державшихся на месте за счет собственной тяжести. Основу этого метода следует искать в мегалитах-дольменах эпохи раннего металла. Когурёские крепости превращались в настоящие горные замки с башнями, площадками для метательных орудий и прочими фортификационными элементами. Их обносили оборонительными земляными валами, укрепленными за счет каменной обкладки. Остатки подобных валов можно увидеть на полуострове повсеместно. Помимо крепостей жители трех государств строили оборонительные стены вдоль своих границ; частично сохранилась монументальная каменная стена, сооруженная в 470 г. в приграничных горных районах Силла.

Логическим продолжением фортификационного строительства стало возведение городов, возникавших вблизи укреплений и крепостей. Уже в начале периода Самгук появились города Хвандо, Хвансон и Кымсон, служившие ранними столицами Когурё, Пэкче и Силла. Древние корейцы проявили себя как искусные и неутомимые строители, предпочитавшие для своих сооружений живописные места с естественными рубежами в виде излучины или гористого берега реки, данный выбор диктовался необходимостью обороняться от набегов врага.

От ранней когурёской столицы сохранились фрагменты внешних стен крепости-цитадели Куннэсон (середина III в.). Они возвышались на 6 м от поверхности почвы, были снабжены зубцами, укрепленными контрфорсами; основание крепостной стены сложено из огромных каменных плит, уменьшающихся по мере возвышения стены. Такой метод позволял обеспечить особую прочность сооружения. На крепостном периметре имелось несколько ворот, в отличие от последующих периодов они располагались не по центру стены и не на одной линии с противоположными воротами. Такая особенность Куннэсон свидетельствует о том, что строители цитадели не руководствовались китайскими канонами. Внутри крепости сохранились остатки каменных фундаментов больших и малых зданий (дворца правителя Когурё и домов знати).

Летописи утверждают, что силланский центр Кымсон (современный Кёнджу, Северный Кёнсан) был построен еще в 37 г. до н.э. Он отличался регулярной планировкой (характерным следствием китайского культурного влияния):

пересечения прямых улиц формировали кварталы с почти правильными очертаниями. Высокая каменная стена с несколькими воротами служила городу надежной защитой; в 1,5 км к югу возвышалась «полудунная» цитадель Вольсон площадью 12 га (построена в 101 г.) с запасами оружия и провианта, способная обеспечить длительную оборону и защиту, и три крепостных замка, стоявшие на вершинах окружающих гор. Внутри крепости находился дворцово-парковый ансамбль Имхэджон, служивший резиденцией вана.

Поздние столицы трех государств: Пхеньян (Когурё), Саби (Пэкче) и Кёнджу (Силла) – возведены по канонам китайского градостроительства; они были обнесены высокими внешними стенами, имели ворота, ориентированные на стороны света, состояли из хорошо укрепленного внутреннего и внешнего городов. Образцом упорядоченного градостроительства может служить поздняя силланская столица Кёнджу. Здесь же находилась знаменитая обсерватория Чхонсондэ (632 – 647 гг.), которую следует оценивать не только как научное, но и важное архитектурное сооружение в монументальном стиле. Башня высотой 9,17 м и диаметром основания 5,2 м построена в форме огромной бутылки и имеет очень простое архитектурное решение, это является свидетельством того, что ее создатели хорошо понимали функциональное назначение строения.

С проникновением в Корею религиозных представлений китайцев наряду со светской развивалась храмовая архитектура, основанная на буддийских традициях и канонах. Классический буддийский храм состоял из нескольких сооружений: внешних ворот, главного павильона, храма для проповедей, колокольной (иногда барабанной) башни, сокровищницы, книгохранилища, одной или нескольких многоярусных пагод. Первые храмовые сооружения, построенные в Коре с конца IV в. под руководством китайских миссионеров, резко отличались от привычных корейцам жилых и культовых сооружений: они поражали невиданными архитектурными формами и ярким многоцветием декора. Современные исследователи могут составить представление о буддийских сооружениях полуострова по весьма ограниченному материальному свидетельству: фундаментам храмовых зданий и фрагментам пагод; деревянные конструкции в силу понятных причин не сохранились. Ряд сведений дошел до нас благодаря летописной традиции.

По мнению северокорейских историков, крупнейшим храмовым ансамблем полуострова в эпоху Самгук являлся комплекс буддийских сооружений в районе усыпальницы легендарного вана Когурё Тоньмёна (окрестности современного Пхеньяна), занимавший почти 30 тыс. кв. м. Здесь обнаружены остатки южных

ворот, трех восьмигранных строений и соединявшей их галереи, других построек. Вблизи древнего Пхеньяна находилось несколько буддийских храмов – Чхонгамса, Воноса, Сангоса и др. Когурёсцы первыми применили принцип «одна пагода на три павильона», о котором речь пойдет ниже.

Более известен силланский храм Хванёнса (окрестности г. Кёнлжу), признанный специалистами Южной Кореи крупнейшим буддийским сооружением, возведенным в 533 – 566 гг. архитектором из Пэкче Абиджи*. Храмовый ансамбль, вытянутый с юга на север (влияние китайского канона, предусматривавшего ориентацию буддийских сооружений по оси фэншуй), занимал площадь 19 тыс. кв. м и был обнесен каменной стеной; его главный зал имел размеры 16,5 x 7,2 м, помимо него были представлены зал для проповедей и два вспомогательных павильона. Алтарное помещение с длиной фасада 44,6 м и боковыми сторонами по 19,8 м сочеталось с 80-метровой девятиярусной деревянной пагодой (645 г.).

Архитектура Пэкче представлена храмом Мирыкса в честь будды Майтрейи к югу от г. Пуё (Иксан, Северная Чолла, 600 – 634 гг.); летописная традиция объявляет его одним из крупнейших буддийских сооружений Дальнего Востока. Центральная часть комплекса своими размерами превосходила площадь всего храма Хванёнса и занимала 14 тыс. кв. м, по 8 тыс. кв. м насчитывали восточный и западный участки ансамбля, включавшего помимо всевозможных павильонов три пагоды и особое алтарное помещение. Известны также остатки Чоннимского, Кымганского и других буддийских храмов с фрагментами каменных пагод и фундаментов.

Большинство строений возводилось из дерева на каменном фундаменте. Достижения древних зодчих запечатлены на погребальных фресках, по ним ученые пришли к заключению, что в архитектуре дворцов и парадных зданий применялась стоечно-балочная схема на основе опорных колонн и поддерживающих кронштейнов; вероятнее всего, она была заимствована когурёскими зодчими в Китае. Уже в I в. н.э., по указанию китайских летописей, в Когурё возводились деревянные храмы для отправления первобытных культов, в первую очередь культа предков-прародителей племени и основателей государства.

В отличие от деревянных храмовых строений лучше сохранились каменные или кирпичные пагоды буддийских монастырей, а точнее – их фрагменты. Сначала пагоды возводили из дерева, но затем материал строений изменился. Частично сохранилась каменная пагода храма Мирыкса; ее пролеты и ниши, суживающиеся кверху ярусы и трехступенчатые консоли, слегка выступающие пилястры и квадратные опорные

столбы свидетельствуют о явном подражании деревянному прообразу. В оценке южнокорейских специалистов пагода храма Мирыкса является древнейшей пагодой Корейского полуострова. Примерно в 662 г. в Пэкче воздвигнута пятиярусная каменная пагода храма Чоннимса (Южный Чхунчхон), она имела высоту 10 м и правильные прямоугольные очертания. Архитектоника пагоды отличалась строгостью и отсутствием каких-либо украшений. Пагода располагалась на низкой каменной платформе и состояла из нижнего яруса в виде куба-монолита и последующих ярусов, уменьшавшихся по высоте и размеру и включавших по 4 массивные призматические плиты; прямой навес отделял различные ярусы друг от друга. Обе пагоды Пэкче свидетельствуют о раннем появлении свойственного корейским строениям архитектурного стиля *тыллингхунё* (здания с изогнутой линией крыши) еще в VII в.

Если в храмовых строениях Пэкче использовался принцип «один павильон – одна пагода», то в силланских – «одна пагода на три павильона». Кроме того, силланские зодчие перешли от строительства описанного выше типа пагод, имевшего исключительно votивный (т. е. посвященный богу) характер, к возведению буддийских ступ, или пагод-реликвариев с внутренним помещением для молитв и хранения святынь, а также декоративными украшениями в виде плоских или объемных каменных изображений. Этот тип пагоды имел четкую структуру и состоял из трех элементов – основания, главного столба с ритуальным помещением и фигурной крыши. Такие мемориальные пагоды сооружались из более ценных пород камня: мрамора и гранита; нанесенные на них барельефы и по сей день служат образцами буддийского изобразительного искусства. По сравнению с творениями мастеров Пэкче, силланские пагоды предстают более сложными сооружениями и отличаются смешением нескольких архитектурных стилей.

Замечательным примером ступы является гранитная пагода силланского храма Пунхвакса (Кёнлжу, 634 г.). Это было пяти-, семи- или даже девятиярусное сооружение, но сохранилось всего три яруса высотой около 9 м. На первом ярусе расположена крохотная модельня (1,5 x 1,5 м), в которую вели четыре двери со всех сторон света. Барельефы по сторонам дверей изображали буддийских божеств-охранителей, углы основания пагоды «стерегли» каменные изваяния львов (по буддийской мифологии – «собак Будды»). Приземистые ярусы разделялись слабо выступающими многоступенчатыми карнизами сложного профиля. Стены, карнизы и прочие элементы ступы выполнены из высеченных в форме кирпичей каменных плах. Каменная кладка пагоды явно имитирует кирпичную и выполнена с особой тщательностью.

Нельзя не сказать нескольких слов о художественном значении деревянного зодчества Кореи, поскольку многие ее архитектурные шедевры создавались на основе замечательного народного плотницкого искусства, вносившего свой вклад в декоративное убранство зданий, однако представления о развитии этого замечательного направления архитектуры можно почерпнуть лишь из редких упоминаний в летописях и погребальных рисунков.

Возведение больших по площади и количеству элементов храмовых ансамблей наряду с масштабным фортификационным и городским строительством повлияло на масштаб, пропорции и общее пространственное решение архитектурных сооружений трех государств. Увеличиваются размеры дворцов и храмов, жилых и общественных зданий, возникает традиция создания больших площадей для проведения пышных празднеств и церемоний. Архитектура Самгук принимает монументальную форму. Такой вид светского и культового строительства проявляет максимальное сходство со строительной и бытовой культурой всего Дальнего Востока, основанной на китайской традиции, но более детальное изучение архитектурных сооружений позволяет обнаружить некоторые местные черты. Например, широкое применение кирпича как вспомогательного материала отличает всю строительную индустрию трех государств. Специфичным является частое использование упрощенного варианта фундамента – округлой каменной базы под колонну вместо полноценного фундамента. Строения Пэкче выделяются полукруглой и круглой фронтальной черепицей, орнаментированными кирпичами и применением художественной черепицы с пейзажными изображениями. Такие же декоративные приемы известны в Силла и Японии.

Свидетельством высокого уровня развития архитектуры являются также старинные гробницы трех государств, преимущественно Когурё и Пэкче. Для всех трех государств характерно интенсивное возведение погребальных сооружений в виде мавзолеев или курганов. Поскольку они служат одним из базовых признаков культуры Самгук, их типологическая характеристика дана в разделе о материальной культуре эпохи. Здесь же мы остановимся на архитектурных особенностях усыпальниц.

Мавзолейный тип погребений представлен крайне редко. Такое наземное сооружение сохранилось в окрестностях когурёской столицы Хвандо (412 – 413 гг.). Находившаяся на возвышенности семиступенчатая пирамида Чангунчхон («Могила полководца») имела вход с юго-западной стороны и возвышалась на 13 м. Нижняя ступень в основании достигала длины 32 м; на уровне пятой, а по сведениям отдельных авторов, третьей ступени (6 x 6 x 6,5 м) скрывалась погребальная камера, сложенная из

шести рядов массивных блоков. Пирамида углами ориентирована по сторонам света, известковая промазка на вершине может свидетельствовать о существовавшем раньше черепичном покрытии. Для поддержания массивного потолка из каменного монолита была применена система угловых кронштейнов. На стенах усыпальницы едва различимы слабые следы живописи, в центре погребального помещения расположен постамент для двух гробов-саркофагов. Примечателен подбор места для усыпальницы: напротив ее стен возвышались естественные скалы, возможно, игравшие роль охранителей, что было типично для сибирских погребальных сооружений. На личность усопшего указывает стоящая у погребения знаменитая стела Квангэтхо-вана, на ней написано, что здесь покоятся ван Квангэтхо, умерший в 413 г., и его супруга. Столь же монументальным было сооружение Тэванчхон («Гробница великого государя»), но от него сохранился лишь фундамент для больших каменных блоков длиной до 60 м. Древние коргурёские мавзолеи в виде ступенчатых пирамид отличались монументальной массивностью и суровой аскетичностью объемов и очертаний.

Шире распространены курганные погребения знати Когурё, Пэкче и Силла: огромные земляные насыпи, содержащие каменные или кирпичные камеры, оформленные фресками на потолке и стенах. Под курганом Самсылчхон, или «Гробница с тремя камерами» (Цзиань, рубеж IV – V вв.), под сравнительно невысокой насыпью скрывается сложное архитектурное сооружение. От входа в погребение открывается коридор длиной 5 и шириной 1 м, ведущий в первую камеру, прикрытую каменной дверью-плитой. Камера № 1 имеет форму квадрата со стороной 2,7 м, вторая камера расположена слева от первой и чуть больше (3 x 3 м); квадратные пропорции нарушены в третьей камере, имеющей вид прямоугольника (2 x 2,45 м). Высота камер практически идентична и колеблется на уровне 3,1 и 3,2 м. Стены усыпальницы выполнены из обтесанных каменных блоков, в верхней угловой части стен помещены треугольные плиты-кронштейны, поддерживающие колодезный свод потолка.

Много курганов в районе Пхеньяна (уезд Анак, Южная Хванхэ). Интереснее всего в архитектурном отношении анакский курган № 3, или Хамудом (Анак, 357 г.). Под квадратной насыпью (сторона 22 м, высота 7 м) находится система камер, имеющая крестообразную конфигурацию, в нее входят коридор, передняя и задняя, а также правая и левая камеры и галерея. Общая площадь погребального сооружения 70 кв. м, вход в него закрыт двустворчатыми каменными дверями. Потолок в камерах колодезного типа, в коридоре расположено несколько колонн. На фоне других подземных

погребений Хамудом выглядит весьма специфично, национальная и социальная принадлежность погребенного не установлены. Существуют предположения о том, что им был китайский сановник из Лолана по имени Тонсу* (кит. – Тун Шоу), ваны Мичхон (300 – 331 гг.) или Когулвон (331 – 371 гг.). Практически все анаксские гробницы богато украшены многоцветными фресками.

До 20 курганных погребений правящего когурёского дома расположено у деревни Мулжин (окрестности Пхеньяна); считается, что здесь находится перенесенный в конце 20-х гг. V в. из Хвандо прах легендарного основателя Когурё Тоньмён-вана. Под насыпью приписываемой ему гробницы скрывается квадратная в основании глинобитная пирамида высотой 8,15 м. К ее вершине ведут каменные лестницы. Внутреннее строение усыпальницы довольно скромно: прихожая, погребальная камера и небольшая галерея вокруг нее. На восточной стене и потолке сохранились остатки фресок, изображавших цветущий лотос.

Архитектура погребений Пэкче значительно уступает когурёским памятникам. Единственное королевское погребение этого государства – гробница короля первой четверти VI в. Мурён-вана (г. Конджу, Южный Чхунхон). Погребение здесь осуществлено в кирпичной камере со сводчатым потолком. Потолочные кирпичи украшены орнаментом в виде лотоса. Вход в погребение находится с южной стороны. У города Пуё находится королевское кладбище (Нонсани, Южный Чхунхон) с простыми прямоугольными погребальными камерами из камня или кирпича. Кирпич здесь также орнаментирован, каменные блоки подшлифованы. Стены кирпичных камер переходят в сводчатый потолок, в каменных камерах потолок выполнен из плоской горизонтально расположенной плиты. Силланские погребения еще более уступают в архитектурном отношении, хотя и имеют огромные насыпи. Такова гробница № 38 у г. Кёнджу (середина VI в.): высота кургана 23 м, длина основания – 120 м. Здесь в деревянной камере (6,8 x 4,6 x 4 м) находилось захоронение супруги вана. По окружности камеры располагались деревянные колонны с поперечными балками, принимавшими на себя тяжесть грунтовой засыпки.

Описанные выше и многие другие каменные склепы отличаются тщательно выполненной каменной или кирпичной кладкой. Некоторые из них поражают своей грандиозностью даже современных ученых: их стены выложены обтесанными и подшлифованными каменными плитами длиной до 5 – 6 м, а огромные насыпи над погребениями напоминают округлые естественные холмы. Однако главными сокровищами курганов являются уникальный и богатый погребальный инвентарь, а также хорошо сохра-

нившиеся и исполненные с необычайным художественным мастерством фрески, изображающие жанровые сцены и окружавший древних корейцев мир. Эти находки дают наглядное представление не только о жизни и быте эпохи Самгук, но и об ее искусстве и художественных ремеслах.

Живопись. Богатая живописная традиция трех государств, основанная на курганных фресках, общеизвестна. Однако необходимо подчеркнуть жанровую ограниченность живописи Самгук (кроме фресок, иные изображения отсутствуют) и ее четкую локализацию в северокорейских курганах Когурё. Если в северной части полуострова раскопано около 70 памятников с огромным количеством фресок, то находки фресок в Пэкче и Силла – исключительное явление. Большинство настенных изображений связано с курганами на правобережье р. Амноккан в районе ранней столицы Когурё Хвандо, с районом Тункоу (Цзиань, КНР) и, наконец, с гробницами в Анаке и Кансо (Южный Пхёнан). Примечательной особенностью когурёских фресок является их прекрасное состояние, в то время как рисунки на стенах усыпальниц двух других государств сохранились плохо и фрагментарно.

Основой для фресковой живописи служили стены, оштукатуренные глиной с примесью мелко нарезанной соломы или покрытые известковой грунтовкой. Известны случаи нанесения фресок непосредственно на шлифованный гранит или мрамор, но на негрунтованном камне стенопись сохранилась гораздо хуже. Создатели фресок применяли два варианта красителей: растительного происхождения и минеральные. За исключением охры, в Когурё производились только растительные краски, минеральные привозили из Китая. Дорогие минеральные краски не потеряли своей свежести до наших дней, а их растительные аналоги не выдержали испытания временем. В техническом отношении фрески практически идентичны: сначала вырисовывался черный контур изображения, затем его раскрашивали густыми мазками смешанных со свинцовой окисью минеральных или растительных красок. Применение свинцовой окиси создавало особую размытость и пластичность изображений, но отрицательно сказалось на их сохранности. Когда рисунок высыхал, некоторые детали фрески еще раз обводили черной краской по контуру, с тем чтобы отчетливее прорисовать изображение.

Ученые КНДР при помощи китайских коллег очень подробно изучили сюжеты и стили, установили хронологию когурёских фресок. В ходе комплексного изучения курганных погребений настенные рисунки удалось датировать IV – VII вв. Ранние фрески, относящиеся к периоду до конца V в., отличаются жесткостью контура, фронтальным расположением сидящих челове-

ческих фигур, изображают покойного и его супругу, а также дом-усадьбу. Рисунки среднего периода (начало – конец VI в.) интересны передачей различных планов и перспектив, на них фигурируют покойный и его окружение в различных жизненных ситуациях: на пиру, охоте, церемониях; помимо изображения людей представлен условный пейзаж. Поздние фрески (конец VI – начало VII вв.) воспроизводят изображения мифологического содержания, главным образом духов четырех сторон света. Несмотря на исключения, когда изображения четырех духов-хранителей относятся к первой половине IV в., а бытовые фрески – к VII в., прослеживается явная тенденция развития сюжета рисунков от бытовых сюжетов к общественным, а затем – к сакральным и мифологическим.

Ранний и средний варианты стенописи широко представлены в среднем течении р. Амноккан, у Тункоу, где когда-то располагались столицы Когурё. Концом IV – первой половиной V вв. датируются гробницы Самсильчхон, Саллёнхвачхон («Гробница опаляющих лотосов»), Какчочхон, Муёнчхон, к VI в. относится Сасинчхон («Гробница четырех духов-хранителей»). По названию памятника становится понятно основное содержание представленных в нем фресок. Наиболее примитивные по технике исполнения и цветовой гамме фронтальные изображения представлены в Самсильчхон (рубеж IV – V вв.), это богатыри, «поддерживающие» на вытянутых руках каменные балки потолочного перекрытия, фигуры воинов и охотников, сражающиеся всадники, мифические стражи сторон света, небесные музыканты апсары, архитектурные детали парадных зданий и крепостей. Живопись Самсильчхон свидетельствует о раннем возникновении сюжетов погребальной стенописи Когурё.

Замечательно изображен на потолке одной из камер Саллёнхвачхон небесный свод с солнцем, луной и звездами в обрамлении удивительно реальных цветов лотоса. Какчочхон дает представление о жанровых сюжетах, самым примечательным из них является яростный поединок двух полубоженных борцов. В Муёнчхон развернута большая композиция в стиле китайской стенописи династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), изображающая пиршество с участием музыкантов, танцоров, актеров и акробатов. Рисунок должен был веселить душу усопшего в загробном мире. На фреске представлены покойный с супругой в большом шатре с пышной драпировкой, они следят за представлением, развернутым по периметру стен в композиционно объединенном пространстве и четко подразделяющимся на несколько сцен. Наиболее колоритным рисунком Муёнчхон является сцена верховой охоты на тигра и оленя; здесь древний художник использовал прием

условной передачи окружающего горного пейзажа.

Отмеченная мастерски выполненной композицией и явно выраженным декоративным стилем, поздняя стенопись Сасинчхон может трактоваться как одна из ранних попыток создать объемные изображения мифических животных, охраняющих, по лаосской традиции, стороны света (к ним мы еще вернемся чуть ниже). На влияние даосизма указывают фигура летящего в облаках на большом журавле небожителя, фантастические фигуры правителя древнего Китая и его сестры, голова дракона с близко поставленными глазами и взлохмаченной гривой.

Большая серия фресок покрывает стены усыпальницы Ссаньёнчхон, или «Гробницы с двумя колоннами» (Токхвари, Южный Пхёнан, 409 г.?). Большинство из них относится к бытовому жанру. Например, сидящий в балдахине вельможа в богатом одеянии, которого встречает целая процессия местных вождей. Другая процессия, на конях и в боевом вооружении, движется вслед за экипажем, где под зонтом сидит все тот же вельможа. На фресках есть изображения группы музыкантов и танцоров, конных состязаний, охотничьих сцен. Торжественные сюжеты сменяются бытовыми: кучера ведут быка, запряженного в экипаж, конюхи ухаживают за лошадьми в стойлах. Не обошлось и без мифологии – на потолке парят небожители, а вдоль стен шествуют легендарные символы небесных созвездий – пастух и ткачиха. Некоторые сцены сопровождаются краткими иероглифическими пояснениями. Ни в одной гробнице не сохранилось так много жанровых сцен, воспроизводящих жизнь когурёской знати. Стенопись детально воспроизводит костюмы, облик оружия, повозок и архитектурных сооружений, отчетливо выделяет прислугу и аристократов, столь детальные материалы имеют не только художественное, но и непреходящее историческое значение. Еще одна особенность фресок «Гробницы с двумя колоннами» заключается в применении исключительно минеральных красок, благодаря чему рисунки хорошо сохранились и поражают полихромным сочетанием коричнево-красных, голубовато-зеленых, золотистых, охристых тонов и киновари. Их применение свидетельствует о знатности и богатстве семьи покойного. Гробница прославилась двумя красными восьмигранными колоннами, обвитыми золотисто-желтыми драконами, отсюда происхождение ее названия. Желтые драконы – один из символов королевской власти Когурё, поэтому северо-корейские исследователи относят погребение к VI в. и считают усыпальницей одного из правителей государства. Если же признать датировку 409 годом, такая трактовка исключается.

Фрески названного в предыдущем разделе кургана Хамудом (357 г.) дают представление о

дворцовом интерьере IV в., о вельможном покойном, сидящем фронтально на помосте с веером в руке, его жене, изображение которой в окружении служанок помещено на противоположной стене, их дворовой челяди и хозяйстве. Пластичное изображение госпожи с прислугой, выполненное в красно-коричневой и желтой цветовой гамме, многими специалистами признается одним из главных шедевров портретных фресок Когурё.

Всемирную известность получили три гробницы Саммё (Кансо, Южный Гхённан), ставшие символом когурёских фресок позднего периода. Главная из них – Тэмё («Большая гробница», 565 г.) считается захоронением вана Янсона (545 – 558 гг.), в ней представлены шедевры мифологической стенописи сасин, изображавшей духов-хранителей стран света. Выполненные растительными и минеральными красками нежных, спокойных тонов, монументальные изображения мифических животных: черепахи, обвитой змеей (хранительницы Севера хёнму), зеленого дракона чхоннён (стража Востока), пурпурной птицы чуджак (покровителя Юга, возможно сопоставление с фениксом) и белого тигра пэкхо (защитник Запада, его изображение сохранилось плохо) – до сих пор в Корее считаются наиболее совершенным воплощением древней космогонической идеи о единстве стихий земли и неба, лаосских и буддийских представлений о мире природы и человека. Пространство и воздушная среда фресок «Большой гробницы» передаются клубящимися линиями облаков и струящимися потоками воздуха, в которых на золотистом фоне потолка парит полуобнаженная небожительница апсара, разбрасывающая из чаши лепестки лотоса. Фрески двух других гробниц Саммё, кроме подобных мифологических сюжетов, содержат пейзажные зарисовки.

Изображение сасин на погребальных фресках носило не только, и даже не столько охранительный, сколько глубокий сакральный смысл. Четыре духа должны были провести душу покойного в загробный мир и защитить его на этом переходе. Геомантическая символика характерна для погребений всего Дальнего Востока: она известна и в Китае, и в Японии. Между фресками Китая, Кореи и Японии прослеживается очевидная генетическая связь, свидетельствующая о тесном взаимопроникновении их культур даже в такую деликатную сферу, как ритуал захоронения. Изучения погребальной стенописи необходимо для понимания истории культуры Кореи, но не менее важна и их художественная ценность. Когурёские фрески существенно восполняют наши скромные знания не только о живописи и духовной культуре Кореи до XIV в., но и о раннем изобразительном искусстве Китая и Японии.

Фрески в курганах Пэкче – крайняя редкость, его живопись практически не дошла до наших дней. Известно плохо сохранившееся изображение духов сасин в погребении у г. Конджу. В кургане Нунсан (Пуё, Южный Чхунчхон) также обнаружены красочные рисунки хранителей сторон света, но наиболее прославились узоры из лотоса, летящих облаков и волн, покрывающие потолок данного погребения. Следы применения красных и синих красителей видны на стенных нишах гробницы вана Мурёна (г. Конджу). Все обнаруженные фрагменты живописи Пэкче датируются VI – VII вв. Практически ничего не известно о силанской живописи. Единственный ее образец найден в Чхонмачхон («Гробнице летящего коня») близ г. Кёнджу (VI в.), на обнаруженных в погребении берестяных листах содержались изображения пары летящих животных, в том числе коня, птиц и цветов.

Скульптура. Период Самгук знаменовался развитием и повсеместным распространением буддийской скульптуры. Становление единой иконографической системы началось с подражания завезенным из Китая скульптурам и буддийским миниатюрам. В сюжетном отношении это изображения различных перевоплощений Будды; одиночные и групповые предметы, в центре которых располагался сам Будда; а также воссоздание образов бодхисатв и прежде всего Авалокитешвары и Майтрейи. Основным материалом являлась простая или позолоченная бронза, найдены скульптуры из камня, глины и дерева. До наших дней дошло около 30 сравнительно мелких и несколько крупных буддийских произведений, различных по степени сохранности, художественной ценности, времени и месту создания.

Первые культовые скульптуры появились в Когурё после 372 г., когда буддийский проповедник Сундо привез их с собой из Китая. Сохранившиеся образцы корейской скульптуры относятся к периоду не ранее середины VI в. Для первых буддийских изображений в Корее характерны некоторая скованность и угловатость фигур, фронтальная и плоскостная обработка и неразработанность пропорций. По мере развития мастерства и технологий литья и обработки алтарные композиции, рассчитанные на обозрение на расстоянии (извне, сквозь дверной проем), значительно укрупнялись, фигуры высших божеств теряли свою аскетичность, монументализировались, более правильными становились их пропорции, в изображениях Будды появился налет надменности.

Развитие буддийской пластики Когурё иллюстрируют терракотовые и бронзовые миниатюры VI – VII вв., обнаруженные на развалинах храма Воноса (примерно середина VI в.) и схожие с каноническим обликом буддийской скульптуры династии Северной Вэй (Китай,

386 – 535 гг.). Уникальные с точки зрения материала фигуры изображали сидящего Будду (высота изваяния 19,5 см) и стоящего бодхисатву (17 см), они были отлиты в открытых формах, раскрашены и могли являться частями триады. Для Будды из Воноса характерны обобщенные черты лица с плотно сомкнутыми глазами и тяжелыми веками, выражение спокойствия и глубокой отрешенности от жизни, как основной идеи буддийской религии. Фигура выполнена достаточно примитивно, олегла скрывает все тело, спадая складками с плеч. Бодхисатва стоит на цветке лотоса с поднятой в условном жесте абхая-мудра (жест одобрения) рукой.

Самой ранней бронзовой статуэткой Будды принято считать довольно примитивную фигуру стоящего Шакьямуни с нимбом, на котором указаны дата (539 г.) и место (храм Тонгса, г. Пхеньян) изготовления, ее обнаружили в 1967 г. в Хачхонни (Южный Кёнсан). На положение наиболее ранней буддийской скульптуры претендует также позолоченное изображение сидящего Будды из Ттуксома (Сеул, предположительно первое десятилетие VI в.). Триада «Синмё» (названная так по традиционному наименованию года) из позолоченной бронзы из Понсанни (Северная Хванхэ, 571 г.) является самой крупной на полуострове находкой такого рода. Ее центром является фронтальная фигура будды Амитабхи на фоне большого остроконечного ореола с развешивающимися языками пламени. Руки будды подняты в жестах одобрения и милосердия (вара-мудра), голова украшена нимбом. По бокам основной фигуры находятся паривары, или сопровождающие Будду. О местном происхождении скульптурной группы свидетельствуют дата и дарственные надписи на обратной стороне ореола. Известна также позолоченная триада «Кюми» (по году изготовления), относящаяся к 563 г. и найденная в Сеуле.

О своеобразии творчества скульпторов Пэкче свидетельствуют находки, как в самой Корее, так и на Японском архипелаге. Не отходя полностью от сложившихся канонов, мастера этого государства придавали своим изделиям мягкость и пластичность, а значит – большую жизненность. Догматические правила изображения позы и жестов Будды не мешали скульпторам Пэкче обращаться к живым моделям, о чем свидетельствуют объемность, четкость очертаний фигуры, естественность расположения складок одежды. Обычно это были отдельные изображения божества, сидящего или стоящего на «лотосовом» троне в торжественной позе и облаченного в длинные одеяния. Известно несколько таких ранних скульптур из глины (храм Чоннимса) и камня, в том числе агалматолитовая из Кунсури (вторая половина VI в.) и стеатитовая из г. Пуё (рубеж VI – VII вв.).

Горельефной техникой по граниту выполненная триада из Ёнхёни (Южный Чхунчхон, первая половина VII в.), почти трехметровый Будда окружен стоящей Авалокитешварой (1,7 м) и сидящим Майтреей (1,66 м). На губах спутников Будды можно различать едва уловимую мягкую улыбку, которой прославилась буддийская скульптура Пэкче. Мастера создавали изображения Будды и для отправки в Японию. В начале VII в. из камфорного дерева вырезана двухметровая фигура Авалокитешвары (храм Хорюдзи, Япония), или «Пэкчийская Авалокитешвара», как ее называют в Японии. Скульптура раскрашена в зеленоватые тона и щедро снабжена бронзовым убранством – ажурными браслетами, ожерельем и высокой диадемой. Ее главная отличительная черта – возвышенная утонченность и умеренный аскетизм, проявившиеся благодаря удлинённому, плоскостному решению фигуры. Из бронзы методом пластики были отлиты буддийские статуэтки из храма Повонса (Кюам, Южный Чхунчхон) и многих других районов Пэкче. К VII в. относится изменение позы божеств: если раньше на творениях мастеров Когурё и Пэкче они с распростертыми руками выглядели как Х-образная фигура, то теперь имели S-образный изгиб тела. Примером могут служить позолоченные бронзовые статуи из многих частных собраний и музеев Южной Кореи, а также каменное изваяние сидящего Шакьямуни в Ёндонни (Иксан, Северная Чолла).

В Силла в VI в. пластические средства становятся более разнообразными: наряду с бронзой для изготовления буддийских изваяний стали использовать глину и дерево, сухой черный лак, высокая пластичность которых позволяла мастерам добиваться большей выразительности в передаче деталей и эмоционального настроения, создавать собственный национальный стиль буддийского скульптурного пантеона. Эти пластические качества, доведенные до совершенства и монументализированные, были свойственны выполненной из бронзы пятиметровой статуе Будды из храма Хванёнса (середина VI в.), весившей два десятка тонн и покрытой золотом. Она являлась главной буддийской святыней Силла. Ее создание при поддержке государства рассматривалось современниками как символ торжества буддизма и величия централизованной монархии. Образ Будды из Хванёнса олицетворял одновременно и верховное божество, и его воплощение в правителе государства. В связи с этим в буддийских изображениях, начиная с VI в., проступают черты национального этнического типа корейцев, а за эмоциональным спокойствием божества угадывается сильная личность, сочетающая в себе духовную мощь и величие с идеальными чертами красивого человека.

Такая трактовка образа буддийского божества характерна для нескольких бронзовых миниатюр из Силла, выполненных в т. н. стиле «созерцающего Майтрейи». Одна из них – статуэтка будды Мирык высотой 28,6 см (VI в.) изображает божество с полуприкрытыми глазами в замкнутом и отрешенном сосредоточении. Стилизовое и композиционное решение второй миниатюры (20,25 см, начало VII в.) повторяет бронзовую пластику предыдущей, но выполнена она чуть мягче и украшена тонкой гравированной короной. С художественными достоинствами улыбающейся «Пэкчийской Авалокитешвары» соперничает силланская статуя Майтрейи из позолоченной бронзы (90,8 см, VII в.), сидящая в позе созерцания *панга*. Украшение в виде трехлопастной диадемы, мочки ушей, почти касающиеся плеч, полужакрытые глаза, улыбка на губах, реалистичное выполнение деталей одежды и фигуры отличают это произведение мастеров Силла.

Как и в Пэкче, силланские художники высекали изображения Будды и его свиты на гранитных массивах. Стремлением переложить могущество и силу буддийских божеств отмечена гранитная горельефная триада в окрестностях Кёнджу (середина VII в.), изображавшая Амитабху с нимбом и двух бодхисатв. Объемные каменные фигуры оформлены тонкими рельефными линиями, но камень не в состоянии передать присущие бронзовой пластике пластичность и выразительность буддийского образа.

Скульптура периода Самгук представлена не только буддийскими экспонатами: как и в других дальневосточных странах, здесь развивалась погребальная воливая статуэтка. Это были каменные или глиняные обобщенные, а иногда стилизованные изображения людей и животных. В могилах они несли охранную функцию или служили для покойного заменой реальных людей, животных и предметов. Из их числа выделяются изображение крылатого быка или оленя (гробница вана Мунёна, начало VI в.), фигурка музыканта и некоторые другие артефакты.

Декоративно-прикладное искусство.

Прикладное искусство эпохи Самгук представлено различными по материалу (глина, камень, металл), форме и функции художественными произведениями. Принципиальная художественная ценность любого предмета еще не отделялась от его практического назначения, но уже четко разграничиваются повседневные бытовые поделки и изделия с высоким эстетическим содержанием. Наложившись на местные ремесленные традиции, буддийская эстетика способствовала быстрому синтезу новых видов прикладного искусства, требовавших высокой техники литья, резьбы по камню, дереву и металлу.

Традиционные позиции сохраняет керамика, но строительство дворцов, храмов и крепостей поставило перед мастерами трех государств задачу расширения ассортимента продукции и совершенствования ее декоративных свойств. В Когурё широко представлены находки хорошо обожженной фигурной черепицы и концевых кругов-налепов диаметром до 15,5 см (*антефиксов*), служивших для украшения крыши зданий: на них наносился узор из тонких переплетающихся линий или геометрических фигур, изображение лотоса с крупными остроконечными лепестками, цветков и листьев жимолости; популярным было изображение колеса с перекладинами. Уникальной является черепица-антефикс *квимён* в виде устрашающей антропоморфной маски в двух вариантах – маска демона или фантастического зверя (часто принимаемого за дракона). Ее предназначение заключалось в охране здания от злых духов и лихого люда. Черепица *квимён* стала одним из национальных символов современной Кореи.

Геометрические узоры, изображения цветов и мифических птиц, парящих небожителей, драконов наносились на строительный и облицовочный кирпич и служили важным декоративным строительным материалом во всех трех государствах, но особенно это направление прикладного искусства развилось в Пэкче, где кирпич VII в. поражает своеобразием декора и законченностью композиции. В качестве примера можно назвать находки в Кюамни, где обнаружены кирпичи с изображением горного пейзажа, которые, возможно, были частью большой настенной композиции. Здесь же, на развалинах храма *Кюаммён* (Южный Чхунчхон), обнаружены первые в истории Кореи изразцы, положившие начало традиции изготовления художественной облицовочной плитки. Архаичные изразцы имели форму квадрата со стороной 30 см, на них техникой барельефа изображались пейзажи, мифический феникс, готовый взмыть в небо. Одна из плиток воспроизводила сюжет когурёской черепицы *квимён*, но с большим художественным мастерством. Уникальность находок в Кюамни дополнялась уже упомянутым нами изразцом с лаосской тематикой – изображением отшельника и его хижины. Высокая концентрация весьма специфичных предметов прикладного искусства в одном месте позволяет предполагать, что здесь существовал центр по производству декоративной плитки.

Среди керамических сосудов трех государств четко выделяется категория предметов, изготовленных с явно художественной или декоративной целью. Например сосуды Когурё часто изготавливались в виде скульптур, данная традиция продолжалась и в последующие века. Известен сосуд для воды, которым пользовались при разведении сухой туши, выполненный

в виде ползущей черепахи с вытянутой далеко вперед головой. Появились новые варианты украшения сосудов с привычными формами, например скромный круглый керамический светильник, покрытый рельефным узором, как бы связывающим его, или когурёский сосуд V – VI вв., на грубой бурой поверхности которого симметрично и выразительно нанесены контуры двух драконов, повернутых головами друг к другу. В музее им. Арсеньева (г. Владивосток) хранится, вероятно, когурёский сосуд с пятью сюжетными штампами, изображающими процессию пеших и конных людей. Художественная керамика Пэкче представлена маленькой чашечкой с накладными глиняными бусинами вдоль венчика, сбоку наложена фигура животного, возможно, кошки, хвост которой служит ручкой предмета.

К V – VI вв. относится целая серия уникальных керамических изделий Силла, имеющих непреходящее художественное значение. Интересна их форма (сферические или вытянутые горшки с коротким отвернутым краем, глубокие чаши и урны для праха на высоких ножках, шаровидные сосуды с крышкой и т. д.); вариант нанесения рисунка (штампом, гравировальной иглой или методом втирания краски в глубоко процарапанный узор); мотивы орнамента (сложные геометрические построения, цветы лотоса и другие растительные элементы, фигуры животных и т. п.). Дальнейшее развитие принципов декоративности, известных нам по артефактам Когурё и Пэкче, привело к появлению в Силла новых направлений керамического производства: сосудов с декоративной лепниной, украшенных изображениями людей и животных (например сосуд из Кёнджу конца VI в., горловина которого была украшена скульптурными фигурками музыканта с лютней, пары любовников, черепахи, змеи и жабы), и сосудов скульптурной формы в зоо- и антропоморфных вариантах. Выразительный образчик сосуда-скульптуры найден в погребении Кымнёнчхон, или «Гробница золотых бубенцов» (г. Кёнджу, V – VI вв.), он изображает сидящего на приземистом коне всадника в полной амуниции; высота изделия 23,5 см. Неподалеку раскопан сосуд с очертаниями лебедя и головой дракона. В Покчхондоне (г. Пусан) обнаружены два сосуда в виде рога, завершённого конскими головами. Каяские мастера изготовили два парных сосуда в виде селезня и утки (Чханнён, Южный Кёнсан) и сосуд в виде воткнутого в подставку рога (V – VI вв.). Сосуды скульптурной формы в виде человека, животных, ладьи, здания, повозки свидетельствуют о большой творческой фантазии и некотором юморе силланских мастеров-керамистов.

Усложнилось в Силла и производство керамической плитки, в VII в. появились изделия со штампованным или тисненым декором, доста-

точно сложным для воспроизведения, например черепица-антефикс с изображением 16-лепесткового цветка лотоса.

Дошли до наших дней великолепные образцы художественной работы по металлу: оружие, украшения, миниатюры из бронзы, железа и драгоценных металлов. Когурёссы оставили единичные артефакты этого типа, но изделия мастеров Пэкче и Силла многочисленны и получили воистину всемирное признание.

Высокого качества в Когурё достигло оружейное мастерство по бронзе и железу, об этом свидетельствуют мечи и копья, шлемы, кольчуги и щиты из курганных захоронений. Многие предметы воспроизведены на погребальных фресках. Самой важной находкой является фрагмент ажурного украшения из позолоченной бронзы (Чонпхари, Южный Пхёнан, V – VI вв.), воспроизводящий символ солнца – трехлапую птицу, окруженную силуэтами облаков, птиц и извивающихся драконов. Реконструкция изделия по данному фрагменту позволила восстановить облик короны когурёских правителей, удивительным образом напомнивший знаменитые короны королей Силла. В Пхеньяне раскопано еще одно ажурное украшение, выполненное с помощью той же техники. Миниатюра высотой 6,2 см и толщиной 1 мм изображает двух, предположительно, буддийских божеств под деревом. Бронзовый сосуд с крышкой, исполненный в форме помидора, бронзовые позолоченные туфли, ажурная бляшка в виде персика (Цзиань, III в.) дополняют перечень художественного металла Когурё.

Находка в кургане вана Мунёна (начало VI в.) двух фрагментов короны короля Пэкче и других драгоценных артефактов дает представление об искусстве древних ювелиров. Корона имела вид позолоченного бронзового обруча с тремя прикрепленными к нему букетами или своеобразными деревцами, выполненными из тончайших золотых листочков с блестками и бутонами из самоцветных камешков. В кургане обнаружены также золотая шпилька в форме ласточкиного хвоста, золотая серьга в виде кольца с плоским сердечком и гирляндой из мелких листочков и капелек нефрита посередине, пара серебряных браслетов с рельефным изображением дракона (520 г.). Картину дополняет серебряный сосуд-дароносица с куполообразной крышкой, увенчанной ручкой в виде цветка лотоса и украшенной гравированным изображением гор, растений, летящих птиц; его считают примером сочетания буддийской и даосистской символики. Тонкий вкус, филигранное исполнение и богатство декора ювелирных изделий Пэкче прославили их в Японии и других соседних государствах.

Яркая самобытность силланского искусства максимально проявилась в тончайших ювелирных изделиях V – VI вв. Всемирной известно-

стью пользуются золотые и позолоченные короны королей Силла (найдено 5 хорошо сохранившихся корон), пояса с подвесками, золотые туфли и серьги, которые носили ваны и их супруги. Наиболее богат погребальный инвентарь гробницы королевской четы Кымгванчхон («Гробницы золотой короны»), относящейся к началу VI в. Корона силланского вана представляет собой обруч и сочетание вертикальных стоек из листового золота в виде трех деревьев в центре и двух оленьих рогов по бокам, она украшена бусинами из горного хрусталя, нефрита и цветного стекла, магическими имитациями тигриных когтей и птичьих клювов (магатама) из нефрита. С главного обруча короны на грудь свешивались длинные шнуры-подвески с золотыми листочками и нефритовыми магатама. Особое место принадлежало ажурным крыльям с золотистыми блестками. Убранство королевы и найденные в других местах короны композиционно мало отличались от артефакта гробницы Кымгванчхон, но были скромнее в исполнении венчика. В Хваннаме (окрестности г. Кёнджу, V – VI вв.) найдена корона супруги вана Соджи, плоский золотой браслет с ячейками для самоцветов, серебряная чаша со штампованным динамичным изображением оленей и птиц. В «Гробнице небесного коня» обнаружен оригинальный головной убор из золота в виде удлиненного сзади овального конуса, на него нанесен ажурный узор из зооморфных деталей, «рыбьей чешуи» и плетеной решетки. Столь же богато, с помощью золотых и самоцветных фигурных подвесок, убраны пояса силланских правителей.

Легкость и непрочность золотых корон эпохи Самгук позволяют предположить, что они являлись атрибутом похоронного ритуала и имитировали более солидный прообраз, предназначенный для торжественных церемоний. Во время движения вана многочисленные бусины, служившие украшением короны, раскачивались на тонких проволочках и цепочках, создавая вокруг головы правителя своеобразный ореол за счет сияния самоцветов и блеска золотых элементов. Короны Силла и Пэкче прославились далеко за пределами трех государств, в наши дни они стали одним из национальных символов Кореи. Знамениты были силланские мастера и производством золотых и бронзовых серег в двух вариантах: тонкое кольцо из проволоки со внутренними декоративными вставками или толстое пустотелое кольцо с узкой щелью для мочки уха и нижней ажурной подвеской. Изысканностью форм отличаются золотые серьги из Хванори (Кёнджу, V – VI вв.): поверхность толстого полого кольца украшена филигранным узором из шестиугольников и трилистников, снизу на тонком колечке расположена подвеска в виде нескольких маленьких колечек с двумя рядами листиков, ок-

ружающих более длинный центральный лист; все элементы украшения выполнены из золота.

Художественные поделки из дерева или камня представлены не так широко. Наиболее ранним артефактом являются деревянный конь из Намсари (окрестности Пхеньяна, II в.), деревянная подставка под голову из погребения вана Мунёна (Пэкче, VI в.), покрытая красной краской и золотыми изображениями лотов, птиц и рыб. К V или VI в. относят когурёские камнерезные шелевры – фигурку феникса на гранитной подставке и овальную чашечку из белого нефрита (Пхеньян). Пэкче оставило заметный след в развитии промысла, его ювелиры прославились умением оправки в золото изделий из самоцветов. Примером могут служить три нефритовых украшения в золотой оправе из погребения вана Мунёна (начало VI в.). Они выполнены в виде утолщенных запястьев (коммаобразная форма), широкой частью утопающих в глубокий металлический чехол, покрытый рельефными изображениями и вставками из полудрагоценных камней. Причудливостью форм и разнообразием декора радуют глаз камнерезные и ювелирные изделия Силла. Ведущим мотивом силланских мастеров в V – VI вв. стали всевозможные kommaобразные украшения, известные здесь еще с середины I тыс. до н.э.: нефритовые подвески в золотом чехле-оправе, обработанном сканью, и со вставками камней; вариации kommaобразной формы с различными отrostками из стеклообразных материалов и т.д.

Разные поделки из камня являлись непременным атрибутом личных украшений – серег, поясов, колец и, конечно же, корон. Из яшмы, агата, хрусталя, нефрита и стекла делали бусы различной формы: круглые, цилиндрические, конусо- и kommaобразные, октаэдрические. Для усиления блеска камень подвергался термической обработке, из нескольких пород самоцветов для украшения короны и других предметов подбирались бусины различных оттенков.

Письменные источники и стенопись погребений дают нам представление о развитии в трех государствах таких видов декоративного искусства, как ткачество драгоценного материала (например парчи с узором и вставками золотой и серебряной нити), производство богато декорированной одежды для знати из шелковой ткани со сложными узорами, вышивка золотом и серебром по натуральному шелку. Несколько найденных предметов представляют собой лаковые изделия со сложной декоративной росписью, служившие для украшения жилья аристократов. Лакировка деревянного изделия придавала ему прочность и красоту, она сочеталась с инкрустацией деревом, перламутром и металлом.

Разнообразие форм и техническое совершенство многих изделий декоративно-при-

кладного искусства Когурё, Пэкче и Силла говорят не только о возросшем творческом и техническом потенциале общества, тонком вкусе и фантазии мастеров, но и об усложнении технологического процесса, его разделении на отдельные операции; только на такой основе могли возникать столь выразительные и утонченные образцы художественной культуры эпохи Самгук.

Литература и музыкальная культура.

Формирование письменности в IV – VI вв. послужило толчком к появлению первых образцов национальной литературы. Устное творчество корейского народа, его фольклорные традиции были закреплены в ранних прозаических произведениях художественной литературы. К сожалению, как и первые научные и летописные труды, они сохранились лишь в пересказе более поздних авторов или же упоминаниях в японских и китайских произведениях.

В основу ранних произведений повествовательного жанра легло описание исторических событий, письменно оформлялись рассказы и сказания об основании государств и правлении царей, подвигах полководцев и народных героев. Понятно, что повествование о реальных событиях в них перемежалось с народными преданиями и легендами, реальные лица соседствовали с мифическими героями. Мы знаем о нескольких подобных исторических произведениях: «Юги», «Синджиг», «Соги», «Кукса». Влияние конфуцианских мотивов прослеживается на появлении особого жанра корейской литературы – биографии, или жизнеописания, идеальных героев («Сказание об Ондале», «Сказание об Ыльджи Мундоке» и др.). Особенности развития исторического процесса в рассматриваемую эпоху определили главный мотив этого пласта древней литературы – борьбу корейцев с многочисленными внешними и внутренними врагами. Часто прозаическое произведение представляло собой не что иное, как запись устных преланий со сказочными или басенно-сатирическими сюжетами («Заяц и черепаха», «Томи и его жена»), поднимавших бытовые и этические проблемы. На основе народной песенной традиции появляются первые поэтические произведения; известно о стихах «Песнь соловья» Хван Джога* и «Одиноким камень» Чон Бопса*, патристическом стихотворном воззвании «К Юй Чжун-вэю» (авторство приписывается Ыльджи Мундоку), знаменитому когурёскому полководцу времен сопротивления танскому нашествию).

Как и литература, музыкальное творчество в эпоху Самгук отразила раннефеодальный характер социально-экономического развития трех государств. Она четко расслаивалась на два потока: песенную и танцевальную народную традицию и музыку аристократических кругов (или дворцовую), обслуживавшую идеологические и эстетические запросы господ-

ствующего класса. Народная музыка основывалась на древней песенной традиции, поэтому известны преимущественно песни о трудовой жизни простолюдинов («Асо» / «Лесня пряжи»), надеждах на лучшую долю («Пхуннён» / «Богатый урожай»), быте корейской деревни («Содонён»), ставшие прообразом средневекового песенного жанра хянга.

Когурёские фрески подтверждают важную роль музыкальной культуры в жизни аристократии трех государств: на них изображены пиршества и процессии с участием танцевальных и музыкальных трупп, внушительных оркестров. Знать любила смотреть на досуг танцевально-музыкальные представления, дворцовая музыка играла важную роль в различных церемониях. По материалам стенописи гробницы Муёнчхон можно судить о танцевальных жанрах трех государств: игровых, танцах с пением, танцах в масках, сольных, парных и групповых танцах, а также о весьма специфическом виде – танцах с акробатическими элементами (эквилибристикой и жонглированием).

Многие танцевальные номера Когурё отражали военную (танец в маске с мечом) и сельскохозяйственную (танец нори или тосольга) тематику, в Силла и Пэкче очень популярными были танцы в масках тхалчхум. В 80-е гг. в КНДР была осуществлена попытка реконструировать танцевальную и музыкальную культуру Когурё, ее результатом явилось появление очень красивых и пластичных танцев кхалчхум (танец с кинжалами), пукчхум (танец с барабаном), мальчхум (танец когурёских всадников) и др. Через все средневековые южнокорейские мастера пронесли традицию древних этнографических танцев пукхэххум (танец с веерами), пукчхум и, наконец, уникального танца самочхум (танцоры надевали головной убор с длинными узкими лентами и с помощью своеобразных движений головой вызвали их вращение вокруг туловища), аналогов которому нет нигде в мире.

В эпоху Самгук возникают и основные музыкальные инструменты Кореи: каягым, чангу, чоттэ, хэгым и др. Создание национального двенадцатиструнного шипкового инструмента каягыма в VI в. приписывается каяскому музыканту из Силла У Рыку*, создавшему не только сам инструмент, но и 12 базовых мелодий для него. Разновидностью каягыма в Когурё был шестиструнный комунгэ, изготовленный Ван Санакэм* на основе китайского прототипа, причем сложно определить, кому из музыкантов – когурёсцу или силланцу – принадлежал приоритет в его создании. Замечательным национальным инструментом явился двусторонний барабан чангу, выполненный в форме песочных часов; примечательно, что на юге страны на нем сейчас играют и мужчины, и женщины, в то время как в КНДР его относят к раз-

ряду исключительно женских. Преломлением китайской музыкальной традиции считают появление сначала в Когурё, а затем повсеместно двух родственных ударно-шумовых музыкальных инструментов – *пхёнджона* (рама с подвешенными к ней 16 бронзовыми колокольчиками) и *пхёнгёна* (рама с подвешенными к ней каменными или металлическими пластинами). Летописи содержат информацию о 185 мелодиях для *каггума*, 212 произведениях для *пипха* (четырёхструнный смычковый инструмент, одновременно напоминающий и скрипку, и небольшую гитару) и *хэгума* (двухструнный аналог пипха), 860 – для флейты *чоттэ*. На основе нескольких разновидностей духовых, струнных и ударных инструментов в трех государствах создавали многочисленные дворцовые и маршевые оркестры. Одна из фресок Мусёнхон изображает процессию с участием сотни музыкантов, в их оркестре насчитывается 37 духовых и ударных инструментов 13 видов.

Музыке принадлежала значительная роль не только в дворцовых церемониях, она сопровождала повседневную жизнь народа, буддийские богослужения и ставшие предтечей современного театра выступления древних актеров. Массовые народные танцы *тюре нори* проводились под аккомпанемент шумового крестьянского оркестра, прообраза современных самуль нори. Исполнение молитвенных песнопений в буддийских храмах требовало не только специфического музыкального сопровождения, но и следования особому направлению музыкальной культуры. Под игру барабана и флейты выступали актеры в масках, работавшие в жанре музыкального представления *чхоён*, или краткой танцевальной миниатюры на бытовые или сказочные сюжеты. Традиция *чхоён* воспринимается современными корейцами как прототип национального театра. Следует упомянуть и придворные представления *силланских хваранов* в русле патриотической и военной тематики.

Одним словом, музыкальная культура эпохи Самгук пользовалась почетом и уважением в различных слоях общества. Известно также об огромной популярности музыки и танцев трех государств в соседних странах – Китае и Японии. В середине V в. силланский оркестр из 80 чел. побывал в Японии, а в 554 г. четверо музыкантов из Пэкче обучали ее жителей корейской музыке и хореографии.

Послужившая основой для формирования корейской национальной культуры духовная и художественная традиция периода Самгук получила дальнейшее развитие в объединенном силланском государстве, где завершилось формирование раннефеодального общества и начался переход к развитому феодализму.

1.2.5. Культурные связи трех государств

Корейская культура на протяжении многих веков развивалась как один из своеобразных, но не изолированных вариантов дальневосточного культурного комплекса. Эпоха Самгук характеризуется не только общим оживлением культурных контактов корейских государств со странами Дальневосточного региона, но и значительным расширением их сферы. В связях Кореи с Китаем и другим континентальным миром по-прежнему доминирует тенденция интенсивного заимствования культурных достижений и новшеств у более развитой цивилизации, но стихийная культурная диффузия, характерная для Северо-Восточной Азии на стадии неолита и палеометалла, становится более целенаправленной и управляемой.

В сфере материальной культуры наблюдается дальнейшее совершенствование металлургии и обработки бронзы и железа под влиянием китайских мастеров. Особое влияние китайского фактора ощущалось в сфере городского хозяйства, прежде всего в области планировки города. Градостроители Когурё, Пэкче и Силла осознанно подражали китайскому образцу при возведении столиц трех государств – Пхеньяна, Хансона и Кёнджу. Влияние великого соседа сказывалось не только на общем характере корейских городов, но и на планировке дворцов и административных зданий. Китайский стиль отличал форму и орнамент черепицы, другую отделку и структуру сооружений. Знаменитый антефикс, стилизованный под цветок лотоса, обычен для китайского градостроительства.

Архитектура многих погребальных сооружений основана на китайских линейных мерах. Каменные камеры горизонтального типа в когурёских курганах воспроизводят китайские аналоги, тоннели со сводчатым потолком в погребениях Пэкче сходны с южнокитайскими образцами. В то же время алтайско-монгольским влиянием отмечены деревянные погребальные камеры, колодезный потолок восходит к центральноазиатскому типу. Следует отметить наличие на Корейском полуострове курганных насыпей особой формы в виде замочной скважины, которую считают характерной для Японии.

Заметное воздействие на монументальное и изобразительное искусство трех государств оказало китайское искусство, начиная с эпохи Хань. Дворцовый комплекс Анхаккун в Когурё и каменная пагода храма Пунхванса (634 г.) служат примерами монументальных сооружений, воспроизводивших типичные черты культовых и дворцовых ансамблей Китая. Вся религиозная архитектура и скульптура трех государств по происхождению и стилю были явно китайскими, по крайней мере на раннем этапе распространения буддизма в Корею, поскольку

он проникал сюда в китайском воплощении. Позднее на его основе сформировался собственный, корейский, стиль, но и он оставался в сфере китайского культурного влияния.

Живописная традиция трех государств, прослеживаемая с курганных фресок Когурё, имеет символику и мифологические сюжеты китайского происхождения. Недостаточное знание буддийского канона привело к тому, что на фресках и некоторых ранних буддийских изображениях Кореи буддийские мотивы не всегда достоверны, поэтому их следует признать лишь опосредованно китайскими.

Для произведений прикладного искусства эпохи Самгук характерны многие элементы иных культур. Знаменитые силланские короны из бронзы и золота сопоставимы с сарматскими диадемами Южного Приуралья, относящимися к III в. до н.э. – III в. н.э. Украшения нескольких корон Силла в виде «стоящего дерева» или рога на головных уборах когурёсцев аналогичны искусству кочевников Северо-Западной Азии. Под китайским влиянием возникла в Корее традиция украшать одежду и головные уборы нефритовыми коммобразными подвесками или миниатюрными изделиями в виде золотых «букетов» и рыбок. Силланские ювелиры заимствовали через Лолан технологию филигрانی и зерни, сложившуюся в Китае под греческим и ближневосточным влиянием. Еще более уникальным свидетельством контактов трех корейских государств с дальними странами является находка в силланских курганах кубков из цветного стекла с нанесенной аппликацией (курган Кымгванчхон), относящихся к позднему периоду Римской империи, и александрийского стекла IV в. (погребение □ 98).

Керамика эпохи Самгук, и особенно лощеная, а также покрытая свинцовой глазурью, достаточно близка к китайской черной и коричневой глазури. Она стала основой для производства известной керамики «силланского обжига» (V – VII вв.), ставшей предтечей знаменитого селадона Корё. Многие погребения трех государств содержат керамические предметы собственно китайского происхождения, попадавшие на полуостров сначала через Лолан, а затем – напрямую из Китая.

Интенсивный обмен с внешним миром вели корейские племена, а затем ранние государства полуострова и в области духовной культуры и идеологии. Среди важнейших заимствований из Китая следует, в первую очередь, назвать натурфилософию и основы научно-технического знания, в том числе китайских приемов плавки, литья и обработки металлов, изготовления бумаги. Древние корейцы пользовались астрономическими трудами и небесными картами, медициной и фармакопеей великого соседа, усвоили китайские представления о Вселенной, китайские системы летоисчисления, мер и ве-

сов. Проникновение иероглифической письменности в Корею способствовало утверждению здесь примерно с IV в. в качестве основных религиозно-философских произведений конфуцианского Пятикнижия и буддийских сутр. После принятия буддизма многие монахи трех корейских государств выезжали на обучение за границы, почти все знаменитые буддисты-наставники из Силла долгое время жили в Китае, а некоторые корейцы даже совершили паломничество в далекую Индию. К их числу относился монах из Пэкче Кёмик, совершивший в период правления короля Сона (523 – 554 гг.) длительное путешествие на Индостан. Он вывез из Индии большое количество священных книг, которые впоследствии под его руководством были переведены на древнекитайский язык. Некоторые корейцы оставили заметный след в развитии буддизма собственно в Китае. Так, выходец из Когурё Сыннан* стал одним из ведущих теологов китайского буддизма и основал секту Саммондзон («Три трактата»).

Массированное воздействие китайской идеологии и духовности способствовало широкому распространению китайской классической философии, буддийской и лаосской религиозных систем. Тем самым уже на ранней стадии формирования корейского этноса и государственности была предопределена его судьба как составной части конфуцианского культурного комплекса. Параллельно с распространением конфуцианства шел процесс опосредованного (через Китай) знакомства корейцев с миром индийской культуры, существенно повлиявшей на изобразительное искусство не только трех государств, но и их наследников в лице Объединенного Силла и Корё. Этому способствовало появление на полуострове религиозной литературы и закрепление эстетических канонов буддизма.

Наибольшей активностью в развитии внешних контактов отличалось государство Пэкче, которое в середине IV в. даже организовало вооруженное вторжение на китайский полуостров Шаньдун и в некоторые районы японского о-ва Кюсю. Таким образом, в ареале культурных контактов Пэкче оказалась огромная территория, простирающаяся от китайского побережья Бохайского залива до Японского архипелага. Влияние Пэкче здесь стало постепенно ослабевать после середины V в. в связи с нарастанием военной мощи Когурё. Особые отношения сложились между японскими княжествами и каяской общиной на юге Кореи: вплоть до поглощения силланским государством Кая выполняло функцию активного проводника японского культурного влияния на полуострове.

На протяжении многих веков Корея не только была реципиентом достижений китай-

ской культуры, но и сама способствовала ее распространению в Японии. Понимать роль полуострова в этом процессе лишь как пассивного посредника было бы ошибочным, поскольку корейские племена и государства служили передаче культурных ценностей из Китая в Японию не только механически. Зачастую достижения китайской цивилизации приходили на Японские о-ва в модифицированном виде, кроме того, японцам передавались и собственно корейские материалы. Таким образом, было бы ошибочным ограничиваться признанием лишь нейтральной и транзитной роли Кореи.

Так же, как и корейская, культура древней Японии являлась особым, но не изолированным вариантом общего дальневосточного культурного комплекса, основанного на материальных и духовных достижениях китайской цивилизации. Нас в первую очередь интересуют те ее черты, которые позволяют проследить культурные контакты с Кореей. Древность обеих стран дает нам немало ярких и неоспоримых свидетельств культурной диффузии, которая, несомненно, характеризуется встречным потоком, но доминирующим его направлением являлось материковое влияние на Японию.

В японской материальной культуре периодов Яёй и Ямато прослеживаются такие общие с корейской культурой черты, как элементы градостроительства: создание внутри укрепленных поселений крепостей-убежищ, система оборонительных сооружений и городской планировки (примером может служить резиденция Асука, многое заимствовавшая из планировки силланской столицы); планировка буддийских храмов (японский храм Асукадэра построен по образцу когурёского храма конца V в. Кымганса); курганы Ямато имеют сходную внешнюю конфигурацию (огромные каменные, в том числе двойные насыпи, а также внутреннее обустройство погребальных камер, в том числе аналогичные фрески и ритуальный инвентарь).

В III – VI вв. государства Корейского полуострова снабжали японцев железом, обучали их литейным технологиям. Строители из Пэкче принимали участие в создании буддийских храмов, портов и других сооружений в Японии. Переселенцы с полуострова принесли сюда культуру разведения шелковичного червя, обжига керамики *сюэги*, ряд архитектурных и технических приемов. Они достаточно компактно проживали в ряде районов о-ва Кюсю и пользовались значительным влиянием в политической и культурной жизни Ямато. Начавшееся в IV в. переселение древних корейцев в Японию коснулось не только ученых и технических специалистов, но и обычных крестьян, привнесших на острова собственную агротехнику. Усилиями выходцев из Пэкче и Когурё во главе с Як Кваном* был освоен малоприспособленный для земледелия район Мусасию (окрестности со-

временного Токио), таким образом японцы впервые познакомились с искусством мелиорации. В первой четверти IV в. корабельщики и строители из Кореи участвовали в сооружении гавани в устье р. Ёдогава. Южнокорейские историки постоянно подчеркивают роль корейских переселенцев в распространении на Японских островах поливного рисоводства и железной металлургии.

Многие предметы материальной культуры древней Японии схожи с корейскими аналогами или даже имеют корейское происхождение. Керамическая посуда «силланского обжига» послужила основой для появления на островах керамики *сюэги*. Ранние бронзовые зеркала с изображениями небожителей и животных (яп. – *санкакуэн синдзюкё*), появившиеся во III – II вв. до н.э., имели явно материковое происхождение и, по мнению ряда исследователей, изготавливались на Корейском полуострове. Данный перечень может быть дополнен коммобразными бусами, бронзовыми и железными мечами. Широко известный семизубцовый меч, имевший ритуальное назначение, был прислан в Японию как подарок вана Пэкче. Более того, знаменитая триада священных символов императорской власти (яп. – *сансю-но дзинки*): зеркало, меч и яшмовая подвеска – имеет прототип в шаманистических представлениях корейского народа, наделавшего каждый из ее элементов особым сакральным смыслом.

Исторические факты свидетельствуют о том, что сначала каяские общины, а затем государство Пэкче пытались создать политический союз и культурно-религиозную унию с Японией. С этой целью практиковались взаимные посольства, дворцовые браки, стимулировалось взаимное перемещение населения, японские государи оказывали своим союзникам на полуострове военную помощь в их противостоянии силланскому натиску. Ученые из Пэкче Ван Ин и А Джинки обучали японцев китайской письменности. Теологи Тан Яньи* и Ко Анму* положили начало распространению здесь конфуцианской философии. Упрочение взаимных политических и культурных контактов привело к тому, что в середине VI в. король Пэкче Сон передал союзнику символы буддийской веры – сутры и статуи, отправленные в Японию вместе с проповедником Нориса Чхиге*. Одновременно с религией на острова проник пэкческий вариант буддийской культуры, трансформировавшийся здесь в искусство периода Асука. Огромную роль в формировании японского буддизма на ранней стадии сыграли монахи из Когурё и Пэкче Хеджа* и Хечхон*, служившие наставниками наследного принца Сётоку.

Связи с Пэкче повлияли на распространение в Японии научных знаний в области философии, медицины, астрономии, географии, искусства, литературы, ремесел и техники. Через Корею Япония в III в. познакомилась с китай-

ской письменностью и классической литературой, содержащей философские, естественно-научные и религиозные знания. В V в. ученые Пэкче привезли на острова китайские календари, медицинскую литературу, способствовали распространению геомантии. Первая половина VII в. ознаменовалась распространением в Японии также через посредничество Пэкче астрономической и математической литературы. Испытало корейское воздействие и искусство Японии: архитектура, скульптура, живопись, прикладные ремесла. Оно связано с проживанием и работой на островах большого количества мастеров из трех государств. В 605 г. корейские литейщики помогали создавать первую японскую статую бронзового Будды. В 610 г. в Японию прибыл когурёсец Танджин (яп. – Донгэ), который не только участвовал в росписи храма Хорю, но и преподавал здесь живопись и классическую китайскую литературу.

Основой для развития изобразительного искусства здесь так же, как и в Корее, становится буддизм. С формированием государственности на Корейском полуострове буддизм взял на себя интегрирующую роль, нивелировавшую разницу в культурных традициях Когурё, Пэкче и Силла. Буддийское вероучение и искусство способствовали дальнейшему взаимному притяжению Китая, Кореи и Японии. Степень восприятия китайской культуры и буддийской религиозно-философской системы позволила Корее стать вторым после Китая центром дальневосточной культуры и источником важнейших цивилизационных заимствований для Японии. Политическое объединение трех корейских государств во второй половине VII в. еще более способствовало развитию данного процесса и явилось закономерным результатом длительного периода этнокультурного синтеза корейского народа.

1.3. Культура Объединенного Силла

Государство Объединенное Силла (Тхониль Силла) существовало на территории Корейского полуострова с конца 60-х гг. VII в. до 935 г. В первые десятилетия ему угрожала Танская империя (618 – 907 гг.), оставшаяся недовольной распределением плодов совместной с Силла борьбы против Когурё и Пэкче. В ответ на угрозу захвата Кореи танскими войсками силланцам удалось привлечь на свою сторону покоренных соотечественников; народы Силла, Пэкче и Когурё единой силой выступили против иноземных завоевателей. Военные столкновения длились до 677 г., в итоге проблема решилась в пользу силланцев. Китайцы покинули бывшую когурёскую столицу Пхеньян и передали Объединенному Силла земли к югу от р. Тэдонган, отказавшись от претензий в отношении бывшего Пэкче. Однако окончательно отноше-

ния между Силла и танами были урегулированы в 735 г., когда Танская империя признала силланские границы, а Силла приняла на себя вассальные обязательства по отношению к Китаю. Режим вассальной зависимости Кореи от Китайской империи просуществовал до 1894 г.

Вассальные отношения Китая и Кореи существенно ускорили культурный обмен между двумя странами, на этапе Объединенного Силла окончательно сформировалась раннефеодальная культура Кореи, принявшая за образец для подражания богатейшую танскую культуру. Проникновение буддизма и конфуцианства в Корею еще более усилило взаимное притяжение культуры двух стран. Возвышение буддизма как государственной религии способствовало не только объединению страны, но и окончательному единению материальной и духовной культуры корейцев, ставшему основой формирования к X в. единой корейской народности. Распространение новых религиозных и идеологических систем не привело к полному исчезновению политеистических культов местного происхождения: утратив прежнее значение, они сохранялись в народной традиции и даже в среде господствующего класса.

Конфуцианская система образования и науки, буддийское в своих основных чертах изобразительное искусство в Объединенном Силла продолжали развиваться в привычных для предыдущей эпохи направлениях. В то же время после объединения страны предпринимались меры для упрочения государственной власти, преодоления былой обособленности отдельных районов и этнических групп полуострова. Условия централизованного государства стимулировали дальнейшее формирование корейской народности, страна впервые достигла полного этнокультурного и государственного единства. Объединение большей части земель Корейского полуострова под властью Силла во второй половине VII в. создало объективные предпосылки для формирования древнекорейского этноса и его культуры.

Идеологи КИ ИДР упорно игнорируют факт единения корейского народа под силланской эгидой, за древним и первоначально южнокорейским государством не признается право на политический и культурный приоритет на всем полуострове. Исходя из своего когурёцентристского понимания древней истории, ученые Северной Кореи объявляют себя преемником Древнего Чосона и Когурё, поэтому корейская культура в их понимании – это культура Когурё. Замалчивая роль силланского субэтноса в этнокультурной консолидации корейцев, они непомерно преувеличивают когурёскую составляющую в культуре государства Бохай. Бохай противопоставляется Силла как культурный наследник Когурё, осуществлявший контроль над частью северо-восточных районов современной Кореи. Однако объективный взгляд на реалии

прошлого заставляет большинство трезвомыслящих историков мира признать этногеногенную роль Объединенного Силла и сохранение доминирующего положения силланской культуры в последующие периоды корейской истории.

Государство в Объединенном Силла продолжило сложившуюся в эпоху Самгук традицию абсолютной монархии с явно выраженным теократическим элементом: неограниченная власть вана сочеталась с его особым положением в системе культовых и общественных отношений. Как и на ранней стадии существования Силла, королевская семья поддерживала миф о своем родстве с самим Буддой, но даже этого было мало для освящения власти. Потребности нового централизованного государства привели к особому его покровительству по отношению к конфуцианской идеологии. Конфуцианский компонент в культуре Объединенного Силла представлен гораздо значительнее, чем в трех государствах.

Основы материальной культуры, сущность социально-экономических отношений в Объединенном Силла, общественные и хозяйственные процессы практически совпадают с социально-экономическими характеристиками Кореи в период трех государств. Раннефеодальный строй на основе принципа государственной собственности на землю и надельной системы закрепляется и совершенствуется; в 687 и 722 гг. он получает юридическое оформление в виде законов о чиновничьих (*ногып*) и крестьянских (*нонджон*) наделах. Однако созданное для корпоративной и централизованной эксплуатации крестьянской массы, государство сохраняло свою силу лишь до тех пор, пока работал принцип полного контроля властей над земельным фондом. Раздача земли в частное владение, рост частнособственнических настроений и сокращение свободного фонда государственной земли подрывали материальную основу Объединенного Силла. Государственный феодализм постепенно приходил в упадок, вместе с ним рухнуло и само Силла.

Под давлением феодального сепаратизма на рубеже IX – X вв. Объединенное Силла распадается на три княжества – Хубэкче (Позднее Пэкче), Позднее Корё, т. е. Когурё (неоднократно переименованное в Маджин, затем в Тхэбон) и остатки Силла. Этот период феодальной раздробленности на Корейском полуострове именуется Поздним Троецарствием (Хусамгук) и длится с конца IX в. до 935 г., когда усилиями Ван Гона (877 – 943 гг.), одного из лидеров Тхэбона, корейское государство вновь воссоединится.

Преемственность и фактическая идентичность материальных культур Объединенного Силла и трех государств позволяют нам перейти к характеристике духовной и художественной культуры Объединенного Силла.

1.3.1. Развитие духовной культуры Объединенного Силла

Несомненный подъем в области культурного строительства, прослеживаемый в Объединенном Силла с начала VIII в., связан с экономическим ростом на рубеже VII – VIII вв. и новыми условиями для формирования единой народности, созданными слиянием трех государств под силланской эгидой. Развитие производительных сил единой Кореи на раннефеодальной основе, стабилизация социально-экономического и политического строя Объединенного Силла, появление общенационального языка и формирование единого культурного пространства – все это привело к появлению новых примечательных культурных достижений.

Религия, образование и идеология.

Религиозная и идеологическая область общественных отношений претерпела некоторую трансформацию по сравнению с предыдущим периодом. Она по-прежнему основывалась на сочетании исконно корейских элементов (например, веры во всевозможных духов или культа первопредка) с идеями буддизма, даосизма и конфуцианства. Однако происходит дальнейшее разделение сферы их ответственности: оставаясь официальной религией, буддизм не только определял развитие художественной культуры Объединенного Силла, но и оказывал нарастающее духовное воздействие на народные массы; конфуцианская доктрина укрепилась в среде господствующего класса и начинала играть более значительную роль в качестве государственной идеологии; даосизм по-прежнему оставался на «задворках» силланского общества, оставляя за собой лишь мистическую часть литературной и художественной традиции.

Сыграв важную роль при объединении страны, буддизм, как никогда раньше, пользовался поддержкой со стороны властей. Они видели в нем не только цементирующую силу для поддержания государственного единства, но и инструмент духовного воздействия на народ с целью сдерживания его недовольства дальнейшим насаждением феодальных отношений. Однако буддизму пришлось преодолевать многочисленные препятствия, связанные с принципиально иной по сравнению с исходной социокультурной средой, в связи с этим на полуострове возник ряд местных буддистских школ; процесс распространения буддийского культа в Объединенном Силла сопровождался его дальнейшей дифференциацией и образованием нескольких сект. Первые буддистские секты появились в Силла на рубеже VI – VII вв.; пять махаянских сект продолжали существовать и в Объединенном Силла, но в VIII в. ортодоксальные буддисты еще более разошлись по вопросам толкования канонических текстов, и вместо пяти направлений возникло восемь сект орто-

доксального буддизма. Им противостояли девять неортодоксальных школ, пытавшихся дать буддийскому учению собственную оригинальную трактовку в духе дзэн-буддизма. В историю Кореи они вошли под названием кубон, или кусан (букв. – «девять гор»), т. к. приверженцы новых направлений именовали себя по названию горных местностей, где находились обители их основоположников. Школы корейского буддизма столь значительно адаптировались к местным условиям, что в них можно обнаружить ряд специфических особенностей, существенно отличающих их от традиционного индийского буддизма.

Закрепившийся в Корее в эпоху Самгук махаянский буддизм представляет собой сложную динамичную систему, включающую в себя четыре компонента: религиозный, философский, политический и этический; каждый из них имеет нефиксированный набор собственных подсистем – культовые обряды, философские доктрины, мораль и т. д. Политическая составляющая буддизма обусловила возможность его функционирования на Корейском полуострове в качестве официальной идеологии, однако этому предшествовало становление религиозно-культового компонента. Естественно, что как полноценная динамическая система буддизм закреплялся здесь поэтапно, и развитие той или иной его подсистемы было обусловлено местными факторами. По мере распространения буддийской идеологии в Дальневосточном регионе на первое место выдвигались те его составляющие, которые были способны к максимальной адаптации к местным условиям; другие же – до поры до времени занимали периферийные позиции. В силу этих причин на начальном этапе распространения буддизма в Корее на передний план вышла культовая сторона учения.

В период Объединенного Силла на полуострове окончательно закрепились три типа буддийских верований, определивших характер корейского буддизма: культы будды Бхайшаджья-гуру (Учитель Врачевания), будды Амидахи (Амиды), а также бодхисаттвы Майтрейи. Они объединены общей чертой – исключительным значением культовой стороны в религиозной практике, усиленной местными традициями и племенными верованиями древних корейцев. Указанная особенность определила лицо корейского буддизма как народной религии («низового», или популярного, буддизма), противостоявшей «чистому», или элитарному, учению, основанному на метафизическом и философском компонентах. Культовая сторона буддизма определяла прежде всего мировоззрение его приверженцев и в меньшей степени отражалась в религиозных сочинениях, что затрудняло становление корейского буддизма и его изучение нашими современниками.

С целью преодолеть теоретическую отсталость местных буддийских школ некоторые монахи-путешественники из Кореи посетили религиозные святыни Китая, Индии и других стран. История сохранила имена силланца Ариябармы (первая половина VI в.), монахов Хэнтхэ и Хечхо (начало VIII в.), прославившихся не только дальними поездками, но и своим вкладом в развитие буддийского учения в Корее, переводами на китайский язык многих ранее не доступных даже для китайцев санскритских сочинений. Многообразие буддийского мира стимулировало корейцев к поиску собственного места в системе религиозных представлений махаяны. Появились проповедники Ыйсан (625 – 702 гг.), Вонхэ (617 – 686 гг.) и многие другие, самобытно толковавшие дух и букву учения Будды. Благодаря поддержке влиятельных аристократических кругов особенно широкое распространение получило рационалистическое учение Ыйсана, выступавшего за активное участие буддистов в мирских делах и отстаивавшего идею об избранности аристократии и богоданности власти. На основе его вероучения развивалась школа кваом[дзон] (кит. – хуаянь), провозгласившая своей основой сутру «Аватамаска». К числу новых махаянских школ принадлежало и «Учение о Чистой земле», созданное другим популяризатором буддизма, Вонхэ; в своих духовных поисках он пытался синтезировать идеи различных направлений, опираясь на помошь будды Амидахи, избранного главным божеством секты.

В Объединенном Силла впервые прослеживаются ранние формы двух основных направлений корейского буддизма: сонджон и кэджон. Объединявшая восемь ортодоксальных махаянских сект школа кэджон видела свою задачу исключительно в токовании буддийских канонических текстов и не имела существенного влияния в обществе, хотя и рассматривалась государством как основное направление вероучения. Школа сонджон сродни чань- или дзэн- (в японском варианте) буддизму, основанному на созерцательном отношении к окружающей действительности. Известное еще с эпохи Самгук, учение дзэн-буддизма широко распространилось в Силла в IX в. На его основе выделилась школа сонджон, почитавшая в качестве главного буддийского инструмента технологию медитации и единения с природой. Девять сект этой неортодоксальной буддийской доктрины пользовались поддержкой влиятельных кланов на местах, поскольку они противостояли центристским устремлениям официального буддизма, служившего интересам столичных властей. Школа сонджон солидаризировалась с сепаратизмом провинциальной феодальной знати, хотя и провозглашала отстранение от мирской суеты.

Своеобразным сплавом буддийских, даосских и конфуцианских представлений в период Объединенного Силла отличалась идеология хваранов, сыгравшая важную роль в борьбе за единение корейских государств и против танских агрессоров. Вышедшие из их среды Ким Юсин (595 – 673 гг.) и другие полководцы способствовали распространению патриотической и воинской традиции силланских хваранов на территории всего полуострова. После окончания войн с империей Тан в идеологии хваранов усилились конфуцианские мотивы, отвечавшие потребностям централизованного феодального государства.

Задачи укрепления централизованного государства выдвигают на первый план конфуцианскую доктрину, которая задолго до основания Объединенного Силла уже разработала принципы государственного управления и теорию социального устройства. Силланские власти вооружились конфуцианской теорией государственного строительства и практическими рекомендациями по организации управления в стране. На первое место выдвигались задачи подготовки силланских чиновников в конфуцианском духе. С этой целью во время правления вана Синмуна (681 – 692 гг.) в столице были созданы сначала специальное ведомство по проблемам образования со штатом ученых, получивших конфуцианскую подготовку и способных преподавать классическую китайскую литературу и основы конфуцианства, а затем, в 682 г. – высшая школа Кукхак для подготовки государственных чиновников. Преподававшие в ней ученые получили докторскую степень пакса, а их ассистенты – чоге. Занятия проводилось на основе конфуцианской классики «Луньюй» и «Сяо цзин», обучались в школе выходцы из аристократических семейств в возрасте от 15 до 30 лет.

Постепенно являвшееся ранее лишь элементом в системе воспитания хваранов конфуцианство трансформируется в доминирующую идеологию. В правление вана Вонсона (785 – 798 гг.) складывается государственная система подготовки чиновников. С 788 г. их подбор осуществлялся уже не на основе воинской доблести, личных умений или знатного происхождения, как это было принято в предшествовавший период, но по результатам экзамена токсо чхульсинхва на знание классической литературы и канонов конфуцианства. Подготовкой и подбором чиновников занималось специальное ведомство, присваивавшее выпускникам Кукхак один из трех рангов; назначение на должность и продвижение по службе всецело зависело от полученного разряда. В дальнейшем эта традиция будет закреплена в системе конфуцианских экзаменов на получение чиновного ранга (экзамен кваго). С введением государственного экзамена усилился отток знатной молодежи в

Танскую империю для получения конфуцианского образования.

В условиях кризиса центральной власти во второй половине IX – начале X в. монопольное положение конфуцианства несколько пошатнулось. Об этом свидетельствует популяризация даосского учения Лао-цзы и Чжуан-цзы на силланской периферии, а также увлечение представителей местных феодальных кругов китайской геомантией. Это мистическое учение утверждало о том, что здоровье, благополучие, богатство и процветание не только семьи, но и государства целиком зависят от правильного выбора места для жилья, захоронения и главной резиденции правителя. Сепаратистские настроения влиятельных кланов, таким образом, освящались теорией геомантии, позволявшей им утверждать, что правивший дом Силла неудачно избрал место для столицы, что привело к упадку страны.

Научное знание. Потребности государственного управления и развития феодальной экономики сказались на состоянии силланской науки и технической мысли. Ученые Объединенного Силла занимались изысканиями в области практических знаний: математики и астрономии, медицины и естественных наук, обслуживавших прежде всего сельское хозяйство. Математика была призвана унифицировать и развить систему счета и измерений. Астрономия продолжила совершенствование правил летоисчисления и определения времен года, занималась прикладными метеорологическими наблюдениями. В 718 г. в Кёнджу создана астрономическая палата Нугакчон («Палата водяных часов», названная по одной из основных функций – контролю за работой главного силланского прибора для отсчета времени – больших водяных часов Нугак), в задачу шести чиновников палаты входило составление и исправление календаря, а также наблюдение за светилами. Особым покровительством властей пользовались также военное искусство и юриспруденция, контроль за развитием последней осуществляло специальное юридическое ведомство Юллёнджон.

Период Объединенного Силла знаменуется чрезвычайно широким распространением «магического» знания – различных суеверий, бытовой магии и основанного на даосизме и геомантии чернокнижья. Ведущее место занимала пришедшая из Китая геомантия; ее идейное значение было рассмотрено выше, но геомантия представляла собой и определенное направление научного поиска, в основе которого лежали представления о благоприятных и неблагоприятных факторах окружающего мира, прежде всего местоположения. Главной ее задачей являлось определение такого места для жилья и погребений, которое обеспечивало бы максимальную благосклонность природных сти-

хий и духов. Благоприятное сочетание окружавших человека гор и вод, с точки зрения геоманта, могло обеспечить достаток и процветание не только отдельно взятым людям, но и государству в целом. Примечательно, что в сознании и произведениях многих силланских ученых реальные науки прочно сплелись с теорией геомантии.

1.3.2. Художественная культура Объединенного Силла

Литература. В тесной связи с религиозными и илевыми представлениями феодальных кругов развивалась литературная традиция Объединенного Силла, распадавшаяся на два основных потока: буддийский и светский, основанный на конфуцианской традиции. Буддийская литература ограничивалась пространственными комментариями канонических сутр и популярных проповедей, а также жизнеописаниями отцов и наиболее прославившихся адептов буддийской церкви («Косынджон» / «Повесть о высших священниках», Ким Тэмун*, начало VIII в.). Комментариями к религиозным текстам занимался автор фонетической транскрипции корейского языка иду Сольчхон, сын упомянутого выше буддийского проповедника Вонхё. Система иду позволяла передавать не только смысловое значение китайских иероглифов (хун), но и их звучание на корейском языке (ым). Других имен религиозных авторов не сохранилось. Несколько в стороне от привычных буддийских трактатов стоит сочинение монаха Хенхо «Ваньо чхончхуккук чжон» / «Повесть о посещении пяти индийских царств» (примерно 727 г.), в котором автор в жанре путевых заметок описывает свое многолетнее путешествие в Индию, Иран, Сирию и Среднюю Азию.

Конфуцианская литература представлена шире, ее авторы писали на китайском языке и лишь изредка прибегали к транскрипции иду. Распространение знаний и литературных произведений способствовало созданию в Корее произведений на корейизированном китайском языке – ханмуне. Крупный конфуцианский литератор Кансу* прославился своим мастерством в составлении официальных бумаг и дипломатических документов. На древнекитайском языке творил Ким Тэмун, который не ограничивался буддийской тематикой, но создал несколько светских бытовых произведений – «Керим чапчжон» / «Мифы страны Керим», «Хваран сегит» / «Записки о хваранах». Последний труд основан исключительно на конфуцианских подходах и повествует о добродетельных деяниях и патристических настроениях нескольких поколений хваранской семьи. Особенно славилась силланская литература в период правления вана Сондока (780 – 785 гг.), прославившего покровителем конфуцианских литераторов.

До наших дней дошли почти полтора десятка поэтических произведений эпохи Объединенного Силла, продолжавших песенную традицию трех государств каё, или хянга (букв. – «деревенская песня»). Так назывались стихотворные произведения на древнекорейском языке, записанные с помощью иду. С их появлением связывают возникновение и развитие первых поэтических форм в корейской литературе. Из стихов хянга составлялись сборники хяньчхаль, 14 произведений дошли до наших дней в «Самгук юса», еще 11 воспроизведены в антологии «Кюнёджон» / «Сказания Кюнё», относящейся к периоду Корё.

Хянга состояли из четырех, восьми или десяти строк; самой архаичной формой являлся четырехстрочный хянга, именно он считается прямым преемником каё. Десятистрочный стих разбивался на три строфы: четырех-, четырех- и двустрочную – и представлял собой самую развитую в то время поэтическую форму. Китайская прозаическая литература культивировалась в аристократической среде, а поэзия хянга широко распространилась среди простолюдинов. Авторами хянга были и буддийские монахи (Вонхё, конец VII в.; Юнчхонса, Вольмёнса, Чхундамса и Ёлджэ, VIII в.; Тэгу Хвасан, IX в.), и светские поэты-хвараны (Тыгоок, VII в.; Синчын, Евоп, Ехын, Кевон и др., IX в.). Для хваранского десятистрочного хянга характерно выражение патристических эмоций и религиозных чувств, например Тыгоок в стихотворном произведении «Песнь о Чукчиране» воспевал доблести прославленного чиновника и призывал следовать его примеру самоотверженной службы родине. Буддист Чхундамса в «Песне об успокоении народа» отстаивал идею о гуманном правлении государя. О развитии и популярности песенной поэзии хянга свидетельствует антология «Самдэмоок» / «Произведения [для] трех поколений», составленная в 888 г. поэтом Тэгу Хвасаном и первым министром ванского двора Вихоном; по дошедшей до нас информации в сборник вошло более тысячи произведений.

В последние десятилетия существования Объединенного Силла жил и занимался поэтическим творчеством знаменитый конфуцианский ученый и литератор Чхве Чхивон (858 – 951 гг.), создавший множество разноплановых по тематике стихотворений о красоте Кореи и своей «малой родины» («С кистью в руке»), человеческой судьбе и предназначении. Сквозь все творчество Чхве Чхивона проходит тема сочувствия страданиям простого человека («Могилы двух женщин»). Нашим современникам известен свод его произведений «Кевон пхильгён» в двенадцати томах. Чхве Чхивон заслуженно прославился не только на родине, в Китае он пользовался репутацией маститого поэта и писателя. Его поэтическое наследие сказалось на станов-

лении и развитии последующих поколений корейских сочинителей.

Особое место занимает устное народное творчество, сосредоточившее внимание на сатирическом воспроизведении нравов, царивших в среде господствующего феодального класса. Известны предания «Пан И и его брат», «Колокол Эмиллэ», острая сатирическая миниатюра «Уши короля похожи на уши осла». Некоторые образованные люди, следуя фольклорной традиции, создавали басенные произведения, направленные против существующих порядков («Совет пострела», Сольчхон).

Развитию силланской литературы способствовало изобретение ксилографии как первого метода печатания книг. У истоков книгопечатания стояли буддийские монахи монастыря Пульгукса (окрестности г. Кёнджу), здесь внутри каменной пагоды Сокка середины VIII в. была обнаружена буддийская сутра «Дхарани», отпечатанная ксилографическим способом в период между 704 – 751 гг.; корейские ученые считают ее самой древней ксилограммой в мире. Текст сутры был отпечатан на коре шелковицы бумажной и занимал 13,5 листов общей длиной 7 м.

Музыкальная культура. Музыка и хореография Объединенного Силла продолжили лучшие традиции эпохи Самгук. Силланские музыканты пользовались изобретенными в трех государствах инструментами: струнными (комунго, каягым, пипха, хэгым) и духовыми (тэхам, чунхам, сохам) – позволявшими создавать и воспроизводить сочинения широкого акустического диапазона. В Объединенном Силла продолжал свой творческий путь создатель комунго известный когурёский музыкант Ван Санак; его перу принадлежит более ста музыкальных произведений. Патриархом силланской музыки признан Ок Пого*, заложивший основы нового музыкального жанра – вокально-танцевального представления, в котором принимали участие до трех – четырех музыкантов-аккомпаниаторов, два – три танцора и несколько вокалистов. Таким образом появляются вокально-танцевальные группы – новое явление музыкальной культуры Кореи. Летописи сообщают о музыкально-хореографическом произведении «Санэгым», исполненном в 807 г. группой танцоров, одновременно игравших на комунго и исполнявших песню. Сохранились древние тексты народных песен «Напсори» и «Чинсори», танцы тапчхум, каму (танец со свирелью), санэму (танец и сольное пение). В одном из поэтических произведений Чхве Чхивона «Хяньак чжабён» упоминаются пять разновидностей танцев в масках тхальчхум.

Хореография и музыка Объединенного Силла по-прежнему оказывали существенное влияние на музыкальное искусство Китая и Японии.

Живопись, скульптура и каллиграфия.

В различных видах изобразительного искусства и архитектуре Объединенного Силла происходит дальнейшее освоение традиций художественной культуры Самгук. Комплексное развитие живописи, скульптуры, декоративно-прикладных ремесел и архитектуры определялось их тесной связью с буддийской идеологией и культом, этим объясняется исключительно буддийская направленность силланского искусства.

Живопись Объединенного Силла изучена крайне слабо, поскольку творения силланских художников практически не сохранились. Письменные источники сохранили рассказ о выдающемся мастере VII в. Сольго, ему принадлежат росписи на стенах храма Хваннёнса и иконографические портреты буддийских божеств – Авалокитешвары (храм Пунхванса, г. Кёнджу) и бодхисатвы Юма (храм Тансокса, г. Чинджу). «Самгук саги» сообщает, что в 921 г. монах Чонхва* из храма Хыннюнса (г. Кёнджу) написал портрет бодхисатвы Похён, оцененный современниками как подлинный шедевр буддийской иконографии. Произведение погибло в XIII в. во время монгольских нашествий на Корейский полуостров. В Танской империи широкой известностью пользовались живописные произведения силланского мастера Ким Чунь*. Общее представление об уровне развития силланской живописи, одаренности и самобытности художников и некоторой ограниченности изображаемых сюжетов можно получить на основе изучения барельефной скульптуры и ряда изделий прикладного искусства эпохи Объединенного Силла.

К концу VII в. характерные для скульпторов трех государств различия были окончательно утрачены, и сформировался общий для всего Корейского полуострова стиль, основанный, прежде всего, на танской эстетике. Мастера Объединенного Силла не только продолжили традиции монументальной каменной скульптуры и бронзовой буддийской пластики эпохи Самгук, но и создали в VII в. новое направление – наскальную скульптуру, возникшую, вероятно, как подражание грандиозным буддийским изваяниям наскальных храмов Китая и Индии.

К наиболее известным каменным изваяниям раннего периода Объединенного Силла следует отнести статуи хранителей врат в храмах Сачхонванса и Сокчанса (середина VII в.). Главным шедевром круглой каменной скульптуры Объединенного Силла по праву считается трехметровая статуя сидящего будды Шахьямуни в центре пещерного храма Соккурам (Северный Кёнсан, VIII в.); она выполнена из светлого, белесых оттенков, гранита и возвышается под огромным куполом центрального зала храма. Будда запечатлен в момент покоя и самоуглубления; строгость пропорций самого

изваяния и окружающей обстановки, четкость линейного контура скульптуры и сглаженность лица придают фигуре особую торжественность и монументальность. Зодчие расположили свое творение таким образом, чтобы лицо Шакьямуни ежедневно освещалось лучами восходящего над Японским морем солнца. Мастеру удалось передать выражение лица живого человека; прищуренные глаза, мягкая и в то же время достаточно прямая линия носа, плотно сжатые губы и широкое лицо создают гармоничный облик реального персонажа. Соккурамский Будда имеет корейский тип лица, обрамленного огромным круглым нимбом с лепестками лотоса, служащим для усиления впечатления о могуществе и духовной силе божества. Примечательно, что нимб не является частью скульптуры, а выполнен на стене позади ее головы. Каноническая поза изваяния передаст внутреннюю гармонию размышляющего и умиротворенного Шакьямуни. К шедеврам каменной скульптуры относятся также небольшие фигуры божеств из многочисленных буддийских храмов близ г. Кёнлжу.

Особым направлением буддийской скульптуры в Объединенном Силла становится ваение каменных фонарей для постановки перед статуями Будды внутри храма или у входа в главный павильон. Исследователи полагают, что первоначально они символизировали вечный светоч буддийского учения, но впоследствии стали декоративным элементом монастырских и храмовых пейзажей. Каменные фонари монастырей Попчуса (Северный Чхунхон, VII в.) и Хваomsa (Южная Чолла, VIII в.) являются самобытными памятниками силланской культуры, гармонично сочетающими специфические черты национальных архитектурных и скульптурных форм Кореи. Наиболее интересен фонарь Саньсаджа («Два льва») из Попчуса, названный так, потому что постаментом для него служат два стоящих на задних лапах мордами друг к другу льва. Они поддерживают круглое основание в виде цветка лотоса и покоящийся на нем небольшой восьмигранный столб с двумя проемами для светильника. Сверху фонарь увенчан массивной каменной крышей, далеко выдающейся над сооружением и служащей огню светильника надежной защитой от непогоды.

Интересным каменным артефактом является фрагмент серого кирпича с нанесенной рельефной фигурой *локапала* – буддийского стража одной из частей света; автором изображения, по сведениям письменных источников, является храмовый скульптор Янлжи, дата изготовления – 679 г. Рельеф относится к реалистическому направлению скульптурного искусства, поскольку поза богатыря в боевых доспехах, подпирающего ногами двух злобных демонов, детализация его костюма и вооружения, пластичность профиля демонов свидетельствуют о

стремлении мастера максимально приблизить культовое изображение к реальному.

От периода Объединенного Силла сохранилось несколько предметов бронзовой пластики, но и в них прослеживаются следы новых веяний, связанных со стремлением скульпторов наделять божественные изображения достоверными и узнаваемыми человеческими чертами. Удивительным мастерством отмечены плоские бронзовые фигуры хранителей Юга Вриджхаки (кор. – Пирюри), Востока Дхарстры (кор. – Таратха) и других частей света, обнаруженные внутри священного ковчега пагоды Камынса (около 681 г.). Автор, вероятно, руководствовался индийскими и китайскими образцами, свидетельством чего является явно «индземный» тип лица хранителей. Напряженными чувствами и мощью отмечены эти бронзовые миниатюрные изображения облаченных в воинские доспехи богатырей. Буддийская пластика VII – VIII вв. предназначалась для украшения алтарей храмов и богатых жилищ. В монастыре Хванбокса хранились две небольшие фигурки из золота, относящиеся к 700 г. и известные как «золотые будды из Кухванг»: Амитабха (по мнению некоторых искусствоведов – Шакьямуни) на пьедестале из лотоса и в монашеском одеянии и Амитабха, сидящий в позе размышления. Обе миниатюры украшены ажурным ореолом с рельефным изображением лотоса.

VIII в. в истории развития силланской скульптуры отличается соперничеством реалистических и условно-символических тенденций. Реализм бронзовой пластики постепенно сменяется схематизмом скульптурного изображения. Отмечены новыми настроениями мастеров и крупные изваяния, и небольшие скульптуры. К последним относится статуэтка Бхаяса-гуру (кор. – Якса-ёро), или будды-врачевателя, относящаяся к началу VIII в.; высота бронзовой позолоченной миниатюры 29 см, ее отличают некоторые искажения пропорций: большая голова и маленькие ступни, крупное лицо и чрезвычайно удлиненные уши – они станут определяющими в схематических изображениях Будды в последующие периоды. Борьба реализма и символизма наглядно предстает в изящной 12-сантиметровой статуэтке небесной музыкантши апсары, сидящей в условной позе, но отличающейся удивительно реальной, если не натуралистичной, женственностью, в целом не свойственной буддийским изображениям в Корее. В неореалистической манере исполнена статуя буллы Вайрочаны в храме Соннамса (горы Чирисан, Южная Чолла, 766 г.).

В большинстве статуй IX в. прослеживается окончательная победа условной манеры, они выполнены в канонических позах, отличаются типичным застывшим выражением лиц, крайне ограниченным набором условных жестов; пластичность линий сменяется жесткостью формы и определенным схематизмом. Во второй поло-

вине IX в. в Силла еще более укрепляется культ будды Вайрочаны, его статуи возводились повсеместно, но до наших дней полностью дошло лишь монументальное изображение в монастыре Пульгукса. Фрагменты скульптур сохранились в храмах Тонхваса, Поримса, Попчуса, Пусокса и др.

Большую роль в развитии буддийской скульптуры Объединенного Силла сыграли наскальные изваяния в горных монастырях страны. К югу от силланской столицы Кёнджу, в районе горного хребта Намсан, располагается важный историко-художественный памятник силланской Кореи – т. п. «Долина будд» (Пульгук); здесь находятся несколько буддийских рельефов, выполненных в скальных нишах. Наиболее ранним считается изображение Будды высотой 1,42 м в местечке Инованни (Северный Кёнсан, середина VII в.); настоящим шедевром признана гранитная триада в Ёнджу (Кахынни, Северный Кёнсан, конец VII в.), где голова главного божества целиком отделена от скалы. Известны также буддийские изваяния в долине Юнчигок (горы Намсан, 801 г.) и каменная триада в горах Пангосан (835 г.).

Вершиной скальной буддийской иконографии являются горельефы пещерного храма Соккурам (742 – 764 гг.), где представлено более 40 рельефов и изваяний. Стены залов и коридоров этого пещерного храма украшены рельефными изображениями буддийских божеств и бодхисатв, высеченных на гранитных плитах в едином стилевом решении. Авторство соккурамских каменных шедевров приписывается скульптору Кан Гонэмалю*. Фронтальные изваяния небесных воевод, драконов, хранителей-лакопал, десяти учеников Будды (архатов), трех наиболее почитаемых в Корее бодхисатв (Мунсу, Похён и одиннадцатиглавой Кваным), добрых божеств Брахмы и Индры являются не только украшением храма, но и общепризнанной вершиной каменной пластики Дальнего Востока и тем более – буддийской скульптуры в Корее. Авторы горельефов не ограничивались задачей передать портретное изображение образа, а стремились к раскрытию его духовной сущности. Присутствие среди привычных для корейцев божеств новых фигур буддийского пантеона – Индры, Брахмы, архатов и др. – является несомненным свидетельством индийского влияния. Особой художественной ценностью отличаются весьма женственное изображение одиннадцатиглавой Авалокитешвары и горельеф покровителя наук и знаний бодхисатвы Манджушри (кор. – Мунсу). Высеченное на задней стене круглой комнаты изваяние Авалокитешвары отличается изысканной нежностью и передает женственные эмоции и настроения. Спокойное и тихое выражение ее лица, изящная фигура, покрытая воздушным широкополым платьем, – все это вызывает ощущение жи-

вого сердцебиения. Соккурамские гранитные рельефы примечательны и тем, что их создатели явно отошли от строгости и скованности буддийской канонической иконографии и показали себя сторонниками более жизненного и свободного стиля, с помощью которого им удалось передать внутреннее состояние божества. Искусствоведы объясняют такую особенность скульптур из Соккурама влиянием индийских и танских традиций.

Параллельно буддийской традиции в Объединенном Силла развивается скульптура, относящаяся к конфуцианскому типу *шэнь лао*, или «аллея духов». Она закрепились в монументальной каменной пластике погребальных сооружений VII – VIII вв. и выражалась в возведении вблизи достопримечательных захоронений каменных изваяний воинов, чиновников и сакральных животных, олицетворяющих охрану могилы. К числу таких памятников следует отнести гробницы первого вана Объединенного Силла Тхэджон-Мурёля (середина VII в.) и вана Мунму (вторая половина VII в.), погребенных в окрестностях силланской столицы. Мемориальное сооружение в честь Тхэджон-Мурёль-вана – это огромная гранитная черепаха, служившая для силланцев символом вечности и силы, с вытянутой вперед шеей и головой. Четыре рельефных изображения драконов на панцире служили опорой для стелы, которая не сохранилась. Это одно из лучших силланских погребальных сооружений, впоследствии неоднократно повторявшееся в различных вариантах.

На могиле вана Мунму воздвигнуты четыре гранитных статуи военных и гражданских чиновников; их статичные фигуры стоят в скорбном молчании, оберегая покой и достоинство усопшего. Каменные изваяния стерегут и могилу выдающегося силланского воителя Ким Юсина (вторая половина VII в.), здесь выстроились в два ряда фигуры военных и сановников с головами животных из двенадцатилетнего цикла (мышь, вола, тигра и т. д.). Монументальные и статичные скульптуры у погребений значительно отличаются от изваяний буддийских божеств. Они пронизаны идеей укрепления государственности и служили поддержанию традиционного для корейцев духа преклонения перед покровителем и основателем государства.

Сооружение памятных мемориалов стало основой для дальнейшего развития искусства каллиграфии. С конца VII в. для повышения авторитета буддийской церкви практикуется высечение на камне текстов указов силланских ванаов, например грамот о жаловании земель храмам и монастырям. В Объединенном Силла была продолжена танская традиция квадратной печатной каллиграфии *хэсо* и *хэнгсо*, но наиболее широкое распространение получили стили китайских мастеров Оу Янсюня и Ван Сиджи. Новые варианты каллиграфии использова-

лись не только для оформления надписей каменных эпитафий, но и на бронзовых колоколах, буддийских ларцах-реликвариях и скульптурах. Постепенно входил в моду курсив (или стиль «травяной» каллиграфии) чхосо. Сохранились каллиграфические тексты на камне, выполненные художником и архитектором Янджи* для монастырей Ёнмёса и Помимса (конец VII в.). Известно, что текст на утраченной стеле Тхэджон-Мурёль-вана исполнил конфуцианский ученый Ким Инмун (629 – 694 гг.). Как выдающийся каллиграф прославился Ким Сэп (711 – ? гг.), придумавший свой собственный стиль и расписавший иероглифами пагоду Пэгвольсоун (VIII в.). Буддийский монах Ёнгоп* усовершенствовал письмо Ван Сиджи и на этой основе разработал стиль «бегущей руки», а Чхве Чхивон использовал модифицированную систему Оу Янсюня, отличавшуюся необычайной мягкостью и пластичностью.

Архитектура. Развитие силланского зодчества тесно связано не только с заложенными в период трех государств архитектурными традициями, но и с потребностями сильного централизованного государства, символом мощи которого служили грандиозные и роскошно оформленные сооружения. В Объединенном Силла почти не возводили новых дворцов и крепостей, зная довольствоваться расширением и реконструкцией комплексов, созданных еще в эпоху Самгук. Практически не осталось следов от силланского жилья, но из письменных источников нам известно, что жилищное строительство было строго регламентировано: тип, размеры и убранство дома зависели от ранга и общественного положения его хозяина.

Совершенно иная картина наблюдалась в сфере культовой архитектуры. Объединенное Силла – это время наивысшего расцвета буддийских монастырей и храмового строительства. Многочисленные культовые сооружения возникают по всей стране, более того, снижается степень регламентации строительных работ со стороны центральной власти, и местные феодалы и духовенство получают право на возведение буддийских монастырей и храмов. В результате такой благосклонности со стороны ванского двора во многих местностях Корейского полуострова появляются грандиозные буддийские сооружения. В VII – X вв. возникают целые ансамбли монастырей и храмов, самые знаменитые из них расположены в окрестностях силланской столицы Кёнджу, это храмы и монастыри Камынса, Пондокса, Вольганса (Северный Кёнсан), из периферийных наибольшую известность получил храм Хваомса (754 г.). Всего известно более 50 крупных храмов, построенных в Объединенном Силла; более десятка из них действуют и в настоящее время, естественно, что деревянные строения монастырей неоднократно восстанавливались.

Самым крупным и известным из силланских монастырей был Пульгукса, или «Храм царства Будды» (Северный Кёнсан, 751 – 774 гг.), возведенный в окрестностях Кёнджу, на западном склоне горы Тхохамсан. Строительство храма началось еще в эпоху Самгук, при ване-буддисте Попхыне (514 – 539 гг.), но в VIII в. он был перестроен. В 1995 г. комплекс Пульгукса, включающий пещерный храм Соккурам, был включен в перечень сокровищ мировой культуры, охраняемых ЮНЕСКО. На его примере четко прослеживается тенденция к уменьшению размеров отведенного под монастырь участка: площадь Пульгукса составляет всего одну четвертую от размера храма Мирькса, существовавшего двумя веками раньше. В то же время он поражает великолепием и внешней отделкой сооружений. Перепланировкой Пульгукса руководил известный силланский ученый и государственный деятель Ким Тэсон (700 – 774 гг.). В VIII в. храмовый ансамбль Пульгукса занимал до 7 кв. км и включал более 2 тыс. различных зданий, 70 из них сохранились до наших дней. Практически все деревянные строения реконструированы в более поздний, чосонский, период, но каменным конструкциям более тысячи лет. наших современников поражает мастерство создателей Пульгукса: гранитные блоки соединяются здесь за счет своей тяжести, без применения каких-либо растворов или других креплений.

Пульгукса сохранил ауру покоя и тишины, гармонию с окружающей природой, этим он отличается от многих других буддийских монастырей. Здесь находятся шесть памятников старины, признанных «национальными сокровищами» Кореи. Это двухъярусная гранитная лестница, верхняя часть которой носит поэтичное название – Чхонунгё («Мост голубых облаков»), а нижняя – Пэгунгё («Мост белых облаков»), они хорошо сохранились; две бронзовые статуи VIII в. будд Амитабхи и Вайрочаны; а также две пагоды – гранитная Соккатхап («Пагода Шахьямуни») и Таботхап («Пагода сокровищ»), получившая название «матерь всех корейских пагод». Основные сооружения комплекса были ориентированы по оси с юга на север, парадным входом служил открытый павильон с колоннадой. Центральное положение в храме принадлежало богато отделанному и украшенному павильону Тэунджон («Золотому залу»); к нему с четырех сторон вели Чхонунгё и Пэгунгё. Особой красотой и изяществом отличаются каменные колонны Помённу, расположенные западнее парадного входа в храм.

Особое положение в комплексе занимают две великолепные пагоды – уникальные памятники раннего зодчества Кореи. Обе стоят во внутреннем дворе павильона Тэунджон. Моноументальная Соккатхап высотой 8,2 м (середина VIII в.) служит классическим примером

пагоды-башни и отличается четкостью конструктивных форм, а также массивными монолитными перекрытиями со слегка приподнятыми углами, размещенными между ярусами. До этих пор межярусные перекрытия пагод изготавливались из отдельных частей. Оригинальный архитектурный замысел воплощен в десятиметровой пагоде Таботхап (751 г.), ее создатели отошли от прежней суровой простоты культовых сооружений V – VI вв., проявив удивительное камнерезное мастерство и создав из твердого гранита тонко обработанные ажурные конструкции. Конструкция пагоды состоит из шести частей, размещенных на толстых каменных опорах, образующих квадратно-гнездовое основание сооружения. С каждой стороны опорного квадрата имеется довольно крутая лестница с перилами, угол наклона которой составляет 50°. По углам основания для завершения композиции расположены каменные изваяния львов. Особым изяществом отличается верхняя часть сооружения, выполненная в форме священного буддийского ковчега сарира, поставленного на восьмигранную лотособразную опору. Еще более оригинальным сооружением является пагода монастыря Чонхёса (Северный Кёнсан, IX в.); из массивного двуступенчатого пьедестала возвышается башенка в форме двенадцатиярусной миниатюрной пагоды.

Пагоды других силланских монастырей возведены в традиционном стиле танских четырехугольных строений с тремя ярусами, возвышающимися над двуступенчатым основанием. Такой облик имеют самые известные памятники раннего силланского зодчества – пагоды монастырей Камынса (682 г.), Ыйсонская пагода (Северный Кёнсан, середина VII в.), пагода в Тхалчхонни (Северный Чхунчхон, вторая половина VIII в.) и др. Особенности этих сооружений получили наименование «стиль пагод Силла». Несколько иначе выглядит Саритхап, или «Львиная пагода» (Южная Чолла, 754 г.), в ней воплотилось стремление к пышным и торжественным формам периода позднего Силла.

Уникальным архитектурным сооружением и образцом храмового зодчества Объединенного Силла является пещерный грот Соккурам, или «Холм с храмовой пещерой» (742 – 764 гг.), входящий в состав комплекса Пульгукса; это единственный в мире буддийский храм, созданный в искусственной пещере, на высоком горном склоне в лесу. Его возведением руководил Ким Тэсон, применивший оригинальный метод: здание храма было построено из гранитных блоков у горного склона, а затем засыпано грунтом. С площадки перед гротом открывается изумительный вид на море и восход солнца. Храм состоял из двух помещений (переднего, квадратной формы с плоским сводом, и круглого главного зала с куполообразным сферическим потолком), соединенных между собой ши-

роким коридором. В буддийском понимании они служили воплощением земного и потустороннего миров. В центре главного зала находилась фигура сидящего будды Шакьямуни в окружении учеников и болхисатв. Зодчие Соккурама руководствовались опытом возведения когурёских курганов, но применили принципиально новые решения для создания сферического свода центрального зала храма. Искусствоведы сходятся во мнении, что Соккурам принадлежит к классическим образцам архитектуры мирового уровня и вся святыня является непревзойденной вершиной дальневосточного искусства. Грандиозность и необычность сооружения свидетельствуют о высоком развитии творческого потенциала силланцев. Никогда более буддийская архитектура не достигнет в Корее таких вершин, как в VII – VIII в.

Декоративные ремесла. Активное храмовое строительство способствовало становлению весьма специфичного ремесленного производства – литья бронзовых колоколов. Выполненные в самобытном стиле и украшенные богатым декором, колокола буддийских храмов стали своеобразными предметами прикладного искусства. Силланцы прославились на Дальнем Востоке высокой техникой отливки и художественной обработки колоколов. Древнейший из них создан в 725 г. для храма Санвонса. Один из самых знаменитых и сохранившихся – большой и звучный колокол монастыря Пондокса (771 г.) – имеет диаметр 2,47 м, высоту 3,33 м, толщину стенок 26 см и вес 72 т; его поверхность покрыта тонким орнаментом и украшена живописными фигурами парящих небожителей, драконов и цветов. Известен он был не только формами и украшением, но и торжественным, нежным звучанием. Сохранился до наших дней и колокол монастыря Ёнджиса (г. Чинджу, Южный Кёнсан, 833 г.). Летописи сохранили сведения об отливке в 754 г. мастером Ли Сантхэком колокола весом 298 т для храма Хваннёна. Особые чувства питают корейцы к колоколу Эмилле (Национальный музей, г. Кёнджу, 770 г.), воплотившему все лучшие характеристики древних корейских колоколов. Вес изделия – 22 т, высота – 3,7 м, диаметр основания – 2,3 м; поверхность колокола покрыта гравировкой из 1 тыс. иероглифов. По поверью корейцев в нем заключен голос самого Будды, отсюда и столь трепетное отношение к нему. Считается, что еще пять силланских колоколов сохранились в Японии.

До сегодняшнего дня дошло не так много изделий прикладного искусства Объединенного Силла; помимо буддийских колоколов, это изделия из серебра и позолоченной бронзы (украшения и буддийские реликвии), расписные лаковые предметы, а также художественная керамика, в том числе фигурная черепица.

Силланская знать не очень любила золото и предпочитала украшения из серебра. Известны серьги, подвески, кольца и браслеты, повторявшие формы и художественные приемы эпохи Самгук. Буддийские реликвии (прежде всего, ковчеги сарира) изготавливали из позолоченной бронзы, ларцы сарира для хранения святынь и буддийских сутр покрывали позолотой и украшали фигурами хранителей-локапал и фризом из цветов и листьев лотоса. Сарира имел форму квадратного ларца с пирамидальной крышкой. В японских музеях сохранились образцы лаковых блюд и шкатулок Силла, покрытых геометрическими узорами красного, зеленого и белого цвета.

По-прежнему важное место занимает производство керамики. Силланские мастера научились использовать широко представленные на полуострове пластические глины и создавать из них изделия разнообразной формы и большого художественного значения. Для украшения сосудов применялся различный по технике нанесения и содержанию декор: от штампованных геометрических композиций до прорисованных вручную фигур животных и людей, но самым популярным мотивом являлись изображения клубящихся облаков и цветов, оформленных вензелями и завитками растительного происхождения. Важнейшим технологическим достижением силланских мастеров-керамистов становится заимствование в VII в. из Китая технологии нанесения на керамику настоящей стекловидной глазури.

В распоряжении исследователей имеются несколько погребальных керамических урн, предметов домашнего обихода, фрагментов фигурной черепицы и круглых антефиксов с нанесенными на них налепами в виде растений и животных. Наибольший интерес представляют узорчатые кирпичи и черепица из серой глины, которыми знать украшала свои дома, дворцы и храмы. Рисунки-налепы на антефиксах значительно усложнились, основными мотивами VII – IX вв. становятся изображения лотоса, жабы, зайца, особый сакральный смысл сохраняли черепичные маски квисин, служившие оберегом от злых духов, пожаров и прочих напастей. В стороне от этих находок стоит глиняная модель дома (VII – VIII вв.), с прямоугольным проемом входного отверстия и высокой четырехскатной крышей. Интересны толсто-стенные погребальные урны Силла из твердого теста, со штампованными узорами в виде лотоса, четырехлистника или простых ромбов. Часто они имели четыре ручки в виде головы животного, покрывались густой зеленой глазурью с оливковым оттенком. Ряд ученых полагают, что именно они послужили основой для возникновения знаменитой керамики селадон.

1.3.3. Культурные связи Объединенного Силла

Период Объединенного Силла можно назвать временем беспрецедентной активности древних корейцев за рубежом. Власти государства и буддийские монастыри направляли в Танскую империю множество студентов для изучения китайского языка, культуры и буддизма. Многие из них оставались в Китае на протяжении десяти лет и более, получая специальную стипендию от китайских или силланских властей. Возвратившись на родину, студенты сдавали экзамен на получение чиновного ранга и занимали высокие государственные посты в Объединенном Силла. Именно такой путь прошел знаменитый конфуцианский ученый и политический деятель Чхве Чхивон. По-разному сложилась судьба известных силланских священнослужителей Ыйсана и Вон Чхыка (613 – 696 гг.). Вернувшись в Силла, Ыйсан создал на родине знаменитую буддийскую секту Хваомджон, а оставшийся в Китае Вончхык стал там выдающимся буддийским мыслителем, чьи труды в значительной мере определили направление развития китайских сект Хуаянь и Фасян. Широкую известность получило путешествие силланского ученого-монаха Хечхо, совершившего морской переход из Китая в Индию. Впечатления о своем паломничестве по буддийским святыням он изложил в трактате «Путешествие в пять индийских царств» (727 г.).

С укреплением политических связей между Объединенным Силла и танским Китаем развивалась активная морская торговля, силланцы экспортировали в соседнюю страну шелковое и другие натуральные волокна, женьшень, изделия из серебра и золота; из Китая ввозились религиозная и философская литература, лекарства, шелковая ткань. Оживление всесторонних силланско-танских контактов привело к значительному увеличению взаимного потока людей. В результате в Танской империи, прежде всего на Шаньдунском полуострове и в нижнем течении р. Янцзы, стали появляться поселения выходцев из Объединенного Силла. Японские купцы, имевшие с силланцами давние связи, предпочитали останавливаться здесь во время поездок в Китай. В одном из них долгое время жил Чан Пого (? – 846 гг.), служивший на танском флоте и сыгравший большую роль в становлении военно-морских сил родины и борьбе с морскими пиратами, мешавшими мирной торговле трех дальневосточных стран.

Объединенное Силла прилагало усилия для нормализации отношений с Японией, осложнившихся после силланского завоевания Кая и Пэкче. С конца VII в. возобновился регулярный обмен посольствами, в следующем веке японские студенты и монахи приезжали в Силла для изучения буддизма, конфуцианской философии и системы государственного управления. Вер-

нувшись назад, они сыграли существенную роль в становлении японского государства и его юриспруденции. Силланцы оказали значительное влияние на формирование японской культуры периода Нара, особенно ее буддийского компонента. В 743 – 752 гг. буддийские деятели – кореец Кёги* (яп. – Гё:ки) и индеец по происхождению Кунинака Номурадзи Кимимаро* (яп. – Хо:дай) из Объединенного Силла – возглавили работы по возведению статуи Большого Будды Солнечного Света (яп. – *Руся на дайбуцу*) в японской столице Хэйдзё (дворец Сигаракимия, храм Когадзи, г. Нара). Церемония освящения статуи, состоявшаяся весной 752 г., носила международный характер. В истории японской культуры Большой Будда из Нара стал символом культуры Тэмпё.

Осложнение внутривосточной ситуации в Силла на рубеже VII – IX вв. привело к прекращению регулярных контактов с Японией. После гибели своих государств многие выходцы из Пэкче и Когурё обосновались в Китае, Японии и Бохайском государстве. Поселенцы из Пэкче в Японии окончательно порвали с родиной и постепенно ассимилировались в рамках позднего Ямато, но они оставили заметный след в становлении этой раннефеодальной культуры. Пэкческий аристократ Хыкхчи Санлжи*, пытавшийся в свое время организовать антисилланское сопротивление на родине, бежал в Китай и стал там выдающимся полководцем, под его командованием проходили завоевательные походы танской армии в Среднюю Азию. Когурёский военачальник Ко Сиджи (кит. – Гао Сяньчжи, ? – 676 гг.) совершил блестящий переход через Памир и завоевал для танской империи его западные районы.

Общепризнанным является участие когурёских элементов в основании дальневосточного государства Бохай и становлении его культуры.

1.4. Бохайская культура

Параллельно с Объединенным Силла в северо-западной части территории бывшего Когурё и на землях к северу от него, населенных мохэ и другими дальневосточными племенами, существовало государство Бохай (кор. – Пархэ), возникшее на рубеже VII – VIII вв. на основе когурёской культурной традиции. Правящий класс Бохай был сформирован из аристократии Когурё, основателем государства считается бывший когурёский полководец Тэ Джоён (? – 719 гг.). Возглавив мохэ, он сумел распространить свое господство почти на всю территорию Маньчжурии, Приморья и север Корейского полуострова.

Участие когурёсцев в становлении Бохайского государства положительно сказалось на формировании духовной и материальной культуры нового государства, бохайцы заимствовали у них не только структуру чиновниче-

бюрократического аппарата и систему управления государством, но и многие ремесленные традиции – металлургию, ювелирное дело, гончарное и черепичное производство, агрокультуру и сельскохозяйственный инвентарь и многое другое. Существует мнение, что когурёсцы сыграли важную роль в распространении буддизма и конфуцианских идей в бохайской среде.

В середине VIII в. бохайцы урегулировали свои отношения с Китаем, стабилизировали границу с Объединенным Силла. Бохай достиг экономического и культурного расцвета в IX в. при короле Соне, но после его смерти в 830 г. начались феодальные и национальные междоусобицы, ослабившие государство, и в 926 г. оно пало под ударами вторгшихся в страну киданей. Корейские историки утверждают, что под давлением киданей более 100 тыс. бохайцев переселилось на Корейский полуостров, причем этот факт трактуется как возвращение соотечественников в лоно родной культурной традиции.

Ученые КНДР и РК включают период Бохай в свою отечественную историю, они признают бохайцев наследниками былой славы и мощи Когурё, продолжателями его раннефеодальных политических, социально-экономических и культурных традиций. Южнокорейская историография выделяет особый период, «Намбуккук сидэ» (эпоха «Северного и Южного государств»), когда к югу от Тэдонгана существовало «южное» государство Объединенное Силла, а к северу «северное» – Пархэ. До последнего времени советские и российские специалисты придерживались иной концепции, оценивая Бохай как самостоятельное государство нескольких дальневосточных народов. В настоящее время идет уточнение позиции российских ученых, получивших возможность ознакомиться с аргументами корейской стороны и вести совместные с ней научные изыскания. Проблему генетической связи и взаимодействия культур Кореи и Бохай еще предстоит детально исследовать.

Оценивая общее состояние и развитие бохайской культуры, подавляющее большинство исследователей подчеркивают ее тесную связь и явно выраженную общность с культурой Объединенного Силла. С точки зрения корейских ученых, культурный комплекс Бохай основывался на традициях и эстетических запросах когурёской аристократии и широко заимствовал культуру танского Китая.

Образование, наука и литература. В столице Бохайского государства Сангёне (современный Дунцзинчэн, КНР) были созданы учебные заведения, в которых преподавались математика, основы конфуцианства и китайская классическая литература. Многие отпрыски аристократических семей продолжали свое образование в Китае; это свидетельствует о

широком распространении конфуцианской системы и китайской литературы. Обучение бохайских студентов в Танской империи способствовало закреплению буддизма и конфуцианства в бохайской среде. Получившие образование в Китае бохайцы делали на родине блестящую карьеру: на государственной службе прославились Ко Вонго* и О Кванчхан*, проводившие в танском Китае много лет.

В КНР найдены усыпальницы двух бохайских принцев – Чон Хё* и Чон Хе (737 – 777 гг.), на могильных плитах которых высечены стихи на древнекитайском языке; они являются не только литературным памятником, но и блестящим образцом каллиграфического искусства. Известны имена нескольких бохайских литераторов, творивших на китайском языке, это Янтхэса*, Ванхёрём (? – 815 гг.), Инчон*, Чонсо*, некоторые из них побывали в Японии. Произведения Янтхэса «Млечный путь так чист», «Ночной звук отбивания белья» и «На небе покрытом небе светится луна» отличается безупречный литературный стиль, и они высоко ценятся в современной Японии.

О достаточно высоком уровне развития бохайской науки, прежде всего астрономии и механики, свидетельствует тот факт, что в 859 г. ученый из Бохай О Хёсин* посетил Японию и подарил одному из правителей астрономический календарь «Сонмённок» / «Свод небесных светил», научив местных коллег методике пользоваться им. Данный календарь применялся в Японии до конца XVII в.

Культурное и этническое родство обеспечило прочные связи Бохай с Объединенным Силла, но бохайцы имели активные контакты также и с Японией. С начала VIII и по X в. в Японии побывало 35 бохайских посольств: первое было направлено на острова в 727 г., а последнее относится к 919 г. Бохайские послы везли с собой меха, лекарства, ткани, а увозили на материк ремесленные изделия и ткани японских мастеров. Достоверно известно о 14 японских посольствах в Бохай. По мере ухудшения японо-силланских связей островное государство стало направлять свои посольства в Китай через бохайскую территорию. Японские историки пришли к выводу о существовании тесных связей между Бохай и т. н. «охотской культурой» на восточном побережье о-ва Хоккайдо.

С начала VIII в. в Бохай широко распространяется буддизм, идет оживленное строительство храмов и монастырей, фундаменты некоторых сооружений сохранились до нашего времени на территории Северо-Восточного Китая и Приморского края. Государство прибило к себе буддийское духовенство, социальный статус священнослужителей неуклонно повышался не только в духовной сфере, но и среди господствующего класса. Некоторые из них становились важными государственными чиновниками, так, буддийские монахи Инчон и

Чонсо, прославившиеся как талантливые поэты, направлялись в свое время в Японию с важными дипломатическими миссиями.

В российском Приморье активно изучаются городища и остатки буддийских храмов, относящихся к бохайскому периоду. В них найдены бронзовые и железные наконечники стрел и копий, костяные орнаментированные предметы, буддийские статуэтки и многие другие вещественные свидетельства высокоразвитой культуры Бохай.

Архитектура, скульптура и изобразительное искусство. Произведения художественной культуры Бохай сохраняли величественность и мотивы, свойственные искусству Когурё, но отличались тонким изяществом и мягкостью форм.

Архитекторы и скульпторы унаследовали лучшие традиции архитектуры и искусства Когурё. В окрестностях современного Дунцзинчэня найдены остатки королевского дворца Сангённёнчхонбу, окруженного квадратной крепостной стеной общей протяженностью более 16 км. Реконструкция дворцового комплекса позволяла прийти к выводу, что он напоминает когурёский дворец Анхак. При раскопках Сангёна были обнаружены буддийские скульптурные фигуры и покрытая узорным орнаментом черепица зеленого и голубого цвета.

Общеизвестными скульптурными шедеврами Бохай являются шестиметровый фонарь, высеченный из вулканической лавы, и каменный лев (Дунцзинчэн, КНР), а также два каменных льва из могилы Чон Хе (г. Дунхуа, КНР). Ее усыпальница служит также памятником живописи: здесь обнаружена большая фреска из двенадцати сюжетов, дающих представление о жизни бохайцев. Наибольшую известность из бохайских живописцев получил художник Тэганджи*, расписавший несколько храмовых сооружений. Несомненную связь с когурёской культурой обнаруживают каменные саркофаги в усыпальницах принцев и устройство для отопления зданий *онилль*.

Гробница Чон Хе дает представление и о прикладном искусстве Бохай. Здесь найдены художественно оформленный глиняный кувшин темно-фиолетового цвета, осколки других керамических сосудов. Свидетельством высокого уровня металлообработки являются золотые рюмки и украшения, изящная курильница и некоторые другие находки.

Объединение страны и прекращение войн сказалось на состоянии экономики корейского государства в VII – IX вв., когда завершилось становление материальной культуры раннефеодальной Кореи. В свою очередь, традиции духовной и художественной культуры Объединенного Силла способствовали закреплению единой национальной культуры корейского народа в государстве Корё.

КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВА КОРЁ

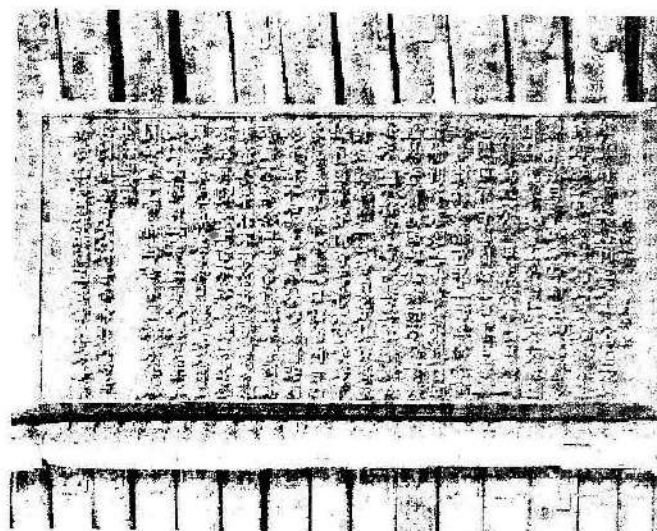

Рис. 2.1. Tripitaka Koreana (Хеинса, 1237 г.)

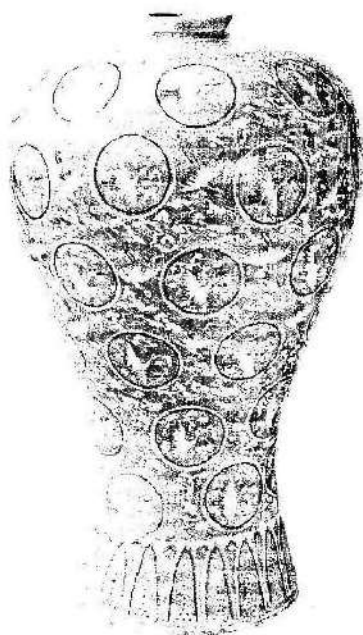

Рис. 2.2. Селадоновая ваза в стиле мэбён (XII в.)

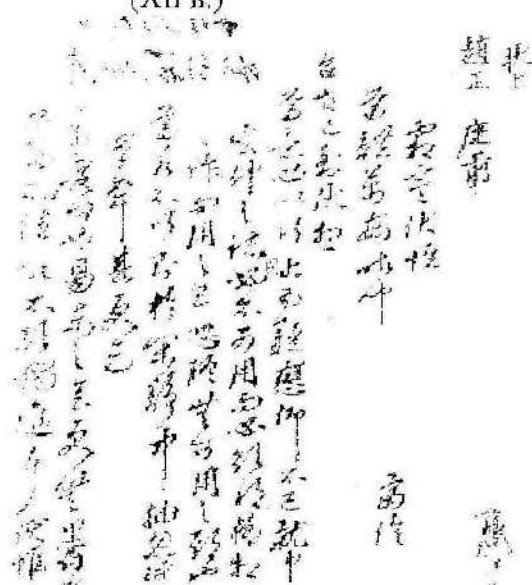

Рис. 2.3. Автограф Ким Бусика (первая половина XII в.)

2. КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВА КОРЁ

В результате кризиса централизованной власти и под давлением феодального сепаратизма на рубеже IX – X вв. Объединенное Силла распалось на три княжества – Силла, Хубэкче и Тхэбон. Этот период феодальной раздробленности получил название Позднего Троецарствия (эпоха Хусамгук) и длился с конца IX в. до 935 г., когда корейское государство вновь воссоединилось. Помимо поздних трех государств повсеместно усиливались влиятельные местные феодалы, являвшиеся полноправными властителями в своих вотчинах. Стремление феодальной знати к захвату и превращению их надельных земель в свою собственность привело к созданию на полуострове ряда независимых областей, между которыми не ослабевали междоусобные распри. Постоянная вражда и разорительные войны удельных княжеств крайне негативно сказывались на положении страны. Большой урон был нанесен сельскому хозяйству и ремеслу, составлявшим основу всей феодальной экономики.

Феодальная раздробленность мешала дальнейшему социально экономическому и культурному развитию корейского народа, поэтому через несколько десятилетий после распада Объединенного Силла начался процесс повторного слияния корейских земель в единое государство. На этот раз заслуга в воссоединении страны принадлежала военачальнику, а затем правителю княжества Тхэбон Ван Гону (877 – 943 гг.), который сумел в начале X в. навязать ряду крупных феодалов Тхэбона и Силла свое политическое господство. Подчеркивая преемственную связь с Когурё, в 918 г. Ван Гон провозглашает создание государства Корё и становится основоположником первой общекорейской династии Ван (918 – 1392 гг.). Вскоре под ее эгидой началось объединение Кореи, завершившееся в 935 – 936 гг., когда последний силланский правитель Кёнсун (927 – 935 гг.) отрекся от престола в пользу Ван Гона и был подавлен мятеж в Хубэкче. С 919 г. столица Корё переместилась на родину его основателя, в г. Сонак (современный г. Кэсон, КНДР), переименованный сначала в Кэгён, а затем в Сондо. Походы Ван Гона на северо-запад позволили расширить территорию Кореи до среднего течения реки Чхончхонган.

Среди факторов, способствовавших довольно быстрому восстановлению единства страны, можно назвать этническую и культурную общность, связанную с относительной изолированностью ее территории. Население Корейского полуострова было достаточно однородным, имело общие религиозные и этические взгляды, единый язык (не считая разнообразия диалектов), общий психологический склад. Исключе-

ние составляли лишь северные и северо-восточные территории современной Кореи, не входившие на раннем этапе в состав Корё, а также о-в Чеджудо, проявлявший некоторое тяготение к островной культуре Японии. Однако присоединение данных земель к корейскому государству привело к тому, что в дальнейшем и их жители стали постепенно ассимилироваться с корейским населением и его культурой.

Главные усилия новой династии были направлены на воссоздание и усиление централизованной власти, восстановление феодальной экономики страны. После провозглашения Корё было проведено перераспределение земельного фонда на основе принципа верховной государственной собственности на землю и надельной системы. В своих усилиях первые монархи опирались на поддержку буддийского духовенства, поэтому монастыри и храмы стали играть особую роль и приобрели значительные земельные угодья. Преемники Ван Гона ваны Кванджон (949 – 975 гг.), Кёнджон (975 – 981 гг.) и Мокчон (997 – 1009 гг.) многое сделали для укрепления административного управления страной и развития ее хозяйства. В 976 г. основой земельной системы стали паделы чонсиква, предусматривавшие раздача земли чиновникам в соответствии с их рангом.

На рубеже X – XI вв. власти и народ Корё вынуждены были неоднократно отражать набеги киданей. Окончательная победа над ними в 1018 г. способствовала дальнейшему сплочению единого централизованного государства, развитию его экономики, росту национального самосознания и расцвету самобытной культуры корейского народа. Укрепление государственности Корё протекало на фоне упрочения всесторонних политических, экономических и культурных контактов с Китаем. Традиция особого режима корейско-китайских связей, сложившаяся в Объединенном Силла, была продолжена династией Ван. Корё поддерживала вассальные отношения сначала с несколькими китайскими государствами эпохи Пяти династий (907 – 959 гг.), а затем с империей Сун (960 – 1279 гг.). Активизация культурного обмена с великим дальневосточным соседом способствовала дальнейшему прогрессу национальной культуры Корё. С XI в. Корея развивает широкие торговые связи не только с Китаем, но и с Японией, дальними заморскими странами, в том числе с мусульманским миром.

Восстановление хозяйства и культуры, задачи управления народом, активные контакты с сунским двором привели к упрочению позиций конфуцианства в корейском обществе и государстве. В период правления короля Сонджона (982 – 997 гг.) конфуцианская идеология вытеснила буддизм из высших слоев общества и

была признана государственной. Реформирование центральных и местных органов власти по китайскому образцу было завершено при ване Мунджоне (1046 – 1083 гг.). В унаследованную с силланских времен аристократическую ткань корейского общества постепенно был вживлен меритократический механизм китайского типа, предусматривавший специальную систему отбора наиболее одаренных людей для участия в управлении социумом. На этой основе достаточно слабо представленное в силланской культуре конфуцианство институционно закрепились в Корё, ставшем подлинно конфуцианским государством, основанным на власти родовой аристократии; доступ в систему образования и на государственную чиновную службу был открыт лишь выходцам из аристократической среды. С таким положением не могли примириться буддийское духовенство, вытесненное из управленческой сферы, и представители военных кругов.

Борьба за власть между аристократами и военными, соперничество феодальных кланов за влияние при дворе, недовольство крупных землевладельцев в лице буддийских монастырей своим принижением политическим положением приводят страну к новому упадку в XII в. Весь век отмечен дворцовыми переворотами во главе с Ли Джагёмом (1126 г.), Мёчхоном (1135 г.), Чон Джунбу (1170 г.) и Чхве Чхунхоном (1196 г.); политическая нестабильность усугублялась многочисленными антифеодальными выступлениями корейских крестьян. В результате страна оказалась не готовой к отражению новой внешней угрозы, исходившей от Монгольского ханства.

Полчища Чингисхана вторглись на Корейский полуостров в 1231 г., но сопротивление вражеским нашествиям продолжалось почти 30 лет и прекратилось только в 1258 – 1259 гг. признанием монгольского ига ваном Вонджоном (1260 – 1274 гг.). Несмотря на упорную борьбу корейцев, монгольской династии Юань удалось поддерживать свою власть в Корё до конца 60-х гг. XIV в. Вековое господство монголов нанесло экономике и культуре страны непоправимый ущерб, завоеватели хищнически грабили покоренную страну, разрушали ее города и села. Ремесла, торговля, сельское хозяйство – все пришло в упадок и запустение; многое из того, что создавалось усилиями корейского народа, было превращено в руины. В культурном и экономическом отношении Корё было отброшено на несколько веков назад. В то же время при всех отрицательных последствиях векового монгольского присутствия, оно открыло страну для влияния унаследованного Юанями сунского неоконфуцианства, что определило новое направление культурного развития Кореи, максимально проявившись во времена правления династии Ли.

В середине XIV в. в Китае началось восстание против монгольской династии Юань, завершившееся ее падением в 1368 г. Народные выступления в Китае и провозглашение новой империи Мин (1368 – 1644 гг.) стали удобным моментом для свержения монгольского ига в Корё. Воспользовавшись слабостью юаней ван Конмин (1352 – 1374 гг.), сумел восстановить независимость Кореи. Вторая половина XIV в. принесла корейскому государству новые испытания; после смерти Конмина власть перешла в руки трех влиятельных феодальных кланов, мало заботившихся о центральном управлении и экономическом благополучии страны. Разгорались политические и хозяйственные распри, ситуация усугублялась набегами японских морских пиратов на южные районы полуострова. На повестку дня вновь был поставлен вопрос о восстановлении сильного централизованного государства. Эта задача была решена группой военных и конфуцианских деятелей во главе с Ли Сонге (1335 – 1408 гг., период правления 1392 – 1398 гг.), ставшим основателем нового королевства Чосон и новой династии Ли.

В отличие от эпохи трех государств и Объединенного Силла с их жесткой сословно-государственной системой, в период Корё в процесс культурного развития страны было втянуто гораздо больше людей из различных социальных слоев; по своей форме и содержанию культура Корё была намного разнообразнее и ярче. Своего расцвета она достигла благодаря не только традициям предшествующей эпохи и влиянию сунского Китая, но и взаимопроникновению двух основных культурных пластов Дальнего Востока – буддизма и конфуцианства. С официальным признанием конфуцианства государственной идеологией обе культуры развивались вместе, взаимно обогащая друг друга. Корё значительно расширяет культурный обмен с окружающим миром, через юаньский Китай в страну стали проникать достижения науки и техники исламского мира, которые также обогатили национальную корейскую культуру.

2.1 Борьба буддизма и конфуцианства за доминирующее положение в Корё

Эпоха Корё вошла в историю как период наивысшего расцвета буддизма в стране. В X – XIV вв. он сохранял свое положение в качестве государственной религии, развиваясь в условиях активного сотрудничества с аристократической верхушкой общества. Став одним из крупнейших землевладельцев страны, буддийское духовенство не довольствовалось одним лишь влиянием на духовность корейского народа, но активно вмешивалось в его политическую жизнь, добиваясь государственного покрови-

тельства. При активной поддержке властей в его распоряжении были сосредоточены многочисленные монастыри и храмы, обширные земельные угодья. Идейная и политическая поддержка власти, характерная для буддийской церкви Корё, щедро оплачивалась многими ванами и знатными феодальными родами; государственная казна и частные лица выделяли значительные пожертвования на строительство храмов и монастырей, моелен и буддийских святынь.

На раннем этапе существования Корё династия Ван присваивала высшему буддийскому духовенству государственные религиозные звания ванса (духовник короля) и кукса (государственный священник), которые приравнивались к высшим чиновным рангам. Часто монахи призывались на службу к государю и занимали высшие посты в служебной иерархии страны. В программу государственного экзамена на право занять чиновную должность обязательно включалась буддийская тематика. Но буддизм укрепился не только в знатной или государственно-чиновной среде, в X – XI вв. стремительно растет его популярность в широких народных массах.

Популяризации буддийской доктрины в Корё способствовало преимущественное развитие двух сект – чхонгхаджон (учение «Небесного величия») и сонджон (корейский вариант дзэн-буддизма), нацеленность которых на самозерцание была доступной и понятной простым жителям страны. Используя методику самозерцания как путь к просветлению, приверженцы обеих сект отрицали саму возможность овладения учением посредством книжного знания, т. е. штудированием буддийской канонической литературы, они выступали за аскетизм последователей Будды и критиковали официальную церковь за чрезмерное украшательство храмов и роскошную жизнь. Особым авторитетом пользовались дзэн-буддисты, призывавшие верующих к уединению и достижению просветления через слияние с окружающей природой, на доктрине и эстетике сонджон построены многие достижения культуры и искусства Корё. Широкому распространению буддизма способствовало бурное развитие книгопечатания, поскольку в основном издавалась духовная литература.

Среди ранних буддийских деятелей Корё наибольшую известность и популярность приобрел священник Ыйчхон (1055 – 1101 гг.), именвший почетный титул тхэгуванса (светлейший государственный наставник вана). Ыйчхон состоял в родственных связях с правившим домом и получил блестящее образование, ему удалось провести несколько лет в Китае для изучения канонических сочинений. Возвратившись домой, он задался целью примирить ведущие буддийские секты, действовавшие в Корее со времен Объединенного Силла – ортодок-

сальное направление кёджон и дзэн-буддийское сонджон. Для этого Ыйчхону пришлось разработать синтетическую доктрину, явившуюся базой для возникновения новой эклектической секты чхонгхаджон. Всю оставшуюся жизнь священник посвятил распространению своих смешанных идей и объединению на их основе корейских буддистов.

Известность не обошла стороной и другого священника – Мёчхона (? – 1135 гг.). В его взглядах значительное место занимали геомантия и политика; не случайно в 1135 г. он становится идеологом сепаратистского антиправительственного движения, обвинившего власти Корё в ошибочном определении места для столицы. Возглавив дворцовый переворот, Мёчхон объявил о переносе главного города страны в Пхеньян, где мятежники продержались почти год, но были разбиты правительственными войсками под командованием конфуцианцев, ярых оппонентов буддийской церкви.

В первой половине XIII в., когда страной правили военные круги во главе с Чхве Чхунхоном (1149 – 1219 гг.), широкую деятельность развернул выдающийся церковный философ Чинуль (1158 – 1210 гг., пытавшийся продолжить дело Ыйчхона и объединить корейских буддистов в рамках секты чогеджон. Смешав воззрения ортодоксов из кёджон и дзэн-буддизма, Чинуль создал новую школу, ставшую впоследствии одним из ведущих направлений корейского буддизма. Его идеология должна была служить единению общества Корё накануне монгольских нашествий.

На протяжении всей истории Корё буддизм оказывал большое влияние на общественное, духовное и культурное развитие Кореи, однако в период после монгольского нашествия он постепенно стал терять свой авторитет. Буддийские монастыри превратились в крупных собственников земли и патриархальных рабов ноби. В руках церковников сосредоточились несметные богатства; монахи и буддийские иерархи вели распутный образ жизни, практически влияли в мирскую суету, занимались имущественными махинациями и политическими интригами и тем самым существенно дискредитировали свою религиозную доктрину. Буддийская церковь превратилась в опору сепаратизма и феодальных междоусобиц, противилась укреплению центральной власти. Падению ее авторитета немало способствовало лояльное отношение монашества к монгольским завоевателям. К концу правления династии Ван монопольное положение буддизма как властителя душ и настроений корейского народа было значительно подорвано. Пороки буддийского духовенства вскрывались и оказывались под огнем ожесточенной критики со стороны набравших силу и влияние конфуцианских кругов.

Основной идеологический постулат конфуцианства, заключавшийся в освящении государственной и публичной власти, а также его четко сформулированные этико-поведенческие нормы, предусматривавшие беспрекословное подчинение младших старшему, а подданных – государю, весьма импонировали правящей элите Корё и соответствовали интересам господствующего класса. Этим объяснялось укрепление позиций конфуцианской идеологии и этики. Династия видела в учении Конфуция и его последователей наиболее подходящую с точки зрения государственных интересов нравственно-религиозную систему.

Окончательному становлению конфуцианства как официальной идеологии способствовало введение ваном Кванджоном системы государственных экзаменов на чиновный ранг в 958 г. Экзамен проходил ежегодно, а иногда – раз в два – три года. Поскольку важнейшими экзаменационными предметами были классический древнекитайский язык, на котором создавались конфуцианские каноны, философия и история, его можно считать конфуцианским. Чиновники должны были показать знание конфуцианских догм и тем самым открыть себе дорогу к служебной карьере. По сравнению с силланским периодом экзамен на чин в Корё был гораздо сложнее и оказывал воздействие на развитие всего бюрократического аппарата, ибо только на основании его результатов чиновник мог рассчитывать на получение очередного ранга, а значит – на продвижение по службе. Построение чиновной иерархии по принципу ранжирования и в зависимости от результатов сдачи экзамена способствовало дальнейшему воспитанию государственной бюрократии в конфуцианском духе и усилению позиций учения Конфуция в целом. Основанное на изучении философской и исторической литературы, конфуцианство стало играть еще более важную роль в системе образования.

Особенно известен как сторонник конфуцианской системы образования ван Сонджон, он способствовал учреждению в 992 г. центральной конфуцианской школы Кукчагам (Академия сынов отечества) в столице и открытию провинциальных учебных заведений хянхак. Преподавание в них велось на древнекитайском языке, учащиеся читали конфуцианскую классику, философские и исторические сочинения. Специальные государственные инспекторы осуществляли контроль за учебным процессом и проводили проверку знаний, в Академию и провинциальные государственные школы принимали учащихся в зависимости от ранга их отцов. Кукчагам стала прообразом учебного центра Сонгтонгван, или Конфуцианской академии. В XI в. в крупнейших центрах страны за счет личных средств конфуцианцев были открыты многочисленные частные школы

содан, обучаться в которых могли отпрыски самых богатых и знатных семейств. В них учили не только конфуцианским основам, но и письму, арифметике, праву.

Среди ранних конфуцианцев Корё следует выделить Чхве Чхуна (984 – 1068 гг.), которого в исторической литературе часто называют «корейским Конфуцием». Его усилиями были созданы девять частных школ в Кэгёне и на периферии, через них прошли тысячи учеников. Учебные заведения Чхве Чхуна успешно конкурировали со школой Кукчагам и на некоторое время даже подорвали ее престиж. Попечителем системы образования выступил и ван Йеджон (1105 – 1122), указом которого при конфуцианской Академии сынов отечества было создано семь специализированных отделений, или своего рода кафедр, а также учреждена стипендия для поощрения наиболее талантливых конфуцианской молодежи.

Сумятица второй половины XII в., дворцовые перевороты и переход власти в руки военных серьезно поколебали позиции конфуцианских кругов Корё. Вытеснив гражданские круги из системы управления государством, военачальники попытались взять реванш за свое пониженное положение: не останавливаясь ни перед чем, они устраивали гонения на конфуцианских ученых, закрыли некоторые учебные заведения и демонстрировали свое пренебрежение официальной идеологией. Все это серьезно ослабило конфуцианскую систему.

Конфуцианский ренессанс в Корё приходится на середину XIII в., он связан с распространением в стране неоконфуцианской доктрины – чжусианства. Китайский мыслитель XII в. Чжу Си (1130 – 1200 гг.) выступал против засилья буддизма и критиковал некоторые положения конфуцианских ортодоксов. Наиболее привлекательным мотивом неоконфуцианства стало признание необходимости пересмотреть ряд устаревших догм и адаптировать идеологию к потребностям того времени. Призывы укрепить экономику, упорядочить систему управления государством, улучшить жизнь простого народа, положить конец злоупотреблениям, роскошеству чиновников и насилию феодальной знати находили отклик в настроениях корейских мыслителей и общественных деятелей.

В отличие от традиционного учения Конфуция, занятого преимущественно этическими и политическими проблемами, чжусианская философия искала ответы на насущные вопросы социально-экономического и государственного строительства. В условиях сложнейшего для Корё периода появляются сторонники неоконфуцианской доктрины, к их числу следует отнести Ан Хяна (1243 – 1306 гг.), Ли Джэхёна (1287 – 1367 гг.), Квон Бо (1262 – 1346 гг.), Ли Сэка (1328 – 1396 гг.), Чон Монджу (1337 – 1392 гг.), Чон Должона (1337 – 1398 гг.) и

многих других философов и ученых XIII – XIV вв. Неоконфуцианские мыслители и государственные деятели открыто выступали против засилья родовой аристократии и остро критиковали буддийскую церковь. Ярким противником буддизма показал себя Чон Доижон, выступавший за его полное запрещение; Ли Джэхён, поддерживая оживленные контакты с юаньскими учеными, внес неоценимый вклад в распространение неоконфуцианских воззрений в Корёе; примирить буддизм и конфуцианство и поставить их на службу феодальному обществу пытался Ли Сэк. В целом неоконфуцианская система сохраняла основные идеологические и этико-политические принципы учения Конфуция, поэтому она не вступала в противоречие с интересами господствующего класса и была поддержана группой реформаторов во главе с Ли Сонге; на рубеже XIV – XV вв. она стала государственной идеологией королевства Чосон.

Помимо буддизма и конфуцианства в Корё по-прежнему сохранялись традиционные для Кореи древние космогонические представления (о пяти первоэлементах, или стихиях, природы и двух ее противоположных началах), являвшиеся предтечей стихийного материализма, оформившегося в самостоятельное философское направление в XV – XVI вв.

2.2 Наука и литература Корё

Наука и техника. Становление централизованного государства и прогресс материального производства в начальный период Корё способствовали расцвету корёской науки и техники. Корейские ученые продолжили накопление и совершенствование научно-технических знаний; велись астрономические и метеорологические наблюдения, составлялись календари различного прикладного назначения, делались записи о солнечных затмениях и прочих природных катаклизмах. Этим целям служили астрономическое (Тхэбоккам) и метеорологическое (Тхэсагук) ведомства. В окрестностях столицы Корё на возвышенности Мангволь (г. Кэсон, КНДР) была сооружена обсерватория. Созданная в период Чосона летопись династии Ван «Корёса» сохранила многие интересные даты и наблюдения корейских ученых за период 1024 – 1383 гг.; в ней говорится о 132 солнечных затмениях, 87 кометах, 34 случаях появления пятен на Солнце и т. п. В 1343 г. астрономом Кан Пхо* был создан очень точный для того времени солярный календарь.

Дальнейший прогресс наблюдался в сфере медицины и фармакопеи. Широко распространился метод лечения различных заболеваний иглоукалыванием, далеко за пределами Кореи прославился лекарь Ли Санно*, чье руководство по применению игл в медицинских целях

в 1093 г. было востребовано в Китае. Медицинская литература в XI в. издавалась не только в Кэгёне, но и в ряде провинциальных городов. Центром отечественной фармакопеи и медицины стала специальная школа, основанная в 930 г. в Согёне (современный Пхеньян).

Важнейшим достижением корёской техники становится применение пороха и создание на его основе первого отечественного огнестрельного оружия. Его производство сумел наладить Чхве Мусон (1325 – 1395 гг.) во второй половине XIV в. Оружейники Корё прославились не только изготовлением холодного оружия, но и пушек, которые уже в конце XIV в. поступили на вооружение морского флота. Корабелы страны научились строить крупные торговые и военные корабли, способные перевозить несколько сотен воинов в полном боевом вооружении. В XIV в. жители Корейского полуострова знакомятся с новой сельскохозяйственной культурой – хлопчатником, его семена были привезены из Китая корёским дипломатом Мун Икчомом (1329 – 1398 гг.), посевы хлопка постепенно увеличивались. В период Корё значительно усовершенствовалось бумажное производство; мастера научились изготавливать прочную белую бумагу из древесины шелковицы, ее высокое качество обеспечивало не только потребности отечественного книгопечатания, но и спрос в соседних дальневосточных странах.

Вершиной корёской техники считается книгопечатание, быстро распространявшееся в стране с X в. Первоначально печатание книг осуществлялось ксилографическим способом с деревянных досок. На их плоской поверхности вырезали зеркальный иероглифический текст, повторяющий рукопись, затем деревянный рельеф промазывали тушью и делали с него отпечаток на бумаге или ткани. Ксилография требовала особой усидчивости, особенно в процессе резьбы по дереву, но она позволяла делать неограниченное количество качественных оттисков.

Первыми стали развивать искусство ксилографии буддийские монастыри для тиражирования канонической литературы. Древнейшим из дошедших до нас корейских оттисков считается «Сутра чистого света» («Ихарани сутра»), обнаруженный в храме Пулугукса и датированный 751 г. Высокий технический уровень ксилографической печати Корё позволил трижды издать знаменитый «Корё тэджанген» («Большой свод буддийских сутр Корё»). Его первое издание было начато в 1021 и завершено в 1087 г. (в российской литературе можно обнаружить датировку памятника 1013 г.), всего отпечатано 6 тыс. томов, однако и книги, и деревянные штампы Свода не пережили монгольских нашествий. Вторая попытка массового тиражирования буддийской литературы связана с именем

Вийхона, создавшего в 1085 г. в монастыре Хваомса «Сокчангён» («Малый свод буддийских сутр»), на основе которого в 1090 г. отпечатано 4769 томов; известно, что несколько из них было вывезено в Китай и Японию. На о-ве Канхвадо, защищенном морем от монгольских бесчинств, с 1237 г. осуществлялось повторное издание «Тэджангён». Его деревянные ксилографы сохранились до наших дней в храме Хейнса (горы Каясан, Южный Кёнсан); из 86,6 тыс. дощечек полного текста «Большого свода» до нас дошли 81340, все они поражают точностью резьбы и красотой печатного стиля. Буддийские мастера использовали каллиграфию Оу Янсюня, вырезав на дереве в общей сложности более 52 млн. иероглифов. Каждый ксилограф имел размеры 23,9 x 69,5 см и вмещал 23 ряда по 14 знаков в каждом. Этот уникальный памятник корейской культуры и истории получил название *Tripitaka Koreana* и в 1995 г. включен в перечень сокровищ мировой культуры ЮНЕСКО. Под его хранение в храме Хейнса отведен специальный павильон Чангёнпханго, построенный 1488 г.; он сам является уникальным памятником культуры, т. к. это древнейшее в Корее деревянное строение, сохранившееся в нетронutom виде с XV в. Помещение имеет уникальную систему вентиляции и освещения, созданную талантливыми средневековыми мастерами.

Примерно с середины XIII в. в Корё появляется сначала деревянный, а затем металлический наборный шрифт, есть указания об использовании металлического шрифта для книгопечатания с 1234 г., т. е. за два века до его появления в Европе. Наборный шрифт ускорил распространение в стране конфуцианской литературы. Упоминания о первой книге, напечатанной наборным металлическим шрифтом, встречаются в предисловии к собранию сочинений известного государственного сановника и конфуцианца Ли Гюбо (1168 – 1241 гг.) «Тонгук исангукчип»; он сообщает о пятидесятилетней работе своего современника «Санджон колым ёмун» / «Древние и современные обряды и этикет», относящейся к 1234 – 1241 гг. Древнейшей в мире книгой, напечатанной металлическим иероглифическим шрифтом на древнекитайском языке и сохранившейся до наших дней, считается «Чикчжи симгён» (1377 г.). В буддийском храме Мехянса (Северный Пхёнан, КНДР) хранятся несколько металлических литер из наборного шрифта, северокорейские историки определяют их как самые ранние на полуострове и относят ко второй половине XII в.

Литература. На основе развитого книгопечатания и конфуцианского образования в 990 г. в Кэчэне была открыта первая в истории Кореи публичная библиотека, в ее собрании имелась как буддийская, так и конфуцианская

литература, а также зарубежные (китайские) и отечественные произведения. В связи с распространением конфуцианского просвещения и государственного экзамена на чиновный ранг образованные люди Корё должны были в совершенстве владеть ханмуном (кит. – *вэнь-янь*), т. е. древнекитайским языком, поэтому в среде правящего класса широкую популярность приобрела китайская литература. Ханмун стал государственным письменным языком, предназначенным для деловой переписки, официальной документации, научных и творческих трудов. Свободное владение им стало обязательным для всех представителей феодальной верхушки Корё. На ханмуне писали свои философские трактаты и литературные произведения конфуцианские ученые Кореи Чхве Чхун, Чхве Чхам*, Пак Инган (? – 1343 гг.), Ким Бусик и др.

Многие конфуцианские ученые стремились возбудить у корейцев интерес к изучению отечественной истории, поэтому было создано большое количество исторических сочинений о трех государствах, Объединенном Силла и Корё, часть из них в отличие от трактатов предыдущих эпох сохранилась до наших дней. На этой основе появился новый литературный жанр *пхэгван* (рассказы и легенды о королях и их правлении). Популярностью пользовались и исторические антологии, среди них наиболее известна «Тонгук исангукчип», составленная Ли Гюбо.

До нас дошли династийные хроники Когурё, Пэкче и Силла, объединенные в пятидесяти-томном фундаментальном труде выдающегося государственного деятеля и конфуцианского ученого первой половины XII в. Ким Бусика «Самгук саги» / «Исторические записи трех государств» (1145 г.), а также летопись «Самгук юса» / «Предание о трех государствах», написанная буддийским монахом Ирёном в конце XIII в. Авторы этих трудов систематизировали все известные в тот момент сведения об истории Кореи, снабдив их собственными комментариями; они также включили сюда некоторые образцы устного народного творчества, легенды и предания корейцев и отрывки из древних литературных произведений. Ким Бусик, придерживаясь традиций официальной конфуцианской историографии, повествует преимущественно о политической и социальной истории Когурё, Пэкче и Силла. Произведение Ирёна написано с позиций буддизма и содержит важнейшие сведения, связанные с древними верованиями и культурой корейцев. Оба произведения являются древнейшими письменными памятниками и ценными источниками для изучения ранней истории Кореи.

Отрывочные сведения и несколько фрагментов сохранилось от книги «Чевалунги», написанной Ли Сынгю (1224 – 1300 гг.) на китай-

ском языке и в соответствии с традициями китайской поэзии; в ней говорилось о связи истории Кореи и Китая. Помимо конфуцианского, в литературе Корё продолжало развиваться и буддийское направление. Отрывки буддийской повести «Хэдон косынджон» / «Жизнеописание знаменитых монахов Восточного государства [Кореи]» содержали биографии выдающихся буддийских священников. Буддийская поэзия в раннем периоде Корё продолжала традицию жанра хянга, известны одиннадцать стихов из сборника Кюн Ё (927 – 973 гг.) «Похён чигчун вонванга» / «Сказание о десяти клятвах Самантахадры».

В целом для корёской литературы было характерно использование древнекитайского языка и иероглифической письменности, исчезновение стихотворного жанра хянга и широкое распространение песенной поэзии каё, передававшейся в устной форме от эпохи Самгук и вплоть до появления корейской системы письма в первой половине XV в. В то время как официальная литература развивалась на ханмуне, каё создавались на корейском языке. Корёские каё получили название пёльгок, большинство авторов жанра не известны, поскольку их не сохранила устная традиция, в королевстве Чосон часть сохранившихся каё были записаны хангылем. Среди пёльгок находились лирические, шуточные, обрядовые и бытовые песни, чиновникам и богачам не удалось избежать критики в каё с явно выраженным сатирическим содержанием. Мотивами социального протеста отмечены фольклорные произведения «Жена, отбывающая трудовую повинность» и «Хоть целый день паши землю», ставшие весьма популярными среди простого народа Корё.

Корёские песенные поэтические произведения отличались свободной неформализованной структурой и были значительно длиннее каё трёх государств; они отражали чувства и настроения конкретных людей, проживавших в реальном мире. Стихи пёльгок существовали в двух вариантах – однострофной форме таллёнхе и многострофной ёнджанхе. Типичными примерами однострофной поэзии каё служат «Чон Квалжонго» / «Песня Чон Кваджона» и «Самогок» / «Песнь материнской любви»; однако самые знаменитые корёские каё были написаны в жанре ёнджанхе: «Чхонсан пёльгок» / «Песнь зеленой горы», «Согён пёльгок» / «Согёнская [Пхеньянская] мелодия», «Ссанхваджом» / «Цветочный магазин» и многие др. Ёнджанхе послужили основой для возникновения классической пяти- и семистрофной формы стиха.

Светская поэзия Корё представлена несколькими именами придворных авторов, главной целью которых являлось увековечение заслуг правящего дома и короля, воспевание добродетелей родовой аристократии и чиновничества. Но наряду с дворцовыми поэтами

стихотворения писали и настоящие патриоты своей родины, выходцы из среды конфуцианских ученых; среди них наибольшую известность получили стихи о борьбе с иноземными агрессорами («К мужу на поле брани», Ко Джогги, ? – 1157 гг.), пейзажная лирика Ким Хванвона (1045 – 1117 гг.) и Чон Джисана (? – 1135 гг., «Река Тэдонган»), поэтическое изображение несправедливого устройства общества («Гвоздика», Чон Сыпмён, ? – 1151 гг.). Лирическое произведение Чон Джисана «На высоких холмах после дождя зеленью сияет трава...» пользовалось любовью многих поколений корейцев. Изысканностью стиха прославились также произведения Ли Инно (1152 – 1220 гг.), однако вершиной корёской поэзии становится творчество Ли Гюбо, оставившего потомкам около 2 тыс. стихотворений и поэм, ряд прозаических произведений. Обращает на себя внимание необычайно широкий творческий диапазон поэта: он пишет о бедствиях, постигших страну во время монгольских нашествий, и борьбе с захватчиками, о тяжелой доле простого народа и роскоши, в которой живут власть предержащие; не обходит стороной Ли Гюбо пейзажную и любовную лирику, воспевая природные красоты Кореи, мир человеческих чувств и переживаний ее жителей. Крупнейшим поэтическим произведением Ли Гюбо является поэма «Топмён ван чжон» / «Ода вану Тонмёну», воспевавшая традиции Когурё и побуждавшая соотечественников изучать историю своей страны.

С развитием конфуцианства и литературы на ханмуне в Корё появляются выдающиеся каллиграфы Ю Син (? – 1104 гг.), Тхан Ён (1070 – 1159 гг.) и Чхве У (? – 1249 гг.). Вместе с силланским Ким Сэном они составили четверку великих мастеров корейской каллиграфии, имена «четырех мудрецов» столь же значимы для корейцев, как имя первопечатника Федорова для славянина.

2.3. Корёское искусство

Памятники архитектуры и искусства, относящиеся к периоду расцвета феодальной культуры Корё (XI – XII вв.), являются ярким свидетельством дальнейшего развития сложившихся в период трех государств традиций и технических достижений силланской науки и культуры VIII – IX вв. Корёское искусство испытало одновременное влияние буддизма и конфуцианской идеологии. Буддийская религия с ее повышенным вниманием к форме максимально повлияла на изобразительную сторону произведений искусства. В свою очередь конфуцианство, отличавшееся аскетизмом по отношению к форме, было сосредоточено на внутренней сущности предмета, на символике смысла. Для раннего корёского искусства еще характерны живопис-

ность, образность, свойственная буддийской культуре Объединенного Силла, но и в нем уже прослеживается тенденция к упрощению и строгости. В период, когда конфуцианство набирало силу и становилось определяющим фактором государственного и культурного развития, для искусства Корё были характерны простота и единообразие форм, а также идейный и эстетический символизм.

2.3.1 Архитектура

Храмовая архитектура. Зодчие Корё продолжали строительство буддийских храмов и монастырей; от храмовой архитектуры трех государств и Объединенного Силла их творения отличались меньшей масштабностью, но в то же время тщательностью и строгостью архитектурной отделки. В одном только Кэгёне построено более 70 храмов. К сожалению, многочисленные войны, которые Корё вынуждено было вести с внешними врагами, не способствовали хорошей сохранности памятников культуры, в том числе и архитектурных сооружений. И тем не менее древнейшие деревянные постройки, дошедшие до наших дней, относятся к концу правления династии Ван. Несмотря на войны и стихийные бедствия, наши современники могут оценить красоту и гармонию деревянных павильонов и залов буддийских храмов Пусокса (Ёнпун, Северный Кёнсан) и Судокса (Есан), каменных сооружений храмовых комплексов Кэсимса и Чананса.

Независимо от давления со стороны конфуцианских кругов, буддизм сохранял в Корё значительное влияние, монастыри владели обширными земельными угодьями, в распоряжении духовенства находились значительные материальные и людские ресурсы. Все это давало возможность продолжать храмовое строительство, особенно в наиболее живописных местностях горных хребтов Кымгансан и Тхэбэксан. В удалении от мирской суеты были возведены замечательные архитектурные ансамбли монастырей Пусокса, Кэсимса, Судокса, Чананса и др. Если верить письменным сведениям, самым крупным храмовым сооружением в период Корё был построенный в 1056 – 1068 гг. монастырь Хынванса, включавший 2.800 зданий и сооружений. Известно также о столичном храме Поджеса, который, по высказываниям современников, величиной превосшел даже королевские дворцы. Большая часть корёских храмов была полностью или частично разрушена при монголах, но самый значительный урон они понесли в годы Корейской войны (1950 – 1953 гг.).

Буддийские строители следовали классическому канону храмовой архитектуры, сложившемуся в Объединенном Силла и очень близкому к дворцовым сооружениям этой эпохи, однако в их распоряжении появились технические новшества, разнообразные приемы деко-

ративной отделки, позволявшие придавать духовным зданиям особую выразительность и пышность. Особый интерес для современных исследователей представляют построенные из ценных древесных пород храмовые павильоны и каменные пагоды.

Павильон Мурынсуджон (1376 г.) храма Пусокса ярко демонстрирует сочетание буддийских канонических форм и новых строительных приемов. Он является не только классическим памятником корёской архитектуры, но и типичным примером нового конструктивного стиля *чусинпхо*, заимствованного у архитекторов Южного Китая и предусматривавшего строительство воздушных конструкций с перегородками из бумаги, которые легко могли переноситься в любое место и служили для быстрого изменения планировки здания; но главной отличительной чертой *чусинпхо* были открытые кронштейны и особая кровля. Прямоугольный одноэтажный павильон был построен на высоком гранитном стилобате, по фасаду он имел шесть массивных круглых столбов, проемы между которыми закрывались ажурной решеткой со строгим рисунком. Массивная двускатная крыша покоилась на опорных колоннах и имела далеко выступающий над стенами сооружения плавный изгиб. Высоко поднятые углы кровли создавали впечатление того, что она парит над легким ажурным павильоном.

Павильон Тэунджон храма Судокса отличался характерным для XII в. богатством архитектурного декора, он возвышался на гранитном цоколе, имел строгие прямоугольные очертания. Черепичная крыша с далеко выступавшим навесом перекрывала высокий зал павильона с кирпичным полом. Кирпичная кладка на полу усиливала характер простоты и суровой сдержанности всего сооружения. Фрагменты деревянных сооружений периода Корё сохранились также в храмах Пульгукса и Понджонса (фундамент и фрагмент деревянной стены павильона Кыннаджон, XIII в.). Об особенностях поздней корёской архитектуры можно судить по сохранившемуся изображению павильона Тэунджон монастыря Солванса (Канвон, РК, 1386 г.).

Эволюцию храмовой архитектуры в Корё можно проследить на примере каменных ступ, окончательно потерявших в этот период прежний суровый и лаконичный облик, присущий силланским пагодам. В XI – XIII вв. пагоды становятся выше, утолщаются их многоугольные ярусы, уменьшается высота пьедестала, но увеличивается количество утонченных ступеней. Для корёских ступ характерно дальнейшее усложнение декоративной отделки, статуи и барельефы буддийских божеств становятся неотъемлемой деталью сооружения. Специалисты видят в этом влияние пышных и богато украшенных скульптурными композициями пагод, возведенных киданями и чжурчженями. В срав-

нении с сооружениями эпохи Объединенного Силла корёские пагоды отличались многогранностью (в моду вошли шести- и восьмигранные пагоды), множеством ярусов и богатым скульптурным и барельефным декором. Крупнейшей корёской пагодой была пятиярусная пагода в храме Поджеса, уступавшая лишь силланской ступе из Хваннёнса. Среди каменных пагод Корё, сохранившихся до наших дней, наибольшую известность получили пятиярусная пагода из Пурильса (г. Кэсон, КНДР, 951 г.), семиярусные пагоды храмов Хёнхваса (г. Кэсон, 1020 г.) и Хонбокса, девятиярусные пагоды монастыря Вольчхонса и храма Похёнса (Северный Пхёнан, 1044 г.) и десятиярусная пагода из храма Кёнчхонса.

Девятиярусная пагода монастыря Вольчхонса (Одэсан, Канвон, X–XI в.) построена в форме восьмигранника высотой 15 м и отличается стройными восьмиугольными ярусами, плавными линиями скатов с колокольчиками на выступающих поднятых углах, а также низким двоянным пьедесталом, украшенным рельефными лепестками лотоса. Уникальным элементом Вольчхонской пагоды является высокий железный стержень, вырастающий из каменного лотоса, оформляющий верхнюю часть строения и придающий ему стройность, определенный ритм и устремленность вверх. Эта пагода по праву признана одним из интереснейших средневековых сооружений Корёи. Наряду с ней убедительным примером декоративной направленности корёских пагод служит двухметровая одиннадцатиярусная пагода монастыря Кымсанса (Кимдже, Северная Чолла, XII в.), возвышающаяся на гранитном пьедестале из двух массивных блоков и выложенная частыми, как зубья в гребне, сланцевыми ярусами. В двух этих пагодах явно прослеживаются разнообразные и оригинальные приемы корёской архитектуры.

Мраморная десятиярусная пагода из храма Кёнчхонса (Кэпхун, Южная Хванхэ, 1348 г.) в XVI в. была вывезена в Японию, при этом ее верхняя часть разрушилась; затем ее возвратили в Корёю и перенесли в сеульский дворец Кёнбоккун, а в 1960 г. реконструировали. Пагода богато украшена барельефами буддийских божеств. Специалисты отмечают, что она лишена характерных для корейского зодчества строгости, гармонии и единства формы, они видят в этом упадок национальной архитектуры в период монгольского ига.

Богатством архитектурных замыслов отличаются красивые и изящные мемориальные пагоды, сооруженные на могилах выдающихся буддийских деятелей и повторяющие контуры каменных фонарей. К числу наиболее известных памятников этого типа относятся намогильные ступы Хёнмётхаппи из храма Попчхонса, Сильсанби из Чонтхоса и Кодальтхаппи

(975 г.) из монастыря Кодальса. Хёнмётхаппи была сооружена на могиле монаха Чигвана* в 1085 г., а ныне находится в сеульском дворце Кёнбоккун. Низкое каменное основание служит для размещения ступы высотой 4,55 м. Сооружение повторяет архитектуру каменных фонарей силланского периода, украшено сидящими по углам фундамента львами и рельефной резьбой, ее вершина увенчана каменным балдахином с массивными небожителями по углам и урной в виде многолопастного зонта, прикрытого каменным шаром. Ступа Сильсанби в честь монаха Хынбопа* из храма Чонтхоса (1017 г.) представляет собой выполненную из камня шаровидную монашескую чашу для подаяния, прикрытую сверху конусообразной крышей и покоящуюся на постаменте из лепестков лотоса.

Храмовые каменные фонари периода Корё сохранились в ряде монастырей Корёи, по своему архитектурному облику они напоминают мемориальные пагоды. В композиционном отношении самым интересным является Большой фонарь храма Силлькса (Кёнги); выполненное из гранита восьмигранное сооружение оформлено рельефами извивающихся драконов и летящих небесных фей, его высоко поднятая крыша увенчана шаром, а постамент напоминает лotosовый трон Будды.

Погребальная архитектура. Замечательным архитектурным памятником конца позднего Корё является мемориальный комплекс из двух усыпальниц: Хённын и Чоннын (окрестности г. Кэсона), в которых покоились один из последних государей династии – ван Конмин и его супруга. Создатели стремились обеспечить гармонию погребального монумента и окружающей природы. С этой целью у подножия гробниц, имевших форму почти правильного полушария, были созданы три разноуровневые террасы, соединенные лестницами с перилами в виде полукружий. Как почетная стража, на них застыли фигуры восьми военачальников в полном вооружении и придворных сановников; торжественность обстановки усиливается изваяниями лежащих баранов и сидящих тигров. На верхней террасе перед входом в гробницы находятся фонари, увенчанные каменными «жемчужинами», и шестигранные столбы, покрытые рельефами. Задний фон усыпальниц составляет подковообразная выемка в скальном утесе с высеченными на ней зодиакальными фигурами двенадцати небесных духов.

Светская архитектура и градостроительство. Большой опыт храмовых архитекторов был востребован и в области светского, в том числе дворцового, строительства. В окрестностях Кэгёна построено множество королевских дворцов, поскольку обычаи Корё требовали создания отдельных покоев для каждого члена королевской фамилии. Наибольшей из

вестностью пользовались дворцовые комплексы Тхэпхён и Манвольдэ. В восточной части столицы, у подножья горы Сонаксан, был сооружен дворец Манвольдэ («Дворец полной луны»), служивший резиденцией основателя Корё Ван Гона и его первых наследников. До наших дней сохранились лишь гранитные фундаменты зданий и фрагменты каменных лестниц. Архитектура Манвольдэ сложилась под влиянием буддийских зодчих и очень напоминает храмовый комплекс Пульгукса. С четырех сторон дворец был обнесен крепостной стеной и естественной водной преградой, он имел несколько ворот. Королевские резиденции Когурё, Пэкче и Силла оснащались двойными воротами, а в Манвольдэ можно было попасть, лишь миновав четверо ворот: главные – Сынпхён, а также Синбон, Ёгё и Хвөгё; такая сложная процедура входа в главный павильон дворца придавала ему дополнительную святость и торжественность. Множество каменных мостов и лестниц служили настоящим украшением комплекса; вымощенная камнем дорога вела от ворот Хвөгё к высокой трехмаршевой лестнице, открывавшей путь в главный павильон дворца Хвөгён, окруженный с трех сторон специальными малыми павильонами для гостей. Все строения центральной части Манвольдэ были окрашены в красный цвет, что придавало комплексу дополнительную торжественность. Известно, что во дворце существовал большой зал для пиршеств и церемониалов.

Из парадных помещений Манвольдэ открывался величественный вид на излучину реки Имджинган и внутрь роскошного дворцового парка. Для светской архитектуры Корё было характерно создание искусственных ландшафтных зон с декоративными прудами и водопадами, гротами и горами. Ручьи горы Сонаксан, струясь по каналам парка, низвергаясь каскадными водопадами с искусственных возвышенностей, достигали дворца и вливались в расположенный неподалеку от Хвөгёна пруд, заросший цветущим лотосом. В парковой архитектуре Корё широко применялась декоративная изгородь из глазурованного кирпича голубоватых или малахитовых оттенков, она служила для сегментирования внутренней части парка и отделения его от жилой и служебной части комплекса.

В условиях постоянно сохранявшейся внешней угрозы в Корё особое значение приобрело фортификационное строительство, призванное защитить от врага не только пограничные рубежи государства, но и его важнейшие политико-культурные центры. Особое внимание отводилось безопасности Кэгёна и Согёна, а также крепостям на севере Кореи. Вдоль северных границ корёсцы создали целую сеть оборонительных сооружений: крепостей, каменных стен и земляных валов. Для защиты от киданей в

1011 г. была сооружена грандиозная каменная стена протяженностью более 500 км.

Градостроительная архитектура решала единую задачу: с одной стороны, она была призвана обеспечить безопасность города, а с другой – создать комфортные условия для проживания и жизнедеятельности корёской феодальной знати. Корейским зодчим приходилось обеспечивать ее решение, отказавшись от использования опыта могущественного дальневосточного соседа. Основы китайского градостроительства, предусматривавшие создание городов на обширных равнинных участках по строгому симметричному плану с ориентацией зданий и всего города по оси юг-север, в условиях пересеченного горного рельефа Корейского полуострова были не применимы. Корёские строители не могли создавать замкнутый в четырехугольник стен геометрически правильный город, ориентированный на страны света, им приходилось искать иные, часто весьма оригинальные решения. Научившись привязывать ансамбли дворцов и храмов к условиям окружающего ландшафта, архитекторы Корё не только создали удивительно хорошо вписывавшиеся в природный пейзаж сооружения, но и разработали собственные принципы и нормы градостроительства.

Расположенные по оси юг-север большие дворцы из нескольких павильонов строились в городах лишь для общественных нужд (например, присутственные места) или для ванской семьи. Обычная знать Корё, располагая жилье на холмистой местности, довольствовалась асимметричными дворами, в состав которых входили несколько строений и небольшой сад. Асимметрия усадеб городской знати приводила к нарушению всего городского ансамбля. Очень трудные задачи стояли перед строителями столицы Корё Кэгёна, ведь холмистая пересеченная местность определяла характер столичной застройки, в которой отсутствовал какой-либо четко упорядоченный структурно-пространственный план. Расположенные на холмах дворцы и храмы замыкались внутри несимметричной городской стены, в городе не было прямых улиц, характерных для дальневосточной городской архитектуры.

Основным строительным материалом служили гранит, кирпич и различная древесина. Технической основой для проведения строительных работ в Корё стала стоечно-балочная система, обеспечивавшая равномерное распределение давления массивной изогнутой кровли на опорные столбы посредством специальных кронштейнов – тугонов. Стены здания не выполняли какой-либо важной функции, поэтому их делали в виде легкой перегородки, оформленной ажурной решеткой из древесных планок, и покрывались тонкой беловатой бумагой, позволяющей обеспечивать освещение внут-

ренных покоев дневным светом. Полы парадных помещений покрывали кирпичом или особой плотной бумагой, пропитанной маслом, что также является особенностью корейского национального зодчества. Большинство описанных выше технических приемов характерны для южно-китайского стиля *чусингхо*.

Парадные помещения имели строгие прямоугольные очертания, возводились на высоких гранитных основаниях, строились в один этаж. Массивные плавно изогнутые крыши вылапались далеко вперед по отношению к стенам павильонов и покрывались черепицей. Примечательно, что для подобных китайских строений характерна приземистость, а корейские павильоны были достаточно высокими. Интерьеры и наружные стены парадных зданий иногда покрывали живописными узорами, но особенно прославилось искусство оформлять архитравы и балки под выступающей кровлей. Как оригинальные произведения деревянной скульптуры и живописи можно воспринимать разнообразные по форме и нанесенному рисунку кронштейны-тугоны. Полировка деревянных элементов строения позволяла корёским строителям показать древесную текстуру и стала одним из способов архитектурного декора.

2.3.2. Живопись и скульптура

Пожары и разрушения, вызванные многочисленными войнами и социальными потрясениями XI – XVI вв., привели к тому, что многие произведения изобразительного искусства Корё погибли и известны современным исследователям только по упоминанию в письменных источниках или отдельным работам, случайно уцелевшим в период лихолетья. До нас дошло лишь несколько образцов корёской живописи и скульптуры, но доподлинно известно о мастерстве художников и ваятелей, создавших настоящие шедевры, которые служили украшением многочисленных дворов и храмов Корё.

Живопись. Многочисленные упоминания о корёских художниках и их произведениях сохранились в ряде исторических произведений Кореи, Китая и Японии; особый интерес представляет информация из трактата «*Корё тогён*» / «Корёские зарисовки» (1124 г.) сунского сановника Сюй Цзина и летописи «*Корёса*». Конечно, книжные сведения не дают нам возможности по достоинству оценить мастерство живописцев, но позволяют судить о широком распространении основных жанров – стенописи, станковой живописи, гравюры и буддийской скульптуры. О значении, которое государство отводило изобразительному искусству, свидетельствует открытие в период правления вана Еджона (1106 – 1122 гг.) придворной академии живописи *Тохвагон*.

Стенопись буддийских храмов почти вся погибла, лишь в трех из них – Хэинса, Судокса и

Пусокса – сохранились фрагменты отдельных композиций. Богатством живописных приемов и особой художественной выразительностью отмечена большая композиция на стенах павильона *Ёнсаджон* (Халчхон, Северный Кёнсан, XIII в.), расположенного вблизи монастыря Хэинса. Многофигурная композиция Будды в окружении божеств буддийского пантеона достаточно динамична и реалистична. Рисунок отличается плавными, струящимися линиями, утонченной прорисовкой деталей; нет сомнения в том, что он был выполнен опытным мастером-монументалистом.

Буддийская стенопись позднего Корё представлена на стенах павильона *Чосаджон* (середина XIV в.) монастыря Пусокса, центральное место здесь занимают изображения божеств: четырех хранителей буддийского мира сачхонванов и бодхисатвы Авалокитешвары, выполненные примерно в 1379 г. Его создатели применили декоративный метод, основанный на цветовом контрасте киновари, золотисто-охристых оттенков и голубого фона, с его помощью они достигли весьма специфичного визуального эффекта: зритель невольно сосредотачивает внимание на лицах, руках и отдельных деталях одевания персонажей, выделенных светлыми пятнами. Фигуры попирающих демонов сачхонванов в развивающихся одеждах демонстрируют стремление художника уйти от плоскостной статики буддийских икон и создать достаточно динамичный рисунок. Плохо сохранившееся изображение Авалокитешвары исполнено в классической буддийской манере, передающей всю полноту эпического величия и внутреннего покоя бодхисатвы, но и в нем автор не уходит от декоративного стиля, используя контраст темно голубого фона и розовых тонов одежды.

Подобные же рисунки, но менее интересные в художественном отношении и еще больше пострадавшие от времени были обнаружены в храме Судокса и в погребениях знати (возможно буддийского духовенства) в *Сурагамдопх* (Кэпхун, Южная Хванхэ).

В XI в. буддийские живописцы овладели искусством гравюры и миниатюрной живописи золотой тушью по темному фону бумаги; эти рисунки иллюстрировали священные сутры. Некоторые из таких произведений сохранились в буддийских храмах Японии, их авторство приписывается знаменитому корёскому художнику монаху Хэхо*.

Станковая живопись принадлежала исключительно к светской сфере и служила для украшения жилья знати. Преобладали картины на шелке или бумаге, выполненные в виде вертикальных или горизонтальных свитков. Художниками были сами аристократы: умение рисовать, наряду со стихосложением, воспринималось как признак образованности и конфуцианской интеллигентности. Самых талантливых

художников принимали в академию *Тохвагон*, они получали почетные звания и различные придворные титулы.

Авторы исторических хроник называют шедеврами ранней живописи Корё полотна «Карп» и «Небожители» Чон Дыккона* (XI в.). Наибольшую известность в XII в. получила пейзажная живопись Ли Ёна*, несколько лет обучавшегося сунскому искусству в Китае, о его картинах известно по письменным источникам. Современники выделяли его работу «Река Ёсонган», проникнутую чувством величия и любви к родному краю; все картины художника безвозвратно утрачены. Пользовались известностью и другие мастера корёской живописи – Ли Гванпхиль*, Ко Юбан*; сохранились сведения о талантливом художнике, крупном поэте и конфуцианском ученом XIV в. из г. Кёнджу Ли Джехёне. Он творил под псевдонимом Икчэ из Кёнджу и отличался лиризмом и романтическим восприятием окружающего мира; Сюй Цзин в «Корё тогён» высоко оценивал мастерство Икчэ и отмечал его близость к китайским художникам конца XIII в. Как живописец прославился ван Конмин (творческие псевдонимы Иджэ и Иктаи), писавший в тонкой графичной манере. В Сеульском национальном музее хранятся два его живописных свитка, посвященные сценам придворной охоты: «Чхонсан тхэсаньян» / «Большая охота в Небесных горах» и «Ымсан саньян» / «Охота в горах Ымсан».

Скульптура. Важное место в корёском изобразительном искусстве занимала буддийская скульптура, однако она уже не могла повторить выразительных и глубоко одухотворенных образов силланских изваяний, поэтому можно говорить о некотором снижении ее художественной значимости. Данная тенденция уже наблюдалась в поздних работах мастеров Объединенного Силла, а в период Корё натуралистичная условность и канонический схематизм буддийской скульптуры конца VIII – IX в. еще более окрепли. На ослабление художественной ценности корёской скульптуры повлияли вторжения киданей и монголов, сопровождавшиеся их культурным воздействием на корейских ваятелей. Строгий контроль за соблюдением канона со стороны высшего буддийского духовенства также сковывал творческую свободу скульпторов и отразился на общем характере их произведений. В отличие от Силла ведущим видом изобразительного искусства в Корё стали считать живопись и каллиграфию, поэтому к скульптуре там относились не как к искусству, а как к ремеслу, что отразилось на положении мастеров и их творениях; многие имена скульпторов феодального времени не сохранились вообще, и их работа оказалась обезличенной.

В Корё утрачивается искусство монументальной каменной скульптуры и скальных барельефов, высоко развитое в Объединенном

Силла. Каменные изваяния Будды и его свиты встречались крайне редко, и тем не менее, в X в. группой неизвестных мастеров была создана самая большая в Корее стоящая фигура Майтрейи (изготовлена между 968 – 1006 гг.). Из огромных гранитных глыб корёские ваятели вытесали скульптуру высотой 21,45 м для монастыря Кванчхокса (Нонсан, Южный Чхунчхон), ее фигура была приземистой и выполнена в обобщенной манере. Статуя увенчана двухъярусным прямоугольным навершием, непропорционально большим по отношению к фигуре Майтрейи. Ее можно оценивать как в большей степени ремесленное изделие, поражающее не художественными чертами, а своей грандиозностью и мастерством камнетесов. Каменное изваяние Будды высотой 10,9 м сохранилось также в монастыре Тэджоса, а в горах Кымгансан (Магаён, Канвон, КНДР) обнаружена буддийская статуя высотой 14,5 м.

Уникальным скульптурным произведением является статуя сидящего Амитабхи (X – XI вв.) из павильона Мурыансуджон монастыря Пусокса, выполненная из дерева (туловище), глины (элементы декора, голова и руки) и покрытая толстым слоем золотого лака. Ее высота – 2,7 м, ширина у колен – 2,1 м. Божество сидит в традиционной позе со скрещенными ногами и сложенными в условном жесте руками, с его левого плеча на грудь и торс живописными драпировочными складками спадает плащ. Лицо изваяния имеет явно выраженный корейский тип и лишено суровой внутренней сдержанности, присущей силланским произведениям, на нем проступает легчайшая улыбка, но она не в состоянии передать «улыбку пэкческих будд». Позади статуи расположен ореол манадала, покрытый восходящими языками пламени; позолоченная тонкая резьба по дереву делает его самостоятельным великолепным произведением буддийского искусства. Блеск золотого ореола и игра света на складках плаща создают особую торжественную атмосферу; мурыансуджонский будда и внутреннее убранство павильона являются ярким свидетельством тяготения культовой архитектуры и скульптуры Корё к особой пышности и парадности.

Популярными в X – XII вв. были небольшие бронзовые и глиняные статуэтки для домашних алтарей, особым почтением пользовались изображения буддийских апостолов архатов (кор. – нахан). Их размещали в домах и дворцах, а в храмах и монастырях создавали целые павильоны, вмещавшие сотни статуэток, изображавших архатов в различных позах и одеяниях. До наших дней дошли голова одной из таких миниатюр XII или XIII в., изображавшая апостола в образе престарелого монаха с широко раскрытыми глазами и обвислыми щеками, а также бронзовый будда-врачеватель (вторая половина XIII в.).

Более тесное знакомство с китайскими мастерами расширило материальную базу буддийской скульптуры Корё, выше мы уже говорили о мурянсуджонском будде, выполненном из дерева, глины и золотого лака, но в X – XI вв. в Корё большое распространение получила литая железная скульптура, впитавшая бронзовую пластику Силла. Примером нового направления ваятельного мастерства служат несколько сохранившихся железных статуй: железная голова Будды (X – XI вв.), сидящий Будда со скрещенными ногами и др. Опыт бронзового литья буддийских изображений позволил создать выразительные и четкие образы, отличающиеся большой жизненностью и эмоциональностью, вместе с тем для железных скульптур характерны определенная лаконичность художественного решения и некоторая идеализация образа божества.

Светская скульптура Корё представлена единичными экспонатами, созданными для увековечения памяти усопших правителей. До наших дней дошла гробница вана Конмина и его супруги (см. параграф о погребальной архитектуре Корё). Погребения корёских королей оформлялись каменными изваяниями военных и гражданских чиновников и священных животных; статуи отличались лаконичностью и строгостью очертаний, для них были характерны те же условность и схематизм, что и для буддийской скульптуры X – XIV вв. Снижение выразительности и художественной значимости культовой и светской скульптуры на протяжении всего периода, а особенно в позднем Корё, можно объяснить нарастающим влиянием конфуцианской системы.

2.3.3. Декоративно-прикладное искусство Корё

Среди различных видов декоративно-прикладного искусства Корё высокой культуры производства и значительного художественного уровня достигли керамика, ювелирные и лаковые изделия, а также искусство перламутровой инкрустации и художественной работы по металлу – серебру и бронзе. Корёские художественные промыслы обеспечивали феодальную знать предметами потребления и роскоши, а также производство товаров, вывозившихся в Китай и Японию. Замечательный корёский фарфор, богато украшенная золотая и серебряная посуда, инкрустированные серебром ларцы и шкатулки из лака, шелковые и парчовые ткани, меховые кисти для письма, изделия из перламутра и дорогие сорта бумаги не только служили удовлетворению тонких эстетических запросов аристократии Корё, но и прославили страну на Дальнем Востоке и далеко за его пределами.

Большинство предметов декоративно-прикладного искусства изготавливались для ари-

стократии и богатых буддийских монастырей, поэтому они сохранились преимущественно в захоронениях феодальной знати.

Фарфор и керамика. Самое видное место среди изделий декоративно-прикладного искусства Корё занимали фарфор и керамика. Многие шедевры корёских керамистов X – XIV вв. и сегодня поражают гармонией формы и декора, пластичностью и изяществом очертаний, оригинальной цветовой гаммой и тонкостью глазурного покрытия. Свидетельством высочайшего мастерства корейских гончаров является необыкновенная популярность их творений в Китае, который являлся родиной фарфора и законодателем моды в этом направлении прикладного искусства.

Керамисты Корё унаследовали и развили лучшие технологические методы и художественные традиции силланских гончаров, но их эстетические предпочтения и вкусы испытали существенное влияние китайских коллег. Для X – XIII вв. характерен широкий обмен керамическими изделиями между Китаем и Корё, корёская знать пользовалась белым фарфором из Динчжоу, зеленовато-серыми хэнаньскими сосудами, голубой керамикой из Юэчжоу и черной южно-китайской посудой, покрытой особой блестящей глазурью. Такое разнообразие керамических предметов стимулировало творческий поиск корейцев, обобщивших технические и художественные приемы отечественных и зарубежных мастеров и адаптировавших их к своим национальным эстетическим нормам.

В развитии керамического производства Корё четко прослеживаются четыре периода:

- переходный период от силланской керамики к новой корёской (X в.);
- овладение технологией и эстетикой китайского керамического производства, появление *протоселадона*, разработка и совершенствование технологии производства керамики *селадон* (конец X – начало XII в.);
- расцвет корёской керамики *селадон* и техники инкрустации цветными глинами *сангам* (XII – середина XIII в.);
- упадок керамического производства, появление «*расписного Корё*» (конец XIII – XIV в.).

На раннем этапе становления государственной и экономической структуры Корё здесь преимущественно воспроизводились силланские традиции высокотемпературного обжига тонкостенной неглазурованной керамики, широко распространенной в качестве обычной хозяйственной утвари. Продолжалось и низкотемпературное производство более художественных изделий, покрытых прозрачной свинцовой глазурью зеленоватого или темно-коричневого тонов. Одновременно с этим корёские мастера учились обращаться с глиной, изменять

ее пластичность, цвет, варьировать структуру теста, обрабатывать готовые изделия.

С конца X в. в Корё пристально изучали разнообразное керамическое искусство сунского Китая, на этой основе на рубеже X – XI вв. появились первые *протоселадоны*, самая архаичная форма знаменитых корёских *селадонов*. Европейцы называли «селадон» зеленовато-серые сосуды из китайской провинции Хэнань, их главной особенностью являлось подражание цвету нефрита и блестящая, как лаковое покрытие, глазурь. Корёские мастера почти сразу же сумели обеспечить отечественному селадону необходимый зеленовато-серый оттенок, но глазурь на их первой посуде получалась тусклой и неровной. Неустанный поиск гончаров на протяжении всей первой половины XI в. привел к появлению редких по красоте сосудов серовато-зеленого, серо-голубого и серо-коричневатого оттенков, покрытых нежной глазурью, блестящей, как самый качественный лак. Особый режим обжига создавал в глазури тончайшую, как паутина, сеть мельчайших трещинок, обеспечивавшую особую игру света и теней на поверхности сосуда. Именно такие «драгоценные», по понятиям тех времен, гончарные изделия прославились далеко за пределами полуострова и получили известность как корёский селадон. Особую славу приобрели сосуды маляхитового оттенка, который поэтично сравнивали с цветом осеннего неба Кореи. Считается, что первые «настоящие» сосуды корёского селадона относятся примерно к 1050 г.

Наши современники воспринимают селадон как вершину аристократического искусства Корё, привлекающую своей неповторимой красотой, чистотой цвета, соразмерностью конфигурации и удивительным глазурным покрытием. Такую посуду изготавливали исключительно на Корейском полуострове в Канджине (Южная Чолла), Пуане (Северная Чолла), на о-ве Канхвало (Кёнги) и некоторых других населенных пунктах. Селадон пользовался огромной популярностью за пределами Кореи и превратился в главную статью корёского экспорта.

Первые селадоновые изделия были достаточно просты и изготавливались без декора, они восхищали гармонией линий и цвета (пять плоских чаш, Сеульский национальный музей, середина XI в.) и лишь иногда – необычной формой (сосуд для вина в форме молотка для лощения бумаги, дворец Токсугун, XI в.). С конца XI в. селадон украшают искусно вырезанными из глины или тиснеными цветами пиона, виноградной лозы, стеблями бамбука, изображениями плывущих рыб. В условиях преобладания буддизма наиболее популярным мотивом становятся цветы, листья и бутоны лотоса: особым изяществом отличаются чаши для чая с расположенными по спирали внутри или снаружи лепестками лотоса, сосуды для воды из

письменных наборов (воду применяли для разбавления сухой брикетированной туши) в форме лотосового бутона и цветочные вазы, покрытые узором из сплетенных цветов и листьев лотоса. Эти удивительные декоративные элементы наносились на сосуды либо техникой подглазурной резьбы (линейный узор), либо методом тисненого штампа (рельефный узор).

XII и XIII вв. являются эпохой расцвета керамики Корё. На фоне общего экономического подъема после изгнания киданей изготовление селадонов стало важной отраслью ремесленного производства, но повышение его хозяйственной значимости не повлекло за собой снижения художественного значения керамики. Знать и буддийское духовенство требовали керамических изделий высокого, художественно-утонченного качества. Мастера изготавливали замечательные чаши, изысканные блюда и прочую посуду для пиршеств и ритуалов, великолепные вазы и курительницы, служившие для оживления интерьера, письменные наборы из сосудов для воды, подставок для кистей и брикетов туши, корытцев для ее разведения. Не менее великолепно выглядели шкатулки для хранения туалетных принадлежностей, подставки-изголовья (служившие как подушки), бутылки для вин и соусов, прочая посуда и предметы бытового обихода.

Усложнился декор селадонов: с начала XII в. получают распространение пейзажный рельеф (коническая чаша из Токсугун, XII в. украшенная видом пруда с играющими мальчиками, утками и рыбами в обрамлении силуэтов лотоса и бамбука) и лепные украшения (многочисленные вазы в стиле *мэбён*, украшенные объемными фигурками животных – льва, единорога, фазана, утки и т. д.). Настоящими шедеврами керамики селадон являются курительницы с сидящими на их крышках скульптурными фигурами (курительница с фигурой льва, Сеульский национальный музей, 1124 г.); не уступают им миниатюрные сосуды-скульптуры для воды из письменных наборов (обезьянка с детенышем, частная коллекция, первая половина XII в.; сосуды-драконы, карпы или утки). Эти и многие другие объемные скульптурные изображения животных являются подлинными шедеврами корейских керамистов. К середине XII в. распространяется техника изготовления ажурных селадоновых сосудов, покрытых изящным узором из переплетающихся растительных или геометрических элементов. Ажурные компоненты либо покрывали все изделие, либо являлись декором какой-либо его части. Известны курительницы с ажурными шарами на крышке, ажурные двойные сосуды в форме плода граната, ажурные двойные сосуды для вина в виде маленького чайника на подставке, разнообразные шаровидные футляры. Искусство ажурного корёского селадона высоко ценилось в Сунской империи, где изделия корейских мастеров сравнива-

ли с традиционной для Китая ажурной резьбой по слоновой кости.

На рубеже XII – XIII вв. в Корё распространилась новая техника декорирования селадона. Художественный вкус, опыт работы с различными материалами, а также техническая виртуозность керамистов привели к формированию еще одной разновидности сосудов – сангам. Технология сангам позволяла инкрустировать основной фон изделия глинами иного цвета и создавать на этой основе различные живописные изображения и орнаменты. Вероятно, методика сангам появилась как подражание лаковым предметам, инкрустированным серебром или перламутром. Считается, что сангам возникает до 1159 г., поскольку в гробнице вана Ыйджона (1159 г.) были обнаружены два сосуда с инкрустацией сангам, исполненной на высоком техническом уровне.

Тесто для инкрустированных глиной сосудов несколько отличалось от селадонowego: в нем было больше каолина, поэтому изделия сангам максимально приближались к фарфору. Процесс производства сангамского фарфора был весьма трудоемким. Сначала на поверхности необожженного и хорошо высушенного сосуда делались углубления для последующей инкрустации, затем в них вставлялись необходимые рисунки из глины более светлого или темного по сравнению с фоном цвета, часто рисунок комбинировали из нескольких оттенков. На покрытое инкрустацией изделие наносили селадоновую глазурь, а затем его обжигали при температуре 1200° в особом режиме, учитывая даже направление ветра. Иногда применяли двойной обжиг – до и после глазурирования. Еще более изощренной была методика т. н. обратной инкрустации, когда инкрустировался не рисунок, а весь углубленный фон изделия, в этом случае по завершении сложного и трудоемкого процесса обычный селадоновый рисунок выделялся на цветном инкрустированном поле сосуда. Инкрустированным декором для посуды сангам служили изображения пиона, хризантемы, дракона, бабочки, рыбы, сосны, бамбука, виноградной лозы, уток, но наибольшей популярностью пользовался мотив летящего в облаках журавля или аиста. Рисунки были сделаны удивительно четко, несмотря на особую неподатливость глины как материала для живописи.

Метод сангам использовали для оформления всего спектра керамических изделий Корё: трапезной и ритуальной посуды, сосудов для хранения вина, воды и пищевых продуктов, предметов бытового назначения, но наиболее часто цветной глиной инкрустировали классические вазы мэбён (ваза «Тысяча журавлей», частное собрание, конец XII в.), сосуды в виле дольчатой тыквы (сосуд для вина, Российский государственный музей искусства народов Востока, XII в.) и ритуальные сосуды куидик для жерт-

венного разбрызгивания воды (сосуд «с утками-мандаринками», Сеульский национальный музей, XII в.). К концу XII в. формы и украшения сангамского фарфора усложнились, появились сосуды с рельефными и лепными элементами, мало отличавшимися от декора селадонов, однако детали глиняной инкрустации в этом случае значительно упростились: исчезла четкая прорисовка элементов, инкрустированные изображения стали обобщенными (сосуд для воды в форме тыквы-горлянки, Токсугун, начало XIII в.).

Интересным вариантом фарфора сангам становятся изделия XIII в. со следами позолоты поверх глазури или инкрустацией из золотых пластинок. Такой драгоценный декор был характерен для предметов роскоши, выделявших самых высокопоставленных представителей феодальных кругов. Они пользовались золочеными сосудами, чашами для вина и чая, туалетными шкатулками с пятью коробочками-вкладышами внутри.

Наряду с селадонem и сангамским фарфором в Корё изготавливали различную цветную (белую, черную, коричневую и зеленую) керамику, керамику «под мрамор» (созданную путем смешения черной, серовато-белой или красной глины и покрытую прозрачной селадоновой глазурью) и лакированную. Особенно славились керамика *гхурып ханыль* («голубое небо») и т. н. «черное Корё» (покрытая густой черной глазурью). Декор не был характерным для них, но некоторые изделия украшены подглазурной резьбой или росписью из белой глины. На рубеже XII – XIII вв. в Корё появился голубоватобелый тонкостенный фарфор, а к началу XIV в. относят находки ценных изделий из белого и голубого фарфора, обнаруженного в аристократических захоронениях на о-ве Канхвало, куда феодальная знать бежала, спасаясь от монгольских нашествий.

Керамисты Корё не ограничивались изготовлением высокохудожественного фарфора и селадоновой посуды, они применили новые технологии и в области традиционного черепичного производства. Мастера научились производить ценную черепицу для оформления дворцовых сооружений и жилья знати. Известно несколько черепичных фрагментов XI – XII вв., покрытых селадоновой глазурью и растительным рельефным орнаментом. Центром производства селадоновой черепицы являлся Танджонни (Кёнгпи).

Секрет изготовления корёского селадона был постепенно утрачен во времена войн с монголами и имджинского нашествия японцев (конец XVI в.). Современным специалистам известно, что красота селадона достигалась с помощью очень сложного метода обжига в специальных гончарных печах и особого состава каолинового теста, в которое добавляли поле-

вой шпат и окись железа. Цвет изделия напрямую зависел от структуры теста и режима обжига. Немало было сделано и для поиска соответствующей рецептуры глазурного покрытия; отталкиваясь от силланской оливково-коричневой, корёссы научились создавать глазурь, максимально близкую к сине-зеленому цвету нефрита. Славе корёского селадона в не меньшей степени способствовали разнообразие форм и декора сосудов.

Со второй половины XIII в. керамическое и фарфоровое производство вступает в полосу упадка, вызванного разрушительным для культуры и экономики страны монгольским завоеванием. Мастера уже не создают значительных в художественном отношении произведений, упрощается и постепенно исчезает сложный декор селадонов и сангамского фарфора. Искусствоведы признают в качестве переходной формы от развитого селадона и сангама к позднему т.н. «расписное Корё». Тисненный или резной орнамент, инкрустация предшествовавшего периода сменяются обычной росписью минеральными красками, изредка сочетавшейся с сангам. Окисление красок при обжиге сказывалось на оттенке глазури, она приобретала желтоватые тона, а сами рисунки под воздействием высоких температур приобретали черный или коричневый цвет. Такая особенность диктовала тематику декора: он носил растительный характер – изображались ветки ивы, густые завитки листьев или цветы хризантемы и пиона. Изменилась цветовая гамма и классического селадона, преобладали простые оттенки оливкового, серо-зеленого и желтовато-серого цвета. В XIV в. корёская керамика утрачивает пластичность и изысканность, ее элегантность сменяется строгой простотой и грубыми прагматичными формами.

Художественная работа по металлу и ювелирные изделия. Немногие сохранившиеся от периода Корё украшения и предметы бытового назначения из драгоценных металлов, бронзы и самоцветов свидетельствуют о высоком уровне развития ювелирного производства. Корёский погребальный инвентарь включал различные украшения и ритуальные сосуды из золота и серебра, бронзовые зеркала и миниатюрные скульптуры, поясные пряжки и головные шпильки. Примечательно, что он становится скромнее по ассортименту и количеству захороненных вместе с покойным предметов, чем в Объединенном Силла.

Центром художественного и ювелирного производства Корё оставался столичный Кэгён, куда после падения Силла переместилась не только феодальная знать, но и обслуживавшие ее запросы мастера. Создававшие произведения ювелирного искусства ремесленники продолжали художественные и технические традиции силланцев. Они научились изготавливать ис-

кусные золотые и серебряные украшения для одежды и дамских причесок. Изделиями придворных ювелиров пользовалась корёская и монгольская знать. Феодальные чиновники носили ажурные пряжки с изображением птиц, рыб, тигра, дракона в водной или воздушной стихии; такие же сюжеты в сопровождении рельефных узоров и самоцветов часто украшали головку шпилек для волос. Эти ювелирные миниатюры отличались сложной, но гармоничной композицией, удивительной динамичностью и четкостью животных и растительных силуэтов, в них проявились особое внимание и любовь корейского народа к живой природе.

Особым направлением художественной работы по металлу в Корё оставалось производство бронзовых зеркал, часто встречающихся в погребениях аристократии. От изделий периода бронзы и первых веков новой эры корёские зеркала отличаются разнообразием формы и декора. Часть зеркал была украшена китайскими рисунками периода Ханьской и Танской империй, но на некоторых присутствовали жанровые композиции явно корейского происхождения: изображения четырех животных-хранителей сторон света, драконов и птиц, парящих среди облаков, деревьев и цветов (зеркала хвасу), сложные узоры из лотоса. Иногда на зеркала наносились пейзажные зарисовки, известно изображение парусника, плывущего по бурному морю. Для подарочных зеркал характерно было нанесение граверных надписей или посвящений.

Одним из главных изделий художественного литья по металлу являлись колокола. Корёские колокола отличались разнообразием рельефного декора и особым изяществом формы, в этом отношении они были достаточно близки колоколам позднего Силла, но гораздо меньше их по размеру. По кромке колокола шел литой узор из лотоса, веток бальзамина, на боковой поверхности тулова находились рельефные изображения фей и небожителей. Особым изяществом отделки славилась колокола буддийских храмов Чхонхынса и Ёнджуса. Письменные источники сообщают, что иногда на литье храмовых колоколов среди верующих собирали пожертвования в виде бронзовых изделий и утвари. В Корё колокола производились не только для монастырей, появилась традиция размещать их на высоких городских башнях для подачи различных сигналов. Храмовые колокола многие называют одним из высших достижений национальной культуры; считается, что в Южной Корее сохранилось до двенадцати колоколов периода Корё, а более пятидесяти находятся в Японии, куда они были вывезены во время Имджинской войны, в конце XVI в. Помимо зеркал и колоколов литейщики по бронзе создавали металлические курительницы, вазы, чайники и другие сосуды, имевшие

не только бытовое или ритуальное предназначение, но и определенные художественные достоинства.

Ювелиры Корё создают и новые направления декоративных промыслов: в X – XIII вв. широко распространяется производство миниатюрных моделей храмовых павильонов и пагод из ценных пород дерева или из посеребренной бронзы. Их размещали в домашних и храмовых алтарях перед статуями Будды и других божеств. Миниатюры удивительно точно передавали архитектурные особенности буддийских сооружений, воспроизводили мельчайшие детали их украшений и конструктивных особенностей. Шедевром ювелирного искусства Корё считается миниатюрная девятиярусная пагода из ступы монастыря Суджонса (Кёнги, XI – XII вв.), выполненная из позолоченной бронзы и украшенная подвесными колокольчиками.

Корёсцы изобрели технику инкрустации серебряной пью по бронзе (*хамун*, или *ипса*), позволявшую воспроизводить на поверхности сосуда сложные орнаментальные композиции и даже сюжетные изображения. Известны несколько ритуальных сосудов *кундик* (серебряное покрытие по бронзе, Сеульский национальный музей, XI – XII вв.), медная курильница с фигурными пазами и вставленными в них золотыми и серебряными нитями (Центральный исторический музей, Гёнхён, XIII в.) и многие другие бронзовые изделия. Буддийские монастыри заказывали ювелирам дорогостоящие ритуальные сосуды, дароносицы *сарира* (буддийские ковчеги-реликварии), курильницы *хян* но для благовоний; изготавливались они из бронзы, серебра и золота и непременно украшались серебряной инкрустацией. Миряне пользовались серебряными и золотыми сосудами для вина, богатыми столовыми сервизами из драгоценных металлов или бронзы, ювелиры украшали их чеканными узорами, ажурной резьбой, гравировкой и инкрустацией. Сохранившиеся до наших дней предметы духовной и светской роскоши из металла свидетельствуют о непрерывном совершенствовании декоративно-прикладного искусства Корё.

Лаковые изделия. Высоким художественным уровнем отличаются корёские лаковые изделия, более того, специалисты полагают, что именно лаковых дел мастера являлись законодателями моды в области декорирования других изделий прикладных ремесел; сложные композиции и мотивы, которыми впервые были украшены изделия из лака заимствовались художниками по керамике, металлу и дереву.

Украшением интерьера дворцов и домов знати служили богато орнаментированные лаковые подносы и блюда, шкатулки для туалетных принадлежностей, письменные наборы, коробки для бумаг и свитков.

Наибольшей популярностью пользовались изделия *наджон*, создание которых представляло собой сложный технологический процесс. Деревянная заготовка при помощи клея и вываренного риса обклеивалась конопляной тканью и неоднократно покрывалась черным лаком. Особое внимание уделялось полировке и выравниванию поверхности, и лишь после этого на ней рыбным клеем фиксировались элементы перламутровой, черепаховой, золотой или серебряной инкрустации. Затем изделие вновь неоднократно покрывали черным лаком до такой степени, что инкрустация исчезала; последующая шлифовка особыми порошковыми составами открывала ее рисунок, поверх него наносили несколько слоев прозрачного лака и снова шлифовали с использованием другого, теперь уже масляного состава для прилипания особого блеска. Мастера-инкрустаторы научились создавать из перламутровых, черепаховых и металлических пластинок удивительные по сложности орнаменты и художественные композиции.

2.3.4. Корёская музыкальная культура

В музыкальной культуре Корё прослеживаются два ведущих направления: дворцовая музыка *аак* и народная песенная культура *каё*.

Корёская аристократия поощряла развитие дворцовой музыки *аак*, она возникла на основе заимствованной из сунского Китая классической конфуцианской музыки *хяпак*. Звучание *аак* сопровождало государственные и конфуцианские церемонии, дворцовые пиры и прочие развлечения знати. Примечательно, что классическая сунская музыка в Китае исчезла бесследно, а в Корее *аак* сохранилась и исполняется по сей день. Корёские музыканты знали много произведений как заимствованных из Китая, так и собственного сочинения. Они усовершенствовали привычные для корейцев музыкальные инструменты – *комунго*, *кангым*, барабаны и флейты. Известно о дворцовом ансамбле начала XII в., в котором на 40 инструментах играли 108 человек. Со временем корёские музыкальные инструменты стали классическими и в неизменном виде присутствуют в современной национальной музыкальной культуре.

Корёские *каё* не только являются ценным памятником средневекового фольклора, но и представляют музыкальные традиции простого народа, воспевавшие трудную жизнь простолюдинов и обличавшие праздность и властолюбие феодалов. Среди народных *каё* были обрядовые, лирические, трудовые, шуточные и сатирические песни.

Своеобразным симбиозом народных и дворцовых традиций следует признать танцы *чхойтму*. Такое название этот вид корейской хорео-

графии получил по имени знаменитого постановщика и исполнителя танцев в XI в. Чхо Ёна. Он создал зрелишные танцевальные представления в масках, которые постепенно приобрели вид театрализованного действия с участием десятков актеров и музыкантов. Танцы чхоёнму пользовались огромной популярностью в Корё. Поскольку они часто сопровождались пением, сложилась разновидность чхоёнму – каму (танец с песней). По летописям известно об одном грандиозном представлении в г. Кэгён в 1077 г., в котором приняли участие 550 исполнителей: музыкантов, танцоров и певцов. Наибольшей популярностью пользовались танцевальные номера чонсаму («воинский танец») и саджаму (танец в маке льва).

2.4. Культурные связи Корё

Основным направлением культурных контактов государства Корё с внешним миром стал всесторонний обмен с Сунской империей. Корё поддерживало добрососедские связи с сунским Китаем и активно перенимало его культурный опыт. Взаимоотношения между двумя странами опирались на общность политических интересов ввиду их совместного противостояния кочевым племенам киданей и чжурчженей, а затем монгольским нашествиям.

Инициатором интенсивного обмена с Сунской империей стал ван Кванджон. Именно он стал направлять в Китай специальные культурные миссии, студентов, монахов и торговцев. Корёсцы изучали в соседнем государстве конфуцианство, выдержавших конкурсный экзамен принимали в Государственную конфуцианскую академию – высшее учебное заведение сунов. Продолжалась практика обучения в Китае буддийских деятелей из Корё, там изучал религиозную теорию и философию известный корейский теолог буддизма Ёйчхон. Некоторые корёские монахи навсегда оставались после учебы в Китае: так, Ёйчхон (927 – 988 гг.) развернул в Сунской империи активную деятельность буддийской секты Чхонтхэ, а его последователь Чхве Гван изложил доктрину учителя в трактате «Четыре основы вероучения чонтхэ».

В Корее достаточно плодотворно работали многие китайцы, некоторые из них связали свою судьбу с новой родиной и стали видными государственными деятелями Корё. Это были главным образом, конфуцианские ученые и идеологи, помогавшие королевским властям упрочить централизованное феодальное государство. Вану Кванджону верно служил китайский чиновник Шуан Цзи, а король Мокчон опирался на помощь сунского ученого Чжоу Чжу. Китайские конфуцианцы способствовали становлению многих традиций корейского феодального государства, в том числе зарождению придворного музыкального жанра аак.

Оживленная торговля сунов и Корё влияла на развитие декоративных ремесел полуострова, поскольку в Китай вывозились преимущественно инкрустированные лаковые изделия, предметы из золота и серебра, узорчатые ковры. Китай отправлял своему вассалу книги, шелк, лекарства и фарфор. Сунский фарфор оказал определяющее воздействие на становление знаменитого корёского селадона, который, в свою очередь, стал важнейшей статьёй корейского экспорта и получил признание во всех дальневосточных странах.

Менее интенсивные контакты поддерживало Корё и с другими соседями, однако культурные и экономические связи с племенами Маньчжурии были весьма натянутыми, т. к. нашествие киданей послужило причиной крушения близкого корейцам государства Бохай. Поэтому Корея ограничивалась лишь торговлей с киданьским государством Ляо и потомками бохайских племен мохэ в лице государственного образования чжурчженей Цзинь. Однако вывоз в Ляо и Цзинь письменных принадлежностей и книг, земледельческого инвентаря и ремесленной продукции, несомненно, следует оценивать как распространение корейцами дальневосточной культурной традиции среди киданей и чжурчженей.

Корё имело контакты и с самыми дальними странами, в основном через посредничество Китая, но часто купцы и морские путешественники из Юго-Западной Азии сами достигали корейского побережья. Для торговли с ними, а также для отправки торговых судов в Китай по Желтому морю власти Кореи открыли порт Пённандо (уезд Кэпхен, Кёнги) в устье р. Есонган. В этот международный порт заходили сунские и арабские корабли с различными товарами. Они привозили ртуть, благовония и коралловые изделия, а из Корё увозили фарфор, золото и шелк. Контакты с арабами позволили корейцам познакомиться с некоторыми достижениями европейского и исламского мира. Именно арабские путешественники распространили в Европе современное название Кореи, как искаженное слово «Корё».

Падение Сунской империи и установление вассальной зависимости Корё от монголов привело к быстрому становлению экономических и культурных связей Кореи с юаньским Китаем, определявшим культурное развитие страны в период со второй половины XIII до середины XIV в. Юаньское засилье при корёском дворе привело к широкому распространению в стране монгольского языка и обычаев. Между правившими династиями двух государств заключались браки, что еще более усиливало взаимное притяжение «верхов» Юаньской империи и Корё. В свою очередь, монголы также перенимали корейские культурные традиции. Корёский ван Чхунсон (1309 – 1313 гг.) основал в китайской

столице Янзыине (современный Пекин) библиотеку, назвав ее *Мансогван* / «Дом десяти тысяч книг»; этот акт не только способствовал расширению научных контактов двух стран, но и служил восприятию Юанями конфуцианских норм и традиций. Мансогван стала центром проведения важнейших конфуцианских дискуссий между выдающимся корёским ученым Ли Джэхёном и юаньским царедворцем Цао Минпу, имевших не только теоретическое, но и практическое (с точки зрения развития юаньской внутренней политики) значение.

Через Юаньскую империю корёсцы продолжали приобщение к достижениям исламской культуры. Мусульманский мир в тот момент отличался исключительно высоким уровнем развития науки и техники, его опосредованное (через Китай) влияние сказывалось на научном прогрессе в области корёской астрономии, математики и медицины. Как вассал Китая, в этот период Корея переходит на юаньский календарь. Через Китай корейцы познакомились с технологией производства пороха и выращивания хлопка. Из юаньского Китая ими была воспринята неоконфуцианская натурфилософия, оказавшая колоссальное влияние на становление духовной культуры не только периода Корё, но и последующих этапов корейской истории. Неоконфуцианские мыслители в конце XIV в. разработали программу социально-экономических преобразований в стране, воплощенную в жизнь новой династией Ли.

За несколько десятилетий до падения Объединенного Силла корейцы прекратили какие-либо контакты с Японией, они были постепенно возобновлены лишь в конце XII в. Восстановление японо-корейских контактов связывают с ростом сепаратизма феодальной знати на островах, которая, освободившись от опеки центральных властей, восстановила торговлю с западным соседом. Японские миссии и торговцы привозили в Корё серу и ртуть, приобретали для отправки на острова буддийские сутры, конфуцианскую литературу, женьшень, фарфор и продовольственный рис. Однако участие Корё в монгольских походах против Японии вновь осложнило двусторонние отношения, кроме того, обострилась проблема японского морского пиратства, ставшего настоящим бедствием для жителей южного побережья Кореи.

В условиях монгольского ига и хозяйственной разрухи XIV в. обслуживавшая аристократическую и буддийскую знать культура Корё постепенно угасала, многие художественные школы и направления исчезли или пришли в упадок. Перед корейским народом вновь со всей очевидностью встала задача национального единения и создания сильного централизованного государства. Она была решена в конце XIV в. с приходом к власти династии Ли.

КУЛЬТУРА
ГОСУДАРСТВА
ЧОСОН
(XV – XVIII вв.)

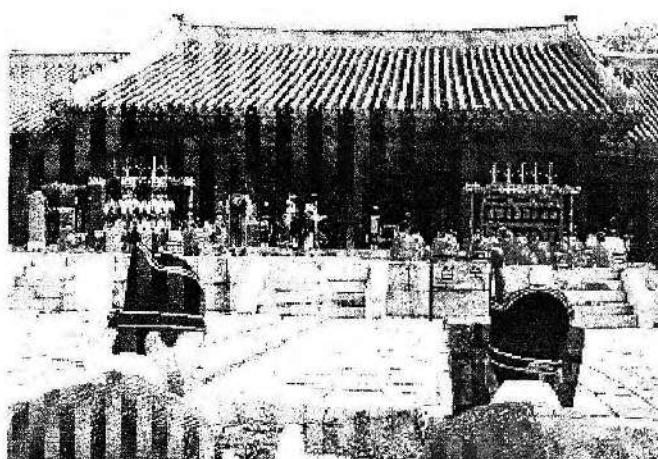

Рис 3.3. Ли Джон «Бамбук на ветру» (моно-
хромная живопись на шелке, конец
XVI в.)

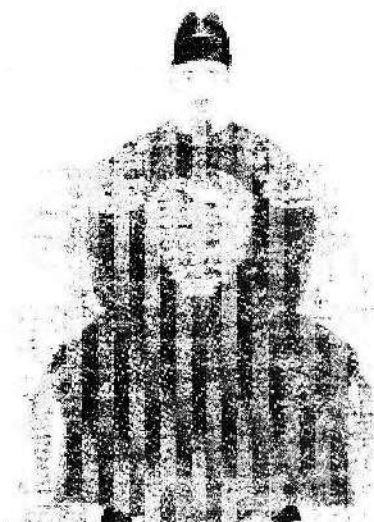
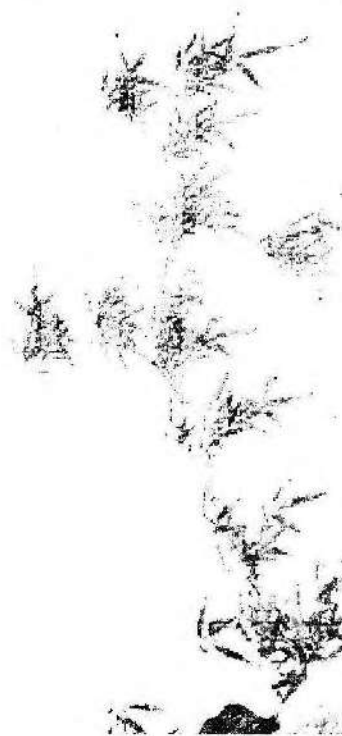

Рис. 3.1. Прижизненный портрет вана Се
жона (первая половина XV в.)

Рис. 3.2. Конфуцианская церемония в храме
Чонгме (наши дни)

3. КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВА ЧОСОН (XV – XVIII вв.)

3.1. Культура XV – XVI вв.

Монгольские нашествия и последовавшее за ними вековое господство иноземцев на Корейском полуострове нанесли значительный ущерб экономике и национальной культуре Корё. Особенно пострадала основа феодального хозяйства – аграрный сектор, многие земли были исключены из сельскохозяйственного оборота, повсеместно сократилось земледельческое население. Тысячи людей стали жертвами голода, эпидемий, бесчинств завоевателей. Серьезный урон был нанесен ремеслу, многие мастера погибли или были угнаны на чужбину. Войны XIII – XIV вв. и период монгольского ига стали катастрофическими для буддийского культа и связанного с ним искусства: многие памятники культуры силланской и ранней корёской эпохи были разрушены, до нас дошли лишь их реконструкции более позднего времени.

Распад огромной Юаньской империи монголов, основанной на угнетении покоренных народов, способствовал восстановлению государственного суверенитета Корё, однако сложная социально-экономическая ситуация и обострение внутрисполитических противоречий во второй половине XIV в. по-прежнему сказывались на состоянии национальной культуры. В обстановке нарастающего хаоса и смуты ответственность за судьбу страны взяла на себя военная элита, возглавленная опытным и популярным в народе полководцем Ли Сонге. Вокруг него сплотились представители новой конфуцианской интеллигенции, выступавшие за преобразование государства на конфуцианских началах и ликвидацию старой аристократии. Главными задачами нового руководства становятся воссоздание централизованного феодального государства и реформирование феодального общества Корё. С этой целью в 1391 – 1392 гг. была проведена аграрная реформа, направленная на восстановление государственного контроля над земельным фондом.

На рубеже XIV – XV вв. формируется политическая и социально-экономическая система королевства Чосон, возглавленного династией Ли (1392 – 1910 гг.). Столица государства в 1394 г. переносится в г. Хансон (современный Сеул). К власти приходит служилое дворянство *янбане*, официальной государственной идеологией становится конфуцианство. Реформаторскими усилиями Ли Сонге (1392 – 1398 гг.) и его преемников, королей Тхэджона (1401 – 1418 гг.), Седжона (1419 – 1450 гг.), Седжо (1456 – 1468 гг.) и Сонджона (1470 – 1494 гг.) Корея превратилась в классическое конфуцианское государство с централизованной системой управления. Феодальная система в Чосоне значительно отличалась от феодализма, при-

вычного для европейского мира. Она представляла собой дальнейшее развитие принципа верховной государственной собственности на землю и основанной на нем системы условного служилого землевладения. Полных аналогов сочетанию жестокой бюрократической автократии конфуцианского типа со средним и мелким землевладением чиновного класса в европейской истории не найти.

Одновременно с развитием централизованного феодального государства наблюдается формирование политических и социально-экономических предпосылок для восстановления национальной культуры. Преобразования династии Ли обеспечили значительный подъем в хозяйственной сфере и стабилизацию внутрисполитической ситуации. В первые десятилетия правления династии неуклонно развиваются сельское хозяйство, ремесло и торговля в городах. Наблюдается значительное улучшение социально-экономической ситуации. Страна получила длительную мирную передышку: укрепление оборонной способности и дипломатические усилия руководства Чосона привели к отсутствию разорительных войн вплоть до начала XVI в. Все это не могло не способствовать новому подъему феодальной культуры в Корее.

Особенно значительные успехи были достигнуты в первой половине XV в., при правлении вана Седжона, который сам был очень образованным человеком и покровительствовал науке, литературе и искусству. Не случайно официальная конфуцианская историография считает эпоху Седжона «золотым веком» корейского феодализма. Успешно развиваются науки и искусство, большие достижения наблюдаются в естествознании, книгопечатании. Именно в это время закладываются основы политической, экономической и идеологической системы, сохранившейся на протяжении пятивекового правления династии Ли. Политика короля в области культуры, связанная, прежде всего с распространением неоконфуцианской идеологии, служила целям повышения авторитета и укрепления централизованного феодального государства.

В последующий период (XVI и первая половина XVII в.) происходит его упадок и ослабление в результате кризиса экономической базы Чосона – условного служебного землепользования. Рост крупного безусловного землевладения серьезно подорвал верховную власть династии над земельным фондом страны, все большее число крестьян попадали в зависимость от частных феодалов, государство лишалось податного населения. Экономическое и политическое ослабление правительства во второй половине XVI в. привело к возникновению соперничества феодальных кланов за влияние при дворе. Старая феодальная аристократия

пыталась взять реванш за поражение на рубеже XIII – XIV вв., она обрушилась на определявшие политику династии Ли конфуцианские круги. Борьба между группировкой высшей столичной знати и конфуцианцами принимала форму кровопролитных столкновений.

Во второй половине XVI в. на фоне нарастающего внутривластного кризиса происходит резкое ухудшение внешнего положения корейского государства. Чосон вынужден вести борьбу с врагами на двух фронтах: южное побережье страны нуждалось в защите от набегов морских пиратов из Японии, а ее северные рубежи подвергались чжурчжэньским нашествиям. Ослабление Кореи совпало с формированием единого государства на Японских островах; основанное самурайскими кругами и обладавшее значительной военной силой, оно представляло немалую угрозу для соседних стран, поскольку его лидеры вынашивали честолюбивые замыслы распространить свою власть на континент. Однако слабеющее феодальное государство Кореи не смогло принять действенных мер для укрепления обороны страны в преддверии небывалого по масштабам японского нашествия. Последнее десятилетие XVI в. приносит корейскому народу новое испытание – Имджинскую отечественную войну против японских захватчиков (1592 – 1598 гг.).

Вторгшиеся иноземцы грабили страну, вывозили ее культурные достояния, сокрушали все на своем пути. Цветущие города Чосона были разрушены, в пламени пожаров погибли многие исторические и культурные памятники. Война, начавшаяся в крайне неблагоприятных для Кореи условиях, продемонстрировала значительные силы и возможности нации, явилась важным этапом в становлении ее самосознания и патристических традиций. Завоеватели потерпели поражение и были изгнаны. События последнего десятилетия XVI в. нанесли стране значительный материальный ущерб, однако они во многом стимулировали рост феодального национализма как основы для дальнейшего развития корейской культуры. Именно в это период, на рубеже XVI – XVII вв., классическая дальневосточная культурная традиция, основанная на неоконфуцианской доктрине и окончательном принижении социального статуса буддизма, становится доминирующей чертой национального самосознания корейского народа. Походы на полуостров не принесли Японии славы, стоили ей многих человеческих жизней и огромных материальных затрат, но связанное с ними ограбление Кореи привело ко многим существенным культурным заимствованиям, определившим развитие японской культуры в XVII в.

3.1.1. Идеология и философия корейского общества XV – XVI вв.

Приход к власти династии Ли ознаменовался восстановлением безусловного приоритета конфуцианской системы управления государством и обществом. С первых лет существования королевства Чосон его идейной и духовной основой становится чжусианская философия. Политическим идеалом Ли Сонге и его преемников была абсолютная монархия, заботившаяся об улучшении жизни своих подданных. При подборе государственных чиновников обязательно учитывалось знание конфуцианского канона и соответствие ему. Любое отклонение от соблюдения традиций и обрядов воспринималось как государственное преступление, поэтому конфуцианство постоянно культивировалось в общественном и индивидуальном сознании корейцев. На получение чиновного ранга и соответствующей ему должности могли рассчитывать только те представители янбанского сословия, которые в должной мере овладели конфуцианским учением и культурой. Система государственных экзаменов на чин предполагала проверку знания претендентом классических трудов Конфуция и его последователей.

Усилия по утверждению конфуцианской идеологии в корейском обществе сопровождались борьбой с влиянием буддизма. Приверженцы классической китайской философии стремились вернуть позиции, утраченные в середине XII в., когда оттеснение гражданских чиновников от власти в Корё сопровождалось ослаблением всей системы конфуцианства и усилением буддийской церкви, которая, накопив крупную земельную собственность и значительные материальные богатства, превратилась в опору сепаратизма и частного землевладения, противилась любым попыткам укрепить центральную власть. В конце XIV в. буддизм утрачивает свой авторитет и становится одним из противников воссоздания сильного корейского государства, поэтому не случайно династия Ли подвергает буддистов гонениям. Среди сторонников реформаторского курса были и те, кто выступал за полное запрещение буддизма как государственной религии (например один из ближайших помощников Ли Сонге Чон Должон, видный конфуцианский ученый и государственный сановник), и те, кто пытался объединить его с конфуцианским учением, поставив на службу феодальному обществу (известный философ-чжусианец Ли Сэк). На более позднем этапе подвергался гонениям и даосизм, хотя он никогда не играл в Корее заметной роли; в 1518 г. власти закрыли центральный даосский храм в Сеуле.

Пренебрежительное отношение военных властей к конфуцианским ученым в последний период существования Корё, их непонимание роли этого учения привело к преобладанию в

конфуцианской среде наиболее радикальных элементов, которые на рубеже XIV – XV вв. поддерживали политику династии Ли. Конфуцианский ренессанс в Корее связан с распространением нового его направления – чжусианства. Расходясь по некоторым философским вопросам с ортодоксальным, или классическим, конфуцианством, оно не отвергало основных его этических и политических принципов: высшей предопределенности природы человека и общества, незыблемости существующих феодальных порядков, обязательного послушания низших по отношению к высшим и т. д. Привлекательным для реформаторских кругов содержанием неоконфуцианской доктрины становится признание необходимости исправить недостатки в управлении государством, укрепить экономику и обороноспособность страны, улучшить жизнь народа, а также протест против злоупотреблений чиновников, насилия феодальной знати и ее чрезмерной роскоши. Особое внимание неоконфуцианских кругов к актуальным вопросам способствовало росту их влияния во второй половине XIV в. и падению престижа буддизма в начале следующего века. Правящие круги королевства Чосон обратили внимание не столько на философскую составляющую чжусианства, сколько на его морально-этическую систему, главным содержанием которой являлось внушение народным массам духа покорности правящему классу.

Постепенное ослабление буддизма связано не с тем, что группировка Ли Сонге выступала против его религиозно-философской системы, а с критикой образа жизни монахов и статуса буддийской церкви как крупнейшего частного землевладельца. Слишком много внимания она уделяла мирским заботам, что в корне противоречило учению об уходе от суетного мира; буддисты захватывали обширные земли и подчиняли себе населявших их свободных крестьян и патриархальных рабов ноби. Гонения на буддийскую церковь в начале XV в. не означали стремления полностью искоренить буддизм как религиозную систему – можно вести речь лишь о существенном ограничении ее материальной базы и подрыве самой возможности оказывать противодействие централизованному государству. Однако господствующий класс не собирался окончательно отказываться от буддизма и даосизма, являвшихся инструментом воздействия на народные массы. Буддистская религия, отвергнутая феодальной интеллигенцией и дворянством, сохранила свое влияние в женской среде и в низших слоях общества, практически лишенных доступа к системе конфуцианского просвещения. Более того, к концу XV в. власти вновь оказывают поддержку буддизму, он несколько упрочил свой авторитет, но вернуть былое величие не смог, господствующие позиции окончательно были завоеваны конфуцианством.

Вытеснив буддизм, конфуцианство становится ведущей интеллектуальной силой общества. Его утверждению в этом качестве способствовала острая потребность в знаниях, необходимых для организации государственных дел. Интеллектуальная и административная элита отвергала буддизм, находя его не соответствующим потребностям времени, уведившим умы от практических жизненных проблем. Новое корейское государство нуждалось в моральных принципах для поддержания политического порядка в обществе и в социальной доктрине, регулирующей человеческие отношения и нормы поведения. Общественную мысль XV в. не устраивала умозрительная философия буддийских монахов, она заботилась о легитимности власти династии Ли, преданности государю, семье, стране. Конфуцианство было готово решать данные проблемы, у его представителей были ответы на все вопросы нового времени, и это обеспечивало им расположение и покровительство феодального государства.

В целях формирования конфуцианского сознания государственные органы насаждали и культивировали традиционные ритуалы, восходящие к временам Конфуция: со дня совершеннолетия мужчины обязаны были носить головной убор *кван*, необходимо было строго придерживаться официального свадебного ритуала *хан* и похоронного *сань*, центральное место занимал обряд жертвоприношения духам усопших предков *ча*. В конфуцианской среде жестко регламентировались нормы поведения людей, основанные на пяти добродетелях: преданности полному государю, почтительности жены по отношению к мужу, почитании родителей, покорности младшего старшему, субординация в отношениях между братьями, сестрами и друзьями. В основе всех этих нравственных категорий лежит принцип сыновней почтительности *хе*, подразумевающий покорность родительской воле, уважение и любовь к ним, исполнение сыновнего долга вплоть до жертвования собой и утешение родителей в старости, причем данные требования распространялись и на отношения между королем и его народом.

Главные постулаты конфуцианства создавали основу для всего комплекса государственных, общественных и семейных отношений, поэтому династия Ли прилагала немало усилий для их широкого распространения и закрепления в корейском государстве и обществе. Важное значение отводилось укреплению системы семейных отношений как основы благополучия страны; глава семьи (на общенациональном уровне в этом качестве выступал сам ван) наделен абсолютистским авторитетом, решал все вопросы, связанные с ее жизнью, отвечал за проведение обряда в память об усопших предках.

Ритуал поклонения и жертвоприношения душам предков занимал в конфуцианском куль-

те центральное место, соблюдался неукоснительно и отличался пышной торжественностью. Его основная задача заключалась в том, чтобы умилостивить предков до четвертого колена и возблагодарить их за продолжение рода. В течение календарного года данный обряд совершали четырежды: в годовщину смерти главного предка семьи, в новогодний праздник по лунному календарю *солъналь*, в весенний (*хансик*) и осенний (*чхусок*) дни поминовения. Ритуального поминовения удостоивались сам Конфуций и другие фигуры конфуцианского пантеона, обряды в их честь проводились на государственном уровне в специальных храмах в честь славы знаменитых предков *совонах*, обряд был строго регламентирован и проходил в несколько этапов: от торжественного распределения обязанностей между участниками службы до поминальной трапезы. Церемониал включал в себя воскурение благовоний, ритуальные поклоны, чтение поминальных табличек, перечисление добродетелей предка и т. д.

Особо чтившие конфуцианскую мораль и традиции люди всегда пользовались уважением в обществе и отмечались милостью и наградами государя. С точки зрения властей, именно они обеспечивали стабильность в обществе и государстве. К середине XV в. конфуцианство становится определяющей идеологией политического и социально-экономического развития Кореи.

С завершением процесса формирования институтов государственной власти во второй половине XV в. на политическую арену Чосона выходит новая сила в лице группировки *сарим* – конфуцианских ученых, занимавших высокие чиновные должности. Большинство представителей *сарим* были последователями учения Чон Монджу, который, отталкиваясь от конфуцианской морали, в свое время выступил в защиту свергнутой династии Корё. Со временем они осознают насущную необходимость перемен и переходят на позиции *чжусианства*, их совместными усилиями в Корее была создана школа неоконфуцианской натурфилософии. Исходя из ее представлений об окружающем мире, ученые-конфуцианцы считали, что истинное назначение науки заключается в познании духовной сущности человека. Любое отклонение от *чжусианской* теории воспринималось ими как ересь, опасная для общества и государства. Преклоняясь перед высшими ценностями конфуцианского мира: верностью, честью, моральным долгом, — *саримы* настаивали на приоритетном изучении не столько китайской классической поэзии и прозы, что было свойственно ортодоксам, сколько канонической литературы Конфуция и его учеников.

Виднейшей фигурой среди *саримов* становится Ким Чонджик (1431 – 1492 гг.), представлявший интересы провинциальных *янбанов* и выступавший против засилья консервативной

столичной знати, сплотившейся в рамках ортодоксального конфуцианского течения *хунгупха*. При короле Сонджоне он был приближен ко двору и получил возможность критиковать высшую знать за вред корейскому государству, нанесенный ее безудержными земельными захватами и присвоением многочисленных *ноби*. Воспользовавшись влиянием Ким Чонджика, *саримы* стали проникать в столичные административные круги и вскоре превратились во влиятельную политическую силу. Это вызвало недовольство консерваторов из *хунгупха*, стремившихся сохранить ведущее положение в обществе и свою реальную власть. Конфуцианский лагерь оказался расколотым, конец XV – первая половина XVI в. характеризуется постоянными стычками ортодоксального течения *хунгупха* и выразителей *чжусианской* идеологии *саримов*, их конфронтация часто вела к кровопролитию. Противостояние старой аристократии и конфуцианской интеллигенции новой формации привело к поражению последней в середине XVI в. Попытка радикальной политической реформы в годы правления вана Чунджона (1506 – 1544 гг.) была обречена на провал, конфуцианские ученые утратили влияние на правительство и перенесли свою деятельность на местный уровень.

Вернувшись в родные провинции, *саримы* стали проповедовать идею о необходимости преобразований в стране, точкой приложения их усилий становятся конфуцианские храмы *совон*. Постепенно они превращаются из исключительно культовых учреждений в локальные просветительские центры, в которых наряду с проведением религиозных ритуалов местные конфуцианцы вели исследовательскую работу, обучали и воспитывали молодежь. *Совоны* служили и для широкой пропаганды идеи о самоуправлении, позволявшем *саримам* защитить себя от преследования центральных властей. С усилением роли храмов на местном уровне заметно возрастает влияние конфуцианских ученых в народной среде. Конфуцианская мораль и мировоззрение широко распространяются в сельской местности и укореняются в крестьянских общинах. Удалившись от политической деятельности, конфуцианские ученые получили возможность для дальнейших натурфилософских изысканий, послуживших основой для расцвета учения о духовной сущности человека и подъема гуманитарных наук в Корее во второй половине XVI в.

Прогресс натурфилософии, исследовавшей духовность человеческой личности, законы природы и принципы мироздания, связан с именами выдающихся корейских ученых – Ким Сисыпа (1435 – 1493 гг.), Со Гёндок (1489 – 1546 гг.), Ли Хвана (1501 – 1570 гг.) и Ли И (1536 – 1584 гг.). С конца XV в. в Корее активно разворачивается философская дискуссия о соотношении материального (*ки*) и идеального

(ли) начал. Представленная Ким Сисыпом и его учениками материалистическая школа настаивала на первичности материи и зависимости ли от взаимосвязанных и развивающихся во времени явлений природы. Диалектика Со Гёндок была ограничена, поскольку он воспринимал развитие не как поступательное восхождение от низшего к высшему, а только как циклическое движение. Во взглядах на общество первые корейские материалисты оставались идеалистичными, природу человека они рассматривали в отрыве от социальной среды, лучшим устройством общества им виделся все тот же феодализм, но усовершенствованный за счет гуманности правителя и заботы о народе. В условиях господства конфуцианства и абсолютизма само по себе выдвижение материалистической концепции было своего рода научным подвигом, поскольку ее сторонники подвергались не только обструкции со стороны научных оппонентов, но и преследованиям властей, обвинявшим их в антигосударственной ереси.

Ли Хван выступал как ортодоксальный апологет чжусианства и главный теоретик неоконфуцианской натурфилософии, являясь в этом контексте ярким противником стихийного материализма Ким Сисыпа и Со Гёндок. Он отстаивал примат идеального начала – ли, считая духовность первопричиной всего сущего. Ли Хван идеализировал сложившиеся в Чосоне феодальные порядки, призывал простой народ к послушанию. Взгляды ученого разделяла основная часть господствующего класса, и они стали официальной доктриной корейского государства второй половины XVI в. Однако воинствующее чжусианство не смогло разгромить материалистическое учение Ким Сисыпа, его воззрения находили отклик даже в рядах ортодоксальных конфуцианцев. В середине XVI в. появляется эклектическое учение Ли И, пытавшегося примирить материализм и идеализм. Философ признавал стихийный материализм Со Гёндок, считал объективно существующую природу порождением материальной субстанции ки, но подчеркивал ее временный и ограниченный характер. Идеальное начало ли, по Ли И, является вечным и непреходящим, благодаря ему достигаются единство и преемственность окружающего мира и человеческого общества. Ли И критиковал чжусианство за догматизм и идеализацию древности, но сам в основном оставался на позициях объективного идеализма.

В конце XVI в. в обстановке развивающейся идейной дифференциации корейского общества и усиливающихся социально-экономических противоречий феодальной системы наблюдается обострение идеологической борьбы. В результате в Корее формируется новое философское течение сирхак (за реальные знания), которому суждено было стать основным направлением передовой общественной мысли

страны в эпоху позднего феодализма, на рубеже средневековья и нового времени. Лучшие творческие достижения предшествующего периода были восприняты сирхакистами, стремившимися продолжить развитие конфуцианской науки на иной, качественно новой основе. Формально оставаясь в рамках конфуцианской доктрины и используя ее творческую традицию, первые представители сирхак – Ли Сугван (Чибон, 1563 – 1628 гг.), Хан Бэккём (1552 – 1615 гг.), Ким Юк (1580 – 1658 гг.) и др. – осуждали своих современников за беспредметность официальной науки, занимавшейся бесконечным штудированием канонической литературы. Они призывали ученых изучать насущные проблемы и реальные запросы общества, развивать естественные, или «реальные (т.е. практические)», науки. Ли Сугван выступил против ограниченности конфуцианства, его непримиримости по отношению к инакомыслию, порождавшей косность мысли и невежество. Он обосновывал необходимость заимствования полезных для Кореи знаний за рубежом, осуждал изоляционизм конфуцианской системы. Характерной чертой творчества ранних сирхакистов Хан Бэккёма и Ким Юка было стремление соединить теорию с практикой, создать основы научного отношения к окружающему миру и обществу. Стихийный материализм Ким Сисыпа и Со Гёндок становится для них инструментом для изучения естественных наук.

Идейная платформа сирхак сформулирована в главном труде Ли Сугвана «Чибон юсоль» / «Рассуждения Чибона», в нем не только изложены полученные ученым сведения по астрономии, географии, истории, но и обоснован принципиально новый подход к задачам научного познания, указывается на неразрывную связь науки и практики. В творчестве сирхакистов прослеживаются острый интерес к проблемам современности, уважительное отношение к простому корейскому народу, критический взгляд на состояние феодального общества, предпринимается попытка обосновать необходимость преобразований, выдвигаются проекты экономических и социальных реформ. Взгляды ранних ученых-сирхакистов, разработанная ими исследовательская методология (критический взгляд на господствующие теории, широкое сопоставление опыта Кореи и других стран, отказ от слепого преклонения перед всем китайским) стали базой для последующего развития самого течения сирхак и других направлений передовой общественной мысли страны.

3.1.2. Развитие научно-технической мысли и естествознания

Династия Ли на начальном этапе существования королевства Чосон уделяла особое вни-

мание сельскому хозяйству, но общий прогресс экономики и существенные сдвиги в развитии производительных сил стимулировали ряд технических достижений в сфере ремесленного производства. С начала XV в. наблюдаются возникновение передовых технологий, повышение профессионального мастерства ремесленников, появление новых видов продукции.

Наибольший прогресс заметен в военной отрасли, книгопечатании, цветной металлургии, бумажном производстве. Новая династия оснащает корейскую армию огнестрельным оружием, для этого в стране в XV в. налаживается его производство, а корейские мастера овладевают секретом изготовления пороха. Крупнейшим достижением судостроения становится бронированный корабль кобусон, сыгравший решающую роль в разгроме японских агрессоров во время Имджинской войны. Совершенствование техники книгопечатания приводит к появлению в 1403 г. наборного металлического шрифта. В 1434 г. видный придворный ученый Ли Чхон (1376 – 1451 гг.) изобрел оригинальный способ верстки наборных знаков, что облегчало и ускоряло процесс печати. Одновременно продолжалось массовое изготовление ксилографических оттисков. Издавалось множество книг по отечественной истории, географии, военному искусству, а также конфуцианская каноническая и учебная литература.

Особое положение конфуцианских ученых при дворе вана и общий подъем производительных сил обусловили заметный рост научно-технической мысли и естествознания. В первой половине XV в. наблюдается стремительный взлет национальной астрономии, развивается теория составления календаря, совершенствуется система летоисчисления «Чхильджонсань» на основе солнечных часов. Появляются точные приборы для астрономических наблюдений и измерения времени (солнечные часы 1434 г., автоматические водяные часы 1438 г. «Оннугирюн»). С марта 1428 г. ведется ежедневное фиксирование метеорологических наблюдений, составляются ежегодники погоды, в практику вводятся специальные метеорологические инструменты (так, например в 1442 г. изобретен дождемер). Инженерная механика создает инструментарий для географических изысканий: в 1411 г. – приспособление для измерения глубины рек, в 1467 г. – устройство для измерения расстояния на местности.

Данные технические новшества положили начало активным картографическим работам, имевшим большое значение для управления страной и укрепления ее обороны. В 1402 г. была составлена первая восточно-азиатская карта мира, а в 1463 г. – подробная и довольно точная карта Кореи («Тоньгук чидо»). Опыт описания Кореи и отдельных ее местностей был обобщен группой ученых во главе с Мэн Сасоном, составившей в 1432 г. «Пхальто чириджи»

/ «Географическое описание восьми провинций [Кореи]». Через полвека, в 1481 г., сведения о географии Кореи вновь систематизируются в коллективном труде «Тоньгук ёджи сыннам» / «Обозрение всех земель Восточного государства [Кореи]», ставшем географической энциклопедией страны и на несколько веков определившим направление развития этой отрасли знания.

Аграрная политика династии Ли и потребности сельского хозяйства определили необходимость обобщения накопленного в Корее и соседних странах сельскохозяйственного опыта. В 1430 г. издается трактат Чон Чхо (? – 1434 гг.) «Нонса чиксоль» / «Популярная агрономия», излагавший основы агротехники и рекомендации по повышению урожая основных культур. В 1491 г. посмертно опубликованы наблюдения Кан Химэна (1424 – 1481 гг.) «Кымьянь чабнок» / «Заметки о земледелии». Теоретические и практические работы в области сельского хозяйства обобщали не только на вековые традиции корейского крестьянства, но и данные современных астрономических и метеорологических наблюдений. С начала XV в. в Корее широко внедряются новые агротехнические приемы, в том числе севооборот.

Далеко вперед шагнула медицинская наука Кореи, обобщившая многовековой опыт восточной диагностики и лечения болезней в многочисленных трудах XV – XVI вв.: «Бйбань юхивы» / «Полное собрание способов и сведений о лечении» (1445 г.), «Хяньгук чипсонъбан» / «Собрание сведений о местных лекарствах» (1456 г.). В конце XVI в. начинается и в 1610 г. заканчивается работа над энциклопедией «Тоньый погам» / «Сокровищница восточной медицины» под редакцией Хо Джуна (1546 – 1615 гг.), в которой суммировались достижения корейской медицины по всем направлениям, она становится медицинской книгой практического направления, поскольку ее автор разделял взгляды сирхак.

Были достигнуты значительные успехи в области исторической науки. С момента создания королевства Чосон проводилась работа по составлению развернутой истории государства Корё и хроники правления династии Ли. В XV – XVI вв. феодальная историография описывает пройденный страной путь. В 1450 г. вышло подготовленное группой ученых «Тоньгук пёнъгам» / «Военное обозрение Восточного государства [Кореи]»; в 1451 г. завершена работа над «Корёса» / «Историей Корё»; в 1485 г. издано «Тоньгук тхонъгам» / «Общее обозрение [истории] Восточного государства».

Специальное придворное ведомство – Чхунчхугван – вело работу над «Летописью династии Ли» / «Чосон ванджо силло», в нашей литературе – «Лиджо силло». Хроники правления каждого короля печатались в одном основном и четырех дополнительных экземплярах, хранив-

шихся на случай войны или стихийного бедствия в разных местах: столичном Чхунчхугване, горных хранилищах Чонёксан, Чоксансан, Тхэбэксан и Одэсан. Они представляли собой ежедневную хронологию событий и деяний государя и его сановников. Труд охватывает период 472 лет: от правления Ли Сонге (тронное имя — Тхэджо) до вана Чхольджона (1850 — 1863 гг.), т. е. 1392 — 1863 гг., он состоит из 2077 томов. Колоссальные по объему летописи «Иджо силлок» представляют собой гордость и бесценное наследие феодальной культуры Кореи, они признаны самым обширным летописным трудом в мировой истории. В летописях содержатся сведения по политической, дипломатической, социально-экономической истории Чосона, информация об его образовании, религии, хозяйстве, науке и культуре. Чхунчхугванский оригинал почти полностью был уничтожен во время японских и маньчжурских нашествий.

В настоящее время в университете им. Ким Ирсена (г. Пхеньян) хранится чоксансанская копия; в Сеульском национальном музее как часть королевской библиотеки Кюянгак находится чонёксанская (1181 том) и фрагменты одэсанской (27 полных томов и фрагменты из 21 тома) копии; в Пусанском филиале Государственного архива Республики Корея — тхэбэксанский экземпляр (848 томов). В 1997 г. ЮНЕСКО разработала перечень памятных письменных достопримечательностей человеческой цивилизации, включив в него корейскую летопись «Чосон ванджо силлок».

Во второй половине XV в. велется работа по кодификации законодательных норм и феодального права Кореи, в ходе которой уточняются и пересматриваются все изданные с конца XIV в. законы и уложения. В 1485 г. издается первый национальный кодекс «Кёнъгук тэджон» / «Великое уложение для управления государством», определивший юридическую базу страны на несколько веков вперед.

Выдающимся событием в истории корейской культуры середины XV в. явилось создание национальной письменности на основе фонетической азбуки. «Хунмин чонъым» / «Наставления народу о правильных звуках» опубликовано в конце 1443 г., на его основе в течение нескольких лет велась разработка национального алфавита, завершившаяся в 1446 г. созданием графического письма хангыль. «Хунмин чонъым» является вторым документом Кореи, включенным ЮНЕСКО в перечень памятных письменных достопримечательностей человеческой цивилизации.

Работу по написанию Наставлений и разработке алфавита возглавил сам ван Селжон, поэтому историографическая наука Кореи приписывает изобретение хангыль лично ему. Участие короля в процессе создания национального алфавита подчеркивает важность поставлен-

ной перед его разработчиками задачи. На протяжении многих веков образованные корейцы пользовались транскрипционной системой иду, позволявшей передавать звучание корейской речи с помощью китайских иероглифов. Но она была слишком сложной и требовала высокого образовательного уровня. Из-за отсутствия национального алфавита население Кореи не понимало официального письменного языка (за исключением представителей привилегированных слоев, свободно владевших древнекитайским и иероглификой). Фонетическое письмо хангыль должно было облегчить доступ к образованию широким народным слоям, дать им возможность учиться в казенных школах, в то время как конфуцианские учебные заведения ориентировались на феодальную молодежь из янбанского сословия. Однако корейскому алфавиту предстоял длительный путь борьбы за существование. Конфуцианские круги и господствующий класс в целом негативно отнеслись к реформе письменности, они продолжали пользоваться китаизированным языком ханмун и иероглифическим письмом. В их глазах хангыль выглядел вульгарным, его презрительно именовали «женским алфавитом», поскольку, как и простолюдинам, женщинам доступ в конфуцианские учебные заведения был закрыт. Корейская национальная письменность не получила широкого признания вплоть до начала XX в.

3.1.3. Система просвещения

Среди пяти этических норм конфуцианства: гуманность (*ин*), этичность (*ей*), верность (*ихул*), справедливость (*ый*) и образованность (*чи*) — последняя имела особое положение, поскольку считалось, что только обладавшие знанием люди могли постичь смысл гуманности, истины и справедливости. Поэтому образование является важной составляющей всей конфуцианской системы. Династия Ли практически без изменений сохранила основанное на конфуцианской идеологии просвещение Корё. Более того, система конфуцианского образования была значительно расширена: создается целая сеть специальных учебных заведений в столице и провинциальных центрах. В одном только Сеуле в 1411 г. открываются четыре конфуцианских школы сахак для детей высшей феодальной знати. Главным учебным заведением Кореи в XV в. становится конфуцианская академия Сонгюнган, в ней не только преподавали технические науки, медицину, астрономию, юриспруденцию, математику, иностранные языки и другие предметы, но, главным образом, велась подготовка к конфуцианскому экзамену кваго, по результатам которого присуждался чиновный ранг. Практически все учебные заведения готовили кадры для чиновно-государственного аппарата, воспитанного в духе конфуцианской морали и этики.

Конфуцианские школы стали очагами просвещения по всей стране, хотя они и создавались, преимущественно, для янбанства, в них допускались и отдельные представители других сословий, проявившие способности и намеревавшиеся посвятить себя науке. Но подготовка кадров для государственных ведомств оставалась главной задачей системы образования Чосона. Феодалы власти открыли и поддерживали существование необходимого для этого числа учебных заведений, выделяли в их распоряжение обширные земельные наделы. Столичные конфуцианские школы дополнялись местными учебными заведениями хянгё, открытыми для детей провинциальных и уездных феодалов и чиновников. В них обучали счету и иероглифическому письму, но главное внимание уделялось изучению конфуцианской этики и морали, основным методом обучения являлось заучивание конфуцианских канонов. Сравнительно небольшая часть зажиточных крестьян, торговцев и ремесленников могла отправить своих сыновей в конфуцианскую школу и обеспечить им путь к чиновничьей службе, для большинства же населения учение оставалось недоступным. По окончании сахак или хянгё молодые люди сдавали экзамен на знание истории, литературы, основ стихосложения, каллиграфии, но основные требования предъявлялись к их владению конфуцианским каноном, умению применять и цитировать классическую конфуцианскую литературу. Традиция кваго способствовала упрочению конфуцианства как государственной идеологии и религии.

Во второй половине XV в. в столице и провинции помимо казенных стали возникать частные учебные заведения, их основывали видные конфуцианские ученые, вынужденные покинуть государственную службу или бежать из столицы под давлением соперников из группировки хунгупха. С конца XVI в. частные школы значительно потеснили государственные учреждения и обеспечили себе преобладающее положение в системе просвещения. Как правило, в частных школах учащиеся не подразделялись на классы, а программа целиком зависела от интересов и способностей руководителя. Основное внимание уделялось приобретению навыков чтения и письма.

В этот период усиленно создаются конфуцианские храмы и одновременно учебные заведения – совоны, ставшие сосредоточием местных конфуцианцев, становившихся в оппозицию центральной власти. К началу XVII в. в Корее насчитывалось около 250 совонов, в большинстве из них имелся учебный центр.

Желая превратить столицу не только в политический, но и в культурный центр, ван Седжон придавал большое значение развитию конфуцианских школ, сбору старинных рукописей, созданию библиотек, привлечению в Сеул искусных ремесленников, ученых, худож-

ников и писателей. В XVII в. культурных центров в стране становится значительно больше, столица перестала быть единственным сосредоточием интеллектуальной деятельности, на культурную арену выходят провинциальные города и даже отдельные совоны, располагавшиеся в периферийных районах. Расширяется не только географическая, но социальная сфера культурной жизни, поскольку активную роль в ней стало играть и городское сословие, большинство которого принадлежало к категории феодалной интеллигенции чуньинов.

Развитие образования привело к необходимости увеличения объема и расширения тематики литературы. Ксилографическое книгопечатание буддийских монастырей мало интересовало новые творческие силы общества, а ограниченное применение металлического наборного шрифта с начала XV в. не могло полностью удовлетворить спрос на печатную продукцию. Победа конфуцианских сил над буддийской церковью означала и лишение ее монополии на издание книг. С приходом к власти династии Ли широкие масштабы приобретает печатание конфуцианской литературы, им стала заниматься чиновная аристократия. Широкое использование наборного металлического шрифта отразилось на качестве изданий, расширилась тематика книг: выпускалась в основном конфуцианская литература, но появилась и светская, главным образом китайского происхождения. Наряду с официальным распространением частное и коммерческое книгопечатание. Частным образом издавались книги по отраслевым областям научного знания, в частности медицине. Это свидетельствовало о росте числа ученых-медиков и их потребности в специализированной книжной продукции.

С каждым годом росло число типографских мастерских и книжных лавок, что было причиной и следствием распространения грамотности и расширения круга читателей. К началу XVII в. издательская деятельность и книготорговля почти полностью перешли в руки профессионалов.

3.1.4. Литература

Конфуцианская система ценностей распространялась не только на идеологию, этику или образовательную сферу корейского общества, в определенной степени она влияла на все виды и жанры литературы и искусства феодальной Кореи.

На ранних этапах существования королевства Чосон, как и прежде, преобладала в основном китайская литература, но по мере распространения корейского алфавита хангыль начала расти популярность произведений на родном языке. Представители правящей элиты увлекались составлением антологий поэтов, творивших на ханмуне; к их числу относится сборник «Тонмунсон», подготовленный придворным ли-

тератором Со Коджоном (1420 – 1488 гг.). Традиционное конфуцианское направление воспевало привычные мотивы верности сыновнему долгу, преданности монарху и других добродетелей. Ведущее положение занимает поэзия, основанная на прославлении государей династии Ли. Классическим примером дворцовой дифирамбической поэзии является «Ёпби-очхонга» / «Ода дракону, взмывающему в небо» придворных поэтов Чон Нинджи* и Квон Дже (1387 – 1445 гг.), посвященная приходу к власти новой династии; под драконом в ней подразумевалась сама династия Ли. К оде прилагалась музыкальная партитура, таким образом из стихотворного произведения она трансформировалась в торжественную музыкально-поэтическую композицию (жанр акчан).

Развитием акчан занималось специальное придворное ведомство Чипхёнлжон (Палата заслуженных мужей), в котором подбирали подходящие произведения, писали к ним музыку и производили инструментальную обработку придворных произведений. Творили стихи для жанра акчан многие ваны; широкую известность получило буддийское по содержанию произведение вана Селжона «Чхонган чжигок» / «Лунный свет играет в водах земных рек», посвященное Гаутаме. Произведения акчан никогда ранее не встречались в корейской литературе и оказали серьезное воздействие на ее развитие.

Становление феодального национализма, усиление философских материалистических тенденций, появление отечественной письменности и рост популярности литературы на хангыле – все это стимулировало интерес корейских авторов к родной стране, ее истории, природе и людям. Наблюдается отход литераторов от заимствованных сюжетов и канонических образов. В XV – XVI вв. появляются новые жанры и художественные стили, на их основе в литературе и искусстве Кореи формируется подлинно национальное течение. Его первыми представителями являлись конфуцианские поэты Ким Джонсо (? – 1453 гг.) и Нам И (1441 – 1468 гг.). Они посвятили свое творчество патриотической борьбе против внешних врагов, воспевали решимость корейского народа защитить родную землю и отразить любого захватчика. Власть благосклонно отнеслась к зарождению патриотической поэзии, поскольку она не выходила за рамки конфуцианской традиции и максимально сближалась с дифирамбическими произведениями, воспевавшими доблесть династии Ли.

В XV в. широкое распространение получили поэтические жанры *каса*, *сиджо* и *сига*. Первый из них является большим, часто эпическим, стихотворным произведением, основанным на сюжетах из выдающихся событий прошлого, о жизни и обычаях корейского народа и населения соседних стран, о достопримечательностях

страны. Основоположником *каса* считается поэт Чон Гыгин (1401 – 1481 гг.), его перу принадлежит одно из первых таких стихотворений «Санчхунгок» / «Песня о наслаждении весенним пейзажем», оно стало очень популярным в простонародной среде.

Писали *каса* Сон Сан* («Мёнанджонга» / «Песня в павильоне Мёнанджон»), Чон Чхоль («Самингок» / «Вспоминая красивую женщину» и «Сонсанпёльгок» / «Песня о горе Сонсан») и др. Наивысшего расцвета жанр достиг во второй половине XVI в., его выдающимися представителями являлись Юн Сондо (1587 – 1671 гг.) и Чон Чхоль (1536 – 1593 гг.), сборник Чон Чхоль «Сонъанъаса» представляет собой первую в Чосоне книгу неофициальной поэзии. Многие стихи сборника посвящены красоте родной земли, жизни в сельской глубинке. Чон Чхоль был известен и своими большими лирико-эпическими произведениями, он и некоторые другие поэты, например Чон Гыгин, часть своих произведений писали на корейском алфавите, что, наряду с понятным содержанием, делало их творчество доступным простолюдинам.

Особую плеяду писавших на хангыле авторов составляют поэтессы Хван Джини*, Ли Окпон*, Синса Имдан (1504 – 1551 гг.) и Хоран Сольхон*. Классическое конфуцианское образование было недоступно для женщин, поэтому они творили на корейском языке для простого народа. Особенно славились краткие песенные стихи *сига* с жанровым или сюжетным содержанием и названием, принадлежавшие перу поэтессы Хван Джини.

Жанровая традиция *сига* была развита в стихотворениях *сиджо* («гармоничный стих»). Это короткие, но очень выразительные и эмоционально окрашенные трехстишия, преимущественно о природе, стихиях, месте человека в окружающем мире. Видными мастерами *сиджо* были Сон Саммун (1418 – 1456 гг.), Мэн Сасон (1359 – 1438 гг.), Лим Дже (1549 – 1584 гг.), Ли Хёнбо* и конфуцианские ученые Ли Хван, Ли И. Распространение *сиджо* в Корею напрямую связывают с влиянием неоконфуцианства, искавшего новые формы для выражения философских воззрений и эмоционального настроения. Стихи неоконфуцианцев были популярны как в янбанской среде, так и у простолюдинов.

По мере обострения социально-экономических и политических противоречий феодального общества с конца XV в. содержание стихотворений *каса* и *сиджо* сближается с реальной жизнью страны. Даже традиционные конфуцианские деятели обогащают палитру своего творчества: в аллегорической форме они выражают недовольство политической ситуацией в стране, отстранением саримов от власти, грустят о превратностях судьбы, осуждают себя и своих единомышленников за пустую трату времени на чиновную карьеру. Такие явно не

конфуцианские мотивы прослеживаются в поздних стихах типичных саримов Ли Сокхёна (1415 – 1477 гг.) и Пэн Геряна*. Представители молодого поколения конфуцианских ученых еще более развивают критическую линию в поэзии второй половины XV в. Ким Чонджик отмечает нерациональность окружающей его действительности, корыстность и преступную бездеятельность чиновников перед лицом народных страданий, в «Песне о реке Нактонган» он обвиняет власти провинции Кёнсан в произволе и пренебрежении конфуцианской моралью. Критика действительности, отражение противоречий феодального общества, сочувствие к тяжелой доле простого народа сближает позднее творчество саримов с позицией выдающегося ученого-материалиста Ким Сисыпа. Его разнообразные по тематике поэтические произведения, такие как «Со слов хлеботорба», «Страдания крестьян в горном захолустье», разоблачали жестокую эксплуатацию народа-труженика феодальными властями и обосновывали необходимость социально-экономических реформ.

Критическая направленность поэзии на рубеже XV – XVI вв. способствовала формированию в рамках конфуцианской науки реформаторского течения сирхак, его представители использовали традиционную форму конфуцианского трактата для обоснования своей убежденности в назревших предпосылках социального переустройства Чосона. В этом жанре в конце XVI в. творили Ли Сугван, Хан Бэккём, Ким Юк и другие выдающиеся ученые, философы и писатели из сирхакистской среды.

В XV в. в Корее зарождается и художественная проза, она приходит на смену сложившемуся ранее классическому конфуцианскому жанру исторического трактата. Каноническая конфуцианская проза воспроизводила одни и те же сюжеты, отличалась явно выраженным легендарным характером, не имела связи с окружающим миром и мало соответствовала реальности. Формирование национальной творческой традиции обращает интерес многих ученых к фольклору корейского народа. На данной основе возникает первый в истории страны прозаический жанр – пхэсоль, представляющий собой небольшую тематическую новеллу, действие которой разворачивается в реальной жизни, а персонажи – типичные представители общества. Создателем жанра считается Ким Сисып, ему же принадлежит приоритет в разработке корейской художественной прозы в целом и прозы на ханмуне. Первый прозаический сборник Ким Сисыпа на ханмуне «Кымо синхва» / «Новеллы из Кымо» публикуется в 1470 г., его героями становятся чиновники, купцы, женщины из простонародья, со всеми их человеческими страстями и недостатками. Впервые автор прозаического произведения совершенно отказался от традицион-

ных китайских сюжетов и в реалистической манере изобразил жизнь корейского общества. Новеллы пхэсоль пользовались огромной популярностью, часто, если оригинал был написан на ханмуне, впоследствии его излагали хангылем, что облегчало социальным низам доступ к произведению. В данном жанре творили Со Годжон (1420 – 1488 гг.) и Сон Хён (1439 – 1504 гг.), следует отметить, что первоначально они писали поэтические новеллы и лишь к концу творческого пути перешли на пхэсоль в прозе.

В XVI в. в Корее появляется жанр прозаической сатиры, с помощью которой авторы остро критиковали и разоблачали сложившиеся в обществе порядки. Первое сатирическое произведение в прозе написал поэт Лим Дже, его произведение «Мышь под судом», в котором под маской главного героя – мыши – скрывался алчный чиновник, раскидавший казну и обиравший крестьян, призывало поставить заслон перед жадностью и злоупотреблениями феодального чиновничества. Аналогичные сюжеты характерны и для других произведений Лим Дже, среди которых острым антиконфуцианским содержанием отличается «История цветов».

С конца XVI в. ведущим жанром прозы становится повесть сосоль, для нее характерно усиление реалистических тенденций и поиск путей построения идеального государства, способного обеспечить социальную справедливость. Одним из создателей сосоль и крупнейших ее мастеров принято считать Хо Гюна (1569 – 1618 гг.). В его произведениях причудливо сочетались острая критика феодальных порядков и вера в идеальное устройство общества и государство. Вершиной творчества писателя становится рассказ о легендарном вожаке крестьянского восстания «Хон Гильдонджон» / «Повесть о Хон Гильдоне». Это было одно из первых в Корее утопических произведений, отразивших протест народных масс против угнетения и социального неравенства и их наивную веру в «добродетельного государя».

Новым прозаическим жанром XV – XVI вв. является военное повествование кунги, описывавшее борьбу с монголами, а затем события Имджинской войны. К ярчайшим образцам жанра можно отнести «Имджинские хроники» анонимного автора, условно датируемые первой четвертью XVII в. Своеобразной разновидностью кунги является эпическое произведение Пак Инно «Тхэпхёнса», сочетавшее прозаическое повествование с пространными лирико-поэтическими отступлениями и морализаторством в конфуцианском духе.

Для поэтических и прозаических жанров, оформившихся в рамках национального литературного течения XV – XVI вв., с момента их зарождения характерны явно выраженные реалистические тенденции; сложившиеся к началу

XVII в. сосоль и кунги содействовали их упрощению и дальнейшему развитию.

3.1.5. Изобразительное искусство

Бурное развитие экономических и культурных связей с Китаем предоставило чосонским художникам возможность ознакомиться с китайской живописью XIII – XV вв. Ее влияние на корейское искусство неоспоримо, но оно проявлялось не в слепом подражании, а в восприятии философских концепций конфуцианства и даосизма. Изобразительное искусство Кореи в период XV – XVI вв. продолжает развиваться на основе общих для всех конфуцианских стран эстетических норм, воплощающих идеал совершенной духовной и физической гармонии. Опирающееся преимущественно на буддийские традиции корейское искусство послужило основой для творчества мастеров королевства Чосон, однако абсолютное преобладание конфуцианской системы привело к серьезным переменам и в изобразительной сфере.

Буддизм с его вниманием к внешним формам больше влиял на изобразительную сторону произведений. Ослабление буддийской традиции в конце XIV – XVI вв. сопровождается возрастанием роли конфуцианства. Отличаясь известной строгостью и чрезмерной регламентированностью, оно пренебрегало формой и сосредоточивало внимание на символике. Поэтому все искусство начального периода королевства Чосон, развивавшееся в условиях, когда конфуцианство набирало силу как господствующее учение, отличается ярко выраженным символизмом и довольно однообразно с точки зрения формы. В то же время слияние и переплетение буддийского и конфуцианского канонов, их мотивов и образов, приводили к созданию своеобразных произведений изобразительного и прикладного искусства.

В конце XVI в. (время начала кризиса феодальной системы Кореи) культура постепенно приобретает антиклерикальный и гуманистический характер. Религия, с ее рафинированной буддийской эстетикой и умозрительным миром богов, несколько отодвинулась, а на первый план выступил реальный человек, с его земными чувствами, желаниями и устремлениями, в произведениях многих литераторов и художников он превращается в главную ценность бытия. Пришло время окончательной секуляризации творческого процесса в целом, искусства и архитектуры в частности. В предшествовавшие эпохи в строительстве доминировали храмы и монастыри, основной темой изобразительного искусства были религиозные сюжеты, изображения божеств и церковных деятелей, теперь же строили преимущественно дворцы и административные сооружения, а живопись обратилась к реальной жизни людей и к природе, которая была призвана украсить эту жизнь. Ху-

дожники рисовали на бумаге и стенах жилых помещений жанровые сцены, цветущую сливу, красные клены, цветы и деревья, передающие яркую, многоцветную земную красоту. Их произведения дополняли мистические картины буддийского рая и ада или монохромные пейзажи в духе конфуцианской или даосской философии.

При становлении королевства Чосон огромное внимание уделялось нормализации подорванных в период монгольского ига традиционных связей с ханьским Китаем. Минская империя в начале XV в. поддержала династию Ли, связи между двумя государствами усилились, в первые десятилетия века в Сеул было завезено множество произведений китайских мастеров. В роли феодального мецената выступал сын вана Седжона Ли Анпхён (1418 – 1453 гг.), он собрал во дворце огромную коллекцию китайской живописи и прикладного искусства, открытую для соотечественников-мастеров. Это давало им возможность изучать творчество сунской (в ее южном и северном вариантах), юаньской и минской школ, постигать живописный канон конфуцианства.

В системе изобразительных искусств XV – XVI вв. ведущее место занимает живопись. Мастерство владения кистью воспринимается в обществе как признак высокой культуры и одна из конфуцианских добродетелей. Именно поэтому при королевском дворе Ли Сонге в 1392 г. было создано учреждение по вопросам живописи Тохвасо (просуществовало вплоть до XIX в.), которое по примеру минской Академии живописи служило не только для подготовки художников-профессионалов, но и для контроля государства над трудом живописцев. При академии Тохвасо сложилась официальная группировка художников, получившая название тохва. Как высочайшие профессионалы они должны были владеть всеми современными жанрами и приемами живописи, однако принадлежность к конфуцианской академии требовала от них преимущественной работы в жанре портрета. Этот живописный жанр в конфуцианском мире становится культовым, имеет тесную связь с обрядом почитания предков и пятью добродетелями. Ни в одной дальневосточной стране портрет не занимал столь значительного положения, как в Корее. Официальные художники писали канонические портреты государей, знатных сановников, конфуцианских ученых, чиновников и их семей. Портреты создавались в строгом соответствии с северосунскими традициями, основанными на тонкой графичности рисунка, яркости цветового колорита. Отступления от канона не допускались; он определял позу, выражение и поворот лица, церемониальное одеяние. Портрет был настолько канонизирован, что после смерти изображенного на нем выдающегося человека, картина становилась своего рода конфуци-

анской «иконой», выставленной для поклонения в храме или ином ритуальном помещении.

Идеализация образа и традиционные приемы конфуцианской портретной живописи переносились и в сферу светского портрета, выполненного на заказ. Помимо работы над портретами мастера из группы тохва часто привлекались для росписи дворцовых павильонов и зданий государственных учреждений, поэтому у них практически не оставалось времени на собственное творчество. Виднейшими мастерами портретной живописи были Кан Хиан (1418 – 1465 гг.) и его последователь Ли Синхым (1570 – 1631), занимавшие к тому же достаточно высокие государственные должности.

Параллельно с официальной школой тохва развивалось направление т. н. художников-дилетантов *мунинхва*, по собственной оценке, они были не профессионалами, а любителями, хотя на самом деле в совершенстве владели живописным мастерством. Представители *мунинхва* считали себя хранителями корейской традиции, но в то же время использовали южнокорейскую технику с применением мягких тушевых размывов и оттенков. Дистанцирование от официальной конфуцианской школы позволяло им развивать более вольное направление живописи со свободной манерой письма, позволявшей проявлять максимальное творчество и передавать через образы природы и окружающего мира тонкие и сложные поэтические ассоциации. *Мунинхва* представлена многочисленной плеядой художников, в отличие от мастеров тохва они подписывались под своими работами. Культовые портреты, как правило, подписи не имели, поэтому сведения об авторстве практически отсутствуют.

Наиболее ранний портрет периода династии Ли, на котором изображен выдающийся государственный деятель Чо Мальсэн (1370 – 1447 гг.), принадлежит кисти неизвестного художника XV в. Интересен исполненный в реалистической манере портрет сановника Ли Ханбока (1556 – 1618 гг.), его авторство приписывается Ли Синхыму, о жизни и творчестве которого практически ничего не известно, более того оригинальное полотно не сохранилось, и мы знаем о нем по авторской копии Чин Джэхэ (1691 – 1769 гг.), относящейся к XVIII в.

Полуофициальным жанром можно считать пейзажную живопись, ею занимались некоторые представители тохва и практически все художники-дилетанты. Пейзаж становится ведущим жанром светской живописи в XV – XVIII вв., он максимально приближается к китайским пейзажным зарисовкам сунского образца – «горы и воды» (*шансухва*). В работах конфуцианских художников Кан Хиана, Ан Гёна (1564 – ? гг.) на первый план выступало эпическое начало, все природные явления у них подчинялись определенному порядку *ли*. Кан писал цветной тушью и подчеркивал неразрывную связь чело-

века с природой, однако пейзажная классика часто была лишена эмоциональной окраски, концентрировалась на изображении покоя и внутренней уравновешенности. Творивший в середине XV в. Ан Гён часто допускал отклонения от канона, тяготея либо к пейзажному реализму, либо к даосской мистике. Миропонимание даосов отражалось в ином видении природы. Художники-даосы стремились передать свои переживания при восприятии природы, часто настроение мастера неузнаваемо изменяло окружающий мир. Именно этим и прославился Ан Гён, создав не только образцы канонической живописи, но и монументальные фантастические пейзажи.

Помимо портрета и пейзажа с XV в. складываются и другие жанры национальной корейской живописи: декоративный, основанный на жанре «цветы и птицы» (Чо Сок (1595 – 1668 гг.), Хван Джипчун (1533 – ? гг.), Синса Имдан, Ли Гехо (1574 – ? гг.)), т. н. жанр «четыре совершенства» (У Монон или О Монён (1565 – ? гг.), Ли Джон (1541 – 1622 гг.)), изображавший цветущую сливу, орхидеи, хризантемы и бамбук, и анималистическая живопись (Ко Ун (1495 – ? гг.), Ли Ам (1499 – ? гг.)).

Картины-свитки писались на шелке, бумаге и ткани из растительных волокон, преимущественно тушью и водяными красками на минеральной основе. Они служили для украшения храмовых и дворцовых павильонов. Выше всего ценились монохромная живопись черной тушью хва и *молхирхва* с их каллиграфичностью, богатством и нежностью нюансов. Особой популярностью пользовалась живопись *мунхва* с применением размывов туши. К сожалению, во время Имджинской войны большая часть произведений ранней живописи королевства Чосон погибла, но сохранившиеся произведения указывают на высокое мастерство художников XV – XVI вв.

Часто в качестве сопутствующего компонента живописного ряда или самостоятельного вида изобразительного искусства выступала каллиграфия. XV – XVI вв. оставили корейскому народу богатейшее наследство четырех великих каллиграфов – упомянутого выше принца Ан Пхёна, Ким Гу (1488 – 1534 гг.), Хан Хо (1543 – 1605 гг.) и Ян Саона (1517 – 1584 гг.). Их творчество отмечено виртуозным техническим мастерством, не превзойденным и по сей день. Каллиграфические свитки, как и произведения живописи, украшали храмы, дворцы и учебные заведения, встречались даже в частных домах образованных людей. Искусство каллиграфии ценилось как высшее проявление грамотности; аристократы, ученые и монахи обязаны были овладеть им наряду с основами живописи.

В первой половине XVI в. свободная манера письма получает дальнейшее развитие в творчестве художников-дилетантов, классическим

представителем данной тенденции является Ли Санджва (1488 – ? гг.). Для него характерен дальнейший отход от сунского живописного канона. Художник работал под эгидой Тохвасо, однако его манера далеко не всегда подчинялась конфуцианской традиции. Ли Санджва приписывается разработка излюбленного в Корее сюжета: изображение сосны как символа нестигаемой воли и стойкости. Очень интересна судьба мастера. Он родился от наложницы богатого вельможи, сумел при его поддержке получить достойное образование, однако происхождение из среды ноби не позволяло Ли Санджва занять достойное положение в обществе. Только незаурядный талант позволил ему добиться перевода в среднее сословие феодальной интеллигенции и стать придворным живописцем. Простые корни художника определяли его интерес к неофициальному искусству, он явился основоположником бытового жанра, изображавшего сцены, непосредственно взятые из окружающей действительности. Продолжатели данного направления на рубеже XVI – XVII вв. уделяют много внимания изображению сцен городской и деревенской жизни.

Значительно снижается роль буддийской храмовой живописи, занимавшей в Корее ведущее место, в королевстве Чосон она уже не имела такого распространения и спроса со стороны общества и государства. Представление о ней дают сохранившиеся элементы красновато-коричневого декора и настенные живописные композиции, изображавшие буддийских божеств и сохранившиеся в храмах XVI – XVII вв. и последующего периода.

Характерные для конца XIV – начала XV вв. гонения на буддизм сыграли роковую роль и в судьбе средневековой корейской скульптуры. Резко снизились запросы на культовые изделия, и искусство ваяния в новых условиях пришло в упадок. Типичным примером корейской скульптуры данного периода является оформление многоярусной пагоды буддийского храма Вонгак (1464 г.) с реалистичным рельефным изображением растений и животных.

3.1.6. Архитектура и градостроительство

В XV – XVI вв. с утратой буддизмом главенствующих позиций и усилением роли конфуцианства более интенсивное развитие получает светская архитектура. Определявшее эпоху Корё культовое храмовое строительство приходит в упадок, с начала XV в. большее внимание уделяется гражданскому строительству. Резкий переход от религиозности к светскости привел к тому, что традиционные виды культовых сооружений утратили доминирующее значение, главное место в архитектуре заняли дворцы, павильоны и административные сооружения. Пышно и торжественно застраивалась столица

королевства Хансон-Сеул. Образцом градостроительства служила планировка китайской столицы в эпоху Мин. Сеул отличался регулярностью планировки и был обнесен мощной крепостной стеной. Стремление поразить воображение современников и возвеличить династию привело к усложнению декора зданий, «утяжелению» их конструкций.

Архитектурные стили феодальной Кореи отражали эстетические идеалы и соответствовали образу жизни господствовавшего класса. Они трансформировались со сменой эпох и фиксировали ход развития художественной традиции. В период становления феодального сословия и господства родовой аристократии самым распространенным стилем дворцовых сооружений были т. н. «спальные ансамбли», центральное место в которых занимал жилой павильон. Он представлял собой прямоугольное однозальное здание, приподнятое на столбах-опорах и покрытое крышей с широким выносом. Внутреннее пространство регулировалось подвижными перегородками, ширмами и занавесями, с помощью которых выделялись места для отдыха, занятий, сна или приема гостей. Внешние стены формировались полвесными решетчатыми деревянными ставнями, которые закрывались на ночь и в непогоду.

Дворцы X – XIV вв. построены на основе стилистического сближения храмового зодчества с дворцовым, они испытали воздействие эстетики дзэн-буддизма, опирающейся на связь человека и окружающей природы. Главным во дворце становится помещение для интеллектуальных занятий, или кабинет, в котором одновременно осуществлялся прием гостей. Внешние стены сооружений представляли собой легко трансформировавшуюся конструктивную систему с применением бумаги для оклейки деревянных рам. Во дворцах выделялись и другие помещения: для сна, отправления религиозного культа и т. д.

С приходом к власти чиновно-феодалных кругов, вооруженных конфуцианской доктриной, относительная скромность предшествовавших эпох уступила место масштабности и пышности дворцовых комплексов конфуцианского типа, соответствовавших духу нового времени. Дворец стал символом общественного положения хозяина, функциональное членение и устройство помещений в нем уступило место принципу престижности, определявшему и общее композиционное построение сооружения, и богатство его декора. Детали убранства постепенно стали атрибутами, обозначающими ранг владельца дома.

Крупномасштабность архитектурных замыслов выразилась в роскошных дворцовых комплексах, возведенных в Сеуле и Пхеньяне. Дворцовые ансамбли Кёнбоккун и Чхандоккун включали административные здания, театральные и жилые павильоны, беседки, садовые

парковые комплексы с искусственными водами и островками. Они явно тяготеют к образцам городской архитектуры Минской империи, но отмечены и национальной спецификой: дворцы имеют подчеркнуто высокую крышу, в деревянные конструкции органично вписываются гранитные опорные столбы.

Кёнбоккун (Дворец сияющего счастья) заложен в середине XIV в. как резиденция Ли Сонге, он – ровесник Сеула и один из дворцовых ансамблей столицы (до наших дней сохранилось четыре сеульских дворца). Строительство завершилось в 1394 г., однако вплоть до XIX в. Кёнбоккун неоднократно перестраивался после постигших его пожаров и запустения. Реконструкция дворца как символа монархии завершилась в 1865 – 1864 гг., но в годы японского колониального господства он вновь значительно пострадал. Сегодня, как и прежде, Кёнбоккуну принадлежит особое место в системе жизненных ценностей корейского народа. Среди его наиболее известных сооружений выделяется тронный зал Кынджонджон, многофункциональные павильоны Чогенджон, Хянвонджон (Павильон петящих ароматов), Кванхверу (Беседка радостных встреч). Украшением дворцового ансамбля служит пруд с лотосами и карпами, обрамленных небольшой парковой зоной.

Чхандоккун (Дворец блестящих добродетелей) являлся еще одним из пяти дворцов династии Ли, его строительство велось в XV – XVII вв., но практически завершилось к 1405 г. Главный павильон Тэджонджон (Зал королевских аудиенций) был лишен строгой линейной симметрии и максимально вписывался в окружающий ландшафт, в этом сказались особенности корёского градостроительства, отказавшегося от классической структуры дворцовых сооружений конфуцианского мира; поэтому Чхандоккун считается шедевром национальной архитектуры, примером удачного сочетания построек с окружающей средой. Дворец неоднократно страдал от пожаров и подвергался реконструкции, последняя была осуществлена 273 года назад, но никогда Чхандоккун не менял своих размеров и основной конфигурации. Старейшими частями комплекса являются ворота Тонхвамун (1421 г.), павильоны Инёнджон (служил для коронации и приема зарубежных гостей), Сонёнджон (в нем проводились совещания по важнейшим вопросам внешней и внутренней политики) и Тэёджон (резиденция королевы). Всего во дворце сохранилось 41 здание, в некоторых из них вплоть до 70-х гг. XX в. проживали потомки королевской семьи. Древнейшими образцами дворцового ландшафта могут служить задний парк Хувон, созданный вокруг естественного пруда, и знаменитый Пивон (Секретный сад) площадью более 200 тыс. кв. м с его павильонами для отдыха, располо-

женными среди множества прудов и ручьев. Дворец Чхандоккун является одной из пяти достопримечательностей Кореи, внесенных ЮНЕСКО в перечень сокровищ мировой культуры.

Среди архитектурных памятников XV – XVI вв. следует назвать конфуцианские храмы Оксан (1572 г.), Суньян (1573 г.) и Мунмё (конец XVI в.), все они являются примером влияния юаньской традиции. Более ранние сооружения, относящиеся к XV в., например храм Муви в провинции Чолла, имеют ясную и гармоничную форму, характерную для остаточного влияния т. н. индийского стиля, привнесенного на Корейский полуостров буддизмом. Памятники последующего периода тяжеловеснее, монументальнее, на них сказалось влияние юаньской архитектуры. В буддийских храмах Вонгакса, Синрыкса и Раксанса сохранились фрагменты строений XV – XVI вв., прежде всего многоярусные мраморные и каменные пагоды, также выполненные в индийском стиле. Пагода Вонгактхал – это явное подражание пагоде храма Кёнчхонтхал, воздвигнутой в конце эпохи Корё.

К замечательным образцам павильонной архитектуры относятся ворота Намдэун (Сеул, 1448 г.), Потхоньмун (Пхеньян, 1473 г.), Наммун (Ыйджу, 1520 г.), беседки Ёнгван (Пхеньян, 1608 г.), Тхонгун (Ыйджу, 1538 г.), Кахак (Анбён, 1486 г.) и павильон Пушн (Хэлжу, 1500 г.).

3.1.7. Прикладное искусство

Взросший спрос чосонской знати и богатых горожан на предметы роскоши, а также развитие внешней и внутренней торговли привели к значительному прогрессу в сфере художественных ремесел. Развиваются традиционные виды прикладного искусства: вышивка по шелку, керамическое и фарфоровое производство, изготовление бронзовой посуды и холодного оружия. В целом прикладное искусство этого периода было достаточно разнообразным, поскольку отвечало потребностям образа жизни различных социальных слоев. Повышенное внимание к художественному оформлению предметов быта делало их для современников таким же атрибутом эпохи, как и произведения литературы и изобразительного искусства, и позволяло включать их в сферу духовной жизни, а не только материальной среды. В декоративно-прикладном искусстве XV – XVII вв. находили отражение все основные идейные и эстетические течения времени. Новые для корейского искусства и культуры тенденции к украшательству и показной пышности были связаны с образом жизни и культурными запросами чиновно-феодалной верхушки и формировавшихся городских слоев.

Особое место занимали керамика и фарфор. Корейские мастера производили самые разнообразные изделия: всевозможные вазы, кувшины, чаши и посуду. Они овладели методикой кобальтовой росписи на фарфоре (ранее такие изделия вывозились из минского Китая), научились изготавливать белоснежную фарфоровую посуду. В формах и росписи на сосудах проявляется не свойственная им ранее живописность. Изделия периода Ли отличаются тонкостью и особым изяществом форм. Однако главной цели творческого поиска в области фарфорового производства ни в XV в., ни в последующий период достичь не удалось.

В период монгольского господства был безвозвратно утрачен секрет производства предмета гордости корёского прикладного искусства – знаменитого голубовато-зеленого (очень близкого по цветовой гамме к малахиту) фарфора селадон и его инкрустации цветными глинами (техника *сангам чхонджа*). Он изготавливался только в Корё и пользовался огромной популярностью за границей, поэтому в XII в. инкрустированная и глазированная фарфоровая посуда была одним из главных предметов корейского экспорта. Попытки многих мастеров восстановить производство селадона не увенчались успехом. На смену ему приходит фарфор белого цвета с удивительно четкими очертаниями.

Широкое распространение в период Ли получает производство расписных и инкрустированных перламутром лаковых изделий и мебели, как правило, они покрывались черным или светлым лаком и узорчатыми украшениями из металла. Подносы, трапезные столики, шкатулки, сундуки и другие предметы сочетают в себе красоту древесной фактуры и совершенство формы, их изящество славилось за пределами корейского государства. В лаковых изделиях чосонской эпохи нашли воплощение пышные и цветистые публичные вкусы того времени. Изделия были свободны и оригинальны по форме, при их производстве часто применялся золотой лак, а также всевозможные приемы орнаментации: рельеф, полировка, гравировка, инкрустация, полихромная эмаль и т. д. Богато украшенные лаковые изделия, предметы обихода и посуда использовались знатью Чосона для парадных случаев, среди них следует выделить всевозможные столики и подставки, подносы, комплекты столовой и чайной посуды, трубки, шпильки, шкатулки и пудреницы. Часто эти вещи украшались золотом и серебром.

Особое место среди художественных промыслов королевства Чосон имело литье культовых колоколов и гонгов, находивших применение, как в буддийских, так и конфуцианских церемониях. Тонкость работы мастеров определяла не только чистое звучание или элегантную форму изделия, но и богатый декор, покрывавший его поверхность. Лучшие колокола

и гонги получали собственное имя, хранились в буддийских храмах или культовых конфуцианских учреждениях. На всю страну славилась колокола Хончхон (1462 г.), Раксан (1469 г.) и Понсон (1469 г.), они названы по имени храмов, в которых хранились и использовались.

3.1.8. Театр и музыкальная культура

В период XV – XVII вв. зрелищные искусства Кореи еще не приобретают сложившихся и канонизированных театральных форм, исключением являются придворные музыкально-хореографические представления, церемониальная (конфуцианская) музыка и храмовые (буддийские) песнопения. Формирование театральных жанров шло на основе народного фарса в виде комических интермелий. Кроме того, в народной среде бытовали различные виды песен, танцев, песенных сказов и кукольных представлений, отвечавших вкусам и устремлениям сельских жителей и городских сословий.

Театральное искусство. Театральное искусство XV – начала XVII вв. представляет собой творческое развитие достижений предшествовавшего периода. На этой основе к началу XV в. складываются два вида средневекового корейского театра – театр масок *сандэгык* и театр марионеток *квервегык*. Они принадлежали простому народу, развивались на городских площадях и улицах. Сандэгык знаменует собой появление подлинно театрального искусства, поскольку в нем представлены основные его компоненты: драматическая основа, сценическое действие и диалог. Театр масок был очень демократичен, обеспечивал максимальную свободу актерской импровизации, поскольку использовалось не фиксированное либретто, а лишь общая сюжетная канва.

Ориентированные на простых горожан и сельских жителей, выступления театров масок и марионеток имеют явно выраженный сатирический характер. Их героями становятся алчные чиновники, распутные и глухие буддийские монахи, которым противопоставляются трудолюбие и прочие добродетельные качества обычных людей. Сатирическая традиция национального театра максимально проявилась в творчестве известного актера и драматурга XVI в. Кви Сока; его пьесы «Возмущение слуги», «Подношение даров» близки к буффонадам западноевропейского народного театра. На основе сандэгык формируется скоморошеская традиция бродячих актеров *квандэ*, игравших видную роль при проведении различных церемоний и празднеств.

Музыкальная культура. Музыкальная культура XV – XVI вв. развивается в двух основных направлениях: церемониальная музыка и народная песенно-музыкальная традиция. Конфуцианский культовый обряд предусматри-

вал развитие официальной музыки. Значительную роль в храмовых мероприятиях играла эмоциональная и чувственная составляющая ритуала, поэтому службы проводились с непрерывным музыкальным сопровождением. Сам Конфуций полагал, что музыка тесно связана с нравственно-эпической стороной личности и способствует воспитанию добродетельного человека, в силу этого ей отводили важное место во многих конфуцианских обрядах. Настоящий конфуцианец должен был разбираться в ней и обладать основами музыкальной грамоты. В то же время следует помнить, что конфуцианская музыка не предназначалась для возбуждения эмоций – радости, гнева, печали или счастья; в ее задачу входило утверждение «чувства регулярности и незыблемости моральных устоев и традиций», а также отвращение человека от зла и пороков, к которым неизбежно приводит «избыток» чувств.

Покровитель искусств ван Седжон в начале XV в. создал группу придворных музыкантов во главе с Пак Ёном (1367 – 1458 гг.), они занимались изучением традиционной дворцовой музыки, музыкальной культуры Китая и творчества простого народа. Основными результатами их усилий являются расширение дворцового музыкального репертуара и создание оригинальной системы нотной записи акло. Включение последней в официальную хронику деяний короля «Седжон силлок» / «Летопись [вана] Седжона» наряду с описанием корейского алфавита хангыль свидетельствует о важной роли музыкальной культуры в конфуцианском обществе. В 1493 г. опубликованы результаты коллективного труда возглавленной Со Хёном редколлегии первой отечественной музыкальной энциклопедии «Акхак квебом» / «Основы музыкальной науки». В ней собраны и обобщены теоретические сведения о музыке, описаны инструменты, одеяния музыкантов, даны наставления о правилах музицирования. В 1511 г. Со Хён предлагает новый вариант записи музыки халчабо.

Благодаря особому покровительству Седжона, в XV в. в Корее были осуществлены реставрация, классификация и систематизация произведений официальной конфуцианской музыки, относящейся к периоду китайских династий Суи и Мин. На этой основе при дворе сложился жанр *чонгмё череак*, или конфуцианская церемониальная музыка. Ее исполняли на классических инструментах китайского типа, происхождение которых относят к I в. до н. э., причем главная роль принадлежала ударной группе. И сейчас в Сеуле можно услышать концерты *чонгмё череак*, приуроченные к проведению конфуцианских ритуалов, в Китае же данная традиция давно утрачена.

В XV – XVI вв. изготавливали множество музыкальных инструментов, помимо упомянутых в предыдущем разделе ритуальных гонгов и ко-

локолов совершенствуются бамбуковая флейта, корейская разновидность кларнета, другие оригинальные национальные инструменты. Их разнообразие послужило основой для создания больших дворцовых оркестров. На базе новых музыкальных знаний трансформируется корейская хореография. Во время празднеств во дворцах исполняли песни и танцы, появившиеся еще в период Корё и раньше, однако их музыкальное содержание и хореография были заметно упорядочены и систематизированы.

В народной среде были распространены старинные песни и танцы о сельскохозяйственном труде, других занятиях простолюдинов. Довольно популярными становятся песни *каё*, своеобразная песенная традиция обычных горожан. Основаны они были на поэтическом жанре *каса* и сопровождалась изустно передаваемым мелодическим строем. Особое положение занимал ритуальный шаманский танец *мудань*. К концу XVI в. в условиях Имджинской войны развивается патриотическая песенная и хореографическая традиция, связанная с богатой историей корейского народа и его борьбой с внешним врагом.

События Имджинской войны сказались не только на состоянии корейской культуры. Семилетнее присутствие японских захватчиков на полуострове, конечно же, обернулось для страны неисчислимыми бедствиями и огромным ущербом, но в то же время оно создало условия для широких заимствований и распространения культуры Чосона в Японии. Десятки тысяч корейцев были угнаны в плен, среди них находилось немало квалифицированных мастеров и ученых. Они нашли в Японии применение своим навыкам и знаниям. Корейский философ Кан Хан (1567 – 1617 гг.) преподавал там основы неоконфуцианской натурфилософии, его ученик Сейко Фудзивара стал первым представителем *чжусианства* в островной империи. За годы войны японцы захватили и вывезли на родину множество культурных ценностей, книг, наборные металлические шрифты, полонили мастеров-печатников. Это позволило им создать издательское дело и полиграфию, получить доступ к знаниям конфуцианского Китая. Японское керамическое и фарфоровое производство впитало опыт и мастерство угнанных на чужбину корейских гончаров, расселенных по различным регионам страны и обучавших местных ремесленников. Большое влияние на развитие японской культуры оказали вывезенные из Кореи произведения живописи, скульптуры, художественного литья и др.

3.2. Культура XVII – XVIII вв.

Последствия Имджинской войны резко отразились на внутренней ситуации в Корее.

Сельское хозяйство и ремесло пришли в упадок, значительно сократилось население страны. Ослабление государства стимулировало рост частного земельного владения. По сути дела, никогда более власти не смогли в полном объеме восстановить принцип своей верховной собственности на землю. Начавшиеся еще в довоенный период социально-экономические процессы привели к кризису и полному краху системы служебного землевладения в первой половине XVII в. С середины XVII в., т. е. с началом нового времени, Корея вступает в этап позднего феодализма, характеризующийся преобладанием крупной наследуемой земельной собственности и острым соперничеством феодальных кланов за влияние при дворе.

Прямым следствием роста частного землевладения становится оскудение государственной казны, увеличиваются нормы феодальной эксплуатации, множатся тяготы и страдания народа. Крестьяне вынуждены покидать обжитые земли, просить покровительства феодалов, на этой основе развивается крепостничество. Послевоенный социально-экономический кризис сказался на состоянии национальной культуры; нанесенный событиями 90-х гг. урон усугублялся тяжелым хозяйственным положением в первой трети XVII в. Экономические проблемы накладываются на острейшую политическую ситуацию, связанную с дестабилизацией династии. После смерти вана Сонджо (1567 – 1606 гг.) монархи надолго попадают в зависимость от влиятельных семей или феодальных «партий». Они ведут кровопролитную борьбу за власть, в результате государство не уделяет должного внимания насущным проблемам страны. По силе негативного воздействия на культуру период хозяйственной разрухи и политического безвременья сопоставим с последствиями японского вторжения.

В 20 – 30-х гг. XVII в. мирное существование страны вновь было нарушено, Чосон подвергся краткому, но разорительному нашествию чжурчжэньских племен во главе с ханом Нурхаи. Страла от набегов из Маньчжурии и Минская империя, она склоняла Чосон к союзническим действиям против маньчжуров. Но власти Кореи не были готовы к войне, поэтому они приложили максимум усилий для примирения с грозным противником. Мины обвинили их в предательстве и прервали традиционные отношения с корейским государством. Связи с Китаем были восстановлены лишь после его завоевания маньчжурами и воцарения там Цинской династии.

В конце 30 – начале 40-х гг. для обеспечения безопасности и независимости Чосона, а также для защиты корейского общества от чужеродного влияния власти королевства вводят режим внешнеполитической изоляции. Политика изоляции Кореи от внешнего мира имела немало причин: это и опасение захватнических

поползновений со стороны зарубежных держав, и стремление упорядочить централизованную власть и сохранить феодальные порядки, и боязнь крестьянских волнений под христианскими лозунгами и многое другое. Этой политики корейское государство придерживается до 70-х гг. XIX в. Мероприятия властей были направлены на консервацию феодальных институтов, дальнейшее закрепощение крестьян и детальную регламентацию образа жизни всех социальных слоев.

Ход нормального историко-культурного развития корейского общества несколько замедлился и деформировался. Но внешнеполитическая изоляция страны имела и некоторые позитивные последствия. К середине XVII в. стихают социально-экономические и политические потрясения первых его десятилетий, корейское общество вновь получает возможность наладить благополучную жизнь. Пережитые народом испытания закалили его, он снова нашел силы для восстановления и развития родной страны и культуры. Укрепление всестороннего обмена с Китаем вызвало усиление позиции конфуцианских кругов, консервативного чиновничества, обеспечило значительные культурные заимствования в области архитектуры и искусства. Параллельно развиваются процессы усиления ортодоксальных неоконфуцианских течений и зарождения оригинальных, национальных по форме и реформаторских по содержанию, направлений.

На рубеже XVII – XVIII вв. в социально-экономическом развитии королевства Чосон явно прослеживаются новые, не феодальные по своей природе тенденции: трансформация системы управления хозяйством; бурное развитие товарно-денежных отношений; появление новых экономических сил и социальных элементов.

Усилиями неоконфуцианского руководства страны к середине XVIII в. была восстановлена социально-экономическая и политическая мощь династии и королевства, особую роль в этом сыграли ваны Ёнджо (1724 – 1776 гг.) и Чонджо (1777 – 1800 гг.). На фоне социальной и политической стабильности наблюдается заметное оживление экономики. Вторая половина века становится для Кореи эпохой Возрождения, определившей расцвет реформаторской доктрины сирхак и позднефеодальной культуры. Она по-прежнему развивается преимущественно на конфуцианской основе, однако существенным моментом XVII – XVIII вв. становится рост национального самосознания корейцев, в том числе и в культурной сфере. Наблюдается большая «кореизация» национальной культуры, идет освобождение от слепого подражания китайским образцам.

Важнейшим событием XVII – XVIII вв. является проникновение в Чосон в первую очередь через дружественный Китай некоторых дости-

жений западной цивилизации и христианства. Несмотря на политику изоляции, в это время корейцы вступают в первые культурные контакты с внешним миром.

3.2.1. Идеологическая борьба в XVII – XVIII вв.

Вся жизнь позднефеодального общества Чосона была опутана паутиной феодальной регламентации, запретов и наставлений, рекомендаций и предписаний, причем ограничения в социальной и культурной сферах существовали и в законодательной, и в этической формах. Согласно иерархическому конфуцианским установкам, каждому члену общества было предписано свое место, своя линия поведения и соответствующий ей образ жизни. Бесчисленные распоряжения феодальных властей и требования конфуцианского этикета направляли действия людей, фиксировали права, обязанности и нормы поведения отдельных социальных групп, определяли круг занятий и даже качество и характер питания и одежды. Некоторые элементы регламентации выступали в форме этических принципов, многие черты обыденной жизни регулировались традицией и обычаем.

Главной целью регламентирования было сохранение существующего режима и усиление его чиновно-феодальной опоры. Во всем подчеркивались сословные различия, и даже наказание за проступки осуществлялось в соответствии с социальным статусом. Все общество до мельчайших ячеек пронизывал строгий социально-иерархический порядок, основанный на принципе: уважение высших – презрение к низшим. Общий пафос писаных и неписаных норм сводился к увещаниям и призывам усердно трудиться, соблюдать строжайшую дисциплину, придерживаться общественной морали, быть бережливым, бороться с роскошью и экстравагантностью.

Феодальная регламентация охватывала все сферы жизни общества, в том числе и культуру; политика властей в области культуры преследовала все те же цели: сохранить существующий порядок и не допустить перемен в обществе. Это была рефлексия феодальной системы на изменяющийся мир вокруг традиционалистского очага дальневосточной конфуцианской культуры.

Как источник распространения вредных влияний рассматривались феодальными властями книги и другие печатные издания; в первую очередь был запрещен ввоз и перевод иностранной литературы, но определенную опасность представляла и отечественная печатная продукция, поэтому с середины XVII в. активно практикуется ее цензура с целью не допустить критики властей и официальной идеологии.

Сложные и противоречивые процессы, характерные для корейского общества XVII –

XVIII вв., сказались на идеологической сфере. Обострилась вражда объединенных в философском течении сирхак прогрессивных сил с косностью и консерватизмом официальных кругов. Политика властей, направленная на консервацию феодальных основ и изоляцию страны, вызывала острое недовольство и критику со стороны трезвомыслящих прогрессивных ученых. Однако вопреки логике исторического развития государство предпочитало опираться на ортодоксальное чжусианство, которое в XVII в. потеряло свои рациональные черты и в нем окончательно утвердилось догматическое течение конфуцианского мыслителя середины XVI в. Ли Хвана, не допускающее каких-либо отступлений от канона.

Неоконфуцианская школа XVII – XVIII вв. удалилась от постановки и решения проблем реальной жизни, сосредоточившись на бесплодных дискуссиях по вопросам этики и морали или трактовки классических произведений. Среди философов официального лагеря выделялся выдающийся государственный деятель и ученый Сон Сиэль (Уам, 1607 – 1689 гг.), он был приверженцем идеалистического направления натурфилософии и отличался крайне реакционными взглядами на экономику и политику. Уам превозносил китайский пример и пренебрежительно относился к опыту и знаниям европейского мира. Творчество Сон Сиэля служило оправданию существующих порядков и оппонировало школе сирхак.

Засилье ортодоксального чжусианства осуждалось частью конфуцианских кругов, в них сложились даже еретические, с точки зрения правящего лагеря, течения. Примером может служить философское направление, получившее название «ханьское учение» и выступавшее против абсолютизации чжусианства. Идеологи данной школы: Юн Хю (1617 – 1680 гг.) и Пак Седан (Соге, 1629 – 1703 гг.) призывали обратиться к наследию эпохи китайской династии Хань. Еще одно еретическое течение связано с именем Чон Джеду (1649 – 1736 гг.), он выступал апологетом субъективного идеализма китайского философа Ван Ян-мина, отклонившегося от чжусианства и считавшего необходимым уделять внимание нуждам народных масс. Материалистическую теорию Вселенной и общества разработал Чан Ю (1587 – 1638 гг.) Продолжателем материалистических воззрений Ли И и Чан Ю в первой половине XVIII в. становится Хан Вонджин (1682 – 1750 гг.), выступавший за смягчение феодального гнета, прекращение клановой борьбы и ограничение частной земельной собственности. Политические взгляды Хан Вонджина сближали его с сирхакистами. Несмотря на принадлежность своих оппонентов к верхушке феодального общества, власти боролись с ними, так, Юн Хю был казнен как злостный еретик, а Соге отправлен в длительную ссылку.

Естественной реакцией на застой и вырождение конфуцианской науки, засилье ее догматическими направлениями и жестокое преследование инакомыслия было усиление реформаторских настроений, основанных на философской традиции сирхак. Новые идеи, отвечающие требованиям эпохи, выдвинуло второе поколение сирхакистов, представленное плеядой талантливых ученых, литераторов, естествоиспытателей. XVII – XVIII вв. были временем подлинного расцвета движения за реальные науки. Выдающиеся мыслители Лю Хёнвон (Панге, 1622 – 1673 гг.) и Ли Ик (Сонхо, 1682 – 1764) видели путь решения назревших проблем в проведении широких социально-экономических реформ: земельной, налоговой, агротехнической. Они выступали за утверждение социального равенства и улучшение жизни народа. Программа преобразований изложена в капитальных трудах всей их жизни – «Панге сурок» / «Записки Панге» и «Сонхо мунджип» / «Собрание сочинений Сонхо». Как и все деятели сирхак, Лю Хёнвон и Ли Ик обосновывали необходимость изменить косное отношение к естествознанию, они критиковали конфуцианскую науку за схоластику и оторванность от жизни, призывали развивать все отрасли научного знания.

В середине XVIII в. в рамках сирхак развивается направление, получившее название «учение с севера» или пукхак. Оно исходит из основополагающих принципов сирхакистской философии, опирается на наследие предшествовавших веков. В то же время последователи пукхак смелее выступали против феодальных порядков, четко и последовательно формулировали программу конкретных действий. Они не останавливались на теоретизировании, но смело обращались к властям, отправляя в адрес вана петиции с изложением своей реформаторской платформы. Идеология пукхак получила развитие в творчестве Хон Дэёна (1731 – 1783 гг.), Пак Чивона (Ёнам, 1737 – 1805 гг.), Пак Чегэ (1750 – 1805 гг.) и многих других прогрессивных ученых-сирхакистов. Они составили множество научных трактатов, записок о естественнонаучных исследованиях, литературных трудов, реформаторских посланий. Программной работой течения стало сочинение Пак Чегэ «Пукхагый» / «Размышления об учении с севера».

Важное место в программе отводилось науке и просвещению, это наряду с ее социальной направленностью позволяет нам определить сирхак как первую в истории страны форму просветительского движения, сформировавшуюся в условиях феодального общества. Она отразила дальнейшую стадию роста национального самосознания корейского народа.

3.2.2. Влияние сирхак на развитие науки и культуры

Большинство культурных и научных достижений XVII и особенно XVIII в. определялось влиянием сирхак. Некоторое значение имело и стремление ванов Ёнджо и Чонджо прослыть просвещенными монархами по примеру короля Седжона. Они обеспечивали подготовку и публикацию ряда фундаментальных научных изданий, сдерживали недовольство ортодоксов по отношению к мыслителям-сирхакистам и создавали относительно благоприятные условия для их работы. В 1776 г. по распоряжению Чонджо была учреждена придворная библиотека Кюджангак, в которой стали собирать произведения отечественных и зарубежных авторов.

Сирхакисты сами много сделали для развития национальной науки и культуры, в их рядах объединились различные по убеждениям и интересам люди, но основное внимание они уделяли естествознанию. Упоминавшиеся выше ученые обобщили все имевшиеся в Корее сведения по реальным наукам: математике, астрономии, естествознанию. В XVII – XVIII вв. корейцы создают собственную теорию солнечных и лунных затмений, приливов и отливов, отвергают геоцентрическую модель мира и вырабатывают схему строения Солнечной системы (Ким Согмун (1658 – 1735 гг.)), совершенствуют солнечный календарь. Чхве Сокчжон (1646 – 1715 гг.) в период 1688 – 1695 гг. излагает понятие о бесконечно большой и малой математической величине. На сирхакистской основе значительного прогресса достигли отечественная география и история. Автор ряда трудов по географии Чон Санги (1678 – 1752 гг.) составил одну из наиболее точных для XVIII в. карт полуострова. Ким Чонхи (Чуса, 1786 – 1856 гг.) написал выдающееся сочинение по эпиграфическим памятникам Кореи. Ведущим историком второй половины XVIII в. становится Ан Джонбок (1712 – 1791 гг.), выпустивший фундаментальный труд «Тольса канмок» / «Краткий обзор истории Кореи». Лингвистическими изысканиями занимались Син Гёнджун (1712 – 1781 гг.) и Ю Хи (1773 – 1837 гг.). Медицинская отрасль развивалась под влиянием сочинений Кан Мёнгиля (1737 – 1801 гг.) и Хо Има (1570 – 1647 гг.), составившего трактат по иглотерапии «Чхимкулён хомбан».

Под воздействием сирхак усилился интерес общества и ученых к экономике и социальному устройству, положению народа. Пак Седан прекрасно владел агрономическими знаниями, он систематизировал их в «Сэккён» / «Трактат о земледелии». Большое практическое значение имела и его работа «Саллим кёндыже» / «Лесное хозяйство». Чон Ягён (1762 – 1836 гг.) неплохо разбирался в ремесленном производстве. Хон Дэён изучал сельское хозяйство и торговлю.

Примыкавшие к лагерю сирхак ученые проводили обширные и разносторонние исследовательские работы в различных отраслях знания, завершившиеся изданием в XVIII в. энциклопедической литературы. К ее числу относятся «Экономический трактат» Со Югу (1764 – 1845 гг.), «Сравнительная история Китая и Кореи» Ли Гюгена (1788 – ? гг.). В 60-е гг. при поддержке властей комиссия из видных ученых, возглавленная Хон Бонханом (1713 – 1778 гг.), обобщает накопленные сведения о географии, истории и культуре Кореи, их труд заканчивается в 1770 г. выходом в свет знаменитой энциклопедии «Тонгук мунхон пиго» / «Корейская энциклопедия».

Особое отношение ученых-сирхакистов к знанию и к книге как его источнику определило рост престижности издательской и книготорговой деятельности среди различных слоев общества. XVII – XVIII вв. ознаменовались бурным прогрессом книжного дела, книги отличались достаточно высоким качеством полиграфии и художественного оформления. Над ними трудились известные художники и каллиграфы, в издании книг сочеталось применение ксилографии и наборного шрифта. Текст набирался шрифтом, а рисунок или каллиграфические надписи наносились на бумагу ксилографическим способом. Помимо обычных книг получили распространение изысканно оформленные художественно-поэтические свитки. Они издавались небольшими тиражами и служили украшением кабинетов в домах знати.

Прогрессивное значение сирхак заключается и в призыве передовых ученых не замыкаться в узких националистических рамках, снять режим внешнеполитической изоляции. Хон Дэён настаивал на необходимости широкого культурного обмена не только с Китаем, но и со странами Европы. Изучение и применение опыта других народов, по его убеждению, не противоречит идее укрепления независимости и суверенитета родины. Усилиями сирхакистов общественность Кореи подготавливалась к развитию контактов с внешним миром, на опасность и недопустимость которых постоянно указывали ортодоксальные конфуцианцы.

3.2.3. Знакомство корейского общества с западной культурой и христианством

С первых дней существования государство Чосон стремилось поддерживать дружественные отношения и культурный обмен с Китаем. В состав направляемых в Пекин ежегодных посольских миссий входили и высокообразованные люди, в том числе ученые Хон Дэён, Пак Чивон и др. Именно они настаивали на расширении культурных связей между двумя странами, призывали изучать достижения китайской науки и техники. Там же корейцы впервые познакомились с достижениями западной цивили-

зации и встретились с представителями христианских миссий, а именно католических. Через участников посольств в изолированную от внешнего мира Корею попадала европейская научно-техническая и религиозная литература, некоторые книги уже были переведены на древнекитайский язык. Они вызывали огромный интерес среди образованной части населения, служили источником новых знаний для ученых-сирхакистов. С середины XVIII в. европейская научная литература становится объектом систематического изучения Хон Дэёном, Ли Иком и их последователями. Национальная школа практических знаний усваивала западные представления об окружающем мире, восприняла упорядоченную календарную систему, многие технические новшества.

Распространение европейского знания в Корею было затруднено изоляционистской политикой властей, некоторым предубеждением корейцев по отношению к «варварской» культуре Запада, языковым барьером. В силу этих обстоятельств почерпнутые из европейских книг знания оставались достоянием узкого круга переводчиков и передовых ученых. Власти препятствовали внедрению новой науки, они запрещали ввоз не только западных книг, но и изданий на китайском языке, касавшихся европейской науки и религии. Цензоры уничтожали или возвращали в Китай все такие издания. Изредка давалось разрешение на ввоз отдельных китайских переводов западных научных трудов по практическим областям знания, в основном по астрономии и медицине, но таких книг было крайне мало. Вслед за медициной и астрономией к концу XVIII в. растет интерес корейского научного общества к западной географии, ботанике, физике и химии, некоторым другим областям знания и европейской культуры. Основными проводниками европейской науки в корейском обществе были ученые-сирхакисты, призывавшие отречься от абстрактной конфуцианской схоластики и заняться развитием отраслей реального знания.

Проникавшие в Корею западные веяния проявлялись в двух аспектах: материализм и современные знания (научно-техническая и философская сферы), а также христианская духовность (религия и мораль). Усилия передовых мыслителей XVII – XVIII вв. по распространению в Чосоне европейских научно-технических знаний не дали сколько-нибудь ощутимых результатов, а вот католичество и христианская мораль оказались созвучными настроениям корейского общества и постепенно укоренялись на полуострове.

Первым европейцем, побывавшим в Корею, был португальский католический священник Сеспедес; относившийся к концу XVI в. его визит не оставил никакого следа в жизни корейцев, поскольку языковой и психологический барьеры были настолько велики, что даже го-

товые внимать миссионеру корейцы получали о христианстве весьма туманное представление. На фоне успехов середины XVI в., достигнутых европейцами в пропаганде католицизма в Японии, их деятельность в Корее оказалась полным провалом.

Повторная встреча и знакомство корейцев с католицизмом состоялись в XVII в., когда из Китая в Корею стала доходить литература из пекинских католических миссий, жители полуострова познакомились не только с религиозными, но и с научно-техническими изданиями. В отличие от многих других народов, обратившихся в христианство с помощью европейских миссионеров, корейцы самостоятельно изучали его по книгам. В 30-е гг. XVII в. в руки корейских послов в Пекине попала работа итальянского иезуита М. Риччи (1552 – 1610 гг.) «Истинное понимание Господа», переведенная на китайский язык. На протяжении XVIII и в начале XIX в. христианизация Кореи по-прежнему развивалась через посредничество Китая. Распространение христианства во второй половине XVIII в. явилось новым событием в политической и идейной жизни корейского государства. Оно связано с именем сына секретаря корейского посольства Ли Сынхуна (Петр, 1756 – 1801 гг.), первым из корейцев принявшего католичество в Пекине в 1783 г. Его примеру последовали другие члены посольств – Ли Бёк (1754 – 1786 гг.), Квон Ильсин (1751 – 1791 гг.). На их выбор повлияло активное сподвижничество представителя ордена иезуитов П. Граммоня, обосновавшегося в Китае и организовавшего обращение ряда корейцев в христианскую веру. Ознакомившись с новой религией, они становятся ярыми ее приверженцами и основывают в 1784 г. католическую общину в Сеуле. В 1794 г. в Корею тайно прибыл первый иностранный миссионер – китаец Чоу Венмо, деятельность которого была пресечена властями страны в 1801 г., после его казни на протяжении первой трети XIX в. другие миссионеры безуспешно пытались попасть в Корею.

Христианство познакомило корейцев с новым взглядом на человека и бога, с такими понятиями, как равенство всех людей перед богом, независимость личности, человеческие права, гуманизм. С католичеством было связано осознание просветительских функций церкви. Впоследствии влияние католицизма на Корейском полуострове оставит свои следы в издательском деле (перевод и тиражирование христианской литературы), изобразительном искусстве, музыке (знакомство с многоголосием, которое было не известно в традиционной музыкальной культуре), образовании и медицине.

С первых дней своего существования сеульская католическая община наталкивается на запреты и преследование со стороны конфуцианского государства. Но сочувствие оттеснен-

ных от власти янбанских группировок и популярность в страдавшей от феодального гнета крестьянской среде способствуют распространению европейской религии. Особенно привлекательной для корейского народа была ее идея о равенстве всех перед богом.

Ван Чонджо (1776 – 1800 гг.) не прибегает к практике массовых репрессий по отношению к христианам, но все же стремится ограничить контакт своих подданных с Западом, он запрещает ввоз католической литературы в Корею, и с 1785 г. все книги на границе строго проверяются. Отстаивая свои интересы и конфуцианскую идеологию, правящие круги постепенно переходят к преследованию христианства. В 1788 г. впервые уничтожается католическая литература, в 1795 г. отправляют в ссылку первого проповедника Ли Сынхуна. Конфуцианская академия *Солгюнван* призвала правительство воспрепятствовать распространению сохак (западного учения, как тогда в Корее именовали католицизм). Новый король Сунджон (1800 – 1834 гг.) поддался убеждениям конфуцианцев и уже на втором году правления обрушил на корейцев-католиков массовые гонения, запрещалась любая проповедь христианства, но вопреки репрессиям число христиан с начала XIX в. неуклонно возрастало.

Западное влияние явилось третьим элементом (наряду с собственной этнической традицией и непреходящим китайским влиянием) в духовной жизни формирующейся корейской нации. В условиях закрытой страны этот источник знания еле пробивался сквозь строгие запреты феодального режима, но тем не менее эта важная составная часть нарождавшейся новой культуры, просачиваясь сквозь все преграды, оказывала влияние на духовную жизнь корейцев и исподволь готовила страну к восприятию «варварской» традиции после ее открытия.

Важнейшим явлением общественной и культурной жизни корейского народа с конца XVIII в. становится нарушение искусственно созданных и поддерживаемых сословных барьеров. Деловые и социальные контакты между представителями различных сословий прочно входят в жизнь корейского общества. Правящий феодальный класс, горожане и крестьянская среда, несмотря на сохранение режима социальной и культурной регламентации, проявляют все возрастающий взаимный интерес к искусству и образу жизни друг друга. Постоянное нарушение межсословных разграничений в сфере культуры свидетельствовало о переплетении и смешении интересов и вкусов различных слоев общества. Искусственно разделенные потоки духовной жизни социальных сословий стремились к естественному слиянию в рамках общенациональной культуры.

Феодальное чиновничество и горожане утрачивали обособленное целостное мироощущение, модифицированная неоконфуцианская

этика стала распространяться во всех слоях общества. Их идеалы оставались различными, но поведение всех людей в какой-то мере управлялось одинаковыми установками о плохом и хорошем. На этом фундаменте начался процесс интеграции культурных пластов различных сословий корейского общества в общенациональный комплекс позднефеодальной традиционной культуры, явившейся предтечей культуры буржуазной. Первоначально структурные элементы данного комплекса в его пределах сосуществовали обособленно, но в дальнейшем барьеры между ними стали размываться.

Изоляция страны и сохранение системы феодальной регламентации замедлили развитие национальной культуры и искусственно растянули период существования позднего феодализма, но они не смогли остановить действие общих закономерностей развития общества, в том числе прогресса в развитии корейской духовной культуры.

3.2.4. Литература, зрелищное и изобразительное искусство

Литература. Для корейской литературы XVII – XVIII вв. характерным является усиление реалистических тенденций, что также вызвано воздействием сирхак. Появились авторы, стремившиеся переложить в своих произведениях мысли и чувства живых людей. Каса и сиджо сохраняют положение основных жанров поэзии. Оригинальной разновидностью первого становятся стихотворные дневники путешествий и короткие путевые зарисовки. Второй жанр также претерпевает некоторую трансформацию, появляются т. н. длинные сиджо (сасоль сиджо или чахён сиджо), повествующие о тяжелой жизни простых людей, эксплуатации и унижении достоинства человека. Новым действующим лицом произведений становятся корыстные и нечестные торговцы, в некоторых сиджо говорилось о роли денег в жизни людей и общества. Включение недостойной, с точки зрения конфуцианской морали, темы в поэтический процесс явилось знаменем времени, и эти реалии считали нужным отразить в своих работах почти все авторы.

В XVIII в. выходят первые антологии корейского поэтического творчества «Чхонгу ёнон» / «Вечное слово [страны] зеленых гор» (1727 – 1728 гг.) и «Хэдонъ каё» / «Поэзия Кореи» (1763 г.). Их составители – Ким Чхонхэк* и Ким Суджан (1690 – ? гг.) сами были выдающимися мастерами стихосложения. В антологии включались и стихи на ханмуне, принадлежавшие перу Сим Гвансэ (1577 – 1623 гг.), Лю Монины (1559 – 1623 гг.), Квон Пхилия (1569 – 1612 гг.), и поэзия на родном языке, представленная Юн Сондо и самими составителями.

В корейской прозе отмечается появление произведений, написанных на основе устного народного творчества. На основе старых фольклорных сюжетов появляются анонимные повествования, сочетавшие сказочные элементы и жизненную правду феодальной Кореи. Классическим примером таких «волшебных» повестей являются «Сказание о верной Чхунхян», «Сказание о Симчхон», «Повесть о дочерях наложницы янбана и его жены» (корейская интерпретация сказки о Золушке). Они написаны хангылем, и поэтому были очень популярны среди женщин и простолюдинов. На корейском языке творил крупнейший писатель второй половины XVII в. Ким Манджун (1637 – 1692 гг.). В его знаменитых романах, относящихся к жанру сосоль – «Сасси намджонги» / «Скитание госпожи Са по югу», «Куунмон» / «Облачный сон девяти», «О том, как прославили добродетель и воззвали к справедливости» – отстаивается право человека на свободу, справедливость и достоинство личности. Ким Манджун боролся за право на существование родного языка в художественной литературе.

На ханмуне создавали произведения Им Джэ (1549 – 1587 гг.) («Сусонджи» / «Повествование о тяготах»), Юн Гесон (1577 – 1604 гг.) («Тальчхон моннюрок» / «Воспоминания о сказочном путешествии в Тальчхон») и многие другие авторы.

Выдающийся вклад в корейскую литературу внес Пак Чивон. Если в предшествовавший период практически все литераторы пользовались лишь одной из двух систем письменности, то во второй половине XVIII в. появляется много авторов, писавших и на ханмуне, и на хангыле. Большинство из них принадлежали или сочувствовали школе сирхак. Последователи движения «за реальные науки» осознавали, что стремление дворян овладеть китайской письменностью и языком связано с узко практическими целями: успешно сдать экзамен кваго для поступления на государственную службу. Пересмотр конфуцианских канонов означал для них и широкое внедрение национальной азбуки. К числу таких литераторов принадлежал и Пак Чивон. Его творчество является ярким примером нового направления в национальной литературе, представители которого стремились выйти за пределы традиционных классических рамок и создать произведения на понятном простому народу языке. Прозаические работы Пак Чивона давали читателям возможность познакомиться с жизнью других стран и народов («Жэхэйский дневник» о его путешествии в Китай в составе официального посольства), среднего сословия (биографии выдающихся представителей феодальной интеллигенции), а также критиковали лживость конфуцианской морали («Сказание о почтенном Ё Доке») и алчность янбанов («Сказание о барышниках» и многие другие новеллы). На ханмуне написаны

произведения, которые Пак Чивон адресовал высшим кругам общества. В его сатирическом произведении «Янбанджон» / «Повесть о янбане» высмеивается чванство и паразитизм господствующего класса. В «Хо Сэёнджон» / «Повесть об учителе Хо» создан образ настоящего ученого-сирхаккиста, творившего в утопическом государстве, где преобладали равенство и справедливость и все трудились на общее благо.

Современник Пак Чивона Ли Ок (1641 – 1698 гг.) выступал против изучения ортодоксальной конфуцианской литературы, высмеивая ее никчемность в повести «Симсэнджон» / «Повесть об учителе Симе».

Зрелищные искусства. Театральное искусство XVII – XVIII вв. мало отличалось от театра предшествовавшей эпохи; продолжается традиция театра масок и театра кукол-марионеток. Но в отличие от XVI в., когда эти жанры принадлежали простому люду города и деревни, в рассматриваемый период они стали объектом пристального внимания феодального сословия, поскольку, с одной стороны, служили задачам увеселения и несли достаточно интересный для знати пласт народной культуры, а с другой – оставались самым привлекательным и популярным ниспровергателем режима всеобщей феодальной регламентации. В выступлениях актеров театра масок или марионеток допускались сатирические выпады против существующих порядков, их героями были алчные и глупые государственные чиновники и развращенная феодальная знать, весьма далекие от принципов конфуцианской добродетели; кроме того, спектакли часто содержали и значительные вольности с точки зрения публичной морали, с чем не могли мириться феодальные цензоры. Сатира и непристойности присутствовали даже в выступлениях бродячих актеров, адресованных знати при проведении различных церемоний и празднеств.

Власти издавали много детализированных предписаний и запретов в адрес театральных актеров, их судьба, а часто и сама жизнь во многом зависели от цензоров. Известно немало случаев, когда не только актеры, но другие творческие круги общества – ученые, писатели и художники – подвергались различным наказаниям за цензурные нарушения.

Регламентация творческого процесса в зрелищном искусстве касалась, во-первых, образа жизни и поведения актеров, во-вторых, содержания пьес и представлений. С социальной точки зрения актеры были изолированы от остального общества, т. к. относились к приниженной категории населения *чхоннин* (париям феодального общества Кореи). Профессия актера относилась к категории презренных занятий, им запрещалось посещать поместья крупных феодалов, дома государственных чиновников или богатых купцов. Они не могли даже

одеваться, как простые горожане, и должны были носить одежду установленного образца. Актерам и их куклам и персонажам запрещалось выходить на сцену в одеяниях из дорогих тканей, сценическая обстановка также была весьма скудной. Таким образом, ограничивались возможности эстетического воздействия на публику за счет регламентации убранства театральной сцены, одежды актеров и т. п.

Власти насаждали феодальную цензуру содержания пьес и представлений с целью не допустить нежелательного морального или социально-политического влияния на зрителя. Исполнителям запрещалось затрагивать события, подпрыгивающие моральные устои общества, или если их участниками являлись представители феодального сословия.

Вмешиваясь в мельчайшие детали театральной жизни, власти следили за тем, чтобы в сфере искусства и развлечений строго соблюдалось сословное разграничение. Королевский двор был надежно изолирован от уличного лицедейства, но чиновники и горожане, помещики и купцы проявляли интерес к народному театру, который успешно развивался и пользовался шумным успехом, несмотря на все ограничения и препятствия.

Характерной особенностью конца XVII – начала XVIII в. становится появление и стремительная популяризация в обществе лирико-поэтического песенного жанра *пхансори*, представляющего собой длинные сюжетные песни, исполнение которых сопровождалось игрой на барабанах, иногда – элементами танца. На раннем этапе *пхансори* исполнялись бродячими актерами, один из которых, исполняя роли главных персонажей, нараспев декламировал стихи, а другой – с помощью барабана подливал установленный ритм. Часто жанр сочетал стихотворное и прозаическое повествование, являясь ритмизованным синтезом драматических и песенных элементов; он строился на основе легендарных и сказочных сюжетов. По мере распространения *пхансори* песенные элементы стали заметно превалировать над повествовательными. В произведениях *пхансори* мы встречаемся с обычными людьми, занятыми своими повседневными делами; как правило, это были зарисовки из жизни абстрактных героев, но ряд произведений *пхансори* посвящался народным героям и основывался на старинных преданиях: в жанр *пхансори*, например, было переведено «Чхунхьянджон» / «Сказание о верной Чхунхьян».

Изобразительное искусство. В корейском изобразительном искусстве периода изоляции страны прослеживаются две основные тенденции. С одной стороны, это приверженность старым традициям, связанным с идеологией господствующего феодального класса, все идеалы которого были обращены в прошлое. С другой стороны, это стремление к новому ху-

дожественному осмыслению действительности, к созданию новых форм, отражающих мировоззрение вновь появившихся слоев корейского общества. Но указанные тенденции не существовали изолированно одна от другой. Традиционное направление подверглось заметным изменениям под влиянием современных веяний и художественных идеалов, а второе развивалось на базе культурного наследия прошлого, используя богатый арсенал его эстетических и художественных средств.

Первое направление, представленное традиционной, конфуцианской, школой живописи, в своей основе оставалось консервативным, поскольку опиралось на эстетические категории и старые формы искусства, рассмотренные нами в предыдущих разделах. Старые каноны утратили свое живое содержание, стали мешать развитию художественного мышления, вступая в противоречие с качественно новыми чертами нарождавшейся буржуазной и городской культуры. Этим объясняется упадок традиционной живописи во второй половине XVIII в.

В живописи появляется новое течение, главную роль в его развитии сыграло то обстоятельство, что основными потребителями и создателями художественных ценностей становились представители различных социальных слоев, в том числе растущее торгово-ремесленное население города. В данной среде зародились и созрели силы, способные творчески переосмысливать традиционное наследие, создавать свежие художественные формы и закладывать основы общенациональной культуры. Различия в направленности духовных поисков отдельных групп творческой интеллигенции определили многочисленность художественных школ периода. Одни искали решение художественно-эстетических проблем в новом осмыслении традиционных китайских моделей, другие – в восстановлении исконно корейских традиций, третьи – в заимствовании художественного опыта западной цивилизации.

Особенно большое впечатление на корейских художников произвела новая для них техника европейской живописи. Западные приемы быстрее всего были восприняты мастерами гравюрного жанра. На рубеже XVIII – XIX вв. появляются первые корейские живописцы, использовавшие некоторые приемы европейской живописной техники, в том числе письмо маслом.

Распространение новых тенденций в изобразительном искусстве связано с укреплением в живописи реалистических мотивов и проявлений. Реализм максимально обнаруживался в дальнейшем оформлении стиля национального корейского пейзажа и в возникновении жанровой живописи, отражавшей народную жизнь, его быт и трудовую деятельность. Создателем корейского пейзажа можно считать выдающегося художника Чон Сона (1676 – 1759 гг.), в

отличие от предшественников-пейзажистов он отказался от изображения легендарных мест Китая или абстрактных картин природы в различные времена года. Чон Сон обратился к родной природе, стремился отразить ее красоту и величие. Новаторство художника заключается в том, что он привнес в изобразительное искусство принцип философии сирхак: иметь дело с реальной стороной и практическими потребностями окружающего мира. Этому же принципа придерживался еще один выдающийся пейзажист XVIII в. Сим Саджон (1707 – 1769 гг.).

Пристальным вниманием к реальности отличались и работы жанровых живописцев Юн Дусо (1668 – ? гг.), Син Юнбок (1758 – ? гг.) и Ким Дуряна (1696 – 1763 гг.). Их полотна отражали повседневную жизнь народа: его обычаи и нравы, бытовые сцены, картины из любимых народом сказок и легенд. Ким Дурян избрал в качестве главной творческой темы реалии корейской деревни. Братья Ким Дыксин (1754 – 1822 гг.) и Ким Соксин (1758 – ? гг.) писали жанровые бытовые картины, повествующие о повседневной сельской и городской жизни. С именем Син Юнбока связано появление в корейской живописи женских образов, увиденных им непосредственно в окружающей действительности. Живым реалистическим воплощением являются в его работах продавицы вина, танцовщицы *кисэн*, служанки, простые крестьянки и жителиныи города.

В портретной живописи также наблюдались демократические тенденции: помимо классического конфуцианского художники-портретисты работают и области светского портрета. Ли Мёнук*, Юн Дусо, продолжая традицию мунинхва, делают героями своих произведений простых людей, сельских тружеников. Сохраняет популярность анималистический жанр, но и здесь объект изображения меняется: интерес художников Ким Сика (1579 – 1662 гг.), Ким Джэ* и Пён Санбёка (1694 – ? гг.) вызывают не канонические «птицы – кошки – собаки», а животные из реальной жизни: вол, лошадь, летучая мышь и т. д. Самым знаменитым живописцем конца XVIII в. является Ким Хондо (1745 – ? гг.), прославившийся во всех ведущих жанрах: он создавал пейзажи, канонические и светские портреты, жанровые зарисовки, изображал на своих полотнах животных и растения. Его произведения отличаются искренней достоверностью, динамикой образов, оригинальной композицией и явной симпатией к простому народу. В творчестве Ким Хондо прослеживается влияние сложившейся при китайском дворе эклектической манеры письма, представлявшей собой смесь европейской и классической китайской школ, заимствованы корейскими художниками из этой манеры основы трехмерной живописи и игра светотеней.

Одно из классических направлений живописи – каллиграфия – долгое время развивалось исключительно по канону, именно так создавали свои произведения Кан Сехван (1713 – 1791 гг.), Син Ви (1769 – 1845 гг.). Во второй половине XVIII в. и оно сумело вырваться из пут китайской традиции. Сделать это удалось мастеру Ким Чонхи, создавшему оригинальный каллиграфический стиль, получивший название чуса.

На протяжении XVII и XVIII вв. наблюдается становление светской гравюры *пханхва* как наследницы буддийской гравюры корейской эпохи. В буддийских храмах продолжалось печатание иконографических произведений, оно имело исключительно религиозный характер, в то же время светские художники, овладев техникой гравюры, стали создавать произведения конфуцианской направленности, изображая богатую и красочную природу полуострова, жанровые сцены из жизни корейской знати и простолюдинов. Меняется не только тематика, но и техника гравировального искусства. Наряду с плоскими монохромными произведениями появляется цветная и тисненая (объемная) ксилография. Корейская цветная гравюра не достигла таких вершин жанра, как ее японский аналог, признанный европейцами уже в XIX в. и вошедший в историю развития мировой графики, однако и она отличалась достаточно высоким художественным совершенством, своеобразием и цельностью стиля.

В рамках жанра светской гравюры работали сотни мастеров, воспевавших и увековечивших жизнь и быт различных слоев корейского общества и заложивших основы прочной художественной традиции этого вида изобразительного искусства. На протяжении нескольких веков совершенствовалась техника гравюры, менялись поколения художников, изменялись их восприятие объекта изображения и отношение общества к творчеству гравировщиков. Но неизменной оставалась общая демократичность жанра, сосредоточенного на обыденной жизни современников и обращенного к широкому потребителю массовой художественной продукции. Мастера гравюры отразили в своем творчестве умение корейского народа радоваться простым жизненным ценностям – окружающей природе, привлекательности женщин, поэзии будней и веселью праздников.

Гравюры издавались в различных формах: в виде книжных иллюстраций, отдельными листами, которые часто группировались в тематические серии или диптихи и триптихи, часто из нескольких серий работ оформлялись художественные альбомы, но наибольшее распространение получили свитки жанровых зарисовок. Первоначально гравюры были черно-белыми, потом их стали вручную полкрасивать суриком и другими оттенками. На рубеже XVII – XVIII вв. появились гравюры с розовым и синим от-

печатком, подкрашенные желтой, красной и зеленой краской. Постепенное увеличение числа красочных досок привело к появлению многоцветной графики; считается, что цветные гравюры в Корее появились в подражание японским произведениям второй половины XVIII в. В отличие от японской гравюры, ставшей самостоятельным видом художественного творчества и промысла, корейские гравюры создавались обычными художниками и были результатом «побочного» творческого поиска.

Наибольшую известность на полуострове получили черно-белые и цветные гравюры живописца Ким Хондо, стремившегося не столько точно воспроизвести натуру, сколько передать эмоциональный настрой человека. Для корейской гравюры в целом характерны элементы декоративности и подчеркнутой гармоничной строгости, она несколько идеализировала окружающий мир, но в то же время отличалась реалистическими зарисовками отдельных типажей, точными эмоциональными характеристиками. Художники-граверы воплощали в своих произведениях личные представления о мире, в котором они жили.

Во второй половине XVII и XVIII в. наблюдается окончательная деградация ортодоксальной буддийской скульптуры: с утратой значения буддизма как идеологического орудия правящих кругов приходит в упадок официальная религиозная скульптура. Но буддийские скульпторы не ограничивались профессиональными работами для крупных и богатых храмов, ведь буддизм был широко распространен и в народной среде. В деревнях строились небольшие буддийские храмы, воздвигались придорожные часовни, устраивались простые домашние алтари. Буддийские изображения для этих сооружений создавали из дерева и камня народные мастера-самоучки, нередко обладавшие ярким, самобытным талантом. Для этой народной скульптуры XVII – XVIII вв. был периодом расцвета, связанного с общим усилением демократических тенденций в корейском искусстве.

Народные мастера создавали произведения оригинальных форм, но они не были оторваны от традиций корейской скульптуры прелестных веков, хорошо знали творения лучших мастеров прошлого. Их творчество возродило и оживило лучшие традиции корейской буддийской скульптуры, но в их произведениях отражалась и живая действительность крестьянского быта, резчики по дереву не всегда ограничивались исключительно буддийской тематикой, она была самой разнообразной: фигурки людей и животных, персонажи легенд и художественных произведений.

3.2.5. Архитектура и прикладное искусство

После разрушительных войн конца XVI – начала XVII в. значительные усилия понадобились для восстановления уничтоженных вражескими нашествиями городов и деревень Чосона. Реконструкции подлежали крепости, дворцы, буддийские и конфуцианские храмы, здания столичных и провинциальных учреждений и школ. В течение первой половины XVII в. множество мастеров и простых строителей было занято воссозданием знаменитых архитектурных сооружений: конфуцианской академии Сонгюнгван (г. Кэсон), конфуцианского обрядового комплекса Чонгмё (г. Сеул), буддийских святынь – павильонов Мирыкчжон (храм Кымсанса, Чолла) и Пхальсанджон (храм Полчуса, Чхунчхон), крепостных ворот Тэдоньмун и беседки Ёнгван (г. Пхеньян). Во второй половине века реконструкции подвергнуты традиционные павильоны и беседки, знаменитыми сооружениями этой эпохи становятся беседка Инпхун (1680 г., г. Канге), павильоны Ёнгван (1670 г., г. Пхеньян) и Тэун буддийского храма Согванса (1646 г.).

Одним из первых культовых сооружений, восстановленных в первые годы после Имджинской войны, становится конфуцианский комплекс Чонгмё, служивший для хранения поминальных дощечек умерших королей династии Ли и их супругов, а также для проведения соответствующих церемоний в честь усопших предков короля. Комплекс был возведен в 1546 г. на месте построенного еще в конце XIV в. ритуального здания для проведения поминальных обрядов; в годы японской агрессии он полностью сгорел. В течение четырех лет (1604 – 1608 гг.) Чонгмё заново выстраивается и становится величественным храмом конфуцианского культа. Поскольку ни в одной дальневосточной стране не сохранилось подобного сооружения, его не только называют «азиатским Пантеоном», но и занесли в перечень сокровищ мировой культуры ЮНЕСКО (1995 г.). Нигде в мире больше нельзя увидеть конфуцианскую церемонию поминания предков на государственном уровне и по сложному обряду, длящемуся даже в сокращенном варианте около двух часов. Расположенный в самом центре современного Сеула, к юго-востоку от дворца Чхандоккун, Чонгмё до сих пор является действующим культовым учреждением, ежегодно в первое воскресенье мая здесь проводится величественный конфуцианский ритуал в честь династии Ли. На протяжении всей истории Кореи поклонение предкам правителей, а также Небу и Земле было основным государственным церемониалом; ван посещал Чонгмё пять раз в год и выступал в качестве главного жреца при проведении поминальной гэса («великой церемонии»).

Уникальна архитектура Чонгмё: два храмовых павильона Чонгджон и Ёнгёнджон представляют собой одноэтажные строения на каменных террасах, разделенные на отдельные комнаты-камеры, каждая с собственным входом. Сооружения сохранили лаконичность и строгость раннего конфуцианского зодчества, давно утраченные в Китае. В них хранятся поминальные дощечки с посмертными именами 34 ванов и их 47 жен, а также умерших принцев. Интересны архитектурные особенности павильона Чонгджон («Главный зал»): он состоит из 19 секций, вытянутых в горизонтальной проекции, что отличает его от классических конфуцианских сооружений Китая. Ёнгёнджон («Зал вечного покоя») предназначен для хранения табличек четырех предков основателя династии, начиная с прапрадеда, а также наследников, не доживших до своего восшествия на престол и их первых жен. Архитектура павильона отличается от Главного зала тем, что здесь отсутствует цельная несущая балка, она разделена на несколько секций, сведенных вместе и приподнятых в центральной части сооружения; в этом возвышенном месте располагаются таблички в честь предков Ли Сонге.

Строительство новых крупных сооружений по-настоящему возобновляется только в XVIII в. Серьезную реконструкцию в этот период переживают многие монастыри и храмы, но основное внимание уделяется дальнейшему развитию павильонной и храмовой архитектуры. Среди наиболее известных сооружений того времени отметим павильоны Какхван (храм Хваомса, 1703 г.), беседку Чхоксок (г. Чинджу, 1752 г.), подворье Чонмён (г. Сичхон, 1770 г.).

Образцом градостроительного искусства XVIII в. является город-крепость Сувон (Хвасон), заново перестроенный при ване Чонджо и обнесенный в 1794 – 1796 гг. мощной стеной с величественными фортификационными сооружениями. Реконструкция города велась с учетом опыта европейского градостроительства, возглавил ее выдающийся ученый-сирхакист Чон Дасан. План нового Сувона создавался с учетом его роли как важного административного и торгового центра, нуждавшегося в особой системе оборонительных сооружений, но в то же время Чон Дасан заботился и об обеспечении комфорта простым горожанам. Величественная архитектура города отличалась красотой, гармоничностью и прочностью. Характерной особенностью Сувона является включение самого города внутрь крепостных сооружений, это было новшеством на фоне привычных для Кореи двух типов крепостей: внутренних городских цитаделей и специально созданных оборонительных крепостей, не предусматривавших создания вокруг них городского поселения. Украшением Сувона служила сторожевая башня Консимдон, построенная из кирпича на мощном каменном фундаменте. Город-

крепость Сувон в 1997 г. внесен ЮНЕСКО в перечень сокровищ мировой культуры.

Ведущее место в строительстве заняла гражданская архитектура – сооружение жилых домов и зданий общественного назначения. Жилые дома различались по виду, конструкции и размерам в зависимости от социального положения и материальных возможностей хозяев. Представители высших сословий по-прежнему возводили себе дворцы, но они были бледными копиями роскошных архитектурных ансамблей прелыбуших эпох. При строительстве домов для горожан применялись более простые архитектурные формы, основным материалом оставалось дерево.

В связи с развитием строительной индустрии и архитектуры орнаментальная резьба по дереву достигает высокой степени совершенства. Работы плотников-резчиков украшали храмовые сооружения, дворцы вана и резиденции феодальной знати, административные здания; их мастерство широко использовалось при изготовлении мелких принадлежностей быта горожан. Важную сферу искусства резчиков представляло собой изготовление масок и голов для кукол-марионеток. Считается, что лучшие образцы масок были созданы в предшествовавшие периоды, а маски XVII – XVIII вв. являлись лишь искусным подражанием старым мастерам, создание голов для кукольного театра носило подлинно творческий характер.

В декоративно-прикладном искусстве менее, чем в других сферах культуры, проявлялись сословные перегородки. Объяснить этот феномен можно тем, что каждый из видов художественных искусств опирался на потомственную преемственность и заказы представителей различных социальных сословий выполнялись одними и теми же мастерами. В таких условиях известная унификация художественно-декоративной продукции, адресованной разным категориям заказчиков, была неизбежной. Художественные ремесла развивались в общем русле изобразительного искусства того периода, использовали сходные художественные принципы и приемы. Декоративные изделия отличались богатством цветовой гаммы, свободным пространственным решением, простотой объемных форм; они обладали высокими художественными достоинствами и вместе с тем были доступны достаточно широкому кругу потребителей.

В XVII – XVIII вв. создано немало ярких и самобытных образцов корейского прикладного искусства, многие из них высоко ценились за рубежом. Развивалось производство узорчатых шелковых тканей, лаковых изделий, традиционная вышивка шелковой нитью. Популярными становились ювелирные изделия и бамбуковое плетение, перламутровый декор деревянных изделий. Особенно ценилась домашняя мебель, покрытая перламутровой инкрустацией: одежные шкафы, сундуки, письменные столы и коп-

торки для бумаг и т. п. Новым явлением стало украшение мебели богатой резьбой по дереву.

В то же время следует подчеркнуть некоторое снижение общего художественного уровня прикладного искусства в Корее. Это вызвано пленением огромного количества мастеров в годы Имджинской войны, секреты отдельных ремесленных школ были надолго или даже безвозвратно утрачены. Еще одним фактором снижения художественного уровня изделий следует признать появление поточного производства: ремесленники стремились изготовить больше продукции, часто в ущерб ее качественным характеристикам. Особенно заметно сказалось это на фарфоровом производстве.

В массе фарфоровой продукции, которая в XVII–XVIII вв. выпускалась по всей стране, четко различались два основных типа: дорогие, украшенные тонкой росписью или богатым декором изделия столичных мастеров, предназначенные для феодальной знати, и выпускавшаяся большими сериями поточная продукция. Наиболее ходовой была белая керамика с легким голубоватым оттенком, покрытая рисунками, изображающими горы и реки, цветы и птиц.

3.3. Культурные связи государства Чосон

С момента основания династии Ли власти королевства стремились к установлению и поддержанию мирных отношений и вассального союза с китайской империей Мин. Ориентация на минский Китай способствовала развитию всесторонних экономических и культурных связей двух стран. Практика культурного обмена Чосона с Китаем мало отличалась от традиционных форм китайско-корейского сотрудничества в предшествовавшие эпохи. Династия Ли поддерживала вассальные отношения сначала с Минами, а затем (с середины XVII в.) – с маньчжурской династией Цин. Регулярные посольства в Китай, конечно же, в первую очередь имели политическое значение, но одновременно они служили укреплению экономических и культурных связей Чосона с Минской и Цинской империями. В состав миссий входили высокообразованные люди, собиравшие в Китае ценную литературу, обменивавшиеся идеями с китайскими учеными; по возвращении на родину они привозили множество книг, регулярно сообщали вану Корее о положении дел на материке и вносили предложения по развитию корейского общества и государства, в том числе его культуры.

Серьезной проблемой первой половины XV в. оставалось урегулирование отношений с чжурчжэнями и японцами. В период правления Седжона населенные чжурчжэньскими племенами обширные земли вблизи северной границы Чосона окончательно были включены в

сферу культурного влияния Кореи, с этого момента они навсегда вошли в состав корейского государства.

Большие проблемы создавали королевству южные соседи: если в первой половине XV в. корейцы смогли договориться с ними и открыть три порта на южном побережье для торговли и культурных контактов с японцами, то конец века обернулся для страны неисчислимыми потерями в Имджинской войне. В то же время семилетнее господство японцев на Корейском полуострове сказалось на дальнейшем распространении корейской культуры в Японии. Более 100 тыс. корейцев были угнаны на острова, большинство из них было обречено на рабский труд, но среди пленников находились и квалифицированные мастера-ремесленники, и известные ученые, ставшие в неволе советниками японцев по научно-техническим и производственным вопросам. Корейский философ Кан Хан преподавал в Японии неоконфуцианскую натурфилософию, а его ученик Сейка Фудзивара стал первым на островах приверженцем чжусианства.

За годы Имджинской войны японцы вывезли на родину множество корейских и китайских книг, наборные металлические шрифты, мастеров печатников. Под непосредственным корейским влиянием в послевоенный период в Японии наблюдается становление собственного книгопечатания. Угнанные на чужбину корейские керамисты обучали местных мастеров и оказали огромное воздействие на развитие японского гончарного искусства. Неоспоримое влияние на развитие феодальной культуры Японии оказали вывезенные в годы войны из Кореи произведения живописи, скульптуры и художественного дитя.

Катастрофические последствия Имджинской войны обернулись изоляционистской политической политикой королевства Чосон на протяжении XVII-XIX вв. Среди корейских ученых (особенно в XVIII в.) получили распространение прокитайские настроения, в связи с этим многие ученые мужи Чосона добивались еще большего расширения культурных связей с Китаем, призывали изучать его опыт, заимствовать достижения китайской науки и техники. В их числе были выдающиеся мыслители XVIII в. Хон Дэён, Пак Чивон, Ли Донму (1741 – 1793 гг.). Сторонники прокитайской ориентации утверждали, что цинский Китай – единственная страна в мире, обладавшая развитой и дружественной для корейцев культурой, поэтому все культурное развитие Кореи следует направлять в русло традиционных отношений с Цинской империей.

Но изоляция Чосона от внешней среды не была абсолютной: со времен Имджинской войны корейцы вступали в непосредственные культурные контакты с западным миром. Проникновение в Корею западных знаний и религиозных учений не смогли остановить даже репрессии со стороны правивших конфуцианских кругов, страна неуклонно вовлекалась в сферу мирового культурного обмена.

КУЛЬТУРА КОРЕИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

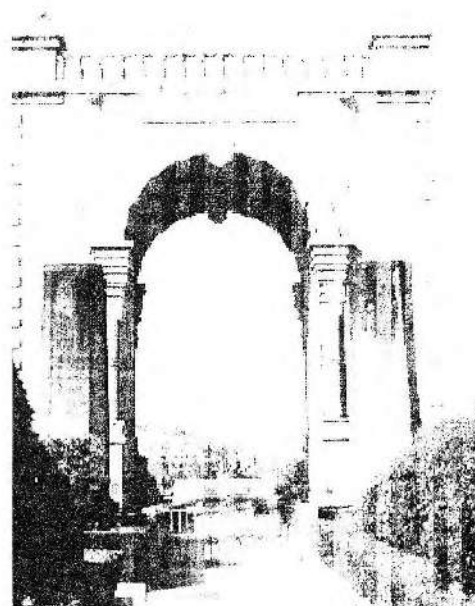

Рис. 4.1. Арка в честь снятия вассалитета по отношению к Китаю (Сеул, 1898 г.)

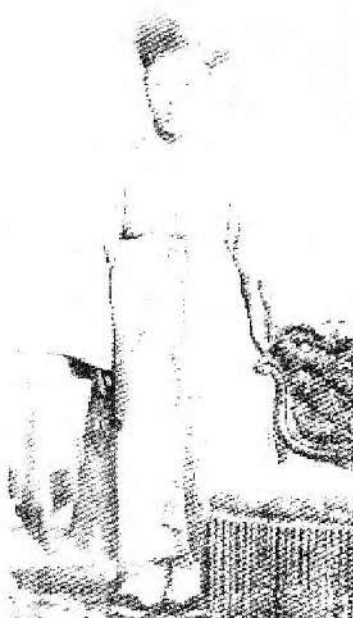

Рис. 4.2. Лидер буржуазного просветительства
Ким Оккюн

Рис. 4.3. Католический храм Мёндон (1900 г.)

4. КУЛЬТУРА КОРЕИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В XIX в. корейское общество опять вступает в полосу политической смуты и социально-экономических потрясений. Основные черты структурного кризиса феодализма в первой половине века сказались на всех сторонах жизни корейского народа. В этот период становится очевидной неспособность абсолютной монархии управлять государством. В связи с кризисом центральной власти при дворе усиливается влияние феодальных кланов. Наступление феодальной реакции повлекло за собой кризис национального хозяйства и культуры. Политика янбанских кругов, не допускавших ничего нового и прогрессивного, привела страну к экономическому упадку. Жизнь крестьян и подавляющей части населения резко ухудшилась, на этом фоне усиливалось социальное недовольство и нарастало народное движение против феодалов, часто принимая явно выраженную религиозную форму. В стране расширялось влияние католической церкви, а в сельской среде быстро распространялось религиозное течение *тонхак*. Вершиной антифеодальных выступлений стали крестьянские войны 1811 – 1812 и 1894 – 1895 гг.

Новым явлением в истории XIX в. становится нарастающее давление на Корею со стороны внешнего мира. Европейские державы, США и Япония, пользуясь тяжелым положением страны, уже с начала века стремятся проникнуть в сюда. Развивается острое соперничество за включение Корейского полуострова в мировую колониальную систему. Применение военной силы для захвата внутреннего корейского рынка и навязывание стране неравноправных договоров стимулировали рост национального самосознания. На политическую арену выдвигаются феодальный национализм и буржуазное по своей природе просветительское течение. Середина и вторая половина XIX в. отмечены борьбой этих двух направлений.

Правление влиятельных семейств продолжалось до 60-х гг., когда националистические круги во главе с *тевонгуном* (регентом при малолетнем короле) Ли Хабыном попытались восстановить сильное централизованное государство. Попытка не увенчалась успехом, поскольку уже в середине следующего десятилетия Корея была вынуждена заключить неравноправные договоры с империалистическими державами. С этого момента она становится ареной острого соперничества колониальных держав, передовые позиции в котором постепенно захватывает Японская империя.

В ходе японо-китайской войны 1894 – 1895 гг. режим вассалитета Кореи по отношению к Китаю ликвидируется, но это не стимулирует дальнейшего укрепления суверенитета

корейского государства, поскольку страна оказалась фактически оккупирована японскими войсками. Под руководством японских эмиссаров в 1894 г. предпринимается попытка провести ограниченные буржуазно-демократические реформы. Присутствие Японии усиливается после поражения России в русско-японской войне. В период 1904 – 1905 гг. устанавливается режим японского протектората, а в 1910 г. Корея «добровольно» обращается к оккупантам с просьбой о вхождении в состав Японской империи. С 22 августа 1910 г. Корея теряет национальную независимость и превращается по сути дела в колонию японского империализма.

Угроза, а затем и потеря национального суверенитета пробудила у корейского народа чувство глубокой ненависти к иностранным захватчикам. Вся вторая половина XIX и начало XX в. характеризуются усилением патриотической борьбы против агрессоров и собственных феодальных правителей. На рубеже XIX – XX вв. Корея, несмотря на предпринимавшиеся ее правительством и общественностью усилия, так и не смогла органично влиться в русло современного социально-экономического развития. Задачи политической модернизации страны были сформулированы идеологами движения *кэхва уидонь*. Но их реформаторский порыв натолкнулся на ожесточенное сопротивление консервативных сил, т. к. серьезные социально-экономические преобразования означали крушение феодального строя и переход страны на стадию буржуазного развития.

Иностранная интервенция и захват Кореи японскими колонизаторами остановили процесс политического и социального реформирования, но несмотря на это, корейская нация сохранила свой патристический потенциал и способность воспринимать достижения мировой цивилизации. Отсутствие каких-либо значительных достижений в корейской культуре в период конца XIX – начала XX вв. все же не привело к ее полной гибели даже в тяжелых условиях японского колониального господства.

4.1. Идеология и религия в корейском обществе в XIX – начале XX в.

К началу XIX в. разложение феодализма постепенно приобретает форму затяжного кризиса. Феодальная система уже не оставляет простора для развития производительных сил. Распространение товарно-денежных отношений в экономике страны вело к нарушению традиционных экономических связей и усилению налогового бремени, за счет которого государство стремилось сохранить свои финансовые позиции. Разорение крестьянства в результате жесточайшей эксплуатации пагубно отражалось на

состоянии сельского хозяйства, наблюдалось сокращение пахотных площадей, бегство крестьян из деревни в поисках средств к существованию. Период 30 – 50-х гг. вошел в историю как время тяжчайших народных бедствий, голода и эпидемий.

Усилия чосонских властей по консервации феодальных порядков были направлены в первую очередь на сохранение традиционной сословной системы, однако уже в XIX в. стала очевидной их тщетность. Искусственные барьеры между сословиями стали постепенно стираться и в обыденной жизни, и в культурной сфере. Общение и культурные контакты между различными категориями населения порождали новые направления искусства, рассчитанные на самую широкую аудиторию, включавшую и феодальные круги, и нарождавшиеся буржуазные элементы. На всем протяжении XIX в. развивался процесс интеграции разнородных культурных слоев корейского общества в единый комплекс духовной культуры нации. Это явление характерно для этапа перерастания позднефеодальной культуры в буржуазную. В условиях усиливавшейся борьбы за отказ от изоляционистской политики активизировалось изучение и распространение западной культуры. Соединение этих двух тенденций – национализации и интернационализации – привело к зарождению современной культуры, окончательное становление и развитие которой в Корее относится к рубежу XIX – XX вв.

В первой половине XIX в. в условиях социальных конфликтов и начавшегося вторжения капиталистических держав конфуцианские деятели ищут выход из создавшегося положения. Одним из ведущих мыслителей Кореи в период позднего феодализма становится Чон Дасан (1762 – 1836 гг.), чье творчество становится вершиной идеологии сирхак. Его многочисленные труды посвящены материалистической концепции, естествознанию, критике существующих порядков. Большое значение придавал Чон Дасан применению передовой техники, развитию сельского хозяйства на основе новых технологий и передачи земли во владение непосредственным труженикам. Политические взгляды ученого отличались крайним демократизмом, он утверждал право народа избирать и свергать своего правителя. Несомненно, такие убеждения являлись смелым вызовом феодальной морали и конфуцианским догмам.

Первая половина века выдвигает задачу защитить устои конфуцианства и независимость страны перед нарастающей угрозой колониального вторжения. Естественной реакцией феодального государства становится усиление идеи самоизоляции и поддержание основ традиционной политической и социально-экономической системы. В XIX в., и особенно в 60 – 70-е гг., активизируется деятельность идеологов конфуцианства под лозунгом «виджон чхо-

кса» («изгоним ересь, защитим истину»). Под ересью понималось любое расхождение с догмами конфуцианских ортодоксов. Начало века знаменуется новыми акциями властей против инакомыслящих, в том числе христиан. Одновременно нарастает стремление изолировать Корею и обезопасить положение правящей верхушки путем консервации традиционных порядков. Идейнными вдохновителями феодального национализма в рамках движения «виджон чхокса» были конфуцианские ученые и политики Ки Чонджин (1798 – 1876 гг.), Ли Чинсан (1818 – 1884 гг.) и их ученики Ким Бёнмук*, Ли Ханно (1792 – 1868 гг.), Лю Инсок (1842 – 1915 гг.) и др. Они утверждали, что мир современной культуры включает в себя три основных моральных категории: китайское и некитайское (передовое и варварское), законное и незаконное (власть династии Ли и претензии на нее со стороны феодальных кланов), правоверное и еретическое (чжусианство и ересь); причем каждая пара является антагонистичной. Борьба за существование корейского государства подразумевала защиту их первого элемента, альтернатива означала предательство национальных интересов.

Конфуцианство служило серьезной помехой на пути создания в Корее нового, буржуазного, общества и было устремлено в прошлое, неизменно стоя на страже консервативных порядков. «Виджон чхокса» освятила борьбу с католиками и прогрессивными силами корейского общества. Значительно более гибкой являлась позиция движения «тонъдо сики» («восточная мораль – западная техника»), опиравшегося на официальный курс японского правительства в период после революции Мэйдзи. Апологеты движения выступали за сохранение традиционных конфуцианских норм жизни, при развитии интенсивных контактов с внешним миром и заимствовании технических достижений западной цивилизации. Идеология «тонъдо сики» была направлена на самоусиление корейского общества; ее основоположники Ли Хунджан, Лю Ювон понимали, что отсутствие своевременных реформ в Корее превратит ее в жертву внешней агрессии и поэтому выступали за ограниченные контакты с европейскими государствами в торговой сфере и научно-технический обмен.

Несмотря на все препятствия, чинимые феодальной реакцией, в XIX в. наблюдается последовательное развитие идеологии сирхак, приведшее к формированию буржуазных реформаторских (кэхва ундонъ) и просветительских (кэмонъ ундонъ) воззрений. Наполненная антиконфуцианским содержанием философия сирхак заложила основу для определения и толкования основных проблем внутреннего и внешнего положения страны на принципиально иной основе. Сирхакские проекты общественно-экономических преобразований стимулиро-

вали появление в середине XIX в. движения за реформы кхэва ундонь. Новые исторические обстоятельства поставили перед идейным течением сирхак задачу разработать гуманистическую программу преобразования общества. В условиях конфуцианской позднефеодальной Кореи схожие с западноевропейским Просвещением идеалы прослеживаются в платформе просветительского движения кэмонь ундонь, основанной на сирхакском подходе к просвещению масс.

Переловые круги корейского общества выступали за синтез богатейшего национального наследия и элементов европейской культуры. У истоков кхэва ундонь стояли Пак Кюсу (1807 – 1877 гг.), О Гёнсок (1831 – 1879 гг.) и многие другие последователи сирхак. Они осуждали господствующий класс и власти страны за бездельность, неспособность определить судьбу родины и призывали открыть путь буржуазно-демократическому развитию Кореи по японскому образцу. Труды идеологов кхэва ундонь составляли ядро антифеодальной научно-политической мысли, послужившее базой для развертывания просветительского движения, содействовавшего переходу страны от феодализма к капитализму.

90-е годы отмечены активизацией просветительского течения кэмонь ундонь в самых различных сферах жизни, его идеалом стали «просвещенная монархия и цивилизация», под которыми подразумевалось все европейское и японское; традиционная культура воспринималась как консервативная и отсталая. Для представителей просветительского движения был характерен буржуазно-прагматический подход к пониманию своей роли. Они ставили своей целью способствовать усвоению корейским обществом материальной культуры европейского мира, и лишь самые дальновидные его участники осознавали, что западная цивилизация включает также широкую сферу философии, искусства, морали и политических взглядов.

Угроза колониальной агрессии против Кореи сделала необходимой консолидацию нации на новой, буржуазно-националистической, основе. Без широкого просвещения народа и распространения идеи о создании сильного современного государства решить эту задачу было невозможно, поэтому просветители призывали поставить достижения европейской и японской культуры на службу своей нации и укрепить суверенитет корейского государства. Одним из важных аспектов их деятельности стала борьба за широкое развитие внешних связей с Японией и западными державами. Подавляющее большинство участников кхэва ундонь и кэмонь ундонь, будучи верными адептами монархии, выступали за введение конституционной формы монаршеского правления; для них было характерно стремление не допускать революционных выступлений народа и решать

все проблемы мирным, эволюционным путем. Они ратовали за просвещение и реформы «сверху», их идеология стала орудием в борьбе за устранение препятствий на пути развития буржуазных отношений.

Противостояние прогрессивных мыслителей и представителей консервативного движения «виджон чхокса» развивалось в сложных внутриполитических и международных условиях. Осознавая необходимость модернизировать корейское общество и обеспечить его защиту перед нарастающей угрозой колониального вторжения, кхэва и кэмонь ундонь разработали программу конкретных реформ, которая могла бы расчистить дорогу для становления в стране буржуазных отношений. Идеалом новых сил становятся капиталистические страны Запада и стремительно развивающаяся Япония. В конце XIX в. зарождаются и радикальные элементы, опирающиеся на массовую деятельность просветительских организаций; проводятся митинги и демонстрации с требованием буржуазно-демократических свобод. Основные идеалы политических и экономических реформ разработали Хон Ёнсик (1855 – 1884 гг.), Пак Ёнхо (1899 – ? гг.), Со Гванбом (1859 – 1897 гг.), Со Джэпхиль (1864 – 1951 гг.). На волне демократического движения в декабре 1884 г. реформаторы во главе с Ким Оккюном (1851 – 1894 гг.) пришли к власти, но их триумф длился лишь несколько дней, и феодальная реакция взяла реванш, изгнав сторонников кхэва ундонь из правительственных органов и столицы. Но даже находясь в ссылке, реформаторы не прекращали просветительской деятельности и подготовки преобразований. Процесс дальнейшей консолидации корейской нации на рубеже XIX – XX вв. непосредственно связан с их активностью. Идеология и практическая работа кхэва и кэмонь ундонь способствовали пробуждению национального самосознания, стали стимулом идейного возрождения корейского народа в период борьбы с японскими колонизаторами.

Нарастание политических и социально-экономических проблем, осложнение жизни народных масс привело к тому, что простые люди начали искать убежище в религии. Массовый уход в религию в первой половине XIX в. отражает тревогу и нестабильное положение, царившие в корейском обществе. Люди шли к предсказателям, гадальщикам и шаманам, наряду с языческими верованиями росло влияние католицизма, формировались эклектические учения.

Преследование христианства продолжалось до середины 80-х гг., после подписания договора с Францией все запреты были сняты. В Корею устремились миссионеры из разных стран, здесь они развернули миссионерскую и просветительскую деятельность. В Сеуле и провинции открылось множество церквей, тай-

но исповедовавшие католичество и протестантство люди получили возможность свободного отправления культа. Число христиан стремительно росло; помимо католиков в 80-е гг. на Корейском полуострове появились и протестанты, и православные. Деятельность западных священнослужителей, несомненно, представляла собой один из каналов культурной связи с западным миром. Первыми миссионерами в стране были Г. Аллен (с 1884 г.), Г. Андервуд и Г. Аппенцеллер (оба с 1885 г.). В ряде городов – Пусане, Чонджу, Вонсане и Пхеньяне – появились центры протестантской, пресвитерианской и методистской деятельности; миссионеры сосредоточили основные усилия на медицинском обслуживании населения и его просвещении. В результате десятки тысяч корейцев ежегодно принимали протестантизм.

Большинство миссионеров мало интересовалось духовной жизнью и культурой корейцев, считая все нехристианские народы «варварскими». Они не утруждали себя поиском убедительных доводов для своих проповедей: по их глубокому убеждению, подкрепленные достижениями западной цивилизации, библейские истины говорили сами за себя. Но встречались в миссионерской среде и люди другого склада, стремившиеся к достижению взаимопонимания с корейцами, к сотрудничеству с ними в деле распространения религиозного знания. Именно они внесли большой вклад в начавшийся на рубеже XIX – XX вв. процесс модернизации Кореи. Деятельность французских католиков и американских протестантов включала не только проповеди и перевод на корейский язык религиозной литературы, но и мероприятия в образовательной сфере. Особую ценность представляли их усилия по изучению корейского и преподаванию своих языков, составлению англо- и франко-корейского словарей, созданию религиозных учебных заведений. Одновременно с этим европейцы активно пользовались алфавитом хангыль, что способствовало распространению религии и грамоты среди женщин. Они открывали госпитали, школы, приюты, ставшие доступными для простого люда, несли в Корею достижения современной науки, искусства, заложили основы европейского образования и медицины. Необходимо подчеркнуть, что протестантская церковь существенно повлияла на формирование политического самосознания корейцев, сформировав их представления о гуманизме, законе, равенстве людей перед богом, недопустимости дискриминации женщин и т. д.

Среди миссионеров были люди, деятельность которых может быть оценена как подвижничество; как правило, они отказывались от ортодоксального отношения к местным религиям, старались понять сущность буддизма и конфуцианской системы. Они употребляли в проповедях понятные местному населению слова,

проводили параллели с привычной для корейцев действительностью, не боялись религиозных ассоциаций с буддизмом и конфуцианством. Такие священники не ограничивались работой с паствой, но читали лекции по христианству и европейской культуре для широкой аудитории, преподавали английский и французский языки. Благодаря искреннему интересу к корейской культуре они пользовались авторитетом и почетом в среде местного населения. Начало XX в. знаменуется значительным ростом распространения и влияния христианства. Во многом это определилось стремлением западных миссионеров, принадлежавших к разным конфессиям, обратить в свою веру большее количество местных жителей, но не менее важную роль играло и негодование корейцев по поводу активного японского проникновения. Число христиан особенно возросло к началу оккупации страны (1904 – 1905 гг.), поскольку новая религия воспринималась населением как форма протеста против колониального засилья.

Христианство пришло на полуостров с миром, его не поддерживали штыки колониальных войск, поэтому в Корею оно никогда не воспринималось как элемент империалистической агрессии. Более того, именно через влияние европейской религии общество впервые ознакомилось с такими понятиями, как социальное равенство, гражданская свобода, либерализм. Вмешательство религиозных посланников западного мира на политическую и экономическую сферу было ничтожным, поэтому корейцы не сталкивались с теми негативными последствиями, которые христианизация принесла другим странам мира. Христианство в Корею стало одной из составляющих патриотического движения, объединившего население в ярко выраженном антияпонском стремлении защитить независимость родины.

Христианские идеи оказали заметное влияние на либеральную интеллигенцию, стимулировали ее интерес к гуманистическому мировоззрению. Однако общечеловеческий характер доктрины христианства и тесная связь христианских католических организаций с антиколониальным движением корейского народа и гуманитарными учреждениями европейских стран вызывали недовольство оккупационных властей Японии на Корейском полуострове, поскольку все это не укладывалось в рамки ее имперских амбиций и милитаристской политики, поэтому для сохранения своего присутствия в Корею европейским церквям пришлось пойти на компромисс с ее новыми хозяевами.

Как и другие христианские конфессии, православие в Корею не избежало подобной участи. Решение об учреждении здесь православной миссии принимается в июле 1897 г., Священный Синод направляет туда архимандрита Хрисанфа (Шетковского), являвшегося началь-

ником первой русской духовной миссии в 1900 – 1904 гг. Его деятельность в столь короткий период оставила ярчайший след в корейском православии, созданные Хрисанфом церковные основы остаются незыблемыми и поныне. Приверженцы православной религии почитают его за своего патриарха. В отличие от других христианских миссионеров русские никогда не ставили своей задачей обратить в веру как можно больше корейцев. Достаточно отметить, что к началу русско-японской войны число православных не превышало двух сотен человек, в то время как в конце XIX в. католическая община Кореи насчитывала 40 тыс. верующих. Русские духовные миссии 1900 – 1904 и 1906 – 1912 (возглавлена о. Павлом) годов отличались высокой ответственностью и заботились о качественной стороне дела. В семьях потомков крещенных ими корейцев до сих пор не только чтят русский православный обряд, но солят огурцы, готовят борщ, любят чаепитие с самоваром. Эти традиции сохранились, несмотря на усиленную антирусскую пропаганду колониального периода и антисоветскую политику в Республике Корея до конца 80-х гг. нашего столетия. Большинство православных составили жители северокорейских провинций Хванхэ и Хамгён, непосредственно общавшиеся и торговавшие с русскими, крестились и сановники из сложившейся при дворе вана Коджона (1864 – 1907 гг.) прорусской группировки, симпатизировал России и сам король.

Параллельно с укреплением христианства корейское общество получило доступ к материальным благам западной цивилизации, которые были восприняты и оценены корейцами с большим энтузиазмом. Предметы западной материальной культуры, ввозимые из Японии, Китая и европейских стран, оказывали на корейское общество заметное влияние. Большой интерес вызывали такие новые для Кореи предметы, как механические часы, глобусы, карты, музыкальные и технические инструменты. Корейские ученые активно изучали европейские естественные науки, благодаря торговле с иностранцами в стране появились новые товары – табак, хлеб, очки, примусы, резиновую обувь, часы и т. д. Будучи сначала предметами роскоши, эти товары быстро становились предметами первой необходимости. В обиход корейцев прочно вошли папиросы и трубки, курительные палочки, москитные сетки, арбузы и тыквы... Но все это не означает, что корейцы стремились усвоить европейский образ мысли и жизни, напротив, они пытались защитить свою культуру от иноземного воздействия.

В 60-е гг. XIX в. на фоне активного проникновения христианства возникает оригинальное местное учение тонхак (восточное учение), получившее название в противовес западному учению сохак, как именовали католицизм. Его

эклектическая система впитала ряд положений католицизма, конфуцианства и даосизма. Конфуцианская составляющая определялась учением о пяти отношениях хе, буддизм привнес в тонхак идею о нравственном очищении, даосизм – мистику и конспиративную организацию секты. Важными компонентами явились христианское положение о равенстве всех перед всевышним, определение человека как воплощения бога на земле, монотеистическая идея о персонифицированном божестве. Это синкретическое учение было разработано выходцем из янбанской среды Чхве Джеу (1824 – 1864 гг.); приверженцы тонхак требовали обеспечения свободы вероисповедания, изгнания из страны иноземцев, наказания преступных чиновников. Учение собрало под свои знамена сотни тысяч последователей, особой популярностью оно пользовалось в среде обездоленного сельского населения.

Казнь в 1864 г. основоположника тонхак как государственного преступника и еретика не принесла ожидавшегося властями результата: в конце XIX в. учение стало идеологией крупнейшего в истории Кореи крестьянского восстания. К началу XX в. оно трансформировалось в общенациональное религиозное течение под названием Чхондогё (Учение о небесном пути) и превратилось в мощный фактор духовного развития корейского общества, выступавший как противовес нарастающему влиянию христианства. Распространение тонхак-чхондогё и христианской религии сыграло важную роль в восприятии нацией идеи равенства и социальной справедливости, стимулировало движение сопротивления усиливавшемуся влиянию Японии.

4.2. Распространение современных научно-технических, общественно-политических представлений и образования

Когда отсталая феодальная Корея вышла из добровольного «заточения» и отказалась от односторонней ориентации на Китай, перед ней со всей очевидностью встала опасность колониального порабощения. Единственная возможность противостоять данной угрозе заключалась в ускоренном заимствовании и освоении материальных и духовных достижений европейского мира. Открытие страны для контактов с внешним миром в 70-е гг. облегчило доступ к ее современным научным знаниям, особенно в области медицины и техники. В Корее налаживается телефонная и телеграфная связь, открываются пункты по вакцинации против оспы, строятся железные и шоссейные дороги, появляется электричество. В 80 – 90-е гг. и в начале XX в. ведется активное сооружение современных промышленных предприятий, появля-

ются первые архитектурные объекты, созданные в европейском стиле. Сельское хозяйство находилось в упадке, поэтому многие образованные люди обращали внимание на западную агротехнику; были основаны опытные полевые и животноводческие станции. Особенно преуспел в попытках сочетать традиционное корейское земледелие с достижениями зарубежных ученых Хван Джиён (1808 – 1884 гг.).

Целенаправленное заимствование достижений западной цивилизации способствовало оживлению экономической и культурной жизни Кореи. Быстро развивались промышленность, транспорт и связь, рост экономики сопровождался заметными успехами в области технических и естественных наук, прежде всего медицины и биологии, в области агрономических знаний. Достаточно интенсивно развивались освободившиеся от искусственной изоляции и конфуцианских ограничений гуманитарные дисциплины.

С конца XIX в. в жизненном укладе корейцев появились разнообразные новшества, связанные с европейским влиянием: григорианский календарь, железнодорожное, телефонное и телеграфное сообщение. Между отдельными городами, а впоследствии – в масштабах всей страны была налажена почтовая служба. В столице появилось газовое освещение.

Западное влияние сказалось и на внешнем облике корейцев: одежда, обувь, прическах. Европейское платье как более практичное и современное распространяется среди интеллектуальной элиты и высокопоставленных слоев общества. Мужское население городов также облачается в западный костюм или использует его отдельные элементы, причем часто европейское одевание причудливо сочетается с предметами традиционного национального костюма. Женщины и жители сельских районов гораздо медленнее принимали европейскую одежду, зато обувь из натурального каучука (комусин) стала в их среде весьма популярной, но она повторяла форму привычных для корейцев лаптей чипсин. Женское европейское платье и прически стали носить представительницы самых богатых и передовых слоев общества лишь в начале XX в. Мужчинам было очень трудно отказаться от традиционных косичек или пучка волос на затылке, но короткая европейская стрижка стала восприниматься как показатель прогрессивности ее владельца, его открытости для восприятия западного образа жизни.

Среди заимствований можно назвать и практику употребления в пищу молочных продуктов, а также увеличение доли мяса в пищевом рационе корейцев. Тенденция к европеизации вызвала появление в городах ресторанистов, специализировавшихся на «европейской» кухне, основу которой составляли мясные продукты.

Заимствование элементов европейской культуры обусловило быстрый прогресс в издательском деле, в результате которого печать превратилась в важный фактор общественной жизни страны. Массовое издание книг и ежедневных газет, как новое явление общественно-политического развития Кореи, стало возможным в результате внедрения европейской печатной техники, прежде всего, подвижного металлического шрифта. Станки ввозились из европейских стран и Японии; на данной технической базе сначала в Сеуле, а затем в других крупных городах открылись хорошо оборудованные типографии. С начала XX в. в них применяли метод фототипии и трехцветной печати, предназначенной для изготовления иллюстрированных обложек массовых общественно-политических и художественных журналов. Новый уровень издательского дела привел к активизации периодической печати, приобретавшей огромное значение в политической и культурной жизни страны.

С середины 90-х гг. XIX в. на полуострове наблюдается общее оживление политической жизни, связанное с началом серьезных преобразований феодального общества и государства. Социальные и политические реформы года «кабо» (1894 г.) привнесли в корейское общество некоторые элементы буржуазно-демократической системы. Было аннулировано феодальное право на землю, на смену ему пришла частная собственность – был принят закон о купле-продаже земли. Официально отменялось иерархическое деление общества на феодальные сословия, провозглашалось всеобщее равенство населения страны. Законы 1894 г. отменили и традиционный конфуцианский экзамен кваго, поэтому старое, основанное на конфуцианской модели, образование потеряло всякий смысл. Ему на смену пришли школы, связанные с практическими запросами общества, часть из них основало государство, но большая заслуга в деле распространения просвещения среди народа принадлежала частным учебным заведениям.

Система новых школ была направлена на воспитание учащейся молодежи в духе патристических взглядов, поэтому помимо естествознания здесь уделялось внимание изучению родного языка и отечественной истории. Однако принципиальные черты новой системы образования определялись необходимостью развития национальной промышленности, которой на рубеже XIX – XX вв. потребовалось большое количество технического персонала и квалифицированных специалистов. Это стимулировало развитие технических учебных заведений и распространение европейского образования.

Первая современная школа Тоньмухак начала действовать в Сеуле с 1883 г., сначала здесь готовили переводчиков с западных языков, но затем открылись и технические специ-

альности. Преподаванием естественных наук в европейской традиции прославилась школа в г. Вонсане. Для работы в учебных заведениях приглашались зарубежные специалисты, прежде всего из США, наиболее одаренную молодежь отправляли учиться за границу – в Китай и Японию. Для привлечения пасты школы создавались и при христианских миссиях, благодаря им корейцы усваивали не только сумму технических знаний, но и сущность западной культуры в целом. Основы современного европейского образования были заложены с открытием в столице колледжей *Пэдже* и *Ихва* хактан, известных ныне как университеты *Ёнсе* и *Ихва*.

Широкая реформа образования началась после событий года «кабо», создавших законодательную базу для реорганизации школьного дела. Власти приступили к формированию разветвленной сети учебных заведений со смешанным социальным составом учащихся, пытались провести в жизнь идею о всеобщем и обязательном образовании, унифицировать учебные программы, основанные на современных научно-технических и гуманитарных представлениях. Однако такая программа реформы образования была непосильной для Кореи. Введение государственной системы всеобщего обязательного образования осталось лишь продекларированным, она не была подкреплена ни финансами, ни кадрами, ни методикой; не было даже необходимого количества помещений. Потребности населения в современном образовании удовлетворялись только в крупных городах. В сельской же местности программа оказалась невыполненной из-за нежелания, а в большей степени – неспособности подавляющего числа семей оплатить учебу детей. Кроме того, население несло значительные расходы по строительству и поддержанию школьных зданий, приобретению учебников и пособий. Если доходы горожан позволяли выделять средства на это, то сельчане практически были лишены такой возможности. Реальное осуществление всеобщего образования продвигалось чрезвычайно медленно.

Школьная система строилась по образу и подобию японской. Срок обучения в начальной школе составлял четыре года, преподавали в ней корейский язык и отечественную историю, арифметику и географию, конфуцианскую мораль и этику, пение, рисование и физкультуру. В частных школах помимо перечисленных выше обязательных предметов преподавались иностранные языки и другие европейские науки, учиться в них было дороже и престижнее, поскольку здесь давались специальные знания. Открыть частное учебное заведение можно было только с разрешения министерства образования и при условии точного соблюдения утвержденных государством учебных программ по обязательным предметам, особенно морального комплекса. Средние школы подразделялись на неполные с пятилетним обучением и

полные с дополнительными двумя годами. В первых преподавали корейский язык и литературу, мораль, китайскую классическую литературу, иностранный язык (японский или английский), историю, географию, математику, естественную историю, физику, химию, право, экономику, рисование, пение и гимнастику. Два дополнительных года обучения в полных средних школах отводились на овладение предметами со специальным уклоном: педагогическим, коммерческим, техническим или агрономическим.

Образование можно было продолжить в одном из реальных училищ – сельскохозяйственном, промышленном, торговом и т. п., открытых в связи с увеличивающимися промышленными потребностями. Особую категорию учебных заведений составляли педагогические училища, предназначенные для обеспечения страны учительскими кадрами. Вообще ситуация с преподавателями была крайне напряженной, поскольку в новых школах работали преимущественно учителя старой конфуцианской подготовки. Для пополнения школ новыми кадрами требовалось время. Проблему в какой-то степени решали иностранцы, соглашавшиеся принять участие в воспитании корейской молодежи, но и с ними возникал ряд сложностей: европейцы охотнее шли в частные учебные заведения, обеспечивавшие им неплохую плату и относительную свободу творчества. Государственные школы вниманием иностранцев были обделены, но в них нанимались японцы; как показали дальнейшие события, в Японии существовала тайная программа привязки корейской образовательной системы к японской модели, она служила колониальным намерениям островного государства в отношении Кореи.

Развитие современного образования и культуры побуждало общество обратиться к проблемам политического развития Кореи, укреплялись представления о гражданской свободе и народовласти, созвучные основным положениям *кэмонъ ундонъ*. С требованием политических и гражданских свобод впервые открыто выступило Общество независимости Кореи. Для пропаганды своих идей оно выпускало первые в стране периодические издания; с 1886 г. публикуется «*Тоннип синмун*» («Независимая газета») на корейском языке, вслед за ней выходят многие другие газеты и журналы, способствовавшие распространению патристических настроений.

Основными задачами нового политического курса корейских властей на рубеже XIX – XX вв. было преодоление отставания страны в экономической и военной сферах за счет широкого заимствования научных и технических достижений европейского мира. Но вместе с практическими знаниями с Запада пришли различные идеи в области экономики, политики и права, государственного устройства, культуры

и философии. Усилиями корейских ученых-просветителей они стали достоянием широких общественных кругов, осознавших на основе трудов крупнейших европейских мыслителей общедемократические идеалы свободы, равенства, независимости, человеческих прав и т.д.

Однако всестороннего преобразования общества по современному европейскому образцу, подобному японскому курсу Мэйдзи, направленного на преодоление феодальной отсталости Японии и создание в стране «просвещенной цивилизации», в корейских условиях не наблюдалось даже в начале XX в. Отношение корейского общества к начальному этапу вестернизации страны не было однозначным среди деятелей различной идейной ориентации. Радикальные противники перемен и приверженцы феодальной конфуцианской системы решительно и последовательно воспротивились перестройке жизни корейского общества по западному образцу. Их сторонники возобладали в правительственных кругах и на несколько десятилетий определили непоследовательный и весьма ограниченный характер процесса европеизации, который воспринимался чиновничье-бюрократической средой по своему и совершенно не так, как видели его корейские просветители.

Власти Кореи непримиримо относились ко всяким либеральным идеям западной цивилизации, с их точки зрения, ограниченная вестернизация страны должна была носить исключительно утилитарный характер: ускорить промышленное развитие, служить модернизации армии и флота, усилению обороноспособности Кореи перед лицом колониальной угрозы. Добиваясь пересмотра неравноправных договоров с мировыми державами, правительство одновременно допускало некоторую поверхностную вестернизацию быта и жизни корейского общества с тем, чтобы выглядеть в глазах партнеров по переговорному процессу более «цивилизованно».

Отношение общества к принятию европейских обычаев и порядков было иным. Во-первых, этот процесс затрагивал исключительно горожан, прежде всего интеллигенцию и чиновничье сословие, а также некоторую часть зажиточного населения сельской местности: помещиков, торговцев и богатых крестьян (кулаков *тхохо*), имевших с городом тесную связь. Большинство же аграрного населения страны практически не было подвержено европеизации в какой бы то ни было форме. Во-вторых, энтузиазм начального этапа, когда был открыт доступ к достижениям западной цивилизации, быстро прошел; наивное восхищение Западом и Японией, стремление перестроить свою страну по их образцу сменилось отторжением «чужеродных» элементов и противодействием с целью защитить национальные ценности и тра-

диции. Даже либеральные круги Кореи, разделявшие буржуазно-демократические идеалы Запада, не хотели мириться с новой зависимостью от интеллектуальных и культурных стандартов европейских государств и Японии, т. к. это задевало национальную гордость корейцев и угрожало их духовной целостности и национальному суверенитету.

Такая дифференциация отношения к проблеме культурного обмена с внешним миром и заимствования ценностей и установок европейской цивилизации подняла первую волну буржуазного национализма, а поскольку речь идет о давлении на корейскую нацию извне, она носила характер национализма угнетенной нации. Вначале он был связан с межгосударственными отношениями Кореи и европейских держав и Японии и не носил безусловно-реакционного характера, поскольку был направлен не на отторжение передовой культуры, а на поиск наиболее подходящих для Кореи путей ее усвоения и защиту национальных интересов.

На рубеже XIX – XX вв. буржуазный национализм проявлялся в широком идейном диапазоне: от рефлексивной ксенофобии до милитаристских призывов наращивать военную силу для противостояния внешней экспансии. Всех представителей буржуазно-националистического лагеря объединяли идея национальной независимости и стремление к тому, чтобы Корея заняла достойное место в мире, однако пути реализации этих установок виделись ими по-разному. Одни максимально сближались с консервативным проконфуцианским лагерем национализма феодального, призывая покончить с «бездумной» вестернизацией и обратиться к традиционной культуре и своему прошлому с целью найти собственные ценности нового поколения. Другие были сторонниками осмысленной европеизации по японскому образцу, они полагали, что корейцам следует отобрать лучшее и из западной, и из традиционной культуры. К этому лагерю принадлежало молодое поколение творческой интеллигенции Кореи, вышедшее на общественно-политическую арену в конце 70 – начале 80-х гг., его идеологом стал Ким Оккюн. Будучи умеренными националистами, единомышленники Ким Оккюна после поражения переворота 1884 г. делали упор на необходимости продолжить социально-экономические преобразования и пытались примирить национализм с идеями конституционализма и интернационализма.

Борьба и полемическое взаимодействие традиционалистов и сторонников ограниченной вестернизации оказали серьезное влияние на развитие корейской культуры конца XIX – начала XX вв., в том числе на литературу, изобразительное искусство, музыкальную культуру и т.д.

4.3. Духовная культура и изобразительное искусство

Корейская литература и искусство XIX в. не оставили каких-либо замечательных творений. От произведений многих мастеров этого времени веет рутиной, порожденной засильем феодальной реакции. Одни писатели и художники повторяли старые сюжеты, полностью отходя от жизненной правды и потребностей народа, другие стремились сочетать древние традиции с новыми веяниями живописи и литературы, используя приемы европейской культуры. Вместе с тем в тяжелые годы усиления реакционных настроений отдельные мастера, вдохновленные передовыми мыслителями сирхак, продолжали развивать наиболее ценные национальные традиции.

Литература. В литературе XIX в. известно мало имен, гораздо шире распространено анонимное творчество, отражавшее тяжелую жизнь простых людей в городе и деревне, такие произведения пользовались наибольшей популярностью среди образованных горожан. Основным прозаическим жанром оставались повести сосоль, отличавшиеся развитием традиционных фольклорных сюжетов, действие которых переносилось в XIX в. Примером могут служить анонимные произведения «Повесть о Сугён», «Повесть о Чхэ Бон», «Почтительная сноха в Анхебе». Беднее представлен жанр новеллы, но его язык и фабула становятся значительно богаче и реалистичней.

Для XIX в. характерно развитие фольклорной поэтической традиции, классические жанры *каса* и *сиджо* утрачивают преобладающее значение. Их последнюю антологию в середине века составили Пак Хёгван* и Ан Минён*. Новая поэзия была ближе к народу, описывала важные явления повседневной жизни; возникло также направление любовной лирики. Крупнейшим поэтом был ученый-сирхаксист Чон Дасан, он писал на хангыле, адресуя свое творчество простому народу. Огромную популярность имели произведения поэтов сатириков, использовавшие сочный язык бедняцких кварталов. К их числу относился Ким Саккаг (Нанго, 1807 – 1864 гг.).

На рубеже XIX – XX вв. в соответствии с настроениями общества меняется и поэзия: формируются новые стили: *чханга* (несенный стих на европейскую музыку) и *синчхеси* или *синси* (новый стих), которые послужили становлению т. н. «свободного стиха» – *чаюси*. Они были лишены жесткой формальной структуры предшествовавших жанров. Поиском новых направлений поэзии занимался Чхве Намсон (1890 – 1957 гг.), автор известных произведений «*Хэгесо сонёнеге*» / «Из морских просторов к молодому поколению» (1908 г.), «*Ккот туго*» / «Возлагая цветы», «*Тхэбыксан си*» / «Стихи о Тхэбэксане». В отличие от

Тхэбэксане». В отличие от лирической и культовой поэзии предшествовавших периодов *чханга*, *синчхеси* и *чаюси* часто обращались к политике, и это не случайно: их авторы реагировали на драматические события в истории своей родины, постепенно попадавшей в ярмо колониальной зависимости от Японии.

В начале XX вв. происходит широкое обновление всей культурной жизни Кореи. Интенсивность процесса была обусловлена развитием контактов с европейским миром и деятельностью просветительского движения *кэмонь ундонь*. Крушение традиционных устоев вызвало усиление интереса к общественным наукам, особенно истории страны. Появляется множество исторических сочинений, написанных с патриотических и демократических позиций, без низкопоклонства перед конфуцианской летописной традицией. Таковы эпические труды по отечественной истории Син Чхэхо (1879 – 1936 гг.) и Пак Ынрик (1859 – 1926 гг.). В предколониальный период распространяются исторические и биографические произведения, авторы которых стремятся пробудить национальное самосознание корейцев и вызвать их патриотическое возмущение колониальными посяблениями соседней державы. Типичными работами этого направления корейской литературы являются произведения Чан Джинёна (1864 – 1921 гг., «*Эгук пунилжон*» / «Повесть о патриотке» (1907 г.)) и Син Чхэхо («*Ыльджи Мундок*» / «Повесть о Ыльджи Мундоке», 1908 г.). Появились морализирующие авторы, использовавшие образы животных для критики человеческих и общественных пороков (Ан Куксон (1875 – 1926 гг.) «*Кымсу хвейрок*» / «Дискуссия птиц и зверей», 1908 г.).

О росте национального самосознания свидетельствует широкая популярность национального письма, а также зарождение отечественного языкознания. Кампания по отказу от письменного китайского языка завершилась в 1894 – 1895 гг. полным переходом на национальный алфавит. Выступая против конфуцианских традиций в сфере культуры и образования, просветители призывали к упрощению письменности и упразднению официального письменного стиля, основанного на китайском языке. Его использование весьма затрудняло распространение грамотности и реализацию просветительских идей.

Вопросы языка и письменности в Корею, оказавшейся на этапе перехода от феодализма к буржуазному строю, стояли достаточно остро; на повестку дня выдвинулась задача создания единого национального литературного языка, способного выполнять функции и устной, и письменной коммуникации. Сложность этой задачи объяснялась необходимостью объединения двух различных явлений – стихии разговорного языка, осложненного множеством диалектов, и языка классических текстов, фикси-

рующих основные культурные ценности, как заимствованные у китайцев, так и отечественные. Наибольшие трудности были связаны с пластом китайской лексики, записывавшейся иероглифами. Компромиссное решение предусматривало совместное использование хангыля и иероглифов, которые предназначались исключительно для записи основы слова, имевшего китайское происхождение. Многие ученые приняли участие в разработке единого кодифицированного устно-письменного варианта корейского языка с общей грамматической базой и едиными произносительными нормами. Вершиной отечественного языкознания стали труды Чу Сигёна (1876 – 1914 гг.).

Еще одной важной задачей корейских ученых и литераторов стало ознакомление соотечественников с научной, художественной и политической литературой Европы и Японии. Они занимались ее переводом на родной язык и тем самым способствовали распространению западной культуры и реализации просветительских идей в Корее.

В первой четверти XX в. проза на корейском языке сосоль трансформируется в новое реалистическое направление *синсосоль*, основными задачами которого были обличение устоев феодального общества, пропаганда просветительских и патриотических идей. Этот жанр утверждал и новый идеал человека – цельную личность, сильную не конфуцианской добродетельностью, но знаниями и характером. Такая позиция характерна для произведений основоположника жанра Ли Инджика (1862 – 1916 гг.) «Херый ну» / «Кровавые слезы» (1906 г.), «Ынсеге» / «Серебряный мир» (1908 г.) «Гора Чхиаксан» (1912 г.) и его продолжателей Ли Хэджо (1869 – 1927 гг.) «Кумагом» / «Кинжал демона», «Чаю чон» / «Колокол свободы» и др.

Музыка, театр и драматургия. Театр как зеркало жизни быстрее других областей искусства реагировал на происходившие в стране изменения, отражал социальную динамику своими зрелищными средствами. Каждый из старых и новых жанров корейского театра по своему откликнулся на наступление новой исторической эпохи.

Провозглашение Кореи в 1899 г. империей с целью упрочить ее независимое положение по отношению к бывшему сюзерену – Китаю – сопровождалось мероприятиями, направленными на повышение престижа новоиспеченного императора Коджона. В связи с этим получил новый импульс придворный церемониал, в том числе конфуцианское музыкально-хореографическое искусство. При сеульском дворе формируется постоянная артистическая и музыкальная труппа. Старинная музыка аак, исполнявшаяся самостоятельно или сопровождавшая ритуальные танцы, вновь оказалась в большом почете, переживая второе рождение и расцвет. Поскольку цель повысить авторитет имперской

власти касалась и подданных, дворцовая музыкальная традиция перестала быть внутренним таинством королевских покоев и обрела более широкую аудиторию. Ликвидация сословий в 1874 г. привела к повышению социального статуса актеров музыкантов, к ним стали относиться как к людям, получившим специальное образование, хотя рецидивы прошлого мешали окончательному росту их социального престижа. Все это способствовало относительной демократизации жанра, т. к. придворные музыканты и танцоры отбирались из числа наиболее одаренных исполнителей и имели возможность иногда давать концерты для светской публики.

Круг специалистов и любителей церемониальной конфуцианской музыки значительно расширился, с ней стали связывать сохранение традиционной национальной культуры. В то же время профессионалы из дворцовой среды имели наилучшие возможности для ознакомления с европейской музыкальной традицией, брать уроки у европейцев, работать с новыми инструментами. Распространение западной классической и легкой музыки также началось из дворцовых покоев. Выход музыки аак на широкую аудиторию и появление европейских произведений оказали существенное влияние на формирование корейского национального театра и современной музыкальной культуры.

Корейцы в первую очередь познакомились с христианской духовной музыкой, затем с музыкой военных оркестров и школьной программой музыкального образования. Все эти три типа европейской музыки заимствовались вместе с восприятием соответствующих институтов и рассматривались в качестве их необходимых элементов. Особенно наглядно это проявилось в церкви и школьном образовании. Распространение западной музыкальной культуры, и прежде всего, включение ее в школьную программу привело в соприкосновение две совершенно разные музыкальные системы.

В среде театрального искусства получил дальнейшее развитие песенный жанр пхансори, в результате к концу XIX в. он прочно утвердился на театральной сцене. Усилиями выдающегося режиссера Син Джэхэ (1812 – 1884 гг.) пхансори вышел за рамки фольклорного действия двух исполнителей, а в начале XX в. на его основе сложилась классическая национальная опера чхангык. Ее драматургия основана на новой литературе, в свою очередь опера становится предтечей национального драматического театра. Чхангык в это время переживала период оригинального симбиоза пхансори и европейской музыкальной традиции.

Инсценировка синсосоль создает новую корейскую драму, близкую к театральному искусству Запада. В 1909 г. в Сеуле создан театр Вонгакса, занимавшийся развитием современной реалистической драматургии. Наибольшей популярностью пользовались представления на

основе классических произведений, давно отмеченных симпатией народа, таких как «Сказание о верной Чхунхян». При театре существовал ансамбль Хемнюльса, сыгравший важную роль в ознакомлении корейской интеллигенции с мировой классической музыкой.

Первым профессиональным театром западного типа был театр Хёксиндан, его в 1911 г. создали актеры Им Сонгу (1887 – 1921 гг.), Ким Досан (1891 – 1922 гг.), Ким Соран*. Они подбирали и ставили драматические пьесы просветительского содержания, получившие название «драмы нового стиля». Большинство авторов корейских драм в подражание европейской мелодраме не затрагивали реальных жизненных конфликтов, они делали человека игрушкой непостижимой силы судьбы, насыщали действие атмосферой таинства и рока, изобретали неправдоподобные сюжеты с тем, чтобы максимально поразить воображение зрителя и побудить его вновь и вновь прийти в театр.

Оживление театральной деятельности в столице сопровождалось ее распространением по всей стране, но зрелищное искусство не стало массовым и самоокупающимся, оно неизменно нуждалось в поддержке и покровительстве властей, любителей и меценатов. Не лучшие времена на рубеже двух веков переживали кукольный театр и театр масок, внимание городской публики было отвлечено новыми формами зрелищного искусства, а возможности сельских жителей не позволяли обеспечить безбедное существование творческих групп. Актерская доля, несмотря на некоторые улучшения, оставалась малопривлекательной, поэтому редкие энтузиасты отваживались связать с ней свою судьбу.

Живопись. В изобразительном искусстве, как и в других областях культуры, находили отражение все изменения, наблюдавшиеся в жизни корейского общества после открытия страны. Мир изобразительного искусства наглядно демонстрировал связь политической обстановки и общей идеологической ориентации общества с художественной средой. Конфликты и противоречия в искусстве были следствием сложных взаимоотношений между западным влиянием и национальными традициями.

В области живописи наблюдается утрата реалистических тенденций, характерных для XVIII в. Художники отказались от изображения жизни и быта простых людей и вновь сосредоточились на созерцании природы. Распространились традиционные жанры пейзажа, натюрморта, классические картины в стиле «четырёх совершенств». Известными мастерами были Син Мёнён (1809 – ? гг.) и Пэк Ынбэ (1820 – ? гг.). Реалистические традиции пытался сохранить Син Ви. Вершиной живописи XIX в. становится творчество Чан Сынопа (1843 – 1897 гг.), пи-

савшего в реалистической манере и пытавшегося овладеть европейской техникой.

Многие корейские живописцы на рубеже веков обратили внимание на школу европейских мастеров, они писали в отличной от национальных традиций манере. Интерес к западной живописи проявлялся еще в начале XIX в., а с установлением дипломатических и торговых отношений Кореи с рядом европейских государств и Японией возможности заниматься европейским искусством значительно расширились. Корейские художники получили доступ к литературе по европейскому искусству и литографии, изучали каноны западной живописи. Начались непосредственные контакты жителей полуострова с представителями европейских деловых и дипломатических кругов, творческими работниками и журналистами; некоторые из них имели художественное образование и охотно давали уроки и консультации желающим. Занятия европейской живописью получили довольно широкое распространение. Среди художников европейской ориентации следует назвать, в первую очередь, Чо Сокчина (1853 – 1920 гг.) и Ан Джунсика (1861 – 1919 гг.).

Увлечение западным стилем *янхва* не подорвало позиций традиционных живописных направлений *мунинхва*, особенно пейзажной живописи и жанра «цветы – птицы». С распространением националистических настроений изменилось официальное и публичное отношение к европейскому изобразительному искусству, возрождавшаяся консервативная живопись на традиционной основе. Ее приверженцы писали в привычной манере, опирались в своем творчестве на старые образцы и формы, изредка прибегали к приему стилизации под старину. Представители данного направления пытались обновить традиционную живописную систему, показать своим творчеством жизнеспособность классической традиции в новое время.

В конце XIX – начале XX вв. не было создано особенно значительных произведений живописи и искусства, но творческий процесс корейских мастеров определялся развитием передовых направлений общественной мысли и усвоением приемов европейского искусства, поэтому в восприятии нового при сохранении национальных традиций можно видеть главные достижения литераторов и художников XIX в., определивших пути подъема искусства после освобождения страны от оков колониализма.

Прикладное искусство и архитектура. Корейское декоративно-прикладное искусство, непосредственно связанное с бытом, подверглось существенному воздействию перемен, произошедших в жизни общества на рубеже двух веков. Затяжной кризис феодального хозяйства и вторжение на внутренний рынок во второй половине XIX в. зарубежных товаров определили упадок отечественного художественного ремесла. Ухудшились качество и цен-

ность традиционных для Кореи изделий прикладного искусства. Нагляднее всего это проявилось в сфере мебельного и фарфорового производства. На состоянии художественных ремесел сказался переход многих предприятий в руки частных владельцев, главной целью которых становится получение максимальной прибыли, а не поддержание эстетических традиций нации.

В декоративно-прикладном искусстве эпохи сложились три направления, обладавшие достаточно специфичными чертами. Первое определялось развитием художественной промышленности на основе фарфоровой и текстильной мануфактур. Второе представляло собой профессиональное творчество мастеров и художников различных специальностей: керамики, фарфора, ткачества, росписи тканей, лака, изделий из металла, дерева и т. д. Третье направление составляли народные художественные ремесла: ручное ткачество, бытовая керамика, плетение, игрушки и т. п. Общее развитие всех направлений формировалось на основе двух тенденций: традиционалистской и неотрационалистской. Представители первой следовали старым образцам, стремились возродить забытые традиции, восстановить древние способы производства. Приверженцы второй пытались обновить традиции, сочетая корейскую технологию с европейскими формами и декором.

В конце XIX в. на Корейском полуострове появляется немало прекрасных архитектурных сооружений. Продолжается национальная традиция дворцового строительства, проводится полная реставрация дворцового комплекса Кёнбоккун в Сеуле, по его образцу возводят дворец Пхуннёнгун (г. Пхеньян) и реконструируют Токсугун в пригороде Сеула. Ансамбль Токсугун (Дворец достойной старости) с середины XV в. был резиденцией наследника престола, а в период 1897 – 1919 гг. в нем проживал последний монарх Кореи – ван Коджон. Поскольку реставрация дворца проводилась в конце XIX – начале XX в., здесь появились каменные здания европейского типа; в стиле викторианского барокко построен один из корпусов ансамбля – Сокчоджон (1907 – 1909 гг.).

Поверхностная европеизация корейской культуры привела к развитию на полуострове светской архитектуры европейского типа. Соединяя в себе европейскую классику и элементы традиционной национальной строительной школы, она становится предтечей современной корейской архитектуры. Первый жилой дом западного типа построен в Корее в 1884 г.; вплоть до 1910 г. такие здания строились иностранцами и для иностранцев. Первым общественным сооружением европейского направления становится сеульский католический храм *Мёндонь*, возведенный в 1898 г. в готическом (некоторые исследователи относят его к псевдоготике) стиле. Затем строятся множество школ, церквей, зданий европейских миссий и представительств. На рубеже веков появились и другие здания, спроектированные и построенные иностранными специалистами в столице и других городах; работал в Корее и русский архитектор Середин-Саббатин, принявший участие в создании Сокчоджон (дворец Токсугун). В 1896 г. возводят Арку независимости по примеру римской Триумфальной арки. Часто наблюдалось смешение европейской архитектуры и традиционных сооружений, так в 1908 – 1910 гг. во дворце Токсоджон построен каменный павильон в стиле Ренессанса, в период 1900 – 1909 гг. по проекту английских архитекторов разработана и построена новая королевская резиденция – двухэтажное здание в стиле позднего классицизма на территории дворцового комплекса Токсугун.

КУЛЬТУРА КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕИ (1910 – 1945 гг.)

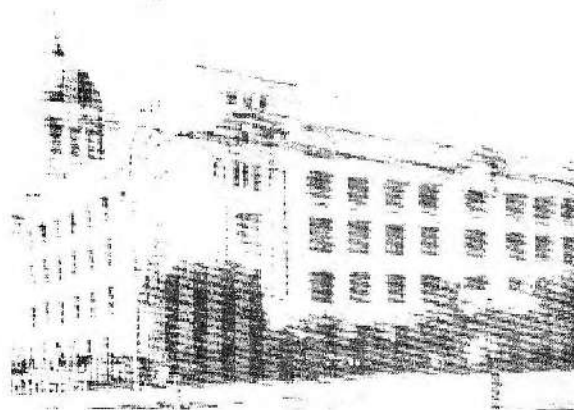

Рис. 5.1. Здание японского резидентства
(Сеул, 1925 г.)

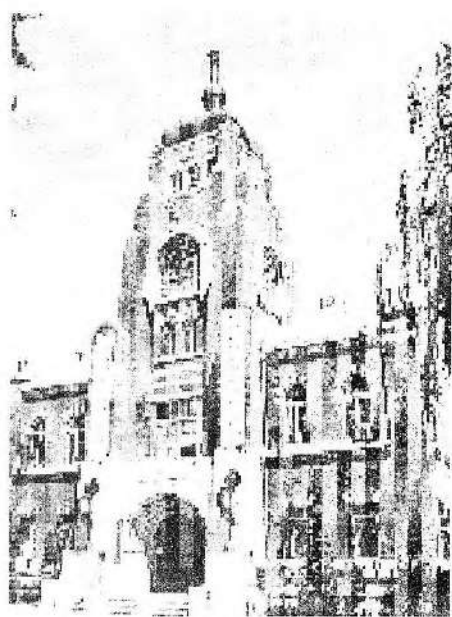

Рис. 5.2. Церковь Чхондогё, посвященная
культу Тангуна (современная ре-
конструкция)

Рис. 5.3. Заседание объединения Тхо-
вольхве (20-е гг. XX в.)

5. КУЛЬТУРА КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕИ (1910 – 1945 гг.)

Аннексия Кореи в августе 1910 г. означала не только потерю государственного суверенитета, она резко затормозила развивавшийся в первом десятилетии XX в. процесс культурной модернизации. Провозглашенная японскими колонизаторами цивилизационная миссия на деле свелась к подавлению национальной культуры корейского народа, искоренению ее самобытности, попыткам заставить корейцев забыть свой язык, историю, потерять культурную идентичность. После вступления в состав Японской империи проводится политика насильственной ассимиляции корейского народа и превращения страны в колониальный аграрно-сырьевой придаток. Новые хозяева вытесняют из политической и хозяйственной сферы представителей других государств, поскольку они могли составить реальную конкуренцию их безраздельному господству. Корея вновь оказывается в состоянии изоляции от внешнего мира, прерываются какие-либо ее контакты с западной культурной традицией. Со времени аннексии начинается самая мрачная страница в истории корейской культуры, связанная с преследованием ее лучших представителей.

Нешадная колониальная эксплуатация страны сопровождалась неослабевающей идеологической экспансией японского империализма. В начальный период новейшей истории Кореи здесь был создан военно-полицейский режим, одной из главных задач которого являлось полное подавление национальной культуры. Проводилась широкая пропагандистская кампания и обработка населения в духе сотрудничества корейцев с колонизаторами. В основе этой работы лежали паназиатские идеи, возникшие в конце XIX в., когда дальневосточные нации напрямую столкнулись с европейской экспансией. Идеология паназиатизма подразумевает общность интересов всех азиатских народов в борьбе с колониальными устремлениями Запада, однако лидером в этом противостоянии становится японское государство, поскольку после буржуазно-демократической революции в 60-х гг. прошлого века оно занимает передовые позиции на Дальнем Востоке. Борьба с колонизаторами требует единения всех сил азиатского мира, а сохранение национальной специфики напрямую помогает европейцам подчинить его своему влиянию, поэтому считалось, что развитие обособленной корейской культуры только вредит нации. При этом подчеркивалась особая близость корейского и японского народов, общность их происхождения, тождество интересов. Такая идеология становится основой для разработанного и осуществленного в период колониального господства курса на

культурную и национальную ассимиляцию корейского народа.

Обеспечению влияния японцев на духовную жизнь, общественное сознание и культуру корейцев служили проведенные после аннексии реформы и мероприятия в политической и социально-экономической сфере. Колонизаторы прибегали не только к прямому подавлению и террору, но и к завуалированным формам воздействия на население колонии. Обосновывалась идея о «новом» патриотизме, сущность которого сводилась к принятию официального курса властей представителями корейского общества, включению деятелей национальной культуры в общий поток ассимиляторской политики. Сущность идеологической экспансии оставалась неизменной, несмотря на различие форм и методов воздействия, которые власти варьировали в зависимости от конкретных условий и задач. Она заключалась в стремлении колонизаторов духовно поработить корейский народ, искоренить его национальную культуру и превратить население полуострова в верноподданных японского микадо.

Никакие ухищрения захватчиков, гонения и репрессии не смогли окончательно подавить волю корейского народа, сломить сложившуюся на протяжении многих веков его культурную традицию. Колониальный период в истории Кореи связан с расширением патриотического движения, формированием новых антиимпериалистических сил и возникновением вооруженного сопротивления колонизаторам. На смену капитулировавшему перед захватчиками феодальному национализму приходит представители национально-освободительного движения, в его рамках складываются два лагеря: буржуазный национал-реформизм и марксистское течение. Вершиной антиколониальной борьбы корейского народа в первой половине XX в. становится действия партизанских отрядов Ёйбён, традиции которых сложились еще в период борьбы с японским вторжением в конце XVI в.

Отпор колонизаторам был дан уже в первые годы после аннексии. Реформы и техническая модернизация хозяйства, начатые японцами в Корею еще в доколониальный период, не укрепили бдительность передовых слоев корейского общества. Патриотические круги прекрасно понимали, что внедрение буржуазных отношений и военно-промышленное строительство, к которому захватчики приступили сразу же по вступлении Кореи в состав Японской империи, отвечают, прежде всего, ее стратегическим замыслам в отношении азиатских соседей и интересам по организации колониальной эксплуатации ресурсов полуострова. Весной 1919 г. наблюдается стремительный рост антияпонских настроений, мирные демонстрации в марте – апреле перерастают в общенациональное восстание.

Колонизаторам удалось подавить патриотические выступления, но они были вынуждены пересмотреть свою политику по управлению Кореей. В августе 1919 г. принимается курс на упрочение внутренней социальной опоры колониального режима, проводится ряд реформ, смягчивших национальный гнет и создавших некоторые условия для развития корейской культуры. Такой политики колониальные власти придерживаются вплоть до начала 30-х гг., т. е. до периода стремительной фашизации японского общества накануне второй мировой войны. Данный процесс затронул и Корею, поскольку подготовка к войне означала проведение соответствующих военно-политических мероприятий на полуострове, ставшем для милитаристской Японии плацдармом для развития экспансии на Азиатский континент. В условиях войны подавление патриотических сил и национальной культуры приводит к окончательному запрету на поддержание этнического своеобразия корейцев, любое инакомыслие пресекается с помощью разветвленного полицейского аппарата. Лидеры и представители национально-освободительного движения были вынуждены работать в эмиграции и лишились реальной возможности влиять на ситуацию в Корее.

Быть корейцем и осознавать свою национальную принадлежность становится тягчайшим государственным преступлением. Колонизаторы устанавливают беспредельное господство в области просвещения, литературы, искусства, печати, науки и религии. И все же вопреки репрессиям и гонениям связи демократических и национальных элементов в культурном сообществе страны усиливаются, крепнет их сотрудничество с национально-освободительным движением. В том, что сегодня корейский народ обладает богатой национальной культурой, занимающей достойное место в рамках мирового сообщества, несомненна заслуга тех, кто беззаветно защищал и сохранял ее в самый трагический период истории.

5.1. Просветительство и образование в колониальный период

Главной задачей колониальной администрации в области образования стало создание основ для культурной и национальной ассимиляции местного населения через систему начальных и средних учебных заведений. Сразу после аннексии Кореи власти приступили к демонтажу созданной на рубеже XIX – XX вв. системы образования, повсеместно закрывались школы с преподаванием корейской письменности, истории и основ культуры. Особый урон был нанесен частным школам, ставшим в период после русско-японской войны оплотом национального сопротивления и трибуной для провозглашения

патриотических идей. Учебные программы были пересмотрены с целью внедрения системы обязательного колониального образования, пришедшего на смену национальному просвещению.

Главной задачей образовательной политики после аннексии стало воспитание в корейском народе послушания и покорности, верноподданнических настроений по отношению к японскому императору. Исходя из этого власти не тронули лишь немногочисленные конфуцианские школы, где изучалась китайская культурная и письменная традиция. Образование имело большое значение и для решения конкретных задач колонизаторов по управлению и эксплуатации страны, поэтому в начальной школе было введено преподавание на японском языке, корейский повсеместно запрещали, за его использование в общественных местах, в том числе в школах, налагались штрафы. Национальный язык был низведен до уровня средства бытового общения в пределах семьи и дома.

В 1911 г. правительство Японии принимает специальное распоряжение о системе просвещения в Корее. В соответствии с ним закрываются практически все частные школы, преимущественное развитие получают государственные учебные заведения двух категорий: начальные, дающие минимальную подготовку, основанную на использовании японских учебных программ и японского языка, и профессионально-технические, обеспечивающие колонию квалифицированной рабочей силой и средним техническим персоналом. Причем дети проживавших на полуострове японцев учились в специальных школах, путь корейцам туда был закрыт.

После событий 1919 г. в рамках смягчения колониального режима система образования была несколько реформирована: с рядом ограничений стала допускаться деятельность частных школ содан, особенно в сельской местности, возникла возможность организации учебных курсов и вечерних заведений для горожан. Новые формы образовательной деятельности позволяли приобщать молодежь к национальной культуре, поддерживать ее знание корейского языка, воспитывать в ней патриотические настроения. Конечно, культивирование национального духа и антияпонских настроений в таких учебных заведениях велось исключительно на нелегальной основе.

В образовательной среде, испытывавшей с начала XX в. влияние культурно-просветительской идеологии кэмонъ ундонъ, в противовес экономическому направлению, считавшему технические и экономические знания основой национального могущества, усиливается просветительское течение Синминхве («Новое демократическое общество»). Его приверженцы утверждали, что путь к независимости лежит через просвещение народа в духе националь-

ной традиции и современных знаний, через пробуждение национального самосознания корейцев. Представители Синминхве основывали частные учебные заведения, проникали в государственные школы с тем, чтобы защитить молодежь от прояпонской обработки и воспитать в ней чувство национального достоинства. Одновременно Общество разворачивало работу в масштабах всей страны, используя любые легальные и полуполитические возможности, просветительская деятельность проводилась по многим направлениям: в политике, печати, культурной сфере. Впоследствии многие активисты просветительского движения Синминхве (Ли Донхви (1872 – 1935 гг.), Ли Санрён (1858 – 1932 гг.) и др.) возглавляли антияпонскую борьбу корейского народа, а их воспитанники становились в авангарде движения за национальную независимость.

Усиление репрессий в 20-е гг. приводит к массовому оттоку патриотических сил за границу. В Маньчжурии создаются партизанские отряды во главе с радикальными представителями кэмонь ундонь Хон Бомдо и Ким Чваджином, часть патриотов осела на российском Дальнем Востоке, например Чан Добин (1888 – 1963 гг.); в Шанхае организовано временное правительство Республики Корея, лидерами которого стали Ли Сынман (1875 – 1965 гг.) и Ким Гу (1876 – 1949 гг.). Многие из них примут активное участие в становлении независимых корейских государств по окончании второй мировой войны.

В начале 30-х гг. превращение полуострова в военно-стратегический плацдарм для агрессии на континент потребовало усилить образовательную деятельность в Корее, поэтому стала увеличиваться сеть начальных и ремесленно-технических школ. Впервые уделяется внимание начальному образованию девочек, поскольку оно обеспечивало промышленность дешевым, но квалифицированным женским трудом. Возрастает потребность в корейцах-преподавателях, и поэтому появляются первые педагогические училища. В 40-е гг. техническое образование выходит за рамки ремесленных школ, возникают реальные и технические училища, машиностроительные, горные и другие курсы, их выпускники получали неплохую профессионально-техническую подготовку и составляли основу отечественной технической интеллигенции, занимавшей средние должности в промышленном и даже управленческом секторах.

Высшее образование для корейцев было доступно только в гуманитарной сфере, однако и здесь наблюдалась дискриминация по национальному признаку. Крупнейшим вузом страны становится Сеульский университет, но реально поступить в него могли лишь японцы-выпускники специальных школ. Студентов корейской национальности было очень мало. Самые

богатые и влиятельные слои корейского общества могли отправить своих сыновей на обучение в Японию, там они получали доступ и в технические высшие учебные заведения, однако финансовые затраты, пренебрежительное отношение окружающих и отсутствие перспективы сделать профессиональную карьеру снижали интерес молодежи к учебе за рубежом.

5.2. Новые тенденции в религиозной жизни

На начальном этапе колониального развития, вплоть до второй половины 20-х гг., в Корее сохранялись условия для деятельности католических и протестантских миссионеров. В 1919 г. насчитывалось около 300 тыс. корейцев-христиан, действовало 650 учебных и более 50 медицинских учреждений, контролируемых католиками и протестантами. Однако особыми возможностями пользовались американские миссионеры, это объясняется тем, что США менее всего препятствовали агрессивным и колониальным замыслам Японии в отношении Корейского полуострова. Деятельность Русской православной церкви уже в 1912 г. была ограничена: ее официальная миссия в Сеуле закрылась, наставники выехали домой. Колониальные власти помнили усилия России, направленные на сохранение национальной независимости Кореи в первом десятилетии XX в. Корейцы-православные вплоть до освобождения подвергались притеснениям со стороны колонизаторов. Некоторые проблемы возникли и у католических миссий из Франции.

Самый многочисленный отряд миссионеров составляли американцы, они контролировали более 2 тыс. церквей и молитвенных домов, охватив влиянием почти половину (142 тыс. чел.) христианских прихожан. Активнее всего вели себя представители пресвитерианской церкви США, ставшей важнейшим каналом для распространения в стране американского влияния, а также обоснованием политического и экономического проникновения в Корею. Общины всячески насаждали и стимулировали веру в заступничество и помощь Соединенных Штатов, активно занимались проамериканской идеологической обработкой молодежи через Молодежное христианское общество (Кидокке чхоннёнхве) и его спортивные, научные и другие секции. Под видом религиозных групп создавалась внутренняя опора для распространения влияния США в Дальневосточном регионе. С началом обострения противоречий между ними и Японией американцы усиливают обработку корейцев, эмигрировавших в США, с целью формирования в их среде будущих проводников американских интересов.

В Корее деятельность христианских миссий с конца 20 – начала 30-х гг. постепенно свора-

чивается в связи с обострением межимпериалистических противоречий накануне второй мировой войны и усилением полицейского колониального режима. Япония вытесняет с полуострова практически всех иностранцев, но деятельность христианских общин не прекращается, а поддерживается уже на исключительно национальной основе.

Накануне колониального вторжения в стране сложились две новые религиозные системы, повлиявшие на формирование национально-освободительного движения. Как и многим другим восточным странам, Корее было свойственно выражение политического протеста в религиозной форме. На рубеже XIX – XX вв. одной из этих систем стало учение тонхак, но после крестьянской войны 1894 – 1895 гг. оно подверглось гонениям и пошло на убыль. Новые силы вдохнул в тонхак один из его лидеров Сон Бёнхи (1861 – 1922 гг.), основав общество Чхондогё (Учение небесного пути). В 1919 г. оно насчитывало около 130 тыс. активных участников, принадлежавших не только к традиционной базе религиозного сектантства – крестьянству, но и к городским буржуазным и интеллигентским кругам. Сторонники Чхондогё сыграли важную роль в развитии антияпонского Первоапрельского движения (весна-лето 1919 г.). Общество унаследовало религиозную традицию и обряды тонхак, но в то же время обладало явно выраженной политической направленностью. Если в первые годы существования оно проповедовало самоусовершенствование и уход в чистую мистику, то затем окончательно политизировалось. Сон Бёнхи стал проповедовать идею о неразрывной связи между религией и политикой. Часть руководства Чхондогё в период после апрельских реформ пошла на сотрудничество с колонизаторами или обосновывала ненасильственные методы сопротивления, но подавляющее большинство приверженцев секты, сохраняя антияпонские настроения, примыкало к освободительному движению в периоды его подъема.

Вторым вероучением колониального периода становится разработанная в 1909 г. система Тэджонгё, основанная на легендарной традиции происхождения корейского народа от Тангуна. Впервые мифологический первопредок корейцев стал объектом поклонения во времена монгольского ига, в конце XIII в.; представитель лагеря буржуазных националистов Ра Чхоль, опираясь на национальный подъем конца XIX – начала XX вв., развил учение, получившее максимальное влияние в корейской общине Маньчжурии, где в 30-е гг. развернулась партизанская вооруженная борьба за независимость Кореи. Главными божествами культа является «святая троица»: Хванин – Хванун – Хвангом (Тангун), в которой представлены привычные для христианского мира ипостаси свя-

того духа, бога-отца и бога-сына. В распространении националистического учения Тэджонгё японские колонизаторы видели прямую угрозу своей безопасности, поэтому на его последователей обрушились жестокие гонения; за все время существования культа в колониальной Корее было создано лишь три храма, посвященных Тангуну.

Более современный облик приобретает буддизм, распространяется влияние его нового направления – вон-буддизма, его основатель Хан Ёнун (Вонгван, 1879 – 1944 гг.) призывал корейский народ крепить силы, быть терпеливым и бережливым, осваивать новые земли и стремиться к знаниям. Только таким путем, считал он, нация добьется улучшения жизни и обеспечит восстановление корейской государственности. Вон-буддизм четко делил верующих на две категории: миряне, обязанные соблюдать лишь пять заветов Вонгвана из десяти, и монахи, порвавшие с миром и семьей, соблюдающие все десять заповедей. Среди них главной является не наносить вреда живой природе. Традиционный для буддиста подход к мирским проблемам в данном учении сочетается с теорией и практикой национал-реформизма, как одной из сил национально-освободительного движения Кореи. Колонизаторы лояльно относились к вон-буддизму, поскольку он не призывал к активным антияпонским действиям. Более того, в период смягчения колониального режима в 20-х гг. они попытались синтезировать наиболее приемлемые положения Чхондогё и вон-буддизма, создав проаяпонское учение Сичхонгё, но его приверженцев было крайне мало.

В середине 30-х гг., приступая к реализации экспансионистской программы в отношении Азиатского континента, Японская империя усиливает Корею в качестве военно-стратегического плацдарма, а для этого она ужесточает режим своего колониального администрирования на полуострове. Преследованиям подвергаются не только антияпонские силы и организации, но и относительно нейтральные круги, не сумевшие или не пожелавшие вовремя доказать свою лояльность. Под удар попадают и религиозные движения. С этого момента единственной государственной религией становится синтоизм, население Кореи побуждают поклоняться японским божествам и забыть о своих религиозных традициях. С этого времени и религия становится рычагом подавления свободы, превращения корейцев в послушных и беспрекословных исполнителей имперской воли.

5.3. Научная мысль в колониальной Корее

Общий кризис национальной культуры в колониальный период отразился и на состоянии

научно-технической мысли. Творческая деятельность научной общественности проходила под негласным надзором властей. Японские колонизаторы не препятствовали работе лишь тех академических учреждений или отдельных ученых, деятельность которых не противоречила официальным установкам и целям их присутствия на полуострове. Но и в таких неблагоприятных условиях патриотически настроенные исследователи находили в себе мужество и силы противостоять нажиму оккупантов. Их главной задачей становилось сохранение национальных традиций корейского народа, отечественной историографии и даже языка. Длившийся треть века запрет на использование корейского языка в системе просвещения и в общественных местах ставил под угрозу само его существование. Образованные люди с патристическими убеждениями прекрасно понимали это и, несмотря на опасность расправы, прилагали усилия для сохранения отечественной языковой традиции. В 1921 г. в Сеуле было организовано Научное общество по изучению корейского языка, среди его основателей выделялись талантливые ученые, продолжатели наследия лингвистической школы Чу Сигёна — Ли Юнджэ (1888 – 1943 гг.), Чхве Хёнбэ (1894 – 1970 гг.), Чон Инсон (1905 – 1983 гг.) и др. Особую роль в сохранении и систематизации корейского языка сыграли труды Ли Гынно в области его грамматики, диалектологии и лексикологии.

Развитие исторической науки проходило в противоборстве с колониальной историографией, пытавшейся исказить пройденный корейской нацией путь, обосновать ее культурную отсталость и высветить роль японских хозяев как носителей культуры и цивилизации. Большой научный интерес по сей день представляют работы историков Пак Намуна, Пак Сихёна, археолога То Юхо, экономиста Ким Гванджина (? – 1964 гг.), но они получили признание только после ухода колонизаторов. Изучением фауны полуострова в 1926 – 1931 гг. занимался биолог Ван Хонгу.

Японцы не останавливались перед репрессиями по отношению к выдающимся ученым, особенно из Научного общества по изучению корейского языка. Их подвергали судебным преследованиям и арестам за использование и распространение родного языка. Запрещалось и чтение корейской исторической литературы, поэтому труды исследователей стали достоянием широкой общественности только после освобождения. Однако благодаря самоотверженности корейских ученых удалось сохранить национальный язык и отечественную историю, которые сегодня занимают достойное место в мировом культурном пространстве.

Исследовательской деятельностью на Корейском полуострове занимались и ученые из Японии, их научные интересы затрагивали ис-

торию, археологию и этнографию. Организованные и поддержанные колониальными властями, они преследовали явно выраженные политические цели: развитие корейской нации, ее многовековая история рассматривались и преподносились как часть истории японского народа, обосновывался тезис о культурной отсталости корейцев и их постоянной подверженности внешнему влиянию. Большинство исследовательских работ проводилось Сеульским императорским университетом. В то же время не следует полностью отрицать результаты научного поиска японцев. Их усилиями впервые были собраны и систематизированы все письменные памятники Кореи, составлена их многотомная библиография. Археолог Наора Нобуо в 1940 г. сделал сообщение об обнаружении корейского палеолита. Этнографами были подготовлены содержательные доклады об обычаях, традициях и нравах корейцев, их верованиях и суевериях. Проводились многочисленные социально-экономические изыскания. Естественно, что в своих выводах японские исследователи утверждали идею об экономической и культурной отсталости Кореи, преодолеть которую страна могла только с помощью Японской империи.

5.4. Литература колониальной Кореи

Важную роль в период колониального господства играла национальная периодика: газеты и журналы «Тэхан мэиль синбо», «Чегук синмун», «Хвансон синмун» и др. явились рупором патристических настроений, публиковали статьи выдающихся идеологов просветительства. В 1919 г. начался выпуск наиболее популярных и в наши дни ежедневных газет «Тонъя ильбо» и «Чосон ильбо», распространявших среди народа современные знания и пробуждавших в нем национальное самосознание. В этот период огромной популярностью пользовались литературные альманахи «Чхангё» (1919 г.), «Пхехо» (1920 г.), «Кэбёк» (1920 г.) и «Пэкчо» (1922 г.). Периодические издания часто закрывали, конфисковывали их тиражи. В 1940 г. патристические газеты были запрещены, сохранились только прояпонские.

С распространением в корейском обществе современных знаний и представлений новые веяния окупались и в сфере литературы. Наблюдается формирование буржуазного романтизма и реализма. В творчестве буржуазных писателей содержался призыв искоренять феодальные нравы и предрассудки прошлого. В новой манере писали Ли Гвансу (1892 – 1951 гг.), Ким Донгын (1900 – 1951 гг.), Чхве Намсон (1890 – 1957 гг.) и многие др. В их творчестве нашли отражение настроения корейской национальной буржуазии, болезненно переживавшей утрату национальной неза-

висимости, но и не верящей в возможность самостоятельного развития Кореи. Перу Ли Гвансу принадлежат замечательные произведения о терзаниях нового поколения корейской интеллигенции и поиске места в жизни («Сонёный пиз» / «Юношеская скорбь», «Муджон» / «Бессердечные», 1917 г.). Ким Донъин остался в памяти благодарных читателей короткими рассказами о неожиданных поворотах судьбы человека («Пэттариги» / «Вслед за лодкой», 1921 г. и «Камджа» / «Картошка», 1925 г.). Мастерством изображения эмоциональных и интеллектуальных страданий образованного человека в колониальной Корее отличается творчество Хён Чингона («Унсу чын наль» / «Счастливый день», 1924 г.) и Ём Сансопа (1897 – 1963 гг., «Манселжон» / «Вечная история» (1924 г.)).

Среди писателей были и лица, занимавшие примиренческие позиции и признавшие факт колонизации, например Ли Гвансу, треть века остававшийся крупнейшим романистом страны, в конце 30-х гг. вступил в явный политический союз с колонизаторами, а в феврале 1945 г. призвал корейцев содействовать победам Японии на фронтах. Именно таким писателям захватчики создавали все условия для творчества и спокойной жизни.

Поэзия колониального периода продолжает традицию «свободного стиха» *чаюси*, она представлена именами Чу Ёхана (1900 – 1979 гг., «Пуллори» / «Пожар» (1919 г.)), Ким Соволя (1902 – 1934 гг., «Чиндалле ккот» / «Багульник» (1925 г.)), Ли Санхва (1901 – 1943 гг., «Мадонна»). Большинство писателей и поэтов (Ли Юкса (1904 – 1944 гг.), Юн Тонджу (1917 – 1945 гг.) и многие др.), несмотря на преследования и нужду, стремились своими произведениями пробудить национальное достоинство народа. В начале 20-х гг. появляется новое творческое поколение корейского общества: литераторы, кинематографисты, актеры, чья работа была связана с демократическим протестом против колониальных порядков.

Литература «нового направления» представлена рассказами и новеллами На Дохяна (1902 – 1927 гг.), Чо Мёнхи (1892 – 1937 гг.), Ли Иксана (1895 – 1932 гг.), Чхве Сохэ (1901 – 1932 гг.). Важнейшими произведениями 20 – 30-х гг. стали романы Чхве Сохэ «Тхальчхульги» / «Бегство» (1925 г.), Чо Мёнхи «Нактонган» (1927 г.), Ли Гиёна (1895 – 1984 гг.) «Кохян» / «Родина» (1934 г.), Хан Соля* «Хванхон» / «Сумерки». Их патриотическая проза отразила бедственное положение согнанного с земли новыми хозяевами корейского крестьянства, безысходность положения национальной интеллигенции, страдания корейцев на чужбине. В отличие от произведений буржуазных романистов сюжеты авторов нового направления подчеркнута драматичны и адресованы широкому кругу читателей, часто они

прибегают к патетике и гиперболе в описании антагонизмов общества. В конце 30 – начале 40-х гг. в литературном мире появляются новые имена – Ли Сан (1910 – 1937 гг.), Ли Хёсок (1907 – 1942 гг.), Ким Юджон (1908 – 1937 гг.), Пак Тхэвон (1909 – 1987 гг.), Чхэ Мансик (1902 – 1950 гг.), Хон Мёнхи (1888 – ? гг.) и др. В литературной среде формируется направление модернизма («чистая поэзия» *сунсуси*), его пионерами принято считать Чон Чийёна (1903 – ? гг.) и Ким Ённана (1903 – 1950 гг.), близко к ним стоит «экспериментальная» поэзия Ли Сана и творчество группы *сэнмёнпха* («жизненной поэзии») в составе Со Чонджу (1883 – 1978 гг.), Ю Чхихвана и некоторых других молодых поэтов.

Литераторы нуждались во взаимной поддержке и сплочении сил для противостояния колониальному режиму, поэтому в 20 – 30-е гг. создаются и действуют их творческие союзы Ёмгун и Пхаскюла, задачей которых было создание литературы для простого народа. Симпатизировавшие марксизму писатели в 1927 г. сплотились в Федерацию пролетарских писателей. В ее рядах состояли прозаики Ли Гиён, Сон Ён, поэты Пак Пхарян, Пак Сеён. Пролетарские писатели подчеркивали классовую направленность творчества, рисовали образы революционеров-патриотов, предсказывали победу социалистических сил в ходе борьбы с колониализмом.

На патриотических и пролетарских писателей обрушивался весь репрессивный аппарат колонии, многие из них погибли, бежали за границу, по несколько лет провели в заключении. В конце 30 – начале 40-х гг. японские власти стимулировали создание официальной литературы Кореи, поэтому вновь возобладало буржуазное направление. Интересной является творческая традиция, сложившаяся в рамках партизанского движения, развивавшегося в 30-е гг. в Северной Маньчжурии. Здесь сочинялись революционные песни, ставились короткие комедийные представления. Более серьезными произведениями являются патриотические романы и пьесы анонимных авторов: «Котпханын чхоннё» / «Цветочница») и «Пхипада» / «Море крови») и др.

5.5. Драматическое и изобразительное искусство

Театры колониальной Кореи пытались в новых условиях продолжать традиции Хёксиндан, в 20-е гг. появилось множество трупп, но жизнь их была довольно коротка. Самым высоким уровнем драматического искусства славился Тховольхе («Общество земли и луны», 1922 г.), создан он был Ким Гиджином (1903 – ? г.) и Ким Бокчином (1901 – 1941 гг.). Они получили образование в Японии и ставили мировую

классику: «Воскресение» Л. Толстого, «Кармен» П. Мериме и т. д. Изучением европейской и русской драмы занималась труппа «Сирхом мудэ» («Экспериментальная сцена»), поставившая «Вишневый сад», «Ревизор», Шекспира, Ибсена, Голсуорси, Чапека.

С середины 20-х гг. в театральные круги выделяется пролетарское направление («Уличный театр» в Тэгу, «Синяя блуза» в Сеуле). Ставились европейские классические пьесы и сочинения молодых национальных драматургов Сон Ёна и Ким Ёнхаля (1904 – ? гг.). В начале 30-х гг. на эти театры была обрушена волна репрессий, и они закрылись. Дольше других продержалась труппа «Синконсоль» («Новое строительство», 1932 г.), ее пьесы по роману Э. Ремарка «На западном фронте без перемен» пользовались особым успехом.

В начале 30-х гг. в Сеуле сложилась оперная труппа «Самчхолли кагыктан», ей принадлежит приоритет первых опереточных постановок.

Начало 20-х гг. – время появления в Корее кинематографа, оно связано с творчеством На Унгю (1902 – 1937 гг.), уже в 1923 г. выпустившим два отечественных фильма. В 1926 г. он создает первую звуковую картину «Ариран», пользовавшуюся огромной популярностью в стране. В начале своей карьеры На Унгю обращался исключительно к лирической и любовной тематике, но в конце 30-х гг. он снимает фильмы о нищете и нарастающем гнев крестьянства. Такой поворот не устраивает власти, и для режиссера наступают черные дни.

Много усилий прилагают корейские артисты в годы колониального господства для спасения национального музыкального искусства и хореографии. Союз корейских композиторов объединил в своих рядах наиболее талантливых музыкантов и танцоров. Традиции корейской оперы чхангык продолжали Ан Гиок, Пак Тонсоль, Чон Намхи. Песенное искусство в национальном стиле развивал композитор Ли Мёнсан. Национальный танец культивировала Чхве Сынхи, известная танцовщица и балетмейстер.

В условиях японских репрессий и острого идейного противостояния работали художники Ким Бокчин, Ли Сандэ, Кан Хо, Ким Ирён, Юн Саньёль. Часть из них тяготела к марксизму, например Ли Сандэ по газетной фотографии написал первый в Корее портрет В.И. Ленина. В живописи утверждалось классовое направление, связанное с Корейской федерацией пролетарского искусства (основана в 1925 г.). Работ пролетарских художников сохранилось мало.

5.6. Архитектура

Присутствие японских колонизаторов стимулировало развитие промышленного и капитального строительства, транспортной инфра-

структуры на Корейском полуострове. Большинство объектов не отличались художественной ценностью, поскольку они носили явно выраженный утилитарный характер. Из их числа выделяется ряд столичных зданий, построенных в европейском стиле. В традициях поздней классики выдержано здание Национального банка Кореи (1912 г.), сеульского железнодорожного вокзала (1925 г.). Романское зодчество представлено храмом англиканской церкви (1916 г.) и сеульским муниципалитетом (1925 г.).

С 30-х гг. европейские архитекторы прекращают работу в Корее, и ведущая роль в проектировании и строительстве переходит в руки японских специалистов. Этот период связан с упадком национальной архитектуры, поскольку корейские мастера не имели возможности самостоятельно творить и работали под руководством колониальной администрации. Большинство сооружений колониальной эпохи отвечало японским архитектурным вкусам того времени, для них была характерна модификация исторических европейских стилей. Среди административных, промышленных, финансовых и учебных заведений особо выделялось помпезное здание японского резидентства с мощной колоннадой в классических традициях эпохи Возрождения (1925 г.). Работали в колониальный период и корейские мастера; следует отметить Пак Кирёна (1898 – 1943 гг.) и Пак Тонджина (1899 – 1981 гг.), построивших здание универмага «Хвасин» и главный корпус Корейского университета (Сеул). К 1941 г. относится первая попытка застройки некоторых районов Сеула одноэтажными жилыми домами европейского типа, но их активное строительство началось только после окончания второй мировой войны.

Со второй половины 30-х гг. колониальные власти сделали все, чтобы поставить творческие круги страны на службу своим интересам. Пролетарские союзы мастеров были запрещены и заменены прояпонскими объединениями. В результате тотального контроля и подавления здоровых сил культурная традиция 40-х гг. не оставила сколько-нибудь заметного влияния и наследия.

Корейский народ не мог самостоятельно сбросить оковы ненавистного колониализма, долгожданная свобода была получена лишь в результате поражения Японской империи во второй мировой войне в августе 1945 г.

КУЛЬТУРА КОРЕИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

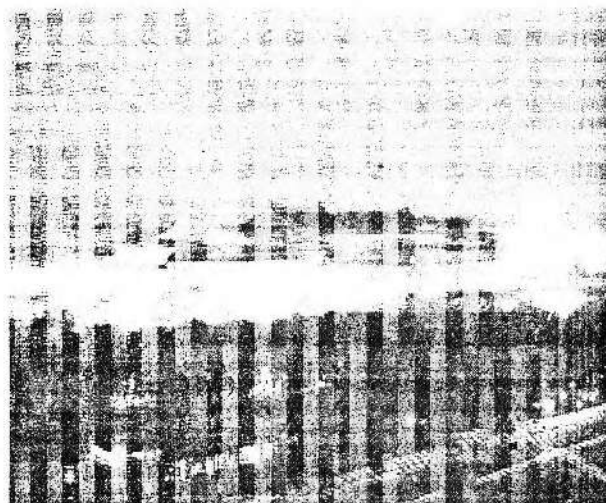

Рис 6.1. Ночной Пхеньян. Вид на
Дворец народной учёбы

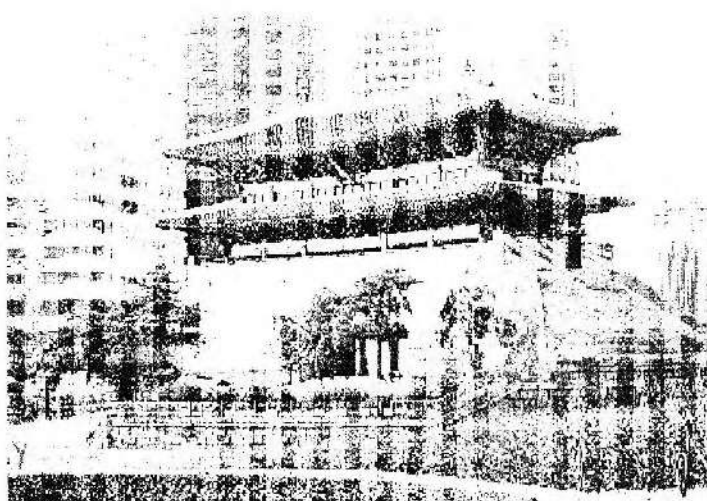

Рис 6.2. В облике современного Сеула
причудливо сочетаются памят-
ники старины и новые архи-
тектурные формы

6. КУЛЬТУРА КОРЕИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Победа союзников по антигитлеровской коалиции в войне с милитаристской Японией принесла народу Кореи долгожданную свободу, однако ее следствием явился раздел полуострова на советскую и американскую оккупационные зоны с последующим провозглашением двух корейских государств. 15 августа 1948 г. было объявлено о создании Республики Корея (далее – РК), а 9 сентября – Корейской Народно-Демократической Республики (далее – КНДР). Конфронтация между США и СССР в конце 40-х гг. привела к развязыванию трагической братоубийственной войны в 1950 – 1953 гг. С этого момента и до сентября 1992 г. оба корейских государства продолжали находиться в состоянии войны, отношения между ними регулировались Соглашением о перемирии, поэтому практически отсутствовали какие-либо экономические, политические и культурные контакты. Лишь с начала 90-х гг. ситуация начинает меняться к лучшему, но процесс этот осложняется рецидивами прошлого.

Формирование антагонистических по своей идейной основе режимов, взаимная вражда и недоверие привели к культурной обособленности КНДР и РК. Оба корейских государства претендовали (и сохраняют своих претензии по сей день) на исключительное право представлять нацию на мировом уровне, в том числе и в культурном отношении. Результатом длительного отсутствия межгосударственных контактов стало формирование особой культурной среды в каждом из них. Причем даже истоки национальной культуры в КНДР и РК определяются по-разному. В 80-е гг. в Северной Корее сосредоточили внимание на изучении и возрождении культурных традиций Когурё, считая их этнической и культурной основой нации. В свою очередь, Южная Корея явно тяготеет к культурному комплексу, сложившемуся в королевстве Корё и основанному на силланских традициях. Взаимная изоляция культурной среды КНДР и РК отразилась даже на языковых аспектах: в настоящее время признается существование двух вариантов языка – северо- и южнокорейского.

Существенное воздействие на развитие современной культуры корейского народа продолжают оказывать внешние факторы. В южной части Корейского полуострова в результате тесного сотрудничества РК с США и западным миром наблюдается развитие современной массовой культуры с явным влиянием американского образа жизни, но в то же время здесь очень бережно охраняют собственные национальные традиции. В КНДР культура попала в прямую зависимость от идеологии, она основана на

сформировавшемся под влиянием СССР и КНР классовом пролетарском подходе и культе партийного руководства.

6.1. Современная культура КНДР

Культурное строительство в КНДР определяется общим политическим курсом Трудовой партии Кореи, и опирается на следующие принципы: партийность, приверженность идеалам социализма и коммунизма, приоритет интересов пролетарских слоев общества. В Северной Корее культуру считают важнейшей составляющей идеологии, поэтому ее развитие тесно связано с практикой социалистического строительства. Главной задачей в современных условиях считается поддержание культа партийно-государственного руководства и обоснование идей чучхе как официальной идеологической доктрины ТПК и всего северокорейского общества. Идеология чучхе сочетает в себе основные принципы марксизма-ленинизма и традиционного дальневосточного национализма, в том числе культ личности руководителя. Национальная составляющая культурного комплекса в КНДР воспринимается лишь как косвенный инструмент воспитательного воздействия на народ; все, что не вписывалось в официальную доктрину, было уничтожено в годы культурной революции, сопровождавшей процесс социалистического строительства в 50 – 60-е гг. Ситуация часто доходила до абсурда, так например к песенно-частушечной традиции XVIII в. «Ариран» было добавлено несколько куплетов о социализме, партии и вождях, их исполнение является обязательным.

Формирование культуры КНДР в ее сегодняшнем состоянии началось с конца 40-х гг., когда присутствие советских войск в Северной Корее определило выбор в пользу социализма. В 40 – 50-е гг. северокорейский режим прямо копировал советские образцы и методы общественного и культурного строительства, огромную роль в становлении экономики, культуры и политической системы КНДР сыграли многочисленные советские специалисты, направленные в Северную Корею после ее освобождения, большинство из них были корейцами. Многие заняли важные посты в государственной и партийной иерархии КНДР, так Хо Гаи, первый секретарь ЦК Трудовой партии Кореи – не кто иной, как Алексей Иванович Хегай, партийный работник среднего звена в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны. Он активно занимался вопросами партийного и культурного строительства в Северной Корее, проводя в жизнь курс на «советизацию» КНДР, т.е. на обеспечение в Пхеньяне режима, максимально устраивавшего советское руково-

лство и соответствовавшего его представлением о народно-демократической революции.

Прерванный войной 1950 – 1953 гг. процесс культурного строительства был продолжен в последующий период, но с середины 50-х и до начала 60-х гг. в жизни КНДР произошел крутой перелом, ознаменованный отходом от просоветской ориентации; преобладавшая в пхеньянских коридорах власти «советская» группировка была физически уничтожена. Первый удар был нанесен в декабре 1955 г., когда пленум ЦК ТПК вскрыл ошибки в области культурного строительства, некоторые партийные руководители обвинялись в отсутствии должного внимания к произведениям северокорейских писателей. На шит было поднято творчество председателя правления Союза писателей КНДР Пак Серья, с этого момента его стали преподносить как «живого классика», что не помешало впоследствии репрессировать и его самого. Доклад Ким Ирсена на пленуме послужил сигналом к преследованию советских корейцев. В 1956 г. северокорейская сторона предпринимает усилия по ограничению советского культурного влияния: сокращается трансляция московского радио на корейском языке, ликвидируются местные отделения Общества корейско-советской дружбы, постановки советских авторов изымаются из репертуаров корейских театров, упраздняется Институт иностранных языков, в котором шло обучение преимущественно русскому языку, его преподавание в других вузах существенно сокращается и переводится на факультативную основу, ярый ненавистник всего советского Пак Серья становится министром просвещения. Политический кризис 1956 г. закончился полной победой Ким Ирсена и открыл ему путь к абсолютной власти. Началась пропаганда собственных культурных и моральных ценностей и идей чучхе, направленных на установление культа личности Ким Ирсена и освобождение от иностранного (советского и китайского) влияния в области идеологии. Критика культа личности Сталина на XXII съезде КПСС переполнила «чашу терпения» северокорейских руководителей, и до середины 60-х гг. они максимально сближаются с Китаем. С 1965 г. в КНДР раздается критика «догматизма и перегибов культурной революции» в Китае, и с этого времени Пхеньян успешно лавирует между двумя сверхдержавами.

К началу 60-х гг. в стране окончательно сложился культ личности партийного и государственного вождя Ким Ирсена; с конца 70-х он сочетался с активной пропагандой в пользу его сына и будущего «престолонаследника» Ким Ченира, который официально получил этот статус на VI съезде ТПК в 1980 г. Все это происходило на фоне экономической стагнации, падения жизненного уровня большинства населения. Стабильность режима обеспечивалась только за счет жесткого контроля над собственным

народом усилиями разветвленного репрессивного аппарата в сочетании с массовой идеологической обработкой.

На протяжении 80-х и 90-х гг. ситуация только усугублялась, распал социалистическое сотрудничество и происшедшие в начале 90-х гг. перемены в СССР нанесли северокорейской экономике смертельный удар. Прекращение советской помощи ускорило экономическую катастрофу. Середина 90-х принесла стране массовый голод и гибель тысяч людей, однако власти ни на йоту не отходили от избранного пути. Смерть вождя в июле 1994 г. не положила конец его культу, Ким Ирсена чтят до сих пор, а по конституции 1998 г. он является «вечным президентом КНДР». В то же время усиливается культ нового руководителя Ким Ченира.

6.1.1. Идеология, образование и религия

Задачи воспитания общества в духе чучхейской идеологии решает система обязательного среднего и высшего образования КНДР. Образование здесь бесплатное, среднюю школу заканчивает практически вся молодежь. Обучение девочек и мальчиков в школах ведется раздельно. К 1949 г. неграмотность в Северной Корее была практически ликвидирована, с 1956 г. введено всеобщее обязательное начальное образование, а в 1975 г. – всеобщее обязательное 11-летнее обучение, в рамках которого сочетается среднее и техническое образование. Всего насчитывается 10 тыс. школ. Студенты техникумов и вузов получают государственные стипендии, бесплатную форму и учебники. В середине 90-х гг. в школах, техникумах и вузах страны обучалось свыше 5 млн. чел. Большое внимание уделяется воспитанию детей в яслях и детских садах. Еще на этапе дошкольного воспитания начинается пропаганда идей социализма и духа преданности ТПК и лично Ким Ирсену и Ким Чениру.

Идеология определяет и состояние высшей школы КНДР. В университетских программах явно ощущается засилье общественных наук, стержнем которых являются чучхейская философия и история ТПК; изучение технических и специальных дисциплин отходит на второй план. Система высшего образования включает учительские институты и профессиональные техникумы с двухгодичным сроком обучения, вузы и втузы; к началу 90-х гг. в стране насчитывалось более 250 вузов и около 600 средних специальных учебных заведений, преобладали технические. Ведущую роль играют Государственный университет им. Ким Ирсена (открыт в 1946 г. в Пхеньяне; на его 14 факультетах обучаются более 12 тыс. студентов) и Чхонджинский политехнический институт. К числу главных вузов страны можно отнести Пхеньян-

скую консерваторию, Институт иностранных языков, Медицинский институт, Институт народного хозяйства, Пхеньянский политехнический институт; все они расположены в столице. Право поступить в пхеньянские вузы предоставляется далеко не каждому выпускнику средней школы – лишь лучшие ученики и семьи со связями получают направления на вступительные экзамены в столицу, остальные довольствуются провинциальными институтами и техникумами, а большая часть идет на производство и в армию.

Корейские студенты и школьники очень организованны и дисциплинированы, они одеты в форму одинакового покроя и цвета, направляются в школу и возвращаются с занятий организованными колоннами, которые формируются по месту жительства. После уроков и в выходные дни под руководством пионервожатых и преподавателей строем и с громкими песнями идут на стадион, в музей или на работу по благоустройству города. Их звонкие голоса слышны с раннего утра до сумерек, дети поют о социалистической родине, о Трудовой партии Кореи и ее вождях, о боевых подвигах старшего поколения и тяжелой участи своих сверстников в Южной Корее. Труд и учеба, идеологическая обработка – важнейшая составляющая политики ТПК по отношению к молодежи. Ее культурный и образовательный уровень не выдерживает критики, поскольку усилия властей направлены на то, чтобы граждане страны знали как можно меньше.

Зарубежная история и литература не изучаются ни в школе, ни в вузах, от иностранной культуры и литературы корейцы надежно ограждены. Интерес ко всему иностранному не просто бичуется северокорейской пропагандой, но и может стать поводом для репрессий. В качестве собственно корейского в КНДР преподносится весьма своеобразный культурный пласт – культура чуждейская. О собственной традиционной культуре корейского народа умалчивается; определяется она как «реакционно-феодалная», поэтому современному среднестатистическому гражданину КНДР она мало знакома. Линия на подмену достижений национальной и мировой культуры искусственно созданной чуждейской культурной средой создает в стране культурный вакуум, заполненный идеологизированным суррогатом: в книжных магазинах большинство литературы – это труды двух северокорейских вождей и различные псевдонаучные комментарии к ним, художественные музеи заполнены произведениями о Ким Ирсене и его семье или же материальным воплощением основных северокорейских лозунгов, выполненных в духе социалистического реализма, даже исторические и естественнонаучные экспозиции обязательно увязываются с образом революции и ее вождей. Но больше всего в КНДР *сэжжоккванов*, или «музеев рево-

люционных заслуг Великого вождя», представление об их экспонатах можно получить из одного лишь названия. В целом музейное дело КНДР чрезвычайно идеологизировано, эти учреждения культуры призваны, в первую очередь, решать пропагандистские задачи. Центрами идеологической обработки населения стали расположенные в Пхеньяне Музей корейской революции, Музей побед в Отечественной освободительной войне, мало уступает им Центральный исторический музей, большая часть экспозиции которого посвящена заслугам вождя в деле создания и развития КНДР. На этом фоне большой интерес представляют Музей этнографии и Корейская художественная галерея.

Характерная черта северокорейского общества – полная монополия властей на информацию, она обеспечивается целым рядом запретительных мер и системой карательных органов. Здесь запрещена продажа радиоприемников со свободной настройкой, преследуется несанкционированное общение с иностранцами, запрещено распространение зарубежных печатных СМИ. Любое нарушение запретов сурово наказывается. Рядовые граждане получают лишь ту информацию, которую сочли необходимым довести до них официальные органы, поэтому у северокорейской пропагандистской машины нет ни внутренних, ни внешних конкурентов. Уже три поколения граждан КНДР выросли в условиях интенсивного воздействия одних и тех же пропагандистских установок. Конечно, в них нередко вносятся коррективы, но они не имеют принципиального характера. Сочетание трех факторов: полной информационной изоляции страны, интенсивности и навязчивости официальной пропаганды, а также стабильность ее основных тезисов – делает идеологическую ситуацию в Северной Корее исключительной и, как это ни прискорбно, весьма эффективной.

Конституция КНДР предусматривает свободу совести, однако религиозный фактор практически не играет осязаемой роли в современной культуре страны. Приверженность марксистским принципам привела к всепоглощающему торжеству атеизма в мировоззрении северокорейцев. Уже в 60-е гг. власти КНДР официально объявили, что в стране «с развитием новых общественных отношений, оказавших огромное воздействие на сознание людей и их мировоззрение, больше не существует каких-либо значительных действующих религиозных групп или сект». Лишь на бытовом уровне в качестве суеверий можно предполагать сохранение отдельных элементов различных религиозных систем, характерных для корейцев. Уже давно здесь поклоняются не огромным фигурам богов-покровителей земледельцев, ремесленников и воинов, сохранившимся в буддийских храмах Мёхянсана, а не менее грандиозным памятни-

кам вождям: отцу и сыну. Но в народной среде, помнящей культ предков, сохраняются очень глубокие чувства почитания умерших родственников, бытовые обряды и суеверия. Формально действующие культовые учреждения появились в КНДР только во второй половине 80-х гг., когда республика пыталась выйти из международной изоляции и укрепить свой престиж на мировой арене.

6.1.2. Наука

Наука КНДР не в меньшей степени зависит от идеологии, много усилий и средств направляется на изыскания в области марксизма-ленинизма и чучхе как его «высшей стадии». Созданы целые НИИ, занятые исключительно проблемами социализма и работающие на поддержание культа руководителей. В вузах и других учебных заведениях ввели преподавание специально разработанного раздела марксистско-ленинской философии *сурёнган* (в вольном переводе – «вождеведение»). В Пхеньяне был создан Институт долголетия, занятый проблемой поддержания здоровья и работоспособности Ким Ирсена и его приближенных.

Серьезное воздействие идеологических установок испытала на себе северокорейская историческая школа. С середины 60-х гг. марксистско-ленинский догматизм историков КНДР начал подменяться идеологией чучхе, и развитие исторической науки стало приобретать не только националистические, но откровенно шовинистические черты. В сегодняшней официальной истории Северной Кореи историческая правда подменена мифологией, часто не имеющей ничего общего с научным знанием. Это относится не только к далекому прошлому, но и к настоящему страны. Мифологизация и прямая фальсификация отечественной истории призваны служить оправданию и укреплению культа вождя и личной диктатуры семейства Кимов. Общество КНДР окончательно утратило ощущение исторической реальности. Официальная мифотворческая машина не останавливается даже перед такими грубейшими и слепыми действиями как «обнаружение» в окрестностях современного Пхеньяна могилы легендарного предка корейцев Тангуна или объявление древней Японии корейской колонией.

Еще большим фальсификациям подверглась новейшая история страны, переписанная в угоду официальной идеологии культа личности и превозносящая заслуги участников антияпонской вооруженной борьбы партизан, возглавленных лично Ким Ирсеном. Дошло до того, что северокорейские историки не просто замалчивают или игнорируют, но даже отрицают роль СССР и США в разгроме японских колонизаторов на Корейском полуострове. Одностороннее выпячивание партизанского движения 30 – 40-х гг. привело к искаженному пони-

манию исторического процесса не только XX в., но и всей отечественной истории. Новейшая история становится летописью подвигов Ким Ирсена и его родственников, вряд ли биография еще какого-либо лидера в мировой истории была до такой степени раздута и фальсифицирована. Авторы современных учебных пособий и научных исследований КНДР считают движущей силой общественного, в том числе культурного, развития «вековую борьбу корейского народа с внешними врагами»; значение внутренних факторов, а также огромное влияние китайской культуры на всю историю Кореи и ее культуру северокорейской наукой игнорируется.

В то же время не следует преуменьшать и реальных достижений северокорейских ученых в научно-технической сфере. Первые научные учреждения в социалистической Корее были созданы в 1947 г., среди них можно назвать Комиссию по составлению истории Кореи, Общество по изучению корейской филологии при университете им. Ким Ирсена. Несколько лет спустя возникли первые НИИ технического профиля, а в октябре 1952 г. был создан координирующий и направляющий центр всей науки страны – Академия наук КНДР. Решение народнохозяйственных задач в годы индустриализации и аграрной революции (вторая половина 50-х) и в период создания аграрно-индустриальной экономики (60-е гг.) потребовало создания соответствующего научного потенциала. Большую роль в развитии северокорейской науки сыграла многосторонняя научно-техническая помощь Советского Союза. Сотрудничество между двумя странами в 40 – 80-е гг. предусматривало связи между ведущими научными центрами, проведение совместных исследований, выпуск монографий и обмен специалистами, кроме того, в вузах и НИИ СССР были подготовлены более 2 тыс. корейских ученых, почти 300 граждан КНДР окончили аспирантуру в Советском Союзе. На советских предприятиях прошли практическое обучение и ознакомились с достижениями советской науки и техники десятки тысяч специалистов из социалистической Кореи.

Особое внимание северокорейские ученые всегда уделяли решению проблем, способствующих развитию страны. Широко велись исследовательские работы в направлении поиска рациональных путей использования отечественной топливно-сырьевой базы, повышения урожайности сельскохозяйственных культур и их устойчивости к неблагоприятным факторам. Итогом самоотверженной работы явилось решение целого ряда актуальных для народного хозяйства КНДР задач. Крупнейшим достижением отечественной науки следует считать создание синтетического виналонового волокна, позволившее решить проблему обеспечения

населения тканями и одеждой. Технологию производства виналона разработал патриарх северокорейской науки академик Ли Сынгги в 1961 г., его работы по прикладной химии получили международное признание, в 1968 г. (по другим источникам – в 1966 г.) Ли Сынгги был избран почетным членом Академии наук СССР. Для промышленности огромное значение имела разработка оригинальной технологии в области черной металлургии, позволившей заменить отсутствующий на полуострове кокс местными ресурсами. Интересы северокорейских ученых не ограничивались областью технических знаний, много было сделано для развития здравоохранения, естественных наук, изучения отечественной истории. Неоспорим вклад в историческую науку Кореи, сделанный творческим коллективом во главе с академиком Пэк Намуном (1895 – ? гг.), который в 1958 г. также был иностранным членом АН СССР. Международное признание получили достижения специалистов КНДР в сфере неорганической, органической, высокомолекулярной и аналитической химии. Академия наук КНДР в настоящий момент включает более трех десятков отраслевых институтов.

Целенаправленное развитие науки в КНДР в настоящее время позволяет рационально использовать природные богатства и полезные ископаемые страны, поддерживать высокий уровень агрономии, обеспечивать обороноспособность государства. Несмотря на катастрофическое состояние экономики и международную изоляцию, здесь ведутся разработки в области радиоэлектроники, автоматики и кибернетики. В конце 80-х гг. Северная Корея выходит на новый уровень развития науки, проводя собственные исследования по ракетным и ядерным технологиям, а также автоматизированному переводу с корейского языка (Политехнический институт им. Ким Чака).

6.1.3. Литература и искусство

Политика властей КНДР и ТПК в сфере культуры и искусства направлена на использование исторического наследия страны и достижений современной культуры в интересах социализма. Основопологающим понятием литературы и изобразительного искусства КНДР являются метод социалистического реализма и принципы партийности, в силу этого их главная задача, помимо воспитательной, сводится к отображению революционных традиций корейского народа и обоснованию преимуществ чуждого социализма. В ходе культурной революции и укрепления культа личности Ким Ирсена к началу 60-х гг. практически все оппоненты режима, даже потенциальные, были уничтожены. Установление тоталитарной системы, аналог которой трудно найти не только в современном мире, но и в ближайшем прошлом человечества, исключило любую возможность

для существования диссидентства как в организованной, так и в индивидуальной форме. Инакомыслие жестоко подавляется, поэтому северокорейская литература и искусство развиваются исключительно в установленных ТПК идеологических рамках, неофициальной культурной традиции практически не существует. Современному россиянину трудно воспринимать всерьез северокорейские издания, наполненные панегириками в честь Ким Ирсена и его наследия, а также преемника на посту государственного и партийного руководителя, однако именно этот «жанр» является ведущим в современной литературе и искусстве КНДР.

В марте 1946 г. была создана Ассоциация работников литературы и искусства Северной Кореи, провозгласившая своей задачей продолжение лучших традиций корейской демократической литературы 20 – 30-х гг. Освобождение Кореи от японского колониального ярма оказало огромное влияние на развитие творческого потенциала КНДР. Литература и драматургия Северной Кореи основывались на эпическом жанре революционного романа, посвященного антияпонскому партизанскому движению в 30-е гг. и борьбе за социалистическое переустройство или коротких прозаических произведениях (повестях, рассказах, пьесах о войне 1950 – 1953 гг. и социалистическом строительстве). До второй половины 60-х гг. создавались действительно интересные в художественном отношении работы, получившие в КНДР широкую известность. К их числу относятся произведения Ли Гиёна: повесть «Возрождение» (1946 г.) и роман «Земля» (1948 г.) – явно испытавшие влияние творчества М. Шолохова и посвященные строительству новой жизни в корейской деревне. Одним из самых заметных произведений на тему борьбы с японскими колонизаторами стал роман «Отечество» Пак Унголя. Формирование характера нового человека в условиях социалистического строительства прослеживается в романе Юн Сичхоля «Родная земля», описывающем сложность социалистического выбора Северной Кореи, и в повестях и рассказах Ли Бунмёна, Хван Гона, Юн Седжуна, Чхве Мёника, Ли Донгю, в поэтических сочинениях Чо Гичхона, Мин Бёнгюна и других поэтов и прозаиков 40 – 50-х гг. В годы Корейской войны написано много произведений о героизме солдат и простых людей КНДР (поэзия Ан Нёнмана, Пак Сеена, Ким Джогю, проза Хван Гона, Юн Сичхоля и др.).

Примерно такой же тематики придерживаются поэты и драматурги 60-х гг. Революционная традиция (поэма Ким Хагёна «Юный партизан») и практика социалистического строительства в их произведениях сопровождаются рассказом о тяжелой доле простого народа в Южной Корее (драма Ли Джонсуна и Чхве Гёна «Так больше жить нельзя»). К героическому

прошлому корейского народа в этот период литераторы обращаются крайне редко; следует выделить лишь исторический роман Чхве Мёника «Отец Сосан». В 50 – 60-х гг. активно переводятся и издаются произведения русской и советской литературы, но с середины 60-х гг. это случается все реже и реже. Творчество драматургов Сон Ёна, Нам Гунмана, Пак Ёнбо касалось преимущественно антияпонской партизанской борьбы корейского народа и событий войны 1950 – 1953 гг.

На развитие театрального искусства КНДР оказало влияние знакомство с лучшими образцами русской, советской и мировой драматургии. Вскоре после освобождения в театрах Кореи были показаны спектакли К. Тренева «Любовь Яровая», А. Корнейчука «Платон Кречет», К. Симонова «Русские люди» и др. В 60-е гг. корейский театр разрабатывал новые пути развития, искал новые идейно-художественные средства воздействия на зрителя. Государственный драматический театр (г. Пхеньян) поставил ряд национальных спектаклей – «Зеленая сосна», «Пусан», «Наша мать» (Ким Сон), «Над уровнем моря».

Заметное место в театральной жизни КНДР занимал музыкальный театр, представленный жанром современной оперы. Традиционная музыкальная драма чхангык трансформировалась в жанр революционной оперы кагык, развивающийся на театральной сцене КНДР и в настоящее время. Повествуя о партизанском движении и борьбе с колонизаторами, кагык отличается не только сюжетом: большее внимание уделяется сценическому оформлению спектаклей, выразительным музыкальным средствам, использованию хоровых и танцевальных приемов. Практически все спектакли жанра кагык – «Расскажи, тайга!» (Ли Мёнсан, Син Досон, Сон Ён), «Мать Кореи» (Ли Мёнсан, Ли Чонджон, Ким Гирхак), «Море крови» и «Цветочница» (официально созданы коллективами авторов под руководством Ким Ирсена) – ставятся и современными художественно-театральными труппами страны. В 50 – 60-е гг. в КНДР осуществлена постановка опер М. Глинки «Иван Сусанин» и П. Чайковского «Евгений Онегин». Некоторые оперные («Флотоводец Ли Сунсин», Пак Тонсилль, Чо Сансон, Пак Тхэвон) и балетные («Ке Ворхянь») спектакли были посвящены героизму корейского народа в годы Имджинской войны. В 60 – 70-е гг. активно работает новое поколение северо-корейских писателей и драматургов: Пак Тхэвон, Сок Юнги, Чхон Себон, Ким Бёнхун, Им Чхунджу, Пак Сану, Чон Мунхян и многие др.

Со второй половины 60-х гг. под явным воздействием культурной революции в КНДР на северо-корейской сцене формируется оригинальный жанр революционной музыкально-хореографической миниатюры, передающий всю ту же сюжетную гамму, но новыми музы-

кальными и танцевальными методами. Данный вид современного искусства надолго заменил национальную песенную и хореографическую традицию и поддерживается по сей день (музыкально-хореографические композиции «Утренняя заря», «Песнь о вольном крае» и др.).

Весь послевоенный период творчество писателей и драматургов характеризуется стремлением к эпическому отображению жизни, создаются широкие литературные полотна о героическом прошлом нации, трудовых и боевых свершениях социалистической Кореи, достигнутых под «мудрым руководством великого вождя и ТПК», эти произведения не оставили заметного следа в литературе, однако они преподносятся в качестве вершины литературного творчества, и чем чаще в них идет речь о Ким Ирсене, тем больше у авторов оснований претендовать на роль очередного литературного шедевра.

Особое место в литературе и драматургии КНДР занимает южнокорейская тематика и проблема объединения родины. В произведениях Пак Тхэвона (роман «Рассвет над Родиной»), Сок Юнги (эпопея «Рождение эпохи» и роман «Густо растущие подсолнухи»), Чхон Себона (романы «История бедствий» и «Новый берег в тумане»), Ли Гиёна (повесть «Судьба одной женщины») выражены искренняя боль разделенной нации и ее стремление к воссоединению, в то же время авторы данных сочинений идут на прямую фальсификацию многих исторических событий и искажают реальное положение дел в Южной Корее, внушая своим читателям илею о «неисчислимых страданиях и бедствиях соотечественников в условиях реакционного южнокорейского режима».

В 80-е гг. внимание общественности КНДР привлекли романы и повести Квон Денуна («Дыхание эпохи»), Тен Денги («Горный хребет Тхэбэксан»), Ким Дону («Родина солдата»), Ким Бохёна («Рабочая смена»), Чон Чхамюна («Канонада»), Ан Дончхуна («Горы») и Ким Бончхоля («Памяти друзей»). Тематика и идейная направленность литературных произведений практически не изменились, но в них чаще стал появляться образ «любимого руководителя» Ким Ченира, особенно в тех сочинениях, которые были адресованы молодежной аудитории и описывали хозяйственное строительство на современном этапе.

Некоторое потепление в отношениях между СССР и КНДР во второй половине 80-х гг. оживило интерес корейского читателя к художественной литературе русских и советских авторов, в стране появились переводные издания произведений С. Есенина, Д. Фурманова, А. Фадеева, Б. Полевого, М. Шолохова, К. Симонова, А. Чаковского, Ю. Бондарева, Ч. Лйтматова, многих русских классиков. Впервые северо-корейский режим разрешил издание 100-томной «Библиотеки мировой литературы»

и 90-томной «Библиотеки мировой детской литературы», однако приведенный ниже перечень дает нам реальное представление о том, на какой основе осуществлялся подбор произведений для этих крупнейших изданий: русская и советская литература представлена в них М. Салтыковым-Щедриным (сатира), М. Горьким («Мать»), Н. Островским («Как закалялась сталь»), А. Чаковским («Блокада»), А. Гайдаром («Сказка о Мальчише-Кибальчише») и т. п.

Важным средством идеологического воздействия на население становится кинематограф. Первый полнометражный звуковой художественный фильм «Моя родина» (Кан Хонсик) вышел в 1949 г. С середины 50-х гг. ежегодно создается до двух десятков художественных фильмов, экранизирующих лучшие произведения литературы и оперно-драматические произведения. Многие ленты рассказывали о корейской войне («Юные партизаны», 1951 г.), но большинство было связано с производственной тематикой, повествующей об успехах и трудностях социалистического строительства в КНДР. К этому времени относятся и экранизации знаменитых литературных трудов прошлого: «Сказание о Чхунхьян» (режиссер Юн Ёнпо), «Сказание о Симчхон» (Ким Наксон). Большой вклад в киноискусство внесли режиссеры Чхон Санин, Чон Донмин, О Ёнчхо, Хан Хичхоль. К 60 – 70-м гг. относятся популярные в КНДР кинокартины «Сквозь бурю», «У нас есть родина», «Красный цветок» (1964 г.), документальные ленты «Рис и вода», «Земля» и многие другие. Огромное количество фильмов 60 – 80-х гг. посвящено событиям минувшей войны, героизму бойцов северокорейской Народной армии, подвигам в тылу врага – «Невидимая граница», «Старшина», «Остров Вольми», «Красные крылья», «Не ждите нас», сериал «Неизвестные герои», который по популярности в Корее можно сравнить с советскими «Семнадцать мгновений весны». Современную тематику затрагивают киноленты «Четырнадцатая зима», «Простой человек», «Новая семья», «Цветущий край», «Оттепель». В КНДР работают 5 киностудий, ежегодно производится до 200 фильмов, примерно 50 из них – художественные, с 1959 г. технические и творческие кадры кинематографии готовятся в Пхеньянском институте театра и кино. Широким признанием пользуются режиссеры Ким Санрён, О Ёнчхо, Ким Ёнхо, Чо Ёнсун, актеры Ю Вонджун, Ким Сонен, Ю Ёнэ, Ким Рённин, Квак Мёнсо и др.

Максимально испытали на себе воздействие принципов социалистического реализма живопись и скульптура. Тематика работ Ли Пхальчхана, Чон Джонёна, Ким Ёнджуна, Ким Ингвана, Ли Кхведэ, Ли Чхана, Ким Игвана, Чон Гванчхолья, Ким Манхёна, Сон Лама, О Сону и других художников строится исключительно вокруг производства, боевого героизма и рево-

люционных традиций корейского народа. Особую роль приобретает плакатная живопись, изображение портретов партийных и государственных лидеров. Для современного изобразительного искусства КНДР характерно сочетание традиционной корейской живописи *чосонхва* (пейзажи, цветы, птицы и животные) с произведениями на современные темы. В различной манере работают наиболее именитые художники Тен Гванчер, О Дэхён, Ли Чхан, Ким Ёнхи, Кан Хальсу, Хун Сончхоль. Ряд мастеров (Ким Чхунджон, 1985 г., Чон Ёнман, 1987 г. и др.) отмечен наградами престижных международных выставок. Монументальный характер имеет национальная скульптура. Но тематика произведений меняется и здесь, зачастую незначительная художественная ценность изделия компенсируется его высоким идейным содержанием. Усилия скульпторов направлены на воспроизведение облика «великого вождя» и Ким Ченира.

В КНДР поддерживаются богатые национальные традиции в области декоративно-прикладного искусства. Не утрачено искусство изготовления тонких с удивительной узорчатой выработкой тканей из натурального шелка, которыми Корея славилась с давних пор. Но наибольшее развитие среди народных промыслов получило фарфоровое и керамическое производство. Современные художники-керамисты восстановили многие утраченные ранее секреты древних мастеров, они бьются над загадкой корейского селадона. Продолжают жить традиции корейской керамики и в сфере формообразования, многие изделия воспроизводят форму плода граната, дыни, лотоса или цветочной чашечки. Прекрасны северокорейские вазы – и небольшие, до 5 см размеров, и огромные, до 2,5 м. Традиционные вазы двустенные, снаружи они покрыты рельефами или орнаментированной решеткой. Белая северокорейская глазурь получила высокую оценку международных мастеров.

Многовековые традиции продолжают в лаковом производстве, особое распространение получила технология *налжон*, по которой на покрытую черным лаком поверхность с помощью рыбьего клея и рисового отвара наносят перламутровые пластинки, создавая затейливый узор нужной конфигурации. Интерес представляют картины *маннёнхва* («вечная живопись»), выполненные из перламутра и раковин, это сравнительно молодое направление прикладного искусства. К новым видам художественного ремесла КНДР можно отнести и объемные картины из перьев или ваты. Тонкой гармонией и необычайно яркой цветовой гаммой отличается северокорейская вышивка, очень близкая живописи по своим художественным принципам. Вышивку наносят на однотонный шелковый фон с помощью различных оттенков цветной шелковой нити. К традиционным направлениям

относятся также художественная работа по металлу, резьба по дереву, натуральному камню и кости.

Укрепление культа личности и охлаждение в отношениях с СССР, относящиеся к середине 60-х гг. сказались и на состоянии отечественной литературы и искусства. Начиная с конца 60-х гг. неприменным героем сюжета произведения в той или иной мере, в том числе иносказательно, становится Ким Ирсен, а с начала 80-х – и/или Ким Ченир. Поэтому произведений особой художественной ценности в это время практически не создано. Канонический образ Ким Ирсена, многократно воспроизведенный впоследствии, разработал художник Чан Хёктэ, создавший монументальное полотно «Главкомандующий, маршал Ким Ирсен» (1967 г.). Его повторил в бронзе коллектив скульпторов Пхеньянского художественного института, их работа «Главкомандующий» (1967 – 1968 гг.) стала основой для подражания других мастеров.

6.1.4. Архитектура

В 50 – 60-е гг. перед страной стояла задача не только поддержать культурное наследие прошедших эпох, но и восстановить разрушенное войной хозяйство. В 1953 г. был разработан генеральный план реконструкции и восстановления Пхеньяна и других городов. В тяжелых послевоенных условиях главным направлением архитектурно-строительного комплекса КНДР становится поиск наиболее рациональных и дешевых методов строительства. При этом авторские коллективы под руководством архитекторов Ким Джонхи, Кан Джохвана, Ли Хёна, Пак Акхвана, Син Сунгёна сумели объединить в своем творчестве современные принципы формообразования и национальные традиции. В таком духе застроена часть Пхеньяна, относящаяся к периоду 50 – 70-х гг. Среди значительных сооружений этого времени следует назвать Большой театр (1960 г.), здание театров «Моранбон» и «Мансудэ» (1976 г.), Пхеньянский железнодорожный вокзал, дворцы пионеров, Дворец народной культуры (1974 г.), Дворец культуры им. 8 февраля (1975 г.), ряд музеев в столице. Замечательным сооружением в национальном стиле является Хамхынский художественный театр. Все эти памятники архитектуры отмечены гармоничным сочетанием национальной традиции и современных форм.

Варварские бомбардировки американской авиации уничтожили богатое историческое наследие северной части Корейского полуострова, подлинники памятники истории и культуры сохранились лишь в самых малолюдных внутренних горных районах. Поэтому в современной КНДР нелегко найти подлинную старину, несказанно повезло лишь важнейшему историко-культурному центру страны – г. Кэсону: он

практически не пострадал от событий 1950 – 1953 гг. Ученые Северной Кореи сумели точно определить местоположение многих разрушенных памятников и восстановить их облик на современной технической и материальной основе. Архитекторы удачно совместили современное градостроительство с национальным зодчеством, характерной особенностью которого является украшение зданий массивной многоярусной крышей с удлиненными закраинами; примером служит здание Дворца народной учебы (1982 г., г. Пхеньян), он стал центральной библиотекой КНДР и ее главным лекционным залом. Корейские строители возвели в столице и здания современного типа, облицованные керамическими плитками кремового, светло-зеленого или небесно-голубого цвета, придающими домам красивый, привлекательный вид. Украшают город и ажурные мосты через реку Тэдонган. В восточной части Пхеньяна был построен комплекс высотных зданий университета им. Ким Ирсена.

В начале 80-х гг. в столице возведены жилые кварталы *Мунсу* и *Чхангван*, Дом матери и ребенка, водноспортивный комплекс *Чхангванвон*. В середине 80-х гг. в связи с оживлением контактов КНДР с внешним миром начался новый архитектурно-строительный период, отмеченный влиянием современной архитектуры Японии и европейских стран. В это время построены высотное здание отеля «Корё», ряд других офисных и жилых зданий на улице *Нэкори* в Пхеньяне. В жилом микрорайоне *Кванбок* возведены дома повышенной этажности (20, 30 и 40 этажей), имеющие оригинальную архитектурную композицию.

Монументализм сталинского типа отразился в решении возвести 105-тиэтажную гостиницу в центре столицы, правда она до сих пор остается незавершенной. Новый, более современный, облик имеют возведенные на окраинах города жилые микрорайоны (их предполагалось использовать под олимпийскую, а затем фестивальную деревню, поскольку обсуждался вопрос о совместном проведении Олимпиады-88 в Сеуле и Пхеньяне). Основу строительной технологии этого периода составило монолитное строительство, поэтому здания 80-х гг. отличаются оригинальностью форм и лишены недостатков типовой застройки.

В середине 80-х гг. намечалось и некоторое ослабление идеологического диктата, в страну приехали представители интеллигенции из числа корейцев, проживающих в Японии, они принесли с собой некоторые представления о творческой свободе. Именно в этот момент наблюдается повышенный интерес к культурному наследию древнего государства Когурё, восстанавливаются древние танцы, костюмы. Этнографические номера становятся неотъемлемой частью любой концертной программы, по заказу телевидения снимаются художественные

и мультипликационные фильмы на национальные сюжеты. Шедевром кинематографа становится новая экранизация «Сказания о верной Чхунхьян», основной акцент в которой был сделан на представление народной культуры и средневекового фольклора, впервые за всю историю отечественного кино в фильме присутствовала любовная сцена.

КНДР подготовила и провела в 1989 г. Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Многие наблюдатели ожидали, что он станет столь же важной вехой на пути развития северокорейского общества, какой явился для СССР Московский фестиваль, однако эти надежды не оправдались. С крушением СССР и его европейских союзников КНДР принимает на себя роль оплота «реального» социализма, усиливается политика властей, направленная на поддержание идейной чистоты общества, преследованиям подвергаются все молодые силы страны, принявшие участие в Пхеньянской «культурной весне». Экономические тяготы середины 90-х гг. делают диктат еще более жестким, реальной силы, способной противостоять всевластию чучхейской идеологии и обеспечить культурный подъем нации, в Северной Корее на данный момент не существует.

Косность и идеологический догматизм доктрины чучхе, концентрация всех творческих сил северокорейского общества на пропаганде и поддержании культа личности Ким Чен Ира и Ким Ирсена, внешнеполитическая и экономическая изоляция страны не позволяют современной культуре КНДР претендовать на значимое положение в мире. Сверхтоталитарный характер общества, информационная самоизоляция отбросили страну на много десятилетий назад. Международное сообщество пока еще отгораживает Северную Корею, что наносит значительный урон ее культуре.

6.2. Современная культура Республики Корея

Формирование современной культуры РК одновременно обеспечивает как сохранение и дальнейшее развитие богатейшего наследия нации, основанного на силланской этнической и корейской культурной компонентах, так и становление массовой культуры, тяготеющей к воспроизводству западного образа жизни. Южнокорейские власти в отличие от КНДР, где финансирование культуры строится на остаточном принципе, уделяют достаточное внимание повышению культурного уровня народа и тратят значительную часть бюджета на цели просвещения, развитие науки, литературы и искусства. Представители творческой и научной интеллигенции, работники образования пользуются традиционным уважительным отношением в обществе и поддержкой государст-

венных служб и неправительственных организаций. Власти и крупнейшие промышленно-финансовые компании страны создают специальные культурные фонды, оказывающие содействие как именитым мастерам, так и творческой молодежи. Многие из них ориентированы на пропаганду корейской культуры как среди проживающих за рубежом соотечественников, так и на международном уровне. Крупнейшим фондом, осуществляющим поддержку национальной культуры за границей, является «Korea Foundation», охвативший своим вниманием практически все корейские общины и корееведческие центры в других странах мира.

Далеко не все было безоблачно на культурном фронте южнокорейского государства в ходе его полувекowego развития. Освобождение страны от японского колониального господства, подготовка и провозглашение РК вызвали всплеск национализма в конце 40 – начале 60-х гг., на этом этапе наблюдался подъем национальной культурной традиции. Впервые за многие годы корейцы получили возможность говорить и писать на родном языке. В это время наблюдается острый интерес населения к собственным истокам, истории, культуре, традициям, в то же время присутствие на полуострове американских войск дает ему возможность ознакомиться с современными достижениями западной и мировой культуры. Война 1950 – 1953 гг. нанесла колоссальный ущерб РК, в том числе и в области культуры; лившаяся несколько месяцев северокорейская оккупация по своим последствиям сравнима с монгольским периодом или Имджинским нашествием японцев. Разрушены города, библиотеки, истреблены другие, не соответствовавшие социалистическим идеалам КНДР, достижения, репрессированы мастера культуры. С помощью американских союзников РК была освобождена, но последствия братоубийственной войны еще долго сказывались на жизни южнокорейцев. На этом этапе культурное строительство связано, прежде всего, с возрождением после полувекowego иноземного гнета и проникновением в Корею основ западной культуры.

Идеологическая конфронтация и военное столкновение КНДР и РК привели к тому, что официальной политикой Южной Кореи на долгие годы становится антикоммунизм, поэтому вплоть до середины 80-х гг. любое проявление социалистических взглядов и симпатии к КНДР воспринимались здесь как преступление против государственной безопасности. В РК до сих пор есть ограничения на коммунистическую деятельность, а это дает нам право говорить о подавлении инакомыслия даже на современном, демократическом этапе развития южнокорейского государства.

Проблемы экономического порядка, социальный хаос, захлестнувший страну после свержения ее первого президента Ли Сынмана,

приводят к власти военные круги, возглавляемые Пак Чжонхи. С 1961 по 1987 гг. страной управляет военно-бюрократический режим во главе с Пакком и его преемником Чон Духваном. Новые власти избирают курс на экономическую модернизацию РК. Предпринятые ими усилия позволили стране достичь высокого уровня социально-экономического развития, что, конечно же, не могло не сказаться на состоянии национальной культуры. Всесторонняя модернизация здесь сочеталась с особой политикой, направленной на сохранение национальных традиций.

Следует особо подчеркнуть, что в годы авторитаризма подавлялось стремление корейского народа к демократии, существенно ограничивалась личная и творческая свобода, не соблюдался принцип независимости средств массовой информации, часто использовались репрессивные методы для подавления инакомыслия, – одним словом, поддерживались лишь те направления в области культуры, которые максимально соответствовали интересам экономического и государственного строительства, определенного диктаторским руководством. Именно в этот период достигает максимального расцвета традиционная корейская культура. Наблюдается формирование ряда синтетических течений, основанных на симбиозе традиционного конфуцианского наследия и западных веяний.

Стремительная демократизация Южной Кореи с конца 80-х гг. свидетельствовала о переходе на новую стадию культурного строительства, страна максимально открылась миру, пережила политическую модернизацию, означавшую торжество основ либеральной демократии. Включение РК в современный процесс глобального развития дает корейской культуре принципиально новые направления, заключающиеся в закреплении на национальной почве общемировых культурных ценностей и современных тенденций. Однако это не означает отказа от традиционных основ, будучи составной частью дальневосточного очага цивилизации, Корея в 90-е гг., даже на переходе к эпохе глобализации, много внимания и усилий уделяет поддержанию собственной культурной идентичности. Данной цели максимально соответствует концепция *синпарам* (новый ветер), идейно оформившаяся в южнокорейском обществе к середине последнего десятилетия XX в. Она подразумевает выработку оптимального баланса между традицией и нарастающим процессом вестернизации страны, заключающегося в рациональном использовании лучших достижений и черт западной культуры для решения национальных задач, в том числе и по сохранению и развитию корейской культуры.

6.2.1. Религиозный фактор в современной культуре РК

После освобождения в РК была принята конституция, обеспечивавшая полную свободу вероисповедания и деятельности религиозных объединений. Особенностью религиозной жизни в Корее после 1945 г. стало широкое проникновение в страну различных христианских конфессий. В настоящий момент христианство (преимущественно протестантское) является наиболее активной религиозной силой Южной Кореи.

Большинство верующих страны, а это около половины населения, являются приверженцами протестантизма, католицизма или буддизма. Эти вероучения играют большую роль в жизни южнокорейского общества, оказывая влияние на воспитание подрастающего поколения, развитие системы образования, распространение современных демократических идеалов. Наблюдаемая с конца 60-х гг. активизация религиозной жизни является частью общего роста духовного потенциала корейского народа. Сильные религиозные традиции сказываются на многих явлениях современной культуры Южной Кореи. В мировоззрении населения причудливо переплетаются многие религиозные системы и ценности, на этой основе формируются культура наших дней и связанный с нею традиционный жизненный уклад.

Подавленный японскими властями интерес к буддизму вновь возрастает с начала 60-х гг. «Отец» южнокорейского экономического чуда Пак Чжонхи был сторонником буддийской веры и открыл перед ней широкие перспективы. В настоящее время буддисты составляют примерно половину из всех верующих страны, их чуть более 8 млн. чел. Еще одной причиной популярности данной религии является ее сильная духовная традиция и сознательное стремление южнокорейского общества сохранить и преумножить традиционные институты и ценности. Современный буддизм представлен здесь почти двумя десятками сект, существование которых обусловлено региональными факторами. Буддизм проявляется не только в богатом наследии материальной культуры прошлых веков или современном искусстве Кореи, сегодня он вошел во все сферы жизни современного общества, в плоть и кровь корейцев, стал частью повседневной жизни не только буддистов, но и христиан, а также лиц, считающих себя атеистами. Монашество активно участвует не только в религиозных, но и в светских мероприятиях, занимается освоением высоких электронных и компьютерных технологий.

Деятельность многочисленных христианских конфессий охватывает еще одну значительную часть верующих, насчитывающую чуть менее половины от их общего числа. В начале 60-х гг. происходит окончательное оформление иерар-

хии католической церкви Кореи, прихожанами которой являются около 1,9 млн. чел., в стране действует почти 1,5 тыс. римско-католических соборов. Протестантизм занимает более выгодные позиции, уступая лишь буддийской церкви, с ним связано почти 6,5 млн. чел., имеющих в своем распоряжении более 21 тыс. церковных приходов, относящихся к 70 направлениям и сектам. Наибольшее количество приверженцев относится к пресвитерианам и методистам. В Корее христиане-католики и протестанты всегда были и остаются носителями современных знаний, демократических и либеральных духовных ценностей, просветительства и высокой морали. Не случайно авторитарные власти в 60 – 70-е гг. стремились слержать развитие христианской церкви, отдавая предпочтение пассивно-созерцательным буддистам. Мощным стимулом христианизации Южной Кореи стала национальная трагедия 1950 – 1953 гг. Поддерживавшая идею ненасильственного мира, разоружения и процветания всех народов, западная церковь нашла отклик в сердцах и настроениях истерзанной гражданской войной нации. Процесс вхождения христианской религии в сознание корейцев шел достаточно сложно, наблюдалась некоторая ее интеграция с местными культами, в том числе шаманистическими. В качестве примера можно привести храмы, в которых основное внимание уделяется святому духу и исцелению верой, правда, таких эксцессов, как на Филиппинах (секты самоистязателей и т. п.), в связи с христианской религией в Корее не наблюдается.

В послевоенный период происходят изменения и в положении православной церкви Кореи. Принятый в 1948 г. закон об антикоммунистической деятельности, в результате которого само понятие «русский человек» стало антигосударственным, делал невозможным развитие российского православия на полуострове. На постулате о русской и коммунистической угрозе были построены даже школьные учебники. В стране, где многие десятилетия думать хорошо о России было опасно, где даже русская классическая музыка была запрещена как коммунистическая, люди все же сохраняли русские иконы, церковную утварь, облачения, старинные книги, пели православные церковные песни. В 1956 г. корейские православные переходят под патронаж Греческой православной церкви. Несмотря на свою малочисленность, православная церковь в РК пользуется заслуженным уважением и зарегистрирована в качестве одной из официальных церквей страны, наряду с католической, протестантской, англиканской, методистской. В Сеуле работает православный храм Св. Николая Чудотворца, где проводят службу греческие и корейские священники.

Помимо «высоких» религий особую роль в повседневной жизни корейца играют остатки

самой ранней религиозной практики человечества – шаманизма. Они занимают важное место в яркой палитре духовных ценностей и верований южнокорейцев. С середины 60-х гг., когда была провозглашена политика сохранения исторического наследия, корейский шаманизм мудань воспринимается как традиционное проявление культуры и признан национальным достоянием. В наши дни он значительно модернизировался, впитал некоторые элементы (например, астрологию) западных аналогов. Своими обрядами и ритуалами древняя религия по-прежнему служит ежедневным практическим потребностям людей: гадание, очищение души, исцеление от болезни, совет по конкретной проблеме, оказание влияния на события, умиловивление духов и т. п. Шаманские ритуалы служат важным средством поддержания музыкальных и других фольклорных обычаев корейского народа. Другие религии с учетом реальной жизни не могут решать повседневные житейские проблемы, поэтому для повышения своей популярности в обществе и буддизм, и даже христианство включили в свои религиозные системы некоторые элементы местного шаманизма.

Определенное место в современной Корее занимают и такие верования, как конфуцианство, ислам, но более влиятельны т. н. «новые религии», число которых приближается к двум с половиной сотням. Около 1,5 млн. чел. (по другим оценкам – до 2 млн.) объединены в рядах Чхондогё, ее религиозные принципы основаны на смешении даосских представлений, буддийских ритуалов и конфуцианской этики. Для нескольких сект Чхондогё характерен крайний национализм; среди их апологетов бытуют убеждения о том, что именно Корея станет «великой мировой империей», а корейский язык получит статус международного. Другие выбирают объектом поклонения «живое воплощение бога на земле», формируя, как правило, тоталитарную и достаточно агрессивную по отношению к окружающему миру общину. Типичным примером могут служить действующая с 1954 г. Церковь объединения во главе с преподобным Мун Санмёном и секта судного дня, созданная Ли Чаньнимом в 1988 г. Секта отца Муна исповедует крайне националистическую идею, провозглашая Корею «царством небесным» на земле, она стремительно распространяется по планете, претендуя на роль мировой религии. Миллионы ее последователей живут в 150 странах, в том числе в России. Муниты отличаются активными социальными действиями, участвуют в промышленном и политическом развитии общества и государства. В последние годы в корейском обществе усиливается положение религиозной системы Тэджонгё, государство прислушивается к рекомендациям ее лидеров, действуют свыше 30 храмов Тангуна.

Все религиозные системы, представленные в РК, активно влияют на современную корейскую культуру, сказываются на нравственном состоянии нации в целом, активно проявляются в политике, экономике, образовании, в литературе и искусстве, в быту и повседневной жизни корейцев. Поэтому религию следует рассматривать как составную часть современной национальной культуры Кореи.

6.2.2. Наука и образование

Как и в любом обществе, сохраняющем следы конфуцианского прошлого, в РК придается огромное значение образовательной сфере. Достаточно сказать, что в 1995 г. на ее нужды направлено 3,84% ВВП, что составило почти четверть расходной части госбюджета. До середины 60-х гг. явно преобладало гуманитарное образование, но задачи индустриализации и экономической реконструкции страны показали важность и технического. Особое отношение к образованию сказывается и в том, что получить его стремится подавляющая часть молодежи, усматривая в дипломе вуза гарантию лучшего устройства в жизни. Сегодня в стране насчитывается почти 300 высших учебных заведений, 1800 школ высшей, 2700 средней и почти 6000 начальной ступеней.

Система образования строится на основе сочетания традиционных для конфуцианского мира норм и форм обучения с западным стилем организации учебного процесса. В основе высшей школы лежит американская университетская система, в то время как начальная и средняя строятся на классической национальной основе. К началу 80-х гг. РК стала страной всеобщей грамотности, почти 90% населения заканчивают среднюю школу высшей ступени, дающую помимо среднего образования и специальную техническую подготовку. По уровню школьного образования Южная Корея опередила США, Англию и другие страны. Ее стремительное экономическое развитие стало возможным во многом благодаря образовательной политике властей. В первой половине 90-х гг. в рамках общей демократизации политического режима осуществляется реформа системы образования, направленная на повышение академической автономии учебных заведений и развитие внутри высшей и средней школы демократических начал.

Общая гуманитарная направленность высшей школы Кореи позволяет создавать и реализовывать уникальные обучающие программы, сочетающие в себе как традиционные, так и современные формы знания. Они ориентированы на углубленное изучение традиций своей страны, но много внимания уделяется усвоению новейших технологических достижений западного мира.

Восстановление национального суверенитета позволило ученым Кореи возобновить иссле-

дования в области корейского языкознания и истории, в Южной Корее сформировались несколько направлений, занимающихся систематическим изучением языка, истории и культуры страны. Развитие корееведения в 50 – 60-е гг. сопровождалось успехами и в других отраслях научного знания, прежде всего в общественных и гуманитарных отраслях. Тысячи граждан страны получили высшее образование и научные степени за границей, преимущественно в США и Японии. Вернувшись на родину, они стали трудиться в университетах и исследовательских лабораториях, занимались не только научным трудом, но и подготовкой нового поколения южнокорейских специалистов. Таким образом шло формирование кадрового потенциала отечественной науки.

В 1954 г. в Республике Корея создана Академия наук, координирующая развитие науки в стране и концентрирующая внимание на гуманитарных и естественно-технических направлениях. В деятельности ее отраслевых институтов преобладали исследования в области философии и психологии, логики, этики и права, национальной и мировой истории и географии, экономической теории. С 1958 г. функционирует Управление по атомной энергии, его работа позволила создать современное научное направление, включающее НИИ атомной энергии, исследования в области радиационной медицины и девять атомных электростанций.

Задачи научно-технического перевооружения отсталого аграрного государства потребовали от руководства РК серьезных усилий по развитию отечественной науки. С конца 60-х – начала 70-х гг. больше внимания стало уделяться отраслевым дисциплинам, способным влиять на развитие национальной экономики. Возникают НИИ с явно выраженным народнохозяйственным назначением, которые ведут научный поиск в сфере металлургии, лесоводства, рыбководства, промышленного машиноведения и других прикладных наук; появляются первые отечественные центры, занимающиеся теоретическими разработками в области математики, астрономии, химии и физики. В 1967 г. создано специальное министерство науки и технологии, призванное обеспечить проведение в жизнь целенаправленного курса правительства в научно-технической сфере. С начала 70-х гг. развитие научного потенциала поставлено на плановую основу и обеспечено мощным государственным и частным финансированием.

Результатом данного политического курса становится приобщение страны к достижениям мировой научно-технической революции, а с середины 80-х гг. – выход в ее авангард, о чем свидетельствуют общепризнанные достижения Южной Кореи в области физики полупроводников, радиоэлектроники, технического и индустриального машиностроения. С конца

80-х гг. развивается отечественная авиакосмическая школа, ведется разработка современных инженерных технологий и технологий двойного назначения. В 90-е гг. принимается специальная программа исследований в области ядерной энергии, активизируются фундаментальные научные изыскания, много внимания уделяется защите окружающей среды.

Накопленный научно-технический потенциал определяет поступательное экономическое движение страны. Наибольшее развитие получили прикладные исследования, обслуживающие металлургию, судостроение, автомобилестроение, оптико-волоконную, электронную, компьютерную и другие отрасли промышленности, продукция которых имеет явно выраженную экспортную ориентацию. В то же время национальный научно-технический прогресс сдерживается значительным отставанием Южной Кореи в сфере фундаментальной науки, в последние годы наблюдается стремление властей решить данную проблему путем привлечения большого количества иностранных специалистов, в том числе выходцев из бывшего СССР и других социалистических стран, а также развития совместных с рядом зарубежных государств и международных организаций исследовательских программ.

6.2.3. Литература

Подъем отечественного языкознания и литературы связан с новыми условиями социально-экономического и политического порядка, сформировавшимися в Корее сначала после освобождения в 1945 г., а затем в период демократизации страны в середине 80-х гг. После окончания корейской войны государство провозглашает письменность хангыль в качестве единого общегосударственного средства общения и проводит ряд мероприятий по ее упрощению. Иероглифическое письмо ханмун с этого времени используется лишь как дополнительное средство и в современной Корее культивируется каллиграфами и учеными-историками или конфуцианцами.

В литературе постколониальной Кореи продолжается развитие традиционных жанров короткого рассказа-новеллы, эссе и поэзии. Получив свободу творчества, ветераны корейской литературы (писатели Чу Ёсон, Ким Донни, Хван Сунвон, Ли Муён, Чхве Джонхи, Чон Бисок, Ли Бомсон и поэты Ли Хакон, Син Со-кчхон, Мо Юнсук, Ю Чхихван и многие др.) писали о тяготах колониального прошлого и радости освобождения. Они продолжили национальные традиции эпической и поэтической литературы первой половины XX в. Значительное воздействие на творческие круги страны оказали годы корейской войны. Считается, что до середины 50-х гг., когда возникает новая плеяда литературных мастеров, в стране не бы-

ло создано ни одного замечательного произведения. Импульс для появления поколения молодых писателей и поэтов дала война, ее отразили в своем творчестве Ха Гынчхан, Ли Бомсон, Ким Сонхан, Сон Ухви. Наибольшую популярность в 50-е гг. получили произведения Ан Сугиля («Пулландо», 1959 г.), О Санвона («Мобан» / «Поворот», 1957 г.), Сон Чхансопа («Инджо игган» / «Искусственный человек», 1958 г.), Ли Хонхоль («Насал» / «Портрет обнаженного», 1957 г.).

В поэтической среде формируются традиционное направление чхонгхонхва (Пак Чжэсам, Ку Джаун, Ли Донджу, Чон Ханмо) и экспериментальная группировка сирхонхва (Ким Кённин, Пак Инхван, Ким Кюлон, Ким Чхаён, Ли Боннэ). Новые имена связаны и с проникновением в корейскую литературную среду распространенных в то время на Западе эстетических веяний: экзистенциализма, антироманизма и концепции «новой критики». Появляются эксперименты с бессюжетным и безгеройным повествованием, наблюдается увлечение символизмом. На формирующейся литературной почве страны усиливается восприятие человека как носителя исключительно духовного начала, что до предела сгущало напряженность переживаний героев произведений, заставляло авторов подчеркивать несовместимость полных моральных ценностей с реальной действительностью. Наблюдается формирование жанра «углубленного драматизма» с присущими ему нигилизмом, скепсисом, мистицизмом. Таким образом можно охарактеризовать творчество Чан Ёнхака, Сон Часупа, Пак Кённи, Ю Джухёна, объединенных в т. н. направлении «современного западного стиля». Ему противостояла группа авторов-реалистов *силычхонджуипха*, включавшая творческую молодежь в лице Ким Хванджу, Чо Намду, Хан Хыкку, Чон Хуна и названных выше старых мастеров. Последние по-прежнему в реалистической манере писали о колониальном прошлом, а молодые отражали в своем творчестве психологию людей, травмированных войной и бессильных что-либо изменить в своей судьбе. Особую тему разделенной нации открыл Чхо Инхун в романе «Площадь» (1961 г.), его труд можно считать первым значительным литературным произведением послевоенной эпохи.

Начиная с 60-х гг. достаточно четко определились три основных направления современной корейской литературы – традиционная литература, реализм и модернизм. Заметно обогащается жанровое многообразие прозы и поэзии: начиная от эпических произведений в классических традициях корейской литературы и заканчивая явно коммерческим стилем бестселлера. Все эти новшества коснулись различных поколений корейских литераторов и способствовали духовному обновлению страны в 70 – 80-х гг. Традиционное направление представ-

лено творчеством патриарха корейской литературы, мастера прозы и поэзии Хван Сунвона (романы «Потомки Каина», 1954 г., «Солнце и луна», середина 60-х гг.), поэта Со Чходжу (поэма «Песнь старика», основанная на древних традициях хянга и сиджо), писательницы Кан Синджэ, мастеров традиционного жанра короткого рассказа пхэсоль Ха Кунчхана и Су Чанна.

Во второй половине 60-х гг. выдвигается поколение писателей-реалистов. К ним относятся выдающийся прозаик Ким Сынок, Хван Сугён (повесть «Дорога в Сампхо»). В поэзии также формируется противостояние лагеря традиционалистов (творческое объединение «Голубой олень», включавшее Пак Туджина, Хо Манха, Ким Джонсана и др.) и «западников» – Пак Инхвана, Ким Гённи и т. д. Несколько особняком держался поэт Ку Сан (поэма «Река Христофора»), стремившийся создать свой собственный стиль на основе синтеза традиций национальной поэтической школы с основами реализма и модернизма.

На рубеже 70 - 80-х гг. на политическую арену страны выходят новые социальные силы, основная цель которых заключается в борьбе за демократию и свободу. Как следствие этого в литературной среде формируется группа авторов, выражающих данное устремление, среди них следует назвать И Мунёля (романы «Пограничная страна», «Сын человеческий»), а также блестящую писательницу О Джонхи, творчество которой основано на жанре рассказа. В первой половине 80-х гг. необходимость решать социально-экономические задачи в условиях стремительной индустриализации привела к появлению особого литературного направления минджунмун, или нодоньджамун (литература для масс или трудящихся). В относящихся к ним произведениях вскрывалась определяющая роль трудящихся слоев общества в обеспечении национального процветания и подчеркивалось несправедливое положение, в котором они находились на протяжении 70 – 80-х гг. Главным произведением данного слоя литературы является поэма Ким Джиха «Тханын монмарымыро» / «Навстречу жажде» (1982 г.). Это была литература социального протеста, которая сыграла немаловажную роль на пути продвижения корейского общества к демократическим реформам, начавшимся с середины 80-х гг.

6.2.4. Архитектура

Надежным ориентиром для развития архитектуры РК остаются многочисленные памятники храмового, дворцового и гражданского зодчества, представляющие многовековую историю пройденного народом самобытного творческого пути. Все они в настоящее время бережно сохраняются, реставрируются и изучаются новыми поколениями архитекторов. Стремительная урбанизация культуры Кореи, переход к массовой застройке, применение новых строительных материалов и технологий не означают забвения традиций предшествующих эпох. Напротив, южнокорейские мастера используют современные достижения для разработки единого стиля национальной архитектуры, отличающегося яркостью традиционных форм и приемов, их творческий поиск направлен на поддержание высокого духа архитектурной традиции.

В нынешних условиях в строительном искусстве Кореи наблюдается синтез традиционного духовного начала и архитектурных форм и новейших технологий и материалов. В максимальной степени трансформировалось жилищное строительство в городе. Возведение традиционного корейского жилья здесь становится слишком дорогим удовольствием, поэтому в окрестностях Сеула и других мегаполисов сосредоточены крупные жилые микрорайоны современного западного образца с преобладанием высотных зданий. Они формируют целые города-спутники, обитатели которых трудятся в столице и в деловых центрах других городов. В качестве исключения можно привести сверхдорогой жилой дом Суджольтан в традиционном стиле (1993 г., Сун Хёнсан), построенный в фешенебельном районе столицы.

Если в жилищном и массовом строительстве корейские архитекторы ориентируются исключительно на современный стиль, рациональность и дешевизну, то в облике общественных зданий и специальных сооружений они стремятся сохранить национальные особенности корейской архитектуры. По сути дела, именно такие объекты определяют основные тенденции нынешней корейской архитектуры. Испытав влияние архитектурного модернизма Европы и США, с конца 60-х гг. корейские зодчие формируют национальную профессиональную школу, исчезает слепое подражание Западу, характерное для послевоенного периода.

Возвращение к национальным истокам и архитектурным традициям связано с именем выдающегося теоретика и практика строительного дела Чон Ингука, но на ранней стадии все сводилось лишь к простому «копированию истории», т. е. возрождению национального духа путем репродуцирования архитектурных памятников прошлого. Такой подход проявился при реставрации многих городских зданий, в том числе президентской резиденции Чхонъвадэ. В этом стиле работает Кан Понджин, осуществивший перестройку буддийского храма Хенджулса (провинция Южный Чхунчхон) и строительство нового здания Национального музея (1966 г.) на территории сеульского дворца Кёнбоккун.

С начала 70-х гг. национальная архитектура делает стремительный рывок вперед, сумев соединить духовные традиции и формы прошлого

с современными образами западной архитектуры. Своеобразие южнокорейских мастеров проявляется в особом умении подчеркнуть родную национальную специфику путем романтической интерпретации европейских стилей. В этой манере работают Ы Хунхэ (здание Национального театра в Сеуле, 1972 г.), Ом Тукмун (здание культурного центра им. короля Седжона, 1976 г.), Ким Чуноп (Музей национальной армии, 1981 г., Врата мира в Сеуле, 1988 г. и др.), Ким Киун (буддийский центр Джармы в Сеуле, 1989 г.). Начиная с середины 80-х гг. широкое строительство музейных и культурно-просветительских комплексов развернулось на периферии, и здесь архитекторы учитывали не только общенациональную традицию, но и местные особенности и мотивы. Их замыслы воплощены в зданиях Национального музея (Пак Чхунмён) и Культурного центра (Ким Сансик, 1985 – 1992 гг.) в г. Кванджу, Музея фольклора и естественной истории (Ким Хонсик, 1984 г.) и Национального музея (Ким Киун, 1992 – 1995 гг.) в г. Чеджу, Дворца независимости (Ким Киун, 1986 г.) в г. Мокчхон (провинция Северная Чолла) и многих других архитектурных сооружениях.

Концептуальные положения современной национальной архитектуры развивает школа пространства Ким Сугёна, с ней связаны кардинальные перемены в корейском зодчестве, проявившиеся во время подготовки к Сеульской Олимпиаде 1988 г. Лидер этой школы возглавил возведение Олимпийского спортивного комплекса в районе Чамсил, решая одновременно и более глобальную задачу, определяя основные направления отечественного градостроительства и концепцию развития Сеула в конце XX в. Параллельно работу над Олимпийской деревней вел его единомышленник У Кусун. Логика и опыт предолимпийского строительства продолжены творческими усилиями ведущих современных архитекторов РК Ким Сокчхоль, Мин Хёсика.

Архитектура деловых и торговых центров крупных городов, престижных универмагов и отелей, зданий, связанных с развитием местного и международного бизнеса, более всего подвержена воздействию западных влияний и стилей: ар-деко, хай-тэк, псевдоготики и т. д. Все это отражается на внешнем облике конкретных сооружений и создает новую архитектурную среду в урбанизированных районах. Изысканиями в этом направлении занимается новое поколение архитекторов.

6.2.5. Изобразительное искусство

Колониальный период характеризовался крайне слабым развитием национального изобразительного искусства. Исторические события и реалии того времени, трагедия второй мировой и корейской войн не могли не ска-

заться на состоянии всех его направлений. Художественная культура Южной Кореи заметно оживилась лишь с середины 50-х гг. Наибольший интерес общественности вызывали организованные частными лицами выставки и другие мероприятия, открытые для мастеров самых различных направлений и стилей. В их числе следует назвать ежегодные выставки членов Корейской ассоциации изобразительных искусств, демонстрировавшие лучшие произведения и творческие силы отечественных художников и скульпторов.

Полувековая история развития южнокорейской живописи связана с сосуществованием и взаимным влиянием двух основных течений: основанного на традиционной манере «восточников» и молодого поколения художников-«западников». Среда последователей традиционного стиля достаточно разнородна. Исключительно восточной манеры письма придерживались известные художники Ким Ёнджин, Но Сухён, Хо Бёнён, Ли Санбом. Они продолжали заложенную в начале XX в. традицию патриархов национальной корейской живописи Ли Доёна и Пак Сугёна (1914 – 1965 гг.), сумевших передать глубинную духовную суть своего народа. Сохранившиеся картины Пак Сугёна считаются шедеврами современного корейского искусства и такими же объектами поклонения, как классические произведения прошлого. Часть «восточников» находится под влиянием китайской или японской классической манеры. Некоторые из представителей данного направления тяготеют к синтезу восточной и западной изобразительной традиции и допускают использование ряда элементов западной живописи, к их числу можно отнести Ким Унхо, Ким Гичхана, Ким Ёнги, Пак Нэхёна и др.

«Восточники» развивают самые различные направления традиционной живописи: от монохромного письма тушью до многоцветной жанровой. Их объединяет стремление постичь и реализовать в творчестве своеобразие национального духа, определить образ и сущность всего корейского. Данная цель характерна для других видов художественного творчества страны: архитектуры, хореографии, скульптуры, музыки и т. д. Однако, по убеждению художников, в возврате к формальному языку и средствам прошлого, равно как и в приспособлении традиционного стиля к современности, нет смысла. Задача заключается в восстановлении живительного источника прошлого и его экстраполяции на эмоционально-эстетические тенденции современного мира. Собственно корейские черты более всего проявляются в пейзажной живописи жанра *сансукхва* («горы-волны»), яркими представителями этого направления были Ли Санбом (1897 – 1971 гг.) и Пён Квансик (1899 – 1976 гг.). Традиционная живопись Ли Санбома монохромна, но очень богата от-

тенками черной туши. Она раскрывает эстетику даосского миропонимания, неразрывного единства природы и человека. Пён Квансик продолжает линию эпического пейзажа в конфуцианском стиле, его работы занимают промежуточное положение между моно- и полихромной традиционной техникой живописи.

Монохромная традиция, как возвращение к корейским художественным истокам, была основным течением изобразительного искусства с середины 70-х и до начала 80-х гг. Ее особенность заключается в преобладании черного цвета туши в сочетании с белым цветом бумаги, этим художник добивался дематериализации образов и максимальной концентрации внимания на самой идее произведения. Изображение принимало характер абсолютной живописной плоскости.

Не только приверженность традиции, но и пространственные решения, цветовая фактура, объект творчества «восточников» прямо противопоставляются художникам «западникам». В манере классического европейского реализма работал в начале и середине творческого пути Ан Джунсик. К числу «западников» относятся и представители молодого поколения живописцев, проявляющие интерес к новейшим изобразительным формам абстракционизма, символизма, сюрреализма, кубизма и прочих направлений европейского искусства. Все они считают себя продолжателями художественной традиции «корейского Пикассо» Ли Джунсуна (1916 – 1956 гг.), последовательно прошедшего через увлечение фовизмом и экспрессионизмом. Для него характерны экспрессивный красочный мазок, бунтарский динамизм цветовой гаммы в сочетании с высоким реалистическим мастерством. Традиции западноевропейского импрессионизма повлияли на творчество И Инсона (1912 – 1950 гг.), О Джихо, Им Джисуна и многих других современных художников. Они уделяют особое внимание цветовой палитре корейской природы и ее преломлению в свете и тени. Абстрактный конструктивизм прослеживается в ранних работах художника с мировым именем Ким Вэнги (1913 – 1974 гг.), затем он увлекся символизмом в национальном стиле *инь-янь*, а в конце творческого пути вновь обратился к простоте геометрических форм.

Эстетика модернизма зпитала характерное для традиционной корейской живописи особое отношение к цвету и древней цветовой символике *обаньсэк* (система пяти основных направлений сторон света – востока, запада, севера, юга и центра), испытала она и воздействие религиозной шаманской живописи *мусиндо*, отображавшей пантеон почитаемых шаманами духов. В современном искусстве традиции *мусиндо* и цветового символизма представлены в творчестве Ким Гичхана и Пак Сэнгвана. Ким Гичхан знаменит и своим поиском в области пейзажного рисунка, он создал направление

абстрактного и фантастического пейзажа *ла-бонсу* («сумасшедший» пейзаж). Еще дальше идут молодые художники 80 – 90-х гг.; отталкиваясь от традиции народной живописи *минхва*, они модернизируют не только шаманскую, но и буддийскую живопись. К данному направлению относятся работы Ы Джонсана.

В начале 80-х гг. формируется новое реалистическое направление «реальность и выражение», участники которого пытаются передать художественными средствами несправедливость южнокорейской социальной системы по отношению к простым труженикам. Их реализм противостоит абстрактному и модерновому искусству, поэтому часто именуется «творчеством рабочих масс».

Общая картина изобразительного искусства в 90-е гг. характеризуется существованием огромного количества различных творческих направлений и стилей. Демократизация политического режима РК соответствует современной тенденции интернационализации художественного творчества и вовлечению корейского искусства в процесс глобального развития.

Данная тенденция явно прослеживается и в области скульптуры. Концепция, стилистика и формы ваяния в корне изменились после знакомства корейцев с современной техникой и стилевыми направлениями западной скульптуры. Если на протяжении многих веков, вплоть до начала XX в., корейская традиционная скульптура носила исключительно сакральный смысл и ее развитие строго регламентировалось религиозным каноном, то в наше время здесь действуют иные законы художественного творчества. Современная корейская скульптура создается как произведение искусства, как результат полной свободы действий и творческой индивидуальности. Конечно, в РК продолжает развиваться и жанр религиозной буддийской и христианской скульптуры, но он находится в исключительном ведении церквей. В современной светской скульптуре явно прослеживаются две основные тенденции, одна из них представлена мастерами реалистического направления, другая – абстрактной школой.

Крупнейшими представителями реализма являются скульпторы монументальной пластики Юн Хёджун, Ким Гёнсун, мастер скульптурного портрета Квон Чингю. Многие монументы и бронзовые памятники, созданные в 60 – 70-е гг. связаны с конфуцианскими эстетическими нормами, поэтому их стилистические решения зачастую однотипны; к такого рода скульптурам относятся памятники историческим героям, общественным, государственным, религиозным деятелям и работникам культуры. Как правило, это изображение фигуры в полный рост, носящее следы идеализации объекта. Несколько отличаются конные статуи в честь великих полководцев прошлого, они динамичны и максимально близки к европейским аналогам.

С начала 60-х гг. как антитеза реалистической школе под явным влиянием западной традиции складывается направление абстракционизма, отвергающее естественные формы и находящееся в творческом поиске вне всякой связи с реальностью. Мэтрами данного течения были скульпторы Ким Джонён, Ким Джонсук. Чуть позже, на рубеже 80-х гг., появляется движение скульптурного концептуализма, представители которого отрицали какую-либо возможность воплотить идею в материальной субстанции, они отдавали предпочтение достаточно смелым и простым формам. В этой манере творит Мун Син, в последние годы он начал экспериментировать в области синтеза традиционных и современных скульптурных форм, отдавая предпочтение черному эбеновому дереву и нержавеющей стали.

Скульптурного творчества коснулся и модернизм. На рубеже 80 – 90-х гг. активно работает молодое поколение корейских скульпторов, принадлежавших к различным стилевым направлениям, использующих необычайное разнообразие выразительных средств и материалов. Женщина-мастер Ким Ёнхи создает скульптуры из традиционной корейской бумаги ханджи, отличающейся рыхлостью и разноцветием. В неповторимой манере работает скульптор Хан Ёнджин, его творения подчеркнуты архаичны и связаны с архитектурными формами древней Кореи и ее традиционными верованиями. Своеобразные терракотовые скульптуры создает Чон Джонсу. Пионером авангарда считают Ли Сунтэка, занимающегося футуристическими композициями и инсталляциями, как самыми современными формами искусства Кореи. К категории техногенного творчества относятся эксперименты Пак Намджуна с видеотехникой.

В исканиях молодых мастеров изобразительного искусства обозначены новые эстетические ценности и художественный плюрализм современного южнокорейского общества, порожденный его быстрой модернизацией и вестернизацией. В 90-е гг. наблюдается явно выраженная тенденция преобладания стилевого плюрализма, эклектики и творческого индивидуализма, на смену классическим двумерным формам приходят трехмерные композиции-инсталляции, широко применяющие достижения в области электроники. Многие представители художественной интеллигенции недовольны нарастающей степенью индустриализации и коммерциализации южнокорейского общества, в противовес этому они обращаются к традиционным истокам, пытаются на новой основе возродить утраченную самобытность, соединить прошлое с настоящим, традицию с современностью.

6.2.6. Декоративно-прикладное искусство

После многочисленных потрясений конца 40 – начала 50-х гг., отрицательно сказавшихся на общем состоянии корейской культуры, власти страны и общественность приложили немало усилий для возрождения традиционных народных промыслов. Вплоть до начала 60-х гг. мастера прикладного искусства проходили через сложный период восстановления утраченных ранее приемов; они не только постигали секреты древнего ремесла, но и экспериментировали в области новых технологий и материалов, создавая неповторимый современный стиль. Декоративно-прикладное искусство было и остается одним из самых массовых проявлений художественного творчества корейского народа, оно уходит корнями в исторические традиции, бытовые условия, стиль и образ жизни корейцев. Его важной особенностью является неразрывная связь с подлинно традиционными методами ремесленного труда, основанного на индивидуальном мастерстве и традиционных техниках. Многие уникальные изделия практически не возможно изготовить в условиях массового поточного производства. В конце 60 – начале 70-х гг. правительство проводит в жизнь ряд программ, направленных на поддержку народных промыслов. Их реализация продолжается и сейчас, органично сочетаясь с политикой поддержки мелкого и среднего предпринимательства.

Как и прежде, одним из самых распространенных видов художественных промыслов традиционно остается керамическое и фарфоровое производство. В этой сфере четко различаются два направления. Одно из них в качестве традиционного ремесла максимально учитывает вкусы широких слоев населения; его продукция, несомненно обладая художественными достоинствами, более утилитарна по характеру. Второе относится к индивидуальному творчеству мастеров и акцентирует внимание на художественной ценности керамики и фарфора как произведения искусства, такие работы не имеют практического применения. Таким образом, объективно закладывается основа для различия традиционной и современной керамики. В последние годы прослеживается тенденция более глубокого осмысления ценностей прошлого, осуществляются попытки возродить былую славу корейского фарфора и наладить производство корёского селадона и чосонского белого фарфора. Однако они не имеют успеха, секреты безвозвратно утрачены. Но многие ученые и художники (У Кунхён, Хван Инджун, Ким Чесок, Пак Кирён) вплотную придвинулись к разгадке секрета селадона. Женщина-мастер Юн Кванджо восстановила традицию нанесения глазури на керамику *пунчхон*. Традиция белого фарфора исследуется керамистом Чон

Гу. Более древние варианты керамической посуды изготавливает Ли Вансу. Преемственность традиций сохраняется и в условиях массового производства керамической и фарфоровой посуды.

Продолжается изготовление традиционной корейской мебели, покрытой богатой инкрустацией из рога, перламутра и металлической фурнитурой, особой популярностью пользуются лаковые изделия. Такая продукция характеризуется не только традиционной функциональностью и естественной красотой, но и высоким смыслом художественных украшений. Развивается мастерство *танчхон* – многоцветной декоративной росписи, основанной на буддийских канонах. Изделия из бамбука и традиционное плетение можно встретить в любой местности полуострова. Среди многообразных форм декоративного искусства особое положение занимает изготовление вееров, ткачество и декоративная обработка тканей, многие из этих изделий обладают ярко выраженной художественной ценностью.

На рубеже 80 – 90-х гг. заметно возрос интерес корейцев к собственному национальному наследию. Практически ни один талантливый мастер не остается без поддержки со стороны государства, производство изделий декоративно-прикладного искусства стимулируется моральной и материальной поддержкой властей и общества. Особенно значимые направления творчества получают статус национального культурного достояния.

6.2.7. Музыкальная культура и хореография

В области музыкального и хореографического искусства также явно прослеживается два основных направления: традиционное национальное и западное (классическое и современное). Здесь мирно уживаются все известные в мире музыкальные и танцевальные стили и направления.

Национальная музыка *кугак* исполняется на корейских инструментах, часть из них имеет китайские корни, но некоторые являются исконным достоянием нации. Корейская музыка представлена сельскими народными (*согак*) и церемониальными придворными мелодиями (*дак* и *чоньяк*), монотонными распевами буддийской церковной традиции (*ломпкэ*). Сложилась и современная корейская эстрада.

Традиционная музыка Кореи и основанная на ней эстрадная в целом медленнее по темпу, чем западная классическая музыка, исключение составляют лишь танцевальные народные мелодии в сельской местности (*ноньяк*), основанные на быстром и четком ритме ударных инструментов. Еще лет пятнадцать назад традиционная музыкальная культура находилась в состоянии серьезного кризиса, ею занимались исклю-

чительно люди преклонных лет. В настоящее время она переживает подлинное возрождение, растет интерес молодежи и горожан к музыкальному наследию. Концерты с исполнением на национальных инструментах пользуются огромной популярностью, в городах создаются ансамбли *самуль нори*, поддерживающие народную традицию. *Самуль нори* становится целым музыкальным направлением. Возрождение традиционной музыкальной культуры связано с именами известных музыкантов Пак Ёма, Ким Дуксу и многих др. Песенный жанр *пхансори* продолжают певцы Чо Санхён, Ким Сохи, Ан Суксон.

Многие сюжеты *пхансори* и средневековой литературы легли в основу драматической традиции *чхангкык*, или национальной оперы. Современные *чхангкык* – это синтез театрального действия с участием множества актеров и солистов в стиле *пхансори*. В середине 90-х гг. наблюдается синтез оперы *чхангкык* и современного западного театра. Оперные труппы ставят европейскую классику и национальные спектакли в классическом стиле, ведущие позиции занимают Национальная оперная труппа (1962 г.) и Метрополитен опера (Сеул, 1975 г.). В оперном жанре работали Ан Гиён (1900 – 1980 гг.), Хон Ёнтхэк, Ким Тонджин, Чхан Ильнам. Среди оперных певцов наибольшую известность снискали бас О Хунмён, теноры Пак Инсу и Пак Севон, сопрано Чон Унстик. Многие певцы работают в мировых центрах музыкальной культуры: сопрано Хун Хигён, Син Юнок (в США), бас Кан Бёнун (Филипп Кан, в Германии). Баритон Чхве Хансу в 1990 г. стал лауреатом Международного конкурса им. П. И. Чайковского.

Широко распространена в Южной Корее классическая и современная европейская музыка, опера и оперетта. Среди основоположников корейской симфонической музыки следует назвать композиторов Ким Суннама (1917 – 1983 гг.), И Санюна, Ким Гису (1917 – 1986 гг.) и др. По-настоящему классическая музыка начала развиваться с 60-х гг., а к середине 90-х в стране насчитывалось 26 симфонических оркестров, 76 музыкальных учебных заведений. Современные дирижеры (Лим Вонстик, Чон Мёнхун), композиторы (Хон Юнтэк, Ким Сундэ, Ким Чонгиль, Ким Ёнджин) и исполнители (Чон Чэлон, Хан Тониль, Ли Гёнсук, Ким Хёнгу, Хэ Сунпэк, Ким Юнук, Ким Намюн, Чан Сара и др.) занимают достойное место в рядах мировых знаменитостей. Пионером авангардной музыки принято считать Кан Сукхила, композитора и музыкального теоретика.

Неотъемлемой частью музыкальной культуры является танцевальное искусство, сегодня в нем существует несколько направлений. Важнейшим из них является традиционный народный

танец, второе направление включает различные школы классического европейского танца, а третье – недавно возникшее течение «нового корейского танца». Традиционные национальные танцы имеют четкую градацию, подразделяясь на народные, ритуальные и придворные. Их сохранением занимается плеяда известных хореографов и танцоров: Но Джэёна, Сок Кок, Ким Санён, Кан Чунсопа, Чо Тамхван, Хан Ёнсук и многих др.

Развитие танцевального искусства привело к появлению т. н. «новых корейских танцев», в современных условиях многие традиционные танцы были адаптированы к новому времени и вкусам публики. Возникновение данного направления связано с творчеством Хан Тониля, Хан Сонджуна, Ким Чхонхуна, Ха Погона, Ли Тонана и нового поколения танцоров, вышедших на сцену в середине 80-х гг. (Ким Сукча, Ким Суак и др.). «Новый танец» синтезирует достижения классической европейской хореографии и основы корейской танцевальной традиции. Он лег в основу современного балетного искусства Кореи. Его становление связано с именами хореографов Им Соннама, Ким Хэсика, балерин Хон Джунхи, Ким Мэлжа. В стиле модернового балета и альтернативного танца творят режиссер-постановщик танцев Юк Вансун, танцовщицы Ким Бокхи, Хон Синджа.

Многочисленные музыкальные и хореографические коллективы страны работают в самых различных стилевых направлениях и жанрах, но в последнее десятилетие наряду с развитием авангардных форм все большее внимание уделяется национальным истокам музыкального и танцевального искусства.

6.2.8. Театр и кинематограф

В первые годы после освобождения страны от колониального ига театральная сцена как наиболее доступный для народа вид искусства становится ареной острой политической борьбы. Продолжали работать труппы, созданные еще в годы японского господства, активизировалась деятельность групп социалистической и прокоммунистической ориентации. В 1947 – 1948 гг. проходило становление Корейской ассоциации сценического искусства, через год подготовившей создание в Сеуле Национального театра под руководством выдающегося драматурга Лю Чхиджина. Деятельность его коллектива позволила возродить интерес публики и актеров к европейской драматургии и постановкам классических пьес. Последствия гражданской войны сказались на театральном искусстве, но еще больший урон ему нанесло становление национального телевидения и кинематографа в начале 60-х гг. Театр не только потерял многих зрителей, но и лишился значительной части творческого потенциала за счет оттока талантливой молодежи и профессиональных

театральных деятелей в новую сферу. Кризис охватил и традиционный национальный жанр чхангык, и труппы, работавшие в европейском стиле.

В период 60 – 70-х гг. при явном преобладании американской драматической традиции помимо официального и пользовавшегося государственной поддержкой течения в южнокорейской театральной среде зародился независимый театр малых форм, близкий к современному камерному направлению. Его приверженцы не стремились к созданию коммерческих постановок, мало заботились о финансовых сборах, но делали акцент на художественной и социальной значимости спектаклей. Данное течение во многом и надолго определило развитие национального театрального искусства.

С конца 70-х гг. популярность камерных театров заметно возросла, на их основе началось формирование экспериментальных течений, разработка оригинальных методов сценического действия. Развитие корейского театра позволяет удовлетворять художественные запросы и вкусы всех слоев населения. Многие коллективы в современных условиях предпочитают ставить не произведения западных авторов, а экспериментальные пьесы молодых корейских драматургов. Показательным является творческая позиция театра «Чаю» («Свобода»), лидеры которого в лице главного режиссера Ким Джонка и ведущего актера Ли Пёнбока смело расширяют границы актерского самовыражения, допускают самостоятельную разработку диалогов и мизансцен. Коллектив труппы делает особый акцент на языке жестов, музыкальном сопровождении, символизме костюмов и декорации. Ему удается поставить подлинно национальные спектакли на основе классической драматургии («Кровавая свадьба» Ф. Г. Лорки или «Гамлет» У. Шекспира), но с традиционными чертами корейских погребальных или шаманских ритуалов.

Своеобразным синтезом национального бродячего театра, стихии уличного действия и европейской художественной эстетики следует считать одно из направлений современного корейского театра мадангык (представление под открытым небом). В его спектаклях явно прослеживается традиция маданнори, народных фольклорных игр на открытой площадке. Существенный импульс становлению мадангык придали стихийные выступления политической оппозиции авторитарному режиму, развернувшиеся на городских улицах в первой половине 80-х гг. Основу его аудитории составляли демократически настроенные ряловые слои общества, предпочитающие национальную корейскую традицию и негативно относящиеся к засилью американской массовой культуры, отсюда – и сама сущность жанра, и методы его сценического действия.

Сегодня в Южной Корее действует более 80 столичных театров и полсотни провинциальных. Сохранилось большинство сложившихся в 60 – 80 гг. коллективов. Старейшим является Национальный театр (художественный руководитель Чун Санчхоль), высока популярность сеульского театра «Санволлим» (главный режиссер Им Ёнун). Среди известных трупп следует назвать «Кыктан сасиль» (главный режиссер Чхэ Юниль), «Юнъу мудэ», молодые коллективы «Кыктан мокхва» (О Тхэсук), «Юнхуан курипхэ» (Ли Юнтхэк), «Ханьян репертори», «Кыктан пипха» и др. Их репертуар многообразен и рассчитан на широкую зрительскую аудиторию, он включает в себя и западную классику, и пьесы корейских авторов.

Возродившись после свержения японского господства, национальный кинематограф обратился, прежде всего, к повествованию о борьбе против колонизаторов. До корейской войны фильмы снимали известные в 30 – 40-е гг. режиссеры и актеры: Ли Гуён, Юн Бончхун, Чон Чхангын и Ли Гюхван. В 1949 г. выходит первый цветной фильм «Дневник женщины» режиссера Хон Сёнги. События 1950 – 1953 гг. подрывают материальную базу кинематографа, но вместе с тем они дают ему новую тематику. Художественные и документальные фильмы второй половины 50-х – 60-х гг. показывают весь ужас кровопролитной войны, трагедию разлученных семей. В кинематографической среде зарождается либеральное направление, освещающее пороки установленной в Южной Корее диктатуры Ли Сыманна («Лишний человек» режиссера Ю Хёнмока). Ряд фильмов имел явно выраженную антиамериканскую окраску и разоблачал жестокое отношение войск США к местному населению («Семь пленниц» режиссера Ли Манхи, 1964 г.). Некоторые деятели кино не скрывали своего стремления к скорейшему примирению РК и КНДР и национальному воссоединению. В то же время экраны страны были заполнены пропагандистскими фильмами и боевиками, разоблачающими северокорейскую и коммунистическую угрозу. Правительство понимало важность кино как массового искусства и средства воздействия на народ, поэтому кинокомпании получили значительные налоговые послабления. В результате в 1959 г. было снято более ста полнометражных картин, а в 60-е гг. на экран выходило до 200 фильмов ежегодно, активно работали известные режиссеры Ли Гвансу, Ким Донин.

Пришедшая к власти в апреле 1961 г. военная администрация на основании антикоммунистического законодательства, принятого 3 июля 1961 г., подвергла репрессиям прогрессивные и либеральные кинематографические круги. Творчество Ли Манхи и Ю Хёнмока оказалось под запретом. Рынок страны наводнили американские кинокартины, национальная кинематография испытывала нарастающую кон-

курению со стороны западной киноиндустрии. Осенью 1966 г. власти предпринимают меры по охране отечественного кино, запрещается съемочная и прокатная деятельность многочисленных мелких фирм, в обязательном порядке предписывается демонстрация корейских фильмов в кинотеатрах страны. Но, несмотря на все усилия, в 60 – 70-е гг. кризисные явления преодолеть не удалось. Экраны страны были заполнены малохудожественными образцами американского массового кино, большинство отечественных фильмов не отличались ни техническим качеством, ни художественными достоинствами. Талант и творческая свобода корейских кинематографистов сдерживались жесткой политической цензурой и абсолютной коммерциализацией киноискусства. В конце 70-х гг. встала еще одна проблема: техническая модернизация страны и внедрение передовых технологий наводнили внутренний рынок теле- и видеотехникой, резко упал интерес публики к кинотеатрам. Данная общемировая тенденция продолжает сказываться и на современном состоянии южнокорейского кинематографа.

Ситуация несколько улучшается со второй половины 80-х гг., это связано с общей демократизацией страны, обернувшейся отменой политической цензуры и снятием практически всех запретов на свободное творчество, с возросшим вниманием режиссеров и продюсеров к техническому и художественному качеству кинопродукции. Широкое признание соотечественников и мировой творческой общности получили работы режиссеров Им Гвонтэка («Мачеха», 1987 г., «Адада», 1988 г., «Сопхенджи», 1993 г.), Пэ Ёнгюна («Почему бодидхарма пошел на восток», 1989 г.), Чон Лжияна («Белая кокарда», 1992 г.), Чан Гильсу («Чильсу и Мансу»), Пак Квансу («Серебряный всадник», 1991 г.). Эти картины получили премии престижных мировых кинофестивалей. Высокими международными наградами было отмечено творчество корейских актрис (Син Хэсу, О Джунхэ, Кан Суён) и актеров (Ан Сунги, Ли Духва). В 1998 г. международный фестиваль в Сан-Франциско отметил творчество выдающегося корейского кинорежиссера Им Гвонтэка премией имени Акира Куросавы. На Каннском кинофестивале в 1998 г. южнокорейское кино было представлено сразу четырьмя картинами.

Корейские мастера кино в большинстве своем стараются отталкиваться от истинно национальной тематики, но поднимают ее до уровня общечеловеческих ценностей. На развитие современного кинематографа значительно влияют эстетические принципы буддизма, особенно тяготее к ним представители старшего кинопоколения – Пэ Ёнгюн, Чан Сунву, Ли Джанхо, Им Гвонтэк. В их произведениях доминирует мечта о духовном совершенствовании каждой личности и общества в целом. Среди «ветеранов» особое положение занимает режиссер Ли

Джанхо («Охота на китов», «Обитатели трущоб», «Хван Джини»), получивший признание за гуманистический пафос своего творчества и попытку вскрыть острые социальные проблемы 80-х гг. Его фильмы отличаются также смелым экспериментированием в области художественной выразительности и возможностей кино.

С конца 80-х гг. в кинематографический мир стремительно ворвалось молодое поколение, представленное Чан Сону, Квак Джигюном, Чан Гильсу, Пак Квансу. Новая творческая генерация корейских режиссеров уже отмечена вниманием мировой кинематографической общественности, премиями и наградами международных кинофорумов. В то же время на родине их часто упрекают в недостаточной художественной разработке образов и пренебрежении реализмом. Сильными сторонами творческой молодежи являются прекрасное владение съемочной техникой, умение тонко чувствовать драматургический материал, пристальное внимание к жизни современной Кореи. Их эстетика отлична от традиционной, они не занимаются поисками гармонии, но стремятся показать «надрыв» современной действительности и духовный разлад, характерный для героев наших дней. Границы современного корейского кинематографа стремится расширить молодой режиссер Чан Сону («Путь на скачки», «Иисус из Сеула», «Большой колокол»), он отталкивается от философии и эстетики постмодернизма и исследует внутренний мир своих сверстников, пытаясь найти истоки их нравственного кризиса. В начале 90-х гг. формируется третье поколение кинорежиссеров, к нему относятся Ким Янбин («Война Кима»), Чан Хёнсу («Пешком на небеса»), Ким Энсу («Время продолжается», 1996 г.), Чун Суиль («Моя вторая жизнь»). Для их творчества характерен отказ от традиций старого корейского кинематографа, особенно мелодраматизма, свойственного работам Квак Джигюна и его единомышленников. Молодежь отдает предпочтение красиво выстроенному визуальному ряду и технической стороне дела.

С начала 90-х гг. кинорынок Южной Кореи полностью открыт для проката зарубежных фильмов, ограничения сохранены только с точки зрения морали и нравственности. Иностранные кинопрокатчики получили возможность оперативно работать в стране, а зрителям стали доступны настоящие шедевры американского и европейского кинематографа. Это способствует формированию у корейской аудитории достаточно высокого вкуса, вытесняет из страны низкопробные поделки из Гонконга и Тайваня, заполнявшие кинотеатры и видеосалоны в 80-е гг. С новыми эстетическими оценками корейцы начинают подходить и к национальному кинематографу.

Во второй половине XX в. Корея прошла через многочисленные испытания, для ее культурной жизни был характерен поиск равновесного сочетания традиционных форм и нарастающих современных тенденций, т. к. ощущалось усиливающееся давление со стороны западной культурной традиции. Экономическая и политическая модернизация страны привела к существенным сдвигам в сфере материальной и духовной культуры. От господства традиционных форм и отрицания всего нового, от безудержного распространения американской массовой культуры Южная Корея перешла к синтезу традиций и современности. В новых исторических условиях, на переходе к глобальной стадии в развитии человечества, ведущей становится тенденция сохранения культурного наследия нации, а также обогащения его на основе широкого взаимодействия с миром, заимствования общечеловеческих ценностей.

Важным результатом развития южнокорейского общества с конца 80-х гг. является формирование высокоинтеллектуального слоя творческой интеллигенции, не связанной с материальным производством. Именно ей принадлежит будущее корейской культуры, выходящей в современных условиях за рамки локального явления и пытающейся занять достойное место в глобальном процессе развития мировой цивилизации. Вклад страны в сокровищницу мировой культуры пока еще определяется преимущественно материальной сферой и промышленным производством, но творческое переосмысление своих вековых традиций как составной части мирового культурного процесса позволит корейскому народу занять подобающее ему положение в современном мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оговоренное нами во введении понимание культуры в качестве производного компонента цивилизации дает нам право обратиться к истории корейской культуры как к становлению и развитию особого типа творческой самореализации корейского народа. Культура является самостоятельным признаком этноса и наряду с языком играет важную роль в формировании еще одного этнодифференцирующего признака – этнического сознания. Именно поэтому изучение языка, истории, этнографии и культуры – основа для подготовки квалифицированного специалиста-страноведа, в чем мы не устаем убеждать своих студентов.

Тенденции к формированию целостной культуры проявились на Корейском полуострове еще в эпоху первобытности, точнее, на неолитической стадии (поскольку культурная традиция палеолита и мезолита практически утрачена). Этнокультурная консолидация протокорейцев началась в рамках культуры гребенчатой керамики (культура раковинных куч) и продолжилась дольменной культурой палеометаллической эпохи (культура бронзовых зеркал и мечей пипха).

На рубеже новой эры Корейский полуостров оказался в центре активной культурной диффузии, связанной с широкими миграционными процессами в обширном регионе Северо-Восточной Азии, они стали финалов процесса расового генезиса корейцев и одновременно отправной точкой в становлении корейской народности и ее культуры. Культурные контакты этого периода играли двойственную роль, размывая этнокультурную специфику населения отдельных частей страны и синтезируя общие, консолидирующие черты различных корейских племен.

Постоянно действующим фактором развития исторического процесса на Корейском полуострове, начиная с энеолита, становится культурное давление со стороны Китая. Создание префектур Лолана, ставших форпостом китайского влияния на Корею, – первый шаг на тысячелетнем пути взаимодействия двух культур, продолжающегося, по крайней мере, для КНДР и по сей день. Под влиянием постоянных культурных контактов и заимствований из Китая этническое самосознание корейцев становится максимально открытым и готовым к еще большему восприятию культуры великого южного соседа. В свою очередь, открытость древних корейцев для контактов с внешним миром вызвала феномен передачи китайского наследия на Японские острова через творческое посредничество жителей Корейского полуострова. Под влиянием широких культурных контактов этническое самосознание корейцев научилось твердо различать свою традиционную культуру и заимствованный пласт культуры. Особенно

четко это прослеживается в период трех древних государств (эпоха Самгук).

Особую роль в становлении национальной культуры и этнической консолидации корейцев сыграло восприятие ими буддизма в IV в. Он еще более ослабил, если не окончательно разрушил, прежние этнодифференцирующие факторы и послужил для формирования общекорейского этноса и культуры в обществе Объединенного Силла. Связующая роль религии максимально сказалась не только на культурной, но и на социально-экономической сфере. Эпоха Объединенного Силла характеризуется окончательным формированием территориальных и хозяйственных связей, языковой и политической общности, с этого момента мы ведем отсчет истории Кореи как моноэтнического государства и прослеживаем истоки современной национальной культуры корейцев.

Заложенные в Объединенном Силла тенденции получили дальнейшее развитие в королевстве Корё. Но при сохранении ведущего положения буддизма как официальной религии в этот период наблюдается рост конфуцианского влияния со стороны Китая. Конфуцианская доктрина постепенно становится идеей государственного и социального устройства Корё, ее влияние заметно усиливается в XIV в., когда корейскому народу пришлось решать проблему освобождения от монгольского ига.

Конфуцианская система окончательно сложилась на полуострове в период становления государства Чосон под руководством династии Ли. XIV в. становится вершиной развития феодальной культуры страны. В конце XVI в. на фоне отражения внешней агрессии ведущим направлением корейской культуры становится феодальный национализм, основанный на неоконфуцианской идеологии. Важной задачей неоконфуцианской культуры Кореи явилась защита страны от потенциально возможных внутренних и внешних потрясений, именно в силу этой причины с 40-х годов XVII в. и до второй половины XIX в. корейская культура развивается в условиях режима внешнеполитической изоляции, но при сохранении традиционных связей с Китаем.

Изоляционистская политика не защитила Корею от проникновения некоторых элементов западной культуры, прежде всего, научно-технических знаний и христианства, но вплоть до 70-х годов XIX в. властям страны удавалось контролировать ситуацию. Она была нарушена лишь агрессивным колониальным давлением европейского мира и Японии на хрупкую систему корейского феодального общества. На рубеже XIX – XX вв. начинаются процессы, связанные с формированием корейской буржуазной культуры. В Корею появились заимствованные на Западе театральные жанры (опера, балет, современная драма), кинематограф, классическая музыка и эстрада. Стало отчетли-

вым размежевание двух потоков культурного развития: традиционного и ориентированного на распространение ценностей европейской культуры.

Колониальное соперничество за влияние в Корею открыло страну для проникновения западной культуры, но оно завершилось в середине 90-х годов не в пользу европейцев. Япония вынудила Китай отказаться от опеки над Кореей и начала постепенно прибирать ее к рукам. С конца последнего десятилетия XIX в. полуостров оказался включенным в сферу политического и культурного засилья японских оккупантов. В условиях развития процесса модернизации полусфеодалной Кореи по пути колониального синтеза в культурной сфере страны выделяются два потока: буржуазный, основанный на принятии элементов европейской и японской культуры при сохранении традиционных приоритетов, и демократический, призывавший к отстаиванию национальной культуры и борьбе с засильем колонизаторов. Крайние позиции в демократическом лагере занимали т. н. «пролетарские» элементы, призывавшие марксистско-ленинскую теорию и призывавшие обратить гнев корейского народа не только против японских захватчиков, но и на национальные буржуазно-помещичьи слои, сотрудничавшие с ними на основе национал-реформаторской доктрины.

В годы подготовки и ведения войны на Тихом океане правящие круги Японии ужесточили военно-полицейский режим на полуострове и распространили на сферу культуры шовинистические, агрессивные методы идеологической обработки населения. Такая политика колонизаторов в области культурного строительства привела к практическому застою корейской национальной культуры в период 30 - 40-х годов XX в. Однако полвека колониального господства Японской империи на Корейском полуострове, несмотря на насилие и политику подавления всего национального с целью этнической ассимиляции корейцев, не смогли уничтожить корейскую культуру, ее жизненная сила достойно прошла через суровое испытание и продемонстрировала зрелость и самобытность культуры корейского народа. Обращение к традициям и культурному наследию народа с целью консолидации нации в критической ситуации, перед лицом духовного порабощения со стороны оккупантов — явление закономерное, неоднократно встречавшееся в истории Кореи, но сопротивление японским колонизаторам есть особая страница в истории корейской культуры, поскольку оно вызвало становление буржуазного национализма угнетенной нации, до сих пор сохраняющегося в некоторых чертах экономической, политической и культурной сфер Республики Корея.

То, что не смогли сделать монголы и японские колонизаторы, удалось свершить в социалистической Корее. Национальная история и многие достояния отечественной культуры здесь были просто уничтожены, а затем воссозданы заново с учетом идеологических установок режима. Современная культура КНДР представляет собой уникальное сочетание крайних националистических проявлений и левых установок чуждейской идеологии. Задача сохранения и дальнейшего развития подлинной культуры корейского народа выполняет общество и государство Республики Корея, сумевшей сохранить свою национальную идентичность и привнести в корейскую культурную традицию новое, современное содержание.

В современных условиях южнокорейского общества широкое распространение получила тенденция к культивированию и подчеркиванию традиционных мотивов корейской культуры. В стране сложился слой культурологов и общественно-политических деятелей, утверждающих, что только традиционная культура представляет собой подлинно национальную культуру, а все привнесенное с Запада является чуждым, внешним и переходящим. Такая игра на национальных чувствах оказывает заметное влияние на общественное сознание и чревата всплеском национализма в столь же опасных формах, какие она приобрела в Северной Корее. Процесс исторического развития необратим, поэтому в современной Южной Корее, являющейся высокоразвитой индустриальной страной, возрождать и культивировать ценности традиционной культуры, сформировавшиеся в феодальную эпоху, можно только искусственно; естественный путь дальнейшего развития культуры в наши дни направлен в сторону ее глубокой глобализации.

Своеобразие корейской культуры объясняется особенностями и закономерностями исторического развития страны в рамках дальневосточного очага конфуцианской цивилизации. Храня в себе творческий опыт многих поколений корейского народа, она является не только его достоянием, но входит в копилку культурных ценностей всего человечества. Национальные культуры, взаимодействующие на мировой арене, в наши дни должны использоваться не как средство размежевания народов, подчеркивания их различий или превосходства одной нации над другими, но как инструмент сближения, углубления взаимного понимания и обогащения человечества. Только в этом случае духовные ценности различных народов могут стать общим достоянием, их вкладом в сокровищницу мировой цивилизации. Недооценка общих закономерностей историко-культурного процесса может привести к формированию национальной ограниченности и возобладанию шовинистических тенденций.

Список использованной литературы:

1. Актуальные проблемы Корейского полуострова: Сборник статей. – М.: ИДВ РАН, 1996.
2. Буркхардт Т. Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы. – М.: Алетея, 1999.
3. Бучкин А.А. Социальная эволюция современной Южной Кореи. – М.: Наука, 1987.
4. Васильев Г. Белая пагода. – М.: Наука, 1976.
5. Волков С.В. Ранняя история буддизма в Корее (Сангха и государство). – М.: Наука, 1985.
6. Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. – М.: Восточная литература, 1999.
7. Воробьев М.В. Корея до второй трети VII в.: Этнос, общество, культура и окружающий мир. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1997.
8. Главева Д.Г. Распространение буддизма в Японии: синто-буддийский синкретизм // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – 3. – С. 139-151.
9. Глухарева О.Н. Искусство Кореи: с древнейших времен до конца XIX в. – М.: Искусство, 1982.
10. Гоголев К.Н. Мировая художественная культура. Индия, Китай, Япония. – М.: Издательский центр АЗ, 1997.
11. Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры: конец XVI – начало XX века. – М.: Наука, 1986.
12. Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы (К этнической истории корейцев). – М.: Наука, 1972.
13. Джарылгасинова Р.Ш. Корейские мифы о культурных героях // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. – М.: Наука, 1970.
14. Елисеев Л.Д. Корейская средневековая литература «пхэсоль» // Некоторые проблемы происхождения жанра. – М.: Наука, 1968.
15. Забровская Л.В. Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ (на примере китайско-корейских отношений в XVII – XX вв.). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000.
16. Иванова В.И. Новая проза Кореи. – М.: Наука, 1987.
17. Ионова Ю.В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1982.
18. Ионова Ю.В. О культе деревьев в Корее // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. – М.: Наука, 1986.
19. Ионова Ю.В. Шаманство в Корее // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. – М.: Наука, 1980.
20. Исторический очерк Кореи (до августа 1945 г.). – Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1978.
21. История Кореи. – Сеул: KBS, 1995.
22. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). В 2-х тт. – М.: Наука, 1974.
23. История Российской Духовной Миссии в Корее. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1999.
24. История цветов. Корейская классическая проза / Сост. А. Тропевич. – Л., 1991.
25. Календарные обычаи и обряды народов восточной Азии. Головой цикл. – М.: Наука, 1989.
26. Календарные обычаи и обряды народов восточной Азии. Новый год. – М.: Наука, 1985.
27. Классическая буддийская философия. – С.-Пб.: Лань, 1999.
28. Кожевников В.В. Очерки древней истории Японии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998.
29. Кожевников В.В. Очерки истории Японии. VII – XI вв. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000.
30. Концевич Л.Р. Корейская мифология // Корееведение. Избранные работы. – М.: Муровей-Гайд, 2001. – С. 404-502.
31. Концевич Л.Р. Корейская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. – М.: БРЭ, 1997. – С. 667-671.
32. Концевич Л.Р. Корейская поэтика // Корееведение. Избранные работы. – М.: Муровей-Гайд, 2001. – С. 348-364.
33. Концевич Л.Р. Корейская средневековая проза в ее историческом и жанровом развитии // Корееведение. Избранные работы. – М.: Муровей-Гайд, 2001. – С. 366-376.
34. Концевич Л.Р. Русская и латинская системы практической транскрипции корейских слов. Правила передачи корейских имен собственных и терминов в русском языке // Корееведение. Избранные работы. – М.: Муровей-Гайд, 2001. – С. 291-344.
35. Концевич Л.Р. Традиционная корейская музыка // Корееведение. Избранные работы. – М.: Муровей-Гайд, 2001. – С. 387-400.
36. Корейская Народно-Демократическая Республика: Справочник. – М.: ИПЛ, 1988.

37. Корейские предания и легенды (из средневековых книг) / Сост. Л. Концевич. – М.: Художественная литература, 1980.
38. Ланьков А.Н. Корея: будни и праздники. – М.: Международные отношения, 2000.
39. Ланьков А.Н. Северная Корея: вчера и сегодня. – М.: Восточная литература, 1995.
40. Лобода И.Г. Корейская мозаика. – М.: Наука, 1985.
41. Марков В.М. Республика Корея. Традиции и современность в культуре второй половины XX в. Взгляд из России. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.
42. Матюшин Г.Н. Археологический словарь. – М.: Учебная литература, 1996.
43. Обзор по Корее. – Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1979.
44. Очерк корейской истории. Книга 1. – Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1992.
45. Пак М.Н. Очерки ранней истории Кореи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
46. Повести страны зеленых гор / Пред. М. Никитиной и А. Троцевич. Комм. В. Рифтина. – М.: Художественная литература, 1966.
47. Республика Корея. Карманная энциклопедия / Сост. С.В. Волков, Т.М. Симбирцева. – М.: Муравей – Гайд, 2000.
48. Симбирцева Т.М. Корея на перекрестке эпох. – М.: Муравей – Гайд, 2000.
49. Син Хёнсик. Историография истории Кореи: южный и северный подходы / Пер. с кор. В.М. Тихонова. – Сеул: Синаса, 1998.
50. Современная история Кореи. – Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1979.
51. Соколовский А.Я. Очерки по вьетнамской культуре. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000.
52. Соловьев А.В. Исторический текст в контексте изучения истории культуры Кореи (на примере текста «Самгук саги») // Мат. конф. «Актуальные проблемы корееведения». – С.-Пб.: Центр корейского языка и культуры, 2000. – С. 33-44.
53. Сон в нефритовом тереме. Роман / Пер. с кор. Пред. и комм. В. Сорокина. – М.: Художественная литература, 1982.
54. Социальный облик Востока. – М.: Восточная литература, 1999.
55. Традиционное искусство Востока: терминологический словарь / Под ред. Т.Х. Стародуб. – М.: Эллис Лак, 1997.
56. Троцевич А.Ф. Корейский средневековый роман «Облачный сон девяти» Ким Манчжуна. – М.: Наука, 1986.
57. Троцевич А.Ф. Миф и сюжетная проза Кореи. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996.
58. Тягай Г.Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
59. Этнография питания народов зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии / Отв. ред. С.А. Арутюнов. – М.: Наука, 1981.
60. Ури мунхваджэ тогам (Обзор культурных достопримечательностей [Кореи]). – Сеул: Йерамдань, 2000.
61. Ханбок 2000 (Корейский костюм – 2000): Материалы показа традиционной корейской одежды в г. Владивостоке. 2 октября 2000 г. – Сеул: Ун-т «Соньсин», 2000.
62. Хангук минджок мунхва тэбэкква саджон (Большой толковый словарь национальной корейской культуры). В 26 т. – Сеул: Корейский НИИ духовной культуры, 1991 – 1997.
63. Хангукса тэсаджон (Энциклопедический словарь по истории Кореи). – Сеул: Кёок тосо, 1992.
64. Чосон тхонса (Полная история Кореи). В 33 т. – Пхеньян: Квахак чхульпханса, 1990-1991.
65. A Guide to Korean Cultural Heritage. – Seoul: KOIS, 1998.
66. A Handbook of Korea. – Seoul: KOIS, 1998.
67. Bei Tae Hung Ha. Guide to Korean Culture. – Seoul: Ynsei University Press, 1985.
68. Korean Cultural Heritage. Vol. 1 – 4. – Seoul: KOIS, 1994 – 1997.
69. Lee Ki-baik. A New History of Korea. – London: Harvard University Press, 1984.
70. Who's Who in Korean Literature. – Seoul: Hollym, 1996.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН, НАЗВАНИЙ И ПОНЯТИЙ

А

А Джигильса (см. А Джикки)
 А Джикки 32, 54
 аак 86, 127, 156
 Абиджи 41
 абхая-мудра 46
 Авалокитешвара 38, 46-47, 60-62, 79
 Адам 39
 Адо 36
 Азиатский континент (см. Азия)
 Азия 5, 8, 23, 131, 134
 Айтматов Ч. 144
 акпо 104
 акчан 97
 Аллен Г. 121
 Алтай 16
 Амида (см. Амидабха)
 Амидабха 38, 47, 57, 61, 63, 80
 Амитха[буль] (см. Амидабха)
 Амноккан 29, 44
 Ан Гён 100
 Ан Гиён 156
 Ан Гиок 137
 Ан Джонбок 107
 Ан Джунсик 128, 154
 Ан Дончхун 144
 Ан Куксон 126
 Ан Минён 126
 Ан Пёнман 143
 Ан Пхён (см. Ли Анпхён)
 Ан Сугиль 151
 Ан Суксон 156
 Ан Сунги 158
 Ан Хян 72
 Анак 43-44
 Анбён 102
 Англия 150
 Андервуд Г. 121
 Аннан (см. Уолан)
 антефикс 48-49, 52, 64
 Анхаккун 40, 52, 67
 Аншенцеллер Г. 121
 апсара 38, 46
 Ариябарма 57
 архат 61-62, 80
 Асука 53-54
 Асукадэра 53
 Африка 15

Б
 Бань Гу 22
 би 32
 бодхисатва 30, 37-38, 46-47, 57, 60-62, 64, 79
 Бондарев Ю. 144
 Бохай 55, 65-67, 86
 Бохайский залив 53
 Брахма 61-62

Будда, будда 14, 23, 30-31, 36-38, 42, 46-47, 54-55, 57, 60-61, 63-65, 71, 77, 79-80, 84, 97
 буддизм 9, 27, 35-40, 47, 52-57, 62, 65-67, 69-73, 75-76, 80, 82, 86, 90-91, 96-97, 99, 101-103, 113, 121-122, 134, 141, 148-149, 152, 154, 156, 158, 160
 Бхайшаджья-гуру 57
 Бхаяса-гуру 61
 бэньи (см. пхэньи)

В
 Вайрочана 38, 61, 63
 Ван (династия, династия *Корё*) 9, 69, 71, 73, 76
 Ван Гон 56, 69, 77
 Ван Ин 32, 54
 Ван Санак 51, 59
 Ван Сиджи 62
 Ван Хонгу 135
 Ван Ю Рынхва 35
 Ван Ян-мин 106
 Вангом (см. Тангун)
 ванса 71
 Ванхёрем 66
 вара-мудра 47
 виджон чхокса 119-120
 Вималакирити 38, 60
 виналон 143
 виная 36
 Вихон 59
 Владивосток 48
 Вонгак 101
 Вонгакса 102
 Вонгакса 127
 Вонгакхвап 102
 Вонгван (см. Хан Ёнун)
 вон-буддизм 134
 Вольгванса 63
 Вольмёнеса 59
 Вольсон 41
 Вольчхонса 77
 Вон Ван 33
 Вон Чхык 37, 65
 Вонджон 70
 Воноса 41, 46
 Вонсан 121, 123
 Вонсон 58
 Вонхё 57-59
 Воробьёв М.В. 6
 Восточная Азия 8, 19
 Восточная Сибирь 16
 Вридхака 61
 вэньянь (см. ханмун)

Г
 Гайдар А. 145
 Гао Сяньчжи (см. Ко Сиджи)
 Гаугама (см. Будда)

Германия 156
 Гё:ки (см. Кёги)
 Глинка М. 144
 Глухарева О.И. 6
 Голсуорси Дж. 136
 Горький М. 145
 Граммон П. 109
 Гуан Юй 39
 Гуан-ди 39
Д
 Дальний Восток 3, 11, 15-16, 27, 34, 42-43, 46, 52, 56, 61, 64, 70, 81, 131, 133
 Дальневосточный регион (см. Дальний Восток) дао 38
 Дао Лин (см. Торим)
 даосизм 9, 27, 35-36, 38, 45, 56, 58, 90, 99-100, 122, 149
 Дзёмон 15, 17
 дзэн-буддизм 38, 56-57, 71, 101
 Динцунь 15
 Динчжоу 81
 До 15
 дольмен 14, 17, 23, 40, 160
 Донгё (см. Танджин)
 Древний Китай 39
 Древний Чосон 5, 18-19, 22, 24-25, 32, 55
 Дундацзы 40
 Дунцинчэн 66-67
 дун-и 19
 дхарма 36, 153
 Дхарестра 61
Е
 е 25
 Евон 59
 Европа 15, 74, 86, 108, 118, 122-123, 127, 152
 Еджон 79
 еи 95
 емэк 19, 25
 Есан 76
 Есенин С. 144
 Есонъган 86
 Ехын 59
Ё
 Ёгё 78
 Ёдогава 54
 Ём Сансон 136
 Ёмгун 136
 Ёмпа 38
 Ёнам (см. Пак Чивон)
 ёнван 25
 Ёнгван 102, 114
 Ёнгёнджон 114
 ёнгокский человек 16
 Ёнгоп 62
 ёнджанчхе 75
 Ёнджиса 64
 Ёнджо 105, 107

Ёнджу 61
 Ёнджуса 84
 Ёнджэ 59
 Ёндонни 47
 Ёнмёса 62
 Ёнпун 76
 Ёнсаджон 79
 Ёнсе 124
 Ёнхённи 47
Ж
 Жёлтое море 86
И
 И Инсон 154
 И Мунёль 152
 И Санюн 156
 Ибсен Г. 136
 Ибулланса 36
 Иджэ (см. Конмин)
 иду 32-33, 58-59, 95
 Иксан 42, 47
 Иктан (см. Конмин)
 Икчэ из Кёнджу (см. Ли Джэхён)
 ильгванджа 34
 Им Гвонтэк 158
 Им Джисун 154
 Им Джэ 110
 Им Ёнун 157
 Им Сонгу 127
 Им Соннам 157
 Им Чхунджу 144
 Имджинган 78
 Имхэджон 41
 ин 95
 инван 38
 Индия 15, 36-37, 53, 57-58, 60, 65
 Индостан 53
 Индра 61-62
 Инёнджон 102
 Инованни 61
 Инпхун 114
 Инчон 66-67
 Инь (империя, династия) 17
 инь-янь 154
 ипса (см. хамун)
 Иран 58
 Ирён 22, 74
 Ихва 124
 Ихва хактан 124
Й
 Йеджон 72
 йесо 33
К
 кагык 144
 каё 59, 75, 85, 104
 Какхван 114
 Какчочхон 34, 45
 кальмо 11

- каму 60, 85
 Камынса 61, 63
 Кан Бёнун 156
 Кан Гонэмаль 61
 Кан Джохвап 146
 Кан Мёнгийль 107
 Кан Понджин 152
 Кан Пхо 73
 Кан Сехван 112
 Кан Сиджэ 151
 Кан Суён 158
 Кан Сукхиль 156
 Кан Филипп (см. Кан Бёнун)
 Кан Хальсу 145
 Кан Хан 104, 116
 Кан Хиан 100
 Кан Химэн 94
 Кан Хо 137
 Кан Хонсик 145
 Кан Чунсон 156
 Канвон 22, 33, 76-77, 80
 Канге 114
 канджанъ 10
 Канджин 82
 Кансо 44-45
 Кансу 59
 Канхвадо 14, 74, 82-83
 Карак (см. Кая)
 каса 97, 104, 110, 126
 касин 25
 кат 11
 Кахак 102
 Кахынни 61
 Кая 28, 65
 каягым 51, 59, 85
 Каясан 74
 кваго 58, 110, 123
 Квак Джигюн 158-159
 Квак Мёнсо 145
 кван 91
 Кванбок 146
 Квангэтхо-ван 29, 32-33, 43
 Кванджон 69, 71, 86
 Кванджу 153
 квандэ 103
 Кванхверу 102
 Кванчхокса 80
 Кваным (см. Авалакитешвара)
 квервегык 103
 квимён 40, 48
 квисин 25, 64
 Кви Сок 103
 Квон Бо 72
 Квон Денун 144
 Квон Джэ 97
 Квон Ильсин 109
 Квон Пхиль 110
 Квон Чингю 154
 Кевон 59
 Кёги 65
 кёдан 33
 кёджон 57, 71
 Кёдонъ 22
 кёльи 23
 Кёмик 36, 53
 Кёнбоккун 77, 101-102, 129, 152
 Кёнгги 15, 77, 82-83, 85-86
 Кёнджон 69
 Кёнджу 33-34, 41-42, 44, 46-47, 49-50, 52, 58-64
 Кёпсан 98
 Кёпсун 69
 Кёнчхонса 77
 Кёнчхонтхап 102
 ки 92-93
 Ки Чонджин 119
 кидане 67, 69, 76, 80, 82, 86
 Киджа 18-19
 Кидоккё чхоншёнхве 133
 Ким Бёнмук 119
 Ким Бёнхи 145
 Ким Бёнхун 144
 Ким Бокхи 157
 Ким Бокчин 136-137
 Ким Бончхоль 144
 Ким Бохён 144
 Ким Бусик 22, 35, 68, 74
 Ким Вэнги 154
 Ким Гванджин 135
 Ким Гёнги 152
 Ким Гёпсун 154
 Ким Гиджин 136
 Ким Гирхак 144
 Ким Гису 156
 Ким Гичхан 153-154
 Ким Гу 100
 Ким Гу 133
 Ким Джиха 152
 Ким Джогию 143
 Ким Джонён 154
 Ким Джонок 157
 Ким Джонсан 152
 Ким Джонсук 154
 Ким Джонсо 97
 Ким Джонхи 146
 Ким Джэ 112
 Ким Донин 158
 Ким Донни 151
 Ким Дону 144
 Ким Донъин 135-136
 Ким Досан 127
 Ким Дуксу 156
 Ким Дурян 112
 Ким Дыксин 112
 Ким Ёнги 153

- Ким Ённан 136
 Ким Ёнджин 153, 156
 Ким Ёнджун 145
 Ким Ёнпхаль 137
 Ким Ёнхи 155
 Ким Ёнхо 145
 Ким Игван 145
 Ким Ингвон 145
 Ким Инмуи 62
 Ким Ирён 137
 Ким Ирсен 95, 140-144, 146-147
 Ким Кённин 151
 Ким Киун 153
 Ким Кюдон 151
 Ким Манджун 110
 Ким Манхён 145
 Ким Мэджа 157
 Ким Наксон 145
 Ким Намюн 156
 Ким Оккюн 117, 120
 Ким Рённин 145
 Ким Саккаг 126
 Ким Санён 156
 Ким Санрён 145
 Ким Сансик 153
 Ким Сик 112
 Ким Сисып 92-93, 98
 Ким Соволь 136
 Ким Согмун 107
 Ким Соксин 112
 Ким Сокчхоль 153
 Ким Сон 144
 Ким Сонён 145
 Ким Сонхан 151
 Ким Соран 127
 Ким Сохи 156
 Ким Суак 157
 Ким Сугён 153
 Ким Суджан 110
 Ким Сукча 157
 Ким Сундэ 156
 Ким Суннам 156
 Ким Суро 25
 Ким Сынок 152
 Ким Сэн 62, 75
 Ким Тонджин 156
 Ким Тэмун 58-59
 Ким Тэсон 63-64
 Ким Унхо 153
 Ким Хагён 143
 Ким Хванвон 75
 Ким Хванджу 151
 Ким Хёнгун 156
 Ким Хондо 112-113
 Ким Хонсик 153
 Ким Хэсик 157
 Ким Чак (Ким Чхэк) 143
 Ким Чваджин 133
 Ким Ченир 140, 144-147
 Ким Чесок 155
 Ким Чонгиль 156
 Ким Чонджик 92, 98
 Ким Чонхи (Чуса) 107, 112
 Ким Чунон 153
 Ким Чуны 60
 Ким Чхаён 151
 Ким Чхонтхэк 110
 Ким Чхонхун 157
 Ким Чхунджон 145
 Ким Эпсу 159
 Ким Юджон 136
 Ким Юк 93, 98
 Ким Юпук 156
 Ким Юсин 57, 62
 Ким Янбин 159
 Кимдже 77
 кимоно 11
 Кимхэ 21
 кимчхи 10
 кисэн 11, 112
 Китай 5, 8, 17-18, 27-28, 31-40, 42, 44-46, 52-55, 57-60, 65-67, 69-71, 73-74, 79, 81-82, 85-87, 99, 103-105, 107-110, 112, 114-118, 122, 124, 127, 140, 144, 160-161
 Китайская империя (см. Китай)
 ккотсин 11
 КНДР 10-11, 13, 15, 17-19, 21, 40, 44, 51, 55, 66, 73-74, 77, 80, 139-147, 158, 160-161
 КНР (см. Китай)
 Ко 27
 Ко Анму 54
 Ко Вонго 66
 Ко Джоги 75
 Ко Сиджи 65
 Ко Ун 100
 Ко Хын 35
 Ко Чхильбу 35
 Ко Юбан 80
 кобуксон 94
 Когалзи 65
 Когугвон 43
 когурё 25, 27, 29
 Когурё 5, 9, 14, 19, 26-52, 55, 65-67, 69, 74-75, 78, 139, 146
 Кодальса 77
 Кодальтхаппи 77
 кодраный 11
 Коджон 127, 129
 комунго 51, 59-60, 85
 комусин 11, 123
 конгук синхва 24
 Конджу 44, 46
 Конмин 70, 77, 80-81
 Консимдон 114

конфуцианство 8-9, 27, 35-36, 39, 55-58, 65-66,
69-73, 75, 86, 89-93, 95-110,
114, 116, 119-122, 125-127, 132,
149-150, 154, 160-161

Конфуций 39, 71-73, 90-92, 104

Концевич Л.Р. 6

Корейская Народно-Демократическая
Республика (см. КНДР)

Корё 5, 13, 36, 53, 59, 67-87, 89-90, 92, 94-95,
101-104, 139, 160

Корнейчук А. 144

корым 11

КПСС 140

Кроуновская культура 16

кубон 56

кугак 156

Ку Джаун 151

Ку Сан 152

кукса 71

Кукхак 57-58

Кукчагам 72

Кульхо 15

Кунги 98-99

кундик 83, 85

Кунинака Номураджи Кимимаро 65

Куннэсон 29, 41

Кунсури 47

курё 19

Куросава А. 158

кусан (см. кубон)

Кухванни 61

кхальчхум 51

Кыктан мокхва 157

Кыктан пилха 157

Кыктан сасиль 157

Кымганса 42, 53

Кымгансан 76, 80

Кымгван (см. Кая)

Кымгванчхон 49, 52

Кымджэ 32

Кымёнчхон 49

Кымсанса 77, 114

Кымсон 34, 41

Кынджонджон 102

Кыннаджон 76

Кыпчого 35

Кэгён (см. Сонак)

кэмонъ ундонъ 119-120, 126, 132-133

Копхун 77, 79

Кэсимса 76

Кэсон 69, 73, 77, 114, 146

кэхва ундонъ 118-120

Кюам 47-48

Кюаммён 48

Кюджангак 107

Кюми 47

Кюн Ё 75

Кюсю 17-18, 53-54

Кюянгак 95

Korea Foundation 2, 4, 147

Л

Ланьков А.Н. 6

Лао-цзы 58

Ленин В.И. 137

ли 92-93, 100

Ли (династия, династия Чосон) 7, 11, 34, 36, 70,
87, 89-91, 93-97, 99-100, 102-103, 114-115, 119,
160

Ли Ам 100

Ли Анпхён 99-100

Ли Бёк 109

Ли Бомсон 151

Ли Боннэ 151

Ли Бунмён 143

Ли Вансу 155

Ли Гванпхиль 80

Ли Гвансу 135-136, 158

Ли Гёнесук 156

Ли Гиён 136, 143-144

Ли Гуён 158

Ли Гынно 135

Ли Гюбо 74-74

Ли Гюген 108

Ли Гюхван 158

Ли Джагём 70

Ли Джанхо 158

Ли Джон 88, 100

Ли Джонсун 143

Ли Джэхён 72-73, 80, 86

Ли Джунсун 154

Ли Доён 153

Ли Донгю 143

Ли Донджу 151

Ли Донму 116

Ли Донхви 133

Ли Духва 158

Ли Ён 79

Ли И 92-93, 97, 106

Ли Ик 107-108

Ли Иксан 136

Ли Инджик 127

Ли Инно 75

Ли Кхведо 145

Ли Манхи 158

Ли Мёнсан 137, 144

Ли Мёнкук 112

Ли Муён 151

Ли Мунджин 35

Ли Ок 111

Ли Окпён 97

Ли Пёнбок 157

Ли Пхальчхан 145

Ли Сан 136

Ли Санбом 153

Ли Санджва 101
 Ли Сандэ 137
 Ли Санно 73
 Ли Санрён 133
 Ли Сантхэк 64
 Ли Санхва 136
 Ли Синхым 100
 Ли Сокхёна 98
 Ли Сонге 70, 73, 89-91, 95, 99, 102, 114
 Ли Сугван 93, 98
 Ли Сунсин 144
 Ли Сунгэк 155
 Ли Синги 143
 Ли Сынмап 133, 147, 158
 Ли Сынхун 109
 Ли Сынхю 74
 Ли Сэк 72-73, 90
 Ли Тонап 156
 Ли Ханбок 100
 Ли Ханно 119
 Ли Хаяп (см. тэвопгун)
 Ли Хаюн 151
 Ли Хван 92-93, 97, 106
 Ли Хён 146
 Ли Хёнбо 97
 Ли Хёсок 136
 Ли Хочхоль 151
 Ли Хунджан 119
 Ли Хэджо 127
 Ли Чанъним 149
 Ли Чинсан 119
 Ли Чонджон 144
 Ли Чхан 145
 Ли Чхон 94
 Ли Юкса 136
 Ли Юнджэ 135
 Лим Вонсик 156
 Лим Дже 97-98
 локалала 61, 64
 Лолан 17-19, 32, 43, 52-53, 160
 Лорка Г. 157
 Лю Инсок 119
 Лю Монин 110
 Лю Хёнвон 107
 Лю Чхиджин 157
 Лю Ювон 119
 Ляо 86
 Ляодун 17-18, 23, 27, 35
 Ляодунский полуостров (см. Ляодун)
 Ляоси 18
М
 Магаён 80
 магоджа 11
 мадангык 157
 маданнори 157
 Маджин 56
 Майтрейя 31, 38, 42, 46-47, 57, 80

мальчхум 51
 манадала 80
 Манволь 73
 Манвольдо 77-78
 манвольсон 40
 мангон 11
 мандальский человек 16
 Манджу[носаль] (см. Манджушри)
 Манджушри 38, 61-62
 машёнхва 145
 Мансогван 86
 Мансудэ 146
 Маньчжурия 8, 15, 17-18, 23, 27, 66, 86, 105, 133-134, 136
 Маранантха 36
 марипкан 27-28
 Марков В.М. 6
 мару 12
 махан 19
 махаяна 36-38, 56-57
 менгир 23
 Мериме II. 136
 Метрополитен опера 156
 мёджи 32-33
 Мёнгван 37
 Мёндонь 117, 129
 Мёхякса 74, 141
 Мёхясан 141
 Мёчхон 70-71
 Мин (династия, империя) 70, 99, 101-102, 105, 115
 Мин Бёнгюн 143
 Мин Хёсик 153
 минджунмун 152
 минхва 154
 Мирык (см. Майтрейя)
 Мирыкса 42, 63
 Мирыкчжон 114
 Мисонни 22
 Митха (см. Амитабха)
 Мичхон 43
 Мокчон 69, 86
 Мокчхон 153
 Молонотоу (см. Маранантха)
 Монголия 15, 17, 70
 Монгольское ханство (см. Монголия)
 монхирхва 100
 Моранбонь 146
 Моходжа (см. Мукходжа)
 Мохэ 66, 86
 Мо Юнсук 151
 Муви 102
 мудань 104, 149
 Муджин 43
 Муёнчхон 14, 34, 45, 51
 Мукходжа 36
 мулле 21

мульквисин 25
 Мун Икчом 73
 Мун Санмён 149
 Мун Син 155
 Мунджон 70
 Мунён-ван 48-50
 мунинхва 100, 128
 Мунмё 102
 Мунму-ван 33, 62
 Мунсу 146
 Мунсу (см. Манджушри)

мунхва 100
 Мурён-ван 33, 44, 46
 Мурынсуджон 76, 80
 Мусасино 54
 мусиндо 154
 мэбён 68, 82-83
 Мэйдзи 119, 125
 мэк 19
 Мэн Сасон 94, 97

Н

На Дохян 136
 На Унгю 137
 наджон 85, 145
 Нактонган 28
 Нам Гунман 144
 Нам И 97
 намбук сидэ 66
 Намдэmun 102
 Наммун 102
 Намихадонь 20-21
 Намнхо 35
 Намсан 61
 Намсари 50
 Нанго (см. Ким Саккат)
 Наора Побуо 135
 Нара 65
 нахан (см. архат)
 неоконфуцианство 70, 72-73, 90, 105-106, 160
 Николай Чудотворец 149
 Но Джэён 156
 Но Сухён 153
 ноби 71
 ногып 55
 нодоньджамун (см. минджунмун)
 Нонсан 80
 Нонсанни 44
 нонъак 156
 Нориса Чхиге 54

Нугак 58
 Нугакчон 58
 Нульджи 36
 Нунсан 46

Нурхаци 105
 Нэкори 146

О

О Бёнчхо 145
 О Гёнсок 120
 О Джихо 154
 О Джонхи 152
 О Джунхэ 158
 О Дэхён 145
 О Квапчхан 66
 О Моннён 100
 О Санвон 151
 О Сону 145
 О Хёсин 66
 О Хунмён 156
 обанъсэк 154
 Объединенное Силла 9, 13-14, 26-28, 32, 36, 53, 55-67, 69-71, 74-76, 80, 84, 87, 160

Одэсан 77, 95
 Ок Пого 59
 Оксан 102
 окчо 19
 Олдовай 15
 Ом Тукмун 152
 ондоль 12, 20, 40, 67
 Осиповка 15
 Островский П. 145
 Оу Янсюнь 62, 74
 Оынни 26

П

пабонсу 154
 Павел 122
 Паджатап 15
 Паджи 11
 Пак Акхван 146
 Пак Ём 156
 Пак Ён 104
 Пак Ёнбо 144
 Пак Ёнхо 120
 Пак Инган 74
 Пак Инно 98
 Пак Инсу 156
 Пак Инхван 151-152
 Пак Квансу 158
 Пак Кённи 151
 Пак Кирён 137, 155
 Пак Кюсу 120
 Пак М.Н. 6
 Пак Намджун 155
 Пак Намун 135
 Пак Нэхён 153
 Пак Пхарян 136
 Пак Сану 144
 Пак Севон 156
 Пак Седан 106-107
 Пак Сеён 136, 143
 Пак Серъя 140

- Пак Сихён 135
 Пак Сугён 153
 Пак Сэнгван 154
 Пак Тонджин 137
 Пак Тонсиль 144
 Пак Тонсоль 137
 Пак Туджин 152
 Пак Тхэвон 136, 144
 Пак Унголь 143
 Пак Хёгван 126
 Пак Хёккосс 25
 Пак Чега 107
 Пак Чжонхи 147-148
 Пак Чжэсам 151
 Пак Чивон 107-108, 110-111, 116
 Пак Чхунмёнъ 153
 Пак Ынсеик 126
 пакса 33, 57
 Памир 65
 Пан Гёнпхун 35
 панвольсон 40
 панга 47
 Панге (см. Лю Хёнвон)
 Пангосан 61
 Пангудонъ 24, 26
 Панъ-гу 39
 пап 10
 паривара 47
 Пархэ (см. Бохай)
 Пекин 86, 108-109
 пёльгук 75
 Пёльсунн 25
 Пён Квансик 153
 Пён Санбёк 112
 пёнджин 28
 Пённандо 86
 пёнхан 19
 Пивон 102
 Пикассо 11, 154
 пипха 19-20, 59
 пипха 51, 160
 Пирочхана[буль] (см. Вайрочана)
 Нирюри (см. Вридхака)
 Повонса 47
 Пуджеса 76-77
 Позднее Корё (см. Тхэбон)
 Позднее Тросцаретвие (см. Хусамгук)
 Позднее Пэкче (см. Хубэкче)
 Покчхондонъ 49
 Помёину 63
 Помимса 62
 помпхэ 156
 Понджонса 76
 Пондокса 63-64
 Понсанни 46
 Понсон 103
 понтхобун 29
 Попхын 63
 Попчуса 60-61, 114
 Попчхонса 77
 Поримса 61
 посон 11
 Потхонъмун 102
 Похён 60-61
 Похёнса 77
 Приморский край (см. Приморье)
 Приморье 15, 17-18, 66-67
 протоселадон 81
 Пуан 82
 пуё 19, 28
 Пуё 33, 42, 46-47
 Пуён 102
 пукхак 107
 пукчхум 51
 Пульгук 61
 Пульгукса 59, 61, 63-64, 73, 76, 78
 пулькоги 7
 пульсаяк 38
 Пунхванса 42, 52, 60
 пунчхон 155
 Пурильса 77
 Пусан 21, 49, 95, 121
 Пусокса 61, 76, 79-80
 пучхэчхум 51
 Пхальсанджон 114
 пхансори 111, 127, 156
 пханхва 113
 Пхаскюла 136
 пхегван 74
 Пхеньян 15, 17-19, 29, 33, 36, 40-41, 43, 46, 49-50, 52, 55, 71, 73, 85, 95, 101-102, 114, 121, 129, 138-142, 144-147
 пхёнгён 51
 пхёнджон 51
 пхунволь 33
 Пхуннёнгун 129
 пхурын-ханьиль 83
 пхэньи 21
 пхэсоль 98, 152
 Пэ Ёнгюн 158
 Пэгволь-соун 62
 Пэгунё 63
 Пэдже 124
 Пэк Намун 143
 Пэк Ынбэ 128
 Пэктусан 25
 Пэкче 5, 9, 19, 26-39, 41-44, 46-52, 55, 65, 74, 78
 Пэн Герян 98
 пэкхо 46
 Пяти династий (эпоха) 69
Р
 Ра Чхоль 134
 Раксан 103

- Ракеанса 102
 Ремарк Э. 137
 Ре Ок 19
 Республика Корея 10-13, 15, 19, 21-22, 24, 33, 47, 66, 76, 84, 95, 122, 133, 139, 141, 143-144, 147-154, 156-159, 161
 Рёнко 30
 Римская империя 53
 Риччи М. 109
 РК (см. Республика Корея)
 Ронам 20
 Россия 118, 121-122, 133, 149
 Русяна дайбуцу 65
 «раковинные кучи» 16, 160
 «расписное Корё» 81, 84
 «рыбий скелет» 16, 20, 26
С
 Сабн 41
 саджаму 85
 сажжокван 141
 сакэ 10
 Саллёнхвачхон 44-45
 Салтыков-Щедрин М. 145
 Самгук 27-32, 35-36, 38-41, 43-44, 46, 48, 50-53, 55-57, 59-64, 75, 160
 Саммё 45-46
 самнонджон 53
 самочхум 51
 Самсильчхон 43-45
 самуль нори 24, 156
 самхан 16
 Самчхолли кагыктан 137
 Санволлим 157
 Санволса 64
 сангам 81-84
 сангам чхонджа 103
 Сангён 66-67
 Сангённёнчхонбу 67
 Сангоса 41
 сангха 36
 сандэгык 103
 санкакуэн сипдзюкё 54
 сансин 25
 сансухва 100, 153
 сансю-но дзинки 54
 сапъ 91
 Саньсаджа 60
 санэму 60
 сарим 92, 97-98
 сарира 63-64, 85
 Саритхан 63
 сасин 25, 45-46
 Сасинчхон 45
 сасоль сиджо 110
 Сатхэкчиджок 33
 сахак 95-96
 сачхонван 38
 Сачхонванса 60
 Священный Синод 121
 Северная Азия 15, 17
 Северная Вэй 46
 Северная Корея (см. КНДР)
 Северная Хванхэ 46
 Северная Чолла 23, 32, 42, 47, 77, 82, 153
 Северный Кёнсан 23, 26, 33-34, 41, 60-61, 63, 76, 79
 Северный Китай 15, 36-37
 Северный Пхёнан 17, 20, 22, 30, 35, 74, 77
 Северный Хамгён 15, 21
 Северный Чхунчхон 60, 63
 Северо-Восточная Азия 15-17, 52, 160
 Северо-Восточный Китай 15, 67
 Северо-Западная Азия 52
 Седжо 89
 Седжон 88-89, 95-97, 99, 104, 107, 153
 селадон 53, 81-84, 86, 103, 145, 155
 Середин-Саббатин 129
 Сеспедес 108
 Сеул 46-47, 52, 89, 95, 109, 114, 117, 120, 123, 127, 129-130, 133, 135, 137-138, 146, 149, 152-153, 156-157, 159
 Сётоку 54
 Сибирь 15
 сига 97
 Сигаракимия 65
 сиджо 97, 110, 126, 151
 Силла 5, 9, 19, 26-41, 43-44, 47-52, 53, 56-58, 61, 63-65, 69, 74, 78, 80, 84
 Силлыкса 77
 Сильсанби 77
 сильчхонджуипха 151
 Сим Гвансэ 110
 Сим Саджон 112
 Симбирцева Т.М. 6
 Симонов К. 144
 Син Ви 112, 127
 Син Гёнджун 107
 Син Джэхё 127
 Син Досон 144
 Син Мёнён 128
 Син Сокчхон 151
 Син Сунгён 146
 Син Хэсу 158
 Син Чэххо 126
 Син Юнбок 112
 Син Юнок 156
 Синбон 78
 Синконсоль 137
 Синмё 46
 Синминхве 132-133
 Синмун 57
 синпарам 148
 Синрыкса 102

- Синса Имдан 97, 100
 синси (см. синчхеси)
 синсесоль 127
 сингоизм 134
 синчхеси 126
 Силчхон 114
 Синчын 59
 Синяя блуза 137
 Сирия 58
 сирхак 93, 98, 105-108, 110, 112, 119-120, 126
 Сирхом мудэ 136
 сирхомпха 151
 Сичхонгё 134
 Со Гванбом 120
 Со Гёндок 92-93
 Со Годжон 98
 Со Джэнихиль 120
 Со Коджон 97
 Со Чонджу 136
 Со Чходжу 151
 Со Югу 107
 Собата 17
 Советский Союз (см. СССР)
 совон 92, 96
 согак 156
 Согванса 76, 114
 Соге (см. Пак Седан)
 Согён 73, 78
 содан 72
 Сожди 49
 соджу 10
 Сок Коок 156
 Сок Юнги 144
 Сокка 59
 Сокка[мони] (см. Шакьямуни)
 Соккатхап 63
 Соккурам 14, 60-64
 Сокчанни 15, 22, 24
 Сокчанса 60
 Сокчоджон 129
 сокчхунбун 29
 Сольго 60
 сольналь 92
 Сольчхон 32, 58-59
 Сон 28, 37, 53-54, 67
 Сон Бёхи 134
 Сон Дам 145
 Сон Ён 136-137, 144
 Сон Саммун 97
 Сон Сан 97
 Сон Сиёль 106
 Сон Ухви 151
 Сон Хён 98, 104
 Сон Часун 151
 Сон Чхансон 151
 Сонак 69, 72-74, 76-78, 84-85
 Сонаксан 77-78
 сонголь 27
 Сонгюнган 72, 95, 109, 114
 Сонджо 105
 сонджон 38, 57
 Сонджон 69, 71-72
 Сонджон 89, 92
 Сондо (см. Сонак)
 Сондок 59
 Сонёнджон 102
 сонин 38
 Сонмундэ 25
 Соннамса 61
 соннё 38
 Сонхо (см. Ли Ик)
 сосоль 98-99, 110, 126-127
 Сосурим 36
 сохак 109, 122
 сохам 59
 SPIB 15
 Средняя Азия 8, 58, 65
 Ссанъёнчхон 45
 СССР 139-140, 142-144, 146-147, 151
 Сталин И.В. 140
 стилобат 29
 Су Чапин 152
 Сувон 114
 Суджольтан 152
 Суджонса 85
 Судокса 76, 79
 Суй (династия, империя) 27, 37, 39
 Сун (династия, империя) 69, 82, 86
 Сун Хёнсан 152
 Сунгари 18
 Сундо 36, 46
 Сунджон 109
 сунсуси 136
 Сунчхон 35
 Сунъян 102
 Сурагамдонь 79
 сурёнгван 142
 США 10, 40, 118, 124, 133, 139, 142, 150, 152, 156, 158
 Сыма Цянь 22
 Сыннан 36, 53
 Сыппхён 78
 Сынчон 35
 сэмёнпха 136
 Сюй Цзин 79-80
 Сюэги 54
 «силланский обжиг» 31, 53-54
Т
 Таботхап 63
 таллёпчхе 75
 Тальсеуни 25
 Тан (династия, империя) 27-28, 34, 37, 55, 57-58, 60, 65-66, 84
 Тан Яньи 54

Тангун 16, 18, 24-25, 130, 134, 142, 149
 Танджин 54
 Танджонни 83
 Тансокса 60
 танчхон 156
 танчхум 60
 Тарагха (см. Дхаретра)
 Тен Гванчер 145
 Тен Денги 144
 То Юхо 135
 Токио 54
 токсо чхульсинква 58
 Токсоджон 129
 Токсугун 82-83, 129
 Токхвари 45
 Токхынни 33
 Толстой Л. 136
 Тонсандонь 17
 Тонсу 43
 тонхак 118, 122, 134
 Тонхвамун 102
 Тонхваса 61
 тонъдо соги 119
 Тонъмёнван 41, 43
 Тонъмунхак 123
 Горим 36
 тосолыга 51
 Тосон 37
 тохва 99-100
 Тохвавон 79
 Тохвасо 99, 101
 ТПК 139-141, 143-144
 Тренев К. 144
 Троецарствие (в Китае) 39
 Трудовая партия Кореи (см. ТПК)
 тток 10
 Ттуксом 46
 тубу 10
 тугон 78-79
 Тун Шоу (см. Тонсу)
 Тункоу (см. Хвандо)
 туре пори 51
 турумаги 11
 тхальчхум 51, 60
 Тхан Ён 75
 Тхапчхонни 63
 Тховольхве 130, 136
 Тхонгун 102
 Тхонъиль Силла (см. Объединенное Силла)
 Тхохамсан 63
 тхохо 125
 Тхэбоккам 73
 Тхэбон 56, 69
 Тхэбэксан 76, 95
 тхэугванса 71
 Тхэджо (см. Ли Сонгё)
 Тхэджон 89

Тхэджон-Мурёль 62
 Тхэнихён 77
 Тхэсагук 73
 Тхэхак 32-33, 35, 39
 Тыгогок 59
 Тыллиничхунё 42
 Тэванчхон 43
 тэвонгун 118
 Тэганджи 67
 Тэгу 137
 Тэгу Хвасан 59
 Тэджонгё 134, 149
 Тэджонджон 102
 Тэджоса 80
 Тэдонган 55, 66, 146
 Тэдонъмун 114
 Тэёджон 66, 102
 Тэкарак (см. Кая)
 Тэкая (см. Кая)
 Тэмё 45
 Тэмнё 65
 тэса 114
 Тэсонсон 33, 40
 Тэун 114
 Тэунджон 63, 76
 тэхам 59
У
 У Кунхён 155
 У Кусун 153
 У Монон (см. О Монпён)
 У Рык 51
 Уам (см. Сон Сиёль)
 Узбекистан 139
 Уличный театр 137
 Ульджу 26
 Унги 21, 26
Ф
 Фадеев А. 144
 фань 19
 Фань Е 22
 Фасян 65
 Фёдоров И. 75
 Филиппины 149
 Франция 120, 133
 Фудзивара Сейко 104, 116
 Фурманов Д. 144
 фэнь-шуй 41
Х
 Ха Гынчхан 151
 Ха Кунчхан 152
 Ха Норён 157
 Халласан 25
 Хамгён 122
 Хамудом 43, 45
 хамун 85
 Хамхын 146
 хан 19

- хан 91
 Хан Бэжкём 93, 98
 Хан Вонджин 106
 Хан Ёнджин 155
 Хан Ёнсук 156
 Хан Ёлун 134
 Хан Солья 136
 Хан Сонджун 157
 Хан Тониль 156-157
 Хан Хичхоль 145
 Хан Хо 100
 Хан Хыкку 151
 ханбок 11
 Ханган 27
 хангыль 9, 75, 95-98, 104, 110, 126, 151
 ханджи 155
 ханмун 59, 74-75, 95-96, 98, 110, 151
 хапок 12
 хансик 92
 Хансон (см. Сеул)
 Ханыним 25
 Хань (династия, империя) 17, 19, 45, 52, 84, 99, 106
 Ханьян репертори 157
 хапчабо 104
 Хапчхон 79
 Хачхонни 46
 хва 100
 Хван Гон 143
 Хван Джиён 123
 Хван Джини 97
 Хван Джипчун 100
 Хван Джога 51
 Хван Инджун 155
 Хван Сугён 152
 Хван Сунвон 151
 Хванбокса 61
 Хвангом (см. Тангун)
 Хвандо 29, 34, 40-41, 43-44
 Хванёнса 30, 41-42, 47, 60, 64, 77
 Хванин (см. Тангун)
 Хваннам 49
 Хванори 50
 Хвансон 41
 Хванун (см. Тангун)
 Хванхэ 122
 хваом[джон] 37, 57, 65
 Хваомса 60, 63, 73, 114
 хваран 58-59
 Хваран 33, 39, 52, 57
 Хвасин 137
 Хвасон (см. Сувон)
 хвасу 84
 Хвеё 78
 Хвеён 78
 хе 91, 122
 Хегай А.И. (см. Хо Гай)
 Хеджа 54
 Хеинса 68, 74, 79
 Хечхо 57-58, 65
 Хечхон 54
 Хёксиндан 127, 136
 Хёмнюльса 127
 Хён Чингон 136
 Хёнджунса 152
 Хёнмётхаши 77
 хёнму 45
 Хённын 77
 Хёнтхэ 57
 Хёнхваса 77
 хинаяна 36
 Хо Бэпён 153
 Хо Гай 139
 Хо Гюн 98
 Хо Джун 94
 Хо Им 107
 Хо Манха 152
 Хоккайдо 66
 Хон Бомдо 133
 Хон Бонхан 108
 Хон Гильдон 98
 Хон Джунхи 157
 Хон Дэён 107-108, 116
 Хон Ёнсик 120
 Хон Ёнтхэк 156
 Хон Мёнхи 136
 Хон Сёнги 158
 Хон Синджа 157
 Хон Юнгэк 156
 Хонбокса 77
 Хончхон 103
 Хоран Сольхон 97
 Хорю 54
 Хорюдзи 47
 хосин 25
 Ходай (см. Кунинака Номураджи Кимимаро)
 Хрисанф 121-122
 Хуаянь 65
 Хувон 102
 Хубэжче 56, 69
 хун 58
 Хун Сончхоль 145
 Хун Хигён 156
 хунгупха 92
 Хусамгук 56, 69
 Хыкчи Санджи 65
 Хынбон 77
 Хынванса 76
 Хыннюнса 60
 Хэ Сунпэк 156
 хэгым 51, 51
 Хэджу 102
 Хэйдзё 65
 Хэнань 81

хэнгео 62
хэсо 33, 62
Хэсуни 25
Хэхо 79
хянак 85
Хяновдзон 102
хянга 51, 59, 75, 151
хянгё 96
хянно 85
хянхак 72
хяньчхаль 32, 59
Ц
Цао Минпу 86
Центральная Азия (см. Средняя Азия)
Цзиань 40, 43-44, 49
Цзинь 86
Цин (династия, империя) 105, 115-116
Цы Цзи (см. Киджа)
Ч
ча 91
Чайковский П. 144, 156
Чаковский А. 144-145
Чамсиль 153
Чан Гильсу 158
Чан Джиён 126
Чан Добиин 133
Чан Ёнхак 151
Чан Пого 65
Чан Сара 156
Чан Сону 158-159
Чан Сунву 158
Чан Сынон 128
Чан Хёктэ 146
Чан Хёнесу 159
Чан Ю 106
Чананса 76
Чангёнпханго 74
чангу 51
Чангунчхон 43
Чансу-ван 33
чань-буддизм (см. дзэн-буддизм)
Чанек К. 136
чахён сиджо (см. сасоль сиджо)
чаюси 126, 136
Чеджу 153
Чеджудо 25, 69
Чжи Цзун 35
Чжоу 18
Чжоу Чжу 86
Чжоукоудянь 15
Чжу Си 72
Чжуан-цзы 58
чжурчжэни 76, 86, 90, 105, 115
чжусианство 72, 90-93, 104, 106, 115, 119
чи 95
Чибон (см. Ли Сугван)
Чигван 77

Чидорим (см. Торим)
Чин Джэхэ 100
Чингисхан 70
чинголь 27
Чингук 19
Чинджу 60, 64, 114
чинюн 37
Чинудль 71
чинхан 19
Чинхын-ван 33, 35
чип 12
чипсин 11, 123
Чипхёнджон 97
Чирисан 61
Чо Гёнесун 145
Чо Гичхон 143
Чо Мальсён 100
Чо Мёнхи 136
Чо Намду 151
Чо Сансон 144
Чо Санхён 156
Чо Сок 100
Чо Сокчин 128
Чо Тамхван 156
чогеджон 71
чогё 57
Чогёнджон 102
чогори 11
чокки 11
Чоксансан 95
Чолла 102, 114
Чон Бисок 151
Чон Бопса 51
Чон Гванчхоль 145
Чон Гу 155
Чон Гыгин 97
Чон Дасан 114, 119, 126
Чон Джеду 106
Чон Джисан 75
Чон Джиян 158
Чон Джонён 145
Чон Джонсу 155
Чон Джунбу 70
Чон Доджон 72-73, 90
Чон Донмин 145
Чон Духван 148
Чон Дыккон 79
Чон Ёнман 145
Чон Ингук 152
Чон Инсон 135
Чон Мёнхун 156
Чон Монджу 72, 92
Чон Мунхян 144
Чон Намхи 137
Чон Нинджи 97
Чон Санги 107
Чон Сон 112

- Чон Сыимён 73
 Чон Тхоса 77
 Чон Унсик 156
 Чон Ханмо 151
 Чон Хе 66-67
 Чон Хё 66
 Чон Хун 151
 Чон Чиён 136
 Чон Чхамюн 144
 Чон Чхангын 158
 Чон Чхо 94
 Чон Чхоль 97
 Чон Чэдон 156
 Чон Ягён 107
 Чонгджон 114
 Чонгмё 88, 114
 чонгмё череак 104
 Чонгюкни 15
 Чонджо 105, 107, 109, 114
 чонджон 55
 Чонджу 121
 Чонёксан 95
 Чонмён 114
 Чоннимса 42, 47
 Чоннын 77
 Чонпхари 49
 чонсаму 85
 чонсиква 69
 Чонсо 66-67
 Чонхва 60
 Чонхёса 63
 чонъак 156
 Чосаджон 79
 чосон 19
 Чосон 5, 13, 70, 73, 75, 88-101, 103-106, 108, 113, 115-116, 160
 чоттэ 51
 Чоу Венмо 109
 Чу Ёсоп 151
 Чу Ёхан 136
 Чу Сигён 127, 135
 чуджак 45
 Чумон 25
 Чун Санчхоль 157
 Чун Суиль 159
 Чунджон 92
 чунъин 96
 чунхам 59
 чуса 113
 Чуса (см. Ким Чонхи)
 чусинпхо 76, 78
 чучхе 139-143, 147, 161
 Чхан Ильнам 156
 чханга 126
 Чхангван 146
 Чхангванвон 146
 чхангык 127, 137, 144, 156
 Чхандоккуп 101-102, 114
 Чханнёп 49
 Чхве Гван 86
 Чхве Гён 143
 Чхве Джеу 122
 Чхве Джонхи 151
 Чхве Мёник 143-144
 Чхве Мусон 73
 Чхве Намсон 126
 Чхве Намсон 135
 Чхве Сокчжон 107
 Чхве Сохэ 136
 Чхве Сынхи 137
 Чхве У 75
 Чхве Хансу 156
 Чхве Хёнбэ 135
 Чхве Чхам 74
 Чхве Чхивон 59-60, 62, 65
 Чхве Чхун 72, 74
 Чхве Чхунхон 70-71
 чхима 11
 Чхимню 36
 Чхо Ён 85
 Чхо Инхун 151
 чхоёнму 52, 85
 Чхоксок 114
 Чхольджон 95
 Чхомсондэ 34-35, 41
 Чхомунса 36
 Чхон Санин 145
 Чхон Себон 144
 Чхонгамса 41
 Чхонджин 140
 Чхонджонни 26
 Чхондогё 122, 130, 134, 149
 чхондэ 37
 чхонин 111
 Чхонмачхон 46
 чхоннёп 45
 чхонтхонпха 151
 чхонтхэ[джон] 71, 86
 Чхонунгё 63
 Чхонхынса 84
 Чхончхонган 69
 Чхонъвадэ 152
 чхосо 62
 чхун 95
 Чхундамса 59
 Чхунсон 86
 Чхунчхон 33, 114
 Чхунчхугван 94-95
 чхусок 92
 Чхэ Мансик 136
 Чхэ Юниль 157
 Чыпхын-ван 33, 35
 Чэнь Шоу 22

Ш

Шакьямуни 38, 46-47, 60-61, 64

Шанхай 133

Шаньдун 17, 53, 65

Шекспир У. 136, 157

Шолохов М. 143-144

Шонви 15

шу 19

Шуан Цзи 86

Шунь Дао (см. Сундо)

шэнь дао 62

Щ

Щетковский (см. Хрисанф)

Ы

Ы Джонсан 154

Ы Хутхэ 152

ый 95

Ыйбён 131

Ыйджон 83

Ыйджу 102

Ыйсан 57, 65

Ыйсонса 63

Ыйтхон 86

Ыйчхон 71, 73, 86

Ыльджи Мундок 51, 126

ым 58

Э

Эмилле 64

Ю

Ю Вонджуи 145

Ю Гён 145

Ю Джухён 151

Ю Син 75

Ю Хёнмок 158

Ю Хи 107

Ю Чхихван 136, 151

Юань (династия, империя) 70, 86, 89

ЮВА (см. Юго-Восточная Азия)

Юго-Восточная Азия 10, 15, 17

Юго-Западная Азия 86

Южная Корея (см. Республика Корея)

Южная Маньчжурия 17

Южная Хванхэ 43, 77, 79

Южная Чолла 23, 60-61, 63, 82

Южное Приморье 8, 15

Южное Приуралье 52

Южный Кёнсан 17, 23-24, 26, 46, 49, 64, 74

Южный Китай 36, 76

Южный Пхёнан 17, 35, 44-45, 49

Южный Чхунчхон 15, 33, 42, 44, 46-48, 80, 152

Юк Вансун 157

Юллёнджон 58

юль (см. вина)

Юма[посаль] (см. Вималакирити)

Юн Бончхун 158

Юн Гесон 110

Юн Дусо 112

Юн Ёнгю 145

Юн Кванджо 155

Юн Санъель 137

Юн Седжун 143

Юн Сичхоль 143

Юн Сондо 97, 110

Юн Тонджу 136

Юн Хёджуи 154

Юн Хю 106

ЮНЕСКО 63, 74, 95, 102, 114

Юнхуан курипхэ 157

Юнчигок 61

Юнчхонса 59

Юнгу мудэ 157

Юэчжоу 81

Я

яёй 17, 53

Як Кван 54

якса 38

Яксаёрэ (см. Бхаяса-гуру)

Ямато 18, 53-54, 65

Ян Саон 100

янбан 89, 92, 95-97, 110, 122

Янвон 45

Янджи 61-62

Яндонни 26

Янтхэса 66

Янцзы 65

яньбок 12

яньхва 128

Яньзин (см. Пекин)

Япония 5, 8, 15-18, 27, 31-32, 35-36, 43, 46-47, 49, 52-54, 60, 64-67, 69, 73, 77, 79, 81, 84, 87, 90, 104, 108, 116, 118, 120-128, 131-137, 139, 142, 146, 150, 160-161

Японская империя (см. Япония)

Японские о-ва 5, 15, 17, 27, 47, 53-54, 89, 160

Японский архипелаг (см. Японские о-ва)

Рис. 0.4 Приготовление «визитной карточки»
корейской национальной кухни - *кимчи*

Рис 0.5 Традиционная повседневная
одежда корейцев:
слева – *турумаги, паджи, чогори* (муж.),
справа – *чхима, чогори* (женск.)

Рис 0.6 Традиционное
поместье *ханок* в сельской
местности
(60-е гг. XX в., Канвон)

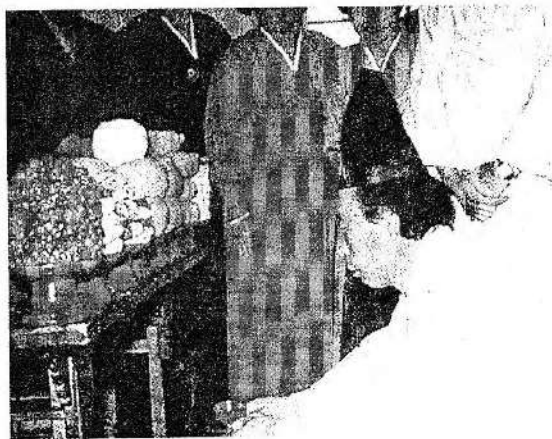

Рис. 0.7 Ритуальное одевание корейцев
(обряд жертвоприношения предкам)

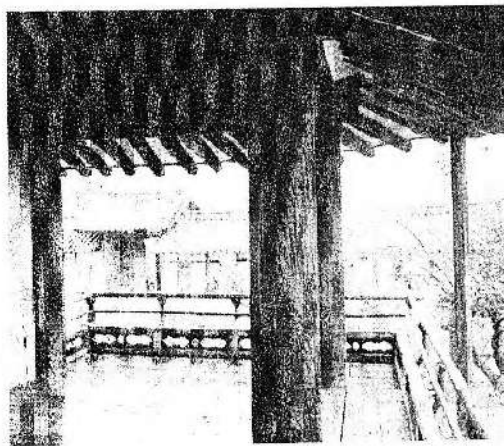

Рис. 0.8 Терраса *мару* в зажиточном доме
помещика (конец XIX в., Южная Чолла)

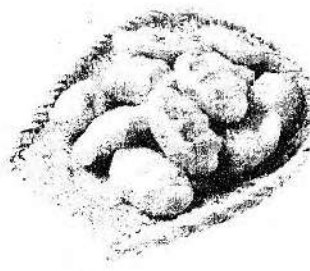

Рис. 0.9 Блюда традиционной корейской кухни:
1 – лапша *куксу*, 2 – рисовый гарнир *пан*, 3 – *тток*

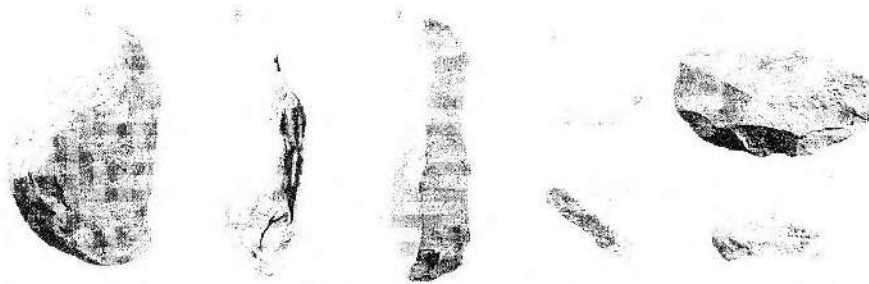

Рис. 1.4 Палеолитические орудия: каменные рубила и скребки из *Кульхо* (верхний палеолит, Северный Хамгён) и *Сокчанни* (средний палеолит, Южный Чхунчхон)

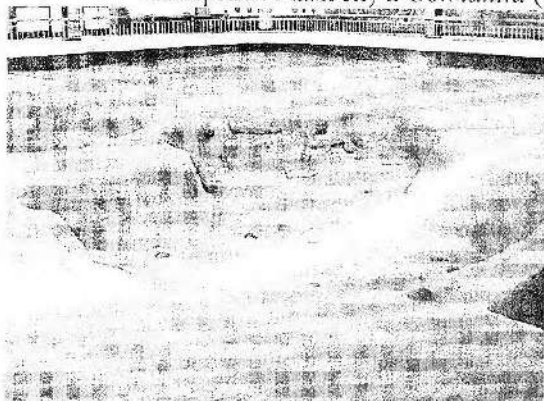

Рис. 1.5 Стоянка *Амхари / Амсадонь* (верхний неолит, Кёнгги)

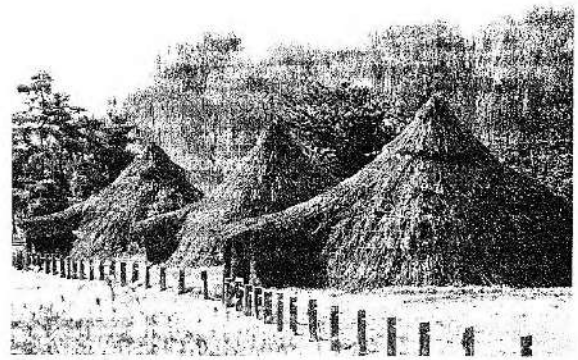

Рис. 1.6 Реконструкция неолитического жилья в *Амсадон*

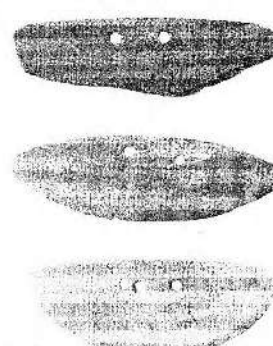
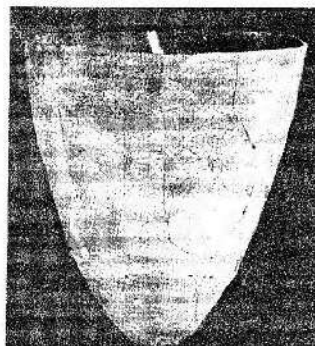
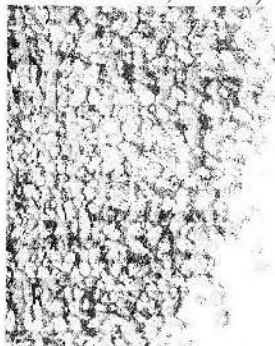

Рис. 1.7 Артефакты каменного века: 1 – окаменевшие зерна риса (верхний неолит, *Сонгугри*), 2 – гребенчатая керамика (ранний неолит, *Амсадонь*), 3 – «полулунные» ножи (верхний неолит, *Канге*, Северный Пхёнан)

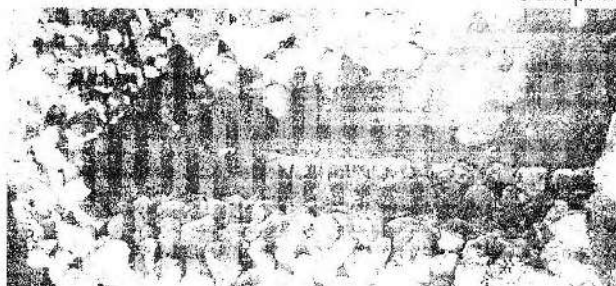

Рис. 1.8 Погребение в виде «каменного мешка» (ранний неолит, *Хванори*, Северный Кёсан)

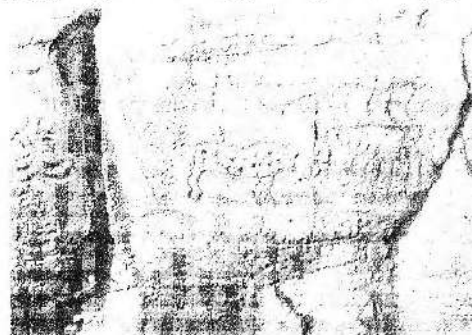

Рис. 1.9 – 1.10 Наскальные рисунки в *Пунгдоне* (верхний неолит, палеометалл, Южный Кёсан)

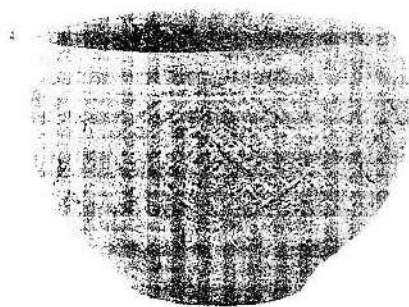

Рис. 1.11 Орнаментированная керамика
(верхний неолит, *Нонпходонъ*, Северный Хамгён)

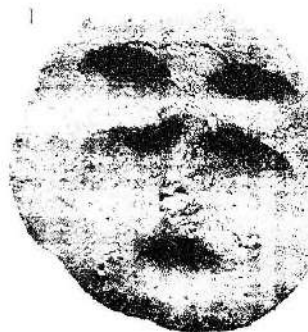

Рис. 1.12 Личина человека
(средний неолит, *Осанни*, Канвон, РК)

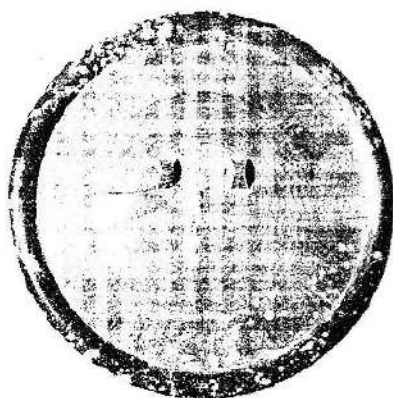

Рис. 1.13 Бронзовое зеркало
(палеометалл, Южный Пхёнан)

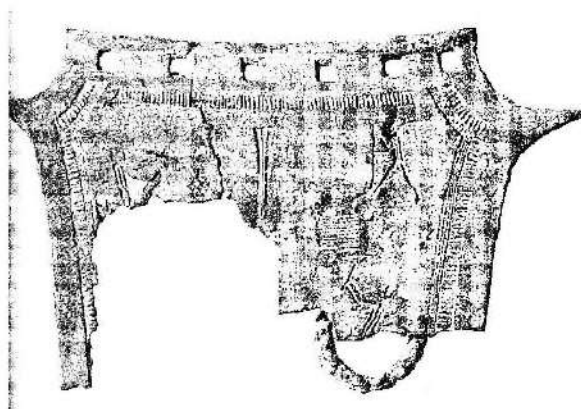

Рис. 1.14 Фрагмент бронзового изделия
(палеометалл, *Кведжондонъ*, Южный Чхунчхон)

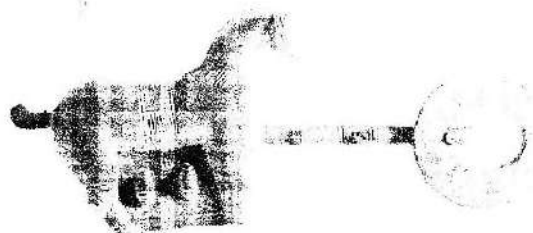

Рис. 1.15 Бронзовая пряжка
(палеометалл, *Оындопъ*, Северный Кёнсан)

Рис. 1.16 Бронзовый кинжал *нитха*
(палеометалл, *Сонгунни*, Южный Чхунчхон)

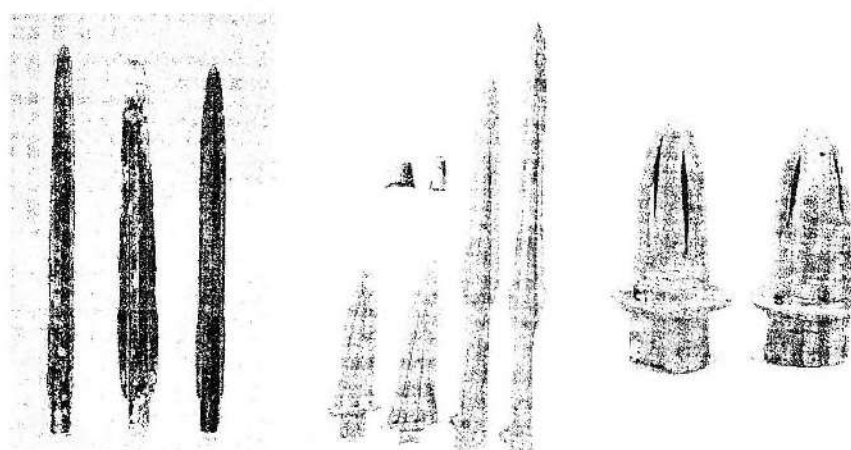

Рис. 1.17 Изделия из раннего железа (имитация бронзового инвентаря): мечи, кинжалы, наконечники копий, бронзовые колокольчики с железным язычком, наконечники для шестообразных предметов
(палеометалл, *Синчхондонъ*, Северный Кёнсан)

Рис. 1.18 Керамика *бонги*
(палеометаллы, *Читхампи*, Северный
Хванхэ)

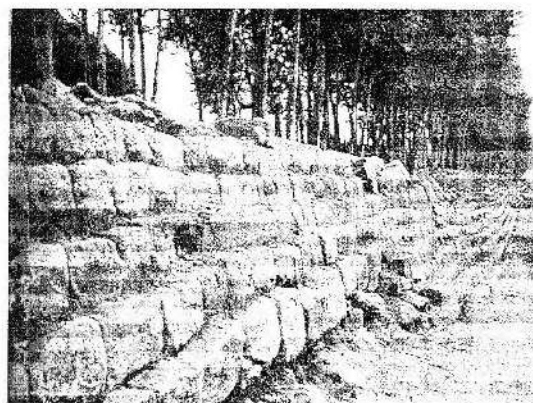

Рис. 1.19 Фрагмент внешней стены цитадели
Куннэсон когурёской столицы Хвандо
(Когурё, *Цзиань*, КНР)

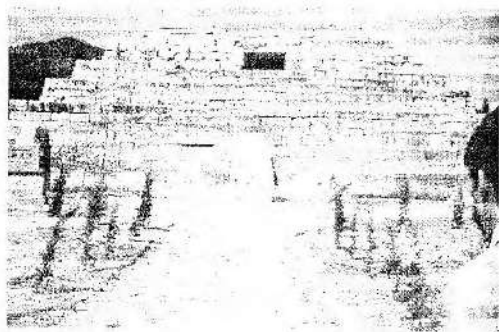

Рис. 1.20 Мавзолей *Чангунчхон*
(Когурё, *Цзиань*, КНР)

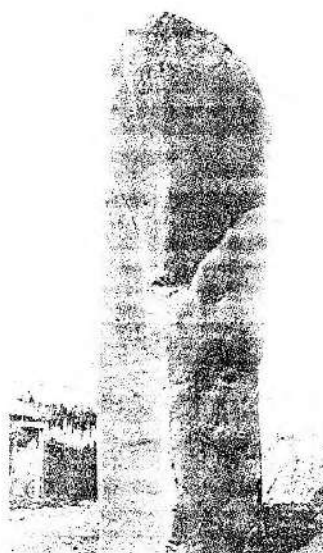

Рис. 1.21 Стелла
Квангэтхо-вана
(Когурё, *Цзиань*,
КНР)

Рис. 1.22 Фреска с изображением знатной
дамы из кургана *Анак № 3*
(Когурё, *Анак*, Южный Пхёнан)

Рис. 1.23
Позолоченная
буддийская
триада «*Кюми*»
(563 г.)

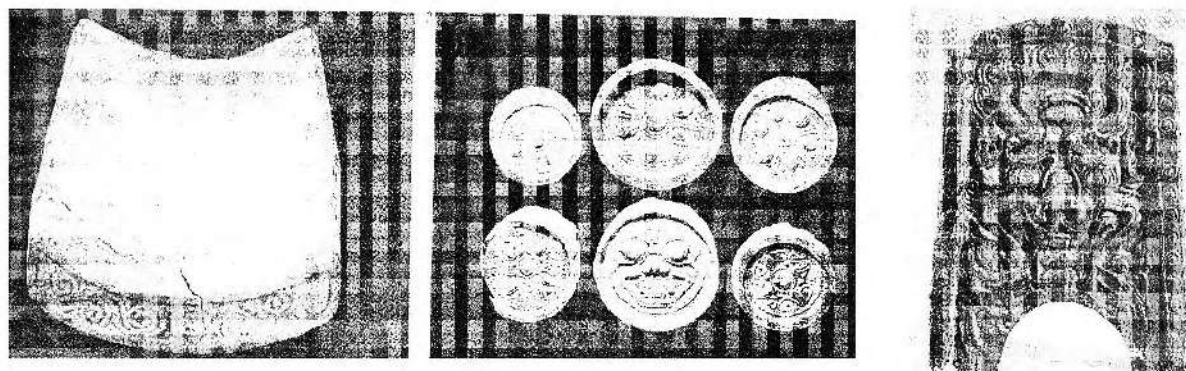

Рис. 1.24 Керамическая черепица, в том числе *квимён* (эпоха Самгук)

Рис. 1.25 Бодхисатва Мирык
(Силла, VI в.)

Рис. 1.26 Территория буддийского храма
Камынса (Силла, Северный Кёнсан)

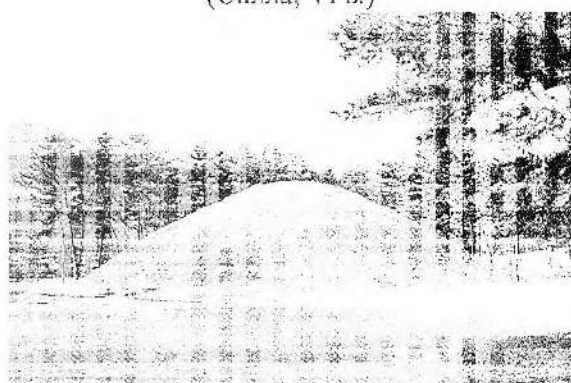

Рис. 1.27 Курганное погребение Муэль-вана
(Силла, Кёнджу)

Рис. 1.28
Ранние
силланские
фигурки людей
(Силла,
Кёнджу)

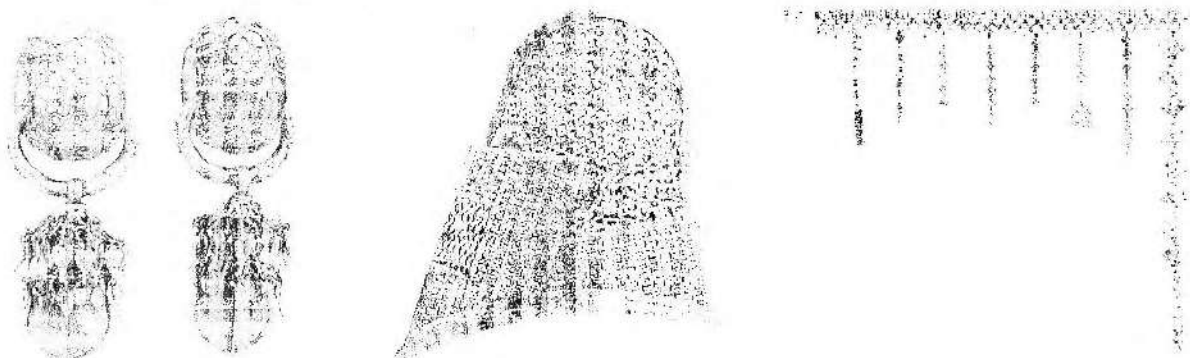

Рис. 1.29 Изделия силланских ювелиров: золотые серьги, корона, пояс (Силла, Кёнджу)

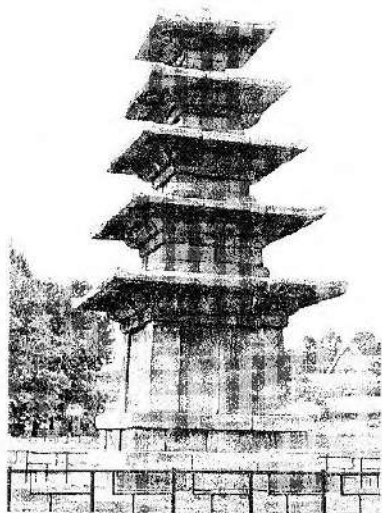

Рис. 1.30 Пятирусная пагода храма Чоннимса
(Пэкче, Южный Чхунчхон)

Рис. 1.31 Буддийская триада из Епхёпхи
(Пэкче, Сосан, Южный Чхунчхон)

Рис. 1.32 Погребальная камера кургана Мунён-ванга
(Пэкче, Конджу, Южный Чхунчхон)

Рис. 1.33
Золотая
корона
(Пэкче,
Конджу,
Южный
Чхунчхон)

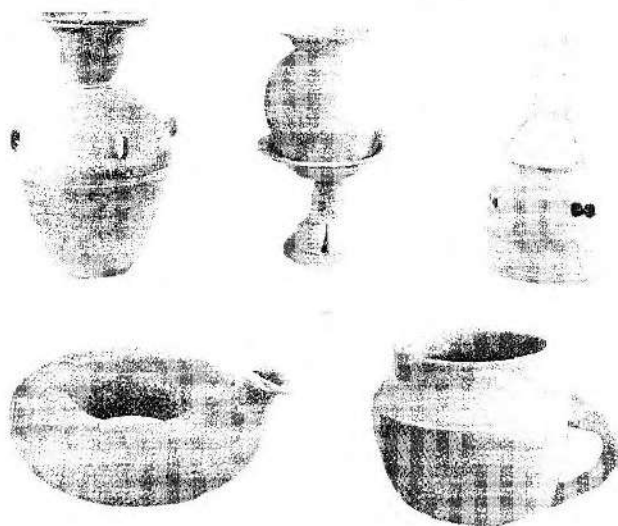

Рис. 1.34 Керамика Пэкче

Рис. 1.35 Фигурка чиновника
(Пэкче, Конджу)

Рис. 1.36 Знаменитая «пэкчийская улыбка» Будды (Пэкче, *Киото*, Япония)

Рис. 1.37 Гробница вана Суро (Кая, *Кимхэ*, Южный Кёсан)

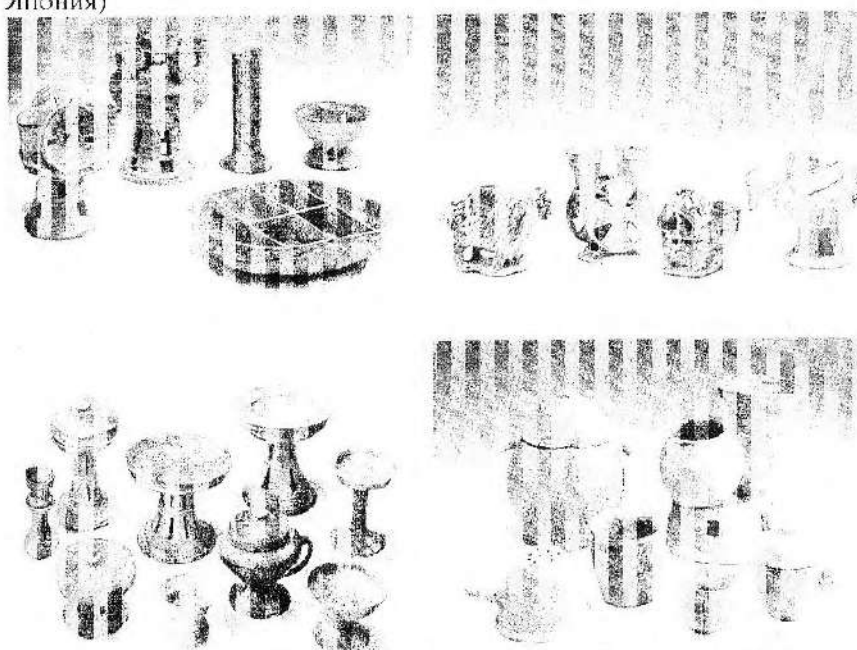

Рис. 1.38 Каяская керамика (Кая, *Чинджу*, Южный Кёсан)

Рис. 1.39 Восьмигранная пагода (Кая, *Кимхэ*, Южный Кёсан)

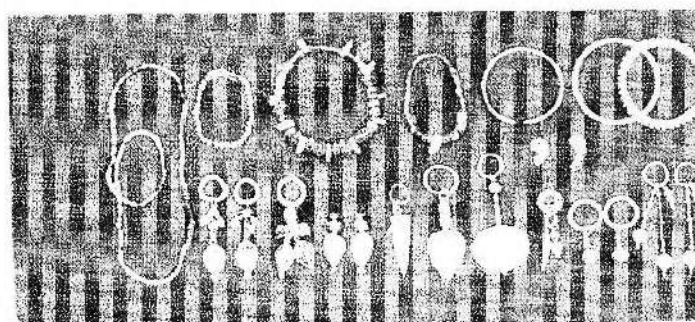

Рис. 1.40 Ювелирное искусство Кая (Кая, *Чинджу*, Южный Кёсан)

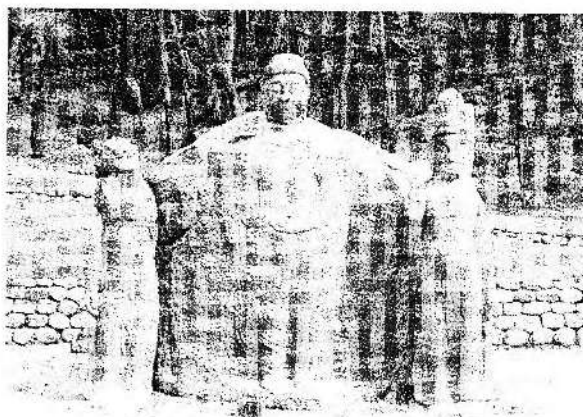

Рис. 1.41 Каменная буддийская триада
(Объединенное Силла, Кёнджу, Северный Кёнсан)

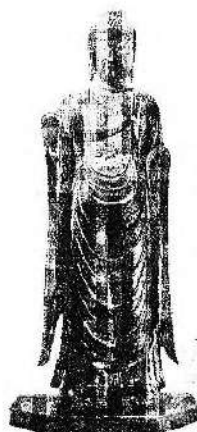

Рис. 1.42 Статуэтка
буддийского божества
из храма Пэинюльса
(Объединенное Силла,
Кёнджу, Северный Кёнсан)

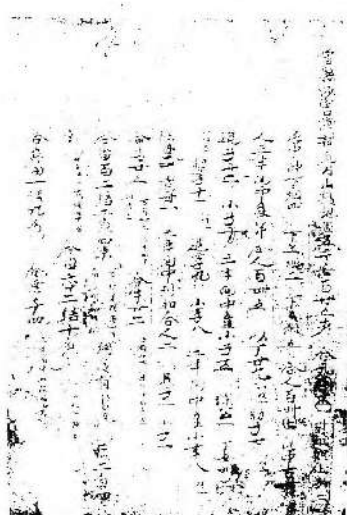

Рис. 1.43 Памятник силланской письменности
(Объединенное Силла, Япония)

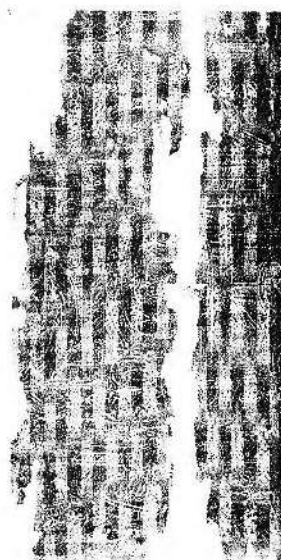

Рис. 1.44
Фрагменты
буддийской
живописи
(Объединенное
Силла)

Рис. 1.45 Силланский каягым
(Объединенное Силла, Япония)

Рис. 1.46
Керамическая ваза
(Объединенное Силла)

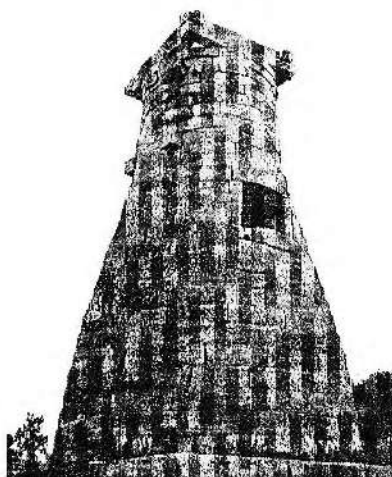

Рис. 1.47
Обсерватория
Чхонсондэ
(Объединенное
Силла)

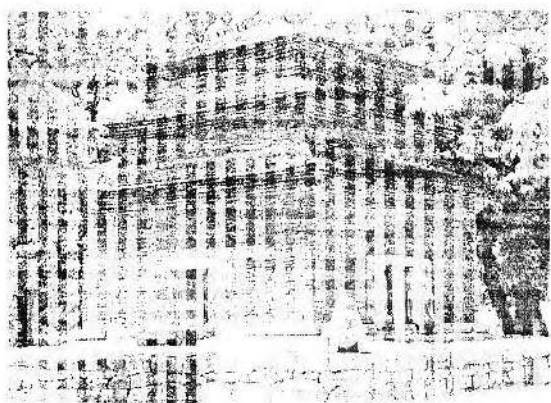

Рис. 1.48 Каменная пагода храма Пунхвакса
(Объединенное Силла, Кёндожу, Северный
Кёсан)

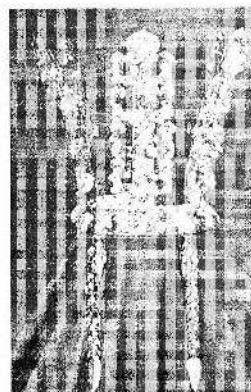

Рис. 1.49 Корона силланских ванов
(Объединенное Силла)

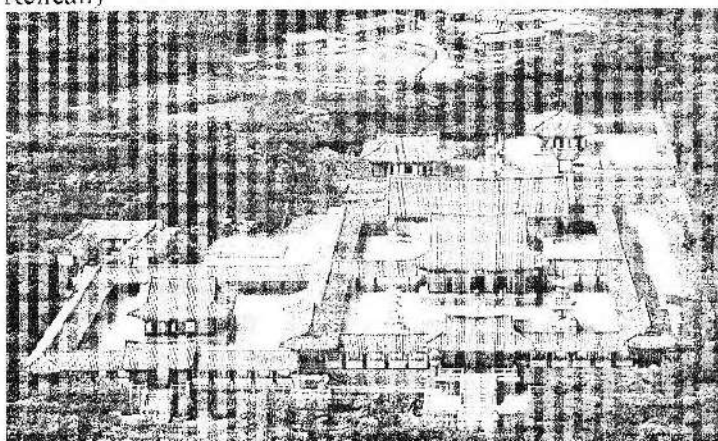

Рис. 1.50 Общий вид храма Пульгукса (Объединенное Силла, Северный Кёсан)

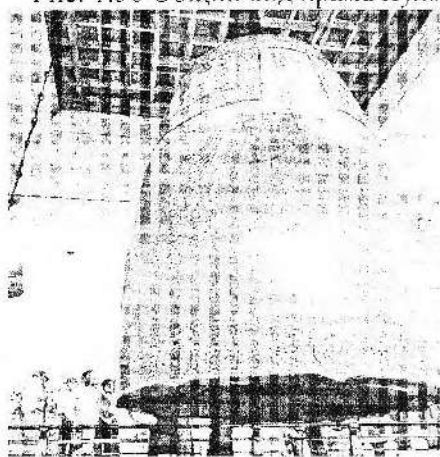

Рис. 1.51 Колокол Эмилле
(Объединенное Силла, Кёндожу, Северный
Кёсан)

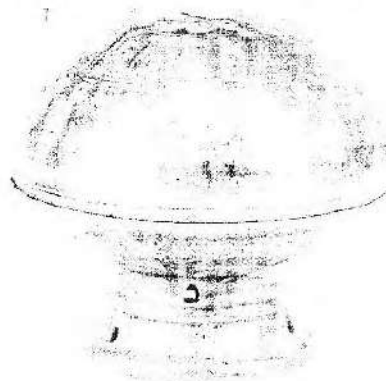

Рис. 1.52 Курильня для благовоний
(Объединенное Силла)

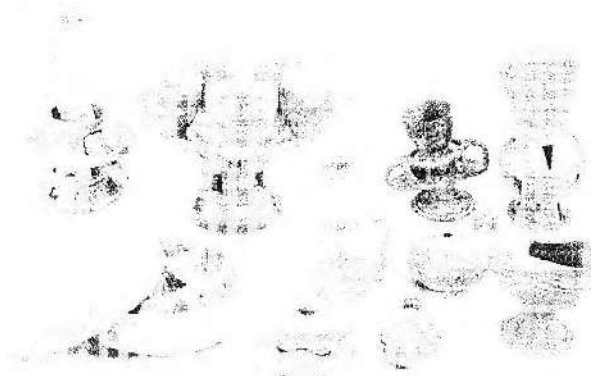

Рис. 1.53 Силланская керамика (Объединенное Силла)

Рис. 1.54 Пагода Табопхэп
(Объединенное Силла, Пульгукса, Северный Кёнгсан)

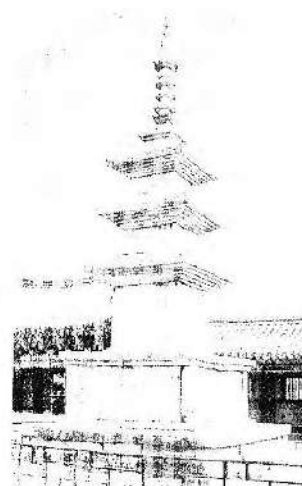

Рис. 1.55 Пагода Соккатхэп
(Объединенное Силла, Пульгукса, Северный Кёнгсан)

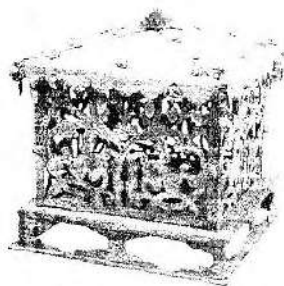

Рис. 1.56 Буддийская дароносица
сарира
(Объединенное Силла, Пульгукса, Северный Кёнгсан)

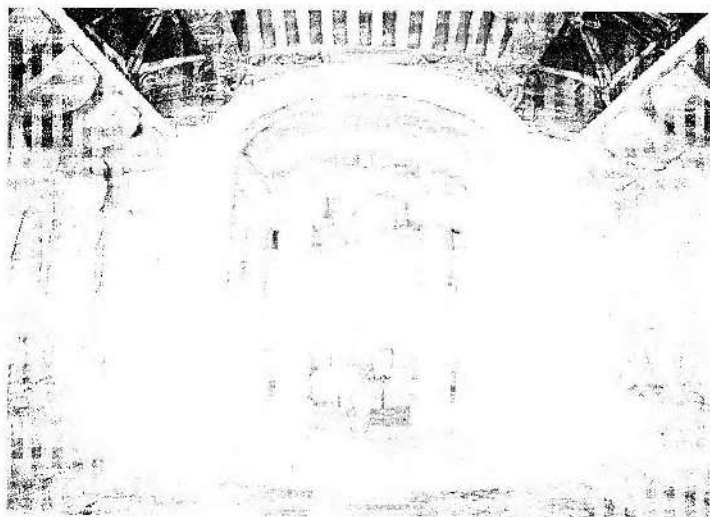

Рис. 1.57 Пещерный храм Соккурам:
вид на главный грот
(Объединенное Силла, Северный
Кёнгсан)

Рис. 1.58 Каменный лев (Бохай, Дуизичон, КНР)

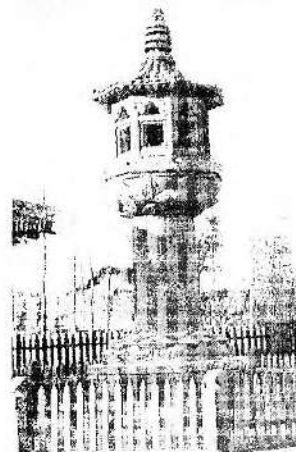

Рис. 1.59 Каменный фонарь
(Бохай, Дуизичон, КНР)

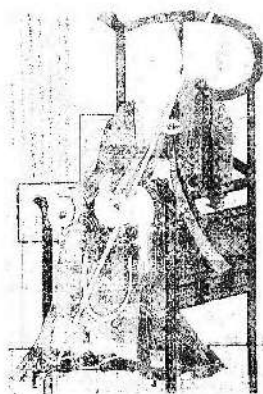

Рис. 2.4 Наставник
Ыйчхон (1055 – 1101 гг.).
Портрет из буддийского
иконостаса храма
Сонамса
(Корё, *Сындожу*, Южная
Чолла)

Рис. 2.5
Реконструкция
автографа
Чхве Чхуна –
«корейского
Конфуция»
(984 – 1068 гг.)

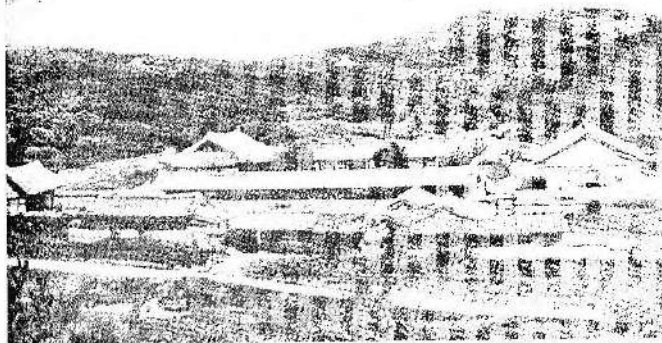

Рис. 2.6 Конфуцианская академия *Сонгюнгван*. (30-е гг. XX в., *Кэсон*)

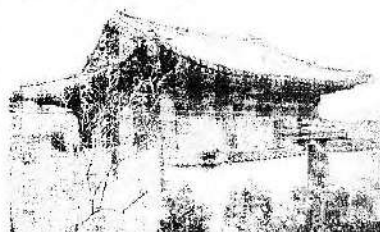
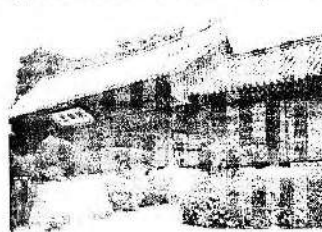
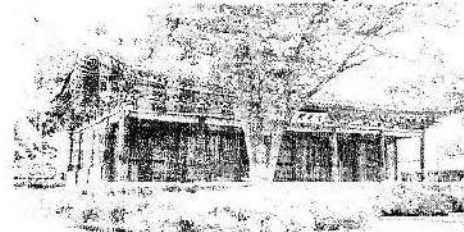

Рис. 2.7 Современная реконструкция зданий *Сонгюнгвана* (Сеул, университет *Сонгюнгван*)

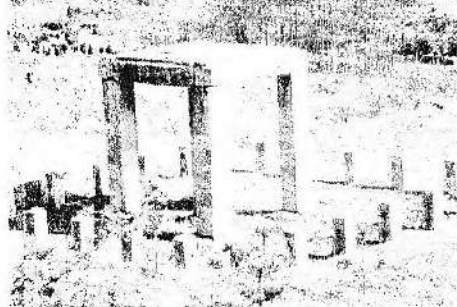

Рис. 2.8 Обсерватория *Чомсондо* (Корё, *Кэсон*)

Рис. 2.9 Неоконфуцианский мыслитель *Чон Монджу*. Портрет из храма *Чхунгиль* (*Ёнпх*, *Кёнг*)

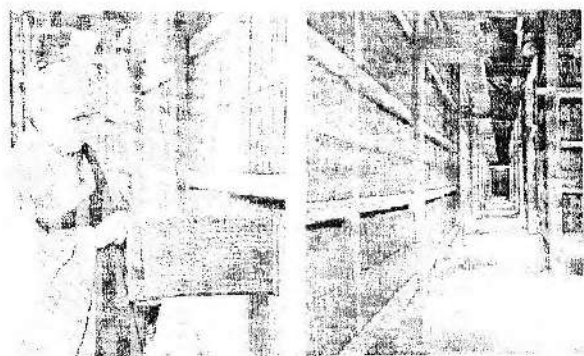

Рис. 2.10 Хранилище *Tripitaka Koreana*
(*Хеинса*, Южный *Кёпсан*)

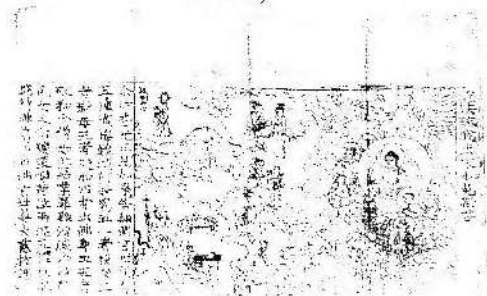

Рис. 2.11 Буддийская гравюра (ксилография)
(Корё, *Сеул*)

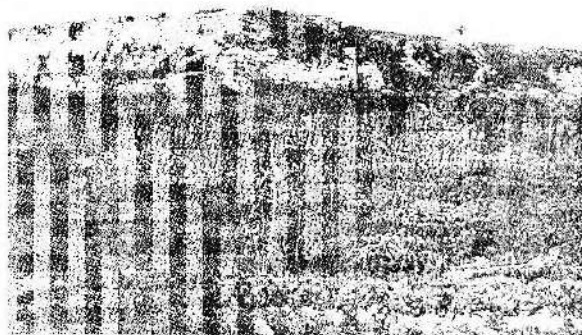

Рис. 2.12 Развалины королевской резиденции
Манвольдо (Корё, Кэсон, 30-е гг. XX в.)

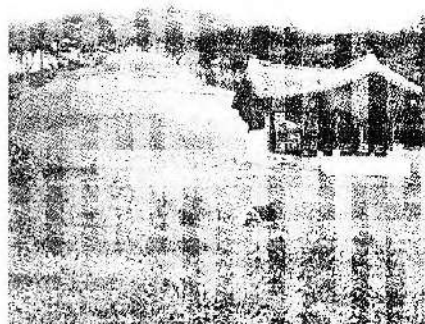

Рис. 2.13 Гробница вана *Тхэджо* –
Ван Гопа
(Корё, Кэсон, 30-е гг. XX в.)

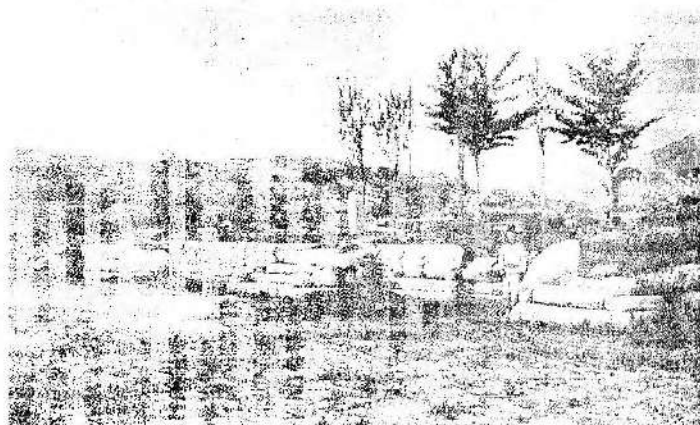

Рис. 2.14 Каменный фундамент и
лестница
павильона *Хвегён* дворца
Манвольдо
(Корё, Кэсон, 30-е гг. XX в.)

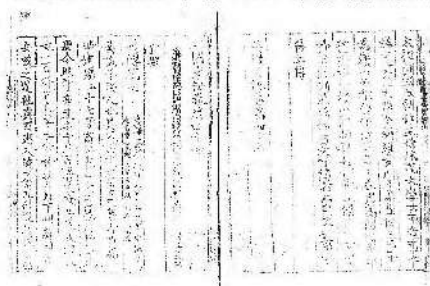

Рис. 2.15 Древнейший памятник
корейской историографии – летопись
Ким Бусика «Самгук саги»
(Корё, XII в.)

Рис. 2.16 Металлический
шрифт
(Корё, XIII в.)

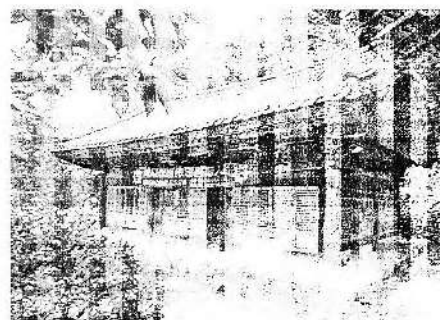

Рис. 2.17 Павильон *Сандэун* храма
Чэпгюкса
(Корё, Южный Хамгён)

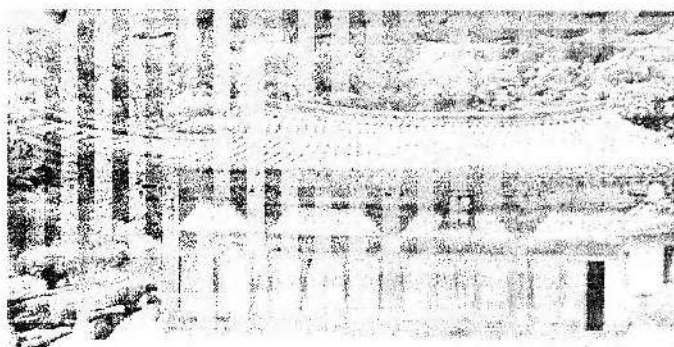

Рис. 2.18 Павильон *Муянсуджон* храма *Пусокса*
(Корё, Северный Кёнсан)

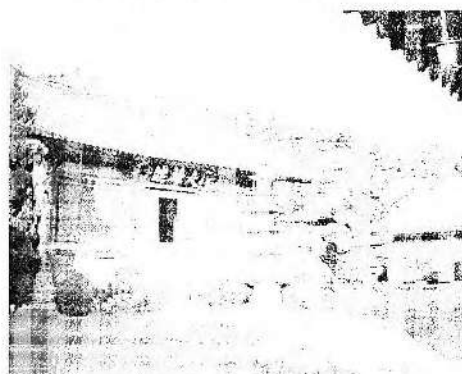

Рис. 2.19 Павильон *Гэундэжон* и
каменные пагоды храма *Судокса*
(Корё, Южный Чхунчхон)

Рис. 2.20 Пагода
монастыря *Вольчхонса*
(Корё, *Одэсан*, Канвон)

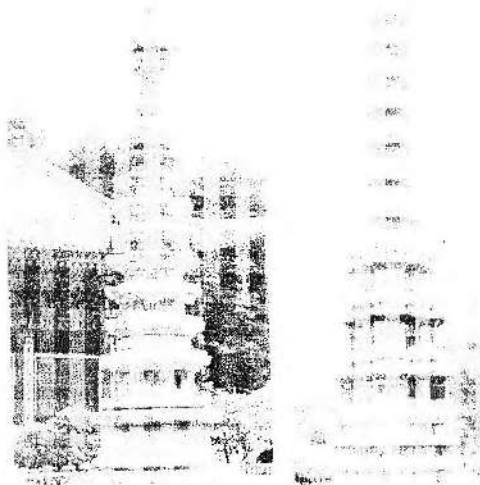

Рис. 2.21 Пагода
храма *Кёнчхонса*
(Корё, *Кёнбоккун*,
Сеул)

Рис. 2.22 Большой
фонарь храма
Силлыкса
(Корё, *Ёджу*, Кёнги)

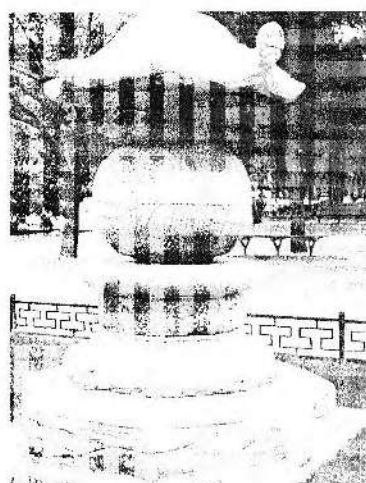

Рис. 2.23 Ступа
Сильсанби
храма *Чонтхоса*
(Корё,
Кёнбоккун,
Сеул)

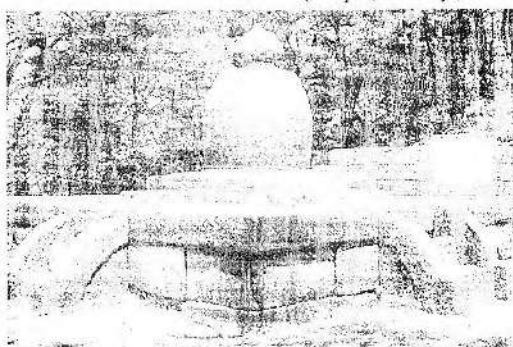

Рис. 2.24 Каменный «колокол» храма *Силлыкса*
(Корё, *Ёджу*, Кёнги)

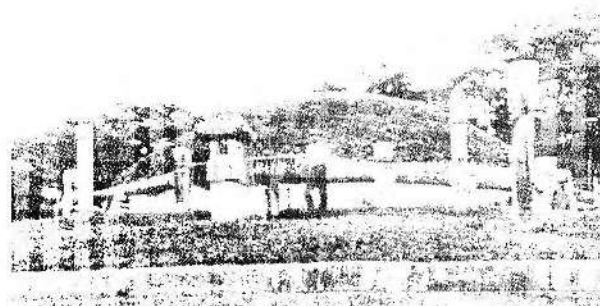

Рис. 2.25 Гробница вана *Коплипа Хёнмын*
(Корё, *Кэсон*)

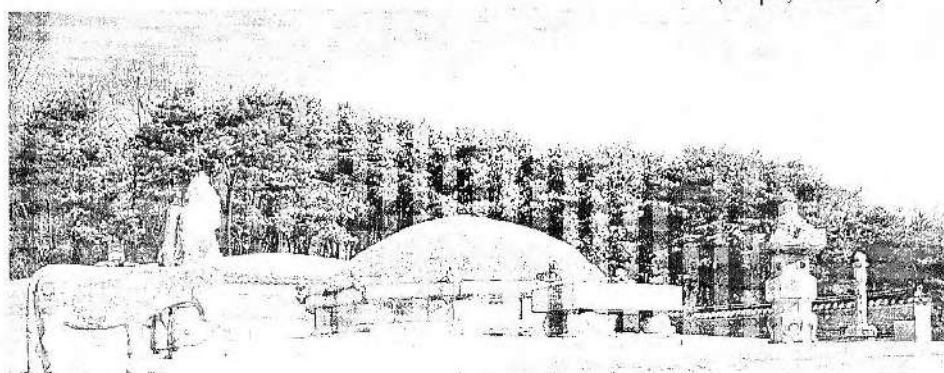

Рис. 2.26 Гробница *Коппын* (Корё, Кёнги)

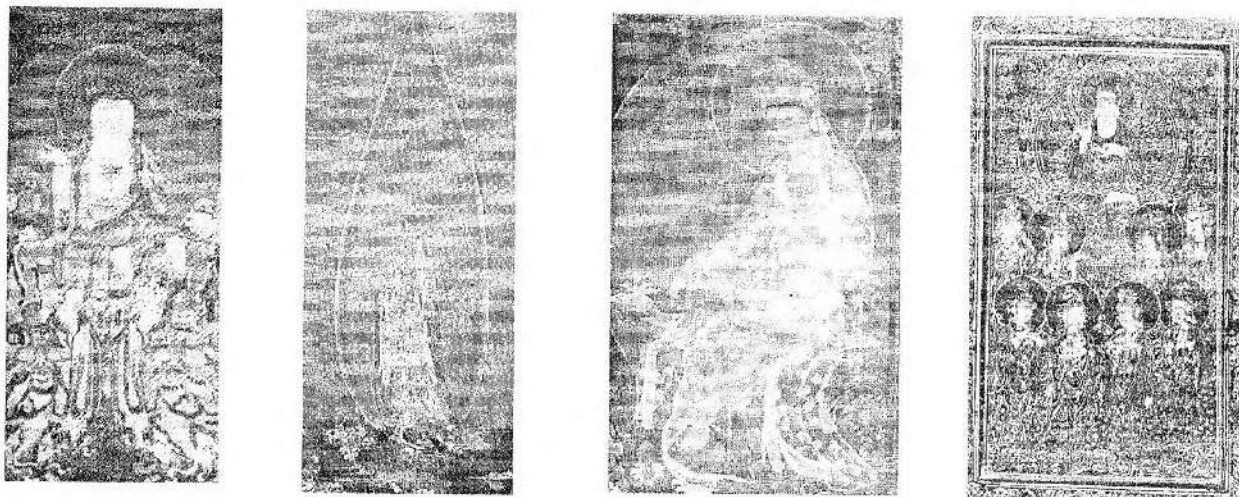

Рис. 2.27 Буддистская живопись Корё

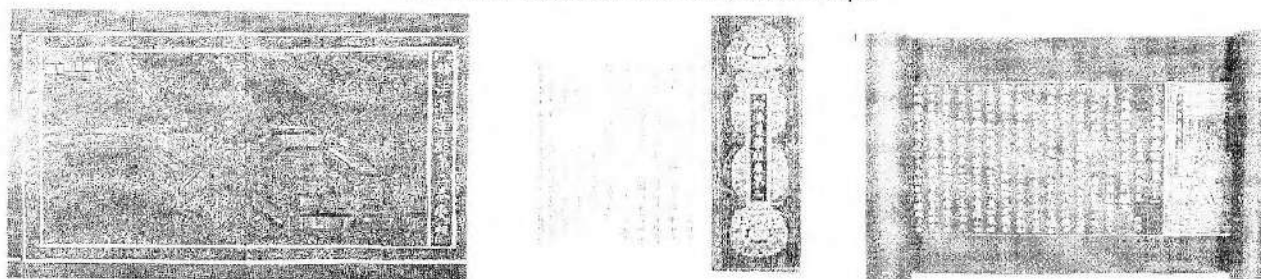
Рис. 2.28 Оформление корёских книг (современная реконструкция):
слева – «Корёса», в центре и справа – буддийские сутры

Рис. 2.29 Светская живопись Корё

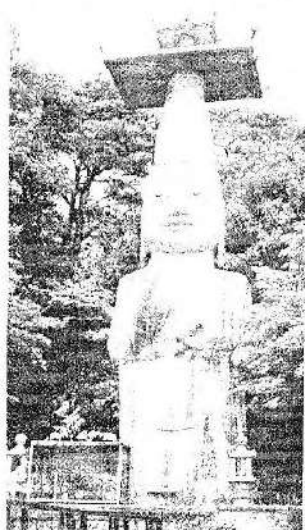
Рис. 2.30 Погребальная
живопись Корё
(гробница *Тумари*,
Кочхан, Южный
Кёсан)◀ Рис. 2.31 *Майтрейя* из
храма *Кванчхокса*
(Корё, *Нонсан*, Южный
Чхунчхон)▶ Рис. 2.32 Железный Будда
из Кванджу (Корё, Сеул)

Рис. 2.33 Каменная
бодхисатва храма
Вольджонса
(Корё, Пхёнчхан, Канвон)

Рис. 2.34 Буддийские изваяния из
Ёнмири (Корё, Пхаджу, Кёнги)

Рис. 2.35 Сидящий
Амитабха из храма Пусокса
(Корё, Ёнхун, Северный
Кёсан)

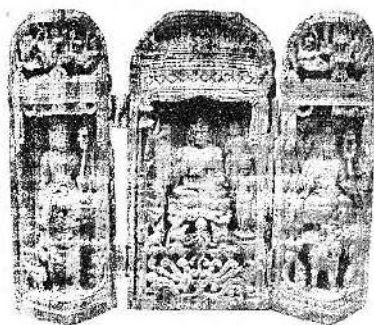

Рис. 2.36 Домашний алтарь
(Корё, Сындожу, Южная
Чолла)

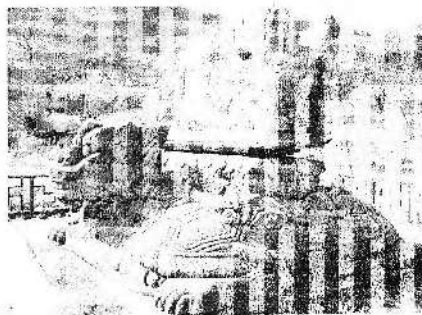
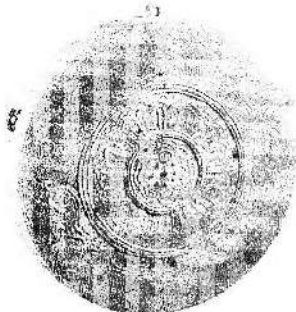

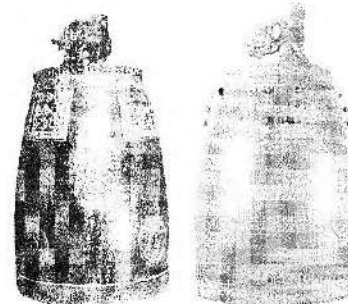
Рис. 2.37 Надгробное изваяние
черепахи (Корё, Ёнджу, Кёнги)

Рис. 2.38
Бронзовая
миниатюра
(Корё,
Пусан)

◀ Рис. 2.39 Корёский бронзовый
гонг

▶ Рис. 2.40 Корёские колокола

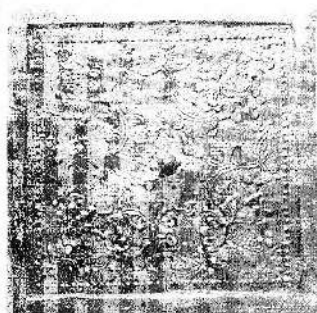

Рис. 2.41 Корёские бронзовые зеркала *хвансу*

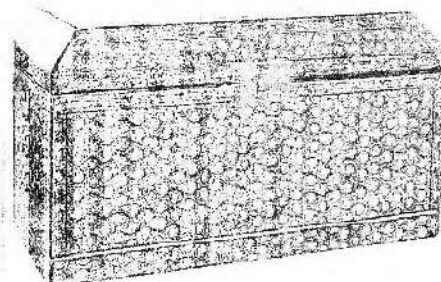

Рис. 2.42 Сундук в технике *наджон*
(Корё, Япония)

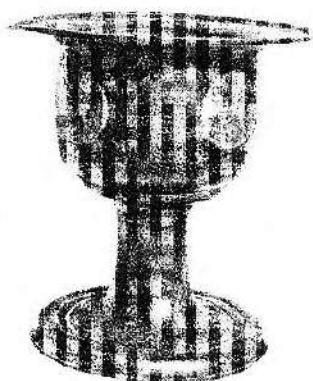

Рис. 2.43 Медная курильница
из храма Тхондоса
(Корё, Янсан, Южный Кёнсан)

Рис. 2.44 Бронзовый
сосуд кундик
(Корё, Сеул)

Рис. 2.45 Бронзовый
подсвечник
(Корё, Сеул)

Рис. 2.46
Серебряная
подставка
(Корё, Сеул)

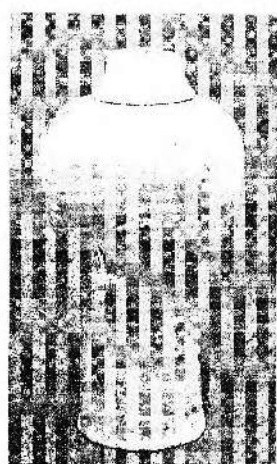

Рис. 2.47 Селадоновая ваза
мэбён (Корё, Сеул)

Рис. 2.48 Селадоновая ажурная
курильница (Корё, Сеул)

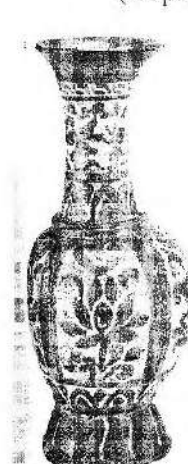

Рис. 2.49 Керамика сангам
(Корё, Сеул)

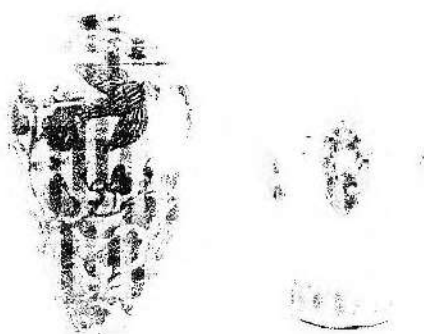
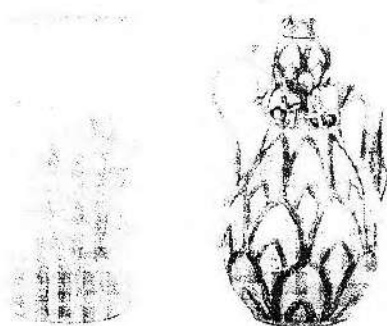

Рис. 2.50 Керамика Корё

Рис. 2.51 Керамическая черепица с декором в виде
цветка пиона (Корё, Сеул)

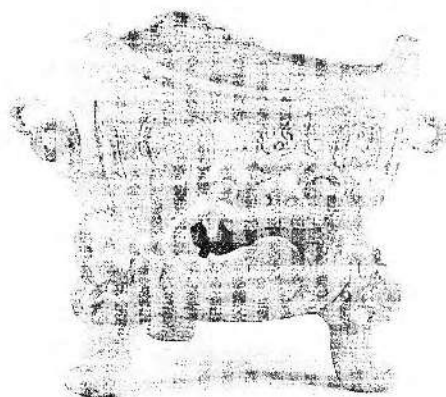

Рис. 2.52 Бронзовая жаровня квимён (Корё, Сеул)

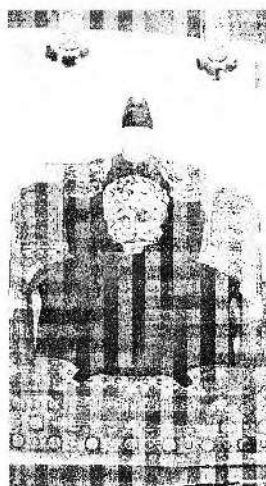

Рис. 3.4 Тронный
портрет вана Тхэджо
(1392 – 1398 гг.) –
Ли Сонге
(1335 – 1408 гг.)

Рис. 3.5 Автограф *Ли Сонге*

Рис. 3.6 Усыпальница вана Тхэджо
(начало XV в., *Сочхо*, Сеул)

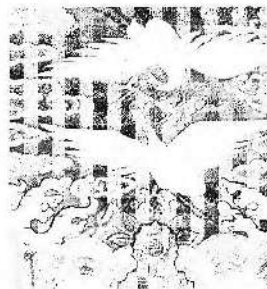
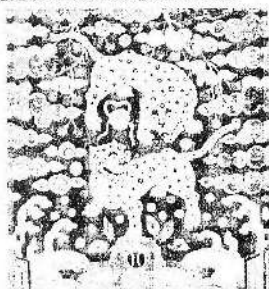

Рис. 3.7 Эмблемы военных (слева) и гражданских
(справа) чиновников королевства Чосон

Рис. 3.8 Домашний
ритуал
ча – поминовение
душ усопших
предков

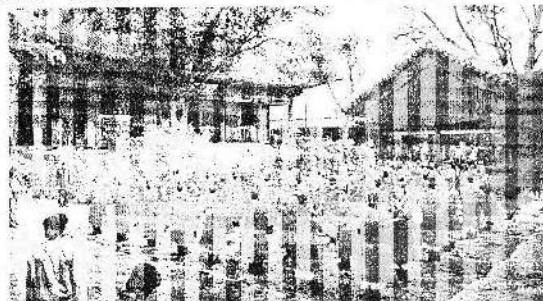
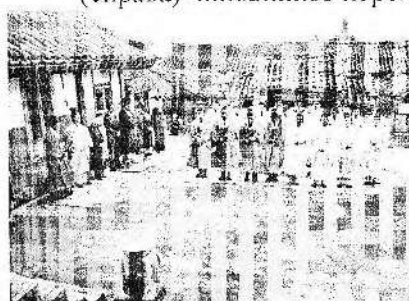

Рис. 3.9 Современная реконструкция конфуцианских ритуалов

Рис. 3.10 *Совон* – конфуцианский храм *Тосан*
(1514 г, *Тосан*, Северный Кёсан)

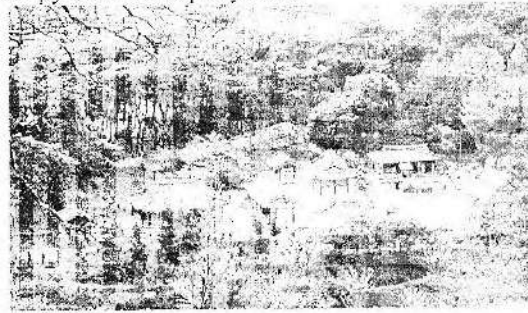

Рис. 3.11 Один из самых ранних *совонов* –
Сосу (конец XV в., *Ёнтхун*, Северный
Кёсан)

◀ Рис. 3.12 Философ-чжусианец *Ли Сэк*
(1328 – 1396 гг.) и его автограф

▶ Рис. 3.13 Страница из сочинения раннего
сирхакиста *Ли Сугвана* (1563 – 1628 гг.) «*Чибон*
юсоль»

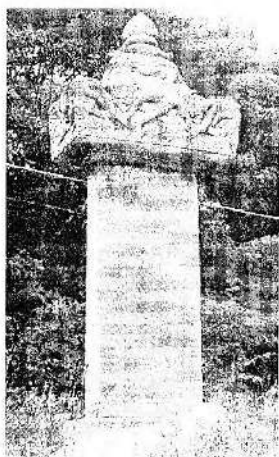

Рис. 3.14 Обелиск на могиле мыслителя-сирхакиста *Хан Боккёма* (1552 – 1615 гг.) (XVII в., Ёджу, Кёнги)

Рис. 3.15 Герой Имджинской войны адмирал *Ли Сунсин* (1545 – 1598 гг.)

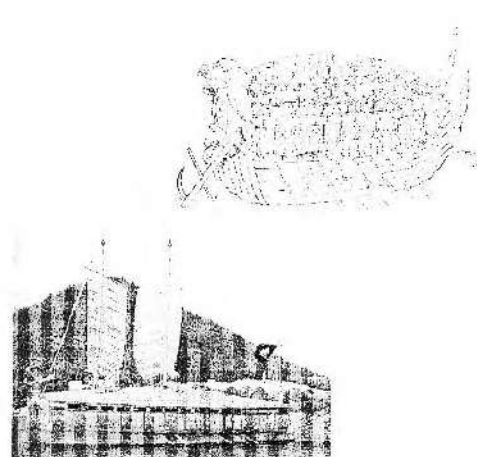

Рис. 3.16 Детище *Ли Сунсина* – бронированный корабль *кобуксон* (вверху – гравюра XVII в., внизу – реконструкция 1980 г.)

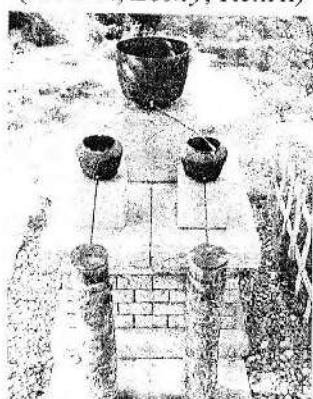

Рис. 3.17 Водяные часы *порукак чагённу* (эталон времени) в Чосоне (1536 г., Сеул, Токсугун)

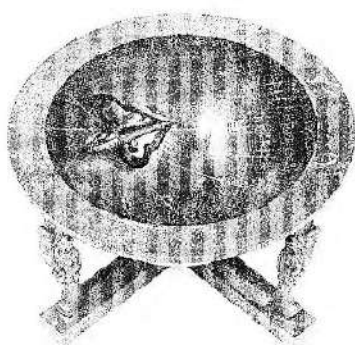

Рис. 3.18 Солнечные часы *анбуильгу* (1434 г., Ёджу, Кёнги)

Рис. 3.19 Одна из карт Кореи «*Кукпхальто пхонханто*» (середина XVI в.)

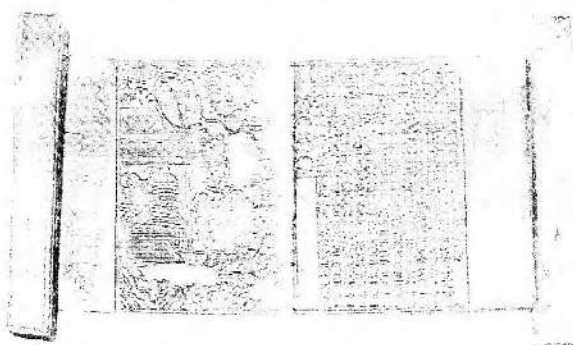

Рис. 3.20 Ксилографическая плита (1673 г., Янджу, Пурамса, Кёнги)

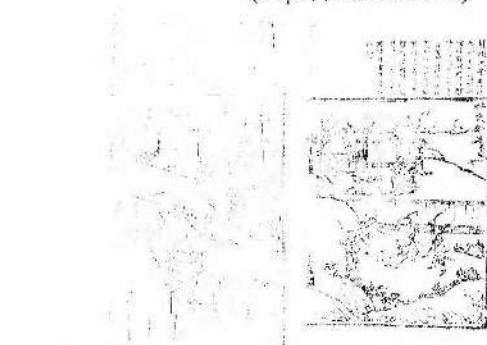

Рис. 3.21 Литература, изданная в Чосоне ксилографическим способом

Рис. 3.22 Наборный металлический шрифт (XVIII в.)

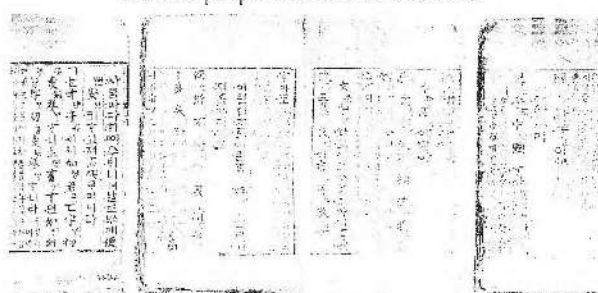
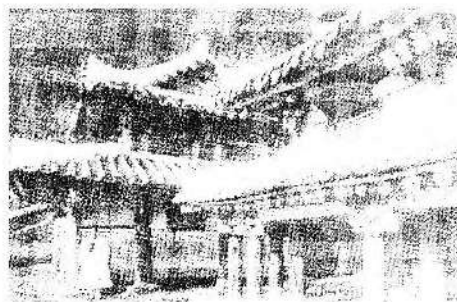

Рис. 3.23 «*Хунмин чоньым*» (печатное издание середины XV в.)

◀ Рис. 3.24 Первые тома хроники династии Ли (1413 г.)

▶ Рис. 3.25 Хранилище «Чосон ванджосе синдо» в Тхэбэксане (1920 г.)

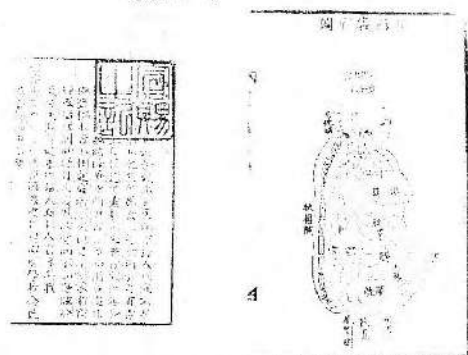

Рис. 3.26 Многотомный медицинский трактат «Тонгуй богам» (издание 1613 г.)

Рис. 3.27 Конфуцианский философ и литератор Ким Сисын (1435 – 1493 гг.)

Рис. 3.28 Автограф создателя жанра сосоль Хо Гюна (1569 – 1618 гг.)

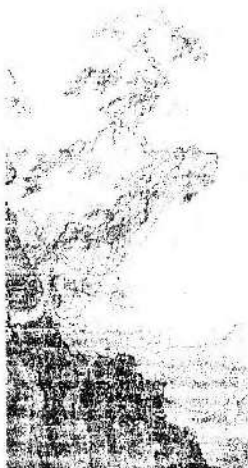

Рис. 3.29 Живопись Ли Сандзэва (1488 – ? гг.)

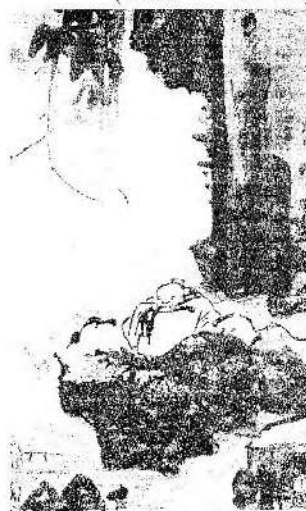

Рис. 3.30 Живопись Ким Хватэ (1418 – 1465 гг.)

Рис. 3.31 Живопись Ли Ама (1499 – ? гг.)

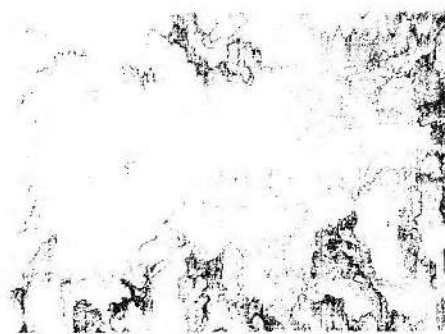

Рис. 3.32 Живопись Ан Гёна (1564 – ? гг.)

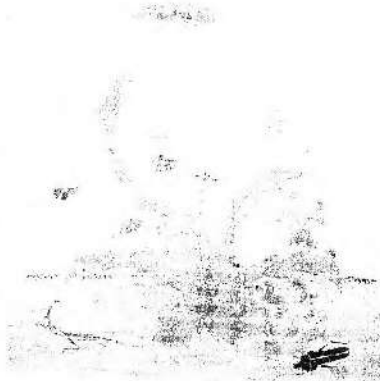

Рис. 3.33 Живопись Симса Имдан (1504 – 1551 гг.)

Рис. 3.34 Живопись Ли Джэита (1581 – ? гг.)

Рис. 3.35 Живопись
*Ли Мёнука**

Рис. 3.36 Пейзаж *Сим Саджона* (1707 – 1769 гг.)

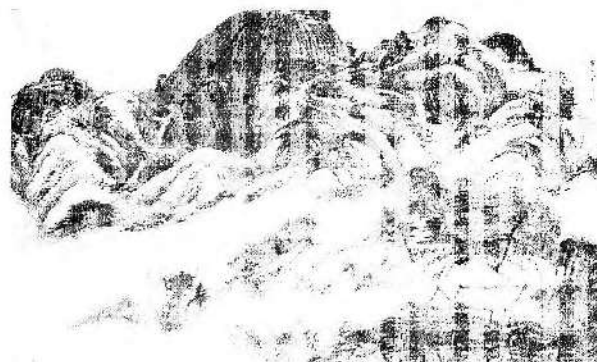

Рис. 3.37 Пейзажная живопись *Чон Сона*
(1676 – 1759 гг.)

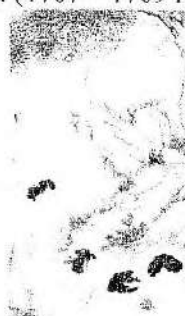
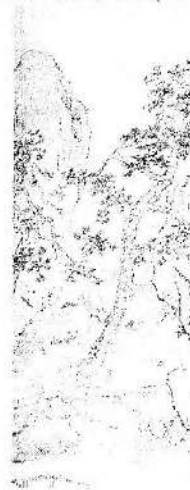

Рис. 3.38 Жанровая живопись *Син Юнбока* (1758 – ? гг.)

◀ Рис. 3.39 Живопись
Ким Дусяна
(1696 – 1763 гг.)

▶ Рис. 3.40 Живопись
Ким Дыксина
(1754 – 1822 гг.)

Рис. 3.41
Анималистическая
живопись *Пён Санбёка*
(1694 – ? гг.)

Рис. 3.42 Живопись *Ким Хондо* (1745 – ? гг.)

Рис. 2.43 Светский портрет работы *Ли Инсана**

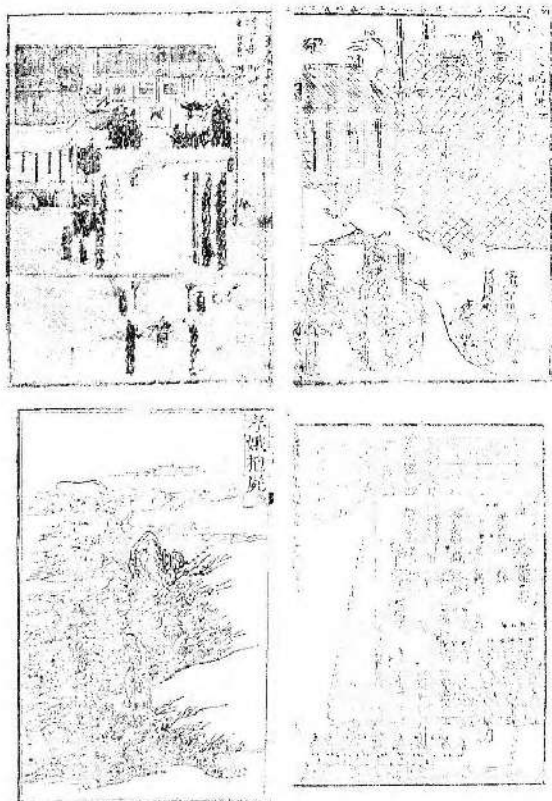

Рис. 2.44 Гравюры периода Чосон

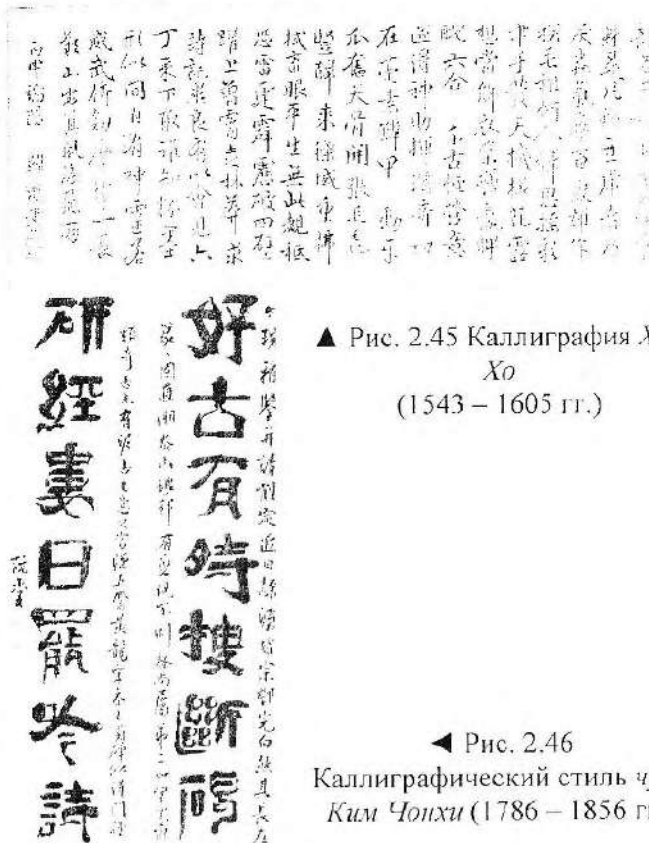
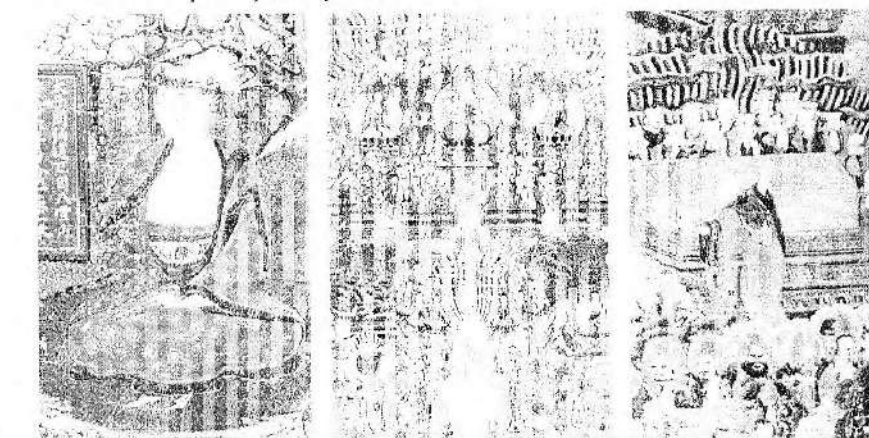
▲ Рис. 2.45 Каллиграфия Хан Хо
(1543 – 1605 гг.)◀ Рис. 2.46
Каллиграфический стиль чуса
Ким Чонхи (1786 – 1856 гг.)Рис. 2.47 Буддийская
храмовая живопись
тхэньхва
(Чосон)

Рис. 2.48 Буддийская гравюра (Чосон)

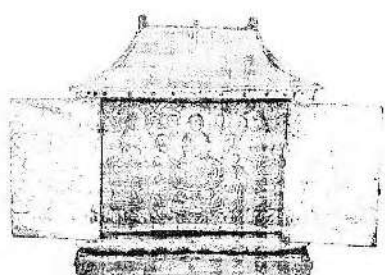
Рис. 2.49 Буддийские божества для домашнего алтаря
(Чосон)◀ Рис. 3.50 Переносной буддийский алтарь
(1450 г., Сеул)▶ Рис. 3.51 Буддийская бронзовая миниатюра
(Чосон, Сеул)

Рис. 3.52 Позолоченная бодхисатва
(Чосон, Кочхан, Сонгуса, Северная Чолла)

Рис. 3.53 Буддийский барельеф
(Чосон, Кочхан, Сонгуса, Северная Чолла)

Рис. 3.54 Буддийская триада в скалах
(поздний Чосон, Анянь, Кёнгй)

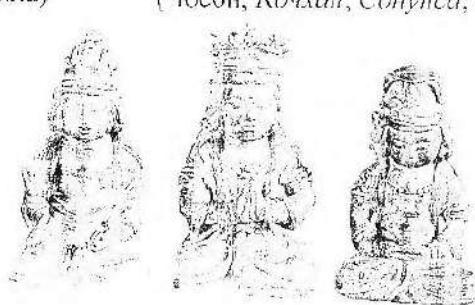

Рис. 3.55 Домашняя буддийская триада
(поздний Чосон, Суджонса, Кёнгй)

Рис. 3.56
Бодхисатва
(XVIII в.)

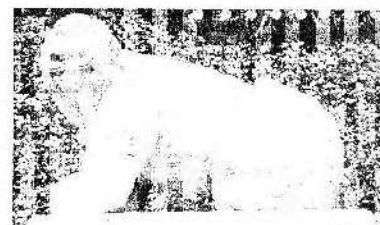
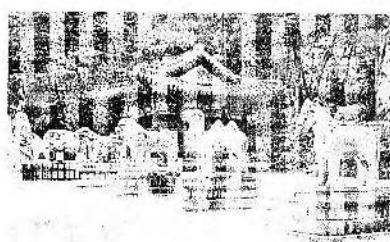
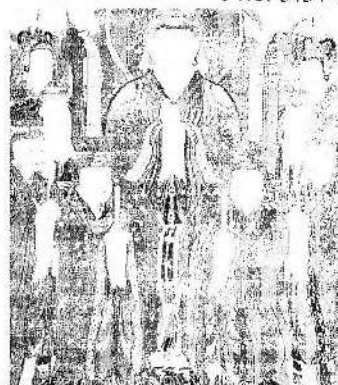

Рис. 3.57 Конфуцианская погребальная скульптура (Чосон, Кёнгй)

◀ Рис. 3.58
Конфуцианская храмовая
живопись
(1804 г., Тхондоса,
Южный Кёнсан)

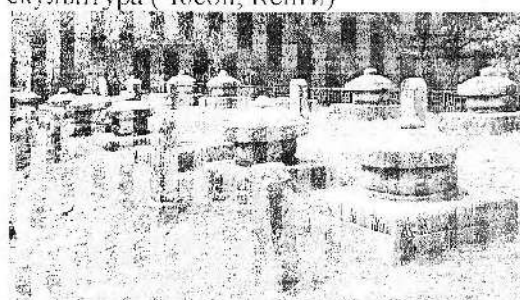

Рис. 3.59 Кладбище родственников вана
Седжона (1438 – 1458 гг., Северный
Кёнсан)

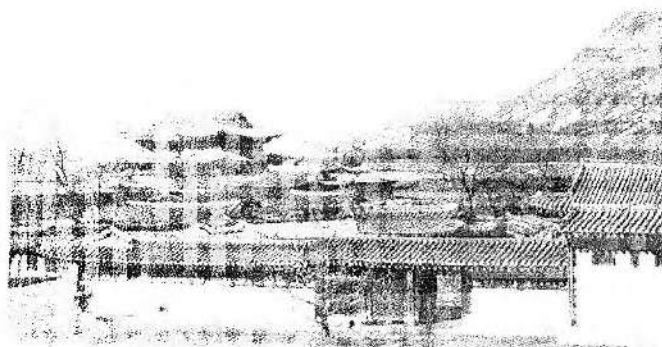

Рис. 3.60 Дворец Кёнбоккун
до разрушения японцами
(1927 г., Сеул)

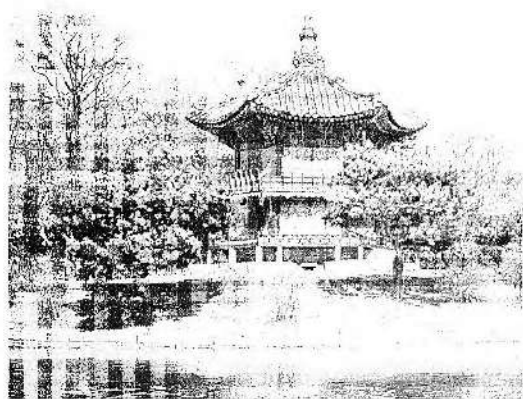

Рис. 3.61 Павильон Хягвондэжон
(Кёнбоккун, Сеул)

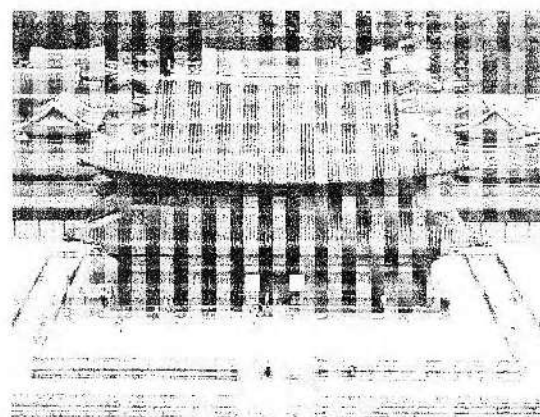

Рис. 3.62 Павильон Кёндождэжон
(Кёнбоккун, Сеул)

Рис. 3.63 Дворец Чхандоккун
(Сеул)

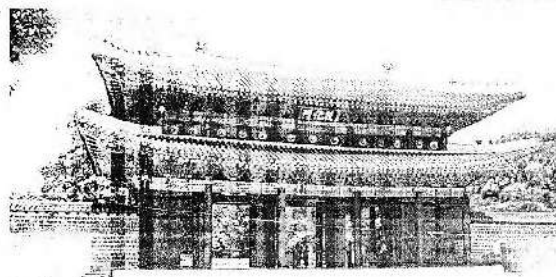
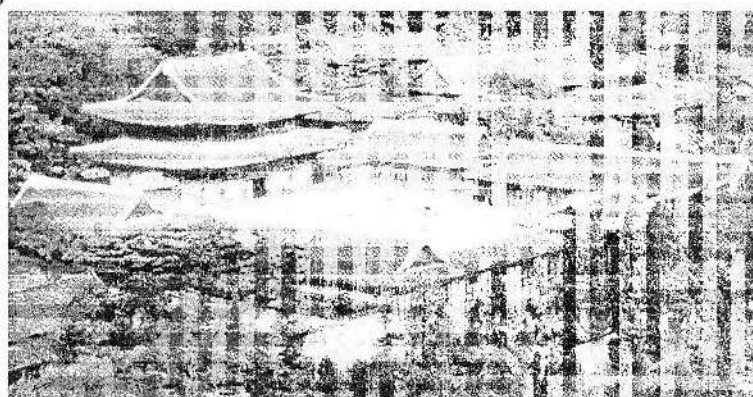

Рис. 3.64 Ворота Тонхвамун (Чхандоккун, Сеул)

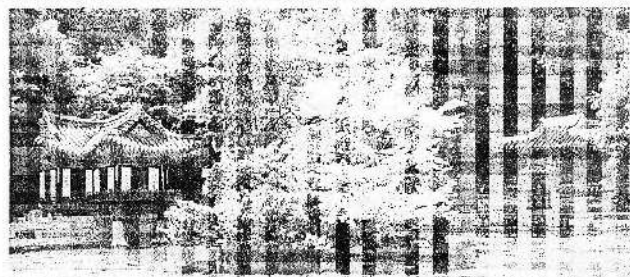
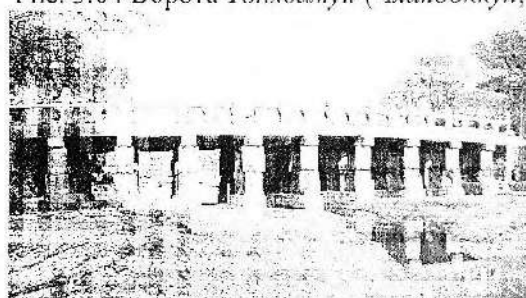
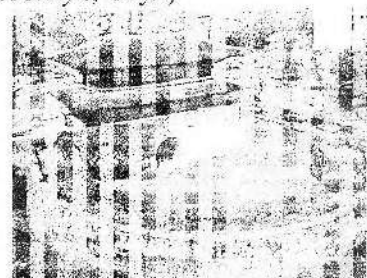

Рис. 3.65 Павильон Пуёндэжон в Пивоне
(Чхандоккун, Сеул)

◀ Рис. 3.66 Мост
Сунхэгэ
(Чосон, Сеул)

▶ Рис. 3.67 Ворота
Хышинджимун
(1397 г., Сеул)

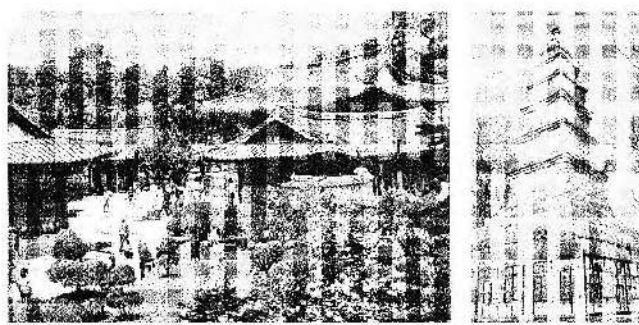

Рис. 3.68 Храм *Сирькса* и кирпичная пагода
(Чосон, Кёнгги)

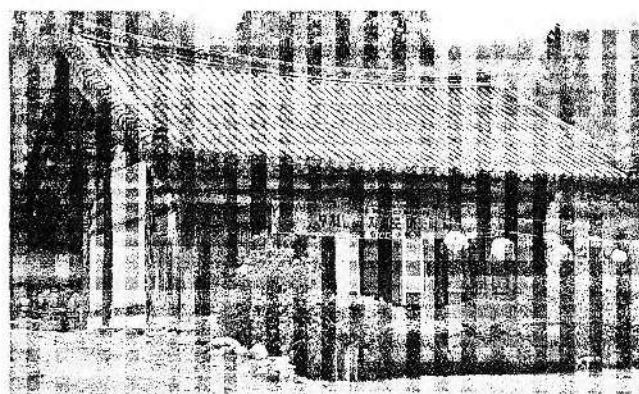

Рис. 3.70 Павильон *Кынтакподжон* совона *Муви*
(Чосон, Южная Чолла)

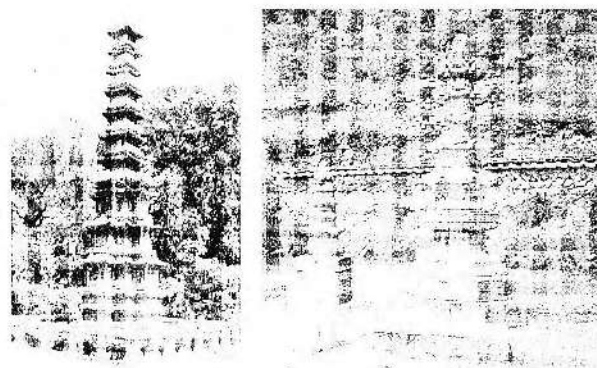

Рис. 3.69 Пагоды периода Чосон:
слева – *Вонгактхап* (Сеул), справа –
Суджонтхап (Суджонса, Кёнгги)

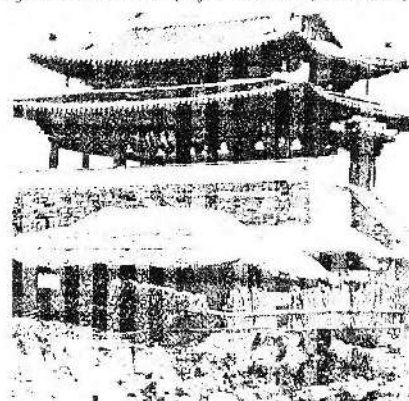

Рис. 3.71 Ворота *Потхоимун*
(Чосон, Ихёнъян, 1930 г.)

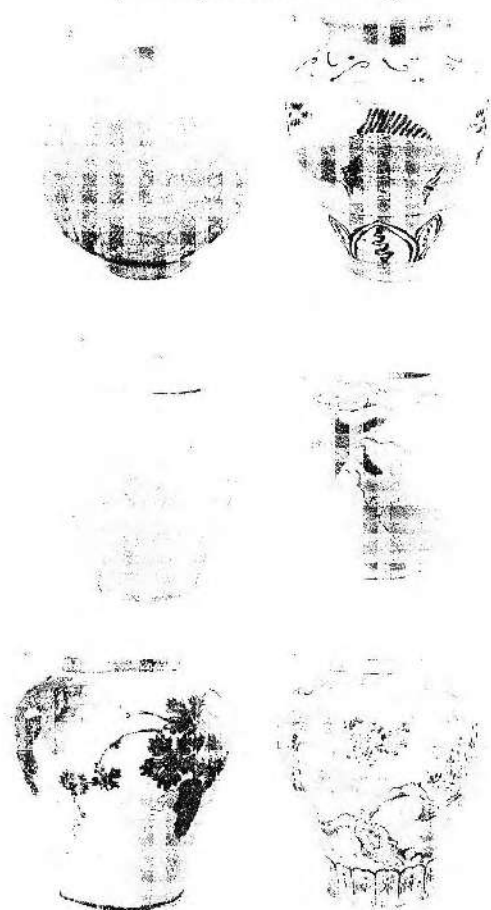

Рис. 3.72 Керамика и фарфор Чосона

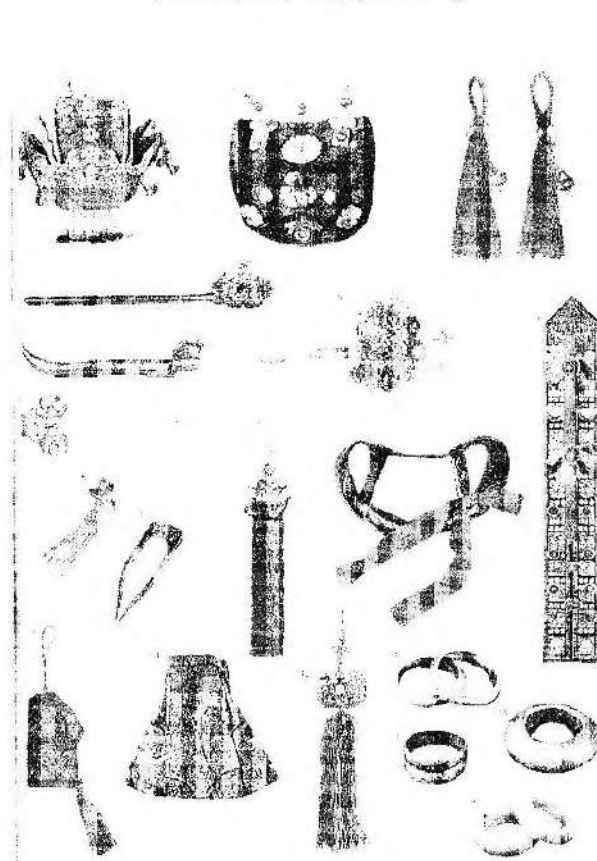

Рис. 3.73 Изделия декоративно-прикладного
искусства Чосона

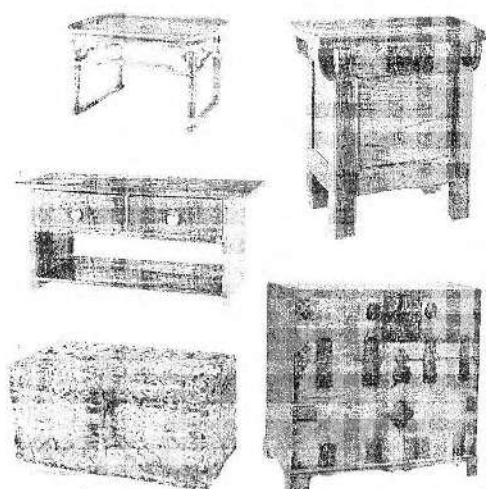

Рис. 3.74 Мебель периода Чосон

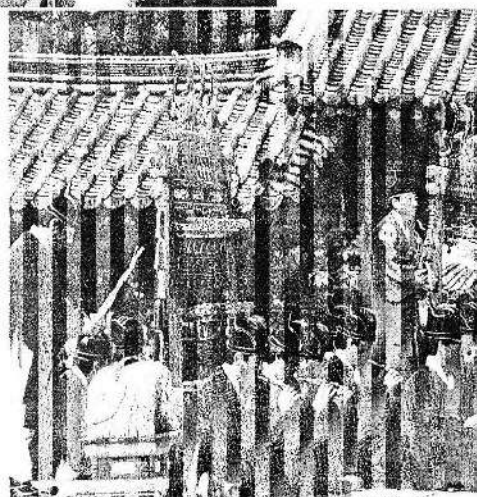
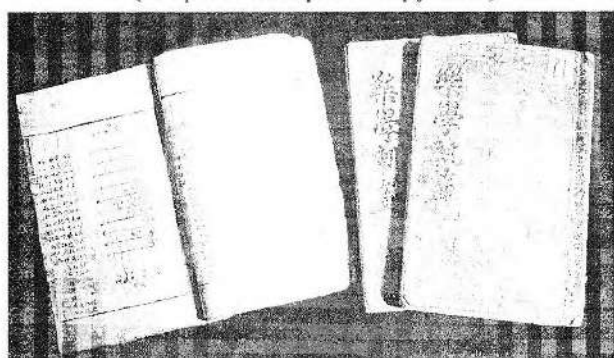
Рис. 3.75
Традиционные
маски *сандэгык*
(современная
реконструкция)Рис. 3.76 Представление *сандэгык*
(современная реконструкция)Рис. 3.77 Ансамбль *чонгмё череак*
(современная реконструкция)

Рис. 3.78 Книги по музыкальной культуре (Чосон)

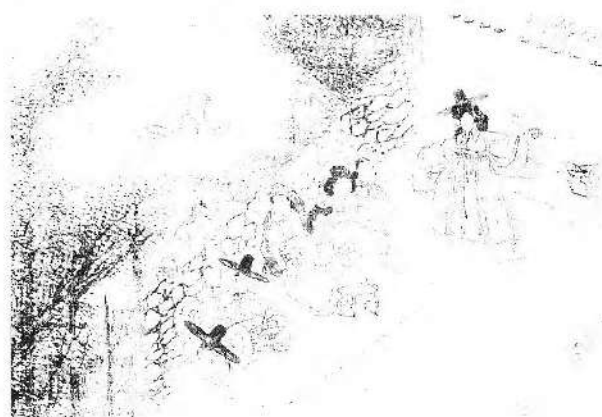
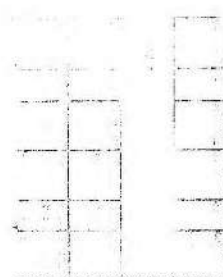
Рис. 3.79 Система нотной записи *акно* (Чосон)Рис. 3.80 Шаманский танец *мудаль* на картине
Син Юнбока (XVIII в.)

Рис. 3.81 Произведения ученых-сирхакистов: слева направо – автограф Пак Чивона (1737 – 1805 гг.), труд Лю Хевона (1622 – 1673 гг.) «Панге сурок», живопись Пак Чега (1750 – 1805 гг.)

Рис. 3.82 Неоконфуцианский мыслитель Сон Силь (1607 – 1689 гг.)

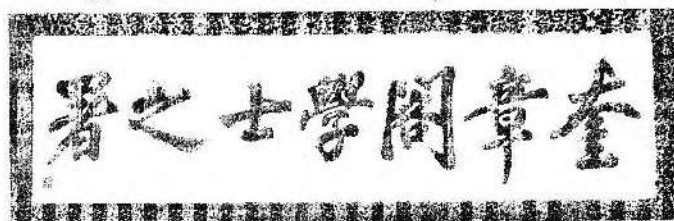

Рис. 3.83 Вывеска библиотеки Кюджагак (конец XVIII в.)

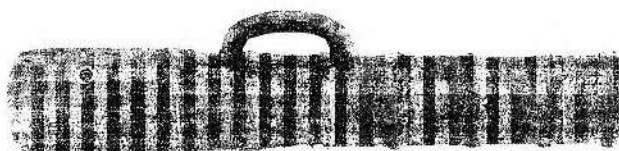
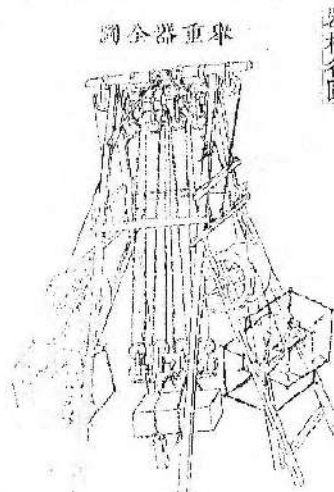

Рис. 3.84 Артиллерийские орудия (конец XVIII в.)

Рис. 3.85 Дождемер (конец XVIII в.)

◀ Рис. 3.86 Чон Ягён. Схема подъемного устройства (конец XVIII в.)

▶ Рис. 3.87 Хо Им. «Чхимкугён хомбан» (середина XVII в.)

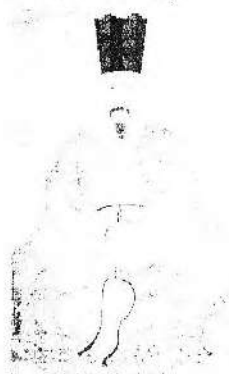

Рис. 3.88 Крупнейший писатель второй половины XVII в. Ким Мангжу и его автограф

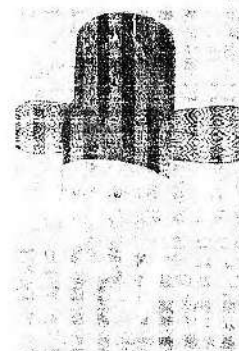
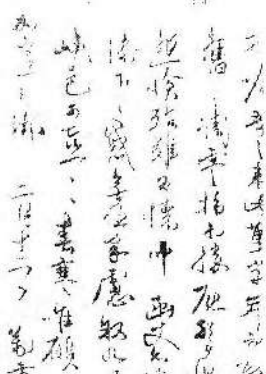

Рис. 3.89 Составитель «Тонгук мунхон нисон» Хон Бохван (1713 – 1778 гг.)

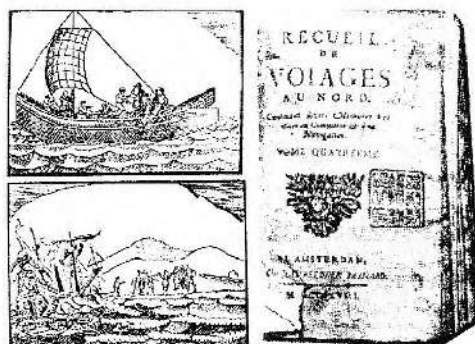

Рис. 3.90 Книга Х. Гамелля о Корее (конец XVII в.)

Рис. 3.91 Ли
Сынхун (Петр,
1756 – 1801 гг.)

Рис. 3.92 Ранняя христианская литература (XVII в.):
вверху – первый перевод Библии на корейский язык,
внизу – перевод книги М. Риччи

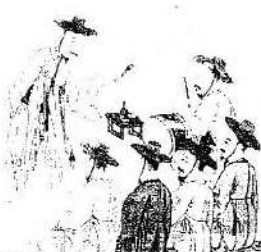
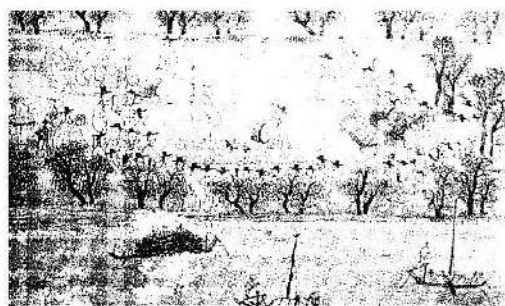
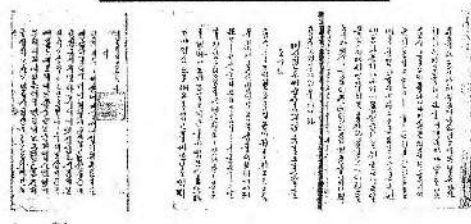

Рис. 3.93 Представление
пхансори на картинах XVIII в.

Рис. 3.94 Маски театра сандэгук
(XVIII в.)

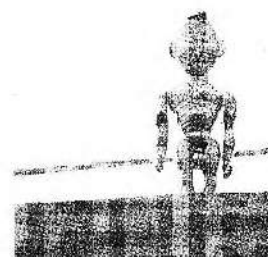
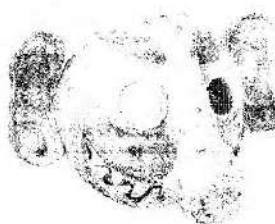

Рис. 3.95 Театр квервегук: слева – голова марионетки
(XVIII в.), справа – вульгарный сценический
персонаж (современная реконструкция)

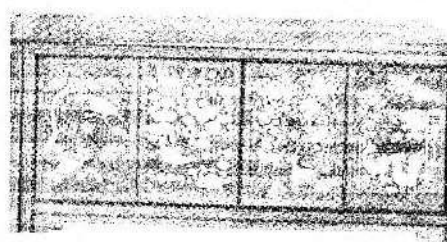
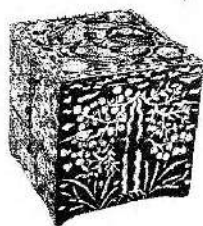

Рис. 96 Мебель с перламутровой инкрустацией
(XVIII в.)

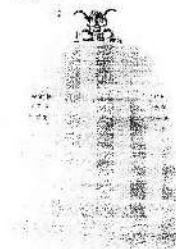

Рис. 3.97 Колокола Чосона
(XVIII в.)

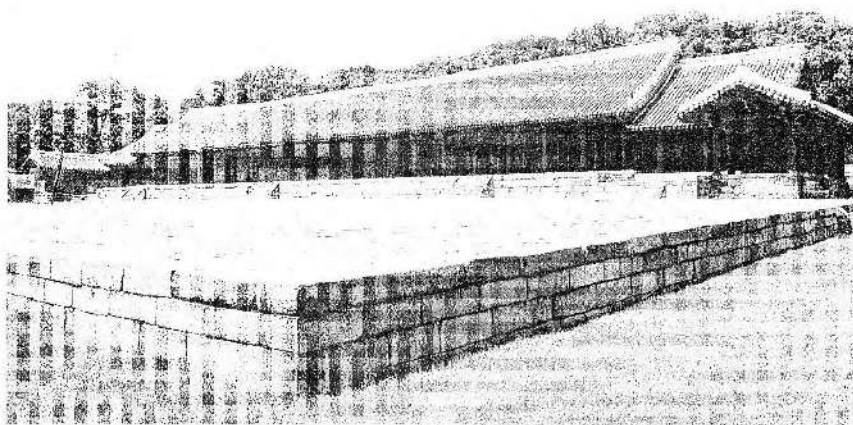

Рис. 3.98 Павильон
Чонгдожон конфуцианского
храма Чонгмё
(первая половина XVII в.,
Сеул)

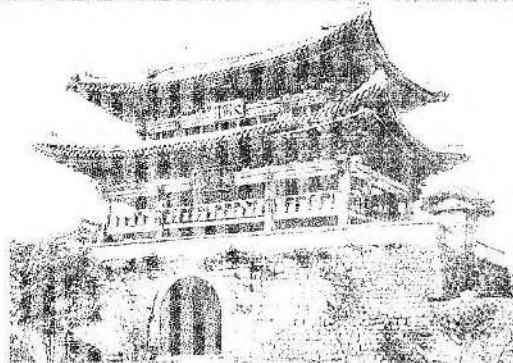

Рис. 3.99 Ворота Тэдонъмун
(первая половина XVII в., Пхеньян, фото 1930 г.)

Рис. 3.100 Жилой дом Кванкадэжон
(XVIII в., Яндонни, Северный Кёнсан)

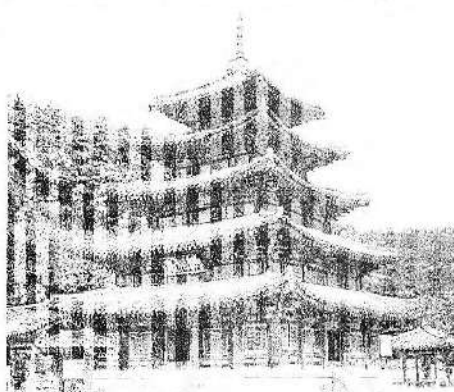

Рис. 3.101 Павильон Пхальсандэжон
(первая половина XVII в., Пончуса, Северный
Чхунчхон)

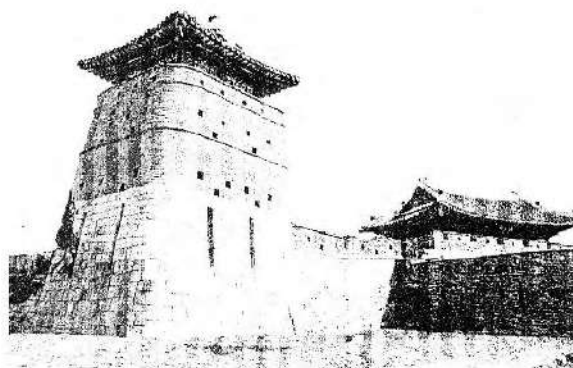

Рис. 3.102 Фортификационные сооружения
города-крепости Сувона (конец XVIII в.,
Кёнги)

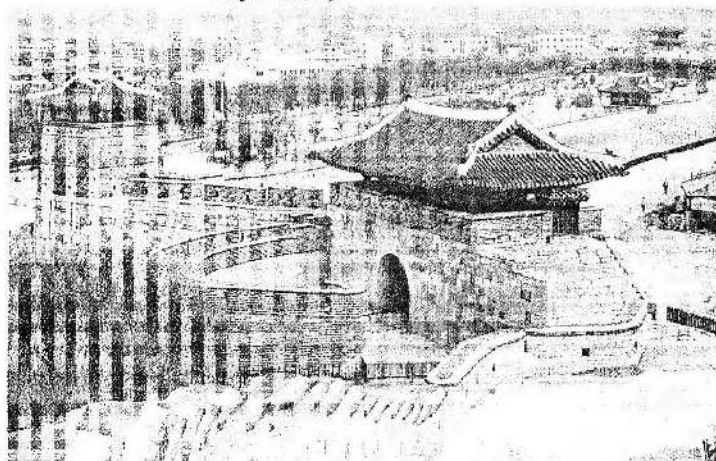

Рис. 3.103 Ворота Хвасомун
(конец XVIII в., крепость Сувон, Кёнги)

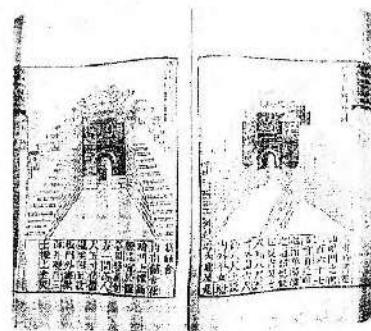

Рис. 3.104 Доклад Чон
Дасана об успешном
завершении реконструкции
Сувона
(1801 г.)

Рис. 4.4 Ли Хаын (1820 – 1898 гг.)
и его живопись

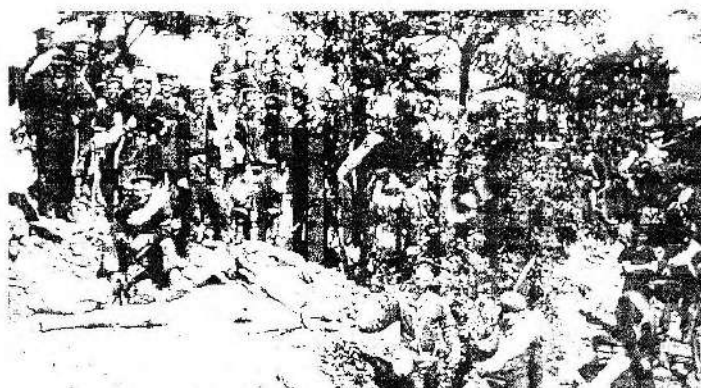
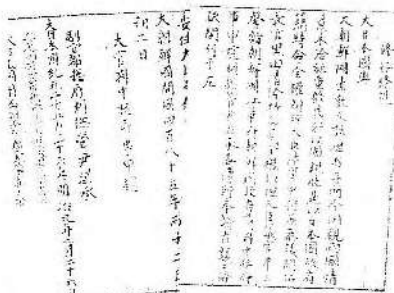

Рис. 4.5 Военно-морской десант США
(о. Канхвадо, 1871 г.)

▲ Рис. 4.6 Канхваский договор об
«открытии» Кореи (1876 г.)

► Рис. 4.7 Выдающийся сирхакист
Чон Дасан (Чон Ягён, 1762 – 1836 гг.)

▲ Рис. 4.10 Произведения
сторонников «тондо согил»
(конец XIX в.)

Рис. 4.9 Идеолог «виджон
чхокса» Ли Ханно
(1792 – 1868 гг.)

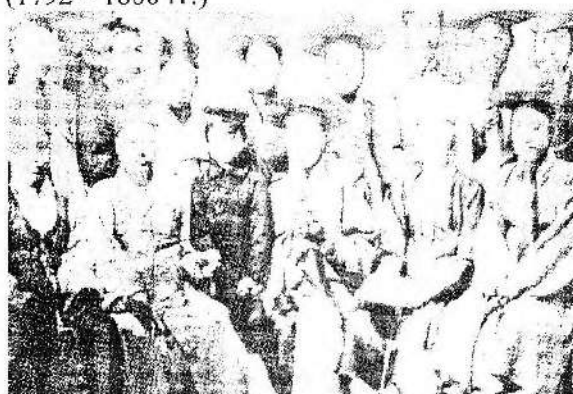

Рис. 4.12 Участники «кэхва ундонъ» (конец XIX в.)

Рис. 4.8 Политический
манифест движения «виджон
чхокса»
(1895 г.)

Рис. 4.13 Хон Ёнсик (1855 – 1884 гг.) –
идеолог «кэмонъ ундонъ»

Модернизация Кореи:

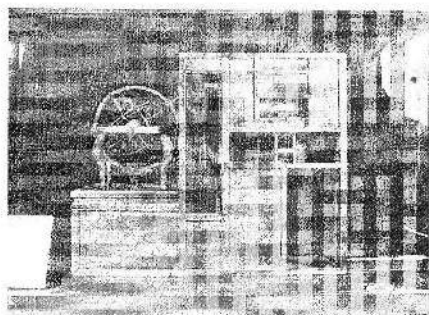

Рис. 4.14 Кабинет ученого
(конец XIX в.)

Рис. 4.15 Детальная карта
Кореи (1861 г.)

Рис. 4.16 Первая
общенациональная газета
«Хансонъ сунбо» (слева), первый
телефонный коммутатор
в 1890 г. (справа)

Рис. 4.17 Модернизация корейской армии
(90-е гг. XIX в.)

Рис. 4.18 Первый женский госпиталь, основанный
миссионеркой М. Ховард (Сеул, конец XIX в.)

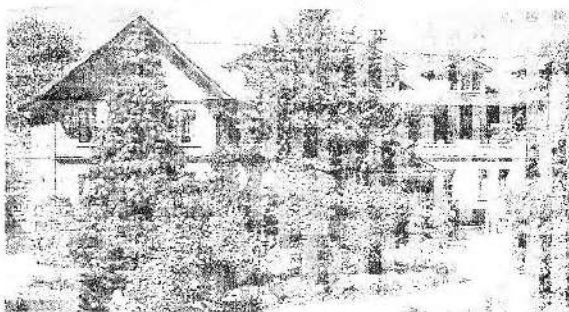

Рис. 4.19 Первая миссионерская школа
Г. Антенцеллера (Сеул, 1896 г.)

Рис. 4.20 Один из первых преподавателей-
иностранцев в корейской школе (Сеул, конец XIX в.)

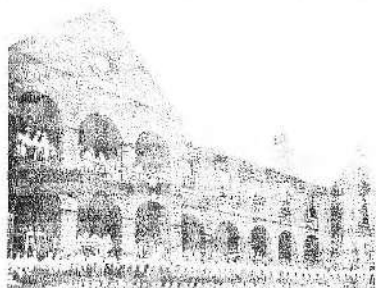

Рис. 4.21 Женский колледж Ихва хактан
(Сеул, 1900 г.)

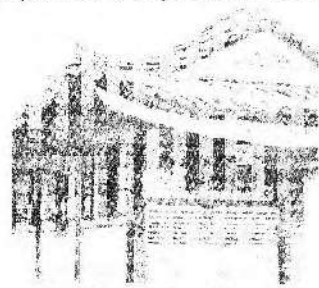

Рис. 4.22 Первый в Корее телеграфный участок и
бланк телеграммы (Сеул, конец XIX в.)

◀ Рис. 4.23 Периодические издания: слева –
«Гванхва синмун», справа – «Гванхва чоганхва
вольбо» (рубеж XIX – XX в.)

▶ Рис. 4.24 Корейка в европейском платье
(1910 г.)

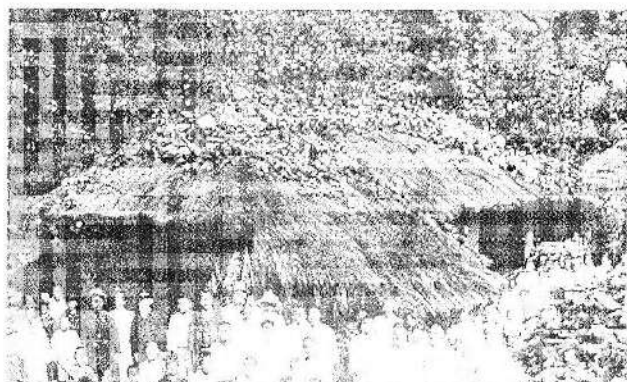

Рис. 4.25 Одна из ранних христианских общин
Кореи – школа *Пэрон хактан*
(1800 г., Чевон, Северный Чхунчхон)

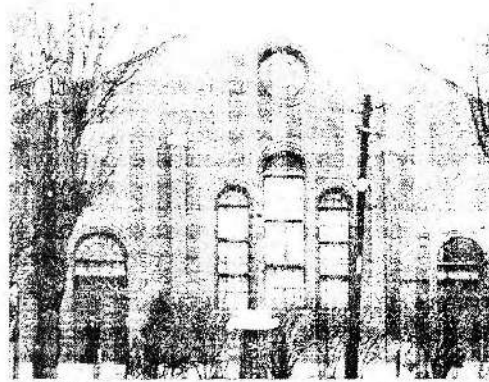

Рис. 4.26 Первая христианская церковь Кореи –
Сэмунал (1887 г., Сеул)

Рис. 4.27 Русская духовная миссия (Сеул, 1902 г.)

Рис. 4.28
Архимандрит
Хрисанф
(Щетковский)

◀ Рис. 4.29
Основатель
Тонхак
Чхве Джэу
(1824 – 1864 гг.)

Рис. 4.30 Арест вождя *Тонхак* *Чон Бонджуна*
(30 декабря 1894 г.)

Рис. 4.31 *Нак Ынсик* – литератор XIX – XX вв.
(1859 – 1926 гг.)

Рис. 4.32 Писатель XIX – XX вв. *Син Чхэхо*
(1879 – 1936 гг.)

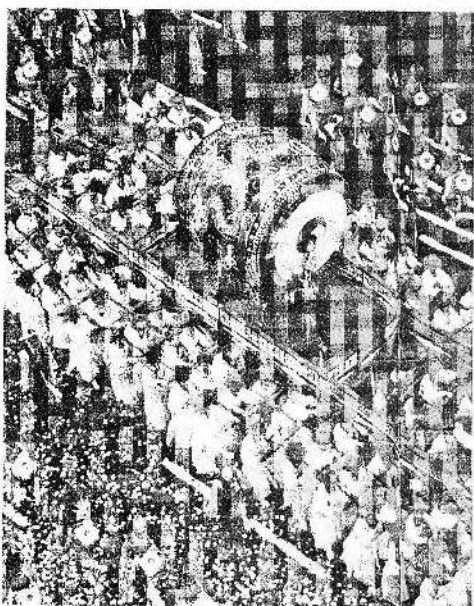

Рис. 4.33 Праздничная процессия с большим ритуальным барабаном *тахэжесинго* (Сеул, 1988 г.)

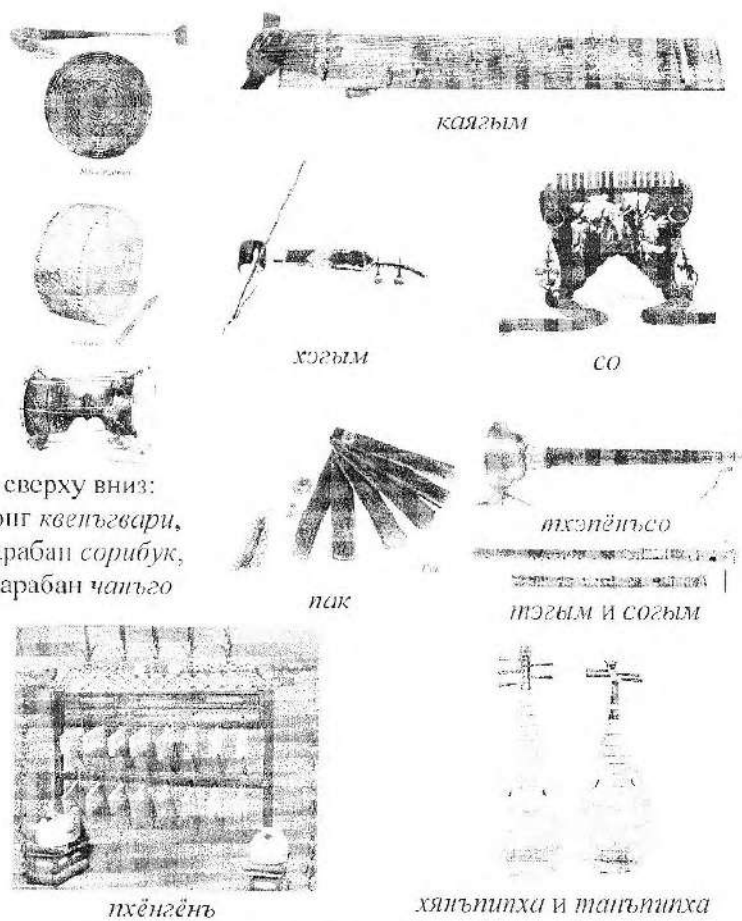

Рис. 4.34 Современная реконструкция музыкальных инструментов королевства Чосон

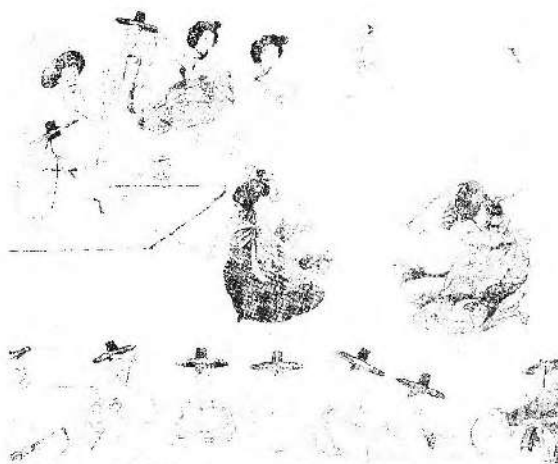

Рис. 4.35 Танец с мечами *кхальхум* на картине *Син Юнбока*

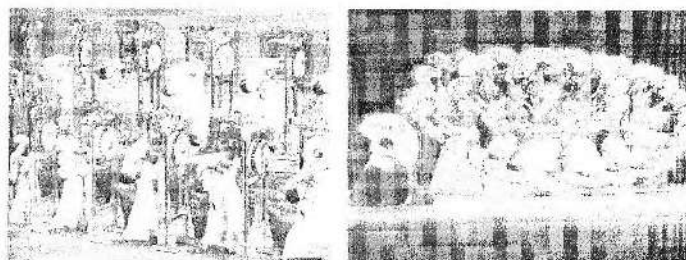

Рис. 4.36 Современная реконструкция танцев периода Чосон

◀ Рис. 4.37 Актер и театральный деятель *Им Сонгу* (1887 – 1921 гг.)

▶ Рис. 4.38 Здание театра *Волгакса* (Сеул, 1909 г.)

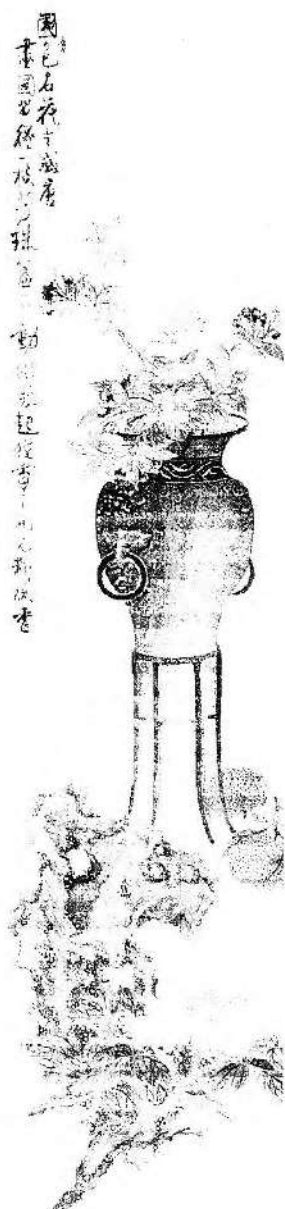

Рис. 4.39 Живопись Ли Джунсика
(1861 – 1919 гг.)

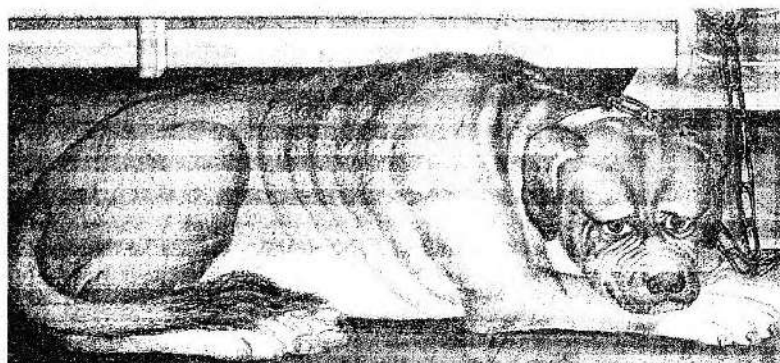

Рис. 4.40 Картина неизвестного художника в стиле *янгхва*
(рубеж XIX – XX вв.)

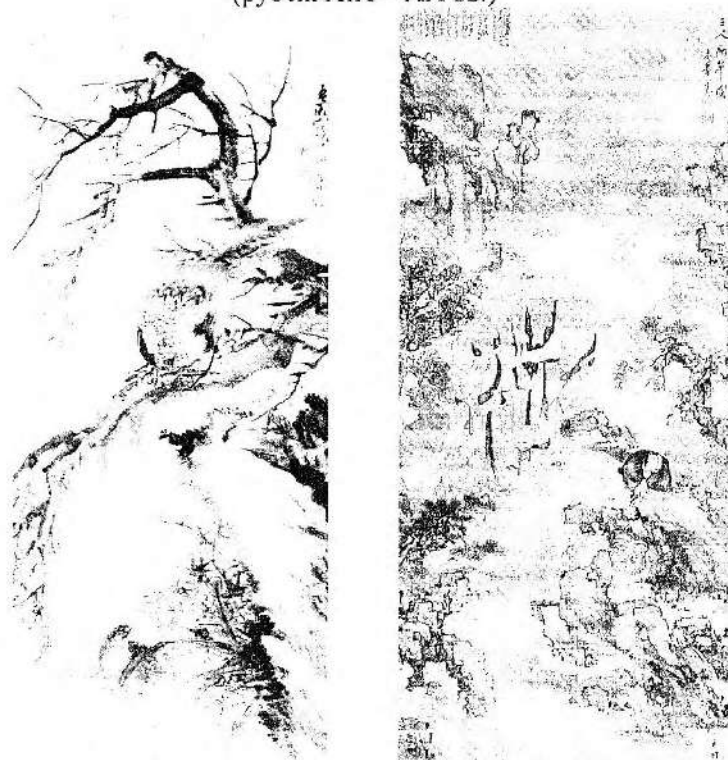

Рис. 4.41 Полотна выдающегося художника
второй половины XIX в. Чан Сынопа (1843 – 1897 гг.)

Рис. 4.42 Каллиграфия и рисунок Ким Чонхи
(1786 – 1856 гг.)

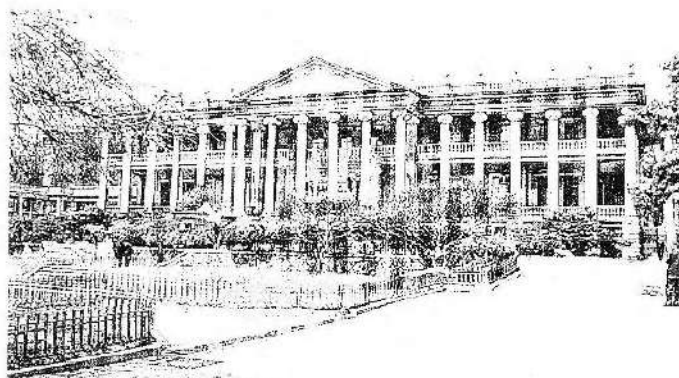

Рис. 4.43 Дворец *Сокчоджон* — одно из первых в Корее светских зданий в европейском стиле (Сеул, *Токсугун*, 1909 г.)

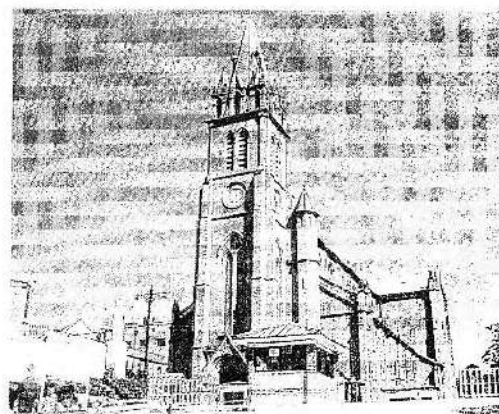

Рис. 4.44 Первое в Корее культовое сооружение в готическом стиле — храм *Мёндонъ* (Сеул, 1898 г.)

Рис. 4.45 Уникальный архитектурный ансамбль буддийского храма *Маитхатса* (1885 — 1895 гг., *Тонъчхонни*, Северная Чолла)

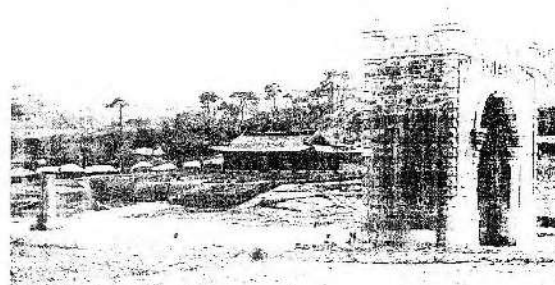

Рис. 4.46 Арка независимости и павильон *Тоншикван* (1898 г., Сеул)

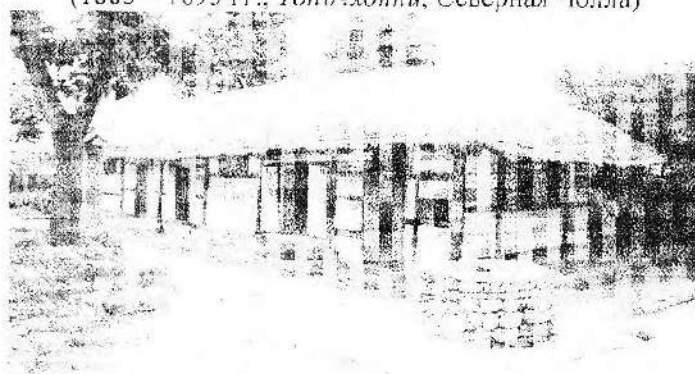

Рис. 4.47 Дом в сельской местности (XIX в., *Кочхан*, Северная Чолла)

Рис. 4.48 Дом состоятельного горожанина (XIX в., предместье *Сеула*)

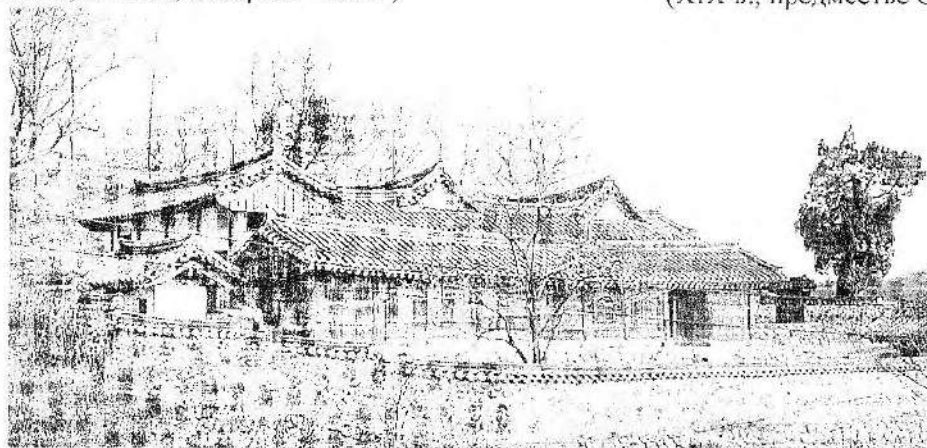
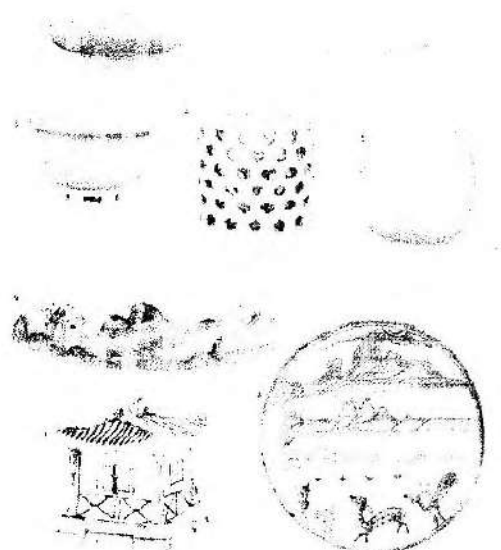
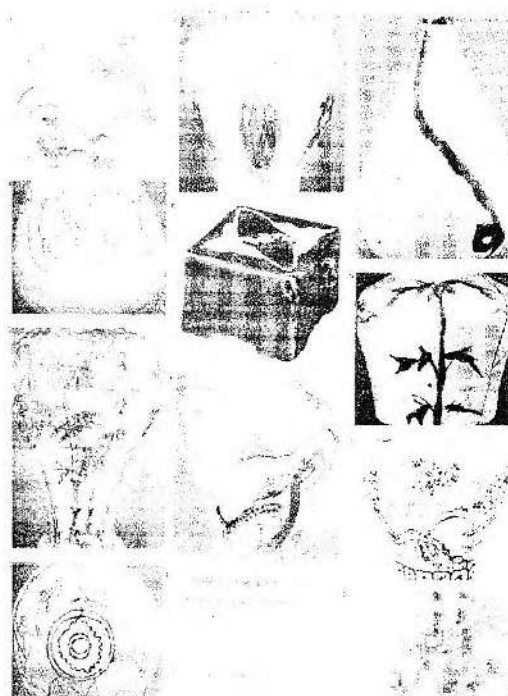
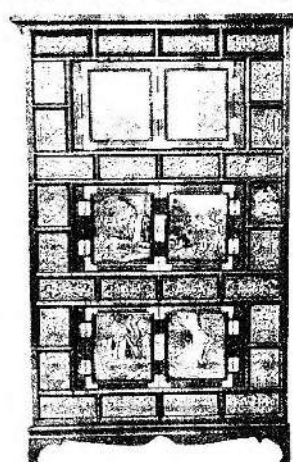
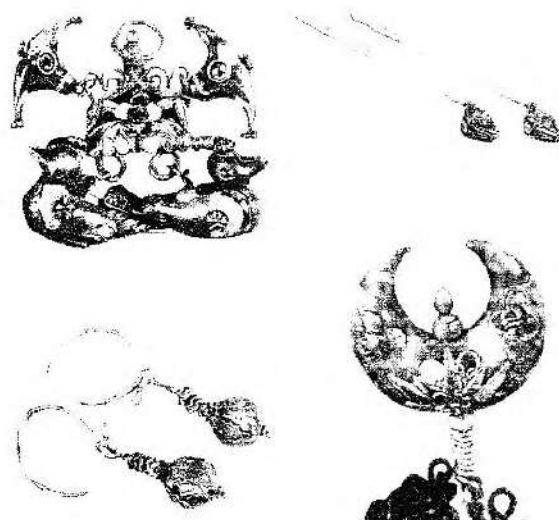

Рис. 4.49 Поместье *ханок* (XIX в., *Дяньдопхи*, Северный Кёнсан)

◀ Рис. 4.50 Корейский фарфор XIX в.

▼ Рис. 4.51 Изделия мастеров декоративно-прикладного искусства Кореи (XIX в.)

► Рис. 4.52 Образцы декора фарфора и керамики позднего Чосона (XIX в.)

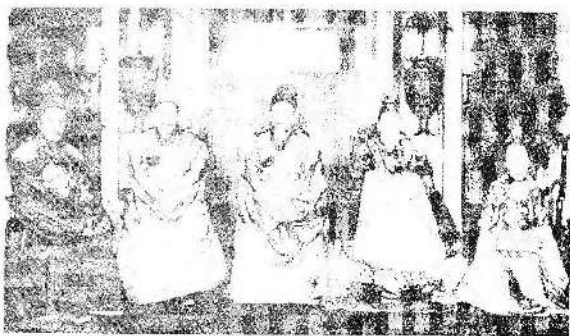

Рис. 5.4 Последний император Кореи *Коджон* (в центре) с семьей накануне подписания Договора об аннексии Кореи (1910 г.)

Декларация независимости Кореи (1919 г.)

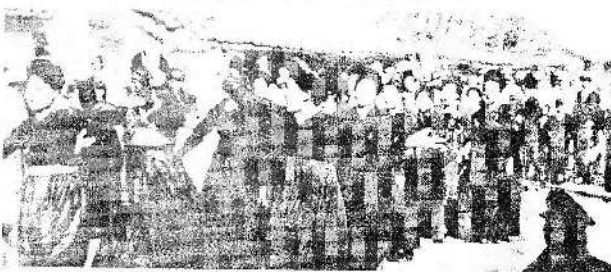

Рис. 5.6 Декларация независимости Кореи от 1 марта 1919 г. и демонстрация сеульских студенток в её поддержку (март 1919 г.)

Рис. 5.9 Портрет и автограф основателя *Чхондогё Сон Бёнхи* (1861 – 1922 гг.)

淑芳聚英精潤
心濟維局 孫東範

► Рис. 5.11 Икона *Тапгуна* в культе *Тоджонгё*

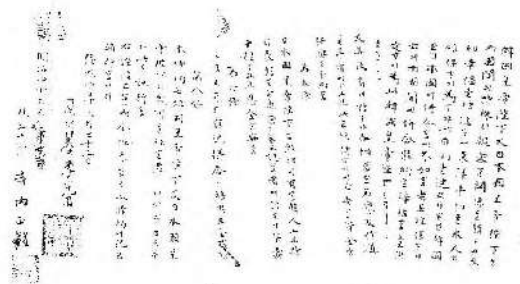
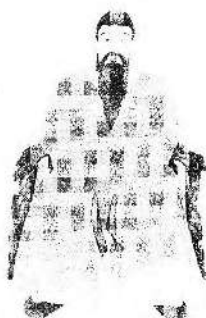

Рис. 5.5 Договор об аннексии Кореи в состав Японской империи (22 августа 1910 г.)

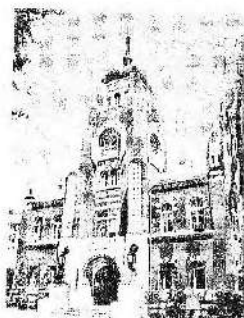
Рис. 5.7 Активный участник *Синминхве* и национально-освободительного движения Кореи *Ли Донхви* (1872 – 1935 гг.)

Рис. 5.8 Временное правительство Республики Корея в Шанхае (1 января 1920 г.)

Рис. 5.10 Христианские издания в колониальной Корее: слева – орган методистской церкви, справа – публикация греческой православной церкви

◀ Рис. 5.12 Главный храм *Чхондогё* (середина XX в., Сеул)

◀ Рис. 5.12 Основоположник won-буддизма Хан Ёнун (1879 – 1944 гг.)

▶ Рис. 5.13 Создатель учения Сичхонгё Ли Ёнгу (1868 – 1912 гг.)

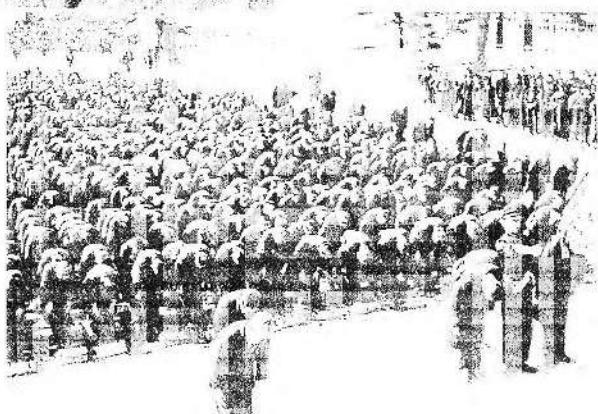

Рис. 5.16 Сингонистская церемония (1920 г., Сеул)

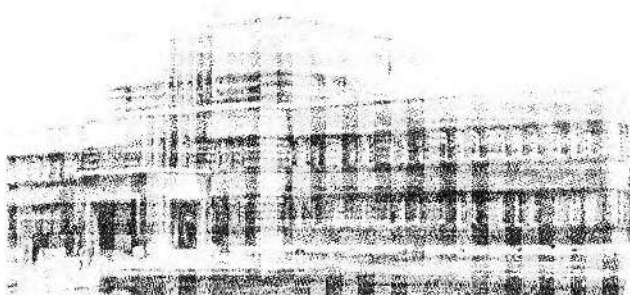

Рис. 5.17 Медицинское училище (1920 г., Пхеньян)

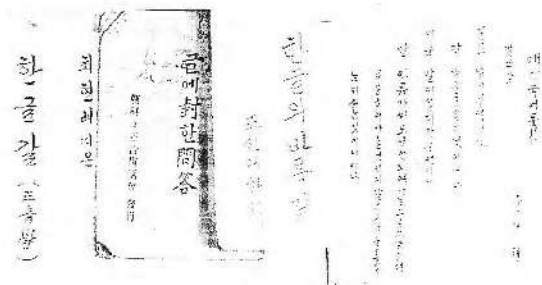

Рис. 5.18 Труды Чу Сигёна и других участников Общества по изучению корейской письменности

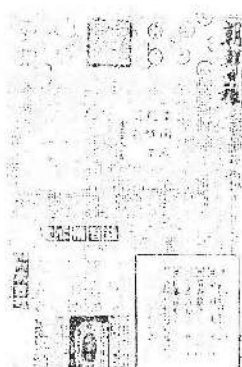

Рис. 5.19 Газета «Чосон ильбо» (7 марта 1920 г.)

Рис. 5.20 Патриотическая печать колониальной Кореи («Чосон чигван», ноябрь 1922 г.)

Рис. 5.21
Ли Гвансу
(1892 – 1950 гг.)
и его могила
(Намъян, Кёнги)

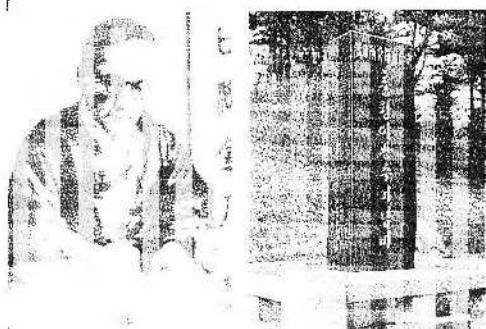

Рис. 5.22
Ли Гиён
(1895 –
1984 гг.)

Рис. 5.23 Кинорежиссер
На Унгию (1902 – 1937 гг.)

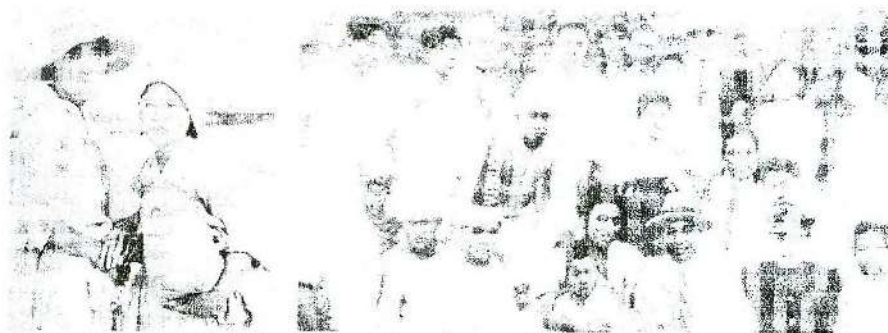

Рис. 5.24 Творчество На Унгию:
слева – кадр из фильма «Бесхозная переправа» (1932 г.),
справа – творческая группа первого звукового фильма «Арихан»
(1936 г.)

Рис. 5.25 Скульптурная группа «Будда
Майтрейя» Ким Бокчина (1901 – 1940 гг.) из
храма Кымсанса (Кимдже, Северная Чолла)

Рис. 5.26 Первая Общенациональная выставка корейской живописи (1922 г., Сеул)

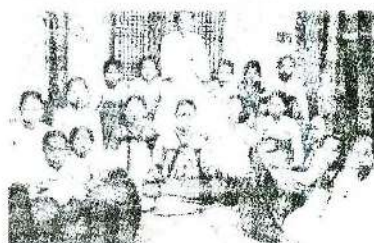
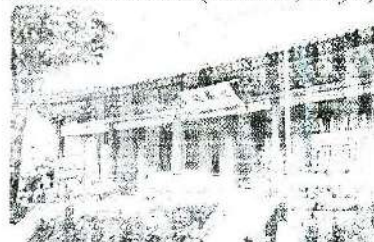

Рис. 5.27 Музыкальная культура колониальной
Кореи (снимки 30-х гг. XX в.):
слева – конфуцианский оркестр, справа – ансамбль
национальных инструментов

Рис. 5.28 Здание Национального
банка Кореи
(30-е гг. XX в., Сеул)

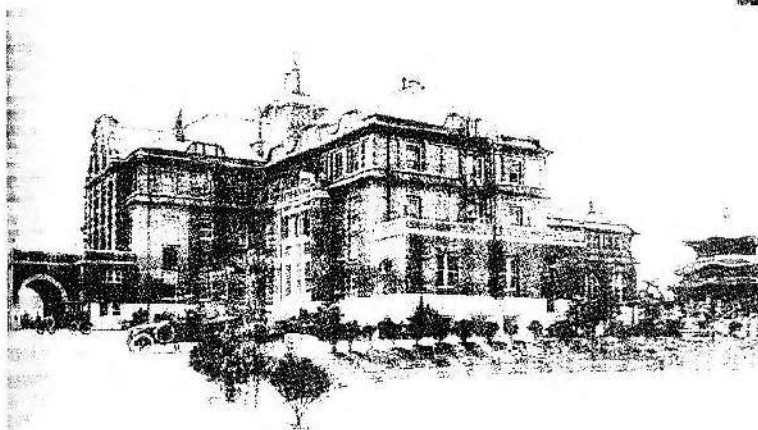
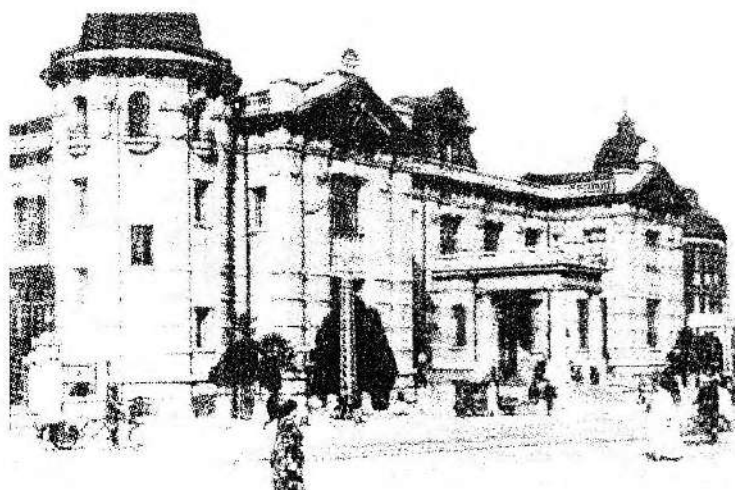

Рис. 5.29 Гостиница «Чосон»
(1914 г., Сеул)

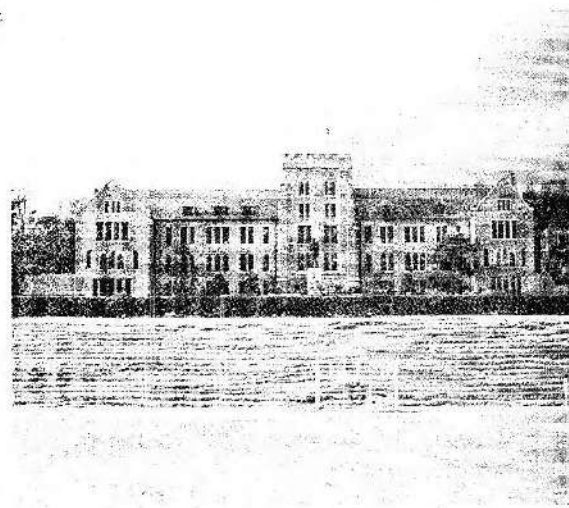
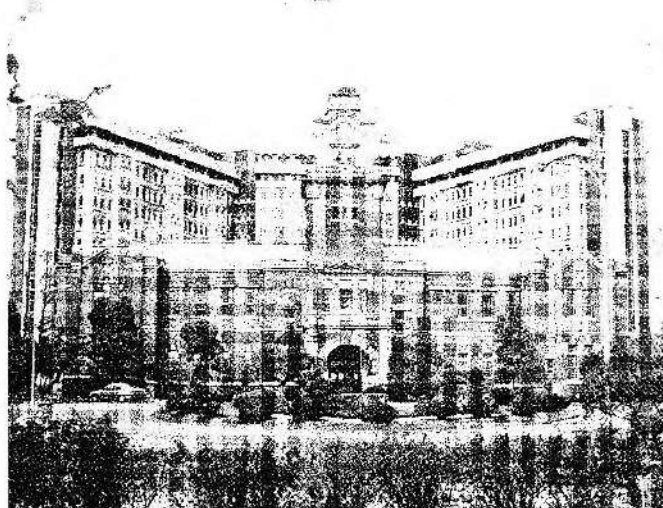

Рис. 5.30 Административные сооружения колониального периода:
слева – главный корпус Национальной ассамблеи Кореи, справа – главный корпус университета
«Корё»

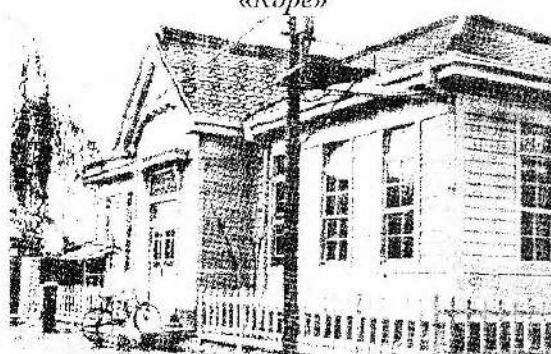

Рис. 5.31 Одноэтажная деревянная постройка колониального периода
(почтамт Кёнджу, 30-е гг. XX в.)

Рис. 6.3 Важнейший элемент северокорейской пропаганды – возжи партии и государства, осуществляющие «руководство на месте» (1989 г., Пхеньян)

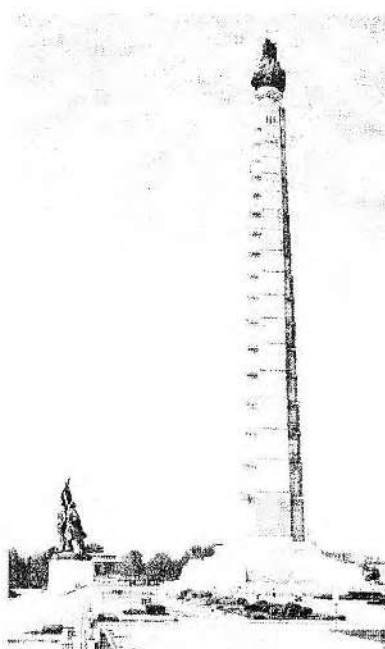

Рис. 6.4
Монумент в честь
идей *чучхе*,
высота – 170 м.
(1982 г., Пхеньян)

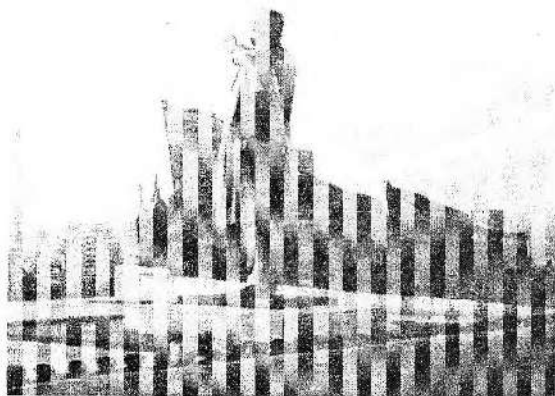

Рис. 6.5 Монументальная скульптура
Ким Ирсена
(Музей корейской революции, Пхеньян)

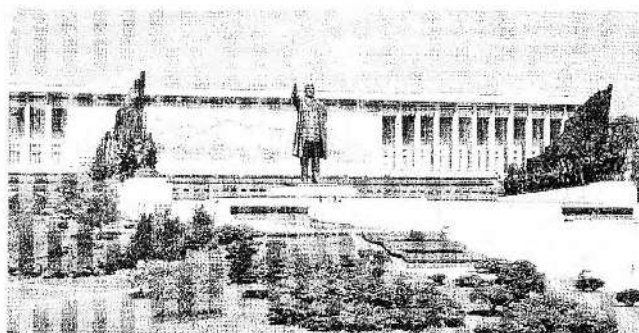

Рис. 6.6 Главный *саджоккван* страны – Музей
корейской революции (1972 г., Пхеньян)

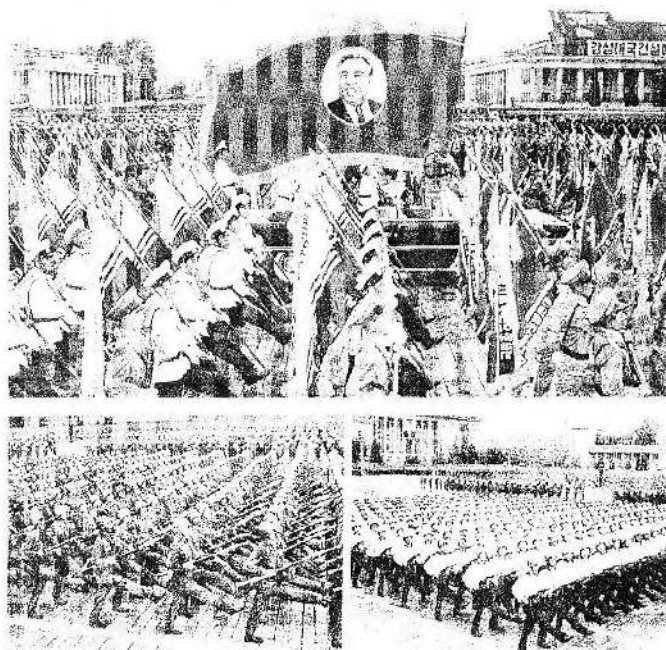

Рис. 6.7 Военный парад в честь 55-летия со дня основания ТПК (10 октября 2000 г., Пхеньян)

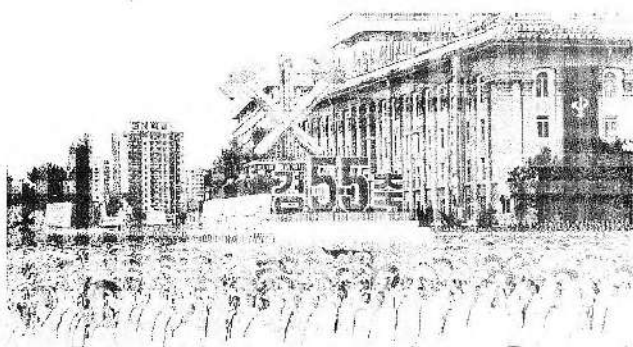

Рис. 6.8 Демонстрация трудящихся
(10 октября 2000 г., Пхеньян)

Рис. 6.10 Университет им. *Ким Ирсена*
(общий вид на кампус)

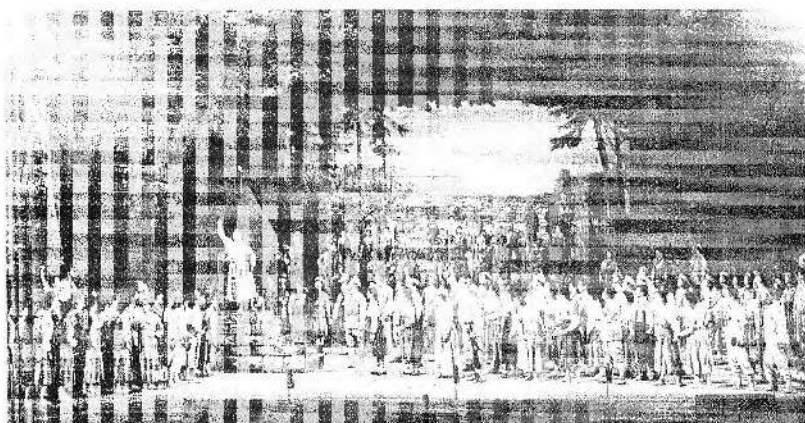

Рис. 6.12 Сцена из
революционной оперы
«Море крови»

Рис. 6.13 Революционная музыкально-хореографическая композиция *«Азалия Родины»*

Рис. 6.9 Студенческая молодежь
социалистической Кореи

Рис. 6.11 Патриарх северокорейской науки
академик *Ли Сынги*

Рис. 6.14 Современная реконструкция
когурёского танца (ансамбль *«Мансудэ»*,
1987 г.)

Рис. 6.15 Кадр из художественного фильма
«Остров Вольми»

Рис. 6.16 Кадр из художественного фильма
«Сказание о Чхунхяе»

◀ Рис. 6.17
Живопись
Ким Ёнджуна
(1957 г.)

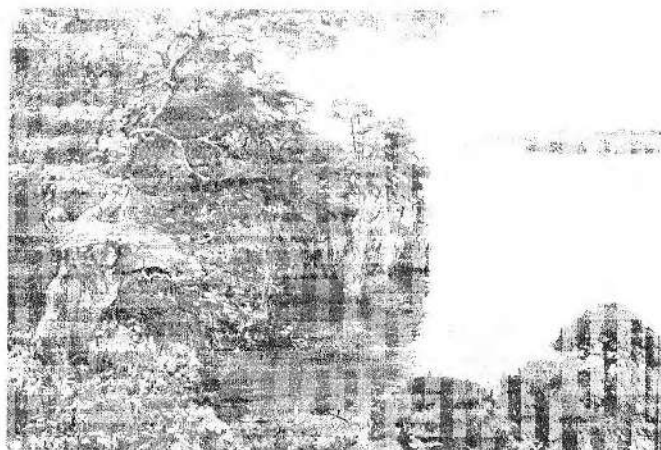

Рис. 6.18 Живопись Чон Гванчхольа
(1965 г.)

Рис. 6.19
Художественная
вышивка Ли Вонин
(1983 г.)

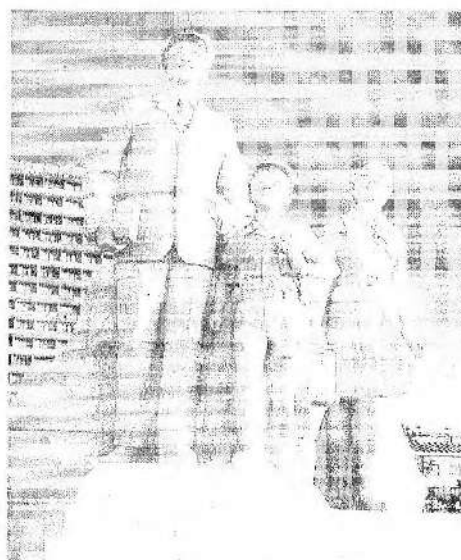

Рис. 6.20 Современная скульптура КНДР

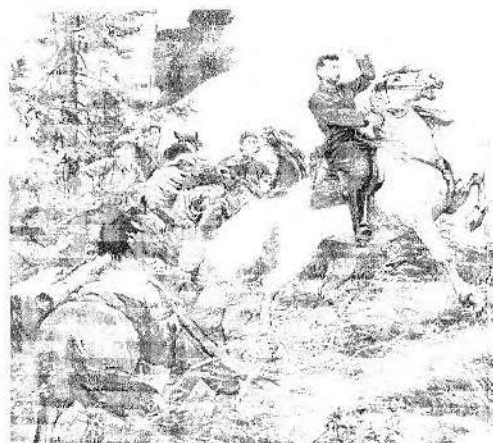
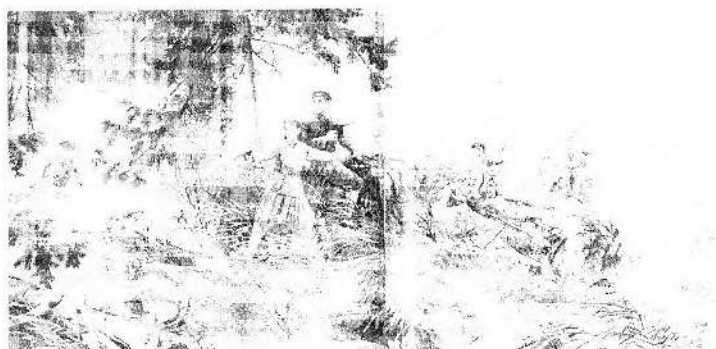

Рис. 6.21 Образ вождя в полотнах северокорейских художников

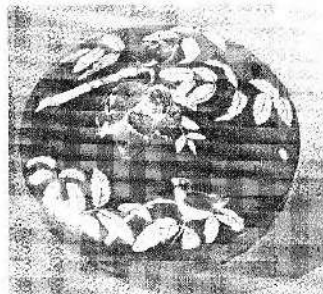
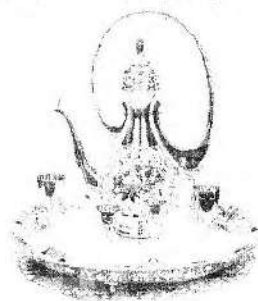

Рис. 6.22 Произведения мастеров декоративно-прикладного искусства КНДР

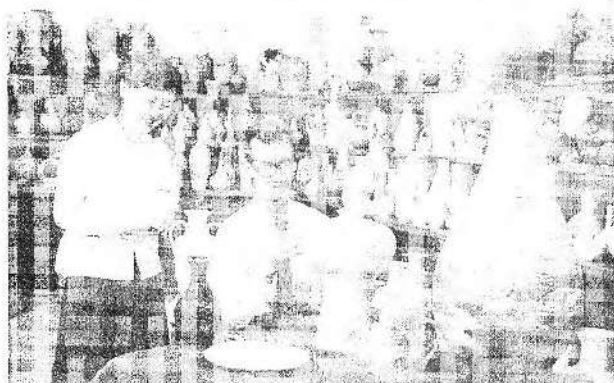

Рис. 6.23 Институт фарфора и керамики
(1986 г., Пхеньян)

Рис. 6.24 Символ Пхеньяна и «большого скачка» крылатый конь Чоллима

Рис. 6.25 Проспект Чоллима (начало 80-х гг. XX в., Пхеньян)

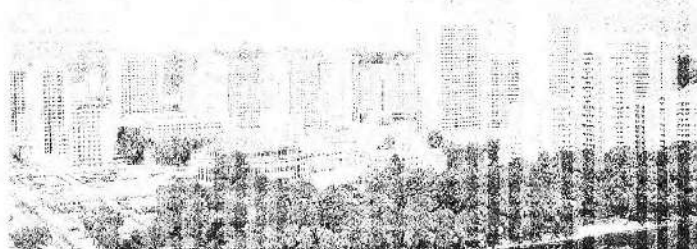

Рис. 6. 26 Микрорайон Мунсу (начало 90-х гг. XX в., Пхеньян)

Рис. 6.27 Железнодорожный вокзал (Пхеньян)

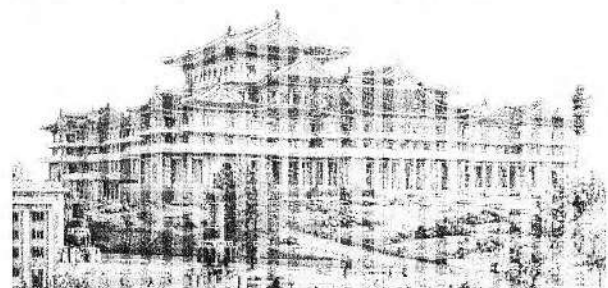

Рис. 6.28 Дворец народной учебы (1982 г., Пхеньян)

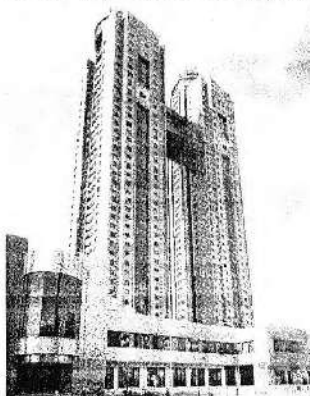

Рис. 6.29 Гостиница «Корё» (1986 г., Пхеньян)

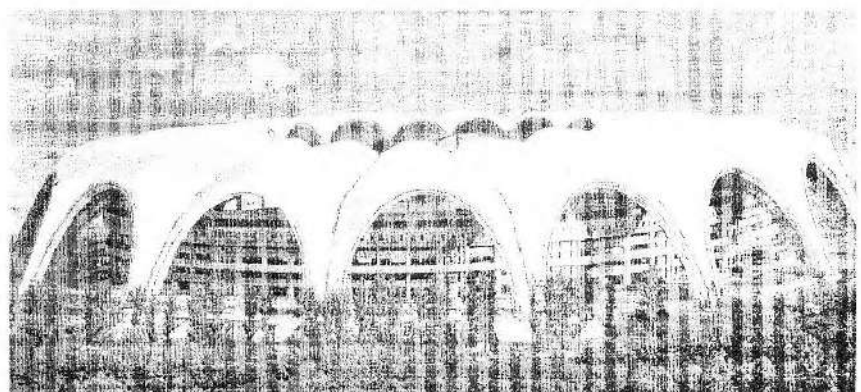

Рис. 6.30 Стадион Ныннадо (1988 г., Пхеньян)

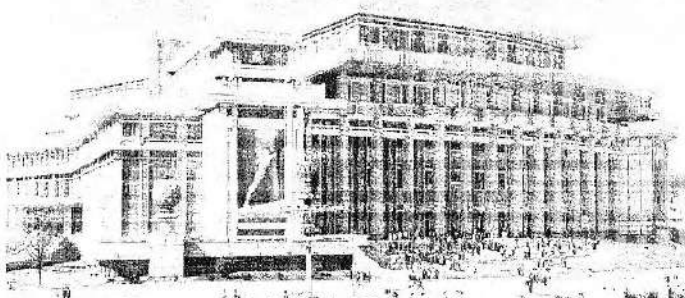

Рис. 6.31 Художественный театр (Хамхын)

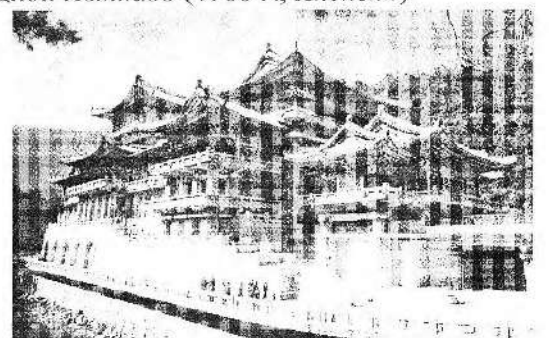

Рис. 6.32 Выставка дружбы народов (Механсан)

Рис. 6.33 Ворота Тэдонмун
(современная реконструкция, Пхеньян)

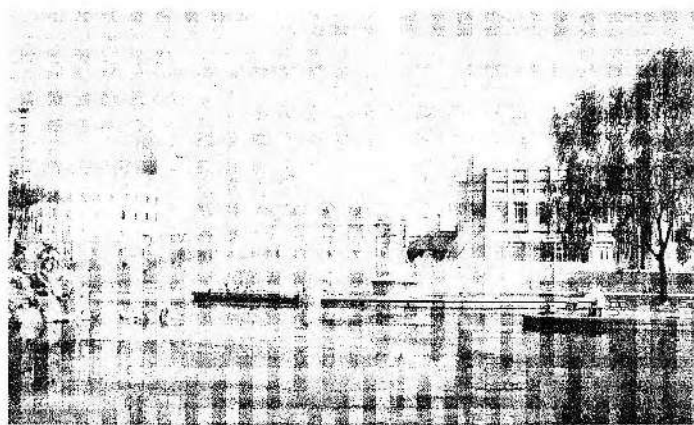

Рис. 6.34 Воднoспoртивный кoмплeкс Чхaнгвaнбoн
(Пхеньян)

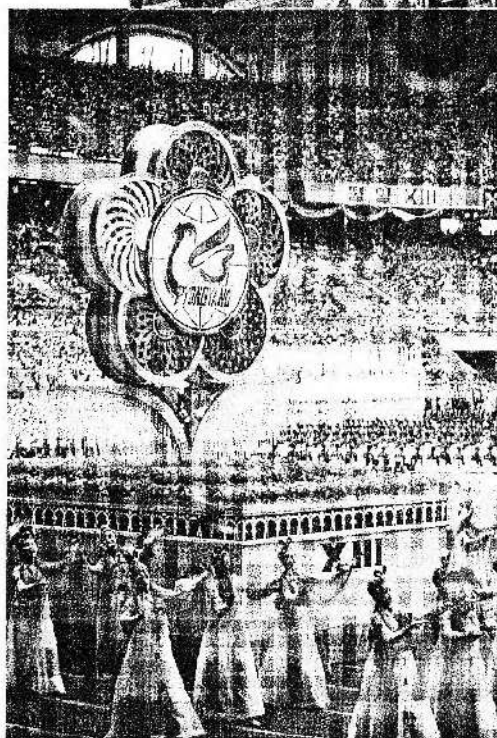
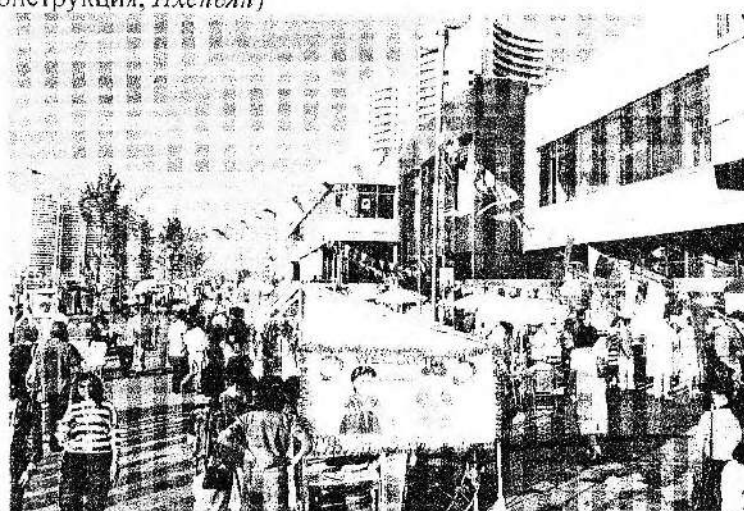

Рис. 6.35 «Пхеньянская весна» 1989 г. — XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов
(июль 1989 г., Пхеньян)

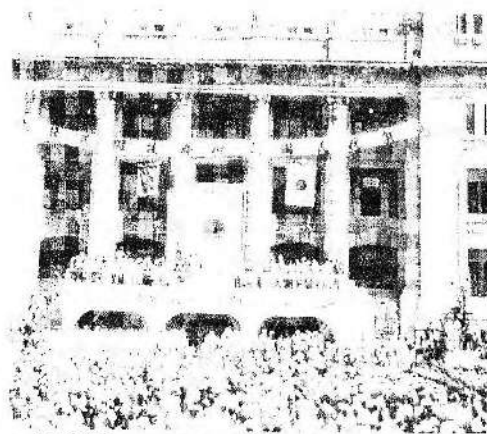

Рис. 6.36 Провозглашение Республики Корея
(15 августа 1948 г., Сеул)

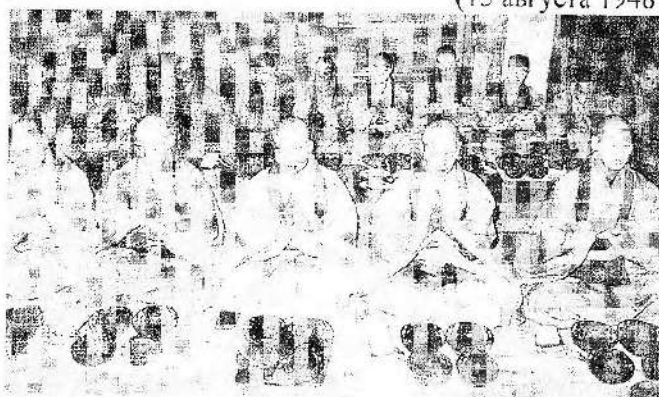

Рис. 6.37 Трапеза в буддийском монастыре

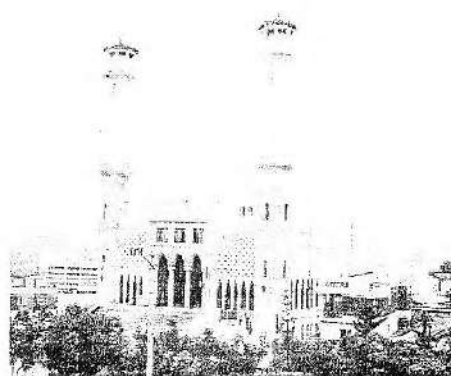

Рис. 6.38 Центральная мечеть
(Ёнсан, Сеул)

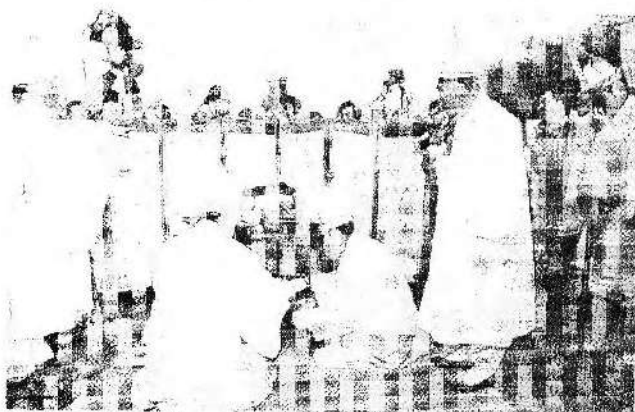
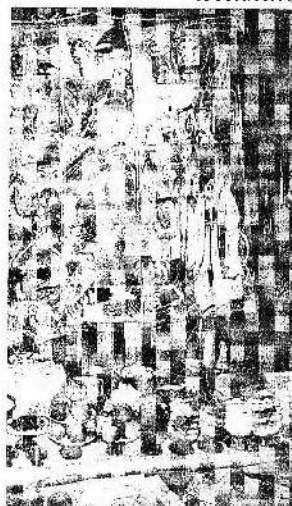

Рис. 6.39 Современные конфуцианские обряды: слева – жертвоприношение при выносе тела покойного, справа – ритуал поклонения поминальным дощечкам

◀ Рис. 6.40 Шаманский алтарь
с изображением духов гор,
даоских старцев и духа
полководца Чангусина

▶ Рис. 6.41 Обряд шаманского
камланья *кут*

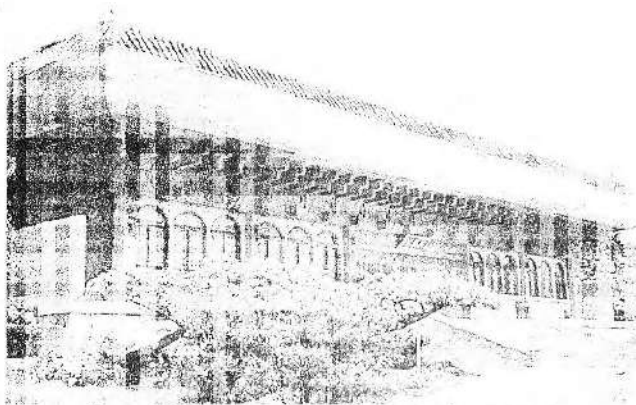

Рис. 6.42 Главный храм вон-буддизма
(Ири, Северная Чолла)

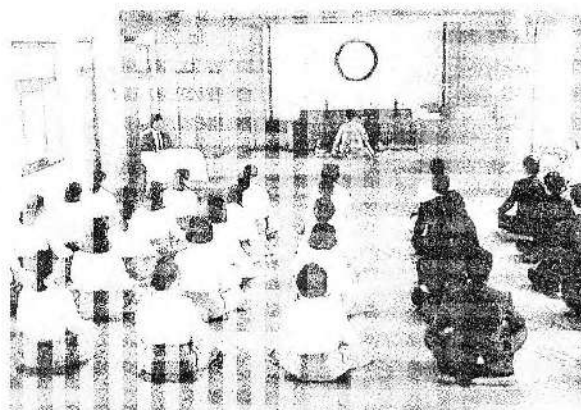

Рис. 6.43 Вон-буддийский ритуал медитации

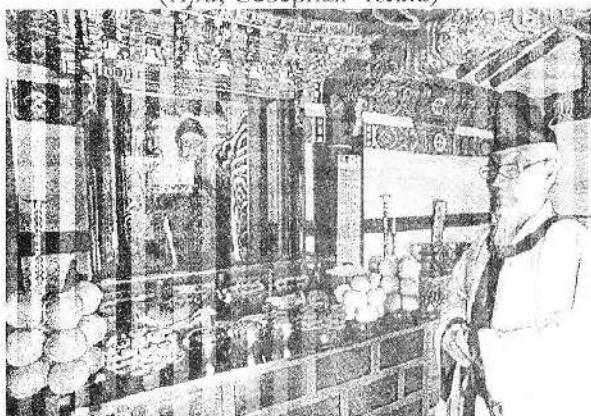

Рис. 6.44 Алтарь Тангуна в храме Тэджонгё

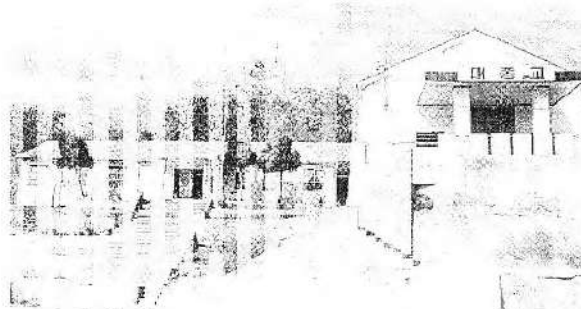

Рис. 6.45 Главный храм Тэджонгё
(Сеул)

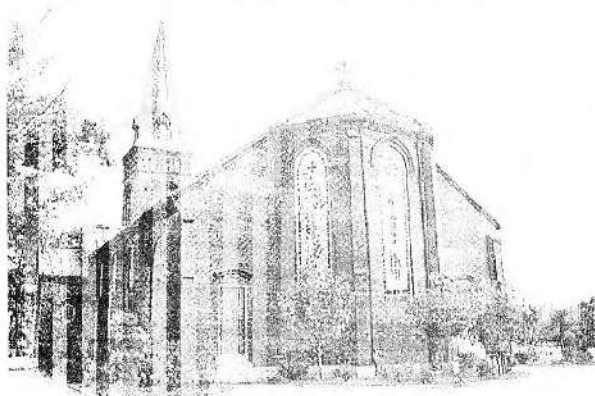

Рис. 6.46 Католический собор Якхён
(Сеул)

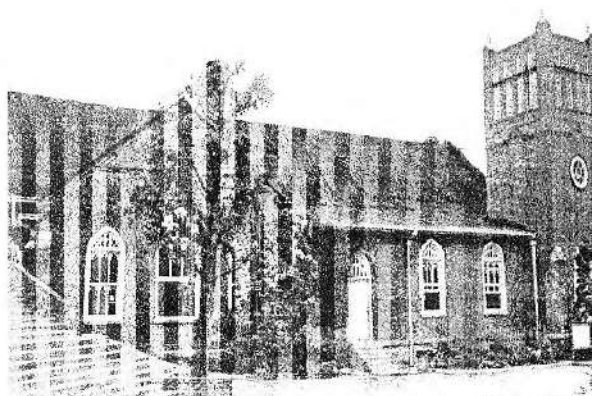

Рис. 6.47 Протестантская церковь Чоньдонъ
(Сеул)

Рис. 6.48 Католическая процессия

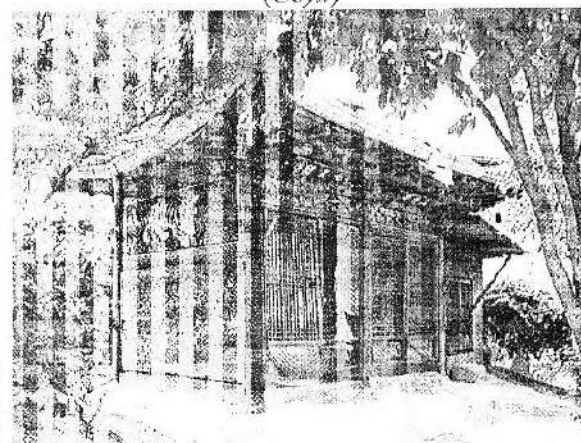

Рис. 6.49 Часовня в честь горных духов
(окрестности Сеула)

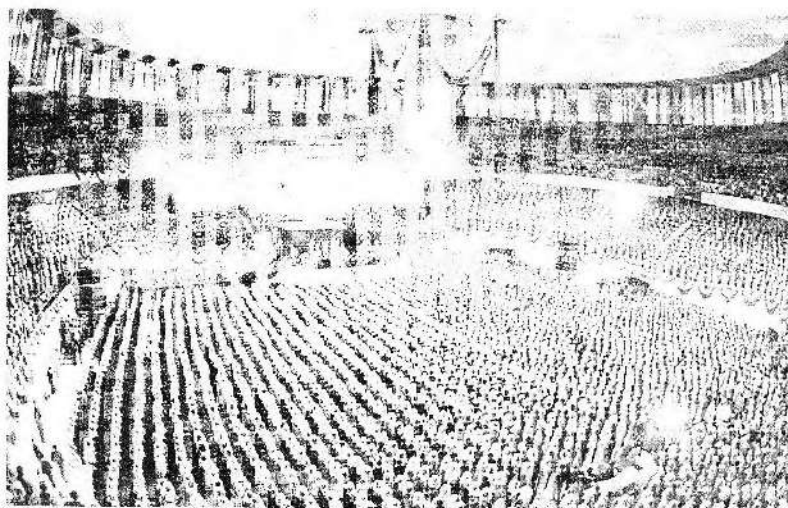

Рис. 6.50 Массовый молебен мунитов (Церковь объединения) во дворце спорта Чамеиль (1982 г., Сеул)

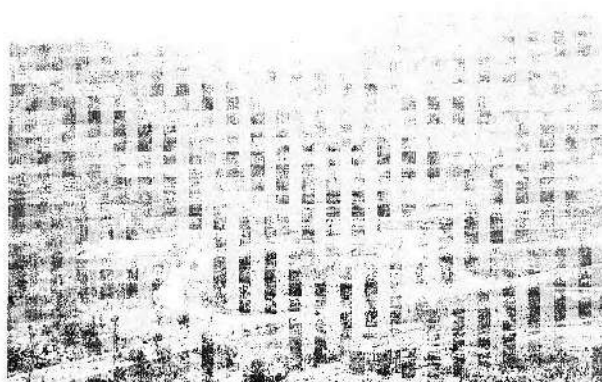

Рис. 6.51 Кампус Сеульского национального университета (Ксанак, Сеул)

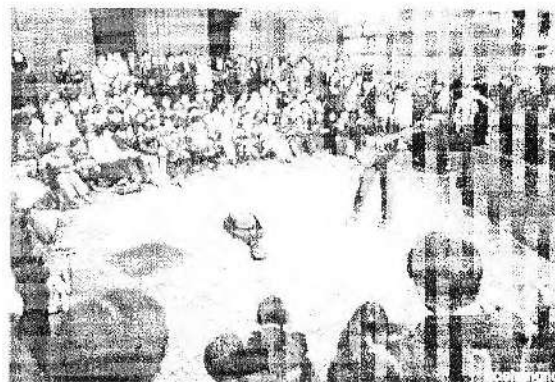

Рис. 6.52 Студенты Южной Кореи

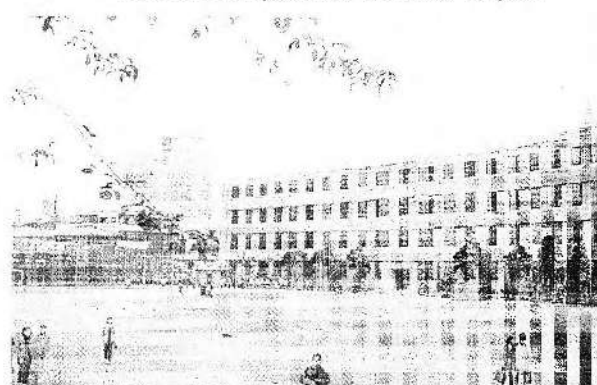
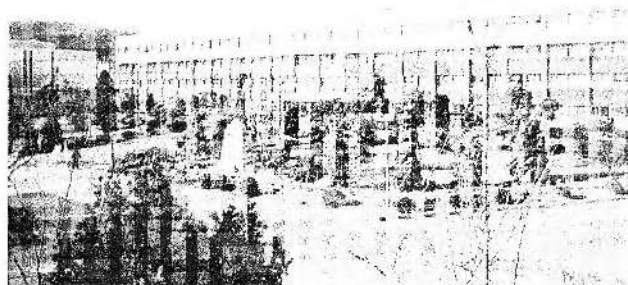

Рис. 6.53 Образовательные учреждения Республики Корея: слева — средняя школа высшей ступени, справа — начальная школа (Сеул)

Рис. 6.54 Учащаяся молодежь страны

Рис. 6.55 Открытие вещания Центрального телевидения Кореи (1969 г., Сеул)

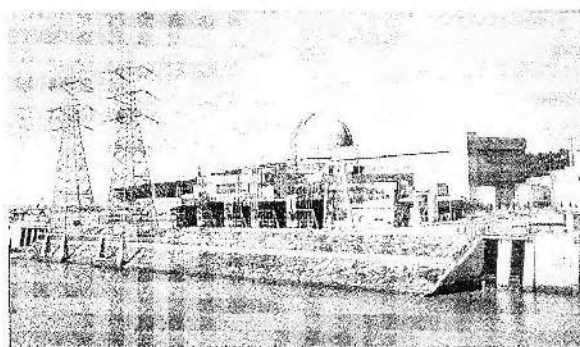

Рис. 6.56 Атомная электростанция (Ёнгван)

Рис. 6.57 Ведущие специалисты НИИ инженерных коммуникаций (1997 г., корпорация «Дэу»)

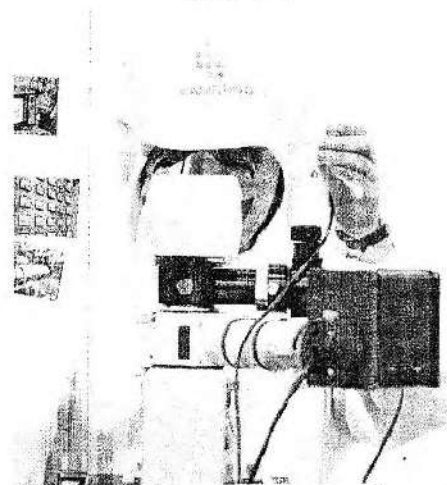

Рис. 6.58 Исследования в области полупроводников (1988 г., корпорация «Самсонъ»)

Рис. 6.59 Прозаик
Ан Сугиль
(1911 – 1977 гг.)

Рис. 6.60 Ветеран корейской литературы XX в. Ли Бомсон
(1920 – 1981 гг.)

Рис. 6.61 Поэт из группы сирхонхва Пак Инхван
(1926 – 1956 гг.)

Рис. 6.62 Поэт традиционного стиля Со Чхонджу

Рис. 6.63 Романист
И Мунёль

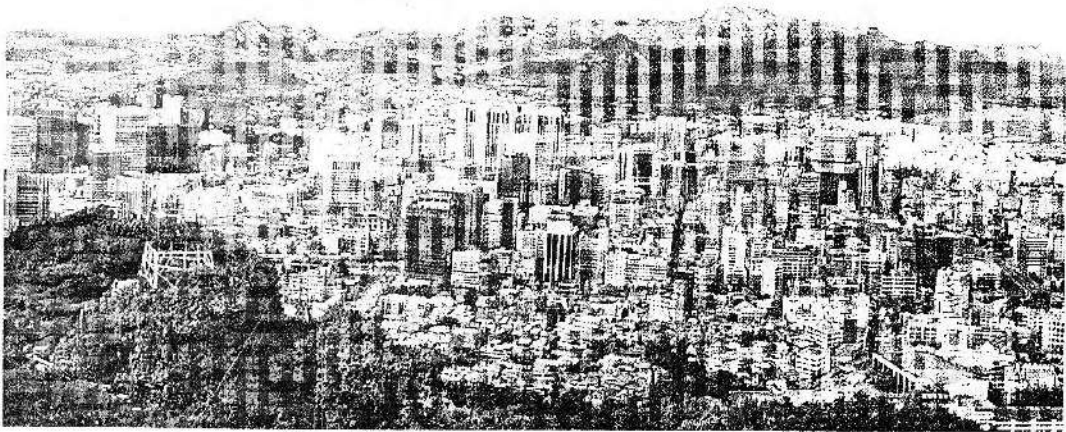

Рис. 6.64 Панорама современного Сеула

Рис. 6.65 Жилой микрорайон Сеула

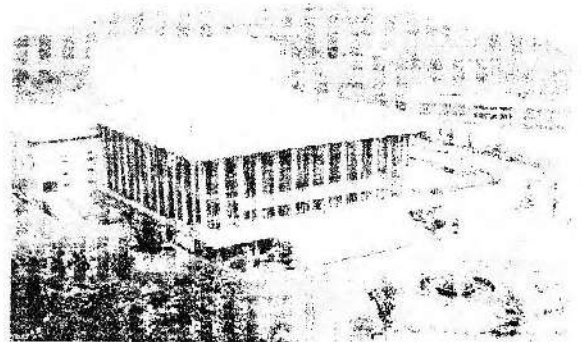

Рис. 6.66 Национальный театр (1972 г., Сеул)

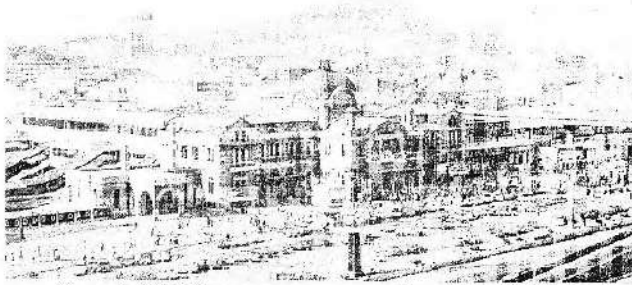

Рис. 6.67 Железнодорожный вокзал (Сеул)

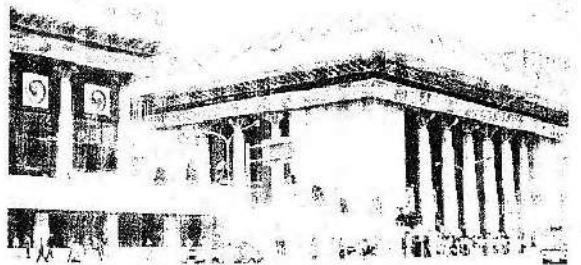

Рис. 6.68 Культурный центр им. короля Седжона (1976 г., Сеул)

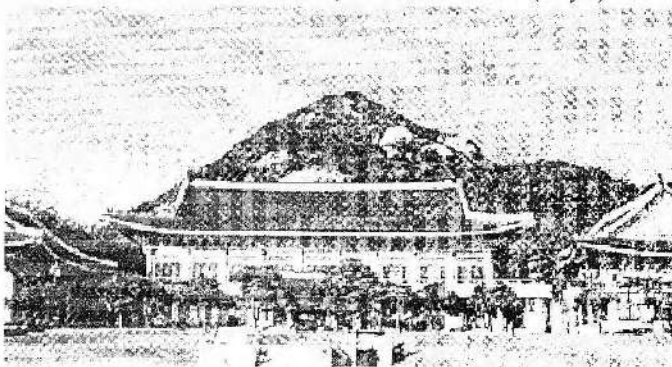

Рис. 6.69 Резиденция президента Республики Корея — Чхонъвадэ (Сеул)

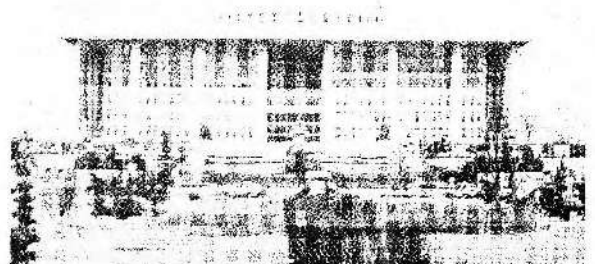

Рис. 6.70 Здание Национальной ассамблеи (начало 70-х гг., Сеул)

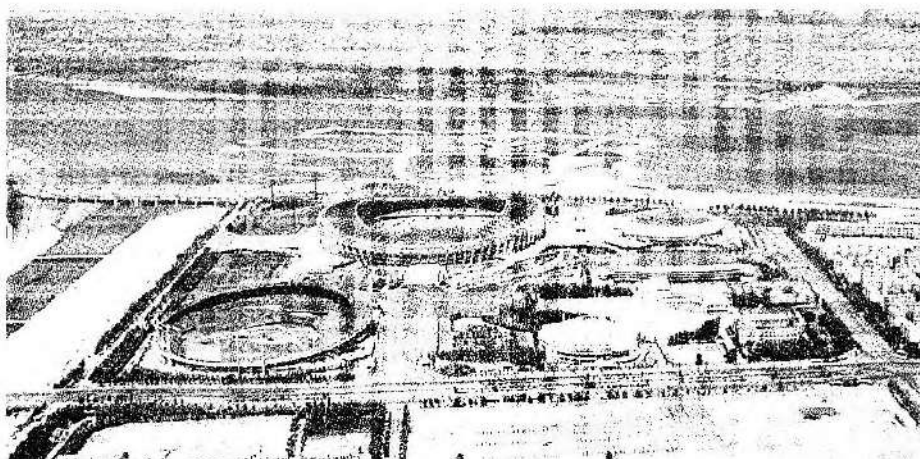
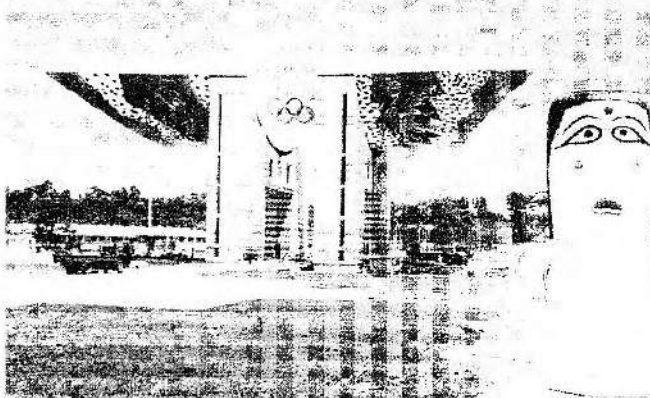
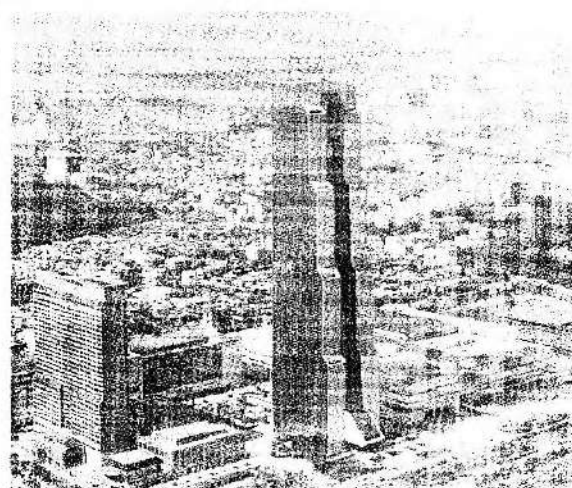

Рис. 6.71
Олимпийский комплекс
(1987 г., Чамсиль,
Сеул)

▲ Рис. 6.72 Врата мира (1988 г., Чамсиль, Сеул)

► Рис. 6.73 Корейский торговый центр
(Каннам, Сеул)

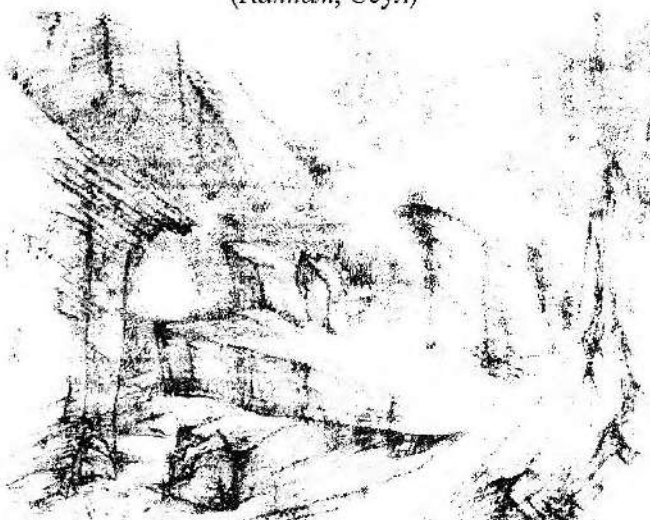

Рис. 6.74 Живопись Пён Квансика (1899 – 1976 гг.)

Рис. 6.75 Живопись Но Сухена

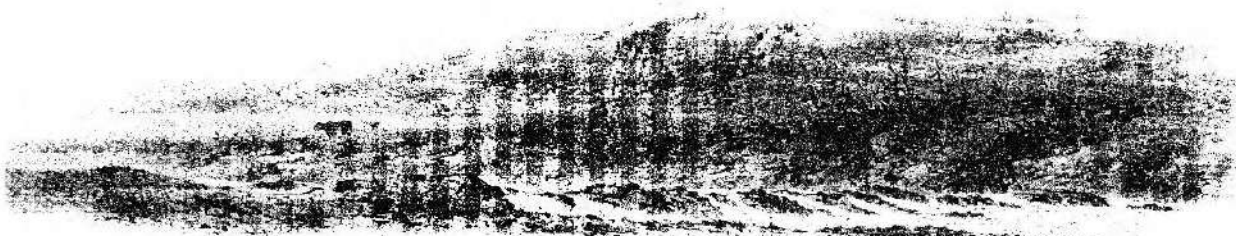

Рис. 6.76 Живопись Ли Санбома (1897 – 1971 гг.)

Рис. 6.76 Живопись Ко Хидона

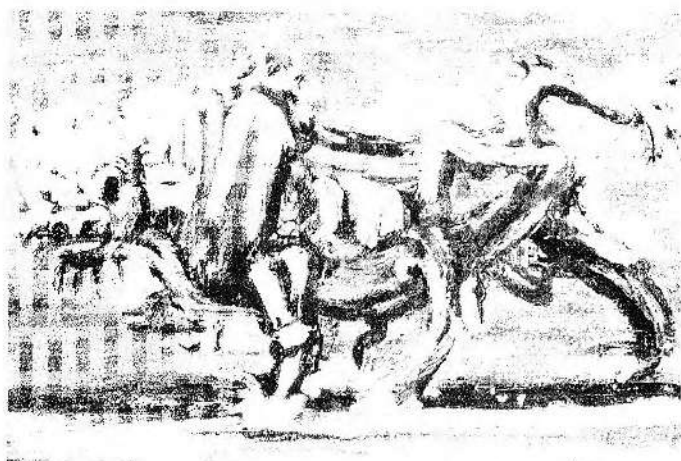

Рис. 6.77 Живопись Ли Джунсона

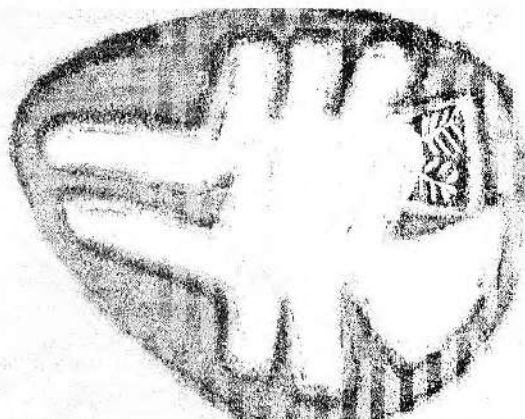

Рис. 6.78 Живопись Ким Вэнги (1913 – 1974 гг.)

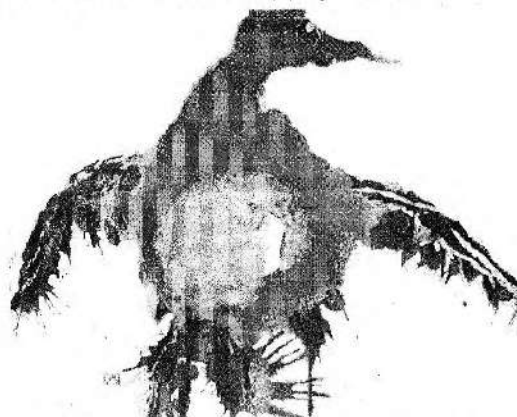

Рис. 6.79 Живопись Ким Гичана

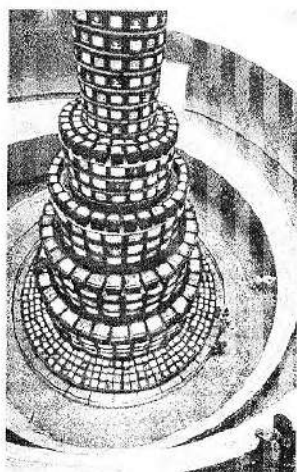
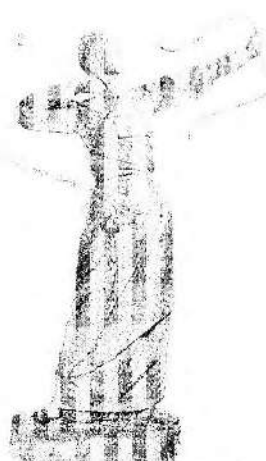
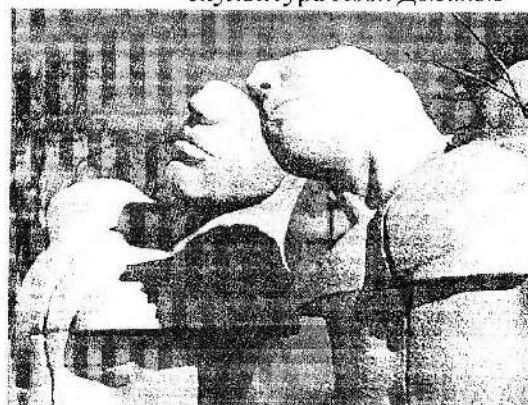
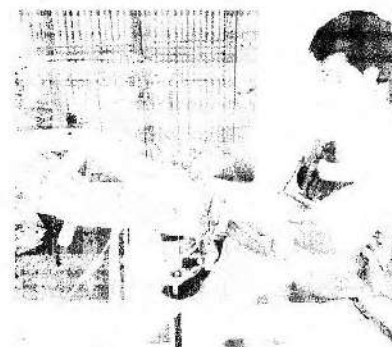
Рис. 6.80 Видеoinсталляция
Пак Намдэжуна

Рис. 6.81 Скульптура Юн Хёджуна

Рис. 6.82 Терракотовая
скульптура Квон Джингю◀ Рис. 6.83 Современная
конфуцианская скульптура –
памятник Квон Юлю
(Кёнгю)▶ Рис. 6.84 Новые формы
корейской скульптуры
(Олимпийский парк, Сеул)

▲
◀ Рис. 6.85 Возрожденные мастерами Южной Кореи национальные промыслы: керамика, ханджи, ткачество и плетение ▼

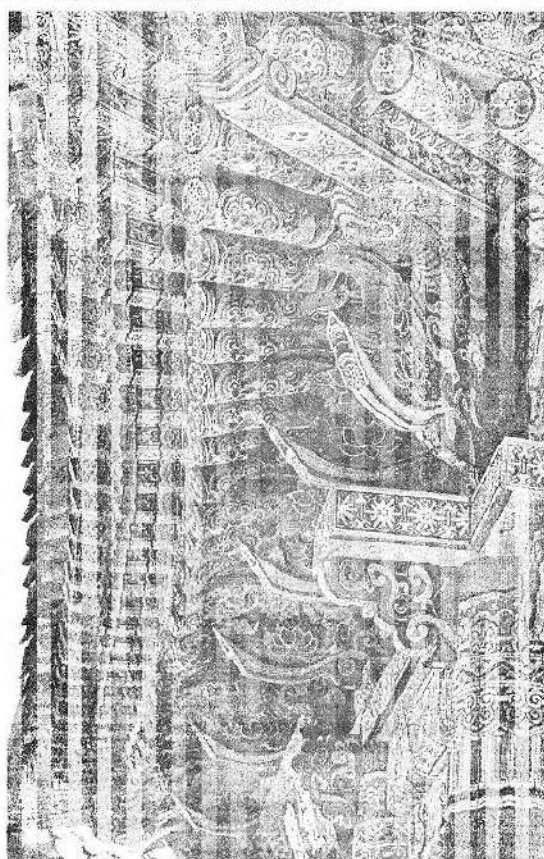

Рис. 6.86 Полихромная декоративная роспись *танчхон*

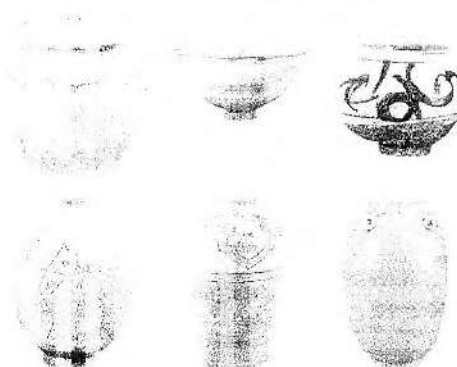

Рис. 6.87 Современная керамика *пунчхон*

Рис. 6.88 Ансамбль национальной музыки *кугак*

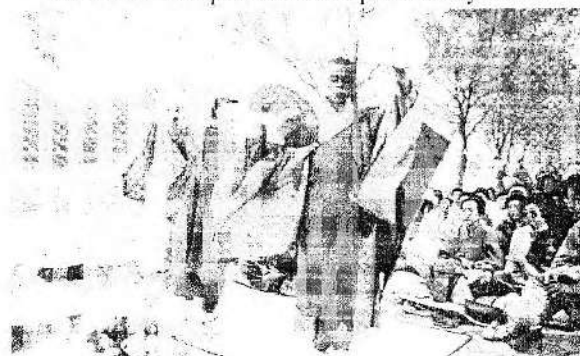

Рис. 6.89 Буддийские песнопения *полмхо*

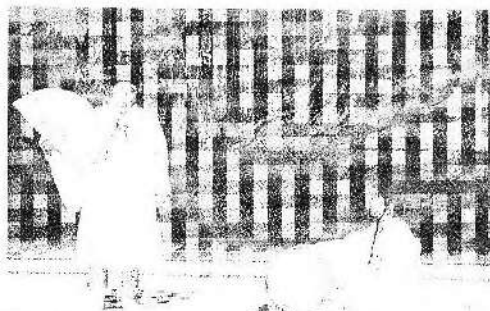

Рис. 6.90 Представление пхасори

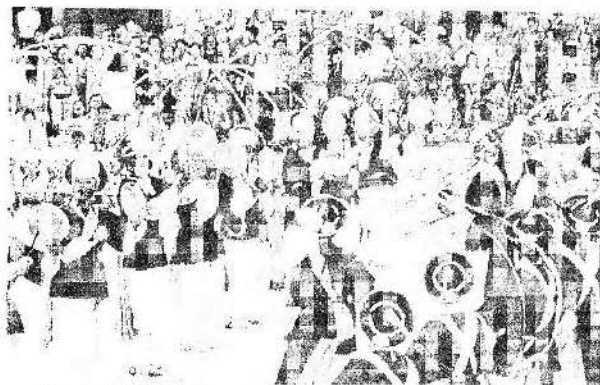
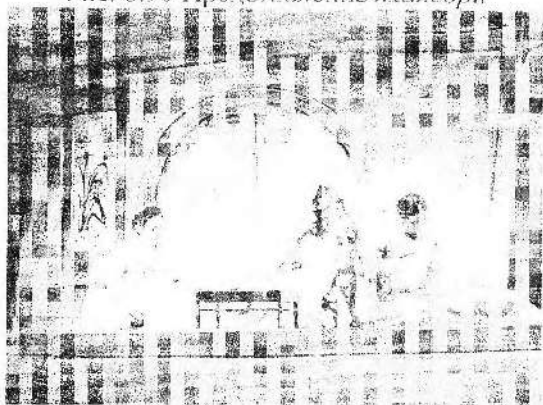

Рис. 6.93 Танцы и музыка в жанре пхьяк

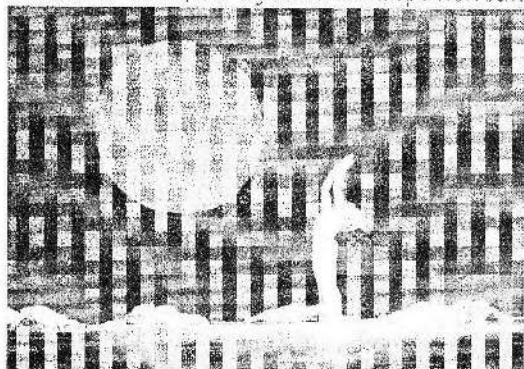

Рис. 6.95 Студия «нового корейского танца»

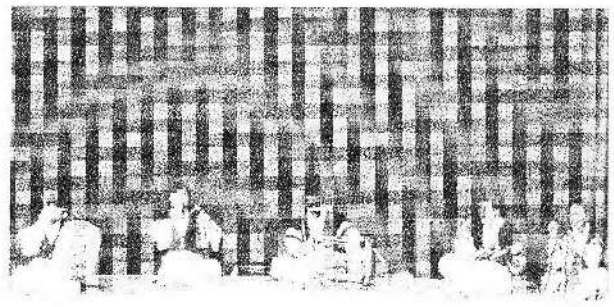
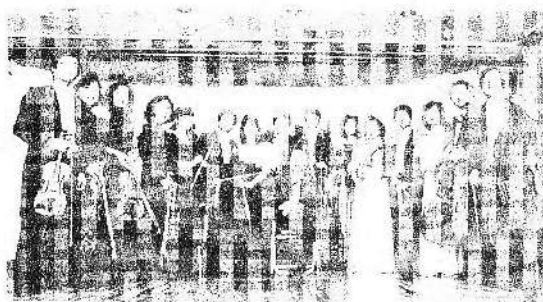
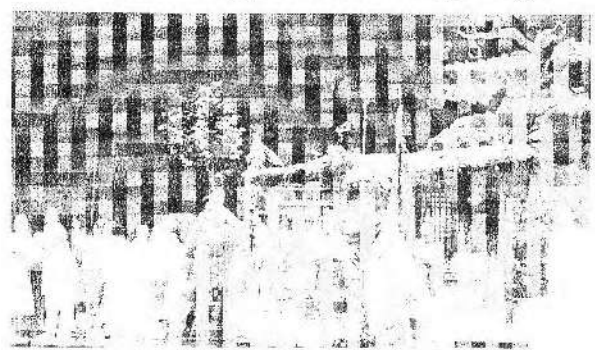

Рис. 6.91 Концерт ансамбля самуль нори

◀ Рис. 6.92 Сцены из хангык «Сказание о Чхунхян» (1982 г., Метрополитен опера)

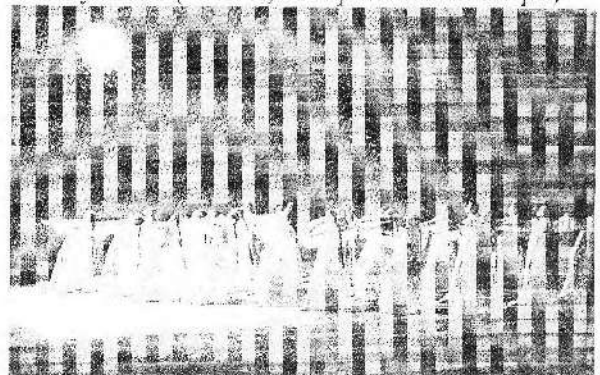

Рис. 6.94 Народный хоровод кангансулле

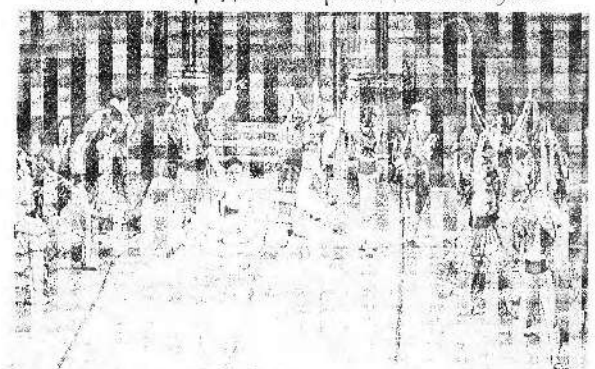

Рис. 6.96 Сеульская постановка балета «Дон Кихот»

◀ Рис. 6.97 Сеульский ансамбль «Барокко» (1966 г.)

▶ Рис. 6.98 Всемирно-известная пианистка Сара Чан

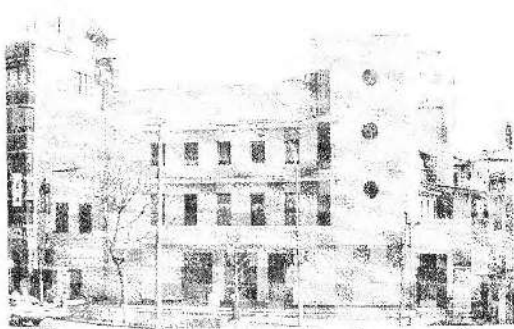

Рис. 6.99 Первый драматический театр «Гонъян» (Сеул)

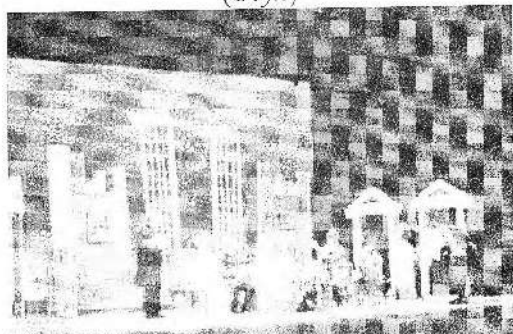

Рис. 6.101 Постановка пьесы Драйзера на сцене театра «Чаю» (1966 г., Сеул)

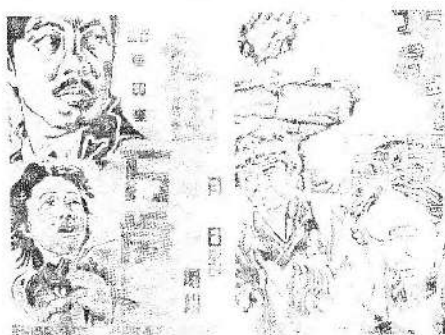

Рис. 6.103 Киноафиши 40-х гг.

Рис. 6.105 Слева – кадр из кинофильма «Адада» (режиссер – Им Гвонгэк), справа – режиссер Пэ Ёнгюн получает приз Международного фестиваля в Локарно за лучшую кинокартину («Почему бодидхарма пошел на Восток», 1989 г.)

Рис. 6.106 Кадр из кинофильма «Сонхёнджиг» (Им Гвонгэк, 1993 г.)

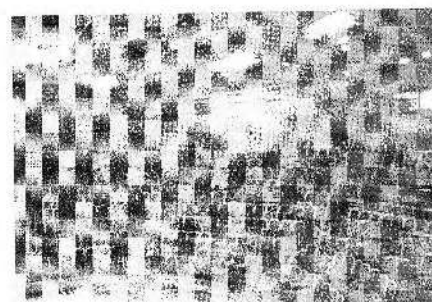

Рис. 6.100 Зрительный зал театра «Центр драмы» (Сеул)

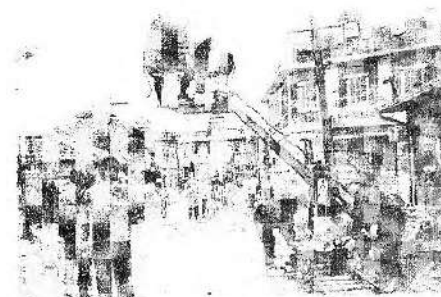

Рис. 6.102 Съемочная площадка студии «Гэхынъ» (пригород Сеула)

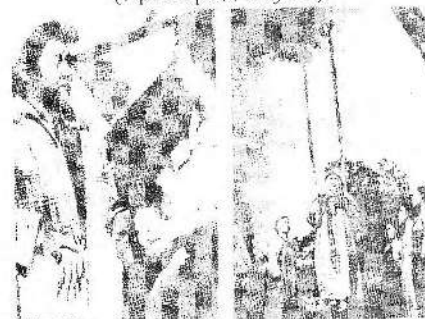
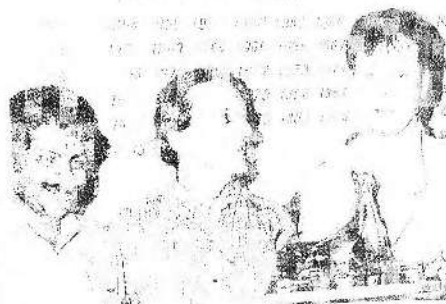

Рис. 6.104 кадры из фильмов 50-х гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
Ранняя культура Кореи	14
1.1 Культура первобытной Кореи (Палеолит. Неолит. Палеометалл. Культура <i>Лолан</i> Проблема Древнего Чосона. Первобытная культура. Первобытная техника и наука. Первобытная архитектура. Мифология и религиозные представления. Изобразительное и прикладное искусство)	15
1.2 Культура трех государств (Общие черты материальной культуры Самгук. Образование и наука. Заимствование религиозно-философских систем и идеологии. Художественная культура эпохи Самгук. Строительство и архитектура. Живопись и скульптура. Декоративно-прикладное искусство. Литература и музыкальная культура. Культурные связи трех государств)	26
1.3 Культура Объединенного Силла (Развитие духовной культуры Объединенного Силла. Религия, образование и идеология. Научное знание. Художественная культура Объединенного Силла. Литература. Музыкальная культура. Живопись, скульптура и каллиграфия. Архитектура. Декоративные ремесла. Культурные связи Объединенного Силла)	55
1.4 Бохайская культура (Образование, наука и литература. Архитектура, скульптура и изобразительное искусство)	66
2. Культура государства Корё	68
2.1 Борьба буддизма и конфуцианства за доминирующее положение в Корё	70
2.2 Наука и литература Корё (Наука и техника. Литература)	73
2.3 Корёское искусство (Архитектура. Храмовая архитектура. Погребальная архитектура. Светская архитектура и градостроительство. Живопись и скульптура. Живопись. Скульптура. Декоративно-прикладное искусство Корё. Фарфор и керамика. Художественная работа по металлу и ювелирные изделия. Лаковые изделия. Корёская музыкальная культура)	75
2.4 Культурные связи Корё	86
3. Культура государства Чосон (XV – XVIII вв.)	88
3.1 Культура XV – XVI вв. (Идеология и философия корейского общества XV – XVI вв. Развитие научно-технической мысли и естествознания. Просвещение и система образования. Литература. Изобразительное искусство. Архитектура и градостроительство. Прикладное искусство. Театр и музыкальная культура. Театральное искусство. Музыкальная культура)	89
3.2 Культура XVII – XVIII вв. (Идеологическая борьба в XVII – XVIII вв. Влияние сирхак на развитие науки и культуры. Знакомство корейского общества с западной культурой и христианством. Литература, зрелищное и изобразительное искусство. Литература. Зрелищные искусства. Изобразительное искусство. Архитектура и прикладное искусство)	104
3.3 Культурные связи государства Чосон	115
4. Культура Кореи в XIX – начале XX в.	117
4.1 Идеология и религия в корейском обществе в XIX – начале XX в.	118
4.2 Распространение современных научно-технических, общественно-политических представлений и образования	122
4.3 Духовная культура и изобразительное искусство (Литература. Музыка, театр и драматургия. Живопись. Прикладное искусство и архитектура)	126
5. Культура колониальной Кореи (1910 – 1945 гг.)	130
5.1 Просветительство и образование в колониальный период	132
5.2 Новые тенденции в религиозной жизни	133
5.3 Научная мысль в колониальной Корее	134
5.4 Литература колониальной Кореи	135
5.5 Драматическое и изобразительное искусство	136
5.6 Архитектура	137
6. Культура Кореи во второй половине XX в.	138
6.1 Современная культура КНДР (Идеология, образование и религия. Наука. Литература и искусство. Архитектура)	139

6.2 Современная культура Республики Корея (Религиозный фактор в современной культуре Республики Корея. Наука и образование. Литература. Архитектура. Изобразительное искусство. Декоративно-прикладное искусство. Музыкальная культура и хореография. Театр и кинематограф)	147
---	-----

Заключение	160
-------------------------	------------

Список использованной литературы.....	162
--	------------

Указатель имен, названий и понятий	164
---	------------

Иллюстрации	179
--------------------------	------------

CONTENTS

Foreword	5
Introduction	7
1. Prehistoric and Early Culture of Korea	14
1.1 Culture of Prehistoric Korea (Paleolithic period. Neolithic period. Period of Paleometal. <i>Culture of Lo-lang (Nangnang). Problem of Old Choson. Primitive Culture. Primitive Engineering and Science. The Primitive Architecture. Mythology and Religions. Fine and Applied Art</i>).....	15
1.2 Culture of Three Kingdoms (Common Features of Samguk's Material Culture. Education and Science. Drawing of Religious-Philosophic Systems and Ideology. Samguk's Fine Art Culture. <i>Construction and Architecture. Painting and Sculpture. Decorative-Applied Art. The Literature and Musical Culture. Cultural Relations of Three Kingdoms</i>).....	26
1.3 Culture of Unified Silla. (Development of Spiritual Culture in Unified Silla. <i>Religion, Education and Ideology. Scientific Knowledge. Art Culture of Unified Silla. Literature. Musical Culture. Painting, Sculpture and Calligraphy. Architecture. Decorative Crafts. Cultural Relations of Unified Silla</i>).....	55
1.4 Parhae Culture (<i>Education, Science and Literature. Architecture, Sculpture and Fine Art</i>).....	66
2. Culture of Koryo State	68
2.1 Struggle of Buddhism and Confucianism for a Leading Position in Koryo.....	70
2.2 Koryo Science and Literature (<i>Science and Engineering. Literature</i>).....	73
2.3 Koryo Art (<i>Architecture. Architecture of Temples. Funeral Architecture. Secular and Town Architecture. Painting and Sculpture. Painting. Sculpture. Decorative-Applied Art of Koryo. Porcelain and Ceramics. Art of Metal and Jeweler Items. Lacquer Items. Musical Culture of Koryo</i>).....	75
2.4 Cultural Relations of Koryo.....	86
3. Culture of Choson State (XV - XVIII centuries)	88
3.1 Culture of XV - XVI centuries. (Ideology and Philosophy of Korean Society in XV - XVI centuries. Development of Technical and Natural Sciences. Development of Educational System. Literature. Fine Art. Architecture and Town-Planning. Applied Art. Theatre and Musical Culture. <i>Theatre. Musical Culture</i>).....	89
3.2 Culture of XVII - XVIII centuries. (Ideological Struggle in XVII - XVIII centuries. Influence of Sirhak on Development of Science and Culture. Acquaintance of the Korean society to Western Culture and Christianity. <i>Literature, Entertainment and Fine Art. Literature. Entertainment. Fine Art. Architecture and Applied Arts</i>).....	104
3.3 Cultural Relations of Choson State.....	115
4. Korean Culture in XIX - beginning of XX century	117
4.1 Ideology and Religion in Korea in XIX - beginning of XX century.....	118
4.2 Distribution of Modern Science, Technical and Political Knowledge and Education.....	122
4.3 Spiritual Culture and Fine Arts (<i>Literature. Music, Theatre and Dramatic Art. Painting. Applied Art and Architecture</i>).....	126
5. Culture of Colonial Korea (1910 - 1945)	130
5.1 Educational Activities in Colonial Period.....	132
5.2 New Tendencies in Religious Life.....	133
5.3 Science in Colonial Korea.....	134
5.4 Literature of Colonial Korea.....	135
5.5 Drama and Fine Arts.....	136
5.6 Architecture.....	137
6. Korean Culture in Second Half of XX century	138
6.1 Modern Culture of North Korea (Ideology, Education and Religion. Science. Literature and Art. Architecture).....	139
6.2 Modern Culture of South Korea (Religious Factor in Modern Culture of South Korea. Science and Education. Literature. Architecture. Fine Arts. Decorative-Applied Art. Musical Culture and Choreography. Theatre and Movies).....	147
Conclusion	160
Literature and Sources	162
Index	164
Illustration	179

Учебное пособие

Толстокулаков Игорь Анатольевич

**ОЧЕРК
ИСТОРИИ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Литературный редактор *Л. Е. Кириллова*
Технический редактор *Л. М. Гурова*
Художественное оформление *А. В. Косенко*
Компьютерная верстка *Л. Н. Самохваловой*

Подписано в печать 11.02.2002.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 27,67. Уч.-изд. л. 25,3.
Тираж 1000 экз. Заказ № 47

Издательство Дальневосточного университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического комплекса ДВГУ
690950, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56.

